ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

№ 11.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

Въ типографіи А. Моригкровскаго, въ Троицкомъ переулкѣ, домъ Гасск.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 ноября 1867 года.

ПРИЗРАКИ И ЖИЗНЬ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Дорогой другъ, созданный моимъ воображеніемъ изъ видѣннаго и слышаннаго въ мірѣ,—грустно мнѣ становится записывать твою безотрадную судьбу; больно переживать съ тобою дни нещаднаго гнета обстоятельствъ, такъ настойчиво подавляющихъ твою внутреннюю самобытность. Не успѣла твоя мысль развиться, какъ уже между нею и міромъ ложится туманъ предубѣжденій; и напрасно глядятъ твои свѣтлыя очи, напрасно долетаютъ до твоего слуха вопли дѣйствительности; не можешь ты здраво взглянуть на людей и природу, не умѣешь внимать имъ, не искажая въ своей головкѣ ихъ безъискуственной рѣчи... Бѣдный другъ, какъ охотно бы я тотчасъ приступилъ къ разсказу о твоемъ освобожденіи отъ лжи отвлеченностей; но не въ моей власти вырвать мрачную страницу изъ исторіи пережитаго тобою; не могу я пропустить ни строки изъ того, что обстоятельства вписали въ твою жизнь для образованія твоего нравственнаго и умственнаго богатства. Врядъ ли поэтъ, стоящій на ступени современнаго развитія, еще допуститъ себя до вполнѣ произвольнаго творчества, до идеальныхъ картинъ, для воплощенія любимой мечты самодовольно набросанныхъ несоединимыми, разрозненными въ дѣйствительности чертами. Современный писатель — слуга дѣйствительности. Грустна ли, отрадна ли она, разъ взяв-

шись за ея изложеніе, писатель не можетъ отступить отъ нея ради собственнаго золотаго сна. Шагъ за шагомъ долженъ онъ слѣдить за нею, и, не рисуясь передъ читателемъ своими пигмейскими мечтами, раскрыть, насколько съумѣетъ, самыя живыя черты человѣческой жизни, ихъ источникъ и значеніе... И благо ему, если онъ выполнитъ эту задачу. Для человѣчества одна страница — снятая съ дѣйствительности — пригоднѣе тома мечтаній. И я, взявъ перо, насколько могъ отдался служенію истинѣ; — досказывайся же, грустная страница!

Ольга все болѣе и безотчетнѣе приближалась къ мысли о поступленіи въ монастырь. Дальнѣйшія обстоятельства неутомимо развивали въ ней тоже направленіе. Недѣли двѣ спустя послѣ посѣщенія Лавинскихъ, Аполинарія получила отъ Ольги письмо, которое передаю безъ измѣненій:

„Ради Бога пріѣзжайте скорѣе. Мать простудилась, больна, „очень больна. Я послала въ городъ, въ Головинское, чтобы до„быть кого нибудь изъ докторовъ. Пишу и въ Дубровки къ Марьѣ „Михайловнѣ. Ей нельзя не написать, но ея присутствіе въ горѣ „или въ заботѣ только помѣха;—помощи, успокоенія, совѣта отъ „нея нѣтъ. Потому жду васъ непремѣнно. Пожалуйста, дорогая, „пріѣзжайте скорѣе, скорѣе.“

Ольга Лавинская.

Куренки.

— „Господи сохрани!“ прошептала Аполинарія, прочитавъ записку; потомъ взяла со стола шапку и выйдя изъ кельи, прямо направилась къ игуменскимъ покоямъ.

— „Благословите, матушка, въ Куренки. Наталья Михайловна очень заболѣла;“ просила она у настоятельницы.

— „Слышала, слышала,“ съ участіемъ отвѣчала игуменья.

— „Отъ кого, матушка?“

— „Да Владиміръ Степановичъ сейчасъ былъ, пошелъ теперь въ больницу, оттуда хотѣлъ къ вамъ зайти.“

— „Такъ я, матушка, сейчасъ сама въ больницу забѣгу... а съѣздить благословите?“

— „Богъ благословитъ. Ступайте, матушка, ступайте, напут-

ствуй васъ благодать Господня, нашъ долгъ христіанскій немощныя навѣщать... Будетъ оказія дайте знать пожалуйста, лучше ли больной..."

Аполинарія послѣ новыхъ поклоновъ вышла и поспѣшила въ больницу. На крыльцѣ встрѣтилъ ее Кирилинъ.

— „А я къ вамъ шелъ," сказалъ онъ, увидавъ Аполинарію. „Наталья Михайловна очень пездорова; сейчасъ ѣду въ Куренки, хотѣлъ и васъ съ собою взять... вы..."

— „Слышала я, Владиміръ Степановичъ," перебила его монастырка, „писала мнѣ Олинька. Поѣдемте, поѣдемте, сейчасъ, только кое-что захвачу въ кельѣ. А что съ ней, не знаете?"

— „Не знаю: я только-что получилъ записку, я на куренковскихъ лошадяхъ и сюда-то заѣхалъ. У кучера распрашивалъ; какъ онъ разсказываетъ, нехорошо.

— „Спаси Господи..."

Разговаривая, собесѣдники дошли до кельи Аполинаріи. Напуганная монастырка собралась на скоро, и не прошло десяти минутъ, какъ она съ докторомъ отъѣхала отъ ограды.

II.

Въ Куренкахъ Кирилина встрѣтило зловѣщее затишье: безъ удали подъѣхалъ кучеръ къ барскому дому, еще за околицей подвязавъ колокольчикъ, безъ шума и приговорокъ остановилъ онъ у подъѣзда усталую тройку, безъ обычной суеты встрѣтилъ гостей и растрепанный мальчишка—слуга Лавинскихъ; все, казалось, задумалось передъ напоминаніемъ о концѣ человѣка. Тихо прошли пріѣзжіе черезъ залу, гостиную... вотъ комната Натальи Михайловны. Сторы, занавѣски спущены, скромный полусвѣтъ лампады, затепленной передъ иконами, едва освѣщаетъ печальную картину. Старушка лежитъ въ забытьѣ; у ногъ ея сидитъ Ольга, наклонясь къ больной, и пристально вглядываясь въ черты, проведенныя страданіемъ на миломъ лицѣ; Ольга будто сторожила: не выразятъ ли онѣ какого

нибудь желанія—послѣдняго призрака не вполнѣ угасшей энергіи жизни—или нельзя ли чѣмъ нибудь облегчить одолѣвающую муку. Владиміръ Степановичъ и Аполинарія вошли, незамѣченные Ольгой. Монахиня вывела ее изъ забвенія, тихо дотронувшись до ея плеча. Ольга осторожно встала, уступая мѣсто доктору. Кирилинъ ощупалъ пульсъ больной, прислушался къ дыханію... Ольга не спускала съ него глазъ. Кирилинъ былъ покоенъ, но видимо озабоченъ. Двѣ, три минуты спустя онъ вышелъ въ залу; Ольга послѣдовала за нимъ. Докторъ внимательно распросилъ о первыхъ признакахъ болѣзни, о томъ, чѣмъ сначала жаловалась и т. д. Ольга отвѣчала, продолжая наблюдать за Владиміромъ Степановичемъ, стараясь угадать его надежды и опасенія.

— „Что же?“ спросила она наконецъ.

— „Посмотримъ,“ неопредѣленно отвѣчалъ Кирилинъ и крѣпко, съ участіемъ пожалъ руку Ольги. Старушка лежала при смерти, надежды на ея спасеніе не было никакой; Владиміръ Степановичъ хотѣлъ приготовить Ольгу къ новому удару. Онъ однако прописалъ два рецепта и отправилъ нарочнаго въ головинскую аптеку; покуда же сталъ приготовлять какое-то снадобье изъ захваченныхъ съ собою медикаментовъ. Ольга, еще болѣе задумчивая чѣмъ прежде, возвратилась къ больной. Аполинарія вышла въ залу.

— „Что?“ спросила она въ свою очередь у Кирилина.

— „Съ вами, матушка, можно говорить откровенно,“ отвѣчалъ онъ; „надежды мало; врядъ ли Наталья Михайловна проживетъ до завтра; легкіе едва дѣйствуютъ, слышите какое тяжелое дыханіе; приготовьте Ольгу Дмитріевну.

Аполинарія медленно перекрестилась. Глубоко запала ей на душу тяжелая вѣсть.

— „Никакой надежды?“ переспросила она еще разъ, не вѣря предстоящей бѣдѣ, будто надѣялась, что Кирилинъ преувеличиваетъ, ошибается или что ее обманулъ собственный слухъ.

— „Докторъ долженъ надѣяться до послѣдняго вздоха,“ отвѣчалъ Владиміръ Степановичъ, „но, признаюсь, оживи Наталья Михайловна—это было бы чудомъ.“

— „Господи помилуй. Такъ ее бы хоть исповѣдать да причастить.“

— „Не испугать бы больную?“

— „Что это вы, Владиміръ Степановичъ, полноте! Или вы не знаете Наталью Михайловну; какъ скоро она почувствуетъ, что пришелъ конецъ, она, можетъ быть, не будетъ въ состояніи сказать ничего, а до послѣдней минуты сознанія прострадаетъ и проскорбитъ, что преставится не сподобившись св. тайнъ...“

— „Это вамъ лучше знать.“

— „Да, я такъ скажу: Владиміръ Степановичъ молъ увѣряетъ, что надежда на выздоровленіе есть, но на всякій случай отъ себя совѣтую исполнить христіанскій долгъ; вѣдь и Наталья Михайловна также какъ и я полагаетъ, что отъ этого зла быть не можетъ.“

— „И Ольгѣ Дмитріевнѣ скажите также.“

— „Хорошо. Только бы больная изъ забытья-то вышла.“

— „Послѣ этого лекарства силы нѣсколько возбудятся. Пошлите покуда за священникомъ; пусть подождетъ здѣсь удобной минуты.“

— „Пошлю, пошлю... Господи, твоя воля.“

Аполинарія вышла. Кириллъ возвратился къ больной. Ольга и по озабоченному лицу его при первомъ осмотрѣ и по выразительному рукопожатію заподозрила истину. Докторъ засталъ ее на колѣняхъ у постели, взоръ ея былъ прикованъ къ старушкѣ, но на глазахъ ни слезы; только крайняя блѣдность выражала глубину внутренней скорби и заботы. Вскорѣ Аполинарія вызвала Ольгу и со всѣми предосторожностями разсказала, что послала за священникомъ.

Бѣдная дѣвушка спокойно выслушала горькую вѣсть, только глаза ея на минуту какъ бы стали неподвижны, потомъ она покачала головой, будто ощущая, что на мозгъ легла новая тяжесть, провела рукой по лбу и перекрестилась съ короткимъ, подавленнымъ вздохомъ.

Между тѣмъ Наталья Михайловна очнулась. Добрая монастырка прошла къ ней. Старушка выслушала ее съ христіанскимъ смиреніемъ и покорностью.

— „Еще крайности впрочемъ нѣтъ,“ старался успокоить ее докторъ, „это только матушка Аполинарія...“

— „Его святая воля,“ прошептала старушка, „что будетъ, то будетъ.“

Ольга показалась на порогѣ. Больная едва замѣтнымъ движеніемъ подозвала ее къ себѣ. Ольга бросилась къ постели... Глубокій, долгій поцѣлуй безмолвно выразилъ, что и мать и дочь ждутъ скорой разлуки. Отъ этой минуты волненія больная вновь устала и забылась; рука ея однако судорожно удержала руку дочери...

Въ то же время къ дому подъѣхалъ еще тарантасъ; поспѣшно вышла изъ него некрасивая, неуклюжая женщина лѣтъ сорока пяти, очень небольшаго роста, расплывшаяся отъ бездѣйствія, матеріальнаго благосостоянія, отъ совершенной безстрастности и безмыслія, суетливая, болтливая деревенская сплетница — Марья Михайловна Дрейсигъ, переполненная чванствомъ и притязаніями на уваженіе вслѣдствіе генеральскаго чина своего благовѣрнаго супруга. За ней слѣдовалъ Петръ Богдановичъ, полнѣйшее олицетвореніе нѣмецкой флегмы и тупоумной чиновничьей важности, для охраненія себя отъ шума и крика покорный слуга деспотической мелочности жены.

— „Что такое съ барыней?“ суетливо спрашивала у лакея генеральша, привыкшая въ переднихъ и дѣвичьихъ развѣдывать дѣла своихъ сосѣдей и родственниковъ до сокровеннѣйшихъ тайнъ ихъ домашняго обихода.

— „Кончаются,“ съ совершенно безмятежнымъ выраженіемъ отвѣчалъ спрошенный.

— „Что ты!.. Докторъ былъ?“

— „И теперь здѣсь-съ.“

— „Который?“

— „Владиміръ Степановичъ.“

— „И за городскимъ бы послать.“

— „Уже послано-съ.“

— „Никого больше нѣтъ?“

— „Аполинарія Ивановна здѣсь.“

— „Давно?“

— „Барышня въ одно время послала какъ за вами, такъ и за ними.“

— „Кого за ними посылали?“

— „Петра-съ.“

— „А онъ опять въ кучерахъ?“

— „Нѣтъ-съ. Афанасій въ городъ поѣхалъ.“

— „Нарочно за Аполинаріей Ивановной Петръ ѣздилъ?“

— „Никакъ нѣтъ-съ. Онъ въ Головинское ѣздилъ; оттуда съ докторомъ въ монастырь заѣзжалъ.“

— „Барышня очень плачутъ?“

— „Не знаю-съ; онѣ все около барыни.“

— „Всѣ у Натальи Михайловны?“

— „Точно такъ-съ. Священника ждутъ.“

— „Пріобщать?“

— „Должно быть.“

Истощивъ весь запасъ вопросовъ, приличныхъ и даже не приличныхъ случаю, и принявъ возможно-плаксивый видъ, Марья Михайловна вошла въ залу; Петръ Богдановичъ остановился было въ этой комнатѣ, но Марья Михайловна уже въ гостиной замѣтила его отсутствіе...

— „Что же ты, Петръ Богдановичъ?“ спросила она возвратясь.

— „Я полагалъ бы,“ съ нѣмецкимъ выговоромъ глубокомысленно и мѣрно отвѣчалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, “что мнѣ туда прямо, не предупредивъ о себѣ, входить бы не слѣдовало...„

— „Это отчего?“

— „Во-первыхъ, тамъ все дамы...“

— „А Владиміръ Степановичъ?“.

— „То докторъ. Во-вторыхъ, мать и дочь въ такую высокоторжественную минуту, можетъ, желаютъ остаться однѣ... приличіе я полагалъ бы требуетъ, чтобы...“

— „ Что еще придумалъ! развѣ мы не родные, сестры единокровныя, слава Богу! поближе Аполинаріи...“

— „Да ты, Марья Михайловна, и ступай и скажи...“

— „Полно, полно, что за пустяки. Пріѣхалъ участіе свое родственное показать, и все тутъ; пойдемъ...“ взявъ его за рукавъ, Марья Михайловна потащила своего мужа силою.

Петръ Богдановичъ уже рѣшился было покориться ради умилостивленія боговъ, но шумъ услыхали въ комнатѣ умирающей; Аполинарія поспѣшила выйти въ гостиную и выраженіемъ своего лица и поднятой рукой давая знать, что положеніе больной требуетъ тишины.

— „Здравствуйте, матушка,“ спѣшила затараторить генеральша, „что сестра?“

— „Плохо, очень плохо;... тише; ради Бога... совсѣмъ нехорошо. За священникомъ послали.“

— „Скажите на милость!“ съ притворнымъ ужасомъ воскликнула Марья Михайловна, какъ бы еще ничего не зная. „Бѣдная! Что простудилась она что ли? не берегла себя. Гдѣ Олинька? какъ же мнѣ раньше ничего не сказали?...“

— „Ольга возлѣ матери.“

Марья Михайловна направилась было къ двери.

— „Не ходите туда, Марья Михайловна,“ увѣщевала монахиня, „больная въ забытьи; съ ней говорить нельзя.“

— „Я потихоньку войду.“

— „Пожалуйста осторожнѣе.“

— „Да что это вы, матушка; что я о сестрѣ родной меньше чѣмъ вы что-ли забочусь? Пойдемъ, Петръ Богдановичъ.“

Генералъ послѣдовалъ было за супругой, но въ дверяхъ остановился, думая все еще поставить на своемъ и сохранить всѣ приличія, которыя считалъ необходимыми, но Марья Михайловна, войдя къ больной , и видя, что мужъ отказываетъ ей въ повиновеніи, рукой стала манить его въ двери. Петръ Богдановичъ долженъ былъ послушаться. Ольга все еще держала руку страдалицы.

— „Здравствуй,“ шепнула ей тетка.

Ольга вмѣсто отвѣта приложила палецъ къ губамъ, прося молчанія.

Марья Михайловна дѣйствительно замолкла было на минуту,

но по истеченіи этой минуты не выдержала и обратилась къ Кирилину:

— „Здравствуйте, Владиміръ Степановичъ, скажите...“

Докторъ прервалъ ее тѣмъ же движеніемъ какъ и Ольга; потомъ вышелъ изъ комнаты и вызвалъ за собою Дрейсига и его супругу...

— „Мое почтеніе,“ началъ было генералъ, едва выйдя въ другую комнату, „я очень радъ, что вы вышли; я полагалъ бы...“

— „Извините, мнѣ не когда,“ прервалъ его Кирилинъ; „пожалуйста ни вы, ни Марья Михайловна, не входите къ больной; малѣйшій шумъ долженъ быть ей очень тягостенъ.“

— „Дѣйствительно, я полагаю“ возобновилъ было Петръ Богдановичъ, свою прерванную рѣчь. Но на этотъ разъ жена помѣшала ему кончить.

— „Да развѣ мы шумимъ?“ обиженнымъ тономъ спросила она.

— „Наталья Михайловна выйдетъ изъ забытья, ее взволнуетъ присутствіе новыхъ лицъ“ отвѣчалъ Владиміръ Степановичъ, „а волненіе утомляетъ. Она не въ силахъ будетъ и причаститься.“

— „Что ей волноваться, полноте. Я вѣдь не чужая — сестра родная; поближе Аполинаріи Ивановны...“

— „Да она уже Аполинарію Ивановну видѣла. Опять на васъ шелковое платье... отъ малѣйшаго движенія шорохъ...“

— „Не раздѣтой же мнѣ было пріѣхать; я и то въ первое попавшееся платье переодѣлась.“

У себя дома генеральша не выходила изъ балахона, но всякій разъ какъ ей слѣдовало выѣхать или когда къ ней пріѣзжали гости, она переодѣвалась въ сшитое безъ вкуса, нерѣдко грязное, но обыкновенно шелковое платье. И на этотъ разъ она не сочла нужнымъ измѣнить привычкѣ.

— „Короче - подождите входить,“ рѣзко отвѣчалъ Кирилинъ, и вышелъ изъ залы. Ольга встрѣтила его благодарнымъ взглядомъ.

Генеральша была обижена, и только-что подошла было къ Петру Богдановичу, чтобы излить ему свои впечатлѣнія, когда Аполинарія, ходившая справиться о томъ, застали ли священника, вошла въ залу, и не замѣчая Дрейсиговъ, направилась въ комнату больной...

— „Куда вы, куда вы,“ запищала, останавливая ее Марья Михайловна; „нельзя, докторъ не велѣлъ входить... то есть мнѣ не велѣлъ,“ дополнила она съ ироническимъ смиреніемъ, „вѣроятно же и вамъ нельзя, кому бы кажется ближе быть къ больной, какъ не сестрѣ...“

— „Я только хочу сказать Владиміру Степановичу, что священникъ сейчасъ будетъ, чтобы онъ извѣстилъ, какъ скоро больная въ состояніи будетъ принять его...“

— „Что же это и я бы, кажется, могла сказать... А если мы лишніе, такъ поѣдемъ домой;“ обратилась Марья Михайловна къ мужу.

— „Полноте,“ уговаривала ее Аполлинарія, „кто васъ гонитъ; если бы вамъ были не рады, за вами бы и не посылали.“

— „Еще бы не послали. Чать сестра умретъ — Ольгѣ у насъ жить придется, кромѣ насъ ее и принять некому.“

— „И не думала Ольга ни о какой корысти, — до того ли ей. Ступайте пожалуй и вы, я останусь здѣсь. Докторъ боится только многолюдія, суеты около больной, хочетъ сохранить ея силы для принятія святыхъ тайнъ; потомъ если она еще не слишкомъ утомится, — всѣ войдемъ. Владиміръ Степановичъ знаетъ, что говоритъ.“

— „Умничаетъ больно. Сестру къ умирающей сестрѣ не пускаетъ; бездушный право!“

— „Ступайте, Марья Михайловна, я здѣсь останусь.“

— „Платье на мнѣ не такое! еще выгонитъ;“ перебила генеральша и съ недовольствомъ, но съ рѣшимостью сѣла на диванъ.

Аполинарія прошла къ больной.

Видя, что монастырка не разжалобилась мелодраматическимъ припадкомъ, сквозь который такъ сквозили нравственное ничтожество и узкій эгоизмъ, Марія Михайловна накинулась на мужа. Петръ Богдановичъ отъ нечего дѣлать хотѣлъ было пройтись въ садъ, онъ взялся за шляпу.

— „Куда это еще?“ обратилась къ нему жена.

— „Я пройдусь по саду.“

— „Уйди, уйди и ты. Бездушные всѣ вы. Тотъ дуракъ отъ

умирающей сестры гонитъ, увѣряетъ, что се морить хочу — а ты видишь меня въ такомъ положеніи и бѣжишь...“ и Марья Михайловна стала тереть платкомъ сухіе глаза и закрывать лицо руками, облокачиваясь на столъ. „Вѣдь выдумаетъ же,“ приговаривала она, „вести я себя около больной не съумѣю... Получше его я общество видѣла... А ты хоть бы велѣлъ стаканъ воды принести.“

Подали ей и воду... въ тоже время въ залу вошелъ священникъ.

На короткое время исповѣди и Ольга и Аполинарія тоже вышли въ залу. Принесли одеколонъ. Марья Михайловна, увидавъ себя во всеоружіи и въ большомъ обществѣ, стала оттирать свои виски, охать и ахать, стараясь выказать передъ всѣми глубокую скорбь.

— „Здравствуйте, тетушка,“ подошла къ ней Ольга.

— „Здравствуй, здравствуй, другъ мой... бѣдное дитя... поцѣлуй меня...“ плаксиво отвѣчала Марья Михайлова, цѣлуя Ольгу и стараясь быть нѣжною. Ольга чуть не съ отвращеніемъ отвѣчала на эти ласки.

— „Голова у меня болитъ, Владиміръ Степановичъ,“ продолжала генеральша.

— „Ничего, пройдетъ,“ отвѣчалъ Кирилинъ, „это такъ, вы встревожились немного.“

— „Ахъ, еще бы, какъ не встревожиться!“ неугомонно вздыхала Марья Михайловна...

— „Утѣшься, душенька,“ обратилась она къ племянницѣ, думая, что возбудила въ ней сочувствіе къ себѣ, „воля Господня, надо быть покорной...“

Она не досказала своего утѣшенья. Дверь сосѣдней комнаты отворилась; исповѣдь кончилась; священникъ сталъ читать причастныя молитвы. Наталья Михайловна лежала спокойно, предчувствуя, что разсчетъ съ жизнію конченъ. Она уже была очень слаба и только съ помощью Аполинаріи могла осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ.

Таинство совершилось.

— „Икону владимірской Божьей матери,“ слабо проговорила старушка.

Аполинарія вынула изъ шкафа святое изображеніе.

— „Олинька!“ прошептала больная. Ольга стала на колѣни около кровати. Мать поглядѣла на нее; съ помощью священника и сестры взяла икону въ ослабѣвшія руки и опустила ее на голову дочери; хотѣла что-то сказать и не смогла. Крупныя слезы освѣтили полупотухшій взоръ, замѣняя собою послѣднее слово; и голова больной опрокинулась въ подушку. Ольга схватила было руку матери, но тотчасъ выпустила ее снова. Аполинарія едва успѣла поддержать бѣдное дитя, безъ чувствъ упавшее въ ея объятія.

Наталья Михайловна болѣе и не приходила въ себя. Съ ней началась агонія.

III.

Среди соборной монастырской церкви поставленъ гробъ старушки Лавинской. Идетъ обѣдня. Марья Михайловна молится со вздохами и слезами, рисуясь притворной скорбью. Ее окружаютъ двѣ, три монахини, которымъ она сдана для того, чтобы освободить Ольгу отъ болтовни и наружнаго участія тетки. Объ этомъ позаботились Аполинарія и Кириллъ. Они стоятъ за стуломъ сироты, внимательно слѣдя за нею; а она, какъ всегда, будто спокойна. Только крайняя блѣдность лица, глаза, окаймленные сильною тѣнью, и взоръ, безконечно-безотрадный и безучастный къ окружающему показываютъ, какъ глубоко давила ее печаль. По окончаніи обѣдни началась панихида. Марья Михайловна завопила пуще прежняго; Ольга же, казалось, стала еще безжизненнѣе; только изрѣдка лицо ея подергивалось судорогами, у Аполинаріи сердце изныло, глядя на страдалицу... Монастырки, стоявшія около Марьи Михайловны, тоже безпрестанно оборачивались къ Ольгѣ...

— „Хоть бы она заплакала, голубушка,“ невольно проговорила одна изъ нихъ.

— „Счастливая, вотъ можетъ же переносить все такъ спокойно, или у нея чувства нѣтъ...“ простонала генеральша. Монахиня не отвѣчала ни слова.

— „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи...“ провозгласилъ діаконъ. Прислужники подошли къ гробу съ крышей—настала минута послѣдняго разставанія. Ольга поднялась со стула, хотѣла подойти къ гробу, ноги ея задрожали! Кирилинъ и Аполинарія спѣшили поддержать ее. Едва хватило въ ней сознанія взойти на ступень катафалка, она приложилась къ покойницѣ и не могла отойти; все исчезло передъ ея глазами кромѣ дорогаго лица матери. Кирилинъ хотѣлъ было отвести ее, но она безсознательно вырвала у него свою руку и, опираясь съ одной стороны на Аполинарію, съ другой на край гроба, всѣмъ своимъ существомъ превратилась въ зрѣніе... Между тѣмъ присутствующіе продолжали прощаться съ покойницей... вотъ они кончили. Прислужники стали закрывать гробъ. Кирилинъ и Аполинарія снова попытались увести Ольгу. На этотъ разъ она повиновалась, какъ бы замерла, перестала слышать и видѣть, у нея не хватало силы даже на порывъ сопротивленія, она едва сознавала, гдѣ она. Гробъ понесли на могилу. Ольга не выходила изъ онѣмѣнія. Стали бросать землю на гробъ: могильщикъ поднесъ было земли и Ольгѣ. Кирилинъ движеніемъ головы велѣлъ ему отойти.

Стали разъѣзжаться.

— „Поѣдемъ, душенька,“ подошла Марія Михайловна къ Ольгѣ, „что дѣлать!“

Услыхавъ голосъ, обращенный къ ней среди общаго молчанія, Ольга очнулась. Она съ секунду не могла понять, чего отъ нея требуютъ, но потомъ, узнавъ Марью Михайловну:

— „Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня здѣсь,“ проговорила она, судорожно прильнувъ къ Аполинаріѣ; „я не могу...“

Кирилинъ подозвалъ Досиѳею, сдалъ ей Ольгу, шепнулъ что-то на ухо Аполинаріи и пошелъ къ Дрейсигу.

— „Останься у меня, родная, коль хочешь,“ увѣщевала Аполинарія, нѣжно лаская и голубя бѣдное дитя; „пойдемъ отдохнемъ, къ вечернѣ опять сюда придти можно...“ и лелѣя, она повела

Ольгу въ свою келью, прямо въ спальню. Досиѳея едва успѣла сдернуть шляпку съ Лавинской; изнеможенная дѣвушка въ совершенномъ безсиліи, какъ снопъ, упала на постель.

Черезъ нѣсколько минутъ въ келью Аполинаріи вошелъ и Владиміръ Степановичъ. Ему удалось уговорить Марью Михайловну, чтобы она покуда не брала племянницу изъ монастыря. Едва добившись ея согласія, онъ спѣшилъ подать помощь сиротѣ, состояніе которой внушало ему немалыя опасенія.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Сильное нервическое разстройство—было для Ольги естественнымъ послѣдствіемъ глубокихъ потрясеній, пережитыхъ такъ близко одно за другимъ; потому, не смотря на заботы Кирилина, она оправлялась медленно. Долгое болѣзненное состояніе, уединеніе, тишина монастырской ограды—давали Ольгѣ полную возможность вглядѣться въ свое новое положеніе. Крѣпкая сосредоточенная натура Лавинской не могла разбиться „во искушеньяхъ долгой кары,“ она должна была закалиться въ нихъ, но въ какомъ направленіи? Вотъ вопросъ, который предстояло рѣшить окружающей средѣ. Среда эта была не разнообразна; все въ ней располагало къ религіозному настроенію, къ мистицизму и къ тому внутреннему покою, котораго такъ жаждетъ глубокая печаль. При этой келейной обстановкѣ Ольга пользовалась неусыпными, задушевными ласками Аполинаріи; внѣ ограды напротивъ Ольгу неминуемо ожидала жизнь около Марьи Михайловны и ея мужа. Правда, оставалось еще вѣроятіе, что она узнаетъ большую часть человѣчества, ознакомится съ разнообразіемъ дѣйствительности, съ великими задачами, рѣшеніе которыхъ способно наполнить милліарды существованій... Но Ольга думала, что уже знакома съ жизнью и съ людьми, что и жизнь, и люди обманули ея мечты; Ольга не по-

дозрѣвала, что она собственно еще и не обращалась ни къ жизни, ни къ людямъ, что она до сихъ поръ даже настойчиво отворачивалась и отъ людей, и отъ жизни. Небольшой мірокъ ея земныхъ стремленій былъ разбитъ, а за нимъ ей не открыли ничего, кромѣ мистической восторженности. Слѣдовательно ей выбора не было. Самая наружность Ольги значительно измѣнилась: не томно и не безучастно стали глядѣть ея глаза, а какъ-то вдохновенно. Болѣзненная воспріимчивость нервовъ придавала этому вдохновенію быстро-перемѣнчивый характеръ: на красивомъ лицѣ Ольги отражалась то безмятежная, тихая любовь, то чистѣйшее спокойно-восторженное блаженство. Монастырки съ умиленіемъ глядѣли на нее.

— „Вовсе дурочкой стала," говорила Марья Михайловна про свою племянницу.

Съ пониманіемъ и озабоченно глядѣлъ на это превращеніе одинъ Кирилинъ. Онъ ясно видѣлъ, что Лавинская заживо умираетъ для человѣчества, окончательно отрѣшается отъ людскихъ бѣдъ и людскаго счастія. Часто, часто думалъ Владиміръ Степановичъ, что дѣлать съ ея болѣзнью и долго не могъ ничего придумать.

Однажды, мѣсяца полтора послѣ смерти Натальи Михайловны, онъ пріѣхалъ въ монастырь; изъ больницы прошелъ къ Аполинаріи.

— „Что Ольга Дмитріевна!" освѣдомился онъ послѣ нѣсколькихъ словъ.

— „Слава Богу, ничего. Теперь она, кажется, совсѣмъ здорова," отвѣчала Аполинарія.

Докторъ нахмурилъ брови.

— „Дома она?" спросилъ онъ, спустя минуты двѣ.

— „Нѣтъ, пошла въ боръ погулять съ Павлой."

— „Можно курить?"

— „Пожалуйста."

Владиміръ Степановичъ зажегъ папиросу и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, выпуская дымъ облако за облакомъ.

— „Что вы такой озабоченный?" обратилась къ нему монахиня.

— „Такъ по вашему Ольга Дмитріевна совсѣмъ здорова?“ возразилъ Кирилинъ вопросомъ на вопросъ.

— „Кажется?... А что?“

— „Охъ, матушка, матушка Аполинарія Ивановна; больнѣе она чѣмъ была, со дня на день становится больнѣе... Любите вы ее?“

— „Что это, Владиміръ Степановичъ, вы стращаете!... Да не пугайте, что съ ней? скажите?“

— „Что? Да въ томъ-то и вопросъ какъ объяснить вамъ, что съ ней? А объяснить надо, я безъ васъ помочь не могу...“

— “Спаси, Господи. Да что это вы... я ли не рада помочь чѣмъ въ силахъ...“

— „Да въ силахъ ли вы въ самомъ дѣлѣ?... скажите, Аполинарія Ивановна, за чѣмъ вы пошли въ монастырь?“

— “Что это съ вами, Владиміръ Стспановичъ, — какой вы странный!“

— „Послушайте;—положа руку на сердце по совѣсти: считаете вы меня порядочнымъ человѣкомъ?“

Аполинарія рѣшительно недоумѣвала, къ чему ведетъ рѣчь Владиміра Степаковича.

— „Отвѣчайте же прямо,“ настаивалъ онъ.

— „Да васъ, Владиміръ Степановичъ, всѣ, кого я знаю, очень уважаютъ.“

— „Въ такомъ случаѣ, Аполинарія Ивановна, говорите же со мной откровенно, вы скоро поймете, чего я прошу, и не раскаетесь. Мнѣ ваше довѣріе нужно какъ доктору, его требуетъ здоровье Ольги Дмитріевны... Что васъ побудило поступить въ монастырь?... Именъ, подробностей мнѣ не надо; отвѣчайте коротко. Жизнь ли васъ обманула, пріютиться ли вамъ было некуда; набожны ли вы очень были съ молоду?..“

Тонъ доктора, мысль о болѣзни Ольги, загадочное начало разговора—все покорило Аполинарію вліянію ея собесѣдника; поставило ее на отвѣтъ передъ нимъ. Кирилинъ, видя, что такимъ образомъ съ первыхъ же словъ навелъ Аполинарію на раздумье и воспоминанія, и зная какъ трудно человѣку открывать передъ кѣмъ бы то ни

было свой внутренній міръ не по личному влеченію, а по требованію обстоятельствъ, продолжалъ, не дожидаясь отвѣта:

— „Впрочемъ, мнѣ пожалуй не надо знать ничего, мнѣ нужно только, чтобы вы сами, внутри себя, возвратились къ своему прошлому и, забывъ на нѣкоторое время міръ, заключенный съ своимъ настоящимъ, перенеслись ко всему, что пережили, для того, чтобы достигнуть этого мира, вспомнили хоть на нѣсколько часовъ то, что вѣроятно съ трудомъ пріучили себя забывать... Я вижу, что въ васъ это возвращеніе къ былому возбуждаетъ задумчивость, даже, кажется, грусть... Ничего, ничего матушка, дѣлать нечего; вспомните все, не щадите себя...“

— „Къ чему?“ въ полъ-голоса спросила Аполинарія, какъ бы у самой себя.

— „Это нужно для Ольги Дмитріевны. Вѣдь вы говорите, что любите ее; горячо, всѣмъ сердцемъ любите.... докажите это... Вспомните, какъ нелегко было вамъ разставаться съ дѣйствительною жизнію и какой борьбы вамъ стоило это самоотрѣченіе? Можетъ быть, вы не слѣдили строгимъ взглядомъ за всѣми нравственными превращеніями вашего существа, но онѣ совершились, и ваши лучшія надежды и мечты умерли вмѣстѣ съ вами. Я не знаю вашей жизни, не знаю какое внутреннее богатство вы успѣли собрать въ этотъ періодъ разлада съ окружающимъ міромъ... Можетъ быть, вы даже положительно были увѣрены, что внѣ монастыря не найдете счастья, и васъ некому было разувѣрить, — хорошо... Не стану оспоривать вашего поведенія, вашъ вѣкъ отжить... а Ольга Дмитріевна? Неужели вы хладнокровно допустите ее похоронить себя въ монастырѣ?...“

— „Боже сохрани!“ почти съ испугомъ проговорилась Аполинарія... „зачѣмъ?“ прибавила она, стараясь смягчить свое восклицаніе... „развѣ она собирается въ монастырь?“

— „Я, вижу, не ошибся въ васъ, хорошо и то,“ продолжалъ докторъ.

— „Нѣтъ, нѣтъ, Владиміръ Степановичъ,“ перебила его монастырка, возвращаясь къ заученной роли, изъ которой вышла было

благодаря возбужденному самосознанію, свойственной ей добротѣ и горячей привязанности къ Лавинской:— „зачѣмъ Ольгѣ въ монастырь? она такъ молода, а нашъ подвигъ многотрудный...“

— „Только не говорите ей этого,“ замѣтилъ Кирилинъ „геройство вообще привлекательно для юности, особенно же оно соблазняетъ натуры въ родѣ той, которою одарена Ольга Дмитріевна...“

— „Да откуда вы взяли, что она собирается въ монастырь?“

— „Какъ вы привыкли отворачиваться отъ того, что у васъ передъ глазами, Аполинарія Ивановна! вглядитесь только; вглядитесь сами, и вы убѣдитесь въ ея наклонностяхъ...“

И докторъ сталъ указывать на рядъ многозначительныхъ фактовъ, смыслъ которыхъ прошелъ незамѣченнымъ для Аполинаріи, стараясь пояснить ей общій характеръ обстановки, окружающей Лавинскую...

— „Пора, пора предупредить бѣду“ прибавилъ онъ, „пора отстранить ее отъ этой мысли, пока она еще не высказалась опредѣленно ни себѣ, ни другимъ... когда внутри себя Ольга Дмитріевна рѣшится, разубѣждать ее будетъ поздно...

— „Нѣтъ, нѣтъ, не зачѣмъ ей къ намъ,“ по временамъ твердила про себя Аполинарія... „Съ ея здоровьемъ и молодостью...“

— „Короче, матушка,“ закончилъ наконецъ Кирилинъ „вы поможете вывести ее изъ этихъ иллюзій?“

— „Поговорю, поговорю Владиміръ Степановичъ?“

— „Только пожалуйста ничего не говорите. Увѣщанія и нравоученія вообще плохія средства убѣжденія, а съ Ольгой Дмитріевной надобно быть особенно осторожнымъ. Малѣйшее слово не кстати испортитъ все...“

— „Какъ же быть?“

— „Дайте подумать. Теперь я увѣренъ въ вашемъ союзѣ, такъ мнѣ легче будетъ выдумать необходимое лекарство...“

— „Да все что-то не вѣрится...“

— „Приглядитесь — повѣрите. Покуда же обѣщайте только, что до нашего свиданія не скажете ни слова?..“

— „Хорошо, хорошо.“

Собесѣдники разстались. Аполинарія проводила Кирилина въ прихожую, крѣпко пожала его руку на прощанье, и возвратилась къ себѣ глубоко задумавшись...

Человѣкъ, въ которомъ жизнь превратила всякую работу мысли въ трудъ и заботу,—не любитъ становиться на очную ставку самъ съ собою. Онъ знаетъ, что откройся ему истина во всемъ своемъ непреложномъ свѣтѣ, ему необходимо будетъ выйти изъ сна, встрѣтить истину мыслью и дѣломъ, отречься отъ благовидныхъ предлоговъ, которыми онъ извиняетъ свою летаргію, стряхнуть съ себя лѣнь. Потому каждый разъ какъ вліяніе сторонннхъ обстоятельствъ принуждаетъ внимать голосу истины,—пробужденный бываетъ глубоко потрясенъ и встревоженъ. Эта тревога можетъ разрѣшиться возрожденіемъ человѣка, но только въ томъ случаѣ, если энергія организма еще не слишкомъ забита, или если сила, возбудившая мысль, особенно крѣпка и настойчива. Въ большей же части случаевъ мгновенно-возбужденные нервы мало-по-малу усыпляются снова. Пока это усыпленіе еще не возвращено, человѣкъ переживаетъ мучительные часы болѣе или менѣе глубокаго разлада съ самимъ собою. Но какъ ни коротки и эти минуты воскресенія, онѣ плодотворны для человѣчества. Благодаря имъ, человѣку по крайней мѣрѣ совѣстно отвлекать ближнихъ отъ благодатнаго избытка жизни, даруемаго дѣйствительностью каждому, кто всѣмъ бытіемъ сольется съ нею, не боясь внутреннихъ тревогъ, неизбѣжныхъ вначалѣ такого сближенія. Въ подобномъ состояніи самообличенія Кирилинъ оставилъ Аполинарію;—онъ и не хотѣлъ пробуждать ее болѣе;—достигнутой степени пробужденія достаточно было для того, чтобы вызвать въ монахинѣ зоркое наблюденіе за Лавинской. Покуда слѣдовало удовольствоваться этимъ.

II.

Чудный день. Хорошо въ монастырскомъ бору. Воздухъ чистъ, благотворенъ... Ольга съ Павлой, гуляя, вышли на прибережье озера, на красивую лужайку, гдѣ, кромѣ хвойныхъ деревъ разрослось

нѣсколько березъ и кустарниковъ, здѣсь онѣ вздумали отдохнуть. Молча прилегла Ольга на свѣжую траву. Ясна, свѣтла прозрачная лазурь, и не отведешь глазъ: нѣтъ предѣловъ ея глубинѣ, и такъ чиста эта глубь... развѣ изрѣдка бѣлое, легкое облачко медленно, плавно тянется по ней не вѣсть куда и откуда... глядишь, и покой льется въ опечаленное сердце. А по листьямъ шелеститъ вѣтеръ и еще болѣе располагаетъ къ отдыху ихъ таинственный шопотъ... И старушка Павла наслаждается, смотритъ на озеро, облитое свѣтомъ, на волнующіяся по берегу поля, на Головинское... Прошло много ли, мало ли времени...

— „А вы, матушка, бывали въ Головинскомъ?“ спросила Ольга, прерывая молчаніе.

— „Какъ же не бывать? бывала,“ добродушно улыбаясь, отвѣчала Павла на совершенно необдуманный вопросъ молодой собесѣдницы... „А вы развѣ никогда тамъ не были?“

— „Никогда. Надо будетъ какъ нибудь съѣздить, посмотрѣть...“

— „Хорошо тамъ очень. Село богатое. Прошлаго года вотъ около этого времени князь пріѣзжалъ. У него губернаторъ гостилъ, такъ тутъ праздники бывали... народъ разодѣнется, выйдетъ на улицу,—любо смотрѣть... богатое село...“

— „Да развѣ вы, матушка, на праздники-то ѣздили?“

— „Матушка-игуменья по дѣлу тогда повидаться съ губернаторомъ ѣздили; и меня съ Евгеньей съ собою брали“...

— „Такъ вы знаете Николая Ивановича?“

— „Только два раза и видѣла: вотъ въ Головинскомъ, да потомъ онъ къ матушкѣ на другой день пріѣзжалъ съ какимъ-то своимъ чиновникомъ“.

— „Съ кѣмъ, не помните?“ оживленно спросила Ольга, до сихъ поръ довольно разсѣянно и вяло поддерживавшая разговоръ.

— „Красивый такой, ловкій... какъ его фамилія-то, постойте?“ старалась припомнить Павла.

— „Губернаторъ ему *ты* говорилъ?“

— „Они какъ-то сродни... да какъ его?.. Берестовъ, Берестовъ! тоже я—скій, только не этого уѣзда; въ ту сторону къ

Р—ку, говорятъ, у него имѣніе, богатый человѣкъ... Да вы его въ Я***, вѣроятно, встрѣчали? его тамъ (матушка-игуменья разсказывали) всѣ очень любятъ."

Ольга едва слушала.

— „Знаю, знаю," мечтательно проговорила она, затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, спросила: „А князь каждый годъ сюда пріѣзжаетъ?"

— „Нѣтъ. Онъ, говорятъ, все больше живетъ за-границей."

Лавинская не отвѣчала ни слова. Вновь водворилось молчаніе... Но покой Ольги былъ нарушенъ; одно за другимъ потянулись воспоминанія постоянно прерываемыя вопросами: „Гдѣ онъ? что онъ? неужели такъ-таки меня и не помнитъ? знаетъ ли онъ, что мать умерла?.." А Павла и не подозрѣваетъ, что взволновало молодую головку.

Но довольно поздно.

— „Домой пора," говоритъ наконецъ монастырка.

— „Пойдемте," спокойно отвѣчаетъ Лавинская.

Идутъ. Ольга, выходя на прогулку, была веселѣе обыкновеннаго... Что сталось съ нею? Что она опять будто отдалась унылымъ мечтамъ?..

— „Что это вы такъ задумались?" спрашиваетъ Павла.

— „Устала," коротко отвѣчаетъ Ольга.

Доплелись до ограды. Ольга разсѣянно поблагодарила свою спутницу и, разставшись съ нею, пошла въ келью Аполинаріи.

— „Загулялась ты, "встрѣтила ее Аполинарія,„ далеко ли была?"

— „До онушки къ озеру доходила"... едва отвѣчала Ольга, опустилась на диванъ и, увидавъ передъ собой какую-то книгу, развернула ее гдѣ попало... можетъ быть, для того, чтобы въ случаѣ нужды, глядя въ нее, избѣжать разговора, который теперь былъ бы ей не по сердцу, или, можетъ быть, и сама не зная, что дѣлаетъ.

— „Уходилась ты, кажется?" допрашивала ее монастырка.

— „Да, устала..."

Ольга спокойно пріютилась въ уголокъ дивана, прилегла головой на подушку, и въ полу-снѣ отдалась своимъ мечтамъ.

— „Отдохни, отдохни, мой другъ...“ проговорила Аполинарія, и вышла изъ комнаты, думая, что Ольга заснетъ...

Вечеретъ. Жара спала, день угасъ, но мракъ медленно ложится вокругъ... все вторитъ мечтѣ. Человѣкъ иногда переживаетъ часы, которые оставляютъ рѣшительный слѣдъ въ его жизни, но какъ въ жизни народовъ только слѣпой лѣтописецъ можетъ приписать лицу или отдѣльному факту цѣлую эпоху, цѣлый переворотъ въ жизни человѣчества, такъ въ жизни человѣка только совершенно лишенный наблюдательности, настойчиво бѣгущій дѣйствительности, психологъ можетъ признать переворотъ, совершающійся въ человѣкѣ, исключительнымъ дѣломъ минуты. Одинъ изъ величайшихъ психіатровъ нашего времени справедливо замѣтилъ, что съумасшествіе Офеліи—фактъ невозможный, противорѣчащій всѣмъ законамъ органической жизни. Внезапныхъ помѣшательствъ, внезапныхъ психологическихъ переворотовъ не бываетъ. Два, три слова, сказанныя Павлой, возбудили въ Ольгѣ потокъ мыслей. Переходя отъ воспоминанія къ воспоминанію, она на этотъ разъ сопоставила ихъ, нарисовала себѣ общую картину обстоятельствъ, ее окружавшихъ, но черты этой картины давно существовали разрозненными въ ея головѣ, и должны были столкнуться, слиться отъ малѣйшаго прикосновенія. Изъ извѣстныхъ слагаемыхъ непремѣнно должна выйти опредѣленная сумма, изъ данныхъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ матеріаловъ—непремѣнно опредѣленное соединеніе. Безотрадно было оно для Ольги, глубоко безотрадно; куда не оберись—вездѣ горе: здѣсь утрата, тамъ утрата, въ мірѣ безпріютность или жизнь въ средѣ Марьи Михайловны — худшая всякой безпріютности.

— „Что дѣлать?“ наконецъ спросила себя Ольга. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни этотъ вопросъ представился ей съ такою подавляющею силой, съ такимъ настойчивымъ, непримиримымъ требованіемъ отвѣта. Испуганная, непривычная къ работѣ мысль неподвижно останавливалась передъ картиной дѣйствительности, жизненной правдой, тяжело налегала на мозгъ, требуя рѣшенія.

Между тѣмъ въ комнатѣ вовсе стемнѣло. Раздался звонъ ко-

локоловъ, призывавшихъ на вечернее моленье. Онъ разбудилъ, Ольгу...

— „Куда же мнѣ дѣться? Боже, Боже!“ воскликнула она, закрывая лицо руками, какъ бы въ припадкѣ отчаянья...

А тихій, безмятежный звонъ продолжалъ раздаваться, глубоко западая на душу бѣдной дѣвушки.

Аполинарія, сидѣвшая за чулкомъ въ сосѣдней комнаткѣ, услыхала восклицаніе Ольги, хотя не могла разобрать, что она сказала.

— „Проснулась ты?“ спросила вполголоса монастырка, входя въ маленькую гостиную, гдѣ сидѣла Ольга, и заслоняя ладонью свѣчу, въ боязни какъ бы свѣтъ или голосъ не разбудили Лавинскую, если она еще спитъ. Видя, что Ольга сидитъ, Аполинарія поставила свѣчу на столъ... Ольга тутъ только вполнѣ очнулась и оглядѣлась...

— „Что съ тобою?“ спросила испуганная старушка, увидавъ неподвижный взоръ и лицо сироты. „Ты нездорова.“

— „Ничего...“ проговорила Ольга.

Аполинарія и не слушала ее:

— „Что съ тобой?... Скажи, мой ангелъ...“

Ласка окончательно разстроила Ольгу, подалась и ея сосредоточенная натура.

— „Родная, родная, невесело мнѣ,“ вздохнула она, качая головой.

— „Что такое? подѣлись...“

— „Да все...“ судорожно, отрывисто отвѣчала Ольга... „Что мнѣ съ собою дѣлать?“

— „Успокойся, мое дитя.“

— „Чѣмъ успокоиться!“ И, снова входя сама въ себя, Ольга облокотилась на столъ. Ей попалась на глаза открытая часа за полтора книга. Ольга, не зная, что дѣлаетъ, пододвинула ее къ себѣ. Это была библія, открытая на евангеліи. Ольга сперва разсѣянно стала читать про себя, потомъ перевернула страницъ пять на-угадъ, потомъ еще нѣсколько страницъ, — отыскивая что-то. Аполинарія наблюдала за нею, не зная, что подумать, боясь допрашивать... когда нѣсколько словъ долетѣло до ея слуха:

— „Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы,“ нопотомъ, съ разстановкой и глубокимъ умиленіемъ читала Ольга... „Иго бо мое благо, и бремя мое легко есть...“

— „Что съ тобою, дитя; скажи, родная,“ не вытерпѣвъ наконецъ спросила Аполинарія, цѣлуя Ольгу.

— „Куда я дѣнусь отсюда?“ спросила Лавинская.

— „Вотъ, осень придетъ, Марья Михайловна въ Я*** поѣдетъ на зиму; и ея дочка подросла... еще твое время впереди...“

— „Прошло мое время; я въ Я*** не поѣду.“ Аполинаріѣ невольно вспомнились слова доктора; она не захотѣла продолжать начатый разговоръ,—черезъ нѣсколько времени онъ могъ привести Ольгу къ окончательному намѣренію поступить въ монастырь.

— „Полно!... Поди-ко лучше прилягъ... Ты устала!“ сказала монастырка.

Ольга не слушала ее, снова впавъ въ свою думу.

— „Только мнѣ здѣсь и пріюту,“ проговорила она наконецъ.

Аполинарія смутилась. Ясно: мысль Ольги, продолжая работать, доработывалась до рѣшимости, которой такъ опасался Кирилинъ. Добрая старушка не знала что начать.

— „Господи, Іисусе Христе, Сыне божій...“ Никогда еще Аполинарія такъ не радовалась гостямъ. Вошла какая-то монахиня. Аполинарія догадалась оставить ее одну съ Лавинской, чѣмъ заставила Ольгу разсѣяться. Монахиня просидѣла долго. Послѣ ея ухода Аполинарія и Лавинская прямо разошлись по комнатамъ. Лавинская устала до изнеможенія и скоро заснула; у старушки напротивъ еще долго горѣла свѣча. Часа черезъ полтора она потихоньку вышла въ кухню и разбудила келейную.

— „Анпушка-душенька, пожалуйста спосылай завтра пораньше въ Головинское, отыщи кого нибудь для этого... Я за день-то забыла позаботиться...“

— „Ничего, матушка, отъ игуменьи вѣдь всякій почти день кто нибудь тамъ бываетъ. Что прикажете?“

— „Пусть вотъ это письмо доктору отдадутъ.“

И Аполинарія отдала келейной только-что написанное письмо къ Владиміру Степановичу.

— „Не забудь же пожалуйста," прибавила монахиня.

— „Будьте покойны, матушка."

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Медленно шелъ Кирилинъ домой, возвращаясь отъ Аполинарія, то отдаваясь своей думѣ, то любуясь прелестью роскошнаго дня. Мирно было у него на сердцѣ: онъ ощущалъ то глубоко-спокойное настроеніе, которое знакомо только людямъ, привыкшимъ служить добру не изъ страха передъ закономъ, а по внутренней потребности, исключающей самодовольную гордость — мѣшающую чистому наслажденію внутреннимъ миромъ.

За нѣсколько шаговъ до дому его нагнала коляска.

— „Стой, стой!" закричалъ проѣзжій своему кучеру, взглянувъ на Кирилина.

Это восклицаніе заставило доктора оглянуться. Не успѣлъ онъ разглядѣть путника, какъ и самъ бросился къ нему.

— „Бѣльскій!"

Друзья крѣпко, горячо обнялись.

— „Куда ты? откуда?" спрашивалъ Кирилинъ, не выпуская изъ рукъ руки стараго товарища.

— „Къ тебѣ ѣхалъ."

И встрѣчные поцѣловались снова.

— „Ступай за нами", крикнулъ Кирилинъ кучеру, и снова обратился къ Бѣльскому:

— „Спасибо, добрый ты человѣкъ... на долго ли?"

— „Не знаю. Что ты подѣлываешь?.. А у тебя тутъ славно. Красивый видъ!

— „Ничего. Да ты откуда?

— „Изъ Гаретова."

— „У Рязанцевыхъ былъ? То-то лошади знакомыя."

— „Утромъ отъ нихъ, велѣли тебя бранить, зачѣмъ еще у нихъ не побывалъ".

— „Не пришлось ѣхать въ ту сторону, а нарочно собраться далеко."

— „А будешь? Они тебя должно быть любятъ, ради тебя вѣроятно и мнѣ помогли, хлопотъ имъ было не мало..."

— „Да, да," спѣшилъ перебить Кирилинъ, какъ бы опасаясь, чтобы Бѣльскій не началъ хвалить и его, „разскажи-ка подробнѣе что тамъ съ тобою случилось, то есть какъ ты выпутался? Остальное конечно не мое дѣло..."

Друзья подошли къ дому.

— „Поставьте-ка скорѣй самоваръ, Василій Ивановичъ," приказалъ Кирилинъ встрѣтившему его слугѣ. „Да ты обѣдалъ, Бѣльскій?"

— „Нѣтъ еще."

— „Такъ распорядитесь пожалуйста, Василій Ивановичъ, чтобы живѣе накормили чѣмъ нибудь гостя... Да возьмите и его вещи, внесите въ мою комнату... и кучера-то поподчуйте."

Нежданный гость поубрался, поуспокоился съ недальной дороги. Привѣтливо кипитъ самоваръ, оживленно идетъ бесѣда у друзей. Между тѣмъ какъ въ то же время будущее ужасало своими вопросами жителей монастырской ограды, въ скромной квартирѣ доктора, товарищи вспоминали прошлое и битвы, выдержанныя въ немъ со стойкостью, служащею ручательствомъ будущему. За оградой все дышетъ страхомъ, трепетомъ передъ исполиномъ-судьбой, а въ Головинскомъ люди смѣются надъ рокомъ, найдя въ разумѣ не только твердый оплотъ его враждебнымъ усиліямъ, но и пути, неминуемо долженствующіе сокрушить подавляющій гнетъ.

Разными дорогами пришли они къ этой свѣтлой увѣренности.

Бѣльскаго жизнь учила злобно. Мать его умерла рано; отецъ былъ полонъ сознанія о неограниченности родительскихъ правъ, крутъ, суровъ, да притомъ непослѣдователенъ въ своихъ требованіяхъ; сегодня: „будь бѣлъ," а завтра: „зачѣмъ бѣлъ, будь черенъ." Тяжелымъ ярмомъ лежало на домѣ его самодурство, да не радостью же оно отзывалось и самому старику. Была у него дочь,

выдалъ онъ ее замужъ неволей, не-вѣсть за кого, сгубилъ, и скоро проводилъ на кладбище. Былъ у него и еще сынъ, кромѣ Петра, Николай, буйная головушка! не стерпѣлъ неволи, вздумалъ загулять тоску и вовсе погрязъ въ развратѣ! Не смотря на желѣзную волю, сдвинулъ брови старикъ. А тутъ какъ-то пропало его состояніе; бѣднякъ не вынесъ новой бѣды, пободрился годъ, другой— и умеръ. Петръ одаренъ былъ сильной натурой. Домашній гнетъ указалъ ему цѣну свободы, судьба сестры—научила уваженію личной самобытности человѣка. Послѣдніе годы отца — переполненные горечью — навели его на мысль освободиться отъ излишнихъ потребностей, отъ рабской привязанности къ деньгамъ и роскоши. Петръ былъ на четвертомъ курсѣ университета, когда умеръ старикъ Бѣльскій. Университетъ былъ для Петра убѣжищемъ отъ подавляющей домашней среды. Старикъ гордо несъ свое бремя передъ людьми. Разъ Петръ возвратился изъ университета, отецъ показался ему болѣе задумчивымъ чѣмъ обыкновенно. Ему стало жаль отца.

— „Что съ вами?“ спросилъ онъ. „Вы не хорошо дѣлаете, мой другъ, что никогда не подѣлитесь со мной своей заботой, можетъ бы я и помогъ...“

— „Не прошу я помощи,“ коротко отвѣчалъ старикъ, и вышелъ изъ комнаты.

Оказалось, что Николай укралъ деньги съ отцовскаго стола и проигралъ или пропилъ ихъ гдѣ-то.

Встрѣтивъ брата, Бѣльскій подошелъ было къ нему:

— „Что это съ тобою, Николай,“ сказалъ онъ, „если тебѣ нужны были деньги и ты не хотѣлъ обращаться къ отцу, обратился бы ко мнѣ, можетъ быть, у меня что нибудь и нашлось бы. Пожалуйста не забывай въ другой разъ, что я радъ помочь тебѣ...“

Николаю Бѣльскому досадно стало на брата. Онъ уже опустился до того, что оскорблялся нравственнымъ превосходствомъ людей надъ собою.

— „Я не нищій!“ перебилъ онъ брата.

Старикъ слышалъ этотъ разговоръ, входя въ комнату. Его са-

мовластная натура возмутилась, онъ готовъ былъ ревновать каждаго къ своей власти.

— „Прошу не мѣшаться не въ свое дѣло,“ обратился онъ къ Петру. „Я тутъ хозяинъ и самъ съумѣю наказать кого вздумаю и научить кого слѣдуетъ.“

Николаю онъ не сказалъ ни полслова.

Петръ понялъ, что старикъ глубоко страдаетъ, но что его не переработаешь, что онъ участія и ласки не приметъ, и жизнь въ отцовскомъ домѣ стала ему еще тяжелѣе. До своего раззоренія старикъ Бѣльскій жилъ въ такъ называемыхъ высшихъ слояхъ общества, Петръ не любилъ выѣздовъ, но изъ покорности отцу бывалъ въ трехъ, четырехъ домахъ, которые пришлись ему больше по сердцу. Къ одному семейству онъ даже привыкъ, и по смерти отца продолжалъ посѣщать его. Семья эта была довольно многочисленна, но вниманіе Бѣльскаго особенно привлекла одна изъ сестеръ, молодая дѣвушка лѣтъ 16, 17-ти... свѣтлое, милое созданіе. Вслушиваясь въ разговоры окружающихъ, взглядываясь въ небольшой міръ, доступный ея наблюденію, она иногда задумывалась надъ вопросами жизни, и, недовѣрчивая къ своимъ рѣшеніямъ, спрашивала Бѣльскаго, что онъ думаетъ о нихъ? Со вниманіемъ слушалъ Бѣльскій милаго ребенка, старался удовлетворить ея требованіямъ и счастливъ былъ, когда его одушевленная рѣчь заставитъ бывало засверкать или затуманиться хорошенькія глазки. И вотъ скоро на лицѣ дѣвушки мысль провела тѣ неуловимомягкія черты, которыя проводятъ на лицѣ юноши первыя его волнующія думы, глаза ея озарились тѣмъ отраднымъ свѣтомъ упованія, котораго мы, отживая, съ любовью ищемъ въ юномъ взорѣ, отыскивая какъ бы отблеска своихъ минувшихъ надеждъ. Бѣльскій полюбилъ это пытливое созданіе. Ему показалось, что она пройдетъ испытанія своей среды, не переставая быть чуткою сердцемъ къ страданію и счастію людей, различитъ, что и лучшій путь къ личному счастію лежитъ въ развитіи своихъ внутреннихъ силъ. Но судьба рѣшила иначе. Бѣльскій видѣлъ въ дѣвушкѣ начала мысли и свѣта, онъ только надѣялся сохранить въ ней естественную свѣжесть и чистоту впечатлѣній, нерѣдко встрѣчающуюся въ 16, 17

лѣтъ исключеніемъ изъ пустыхъ явленій гостиныхъ, но другіе уже успѣли превознести ее до небесъ, назвать ее феноменальнымъ явленіемъ, польстить ей и самодовольствомъ убить въ ней стремленіе къ работѣ надъ своимъ нравственнымъ воспитаніемъ. Напрасно Бѣльскій старался бороться съ окружающими обстоятельствами; горячолюбимое дитя гибло въ глазахъ его, а онъ, страдая отъ безсилія, долженъ былъ шагъ-за шагомъ слѣдить за ея паденіемъ. Глубоко, глубоко запало ему на душу это зрѣлище: онъ опытомъ постигъ, прочувствовалъ, пережилъ вліяніе общественныхъ силъ на отдѣльныя существованія, онъ постигъ мощь тлетворныхъ міазмовъ общественной жизни и научился не пренебрегать ими, строго слѣдить за ежедневными вліяніями, понялъ, что именно изъ суммы кажущихся мелочей и составляется жизнь, какъ величайшія постройки въ природѣ дѣлаются мельчайшими представителями животнаго царства. Онъ научился смотрѣть не на призраки жизни, а на самую жизнь, научился видѣть глядя, вникать во внутренній смыслъ, въ значеніе явленій, и сталъ строго наблюдать за малѣйшимъ шагомъ въ себѣ и другихъ. Міръ уяснился ему, онъ сжился съ міромъ, объединился съ нимъ. Много содѣйствовали этому результату и университетскія встрѣчи, знакомство съ біографіями товарищей, съ ихъ сужденіями, наконецъ и чтеніе. Бѣльскій уже вынесъ многое изъ жизни прежде, чѣмъ нашелъ въ наукѣ прочную основу и развитіе своимъ выводамъ, но онъ окрѣпъ отъ науки и превратилъ эти выводы въ твердыя убѣжденія, которыя способенъ былъ отстоять и не уступилъ бы ихъ никому безъ основательныхъ доводовъ. Дойдя такимъ образомъ до возможной истины борьбой и разрушеніемъ, Бѣльскій свыкся съ борьбой, повѣрилъ въ силу человѣка, и уже недовольный тѣмъ, что самъ дошелъ до самоосвобожденія отъ гнетущей пошлости жизни, захотѣлъ помочь и другимъ сбросить съ себя оковы предубѣжденій и безсмыслія. Онъ вздумалъ проѣхаться по Россіи гдѣ тажкомъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ какъ Богъ пошлетъ... да тутъ навлекъ на себя чьи-то напрасныя подозрѣнія не знаю въ чемъ, попалъ въ Я-скій острогъ, изъ котораго освободился какъ мы видѣли не безъ труда.

Кирилина жизнь не ломала. Она сразу поставила его въ среду,

довольно свободную отъ предубѣжденій и показывала ему себя послѣдовательно, безъ рѣзкихъ переходовъ. Все, что Бѣльскій взялъ съ бою, Кирилинъ пріобрѣлъ естественнымъ развитіемъ жизни. Бѣльскаго судьба вытѣсняла изъ отрицанія жизни въ дѣйствительность преслѣдованіемъ и страданіемъ; Кирилина же она напутствовала въ жизнь совѣтомъ и любовью. Отецъ Владиміра Степановича былъ учителемъ въ какой-то губернской гимназіи, самъ пробилъ себѣ дорогу и близко приглядѣлся къ дѣйствительности, не разъ задумывался надъ нею, и, насколько было возможно, растолковалъ ея явленія сыну, научилъ его понимать внутренній смыслъ окружающаго, сочувствовать страдающему и противостоять тѣснящему. Старикъ Кирилинъ искренно любилъ свою жену, уважалъ ея личность и оба они уважали личность сына. Въ матери Владиміръ Степанычъ видѣлъ образецъ женщины — достойную спутницу отца, раздѣлявшую съ нимъ трудъ жизни, воспринимавшую отъ него все, что могло содѣйствовать ея совершенствованію и помогавшую ему въ самонаблюденіи и саморазвитіи. Кирилинъ съ дѣтства не видалъ поклоненія идоламъ зла и мрака. Его здравый смыслъ, его естественный взглядъ на вещи не затемнялся никакой предзанятой помѣсью и день-за днемъ раскрылась передъ нимъ жизнь: простая, съ опредѣленными задачами, съ указанными путями для ихъ разрѣшенія. Бѣльскій сквозь мракъ пробился къ свѣту, Кирилинъ прямо увидалъ свѣтъ и только освоился съ нимъ. Оттого въ характерѣ друзей установилась существенная разница. Бѣльскій былъ впечатлителенъ, иногда рѣзокъ, кипучъ въ своей дѣятельности. Приступая къ предположенной задачѣ, онъ и не думалъ о возможности отступленія, жегъ корабли и прямо шелъ впередъ, переполненный гордымъ сознаніемъ силъ. Ему казалось, что встрѣться надобность — онъ вскинетъ міръ на плечи и понесетъ его смѣясь, улыбкой удивленія отвѣчая каждому, кто бы вздумалъ спросить: „Не тяжела ли ноша?“ Кирилинъ напротивъ пристально разглядывалъ почву, на-которую ступалъ, при каждомъ столкновеніи измѣрялъ свои силы и силы противника, вычислялъ тяжесть каждаго удара, который думалъ нанести или принять; наступалъ безъ запальчивости, отступалъ во время; былъ такъ же

спокоенъ, какъ Бѣльскій былъ порывистъ, но оба они были послѣдовательны, стойки, въ особенности оба были чисты душею, исполнены уваженія и любви къ человѣку; оба они соединились съ жизнью міра и не отдѣляли себя отъ него.

Разговоръ продолжался долго, за полночь. Уже нѣсколько разъ друзья, сообщивъ другъ другу нѣсколько фактовъ, обсудивъ ихъ, умолкали, какъ будто передумывая слышанное. Дума наводила на новый вопросъ, и разговоръ возобновлялся. Наконецъ при одной изъ остановокъ, Кирилинъ замѣтилъ, что уже поздно, и предложилъ Бѣльскому отдохнуть.

Друзья улеглись.

II.

На другое утро Бѣльскій еще спалъ, когда Кирилинъ по обыкновенію проснулся и, напившись кофе, пошелъ въ больницу.

— „Вамъ изъ монастыря письмо есть, Владиміръ Степанычъ,„ встрѣтилъ его фельдшеръ при входѣ, подавая записку, присланную Аполинаріей.

„Спасибо вамъ, Владиміръ Степановичъ,“ писала монастырка. „Вы были правы. Только довершите доброе дѣло, — придумайте какъ быть, за что взяться? Я ума не приложу, а мѣшкать нельзя, я въ этомъ увѣрилась. Жду съ нетерпѣніемъ, какъ вы рѣшите.“

— „Ждетъ кто нибудь отвѣта?“

— „Кучеръ игуменскій въ лавки пошелъ, оттуда хотѣлъ зайти.“

— „Пусть скажетъ матушкѣ Аполинаріи, что дня черезъ три я у нихъ буду съ отвѣтомъ.“

— „Слушаю-съ.“

— „Прибылъ кто нибудь въ больницу?“

— „Двое-съ.“

Кирилинъ пошелъ къ новымъ больнымъ, затѣмъ въ общую пріемную, гдѣ собрались мужики и бабы, пришедшіе за совѣтомъ.

Привѣтливо выслушалъ ихъ Кирилинъ, далъ кому что нужно было. Они не боялись доктора, вѣрили ему, охотно шли къ нему.

— „Какъ вы съ мужиками ладили?“ спрашивали иногда у Кирилина, „говорятъ народъ не охотникъ до докторовъ?“

— „Мнѣ этого видѣть не случалось,“ отвѣчалъ обыкновенно Владиміръ Степановичъ, „видѣлъ я народъ, нелюбящій грубости и заносчиваго обращенія, потому нелюбящій докторовъ, обращающихся съ нимъ заносчиво и грубо; встрѣчалъ я конечно и глубокое невѣжество — это въ порядкѣ вещей, но враговъ собственно медицины я не видалъ, такъ и судить не могу объ этомъ явленіи.“

Между тѣмъ всталъ и Бѣльскій. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, слушая восторженную рѣчь одного изъ фабричныхъ конторщиковъ, который пришелъ было къ Владиміру Степановичу, и, не заставъ его дома, рѣшился дождаться возвращенія доктора изъ больницы.

— „Вы, вѣроятно, пріятель Владиміру Степановичу?“ спросилъ онъ Бѣльскаго, встрѣтивъ его въ кабинетѣ, „я вчера видѣлъ какъ вы пріѣхать изволили, видѣлъ какъ Владиміръ Степановичъ, радовался вамъ. Очень пріятно познакомиться.“

Бѣльскій внимательно поглядѣлъ на собесѣдника, затѣмъ поклонился.

— „Позвольте ваше имя и отчество?“ продолжалъ конторщикъ.

— „Петръ Сергѣевичъ Бѣльскій.“

— „Меня зовутъ Ѳедоромъ Сидоровичемъ, я здѣшній конторщикъ. Вы тоже въ академіи были-съ?“

— „Въ университетѣ,“ съ прежнимъ лаконизмомъ отвѣчалъ Бѣльскій, ожидая къ чему поведетъ допросъ, и стараясь составить себѣ какое нибудь понятіе о собесѣдникѣ.

— „Все равно-съ, все равно. Счастливые вы люди. Чать всякую науку произошли. Вотъ, кому дается-съ! не всякому. Хорошо привелъ Богъ къ намъ Владиміра Степановича, такъ услыхали мы разумной рѣчи, кой-чему понаучились. Добрый человѣкъ-съ Владиміръ Степановичъ.“

— „Да, ничего.“

— „Нѣтъ-съ не то, что ничего, а добрый, рѣдкій человѣкъ.“

— „Стоитъ, чтобы его въ кунсткамеру выставить!“

— „Напрасно изволите смѣяться. Я по душѣ говорю. Рѣдкій человѣкъ-съ, и никто вамъ здѣсь иначе о немъ не отзовется-съ.“

— „Я не намѣренъ и допрашивать никого, я Владиміра Степановича самъ давно знаю.“

— „Нѣтъ-съ, должно быть мало изволите знать-съ,“ воодушевляясь, какъ бы обидясь за доктора перебилъ конторщикъ, — „привѣтливый онъ человѣкъ, не гордый...“

— “Я съ вами вполнѣ согласенъ, только что-жь тутъ рѣдкаго? Мало ли привѣтливыхъ, не гордыхъ людей?“,

— „Мало-съ, такихъ мало-съ. Умный, ученый человѣкъ; къ нему всѣ господа съ уваженіемъ относятся, а онъ отъ простыхъ людей не отходитъ. Какъ тамъ Владиміръ Степановичъ не прячься, а мы знаемъ... Разсказать бы я многое могъ о Владимірѣ Степановичѣ. Благодѣтель онъ здѣсь всѣмъ намъ... да не смѣю.“

— „И хорошо дѣлаете, что не разсказываете. Если Кирилинъ не хочетъ этого, такъ зачѣмъ же и говорить.“

— „Такъ вотъ подите, душа не терпитъ смолчать-съ. Мало его цѣнить изволите-съ.“

— „Я его очень люблю, и считаю за честнаго, хорошаго человѣка, только зачѣмъ же его въ полубоги-то возводить, необыкновеннаго-то въ немъ нѣтъ ничего...“

— „А по нашему-съ необыкновенно..“

— „Это только доказываетъ, что у васъ остальные ужь больно плохи.“

— „Какіе есть-съ. Только Владиміру Степановичу не чета-съ, да и всѣ-то отъ Владиміра Степановича лучше стали. О себѣ скажу-съ, что таить... Что я былъ?..“

— „Полноте, къ чему...“

Конторщикъ и не слушалъ Бѣльскаго.

— „Дрянь-человѣкъ былъ,“ продолжалъ онъ.

— „Къ чему же мнѣ это знать,“ перебилъ еще разъ Бѣльскій. „Исправились, такъ вѣрно же и не такъ плохи были...“

— „Это-съ я и отъ Владиміра Степановича слышу. Онъ не терпитъ благодарности, ему она тяжела. Хорошо-съ. Но вамъ я обязанъ сказать;—мало вы его цѣните...“

— „Цѣню я его какъ слѣдуетъ, не безпокойтесь; и (если вы

будете продолжать работать надъ собою) придетъ время и вы оцѣните его, какъ я, за хорошаго, но обыкновеннаго человѣка...“

— „Но...“

— „Позвольте. Этотъ разговоръ мы оставимъ.“

— „Но...“

— „А вотъ пожалуй о чемъ можно поговорить съ вами: обязаны ли вы говорить мнѣ то, что Владиміру Степановичу очевидно слышать тяжело?“

— „Чувство благодарности должно-съ быть въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ.“

— „Гмъ? Скажите пожалуйста, какъ вы думаете: отчего Владиміру Степеновичу тяжело слышать благодарность?“

— „Скромность-съ въ немъ...“

— „А если не то? если просто совѣстно ее слушать?“

— „Совѣстно-съ? отчего можетъ быть совѣстно?“

— „Не странно ли вамъ, напримѣръ, будетъ слышать отъ меня благодарность за то, что вы меня не зарѣзали...“

— „Помилуйте-съ...“

— „Тоже и съ Кирилинымъ. Онъ чувствуетъ, что не стою-молъ такой благодарности за самое простое, обыденное дѣло...“

— „Да вы этого на селѣ и не говорите-съ.“

— „Такъ и все село глядитъ на него съ благодарностью?“

— „Нельзя иначе-съ. Я вамъ разскажу...“

— „Нѣтъ, нѣтъ пожалуйста не разсказывайте. Вѣдь вы сейчасъ сказали, что это Владиміру Степановичу непріятно будетъ. А просто отвѣтьте: все село такъ глядитъ на доктора, какъ вы?“

— „Есть враги у нихъ-съ, есть, много ихъ есть-съ, да не смѣютъ они говорить противъ Владиміра Степановича...“

— „Вотъ какъ! Это слышать интересно. Онъ въ опасности, а вы еще при этомъ всѣ про него какъ про необыкновеннаго человѣка кричите? Бѣдный Кирилинъ. Вотъ что я вамъ скажу, Ѳедоръ Сидоровичъ. Запомните мои слова, твердо, неизгладимо запомните. Ему, какъ порядочному человѣку, грустно видѣть чрезмѣрную благодарность за обыкновенную свою дѣятельность, потому что этой благодарностью какъ бы доказывается, что обыкновенная дѣятельность считается

еще необыкновенною, что слѣдовательно самый простой честный поступокъ еще всѣми считается за рѣдкость. Я хотѣлъ сначала навести васъ только на эту мысль, но теперь перейду къ другой. Если вы его любите, его надобно беречь—а крикомъ вы его потопите...“

— „Какъ такъ-съ...“ уже безъ запальчивости, вникая въ слышанное, спросилъ смущенный конторщикъ.

Но отвѣта онъ на этотъ разъ не дождался. Вошелъ Кирилинъ. Онъ держалъ въ рукахъ два засаленныхъ, запачканныхъ рубля... Побывали въ трудовыхъ рукахъ, значитъ.

— „Здравствуйте, Ѳедоръ Сидоровичъ,“ привѣтствовалъ онъ конторщика. „Здравствуй, Петръ. Выспался? вы познакомились?“

— „Познакомились“, отвѣчалъ Бѣльскій.

— „Васъ тутъ Ларіонъ городищенскій ждалъ, Владиміръ Степановичъ,“ извѣстилъ конторщикъ.

— „Ужь я говорилъ съ нимъ. Хорошій мужикъ. Напрасно парня ославили. Видите ли какъ живетъ, и долги свои понемному выплачиваетъ, вотъ два рубля опять принесъ... И жена его, говорятъ, хоть куда баба вышла. Зачто въ нихъ до свадьбы грязью-то бросали!“

— „Ужь за то и любятъ же они васъ, Владиміръ Степановичъ.“

— „Ну это другой вопросъ,“ спѣшилъ перебить Кирилинъ. „О чемъ вы тутъ бесѣдовали, Бѣльскій?“

— „О пустословіи.“

Конторщикъ смѣшался и отъ возраженія доктора и отъ взгляда, который бросилъ на него Петръ Сергѣевичъ при своемъ отвѣтѣ. Онъ понялъ этотъ взглядъ, въ первый разъ понялъ и доктора. Это былъ шагъ въ развитіи Ѳедора Сидоровича.

— „Полезно,“ замѣтилъ докторъ. „А ты хозяйничалъ. Налей-ка мнѣ чаю, Василій Ивановичъ!“

Вошелъ слуга.

— „Уѣхали гарстовскія лошади?“

— „На разсвѣтѣ.“

— „Ну дѣлать нечего, такъ мой тарантасикъ заложите. Мы сегодня же ѣдемъ въ Гарстово, Петръ.“

— „Что такъ скоро?“

— „Надо“.

— „Надо, такъ надо.“

— „Что вы скажете, Ѳедоръ Сидоровичъ?“

— „О школѣ нашей хотѣлъ посовѣтоваться.“

— „А вы здѣсь школой завѣдуете?“ спросилъ Бѣльскій у конторщика.

— „Да-съ,—напутствуемый совѣтами Владиміра Степановича.“

— „Безъ Владиміра Степановича вы не обходитесь—это ужь я знаю...“

Конторщикъ прикусилъ языкъ. Отъ старыхъ привычекъ сразу не отдѣлаешься!

— „Еще Ѳедоръ Сидоровичъ отъ школъ спасенія чаетъ,“ замѣтилъ Кирилинъ. „Что же, другъ мой, прикажете съ школой-то? поговоримте.“

И стали говорить о школѣ.

III.

Часъ спустя пріятели ѣхали по головинско-гарстовской дорогѣ.

— „Что братъ, а вѣдь у тебя въ Головинскомъ болтаютъ,“ замѣтилъ Бѣльскій.

— „Болтаютъ, мочи нѣтъ;“ отвѣчалъ Кирилинъ,— „крестьяне-то ничего, народъ обдержанный, а вотъ конторщики, фабричные иные—болтаютъ...“

— „Нехорошо.“

— „Нехорошо. Надо подумать объ этомъ.“

— „То-то. Не раздумайся только въ оттяжку. Кажется, тебѣ тамъ не всѣ мягко стелютъ“.

— „Куда!.. Подумаю... Мнѣ вообще обо многомъ съ тобой передумать надо, а главное многое тебѣ передать, здѣсь много интереснаго... Ты пробудь-ка у меня недѣльку, другую, поѣздимъ по

окрестностямъ, познакомимся съ краемъ, подѣлюсь я съ тобой своими наблюденіями...“

— „А у тебя тутъ такое безлюдье, что и подѣлиться не съ кѣмъ.“

— „Вполнѣ не съ кѣмъ.“

— „Такъ надо остаться.“

— „Дѣло. Теперь послушай, зачѣмъ мы въ Гарстово отправляемся.“

И Кирилинъ разсказалъ Бѣльскому исторію Ольги Дмитріевны...

— „Пусть Рязанцева поможетъ вылечить бѣдное дитя,“ прибавилъ онъ затѣмъ, „такое дѣло ей по силамъ.“

— „А ты близко ее знаешь?“

— „Близко.“

— „Что это за личность?“

— „Хорошая личность, очень хорошая,“ горячо отвѣчалъ докторъ. „Она еще до многаго не додумалась, но глубоко недовольна своимъ настоящимъ развитіемъ и неутомимо работаетъ надъ своимъ дальнѣйшимъ воспитаніемъ. Работы еще много, но тамъ гдѣ есть желаніе—значитъ полдороги пройдено.

— „Что же подвинуло ее на эту работу?“

— „Не знаю. Преимущественно кажется мысли о воспитаніи дѣтей. Впрочемъ...“

Кирилинъ отвѣчалъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ, ясно было, что онъ зналъ или хоть подозрѣвалъ еще и другія причины разлада Рязанцевой съ ея первоначальнымъ міромъ, но не хотѣлъ высказать ихъ. Бѣльскій поспѣшилъ вывести друга изъ затрудненія, задавъ ему новый вопросъ.

— „И хорошо она теперь дѣтей держитъ?“

— „Недурно; но еще не совсѣмъ хорошо. Шатается. Ведетъ впередъ, да не смѣло. Дрожитъ за всякій шагъ, на который рѣшается, до болѣзни дрожитъ...“

— „Какъ агнцевъ ведетъ на закланіе. Это непрочно.“

— „Было бы непрочно, если бы трудъ движенія пугалъ ее, если бы она отступала отъ трудностей, неизбѣжныхъ въ началѣ...“

Бѣльскій замѣтилъ, что Кирилинъ говоритъ съ жаромъ, довольно неестественнымъ при разговорѣ объ обыденныхъ предметахъ.

— „А способны ея дѣти?“ спросилъ онъ.

— „Очень.“

— „А мужъ помогаетъ ей?“

— „Я его мало знаю...“

Бѣльскому нетрудно было замѣтить, что онъ опять задалъ вопросъ, на который Владиміру Степановичу отвѣчать не хотѣлось. Ясно, продолжать разговоръ значило бы силой врываться въ чужой внутренній міръ. Бѣльскій замолкъ. На Кирилина нашло раздумье... Спустя нѣсколько минутъ онъ тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя докучныя мысли...

— „Ну-ка, поживѣй!“ крикнулъ онъ кучеру.

— „Ой, вы, нелѣнивыя!“

И лошади побѣжали крупной рысью.

Не даромъ отмалчивался Кирилинъ. Елена Васильевна встрѣтилась съ нимъ въ эпоху своего перерожденія, и обратилась къ нему съ своими вопросами. Кирилину вопросы эти были не новы, онъ каждому изъ нихъ нашелъ основательное разрѣшеніе, онъ руководствовался въ жизни твердыми убѣжденіями. Между нимъ и Еленой Васильевной возникли самыя дружескія отношенія. Елена Васильевна скоро замѣтила даже, что въ бесѣдахъ съ докторомъ находитъ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ въ разговорахъ съ мужемъ. Это открытіе испугало ее. Кирилинъ тоже созналъ, что ему общество Елены Васильевны особенно пріятно. Задумался и онъ. Подумалъ, подумалъ и рѣшилъ бывать у Рязанцевыхъ порѣже. Когда они переѣхали въ деревню, онъ вовсе прекратилъ свои посѣщенія. Только желаніе спасти Ольгу заставило его рѣшиться на поѣздку въ Гарстово. Но ѣхалъ онъ не безъ опасеній за себя.

IV.

На берегу сплавной рѣки, въ тѣни садовъ, красиво высились барскія хоромы Рязанцевыхъ. Ихъ еще при покойномъ Семенѣ Михайловичѣ Рязанцевѣ строилъ московскій архитекторъ, истый художникъ, до послѣдней тонкости усвоившій себѣ рисунки классическихъ

развалинъ, но плохо понимавшій, отчего дымитъ печка. Забывая объ угрюмости холоднаго сѣвера, онъ на каждомъ фасадѣ вывелъ по шести колоннъ чистѣйшаго коринфскаго ордена и такимъ образомъ оградилъ весь домъ отъ рѣдкихъ солнечныхъ лучей, вѣроятно, для того, чтобы сырость никогда не покидала его твореніе, или разсчитывая, что у Рязанцевыхъ „свой лѣсъ, дровъ жалѣть не стоитъ." Одно во всемъ зданіи было практично: надъ крышей поставленъ былъ родъ бельведера, изъ котораго и Семенъ Михайловичъ и наслѣдникъ его самодовольно могли обозрѣвать поля и нивы своихъ обширныхъ владѣній и усыплять этимъ зрѣлищемъ всякую мысль, способную шевельнуть человѣка на какой бы то ни было трудъ. Карлъ II, испытавъ изгнаніе, находилъ, что лучшее средство для сохраненія здоровья—ежедневная прогулка по клочку собственной земли. Рязанцевы своимъ атлетическимъ сложеніемъ подтверждали истину королевской идеи. Бельведеръ этотъ полезенъ былъ впрочемъ не только въ гигіеническомъ, но и въ хозяйственномъ отношеніи, что оказывалось не разъ. Семенъ Михайловичъ съ него открылъ сердечныя тайны своего прикащика и одной изъ любимыхъ барскихъ горничныхъ, за что прикащика—лишилъ мѣста, а горничную сослалъ на скотный дворъ, къ великому удовольствію собственной супруги. Съ того же бельведера Николай Семеновичъ не разъ ловилъ крестьянъ въ покражѣ лѣса и наказывалъ ихъ образцовымъ манеромъ, съ него же онъ наблюдалъ, какъ крѣпостные крестьяне увязывали въ плоты запроданный бариномъ лѣсъ, какъ однажды, по выраженію Рязанцева (высказанному въ то время, когда еще Рязанцевъ не заразился либеральными идеями), "Ванюха Пыжевъ косолапо схватилъ бревно, подвернулся и потонулъ..." Мало ли чего можно было наглядѣться съ этого бельведера. Домъ окруженъ былъ садомъ, о которомъ хозяева заботились мало; онъ не радовалъ глазъ разнообразными цвѣтами, деревьевъ его не стригли, не уродовали, они разрослись свободно, роскошно. За то когда мыслящему существу, незачерствѣвшему въ узкой средѣ чисто-помѣщичьихъ интересовъ, нуженъ былъ отдыхъ и покой, — тѣнистыя аллеи одичалаго сада привѣтливо манили къ себѣ роскошью природной красоты и давали раздумью пріютъ.

Друзья застали хозяевъ на балконѣ лицеваго фасада. Ласково встрѣчены были хозяйкой дорогіе гости.

— „Петръ Сергѣевичъ! — вотъ это хорошо. Притащили васъ неволей, Владиміръ Степановичъ...“

Вскорѣ подали обѣдать. Послѣ обѣда пошли въ садъ. Бѣльскій, оставленъ былъ на жертву Рязанцеву. Николай Семеновичъ вступилъ съ нимъ въ длинныя разсужденія; въ нихъ онъ самоувѣренно и важно судилъ о предметахъ, уважаемыхъ Бѣльскимъ, съ насмѣшкой или, что еще хуже, съ пошлою легкостью, свойственною людямъ избалованнымъ судьбою, необразованнымъ, немыслящимъ, но самодовольнымъ. Спорить противъ такихъ сужденій, защищать свои положенія безплодно, но они щемятъ сердце свѣжему человѣку и утомляютъ его какъ пытка. Петръ Сергѣевичъ уже обдержался, онъ слушалъ съ внутренней улыбкой, и молчалъ. Зачѣмъ противорѣчить. Рязанцевъ былъ очевидно неисправимъ. Кирилинъ же бесѣдовалъ съ Еленой Васильевной.

— „Вы вѣдь знакомы были съ Лавинскими въ Я***? спрашивалъ докторъ.

— „Еще бы, и очень. Бѣдная Ольга... Что она переѣхала изъ монастыря?“

— „Нѣтъ еще; и если вы не поможете такъ и не переѣдетъ. Сдѣлайте доброе дѣло, вытащите ее оттуда, отъ васъ зависитъ вся ея жизнь.“

— „Отъ меня? что же я могу сдѣлать?“

— „Видите ли, Елена Васильевна. Ей дѣваться не куда. Къ теткѣ она переселиться не можетъ, — она отъ нея-то и укрылась въ монастырь; а между тѣмъ при ея воспитаніи, при ея наклонностяхъ, въ настоящей обстановкѣ — она охотно и вовсе останется за оградой, какъ скоро вопросъ о будущемъ раза два, три настойчиво возникнетъ въ ея головѣ. Если бы ей можно было показать, что въ жизни есть еще и другіе пути кромѣ Дрейсиговъ и монастыря...“

— „И Берестова?“

— „И Берестова пожалуй. Короче, если бы можно было показать ей, что задатки жизни не изсякли для нея вмѣстѣ съ отъѣздомъ Берестова и смертью матери...“

— „Да. Но какъ-же я могу это сдѣлать? взять ее къ себѣ— я не имѣю права, да и она не захочетъ... да не знаю и...“

— „Вашъ мужъ, напримѣръ, захочетъ ли, и вы сами захотите ли. Но этого и не нужно.“

— „Что же дѣлать?“

— „Надо ее развлечь, и дать ей пріютъ, въ которомъ бы она находила отдыхъ отъ общества тетки, къ которому бы она прибѣгала съ довѣріемъ и помимо монастыря...“

— „Хорошо. Ужь это легче, но все-таки какъ приступить къ этому?“

— „А, напримѣръ, хотя такъ: въ субботу (въ праздникъ это неудобно, народу въ церкви много) пріѣзжайте помолиться въ монастырь. Вы иногда ѣздите въ монастырь? Это не удивитъ никого?“

— „Въ лѣто раза три ѣзжу. Тамъ похороненъ мой отецъ.“

— „Видите ли. Такъ вашъ пріѣздъ будетъ вполнѣ естественъ. Увидите Ольгу Дмитріевну. Приласкайте ее, пригласите къ себѣ на нѣсколько дней. А мы уже похлопочемъ, чтобы она согласилась. Если иначе нельзя будетъ, такъ вы и матушку Аполинарію съ ней пригласите, съ Аполинаріей она навѣрно пріѣдетъ. Аполинарія же добрая монахиня, — неутомительная, ненавязывающая никому своихъ взглядовъ... Здѣсь поразвлеките ее, устройте какія нибудь поѣздки въ лѣсъ что-ли, большаго общества не надо, пусть музыки будетъ немного; вообще шуму поменьше. Да вы сами знаете, вы женщина,—вамъ легче примѣниться къ сердцу человѣка...“

— „Я думаю,“ сказала Елена Васильевна съ улыбкой. „Къ послѣднему дню ея пребыванія здѣсь я приглашу и Дрейсига съ семействомъ. И скажу Ольгѣ, чтобы она пріѣзжала почаще, каждый разъ какъ устанетъ дома... Такимъ образомъ я не возстановлю противъ нея и тетки...“

— „Хорошо, Елена Васильевна, хорошо. Весело васъ слушать.“

— „Пожалуй при случаѣ можно будетъ и посовѣтовать ей, чтобы поменьше думала о келейномъ уединеніи...“

Кирилинъ улыбнулся въ свою очередь.

— „Зачѣмъ же это, Елена Васильевна, совѣтовать-то?“

— „Какъ зачѣмъ?“

— „Да-съ, зачѣмъ? А если (конечно это невѣроятно... однако) если она никакъ не разовьется дальше своихъ восторженно-мистическихъ идей, тогда зачѣмъ же стѣснять ее?..“

— „Не понимаю.“

— „Вѣдь вотъ вамъ не хочется въ монастырь и мнѣ не хочется, потому что и вы и я знаемъ пути, на которыхъ жить легче; ну, вѣроятно, что и Ольга Дмитріевна когда узнаетъ такіе пути тоже предпочтетъ ихъ, а если не узнаетъ, такъ всякое нравоученіе безполезно. Я думаю: никогда еще нравоученія и совѣты не исправили ни одного человѣка...“

Елена Васильевна опять вопросительно взглянула на доктора.

— „Да я думаю, что здоровому человѣку, собирающемуся съѣсть дурное блюдо, стоитъ только сказать: „вотъ другое, лучшее, попробуйте не вкуснѣе-ли оно?“—чтобы онъ попробовалъ, оставилъ первое и дѣйствительно нашелъ второе лучшимъ. Но есть люди, глубоко зараженные, неизлечимо больные, у которыхъ вкусъ теряетъ свои естественныя свойства, испорченъ такъ, что уже и неспособенъ насладиться лучшимъ, что ему именно хочется дряни. Вѣдь такія натуры страдаютъ отъ принужденія ѣсть лучшія блюда. Совѣтомъ имъ не поможешь, ихъ надо вылѣчить...“

— „Неужели вы думаете, что мысль Ольги уже такъ засорена?“

— „Я вамъ сейчасъ сказалъ, что это невѣроятно, но можетъ быть. Я думаю, что покуда она потому остановилась на монастырѣ, что міръ ея совмѣстился въ двухъ понятіяхъ: Дрейсигъ или монастырь! Ну изъ этихъ двухъ крайностей и я бы, пожалуй, выбралъ монастырь. Я только хотѣлъ сказать, что не слѣдуетъ уговаривать, принуждать?..“

— „Да. Но отчего же ей не придетъ въ голову, что живя у Дрейсигъ она еще можетъ встрѣтить кого нибудь, кто дастъ ей возможность хоть бы семейнаго наслажденія?..“

— „Вотъ въ этой-то возможности ее и надо еще убѣдить. Надо уничтожить послѣдствія исторіи съ Берестовымъ, цѣлую сѣть предубѣжденій. Въ ней есть ложный стыдъ; ей совѣстно признаться даже самой себѣ, что она ошиблась въ человѣкѣ или въ своихъ потребностяхъ. Грустное самолюбіе, часто встрѣчаемое и всегда имѣю-

щее тяжелыя послѣдствія. Кромѣ того ей уже кажется, что она отлюбила, больше не полюбитъ. Она и не подозрѣваетъ, что при извѣстной степени развитія любить Берестова невозможно, не понимаетъ, что насколько она способна идти впередъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ, настолько же Берестовъ способенъ отступать, мельчать, благодаря самоувѣренности и нравственной лѣни, которою онъ проникнутъ. Это должно проясниться для Ольги Дмитріевны, какъ скоро она сдѣлаетъ хоть еще одинъ шагъ въ развитіи...“

— „Вы мало знаете женщинъ. Она, по мѣрѣ своего развитія, будетъ приписывать Берестову одно за другимъ качества, прибавляющіяся къ ея идеалу... Берестова же кстати на лицо нѣтъ, провѣрить себя трудно...“

— „Да и будь онъ на лицо, онъ бы съумѣлъ (если бы захотѣлъ) заглушить ея сомнѣнія своею самоувѣренностью и смѣлостью .. Да я полагаю, онъ ее уже забылъ, да любитъ ли и она его?“

— „Не знаю. Можетъ быть, еще увѣрена что любитъ...“

— „Это ея дѣло. И такъ рѣшимте, Елена Васильевна, что никакой ея святыни мы разрушать не имѣемъ права; мы можемъ только показать ей болѣе полезное, лучшее и пригласить смотрѣть на жизнь по возможности открытыми глазами...“

— „Такъ. Въ субботу я у обѣдни. А вы поговорите съ Аполинаріей.“

— „А вы съ Николаемъ Семеновичемъ.“

— „Да. Вы съ Бѣльскимъ пріѣдете?“

— „Можетъ быть.“

— „Пріѣзжайте..... Я не съумѣю показать ей пути на „праздникъ жизни“—какъ выразился Петръ Сергѣевичъ,“ прибавила она помолчавъ.

— „Вы недовѣряете себѣ?“

— „Несъумѣю, Владиміръ Степановичъ. Я это чувствую. Жизнь мнѣ самой неясна.“

— „Если есть сознаніе въ неясности, можно отыскать уясненіе“.

— „Трудно. Воздухъ-то вокругъ меня зараженъ.“

— „Освободитесь отъ него. Зачѣмъ вы отступаете? Это слабость воли.“

— „А волю-то кто во мнѣ разработывалъ?“

— „Мало ее въ васъ прежде выработывали, — этому я, вѣрю...“

— „А теперь развѣ вырабатываетъ ее что нибудь?“

— „Или вы сами не замѣчаете, что̀ требуетъ отъ васъ постояннаго движенія впередъ?“

— „Забота о будущности дѣтей.“

— „Это развѣ не сила? Вдумайтесь-ка въ самомъ дѣлѣ безъ боязни, могутъ ли жить ваши дѣти въ тѣхъ же понятіяхъ, въ которыхъ нѣкогда росли вы? Я думаю, вамъ придется отвѣтить отрицательно. И превратится этотъ отрицательный отвѣтъ въ убѣжденіе. И вотъ путь къ свободѣ. Васъ ведутъ къ нему дѣятельнѣйшія силы: мысль и любовь. Мысль и любовь — это такая бездна жизни.“

Елена Васильевна взглянула на Кирилина. По этому взгляду ясно было, что она согласна съ нимъ, хотѣла бы и отвѣтить или еще спросить что-то, но подавила въ себѣ задуманное слово...

— „Можетъ быть,“ сказала она минуту спустя и вздохнула. „Пойдемте на балконъ; тамъ мужъ и Бѣльскій ждутъ насъ за кофе...“

Пришли на балконъ.

— „Кофе совсѣмъ простылъ,“ замѣтилъ Рязанцевъ.

— „Ничего“, отвѣтилъ докторъ, и взялъ себѣ чашку.

Елена Васильевна тоже было взяла кофе, но тотчасъ поставила его обратно на столъ, и прошла въ сосѣднюю залу, среди которой стоялъ открытый рояль; Елена Васильевна сѣла къ нему... Изъ-подъ ея пальцевъ полился вальсъ Шопена....

„Жизнь, жизнь, какъ ты свѣтла и ясна, какъ просты и велики даруемыя тобой наслажденія! Только пойми тебя, и бытіе превращается въ ликованіе. Отчего же человѣчество переполнено горемъ и плачемъ? Отчего радостная улыбка только изрѣдка освѣщаетъ облегающій насъ мракъ, какъ лучъ солнца, на мигъ прорвавшійся сквозь облака въ туманный день поздней осени? Напрасно раскрываешь ты свои чертоги, напрасно зовешь всѣхъ и каждаго на безконечный праздникъ счастія... Пусты чертоги твоихъ радостей; какъ на свѣтлый сонъ глядятъ на нихъ издали люди, и не смѣютъ про-

никнуть въ пихъ. Кто знаетъ, отчего у насъ нѣтъ рѣшимости войти и насладиться? Или пути къ твоимъ чертогамъ такъ трудны?.. Трудны пути, да за то и силы не мало у человѣчества. Что же оно не довѣряетъ исполинской силѣ, что же оно не размахнетъ крыломъ, какъ бы слѣдовало размахнуть имъ богатырю-человѣку? Или мы видимъ только долю благодати, ожидающей насъ за труднымъ путемъ? О если бы явился геній, и ярко освѣтилъ картину этой благодати, такъ, чтобы всякій созналъ ее во всей полнотѣ;— какъ бы бросились къ ней!.. Или нѣтъ... Приходили пророки — а мы ихъ забросали каменьями... И теперь мы еще вѣримъ въ чары, мы бы распяли, сожгли и новаго пророка, осмѣлься онъ распалить наше воображеніе неосуществимыми по нашему мечтами!" Трудно, медленно изчезаетъ наше невѣденье. Понимаю я, вѣщій художникъ, какую жгучую боль ты затаилъ въ груди по человѣчеству, отвергающему собственное счастье! Понимаю, отчего твои стопы такъ могучи, такъ безконечно глубоки!.. Жизнь, жизнь, какъ ты ясна и свѣтла, и какъ немногіе познали тебя!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Въ воскресенье за обѣдомъ въ Гарстовѣ сидѣли снова Кирилинъ съ Бѣльскимъ и Ольга.

— „Скучно жить," сказала по поводу чего-то Елена Васильевна. Въ ея настроеніи словамъ этимъ вырваться было легко.

— „Скучно жить?" возразилъ Бѣльскій. „Жизнь грустна! Полноте. Гдѣ жизнь—тамъ наслажденіе. Лишь бы человѣкъ захотѣлъ жить, а не бѣжалъ жизни."

— „Я васъ не понимаю."

— „Большая часть людей скучаютъ жизнью оттого, что замыкаютъ ее въ слишкомъ узкія рамки. Что наша микроскопическая личная жизнь въ безднѣ міровой жизни, хоть бы только въ суммѣ жизни человѣчества? И какъ вы хотите найти наслажденіе, достой-

ное жизни, отгораживая незначительную, исключительно вамъ принадлежащую долю ея отъ прочей жизни міра?.. Какъ эта вѣтка, отрѣзанная отъ дерева для украшенія вашей комнаты,—уединившійся отъ міра человѣкъ скоро тратитъ накопленный внутри его запасъ силъ, и ему не откуда набрать новыхъ силъ, и онъ увядаетъ. Сознайте свое единеніе съ міромъ, хоть съ человѣчествомъ, сознайте, что все человѣческое посредственно или непосредственно касается и васъ, сживитесь съ человѣчествомъ, слейтесь съ нимъ въ одно цѣлое, и потомъ скажите: есть ли сила, способная сокрушить весь запасъ жизни, который есть у человѣка? Разрушьте мой сегодняшній міръ, завтра отъ несокрушимаго древа человѣчества въ мои увядающіе органы прильетъ новый потокъ крови, и я воскресну снова, и не будетъ конца моей жизни, свѣжей, кипучей, вѣчно-юной, вѣчно-полной, пока организмъ мой еще существуетъ въ своей настоящей формѣ...“

— „Увлекаетесь вы, Петръ Сергѣевичъ; много я видѣла людей, много существованій; а животворныхъ началъ въ человѣчествѣ встрѣчала немного...“ Елена Васильевна на этотъ разъ была въ припадкѣ скептицизма.

— „Опять не знаю, гдѣ вы искали ихъ. Вглядѣвшись въ міръ, не трудно замѣтить, что люди часто мертвое принимаютъ за живое, мертвящее за животворящее, ищутъ жизни въ царствѣ смерти...“

— „Можетъ быть...“

Разговоръ бы прекратился на этомъ. Елену Васильевну онъ навелъ на рядъ идей, съ которыми она ни съ кѣмъ не дѣлилась со времени городскихъ свиданій съ Кирилинымъ, она ушла въ себя и задумалась надъ слышаннымъ. Но разговоръ этотъ сильно запалъ на душу Ольгѣ. Она, можетъ быть, слышала намеки на что-то подобное отъ Кирилина, но никогда не обращала вниманія на то, куда ведетъ міросозерцаніе доктора? Да и рѣдко приходилось ему послѣдовательно говорить при ней о серьезныхъ предметахъ, не знаю хоть разъ приходилось ли? Опять Кирилинъ не могъ имѣть на своихъ слушательницъ такого же вліянія, какъ Бѣльскій. Кирилину, какъ мы видѣли, жизнь въ ея разумныхъ формахъ досталась безъ большихъ потрясеній и борьбы, жизнь сама указала ему на простоту уста-

новленныхъ ею отношеній, потому Кирилинъ и говорилъ обо всемъ очень просто, не умѣя подыскивать тѣхъ картинъ и сопоставленій, которыя своимъ широкимъ размѣромъ въ состояніи поразить давно бездѣйствующую или отвлекаемую въ другія стороны мысль, остановить ее на себѣ и измѣнить или хоть нарушить ея обыденное теченіе. Бѣльскій, напротивъ, самъ вышелъ на разумную стезю потому, что его воспріимчивая, страстная натура не разъ поражалась колоссальными послѣдствіями ежедневныхъ столкновеній и широкими чертами дѣйствительности; потому онъ особенно способенъ былъ рисовать бойкіе эскизы, своею грандіозной постановкой привлекающіе на путь разума. Особенно сильно такія картины должны были дѣйствовать на созерцательную натуру Ольги, а она еще теперь то-и-дѣло задавала себѣ вопросъ: „что дѣлать съ жизнью? чего ждать отъ жизни?“ Ея внутренній міръ былъ разрушенъ и она не сознавала другого міра въ себѣ... уже она готовилась отречься отъ земной жизни... Никакой разговоръ не могъ придтись ей больше по душѣ, она всѣмъ бытіемъ внимала ему, онъ поразилъ ее такъ, какъ бы не могъ поразить другого, ни даже ее въ другую минуту.

— „Что вы называете мертвымъ или живымъ началомъ въ жизни?“ спѣшила спросить Лавинская, видя, что разговоръ прекращается.

Кирилинъ замѣтилъ ея вниманіе и обрадовался: „Еще исцѣленіе возможно,“ подумалъ онъ; „еще ничего не рѣшено въ ней... лишь бы кризисъ прошелъ благополучно.“

— „Что я назвалъ жизнью и смертью внутренней нравственной жизни?“ сказалъ Бѣльскій, „если вы никогда не думали объ этомъ, такъ въ двухъ словахъ трудно найти вамъ удовлетворительный отвѣтъ, потому что вы можете перетолковать себѣ мои слова въ ложную сторону, потому я отвѣчу съ условіемъ: не дѣлайте заключеній про себя, а скажите откровенно, что вы подумаете о моемъ отвѣтѣ и какъ будете распространять его сжатую формулу.“

— „Хорошо, говорите.“

— „Все давящее мысль, хотя бы оно и оживляло мечту, мертвитъ, живящее начало — мысль.“

„Да всякій думаетъ какъ можетъ... Различно люди думаютъ, но думаютъ всѣ.“

— „Нѣтъ не всѣ, а главное не о всемъ. Мысли своей люди позволяютъ идти до извѣстныхъ границъ, а далѣе ей идти запрещаютъ. Не только есть люди, давящіе мысль, есть предметы, идеи, давящіе ее.“

— „Напримѣръ?“

— „Поищите сами. Стоитъ передъ вами явленіе,—вы и спросите себя: помогаетъ оно развитію мысли или подавляетъ ее? и рѣшите на этомъ основаніи: живитъ оно или умерщвляетъ.“

— „Мысль?..“ передумывая повторила Ольга... „Будто одна мысль живящее начало? А сердце, а чувства?“

— „Вы дѣлаете возраженіе очень общее и давно разбитое не только наблюденіями надъ поступками человѣка, даже анатомическимъ ножемъ. Вы все еще ставите мысль и чувство противорѣчащими другъ другу. Напрасно. Чувство можетъ быть разумно и неразумно, но сила чувства какъ разумнаго, такъ и неразумнаго одинакова; только разумное, имѣя прочное основаніе само прочнѣе, и только оно живитъ. Неразумное чувство есть трата жизни, невознаграждаемая пріобрѣтеніемъ новыхъ умственныхъ силъ.“

Ольга не отвѣчала, она какъ будто плохо понимала. Бѣльскій дѣйствительно жалъ свою рѣчь, видя, что всѣ кончили обѣдъ и сбираются вставать изъ-застола. Дѣти выражали свое нетерпѣніе довольно шумно... Петръ Сергѣевичъ остановился, всѣ поднялись. Лавинская прямо прошла въ садъ, остановилась у какого-то куста и, разсѣянно разглядывая его, видимо передумывала слышанное.

— „Вы не совсѣмъ поняли Бѣльскаго? Не правда-ли, Ольга Дмитріевна?“ спросилъ Кирилинъ, подходя къ ней.

— „Да,“ коротко отвѣтила дѣвушка, какъ бы разбуженная отъ дремоты.

— „Вамъ все кажется, что между разумомъ и сердцемъ должна быть борьба? Борьба, которую вы подмѣтили въ людяхъ, происходитъ не между сердцемъ и разумомъ, а преимущественно между дѣятельностью и лѣнью мысли. Позвольте въ короткихъ словахъ объяснить вамъ процессъ нашихъ чувствованій,—я докторъ, анатомъ, такъ, можетъ быть, немного сухъ, вдамся въ физіологію, но за то, вѣроятно, уясню вамъ что нибудь...“

— „Объясните.“

— „Видите ли: когда внѣшніе дѣятели (или единичныя представленія, собранныя памятью изъ прежнихъ внѣшнихъ впечатлѣній), возбуждаютъ нервныя волокна, возбужденіе это передается мозгу, раздраженіе котораго дѣйствуетъ на нервы отраженія, между прочимъ и на нервы сердца. Этотъ мускулъ есть средоточіе кровообращенія, слѣдовательно каждое сильное потрясеніе его отражается на кровообращеніи. Кровь же и ея обращеніе въ свою очередь вліяютъ на весь организмъ. Такимъ образомъ, раздраженіе нервовъ сердца, на обыкновенномъ языкѣ называемое чувствомъ, вполнѣ зависитъ отъ мозга, и сила этого раздраженія отъ воспріимчивости нервовъ сердца и отъ силы дѣятельности мозга.

Ольга не ожидала физіологическихъ доводовъ, и пристально поглядѣла на Кирилина. Но докторъ только улыбнулся ея удивленію, и продолжалъ:

— „Мозгъ, пріученный къ мысли, старается немедленно поставить это впечатлѣніе въ категорическія отношенія съ впечатлѣніями отъ другихъ представленій (которыя тоже или отыскиваетъ во внѣшнемъ мірѣ или вызываетъ изъ запаса памяти) и, дѣлая логическій выводъ, схватываетъ внутренній смыслъ даннаго явленія, его значеніе въ болѣе общемъ мірѣ явленій. Поверхностный умъ этихъ сближеній и выводовъ дѣлать не будетъ. Между тѣмъ и поверхностное и осмысленное впечатлѣніе равно способны раздражить нервы сердца, т. е. возбудить чувство, даже довести это раздраженіе до страсти, до того, что она овладѣетъ всѣмъ бытіемъ человѣка: только очевидно страсть, возбужденная первымъ впечатлѣніемъ, неосмыслена, лишена разумнаго основанія.“

Ольга понимала доктора довольно смутно, однако схватила сущность даннаго объясненія...

— „Неужели внутреннюю жизнь человѣка можно объяснить всѣми вашими нервами, мускулами?...“ спросила она.

— „Да и нѣтъ. Изученіемъ организма можно пояснить процессъ внутреннихъ явленій; отчасти отъ организма зависитъ и характеръ чувства, но чтобы вполнѣ изучить внутреннее явленіе на-

до въ особенности изучить дѣятелей внѣшняго міра: природу, человѣка, обстоятельства, вызывающія впечатлѣнія."

— „И тогда?"

— „И тогда міръ вамъ станетъ яснѣе; и вы сживетесь съ его радостями и съ его горемъ, только тогда вы узнаете тотъ неизсякаемый источникъ жизни, о которомъ говорилъ Бѣльскій, только тогда жизнь ваша будетъ вѣчно полна, только тогда невозможно будетъ разбить васъ никакимъ горемъ."

Ольга задумалась.

— „Отчего Бѣльскій говорилъ, что неразумное чувство есть трата жизни, а разумное..."

— „Приращеніе жизни."

— „Онъ сказалъ какъ-то иначе."

— „Онъ выразился мягче, я же прямо говорю вамъ, что разумное чувство увеличиваетъ количество нашихъ внутреннихъ силъ."

— „Какъ?"

— „Глубоко сознанная, прочувствованная мысль называется убѣжденіемъ. А каждое убѣжденіе даетъ намъ твердое руководство для жизни..."

— „Отчего я прежде ничего не слыхала объ этомъ?"

— „Отъ кого же вамъ было слышать?"

— „Развѣ это не всѣ знаютъ?"

— „Было время, когда я не зналъ,—вотъ теперь вы не знаете."

— „Я?"

И Ольга опять задумалась. Помолчали.

— „А вы, докторъ, давно знакомы съ Бѣльскимъ?" снова начала Лавинская.

— „Я, давно ли? Съ самой академіи. Лѣтъ восемь.

— „Онъ такъ же думаетъ какъ вы?"

— „Также. Только онъ вдохновеннѣе меня."

— „Какъ вдохновеннѣе?"

— „Онъ въ кружкѣ друзей былъ всеодушевляющимъ началомъ, общею бодростью. Вглядитесь,—это замѣчательная личность..."

— „Вы его, кажется, очень любите.

— „Искренно люблю. Идеи, которыя онъ выработалъ, еще

можно выработать,—это не чудо, да не у всякаго такая роскошная натура, мало кто способенъ развиться до такихъ размѣровъ...“

— „Вы пристрастны.“

— „Вглядитесь; тогда говорите. Я же разсказываю, что видѣлъ, и видѣлъ не одинъ. Онъ никогда не теряетъ своей чистоты и силы: бросьте его въ какую угодно грязь, прикройте эту грязь какими угодно формами, онъ не отвернется отъ пошлыхъ явленій жизни, вникнетъ въ нихъ, ознакомится съ ними, но къ нему не пристанетъ ничего изъ окружающей грязи. А между тѣмъ сколькихъ онъ выведетъ изъ нея, и какъ онъ при этомъ съумѣетъ пощадить самолюбіе человѣка, возстановить упадающаго въ собственныхъ глазахъ... Въ минуты нравственной опасности, въ минуту скорби онъ гигантъ, вырветъ васъ на чистый воздухъ и ободритъ своею бодростью. Я видѣлъ его въ тяжелыя минуты. Онъ былъ задумчивъ, грустенъ, судорожно страдалъ, но духомъ не падалъ никогда, еще въ немъ хватало духу ободрять другихъ, часто тѣхъ самыхъ людей, которые были виною его собственнаго страданія. И какъ онъ постоянно, какъ чутко прислушивается къ людямъ...“

— „А онъ кажется такъ беззаботенъ, безпеченъ...“

— „Его исполинская работа не видна потому, что достается она ему слишкомъ легко. Что другому трудъ, то для него шутка.“

— Хорошо, что онъ васъ не слышитъ Владиміръ Степановичъ, онъ бы возгордился.“

— „Нѣтъ. Онъ все еще думаетъ, что недостаточно работаетъ.“

Снова замолкли. Кириллинъ какъ втянулся въ вереницу воспоминаній, такъ и не могъ оторваться отъ нихъ... „Да, да, роскошная натура“, говорилъ онъ про себя въ полголоса, какъ-бы недоговаривал: „если бы только его знали“... Ольга Дмитріевна тоже задумалась о сказанномъ...

— „Я что-то уже слышала о немъ прежде,“ сказала она черезъ нѣсколько времени.

Кириллинъ вышелъ изъ своего забытья. Онъ вспомнилъ обстоятельства, при которыхъ говорилъ о Вѣльскомъ при Лавинской. Его удивилъ спокойный тонъ, съ которымъ она вспомнила о нихъ...

„Она не избѣгаетъ разговоровъ о Берестовѣ“, подумалъ онъ; „сдѣлаемъ опытъ“.

— „Да это тотъ самый Бѣльскій, дѣло котораго въ острогѣ было поручено Павлу Андреевичу, и брошено имъ на произволъ Волховитинова.“

— „Помню“, коротко отвѣчала Ольга Дмитріевна.

— „Да“, подумалъ Кирилинъ, вглядываясь въ лицо своей собесѣдницы, „старыхъ друзей мы еще не забыли, это ясно, но только потому, что некѣмъ ихъ замѣнить, а слабыя стороны ихъ уже сознаются... Исцѣленіе возможно“.

Въ тоже время на перекресткѣ какой-то аллеи, собесѣдниковъ встрѣтилъ Рязанцевъ, съ только что пріѣхавшимъ сосѣдомъ Любецкимъ, котораго и представилъ Ольгѣ Дмитріевнѣ. Начался пустой разговоръ.

II.

На балконѣ въ тоже время происходилъ разговоръ очень сходный съ разговоромъ Лавинской и доктора. — Когда Рязанцевъ ушелъ съ своимъ сосѣдомъ, Елена Васильевна бесѣдовала съ Бѣльскимъ; дѣло шло о Кирилинѣ.

— „Вы давно знакомы съ докторомъ, Петръ Сергѣевичъ?“

— „Давно, лѣтъ восемь. Съ университета“,

— „Онъ васъ очень любитъ“.

— „Вѣрю; потому что я самъ искренно люблю его. Я ему многимъ обязанъ. Прежде я, едва схвативъ нѣсколько очертаній, уже составлялъ картину цѣлаго; набросавъ эскизъ, думалъ, что окончилъ картину. Кирилинъ научилъ меня озираться въ жизни, заканчивать начатое... Да еще и теперь онъ могъ бы поучить меня многому.“

Дѣйствительно, Кирилинъ встарину часто говаривалъ про Бѣльскаго, что онъ, какъ Аннибалъ, „умѣетъ побѣждать, но не умѣетъ пользоваться побѣдой“. Теперь Бѣльскій скромничалъ; онъ чуть-ли не превзошелъ своего учителя.

— „Онъ хорошій, очень хорошій человѣкъ“, съ искренностью замѣтила Елена Васильевна.

— „На него можно положиться какъ на каменную гору вездѣ и во всемъ. Его не всѣ цѣнятъ по достоинству, потому что въ немъ нѣтъ внѣшняго блеска, иным подступъ къ нему кажется труденъ;—а напрасно: только подойди къ нему, рука его протянута всякому съ глубокой любовью. Самъ онъ мало къ кому подходитъ потому, что боится нарушить личную самобытность другихъ; онъ ничего не проситъ, но принимаетъ съ глубокой благодарностью всякій признакъ дружбы и вознаграждаетъ сторицею... Онъ все боится надоѣсть...

— „Для него это невозможно. Человѣкъ съ такимъ внутреннимъ богатствомъ надоѣсть не можетъ, онъ неисчерпаемъ,“ —горячо замѣтила Рязанцева. Лиризмъ былъ до такой степени не въ характерѣ Елены Васильевны, что обратилъ на себя вниманіе Бѣльскаго. Глаза хозяйки были особенно оживлены въ теченіи всего разговора. Привыкнувъ наблюдать за собою, она сама замѣтила, что увлеклась... и замолчала...

Бѣльскій вспомнилъ разговоръ свой съ докторомъ въ тарантасѣ на гарстовской дорогѣ... и тоже задумался.

III.

Слѣдующій день еще болѣе сблизилъ Ольгу и Бѣльскаго. Петръ Сергѣевичъ старался передать Лавинской свои познанія и выводы со всевозможною ясностью, Лавинская слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ. Рязанцевъ былъ особенно внимателенъ къ доктору. Часовъ въ одинадцать онъ даже уговорилъ Кирилина ѣхать съ собою на какія-то полевыя работы, и привезъ его обратно только къ четыремъ часамъ, повинуясь требованіямъ проголодавшагося желудка. Все это время Елена Васильевна присутствовала при бесѣдѣ Ольги съ Петромъ Сергѣевичемъ, но была молчалива, видимо разсѣяна. По возвращеніи мужа и доктора она ожила; а ввечеру снова пріѣ-

халъ сосѣдъ, бывшій у Николая Семеновича накапунѣ. Они что-то покупали одинъ у другого, потому Николаю Семеновичу пришлось вполнѣ отдаться своему гостю. Только изрѣдка могъ онъ выходить изъ своего кабинета въ гостиную или залу, при чемъ каждый разъ старался вмѣшаться въ разговоръ доктора съ женою. Сосѣдъ нашелъ Рязанцева несговорчивымъ до крайности, нетерпѣливымъ, даже невнимательнымъ къ разумнѣйшимъ доводамъ, и наконецъ рѣшился прекратить переговоры.

— „Вы что-то сегодня не въ духѣ, Николай Семеновичъ?“.

— „Нѣтъ, ничего. Откуда вы взяли?“

— „Такъ показалось. Я лучше завтра еще у васъ побываю.“

— „Нѣтъ-съ, я къ вамъ заѣду коли такъ. А теперь пойдемте въ гостиную... Да кстати сыграемъ въ картишки. Доктора съ собою посадимъ.“

— „Можно бы, да заиграешься. Обѣщалъ я домой пораньше“.

— „Ничего. Сегодня не кончимъ, завтра у васъ доиграемъ. Вы позволите доктора къ вамъ привезти?“

— „Очень буду радъ. Я давно его зову, да не зазову“..

— „Пригласите сегодня. Ужь я его уговорю, завтра вмѣстѣ пріѣдемъ“...

Кирилина засадили за карты. Елена Васильевна поговорила съ Ольгой, потомъ взяла какую-то книгу и стала читать.

Такъ кончился день. По душѣ пришелся онъ только Ольгѣ да Бѣльскому. Придя въ свою комнату, Ольга задумчиво опустилась на кресло. Она была утомлена. Все, что она слышала и видѣла вокругъ себя, слишкомъ возбуждало ея жизнь, не могло не потрясти ее. Со всѣхъ сторонъ въ Гарстовѣ она встрѣчала привѣтъ и ласку; привѣтъ можетъ быть не болѣе искренній, чѣмъ привѣтъ Аполинаріи, привѣтъ конечно менѣе полный, чѣмъ привѣты Натальи Михайловны, но привѣтъ по характеру своему болѣе сродный и близкій человѣку. Ей бывало говорили: „Жизнь трудна, дорогое дитя; жизнь—тягостное испытаніе, но ее пройти слѣдуетъ; вооружись же рѣшимостью, прими на себя иго и выдержи его ради надежды на будущее,—а мы тебѣ поможемъ своей любовью“. Ее

призывали къ покорному страданію и голубили, чтобы поддержать въ неизбѣжныхъ мукахъ...

„Жизнь свѣтла“, сказали ей теперь, „пойдемъ на ея свѣтлый праздникъ. Вооружись рѣшимостью на первое время — и скоро наслажденіе жизнью будетъ тебѣ доступно. На пути этомъ мы тебя не оставимъ. Забудь сумрачныя грезы и прими отрады бытія“.

— „Что это?“ думала она, „я ничего подобнаго не слыхала. Это новый міръ... страшно... а между тѣмъ...“

И вотъ передъ ней вставали вопросы, возникавшіе въ монастырѣ, и поразительно различны были эти вопросы отъ новыхъ вопросовъ...

— „Куда спастить отъ жизни? гдѣ найти пріютъ?“ спрашивалось прежде.

— „Какой же путь принять для того, чтобы придти къ наслажденію жизнью“, спрашивалось теперь.

— „Нѣтъ счастья на землѣ, гдѣ менѣе горя“?

— „Земля богата счастьемъ, гдѣ лучшій путь къ нему“?

Тамъ покорность отчаянья, здѣсь стремленіе надежды.

Голова кружилась у бѣдной дѣвушки.

Тихій стукъ въ двери разбудилъ ее отъ думы.

— „Вы еще не спите“? спросила, пріотворивъ дверь, Елена Васильевна. „Можно войти? Да вы еще и не раздѣвались! Мнѣ не спалось, я пришла въ гостиную, вижу у васъ огонь... Я думала: здоровы ли вы, не нужно ли вамъ чего? Простите, мой другъ, я уйду... Ложитесь, пора“.

— „Благодарю“, отвѣчала Ольга. „Ужь поздно“?

— „Часъ. Да развѣ вамъ спать не хочется“?

— „Мнѣ тоже не спится“.

Елена Васильевна поставила свѣчку на столъ и сѣла противъ Ольги.

— „Что съ вами?“ спросила она... „Виновата впрочемъ, я не имѣю никакого права на ваше довѣріе и не допрашиваю васъ. Я только по опыту знаю, какъ тяжело иногда не знать, съ кѣмъ подѣлиться мыслью, кому предложить вопросъ, смущающій до глубины души... Можетъ быть, вы мало меня разгадали, но какъ скоро я заслужу ваше довѣріе,—я не употреблю его во зло“.

Голосъ Елены Васильевны звучалъ непритворною лаской. Такимъ голосомъ говорятъ только люди, сами проникнутые скорбью и подавленные одиночествомъ, сквозь этотъ голосъ слышится, до какой степени они сами удручены тоской и требуютъ участія. Голосъ этотъ глубоко проникъ Ольгу Дмитріевну. Пристально, продолжительно взглянула она на Рязанцеву, и, быстро взявъ ея руку, сказала:

— „Я вамъ и теперь вѣрю, вполнѣ вѣрю, Елена Васильевна".

Рязанцева притянула ее къ себѣ и горячо поцѣловала. Ей самой нужна была ласка и эту жажду ласки она хотѣла утолить, лаская другихъ. Ольга это почувствовала. Не нужно много опытности, чтобы почувствовать это.

— „Вы сами смущены, Елена Васильевна", проговорила она. „Я вамъ вѣрю, вѣрьте же и вы мнѣ".

— „Меня какъ-то все страшитъ".

— „И вамъ страшно"?

— „Что"?

— „Я сама не знаю что. Только мнѣ страшно, я не знаю почему".

— „Я вдумывалась въ свой страхъ, и поняла его. Все, чѣмъ я жила до сихъ поръ, оказывается несостоятельнымъ; все, что я считала рѣшеннымъ, оказывается рѣшеннымъ невѣрно; все, на чемъ я было успокоилась, — не удовлетворяетъ меня болѣе... Я долго не знала, чѣмъ замѣнить свой старый міръ, теперь вижу..."

— „Видите"? нетерпѣливо ворвалась Ольга съ вопросомъ въ мечтательную рѣчь Елены Васильевны.

— „Кажется, вижу, и"...

— „И"?

— „И не смѣю рѣшиться"...

— „Вы, покрайней мѣрѣ, видите выходъ"?

— „Такъ вотъ въ чемъ и ваша забота?... Дорогое дитя, вамъ ли она тяжела. У васъ только одно не рѣшено: какимъ путемъ выйти, путей слишкомъ много, но выходъ вездѣ возможенъ"...

— „Гдѣ же"?

— „Не знаю гдѣ именно; я мало знаю вашу прошлую внутреннюю жизнь, чтобы опредѣлить лучшій путь; но одно могу вамъ

сказать съ достовѣрностью: только не переставайте внимательно вглядываться въ жизнь; вы его найдете".

— „Охъ, у меня и теперь уже голова кружится".

— „Вѣрю, другъ мой, очень вѣрю".

— „Да какой это новый міръ? Какъ же это: все, чѣмъ я жила негодно? я вижу это, вижу; не хочу видѣть и вижу"...

— „Такова сила мысли, сказалъ мнѣ какъ-то Кирилинъ на подобное восклицаніе."

— „Да развѣ мы прежде не думали"?

— „И я спросила тоже.— „Вы мечтали", отвѣтилъ онъ.

— „А Бѣльскій мнѣ сказалъ сегодня: тѣмъ, кто забилъ себѣ мысль, трудно перенести первые приступы мысли — но блаженъ, безконечно блаженъ тотъ, кто пересталъ бояться ея разрушительной силы и вѣритъ въ ея творческую мощь. Она не обманетъ вѣрующихъ".

— „Какъ вы запомнили его слова".

— „Я старалась запомнить ихъ".

— „Онъ правъ".

— „Правъ?"

— „Впрочемъ не знаю. Я сама"...

Елена Васильевна остановилась. Въ сосѣдней комнатѣ, въ гостиной, послышался шумъ передвинутой мебели...

— „Кто тамъ?" спросила хозяйка.

Послышались торопливые шаги по направленію къ залѣ. Елена Васильевна схватила свѣчу и подошла къ дверямъ. Черезъ открытую дверь залы она узнала мужа, торопливо шедшаго къ спальнѣ.

— „Только этого не доставало", подумала Елена Васильевна.

Рязанцевъ давно ревновалъ жену, и Елена Валильевна давно замѣтила его ревность, но она не думала, чтобы онъ могъ унизиться до шпіонства.

Медленно отошла она отъ двери. Потомъ остановилась на полминуты, вздохнула, и проведя рукою по лбу, какъ бы отгоняя неумѣстную мысль.

— „Прощайте мой другъ", сказала она Ольгѣ, и крѣпко поцѣловала ее.

— „Что вы“?

— „Ничего“, разсѣянно отвѣчала Рязанцева, „спите“.

Ольга нѣсколько успокоилась отъ разговора съ Рязанцевой, однако думы не оставляли ее. Она стала раздѣваться. Потомъ, ложась, хотѣла было помолиться какъ обыкновенно, но молитва ея была разсѣяна, ей не молилось...

И сонъ ея былъ чутокъ; не глубокъ.

— „Такова сила мысли, сказалъ Кирилинъ.“ Неудержимо настойчивъ ея напоръ.

IV.

Вторникъ. Сегодня въ Гаретово пріѣдетъ Марья Михайловна съ семействомъ. Какая скука!

Кирилинъ съ Бѣльскимъ встали рано. Всѣ еще спятъ: они вышли въ садъ.

— „Пора домой“, замѣтилъ Кирилинъ, „я хотя и распорядился, чтобы за мной прислали нарочнаго въ случаѣ нужды, а все-таки думается... вотъ уже третій день какъ я изъ Головинскаго“..

— „Да, пора“, сухо отвѣчалъ Бѣльскій.

— „Что ты со вчерашняго дня на меня такъ смотришь? будто недоволенъ чѣмъ“?

— „Ты не близорукъ“?

— „Нѣтъ, кажется... Да говори прямо“.

— „Ты нарочно не былъ здѣсь такъ давно, или въ самомъ дѣлѣ только оттого и не заѣзжалъ сюда, что не случилось быть въ этой сторонѣ“?

— „Нарочно“, сумрачно отвѣчалъ Кирилинъ, сдвинувъ брови. Видно было, что ему это умышленное отсутствіе изъ Гарстова стоило рѣшимости. Петръ Сергѣевичъ со вниманіемъ поглядѣлъ на него...

— „Виноватъ“, сказалъ онъ затѣмъ, протягивая доктору руку. Кирилинъ крѣпко пожалъ ее.

— „А ты сюда будешь ѣздить“? прибавилъ онъ. „Мнѣ дѣтей жаль, и ее жаль. Вѣдь такъ и пропадутъ“...

— „Уѣзжай сегодня“.

— „Сегодня“?

— „Будь послѣдователенъ. Рѣшился отступать такъ отступай, тутъ колебаться нельзя“...

Кирилинъ промолчалъ.

— „О чемъ же думать? настаивалъ Бѣльскій. (Онъ жестоко обращался съ людьми, въ силѣ которыхъ былъ увѣренъ). „Ну?... надо рвать, рви съ корнемъ. Что ты на фабрикѣ при ампутаціяхъ царапаешь или рѣжешь? Доцарапаешься до антонова огня— что проку. Бодрѣй“!

— „Хорошо“, встряхнувъ головой, какъ бы опомнившись, рѣшилъ докторъ.„ А ты сегодня останься здѣсь, здѣсь будетъ много народа, поддержи Лавинскую до конца; не то она увидитъ тетку, опять того и гляди спрячется въ ограду... Ну и... впрочемъ ничего“.

— „Да говори“.

— „Нѣтъ, ничего. Глупъ человѣкъ бываетъ... хотѣлъ сказать: присмотрись“..

— „Не малодушничай. Заливать, такъ заливай во время“.

— „Правда, правда“, замѣтилъ Кирилинъ, стараясь смѣяться, „вѣдь сказано: человѣкъ глупъ“... Только глаза его не смѣялись.

Вышли друзья изъ саду. На просторномъ дворѣ встрѣтили они докторскаго кучера.

— „Сегодня поѣдемъ часовъ въ 11, Маркъ Егоровичъ“.

— „Слушаю-съ“.

Прошли на рѣку, къ переднему фасаду дома. Кирилинъ обернулся къ окнамъ залы.

— „Уже“? проговорилъ онъ, и направился къ крыльцу. Въ залѣ онъ увидѣлъ Елену Васильевну.

Бѣльскій послѣдовалъ за нимъ.

Рязанцева была блѣдна, какъ бы утомлена.

— „Здравствуйте, Елена Васильевна. Какъ вы рано поднялись сегодня“?

— „Ахъ, здравствуйте, докторъ“.

— „Вы нездоровы?“

— „Нѣтъ... Здраствуйте Петръ Сергѣевичъ. Вы гуляли“?

— „Прошлись по саду“.

— „Славный день. Мы поѣдемъ къ Алексѣевскому колодцу... Сегодня наберется много народу. Пожалуйста, господа, помогите. народъ не все веселый“...

— „Мнѣ жаль не удастся помочь вамъ“, перебилъ Кирилинъ.

— „Вы развѣ ѣдете“?

— „Въ 11 часовъ“, спокойно отвѣчалъ докторъ.

Елена Васильевна сразу не нашла отвѣта. На лицѣ ея промелькнуло выраженіе, за которымъ, кажется, должна была слѣдовать просьба: „Останьтесь“, но она обратила вниманіе на спокойное выраженіе лица доктора и мгновенно перемѣнилась.

— „Въ 11? даже до завтрака“... замѣтила она какъ бы хладнокровно, „ваши лошади здѣсь? а не то я велю, чтобы наши были готовы“.

Она протянула руку къ колокольчику.

— „Не безпокойтесь, я на своихъ“, остановилъ ее Кирилинъ.

— „А вы хоть денекъ еще останьтесь съ нами, Петръ Сергѣевичъ“, особенно привѣтливо обратилась затѣмъ Рязанцева къ Бѣльскому.

Бѣльскій поклонился.

— „Вы очень милы, я въ васъ была увѣрена“.

— „Мнѣ дѣлать нечего, я могу располагать собою“.

— „Ахъ да, Владиміра Степановича больница зоветъ въ Головинское“!

Елена Васильевна видимо достигала своей цѣли. Бѣльскій замѣтилъ, какъ кровь бросается въ голову доктора, вспомнилъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ примиреніе опаснѣе ненарушимаго согласія.

— „А что такое за Алексѣевскій колодезь“? хотѣлъ было спросить онъ для того, чтобы перенести разговоръ на менѣе жгучую почву... Но не успѣлъ... Едва успѣла Елена Васильевна насмѣшливо проговорить послѣднія слова, какъ уже Кирилинъ возразилъ:

— „Положимъ, Елена Васильевна, больница требуетъ моего присутствія. Что же, по вашему мнѣнію, мнѣ слѣдуетъ забывать ее“? Голосъ его былъ страненъ, явно, что онъ подавилъ въ себѣ какое-то другое возраженіе, и это насиліе было ему тяжело... Недолго выдержала Рязанцева роль, принятую на себя по старинамъ воспоминаніямъ, она почувствовала, что Кирилину больно, и оказалась неспособною къ продолженію пытки.

— „Не сердитесь“, сказала она, взявъ доктора за руку, „я шутила; это старая привычка, дурная привычка... извините. Вамъ нужно ѣхать, потому вы и ѣдете; вы иначе бы не уѣхали.—Скажите, скоро вы воротитесь“?

Бѣльскій не спускалъ глазъ съ Кирилина; онъ понялъ, что ему не легко, и упорнымъ взглядомъ какъ бы вызывалъ его къ самообладанію.

— „Не знаю. Какъ смогу“! коротко отвѣчалъ докторъ. „У меня дѣла много... Кого вы сегодня ждете“?

— „Скучный народъ“, отвѣчала Рязанцева голосомъ ясно обличавшимъ, что ее занимаетъ не то, о чемъ она говоритъ.—„Марья Михайловна съ семьей, Любецкій, да еще не утерпитъ священникъ—придетъ съ своей попадьей—я это чувствую—онъ давно не былъ... Аполинарія пріѣдетъ, обѣщала навѣстить Ольгу“...

Спустя нѣсколько времени въ залу вошла Лавинская, затѣмъ и Рязанцевъ. Онъ былъ не въ духѣ, это было ясно. Елена Васильевна вспомнила наблюденія мужа, Кирилинъ уѣзжалъ, — день начинался несвѣтло...

— „Что ты такъ нахмурился“? спросила Рязанцева мужа, какъ скоро онъ поздоровался съ гостями.

— „Ничего“, отвѣчалъ Николай Семеновичъ, „надо къ Любецкому ѣхать дѣло кончить... Поѣдемте вмѣстѣ, докторъ. Онъ васъ звалъ, надо поѣхать“...

— „Я черезъ полчаса въ Головинское ѣду“.

— „А“! вдругъ просвѣтлѣвъ, произнесъ Рязанцевъ: „это другое дѣло. Обязанность, обязанность; тутъ мѣшать не смѣю... Да скучно ѣхать одному“.

— „Пошли попросить его самого сюда“, предложила Елена Васильевна.

— „Я мимо поѣду, напишите записочку, я завезу“, прибавилъ Кирилинъ.

— „Вы сейчасъ ѣдете“?

— „Въ 11. Теперь половина одинадцатаго, черезъ полчаса“.

— „Сдѣлайте одолженіе Я сейчасъ напишу“.

Николай Семеновичъ вышелъ въ свой кабинетъ. Въ залѣ водворилось молчаніе. Каждый изъ присутствующихъ, кромѣ Ольги, имѣлъ бы сказать многое, да не вслухъ; кое-что бы впрочемъ сказалось и вслухъ, да черезъ четверть часа надо прекратить разговоръ, такъ начинать не стоило, не знаешь съ чего начать. Томительно такое молчаніе. Бѣльскій хотѣлъ было нарушить его, но потомъ подумалъ „зачѣмъ“? и, не найдя отвѣта, продолжалъ молчать.

Вошелъ Рязанцевъ съ письмомъ въ рукахъ.

— „Вотъ передайте пожалуйста“, проговорилъ онъ отдавая письмо Кирилину.

Въ тоже время Маркъ Егоровичъ подалъ тарантасъ. Докторъ отправился сложить свои вещи. Рязанцевъ остался въ залѣ и распространился о погодѣ. Ему со всѣхъ сторонъ отвѣчали сухо; каждый думалъ о своемъ. Кирилинъ возвратился, откланялся. Рязанцевъ былъ съ нимъ любезенъ до крайности, не отступалъ отъ него ни на шагъ. Докторъ едва успѣлъ пожать руку Елены Васильевны, но при этомъ рукопожатіи во взорѣ Рязанцевой сказалось такъ много, что врядъ ли словомъ можно высказать столько. Николай Семеновичъ не спускалъ глазъ съ жены и чуть не захрипѣлъ со злости.

Всѣ вышли на крыльцо проводить доктора.

Тарантасъ тронулся. Провожавшіе возвратились въ комнаты... Елена Васильевна была грустна; ей какъ будто пріотворили двери жизни, да, не давъ войти въ нихъ, снова закрыли передъ нею.

— „Ну такъ-то лучше“, подумалъ Бѣльскій, „жаль его, а дѣлать нечего, надо сломиться,—сломится“.

Ольга видѣла, что въ происходившихъ передъ нею сценахъ былъ

какой-то внутренній смыслъ, но что онѣ означали — она не понимала. Одно уяснялось ей все больше и больше: „дѣйствительность слагается изъ столкновенія внутреннихъ силъ отдѣльнаго человѣка съ окружающимъ его міромъ; значитъ, жизнь кроется внутри человѣка, а не въ отвлеченныхъ идеяхъ.“ Она путалась въ этихъ представленіяхъ, но ясно сознавала ихъ общее поученіе: „Ты еще не знаешь жизни, не отказывайся отъ нея, не изучивъ ея.“

Разнообразныя впечатлѣнія, очевидно, уединяли каждаго отъ прочихъ. Только Рязанцевъ дышалъ какъ человѣкъ, котораго долго давило что-то, и у котораго съ сердца только что скатился тяжелый камень. Онъ даже сталъ добръ, онъ и началъ разговоръ.

— „Ну-съ, Ольга Дмитріевна, какъ же вы изволили почивать?“ началъ онъ. „Я вамъ сегодня еще не успѣлъ двухъ словъ сказать...“

— „Хорошо, очень вамъ благодарна.“

— „Вотъ сегодня и тетушка ваша пріѣдетъ, увезетъ васъ. Вы насъ забудете...“

— „Я такъ пріятно провела здѣсь время, что забыть Гарстово трудно...“

— „Такъ не забывайте же. Почаще насъ навѣщайте. Мы вамъ душевно рады...“

Онъ взялъ руку Ольги въ обѣ свои руки и крѣпко пожалъ ее. Не знаю, поняла ли Ольга, что это рукопожатіе не столько выражало расположеніе Рязанцева къ ней, сколько желаніе излить чѣмъ нибудь свою радость объ отъѣздѣ доктора. Елена Васильевна видѣла, что мужъ вступилъ въ разговоръ съ Лавинской, прошла было въ свою комнату. Едва Рязанцевъ замѣтилъ ея отсутствіе, какъ досада снова отразилась на его лицѣ. Вѣльскій перерывалъ ноты на этажеркѣ.

— „Это вы вчера играли, Ольга Дмитріевна?“ спросилъ онъ, отыскавъ какую-то тетрадь.

Не успѣла Ольга обернуться къ Вѣльскому, чтобы взглянуть на ноты и дать отвѣтъ, какъ исчезъ и Николай Семеновичъ.

Нахмуренный вошелъ онъ въ комнату Елены Васильевны и засталъ ее передъ зеркаломъ. Глаза ея были немного красны. Она,

казалось, плакала, но превозмогла себя и старалась придти въ нормальное состояніе, чтобы снова выйти въ залу...

— „Ну?“ отрывисто проговорилъ Рязанцевъ.

Елена Васильевна вопросительно поглядѣла на него. Николай Семеновичъ видимо готовъ былъ разразиться.

— „Наплакались?“ продолжалъ онъ, стараясь вызвать сцену.

Вмѣсто отвѣта Рязанцева снова презрительно подняла глаза на мужа и направилась къ двери. Николаю Семеновичу кровь бросилась въ голову, онъ совсѣмъ потерялъ сознаніе.

— „Отвѣчайте же!“ глухо промычалъ онъ, схвативъ жену за руку и посадивъ ее на ближнее кресло.

Елена Васильевна продолжала глядѣть на него съ тѣмъ же спокойнымъ презрѣніемъ и какъ будто спрашивая: „Что же дальше?“

— „Ну-съ?“

— „Ты съ ума сошелъ!“

— „Нѣтъ еще; а хочу чтобы...“

— „Выпей стаканъ воды и приходи въ гостиную,“ усмѣхаясь прервала Елена Васильевна и на этотъ разъ безпрепятственно вышла изъ комнаты.

Рязанцевъ чувствовалъ, что остался въ дуракахъ. Онъ пошелъ бродить по саду.

Въ залѣ Елена Васильевна встрѣтила цѣлую толпу. Только что пріѣхали Аполинарія, Марья Михайловна съ мужемъ и дочерью, уѣздной барышней лѣтъ 17-ти. Генеральша по обыкновенію уже пищала и шумѣла на полдома. Петръ Богдановичъ мѣрною рѣчью старался войти въ разговоръ, но останавливался на полусловахъ, перебиваемый женой. Зиночка Дрейсигъ вѣшалась на плечи своей кузинѣ, опускала глазки передъ Бѣльскимъ. Приходъ Елены Васильевны обратилъ на нее вниманіе всѣхъ.

— „Здравствуйте, Марья Михайловна,“ привѣтливо говорила хозяйка, на лицѣ которой не оставалось и слѣда только-что выдержанной сцены; „очень рада васъ видѣть.“

— „Я вамъ за Олиньку такъ благодарна. Надоѣла она вамъ.“

— „Напротивъ, мы большіе друзья стали. Здравствуйте, Петръ Богдановичъ.“

Генералъ акуратно поклонился.

— „Здравствуйте, Зиночка," И чтобы сразу свободно поставить дѣвушку въ домѣ, Елена Васильевна радушно взяла ее за обѣ руки, прибавивъ: „будьте какъ дома, ваша кузина надѣюсь засвидѣтельствуетъ вамъ, что у насъ стѣсняться не надо... Здраствуйте, матушка," особенно ласково обратилась она къ Аполинаріи.

Пока Рязанцева говорила съ Зиночкой, Ольга успѣла шепнуть Бѣльскому: „Пожалуйста, Петръ Сергѣевичъ, займите чѣмъ нибудь кузину, мнѣ надо поговорить съ Аполинаріей."

— „Перейдемте въ гостиную,"—продолжала хозяйка, „да вотъ позвольте представить вамъ: Бѣльскій, Петръ Сергѣевичъ."

Бѣльскій раскланялся съ маменькой Дрейсигъ и подошелъ къ дочкѣ. Елена Васильевна раздѣлила свои заботы между генеральской четой. Переселились въ другую комнату. Аполинарія съ Ольгой остались въ залѣ...

— „Ну что, Олинька, какъ тебѣ живется?" спросила монастырка.

И собесѣдницы крѣпко поцѣловались.

— „Хорошо!" продолжала Аполинарія.

— „Сама не знаю. И хорошо, и дурно."

— „Что же?"

— „Я ничего не понимаю вокругъ себя."

— „Елена Васильевна не любезна что ли?"

— „О нѣтъ, напротивъ, она,.. да впрочемъ я и ее не понимаю."

Аполинарія не догадывалась въ чемъ именно дѣло, но увидѣла ясно, что внѣмонастырская жизнь произвела на Ольгу сильное впечатлѣніе.

— „Да говори прямѣе, мой другъ, иначе какъ же мнѣ отвѣчать тебѣ?"

— „Да я сама не знаю, что во мнѣ происходитъ. Вокругъ говорятся рѣчи, которыхъ я не слыхивала; заглянешь въ людей, въ нихъ совсѣмъ не то, что кажется снаружи... Весь свѣтъ такъ страненъ, что я не знаю, какъ подойти къ нему."

— „Что же страннаго? Не возьму я въ толкъ, Олинька. Что

ты слышишь, что видишь? Люди какъ люди, не понимаю, родная. Что дѣлать... отъ свѣта что ли я отвыкла.“

Ольга задумалась. Пойми она жизнь сколько нибудь, она не могла бы ожидать другого отвѣта отъ Аполинаріи, но она жизни не понимала и недоумѣніе монахини давило ее. Она такъ ждала своего стараго друга, она такъ надѣялась, что именно Аполинарія разъяснитъ ей все, отогрѣетъ ее... На глазахъ Лавинской навернулись слезы.

— „Что съ тобою?“ спросила, помолчавъ, монахиня.

— „Ничего!“ какъ бы опомнясь, отвѣтила Ольга.“ Пойдемте въ гостиную, еще тетенька обидится.“

Она встала, и твердо отправилась въ другую комнату. Аполинарія пристально глядѣла на нее и удивлялась, не понимая, что дѣлается съ нею.

Въ гостиной шелъ разговоръ совсѣмъ другого характера.

— „Такъ и вы на зиму сбираетесь въ Я***?“ спрашивала Елена Васильевна у генеральши.

— „Надо будетъ. Хотѣли въ Москву или въ Петербургъ, что ли... Да вотъ Петръ Богдановичъ говоритъ, что по хозяйству нужно...“

— „Да вы сами изволите знать,“ затянулъ было генералъ.

— „Я думаю Еленѣ Васильевнѣ подробности не интересны,“ перебила его жена. „У насъ знаете правильная рубка вводится; по лѣсному хозяйству глазъ нуженъ. А то въ Петербургѣ бы лучше, у мужа тамъ связей много, все товарищи по службѣ... Я уже не разъ говорила ему, что напрасно въ отставку вышелъ... (На службѣ Петра Богдановича не оставили)... Совѣстно. Другіе служатъ, пользу приносятъ, ну и мѣста получаютъ...“

— „Видите ли,“ началъ было опять Дрейсигъ.

— “Здѣсь же въ Я*** скучно;—вы сами знаете,—губернское общество какъ же передъ столичнымъ...“

Между тѣмъ, благодаря односложнымъ отвѣтамъ Зиночки, у Бѣльскаго истощились темы для разговора. И онъ, и Зиночка молчали уже минутъ съ пять, слушая маменьку...

— „А вы помните Петербургъ?“ спросилъ Петръ Сергѣевичъ у своей собесѣдницы.

— „Не помню.“

— „А вы давно изъ Петербурга?“

— „Нѣсколько лѣтъ.“

— „И долго тамъ прожили?“

— „Да...“

— „А вы...“

Марья Михайловна давно прислушивалась къ отвѣтамъ дочки.

— „Полно, Zenaïde, что это ты? Можетъ ли быть, чтобы не помнила... Не въ пеленкахъ же оттуда...“

Зиночка покраснѣла.

— „Я вотъ вовсе не помню Москвы, а до десяти лѣтъ почти безвыходно жилъ въ Москвѣ...“ старался было вмѣшаться Бѣльскій.

— „Напрасно вы ее извиняете,“ перебила генеральша, „что это она дурочкой прикидывается.“

Покраснѣла не одна Зиночка, и Бѣльскому, и Еленѣ Васильевнѣ стало неловко.

— „Я не подозрѣвалъ, чтобы ваши слова были сказаны въ обвиненіе Зенаиды Петровны, потому и не извинялъ никого, а просто разсказывалъ фактъ изъ своей жизни,“ сказалъ Бѣльскій. „Скажите, Елена Васильевна, наша прогулка къ колодцу отложена?“

— „О нѣтъ, если только Марья Михайловна согласится.“

— „Я знаете всегда согласна, не люблю мѣшать удовольствіямъ; сама очень рада повеселиться...“

— „Мы собираемся чай пить къ Алексѣевскому колодцу...“

— „Кушать пожалуйте,“ доложилъ лакей. Пошли къ завтраку. Ольга съ Аполинаріей вошли въ гостиную едва ли не за минуту до доклада...

Генеральша встрѣтила племянницу очень неодобрительнымъ взоромъ.

Дрейсигъ привыкли обѣдать въ 2 часа, потому на этотъ разъ въ Гарстовѣ день распредѣленъ былъ такъ: завтракъ подали въ часъ, по обиліемъ своимъ онъ могъ замѣнить обѣдъ; а въ четыре

предпринималась прогулка. У колодца готовился чай съ усиленнымъ провіантомъ.

Завтракъ рѣшительно не клеился, не смотря на находчивость Елены Васильевны и Бѣльскаго: Рязанцевъ дулся, Зиночка не смѣла слова сказать при матери, Дрейсигъ не успѣвалъ договорить ни одного предложенія, перебиваемый супругой, Марья Михайловна конфузила всѣхъ своимъ обхожденіемъ съ дочерью и мужемъ, Ольга была задумчива, Аполинарія старалась разгадать перемѣну, происшедшую въ Ольгѣ.

Часа въ два съ половиной пріѣхалъ Любецкій. Около того же времени явился и священникъ съ женою.

Ольга съ Зиночкой, и Бѣльскимъ, и отцомъ Іоанномъ сидѣли на балконѣ; Любецкій гулялъ по саду, толковалъ съ Рязанцевымъ, Елена Васильевна въ гостиной слушала превосходительную чету, понадья завладѣла Аполинаріей...

— „И долго вы пробыли въ монастырѣ?“ спросилъ между прочимъ Бѣльскій у Ольги.

— „Мѣсяца два. Тамъ хорошо.“

— „Можетъ быть, только не для меня.“

— „Почему?“

— „Все потому же. Я не могу оторваться отъ людей. Въ сліяніи съ ними моя жизнь, въ этомъ сліяніи я чувствую себя дѣятельнымъ распорядителемъ своей судьбы, силой. Признать человѣка червемъ и отказаться отъ правъ разумной самобытности я не могу...“

— „Да на что мы людямъ? Еще вы туда, сюда; а мы, женщины?“

— „Я уже говорилъ вамъ какъ-то, что, благодаря настоящему общественному строю, чуть ли не отъ каждой женщины приходится слышать эту мысль о собственной слабости...“

— „И вы я знаю, не оправдываете этой мысли.“

— „Не могу оправдать, Ольга Дмитріевна. Женщина, не смотря на настоящія условія, неблагопріятныя ея развитію, ежедневно доказываетъ свою способность къ болѣе широкой дѣятельности.“

— „Я поняла васъ тогда, вполнѣ поняла; и вѣрю, что когда

нибудь при другихъ обстоятельствахъ женщина займетъ свое мѣсто въ обществѣ, а до тѣхъ поръ?..“

— „До тѣхъ поръ остается поприще еще болѣе привлекательное для отдѣльныхъ лицъ — приготовить путь къ этому возвышенію женщины, собственнымъ примѣромъ показать его возможность.“

— „Вотъ объ этомъ мы и начали говорить вчера, да не успѣли договориться. Скажите же...“

Но священникъ прервалъ Ольгу. Слова Бѣльскаго о монастырской жизни обратили на себя его вниманіе, онъ хотѣлъ прислушаться къ сужденіямъ молодого человѣка по этому вопросу... Видя, что разговоръ принимаетъ другой оборотъ,—

— „Позвольте“, остановилъ отецъ Іоаннъ. „Вотъ они изволили сказать, что монастырскую жизнь не одобряютъ..! Какъ же такъ-съ?“

Бѣльскій старался уклониться отъ спора, но священникъ настоятельно продолжалъ его... Ольга слушала съ напряженнымъ вниманіемъ. Мало-по-малу однако лицо ея стало оживляться болѣе беззаботнымъ выраженіемъ...

„Зиночка, въ садъ!“ съ свѣтлой, отрадной улыбкой обратилась она наконецъ къ кузинѣ. „Бѣгомъ, скорѣе!“

Дѣвушки, громко смѣясь, побѣжали по широкой аллеѣ.

Зиночка давно скучала.

Споръ прекратился. Отецъ Іоаннъ нахмурился и прошелъ въ гостиную.

Минутъ пять спустя Лавинская и Дрейсигъ встрѣтили Бѣльскаго на поворотѣ какой-то аллеи...

— „Подите сюда, Петръ Сергѣевичъ,“ подозвала его Ольга. „Дайте руку; вы сегодня очень милы... Мнѣ такъ легко... Я уѣзжаю сегодня; вы навѣстите меня у тетушки? Зиночка, ты хозяйка, приглашай же...“

— „Я думаю, что папаня будетъ очень рада,“ произнесла Дрейсигъ.

Бѣльскій отвѣчалъ ей чѣмъ-то въ родѣ поклона, и отъ чистаго сердца пожалъ руку Лавинской.

V.

Прогулка удалась вполнѣ. Ольга и Вѣльскій увлекли все общество своею веселостью. Насталъ вечеръ. Экипажъ Дрейсига заложенъ. Аполинарія съ Вѣльскимъ ѣдутъ завтра утромъ,—нельзя же пріѣхать въ монастырь ночью.

— „Ну, намъ пора домой,“ начала собираться генеральша, „позвольте еще разъ поблагодарить васъ за сегодняшній день и за племянницу...“ сказала она Рязанцевой.

И Ольга подошла къ Еленѣ Васильевнѣ. Онѣ крѣпко, молча поцѣловались.

— „Марья Михайловна я съ васъ беру обѣщаніе почаще отпускать ко мнѣ Ольгу... Мы большіе друзья,“ прибавила затѣмъ хозяйка, „а вы, Ольга, помните, что мы говорили вчера вечеромъ въ вашей комнатѣ...“

Лавинская пожала руку Елены Васильевны.

— „Помните же и мой отвѣтъ,“ дополнила она...

— „А съ вами когда мы увидимся, дорогая? меня не забывайте,“—съ глубокой лаской прибавила Ольга, обращаясь къ Аполинаріѣ. Странное чувство овладѣло ею при этомъ. Еще недавно, за нѣсколько дней она прибѣгала къ Аполинаріѣ какъ къ покровительницѣ, еще въ то же утро она надѣялась найти убѣжище около нее, - теперь же ей казалось, что она сама бы пріютила своего стараго друга; она ощутила свои силы, сознала, что уже одна рѣшимость жить самобытно сообщаетъ человѣку крѣпость, превосходящую крѣпость лучшихъ пассивныхъ натуръ.

Пошли усаживаться. Въ дверяхъ Вѣльскій раскланялся съ Марьей Михайловной.

— „Надѣюсь, вы навѣстите и насъ,“ сказала генеральша, отвѣчая на его поклонъ.

Карета отъѣхала, и не успѣла еще она выѣхать изъ Гарстова, какъ генеральша уже напустилась на Зиночку...

— „Ну, матушка, лучше бы ты дома сидѣла на скотной гдѣ

нибудь... увалень какой народился, двухъ словъ сказать не умѣетъ... Стыдиться должна...

Бѣдная дѣвочка молчала.

— „Да отвѣчай же... Что молчишь? Экая гадкая... И мать-то изъ нея слова не выжметъ...“

— „Она застѣнчива,“ заступился было отецъ.

— „Ну вы-то бы не мѣшались!... застѣнчива, передъ матерью застѣнчива!... мало школена... вотъ я ее выучу...“

Въ каретѣ водворилось молчаніе. Тяжело было Зиночкѣ, а Ольгѣ чуть-ли еще не тяжелѣе за нее; въ Ольгѣ зарождалась любовь къ человѣчеству и обида человѣческой личности глубоко напечатлѣвалась въ ея сердцѣ...

Вотъ Дубровки. Карета остановилась. Зиночка думала, что первою выйдетъ Марья Михайловна! Марьѣ Михайловнѣ показалось удобнѣе сперва выпустить дочку.

— „Ну полѣзай же, матушка, чего заснула!“ Зиночка поспѣшила выйти, пробормотавъ что-то въ свое оправданіе.

— „Поворчи еще!“ преслѣдовала ее мать, вылѣзая изъ экипажа съ помощью лакея.

Въ прихожей грязная горничная стремглавъ выбѣжала на встрѣчу къ барынѣ, чтобы принять ея шляпку и бурнусъ, но генеральша не осталась довольна и ея поспѣшностью, нашла время дать окрикъ и ей. Зиночка прямо прошла въ свою комнату, такъ что Марья Михайловна, выйдя въ залу, не встрѣтила дочери.

— „Гдѣ барышня!“ спросила она у горничной.

— „Къ себѣ-съ прошли, вѣрно раздѣться.“

— „Это еще что за прятки?...“

Зиночка въ это время показалась на порогѣ...

— „Откуда это, матушка?“ встрѣтила ее мать.

— „Я только шляпку сняла...“

— „Отвѣчай еще!“

Зиночка еще не привыкла къ Ольгѣ, потому обхожденіе матери на этотъ разъ отозвалось ей особенно тяжело. Лицо ея выразило грусть.

— „Нахмурься теперь!... только этого недоставало... экая дрянная дѣвчонка!... пошла вонъ.“

Зиночка съ радостью повиновалась. Ольга подошла къ теткѣ.

— „Виновата, ma tante, я устала," проговорила она, „позвольте мнѣ оставить васъ."

Спокойный ли голосъ Ольги подѣйствовалъ на Марью Михайловну, стѣснялась ли она еще передъ племянницей, но отвѣтила она довольно любезно:

— „Ступай, мой другъ, Господь съ тобою; я тебя съ Зиночкой въ одну комнату тамъ на верху помѣстила."

„Очень рада. Покойной ночи."

„Прощайте."

Генеральша протянула Лавинской свою руку, Ольга пожала ее... Марья Михайловна разсчитывала на поцѣлуй, и Ольга поняла ее, но не могла превозмочь своего отвращенія къ притворной ласкѣ.

„Да скажи дурѣ-то нашей, чтобы она не вздумала не простясь улечься, вели ей сойти..."

„Кому?"

„Да Зенаидѣ Петровнѣ."

„Зиночкѣ?"

„Да."

Ольга вошла въ приготовленную ей комнату. Зиночка перебирала что-то въ комодѣ. Лавинская подошла къ ней, и, взявъ за руку, ласково сказала:

„Тебя мать еще внизъ зоветъ."

„Еще!" повторила Зиночка, какъ будто подумавъ: „Когда же это все кончится?" пожала плечами и вышла.

Ольга проводила ее глазами. „Какая жизнь!" подумала она. Ей вспомнились покойница Наталья Михайловна и Аполинарія,— ласки, встрѣчавшія ее повсюду на жизненномъ пути. Отъ этого сравненія положеніе Зиночки казалось ей все болѣе и болѣе тягостнымъ... „И какъ она все это выноситъ?" спрашивала себя Ольга, когда молодая Дрейсигъ снова вошла въ комнату. Ольга пристально поглядѣла на нее. Лицо Зиночки выражало почти довольство. „День прошелъ, до завтра можно быть спокойной." Ольга бросилась къ ней и поцѣловала крѣпко, крѣпко... Зиночка поняла этотъ поцѣлуй, онъ тѣсно сблизилъ ихъ...

Привѣтливо встрѣчаетъ тебя жизнь, моя радость. Не успѣла ты заглянуть ей прямо въ глаза; не успѣла понять, что она расширяется по мѣрѣ нашего сближенія съ человѣчествомъ, какъ уже тебѣ выпала завидная доля приголубить и пріютить человѣка; и привѣтъ твой принятъ, и ты можешь насладиться счастьемъ, рѣчь о которомъ еще за три, четыре дня казалась тебѣ юношеской мечтой. Впередъ, впередъ дорогой другъ! жизнь на этомъ пути малѣйшій трудъ вознаграждаетъ сторицею, и нѣтъ угла на землѣ, гдѣ бы онъ загражданся, и нѣтъ силы, которая бы могла разрушить это счастье... ты избрала благую часть, которую ничто и никто отъ тебя не отниметъ...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

ПИСЬМО РЯЗАНЦЕВОЙ КЪ ОЛЬГѢ.

27 августа. Гарстово.

Вотъ уже три недѣли какъ мы разстались, мой другъ, да въ послѣдній разъ вы меня и посѣтили-то на слишкомъ короткое время. Мнѣ очень скучно безъ васъ. Соберитесь же опять къ намъ. Я, признаться, почти готова требовать вашего пріѣзда въ память того разговора, о которомъ мы вспомнили въ день прогулки къ Алексѣевскому колодцу. Петръ Сергѣевичъ какъ-то на дняхъ былъ у насъ и разсказывалъ о своихъ посѣщеніяхъ къ вамъ, о вашихъ разговорахъ... Я понимаю, что вы находите разрѣшеніе своимъ сомнѣніямъ и безъ меня, я же невыносимо одинока,—мнѣ живется невесело и не съ кѣмъ сказать слова, потому мнѣ первой и приходится обратиться за помощью къ вамъ. Пріѣзжайте же, я надѣюсь на васъ. Покуда же хоть письменно дайте о себѣ вѣсть.

Искренно любящая васъ

Елена Рязанцева.

Еленѣ Васильевнѣ было дѣйствительно тяжело: разговоры. пробудившіе Ольгу отъ летаргіи, имѣли сильное вліяніе и на нее. Рядъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ она начала съ Кирилинымъ, уяснился еще болѣе, но къ нимъ прибавился новый, еще болѣе животрепещущій вопросъ: „Какъ примѣнить полученныя рѣшенія къ жизни, избѣгая безполезныхъ столкновеній?“ Примѣненіе это Еленѣ Васильевнѣ вообще было бы трудно, но трудъ ея удвоивался отношеніями къ мужу. Рязанцевъ понялъ, что жена пошла дальше его, понялъ, что съ своей нравственной лѣнью онъ никогда не доработается до степени развитія, способной удовлетворить ее, а между тѣмъ хотѣлъ бы удержать ее за собою. Какими средствами? Заслужить расположеніе Елены Васильевны, переработавъ себя, онъ не могъ, въ немъ не было ни силъ для такой работы, ни достаточной любви къ женѣ для возбужденія новыхъ силъ; приходилось упереться на „права мужа.“ Къ этому и прибѣгъ Рязанцевъ, не расчитавъ, что насиліе только можетъ окончательно отвратить отъ него людей, обладающихъ характеромъ, подобнымъ характеру Елены Васильевны. Ночное шпіонство, крикъ и тому подобные пріемы становились особенно пошлы и грязны рядомъ съ поведеніемъ Кирилина и Елены Васильевны, нисколько не оправдывавшими подозрѣній Рязанцева. Кирилинъ въ полтора или въ два мѣсяца послѣ описаннаго отъѣзда изъ Гарстова былъ у Рязанцевыхъ раза два, много три, и то по требованію самой Елены Васильевны при болѣзни ея маленькой дочери, и каждый разъ проводилъ тамъ не болѣе нѣсколькихъ часовъ. Видя непримѣнимость своего грубаго поведенія и коснѣя въ лѣни, Николай Семеновичъ ожесточился противъ всей вереницы идей, полагающихъ уваженіе личности въ основу человѣческихъ отношеній. Напускной либерализмъ его сталъ быстро исчезать. Вслѣдъ за женой это почувствовали дѣти, потомъ слуги, рабочіе. Возвращеніе къ отцовскимъ преданіямъ совершалось въ немъ съ необычайной быстротой. Столкновенія съ Еленой Васильевной стали учащаться; и были особенно рѣзки, какъ скоро дѣло касалось дѣтей и ихъ воспитанія. При этомъ спокойный тонъ Елены Васильевны раздражалъ Рязанцева до неистовства; онъ впадалъ изъ ошибки въ ошибку и ежe-

минутно все болѣе и болѣе терялъ уваженіе окружающихъ. Елена Васильевна не знала, что ей дѣлать.

Вечеръ. Дѣти улеглись. Елена Васильевна одна сидитъ въ гостиной за какою-то книгой. Входитъ Рязанцевъ, какъ обыкновенно въ послѣднее время раздраженный, придирчивый... Елена Васильевна продолжаетъ читать. Рязанцевъ подошелъ къ столу, взялъ какую-то газету, заглянулъ въ нее, бросилъ... потомъ сталъ шагать взадъ и впередъ по комнатѣ...

— „Да брось ты свою книгу," закричалъ онъ наконецъ женѣ, „чортъ знаетъ, что такое, куда ни придешь: сюда, въ дѣтскую, всѣ уткнули носы въ книгу и сидятъ, ни отъ кого ничего не добьешься!"

Елена Васильевна отложила книгу.

— „Да что съ тобою, Nicolas? все и всѣ не по тебѣ... Ты нездоровъ."

— „За докторомъ послать не прикажешь ли?" спѣшилъ уязвить Рязанцевъ.

— „Какъ знаешь. Только уясни хорошенько, что съ тобою?" ласково отвѣчала ему жена... „поди сюда, сядь, разскажи..."

Рязанцевъ смолчалъ, но продолжалъ ходить по комнатѣ.

— „Ну, хочешь, я скажу, что съ тобою, и докажу тебѣ, что ты неправъ?"

— „Всѣ у васъ неправы. Вы одни съ своими нововведеніями хороши!.. Мало васъ..."

— „Да поговори хоть разъ спокойно. Вѣдь нельзя же постоянно тѣшиться сценами вродѣ тѣхъ, которыми ты тѣшишь весь домъ вотъ уже второй мѣсяцъ..."

— „Нельзя?.. а вотъ я докажу, что можно... надоѣло мнѣ все!" прервалъ Рязанцевъ и, какъ бы рѣшившись на что-то, ушелъ въ свой кабинетъ.

Елена Васильевна пожала плечами и глубоко задумалась. На другое утро она писала къ Ольгѣ.

II.

ПИСЬМО ОЛЬГИ КЪ ЕЛЕНѢ ВАСИЛЬЕВНѢ.

Я бы сейчасъ готова ѣхать къ вамъ, дорогой другъ, но Зиночка нездорова. Докторъ говоритъ, что ей еще дня три нельзя будетъ выѣзжать далеко, а мнѣ бы не хотѣлось быть въ Гарстовѣ безъ нея. Вы догадываетесь, каково ей живется у матери;—ей такъ отрадно съ людьми, встрѣчающими ее привѣтливо, что лишать ее удовольствія быть у васъ я не имѣю права; дня черезъ три мы пріѣдемъ вмѣстѣ. Зина добрая, хорошая дѣвушка; — если бы только ей хватило силы встрепенуться, внутренно окрѣпнуть, стать самобытной,—она будетъ счастлива и дастъ счастье другимъ. Надъ этимъ подвигомъ самоосвобожденія ей правда нужно будетъ много потрудиться, но обстоятельства благопріятствуютъ ея оживленію. Вы правы, говоря, что Вѣльскій намъ большая подмога, въ немъ столько силы и—какъ справедливо выразился Владиміръ Степановичъ—столько вдохновенія, что, кажется, около него каждый почувствуетъ себя добрымъ и крѣпкимъ на какой угодно подвигъ... Чѣмъ болѣе съ нимъ сближаешься, тѣмъ болѣе чувствуешь это. Я не знаю, гдѣ конецъ его внутреннему міру? вотъ, вотъ, кажется, поняла его совершенно, а онъ, едва убѣдясь въ томъ, что вы поняли его до той степени, до которой онъ раскрылся, уже показываетъ сѣдующую страницу своего міросозерцанія, еще болѣе свѣтлую и привлекательную. Онъ какъ-то, у васъ, въ Гарстовѣ, разбирая монастырскую жизнь (какъ эта жизнь могла удовлетворять меня?) порицалъ уединеніе отъ общечеловѣческихъ интересовъ. Я на дняхъ призналась ему, что жизнь дѣйствительно стала мнѣ отраднѣе съ тѣхъ поръ, какъ я сживаюсь съ другими людьми; онъ сталъ говорить мнѣ о томъ, что наслажденіе, испытываемое мною теперь при сближеніи съ отдѣльными личностями, ничтожно въ сравненіи съ наслажденіями, которыя ждутъ меня при ознакомленіи и особенно при сближеніи съ общею жизнью человѣчества... Если бы вы его послушали въ этотъ день! Мы гуляли по саду втроемъ,

Зиночка лихорадочно слушала. Она теперь много читаетъ. Бѣльскій отлично выбираетъ книги... но я не кончу... лучше разскажу все при свиданіи. Тогда и вы скажите, что съ вами. Съ тѣхъ поръ какъ я оживаю, мнѣ кажется, что, при извѣстномъ развитіи, наслажденіе жизнью возможно каждому и вездѣ, во всякихъ обстоятельствахъ... До свиданья.

Ольга Лавинская.

III.

Дней пять спустя послѣ этого письма, Ольга съ Зиночкой посѣтили Елену Васильевну. Въ Гарстовѣ онѣ застали и Бѣльскаго. Съ дѣвушками пріѣхалъ одинъ Петръ Богдановичъ; Марья Михайловна почему-то осталась дома. Позже пріѣхалъ и Любецкій, съ которымъ Николай Семеновичъ очень сблизился въ послѣдніе два мѣсяца. Они поддерживали другъ друга въ своемъ отступленіи къ радикально-охранительнымъ началамъ, противъ которыхъ еще не разъ возмущалась даже ихъ невзыскательная совѣсть. Любецкій сидѣлъ въ кабинетѣ съ Николаемъ Сергѣевичемъ, и Дрейсигомъ. Сначала съ ними былъ и Бѣльскій, но разговоръ пришелся ему не по сердцу,— онъ прошелъ на балконъ, гдѣ бесѣдовали Зиночка, Ольга и Елена Васильевна. Бѣльскій заговорилъ съ Зиночкой. Видя, что Зиночка занята, Рязанцева и Ольга пошли гулять по саду... Онѣ давно искали случая остаться на единѣ... Въ одной изъ аллей онѣ усѣлись на скамью.

— „И такъ вы счастливы, Ольга?“ спросила Рязанцева.

— „Счастлива, мой другъ. Правда быстрота, съ которою мнѣ открывается жизнь, не даетъ опомниться, я иногда живу какъ бы въ чаду... но это все прояснится... За то какъ широко дышется...“

Глаза Ольги блистали, она была упоительно-хороша въ эту минуту. Елена Васильевна перебила ея восторгъ поцѣлуемъ...

— „Свѣтло вамъ живется,“ прибавила она.

— „А вы какъ, мой другъ?“

— „Я?...“

Елена Васильевна пріостановилась въ раздумьи. Ольгу она любила, Ольга внушала ей полное довѣріе, ей бы Елена Васильевна открылась вся, съ ней бы она передумала всѣ свои думы, но „какъ посвящать дѣвушку въ семейныя тайны?“ подумала она одну минуту; потомъ улыбнулась этому отраженію своихъ старинныхъ идей, и продолжала:

— „Другъ мой, вы любили Берестова?“

— „Искренно,“ твердо и спокойно произнесла Ольга.

— „Вы хорошо его помните?“

— „Еще бы.“

— „Вы любите его еще и теперь?“

— „Я бы такъ охотно повела его за собою, показала бы ему мелочь его стремленій!.. я бы такъ была счастлива, еслибъ онъ могъ стать такъ высоко, высоко...“

Елена Васильевна пристально взглянула на Ольгу. Лавинская на минуту замолкла въ раздумьи...

— „Да онъ не въ состояніи идти этимъ путемъ,“ прибавила она затѣмъ вполголоса, какъ бы обращаясь къ самой себѣ.

— „Вы въ этомъ убѣждены?“

— „Я долго ребячилась и не хотѣла убѣждаться въ этомъ. Во мнѣ передъ собою и передъ людьми оказывался какой-то ложный стыдъ за то, какъ я ошиблась въ человѣкѣ...“

— „И этотъ ложный стыдъ?“

— „Продолжался бы до сихъ поръ не пріучись я думать. Впрочемъ, я и не такъ ошиблась; я всегда принимала Берестова за то, что онъ есть;—для прежней Ольги онъ былъ хорошъ; слѣдовательно выбирала хорошо. Не стыдиться же мнѣ своего развитія и того, что Берестовъ неспособенъ идти далѣе той ступенки, на которой онъ стоитъ...“

— „Неспособенъ?“ спросила Рязанцева, пытливо вглядываясь въ Ольгу.

— „Въ немъ воли мало и любви мало.“

— „Къ вамъ?“

— „Къ людямъ, слѣдовательно отчасти и ко мнѣ; вообще любви мало. Кто неспособенъ дѣятельно любить человѣчество, тотъ

и въ личныхъ привязанностяхъ—эгоистъ, хотя бы онъ въ этомъ и не сознавался... Мнѣ это стало ясно какъ день... Мы не можемъ идти вмѣстѣ...“

— „Вы значитъ свободны?“

— „Да.“

— „И если встрѣтится человѣкъ, который придется вамъ по сердцу, и который раздѣлитъ ваши взгляды на жизнь и ея задачи...“

— „Берестовъ насъ не остановитъ,“ улыбаясь перебила Ольга. „Но я, другъ мой, васъ спрашивала, что съ вами дѣлается?“

— „А что, Ольга, если бы происшедшая въ васъ перемѣна произошла уже послѣ замужества съ Берестовымъ, да еще въ такое время, когда у васъ набралось бы трое дѣтей...“

— „Вы, Ел...“

— „Нѣтъ, я вообще говорю. Дѣвушкѣ хорошо ставить себѣ подобные вопросы передъ замужествомъ. Рѣшивъ ихъ, она приготовитъ себѣ болѣе ручательствъ за будущій покой.“

— „Не будь дѣтей...“

— „Есть трое дѣтей.“

— „Я бы вполнѣ отдалась имъ.“

— „А если бы мужъ мѣшалъ?“

— „Сдѣлала бы все возможное, чтобы освободить ихъ отъ этого вмѣшательства...“

— „А личная жизнь?“

— „При настоящемъ положеніи общества дѣти требуютъ всей заботы, и при данной обстановкѣ о личномъ счастіи врядъ ли слѣдуетъ и думать... Да развѣ не найдется достаточной отрады въ дѣтяхъ!...“

Елена Васильевна пожала руку Ольгѣ.

— „Правда, такое самоотверженіе должно быть трудно на первое время...“ продолжала Лавинская.

— „Это ничего,“ прервала Рязанцева. „Только бы трудъ имѣлъ цѣль и вознаградился успѣхомъ...“

Совсѣмъ другого рода разговоръ шелъ въ кабинетѣ Николая Семеновича.

— „Вѣдь этотъ господинъ доктору большой пріятель?“ спросилъ Любецкій у хозяина, когда Бѣльскій ушелъ.

— „Да, онъ съ нимъ живетъ. Неправда ли, Петръ Богдановичъ?“

— „Да, они кажется вмѣстѣ воспитывались,“ подтвердилъ Дрейсигъ.

— „Вы съ нимъ хорошо знакомы, ваше превосходительство?“ продолжалъ Любецкій.

— „Онъ у насъ часто бываетъ.“

— „И доктора вы хорошо знаете?“

— „Знаю“...

— „А какъ онъ вамъ нравится?“

— „Владиміръ Степановичъ очень ученый человѣкъ.“

— „Ну, намъ его не экзаменовать! А какъ онъ вамъ вообще нравится, какъ человѣкъ?“

— „Онъ довольно добрый человѣкъ.“

Генералъ говорилъ не то, чего хотѣлось Любецкому. Любецкій замолчалъ. Молчаніе продолжалось минутъ пять. Петръ Богдановичъ всталъ...

— „Вы куда, Петръ Богдановичъ“? спросилъ хозяинъ.

— „Хочу посмотрѣть, что Зиночка моя дѣлаетъ,“ отвѣчалъ Дрейсигъ и ушелъ.

— „Онъ глупъ или не хочетъ говорить о докторѣ?“ спросилъ Любецкій у Николая Семеновича.

— „Глупъ. А вы собирались что нибудь разсказать о Кирилинѣ?“

— „Нѣтъ. Вотъ пріятель мнѣ напомнилъ о немъ... Такъ я хотѣлъ поразвѣдать, какъ на него въ уѣздѣ смотрятъ.“

— „Пора бы его отсюда спровадить.“

— „Охъ бы пора... Сталъ онъ здѣсь какимъ-то адвокатомъ по крестьянскимъ дѣламъ. Повсюду вмѣшивается. Ужь мнѣ вотъ и посредникъ говорилъ, что за нимъ крестьяне упорствуютъ, неуступчивы стали...“

— „Вы слышали, какъ онъ у графа-то въ имѣніи работалъ?“

— „Благодаря ему, крестьяне только и спохватились; а то бы ихъ подвели. Знаю. Да вѣдь графъ же его и доѣдетъ не на томъ, такъ на другомъ.“

— „По дѣломъ. Я бы помогъ. Всѣхъ бы этихъ мудрецовъ...

— „Я вотъ въ Я*** былъ, къ Николаю Ивановичу заѣзжалъ, говорилъ съ нимъ объ этомъ.“

— „Что же онъ?“

— „Говоритъ, будто ничего за докторомъ противузаконнаго не знаетъ... А, молъ, крестьянамъ свои совѣты дастъ?... Что-же, видите ли, справлялся каковы совѣты, находитъ, что все согласно съ положеніемъ...“ Да вотъ и у меня въ Стрѣшневкѣ никакихъ силъ нѣтъ. Оно положимъ, я изъ своей выгоды хлопочу, крестьяне изъ своей... Да не будь его...

— „Онъ это мутитъ?“

— „Кому же еще! популярничаетъ.“

— „Подите, дрянь какая. Ну вотъ я на дняхъ въ Я*** буду, крупно потолкую съ Николаемъ Ивановичемъ.

— „А вѣдь Николай-то Ивановичъ на васъ ссылается, будто вы ему доктора очень рекомендовали...“

— „Я?... Ну то было время, теперь другое. На старости глупъ сталъ, не доглядѣлъ было, гдѣ раки зимуютъ. Я въ самомъ дѣлѣ принялъ было его за порядочнаго человѣка...“

— „Ну, порядочный!“

— „Порядочный оказывается!“

— „Вотъ какъ Николай Ивановичъ увидитъ, что и вы объ немъ такъ отзываетесь, онъ васъ послушаетъ... вы поговорите... Что такую язву держать!

— „Еще бы! поговорю непремѣнно.

— „Да вамъ весь уѣздъ спасибо скажетъ.“

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Николай Семеновичъ сдержалъ свое слово. Прошло недѣли три. Половина сентября. Кирилинъ пріѣхалъ въ монастырскую больницу,

Осмотрѣлъ больныхъ, собрался домой. Въ воротахъ ограды встрѣчаетъ его Ларіонъ городищенскій...

— „Къ твоей милости".

— „.Что, Ларіонъ Павловичъ?"

Крестьянинъ оглядѣлся во всѣ стороны... Никого.

— „Не ладно, батюшка Владиміръ Степановичъ. Наѣхали къ тебѣ въ Головинское становой, исправникъ."

— „Ко мнѣ?"

— „Спрашиваютъ, гдѣ ты? Никого въ твои комнаты не пускаютъ, говорятъ, велѣно пересмотрѣть твои вещи, только тебя ждутъ"...

— „Тебя за мной прислали".

— „Нѣтъ, Владиміръ Степановичъ, это я, родимый, отъ себя. Такъ полагать надо"...

— „Да кто тебѣ разсказалъ?"

— „Я къ твоей милости пришелъ было. Говорю, сижу съ Василіемъ Ивановичемъ, они тутъ и наѣхали. Послышалъ я что тамъ, да и прибѣжалъ сюда. Мнѣ это Василій Ивановичъ сказалъ... Ты здѣсь... не бѣда ли какая? борони Господи!"

Владиміръ Степановичъ на минуту задумался.

— „Ну, спасибо же тебѣ, Ларіонъ Павловичъ", сказалъ онъ затѣмъ, пожавъ руку крестьянина, „такъ ужь дослужи службу до конца... Ты пѣшій?"

— „Нѣтъ на своей лошаденкѣ, какъ было это, къ тебѣ изъ Головинскаго пріѣхалъ"...

— „Такъ поѣзжай скорѣе въ Дубровки. Тамъ Петръ Сергѣевичъ... знаешь, что у меня живетъ?"

— „Какъ намъ батюшка твоихъ незнать".

— „Вызови его отъ генеральши, да скажи пускай сюда скорѣй къ матери Аполинаріи пріѣдетъ"...

— „Сейчасъ, родимый... Да что это будетъ-то?"

— „Ничего, Ларіонушко, только одному Бѣльскому смотри и разскажи дѣло-то, больше никому"...

— „Что это ты батюшка! бабья у меня глотка ништо... Аполинаріей монашенку-то ты назвалъ?"

— „Аполинаріей.

— „Сейчасъ, кормилецъ, сейчасъ...“

Кирилинъ пошелъ къ Аполинаріѣ.

— „Здравствуйте, Аполинарія Ивановна. Я къ вамъ съ просьбой: позвольте у васъ въ кельѣ часочекъ, другой посидѣть... надо вотъ мнѣ нѣсколько писемъ написать, домой не по дорогѣ. Позвольте у васъ распорядиться?..“

— „Сдѣлайте одолженіе, Владиміръ Степановичъ, сдѣлайте одолженіе.“

Монастырка принесла чернила, перо, бумагу, и оставила доктора одного. Кирилинъ долго не начиналъ писать, онъ думалъ глубокую думу.

А между тѣмъ бѣжитъ—плетется ларіонова кляченка по дубровской дорогѣ. Усердно подгоняетъ ее хозяинъ. Никогда еще онъ не требовалъ отъ нея такой удали, стегаетъ безъ устали;—не столько торопится, сколько хочется на комъ нибудь сердце сорвать, чувствуетъ-неправда дѣется... Неправду чувствуетъ? На неправду сердце береть? Чудо во-очію совершается... Не ты-ли, Ларіонушка, работалъ далеко на Литвѣ, плоты вязалъ-гонялъ богатые? Быстра рѣка, съ отмелями, крутъ поворотъ, дѣло подъ вечеръ... Неладно, погибаетъ добро-то хозяйское! но поусердствовали, спасли его робятушки... Только Ѳедька бѣднякъ поплатился, снесло его при сматохѣ въ рѣку быструю. Не знаю, бросилъ ли ему кто веревку въ тѣ поры, а помнится, Ларіонушка, ты закричалъ: „захлебнися скорѣе, Ѳедюша, такъ-то легче родимый!“ и побѣжалъ что-то ворочать багромъ... А вѣдь ты Ѳедьку любилъ.. Дешева тебѣ жизнь казалась въ тѣ поры. Часа черезъ два сѣли за ужинъ, помянули Ѳедьку добрымъ словомъ товарищи... и никто не подумалъ, за что безвременно погибла безталанная головушка?... Такъ ей знать на роду написано, такъ и быть должно!

Черезъ стольный Владиміръ-городъ, черезъ Казань басурманскую, далеко за каменныя горы высокія пролегаетъ торная дороженька;—цѣпями проторена, слезами полита, съ конца на конецъ бѣдою убита... Живутъ по ней добрые люди, у горемыки прохожаго не спрашиваютъ, за что на его головушку буйную стряслась бѣда неминучая. Неминуча бѣда,—что же и спрашивать откуда

она? Кого посѣтила злодѣйка, того православные величаютъ несчастненькимъ... больше что имъ сказать! Помнится, Ларіонушка, и ты не разъ отдавалъ послѣднюю копѣйку страдальцамъ... жаль, сердце не камень, а не подумалось тебѣ ни разу, за что ихъ грызетъ судьба злая мачиха?...

Что же теперь осерчалъ такъ, родимый? Или Владиміра Степановича полюбилъ всей душею? Или ты, можетъ, теперь бы и за другихъ понахмурился?

Молчитъ Ларіонушка, не до того ему, знать тоже думу думаетъ крѣпкую... Вишь какъ стягаетъ кляченку... Полно, дядя, будто она виновата!...

I.

Часа черезъ два и Бѣльскій подъѣхалъ къ монастырю.

— „Здравствуйте, матушка“, привѣтствовалъ онъ Аполинарію, входя въ ея келью: „у васъ докторъ?“

— „У меня, Петръ Сергѣевичъ, у меня. Письма пишетъ. Милости просимъ.“

— „Нѣтъ-съ, я не войду. Я только за нимъ заѣхалъ.“

Кириллинъ услыхалъ этотъ разговоръ, и вышелъ въ прихожую.

— „А, наконецъ-то!.. Ну, матушка, спасибо вамъ. Я вотъ только его и ждалъ. Намъ некогда, прощайте.“

— „Да вы хоть присядьте, Петръ Сергѣевичъ.“

— „Некогда, матушка, извините“.

— „Ну какъ знаете, какъ знаете. Господь съ вами.“

Друзья вышли.

— „Что такое“? спросилъ Бѣльскій, едва ступивъ за порогъ.

— „Ларіонъ тебѣ не разсказалъ?“

— „Разсказалъ. Да откуда, за что?“

— „Самъ не знаю. Найти-то у меня ничего не найдутъ, у меня ничего запрещеннаго не водится. А должно быть это графъ съ товарищами удружаютъ. Онъ прошлый разъ грозилъ... Вѣрно наговo-

рили, что я тутъ крестьянъ возмущаю... Мало ли чего могли наплести, лишь бы пришла охота".

— „Такъ..."

— „Можетъ быть увезутъ, хотѣлось съ тобой повидаться"...

Пріятели шли по дорогѣ въ Головинское.

— „Ума не приложу, что на меня взведутъ", продолжалъ докторъ, „да неправда-то голосиста на этотъ разъ, коль не затопятъ, такъ продержатъ долго... Съ краемъ этимъ ты знакомъ. Тутъ я многимъ былъ нуженъ, ты позаботься о нихъ, ты здѣсь теперь все знаешь... Ну и въ Гарстовѣ побывай. Приголубь ребятишекъ хоть. Говорятъ, имъ теперь отъ отца житья нѣтъ... Вотъ что еще: братъ младшій... и это ты знаешь, только-что кончилъ курсъ въ университетѣ, теперь онъ у матери гоститъ; хочется, чтобы изъ него человѣкъ вышелъ... Присмотри за нимъ. Хотѣлось бы, чтобы онъ за-границу съѣздилъ, да дѣльно съѣздилъ... Юноша-то способный. Посмотри, что тамъ съ нимъ устроить можно... Не оставь и его... все кажется".

— „А матушка твоя?"

— „Братъ еще самъ нуждается, помочь ей не можетъ... Это меня заботитъ... Я ей хоть 300, 400 рублей въ годъ высылалъ на подмогу... ну да что дѣлать..."

— „А у тебя другихъ братьевъ нѣтъ?" чуть не строго спросилъ Бѣльскій.

— „Извини"...

— „То-то же. Это было на тебя не похоже. Не безпокойся ни о чемъ... А съ Васильемъ Ивановичемъ ты какъ нибудь распорядился? Я его къ себѣ возьму".

— „Спасибо. Да и его отъ меня душевно поблагодари; онъ мнѣ честно, вѣрно служилъ"...

— „Еще нѣтъ ли чего? Припомни".

Кирилинъ крѣпко пожалъ руку своему собесѣднику.

— „Полно" твердо сказалъ на это Бѣльскій, „Не бабься!.. А скажи-ка лучше, ты съ братомъ уже говорилъ что нибудь объ его будущемъ?"

— „Говорилъ. Весной онъ еще былъ здѣсь. Онъ тебѣ все перескажетъ. Да я еще на дняхъ писалъ ему обо всемъ.“

— „Какъ адресъ-то твоей матушки?.. Я самъ къ ней съѣзжу, успокою ее...“

— „Вотъ я здѣсь всѣ свѣденія для тебя написалъ“... и Кирилинъ отдалъ Бѣльскому записку, составленную въ монастырѣ. Петръ Сергѣевичъ просмотрѣлъ ее.

— „Тутъ все, кажется...“ заключилъ онъ.

— „Все.“

— „Ну теперь вотъ что. Если къ тебѣ прискакалъ Ларіонъ, такъ и другіе, можетъ быть, вздумаютъ шумѣть въ Головинскомъ... Ѳедоръ Сидоровичъ, напримѣръ... Тогда на тебя новую улику взведутъ.“

— „И то...“

— „Такъ будь увѣренъ, что у твоей матери есть новый сынъ, у твоего брата—новый братъ. Затѣмъ я ѣду въ Гарстово, въ Питеръ, куда нужно будетъ, сдѣлаемъ что можно.“

— „Ну врядъ ли многое можно будетъ надѣлать. Тамъ рука-то сильна.“

— „Это увидимъ. Короче — увѣренъ ты, что тебя насколько можно замѣнятъ?“

Кирилинъ свѣтло посмотрѣлъ на Бѣльскаго.

— „Еще бы!“ проговорилъ онъ съ увѣренностью.

И друзья крѣпко, крѣпко обнялись.

— „Ты спокоенъ?“

— „Вполнѣ.“

Обнялись еще разъ.

— „Теперь ты въ западню, а я на село!“

— „Прощай.“

И друзья разошлись, бодро улыбаясь. Кирилинъ пошелъ спокойно по направленію къ Головинскому. Онъ не сомнѣвался, что обо всемъ, дорогомъ ему, Бѣльскій позаботится какъ о себѣ.

Бѣльскій побѣжалъ какимъ-то проселкомъ... На глазахъ его навернулись слезы...

Кирилинъ для Бѣльскаго и Бѣльскій для Кирилина былъ не

только пріятель, случайно встрѣченный въ мірѣ, показавшійся добрымъ малымъ, о судьбѣ котораго во всякое время хочется знать что нибудь, для котораго, попроси онъ, можно пожалуй и обезпокоиться, похлопотать, не утомляясь. Нѣтъ, дружба ихъ была глубока, одинъ входилъ постоянною заботой въ жизнь другого. Каждый изъ нихъ вдумался въ бытіе друга, и на основаніи этой думы предугадывалъ, какое впечатлѣніе каждое обстоятельство произведетъ въ его мысли и сердцѣ; потому въ трудные дни никто изъ нихъ не ждалъ ни просьбъ, ни откровенныхъ сознаній, а являлся съ посильной помощью, предупреждая и то и другое. Ихъ сблизило многое, но прежде всего вмѣстѣ выработанные взгляды, приведшіе обоихъ къ тѣмъ же выводамъ. Поддерживая другъ друга въ жизни, они, по своимъ понятіямъ, служили будущности человѣчества, заботились о томъ, чтобы огонь не угасалъ на алтарѣ идеала, а напротивъ разгарался шире и краше, пока не обольетъ весь міръ своимъ свѣтомъ...

III.

Край села въ Головинскомъ стояла изба, изукрашенная „товаромъ сѣверной природы“ — родимый кабакъ. Мимо него лежала Бѣльскому дорога. Еще не подошедъ къ околицѣ, Петръ Сергѣевичъ встрѣтилъ двухъ мужиковъ. Оба были пьяны. Шатаясь изъ стороны въ сторону, шли они прямо на него. Бѣльскій хотѣлъ посторониться, но встрѣчные какъ разъ пошатнулись и толкнули его съ лихого размаха... Толкнувшій узналъ Бѣльскаго.

— „Ба... ба... батюшка, Петръ Сергѣевичъ,“ заговорилъ онъ, едва шевеля языкомъ, „Прости... Да ты куда это?.. Ванюха, куда онъ это?“

— „Не ходи!“ грозно разразился и другой мужикъ, вцѣпясь Бѣльскому въ пальто, „не ходи... возьмутъ и тебя... не ходи... не смѣй!“

Вино различно подѣйствовало на товарищей: одинъ былъ грозенъ, другой нѣженъ.

— „Останься, касатикъ... съ нами... вѣдь ты мужикомъ не брезгаешь...“

— „Куда не ходить? Что вы, ребята?“ тихо спросилъ Бѣльскій.

— „Это ты знаешь... исправникъ!.. исправникъ такой человѣкъ...

— „Ну вотъ, душа, не ходи...“

— „Да мнѣ съ исправникомъ дѣлать нечего. Спасибо вамъ... я...“

Бѣльскій не договорилъ. Ему какъ-то ловко удалось отвести руки своихъ совѣтниковъ... и онъ пошелъ дальше, поклонившись мужикамъ.

— „Чего это онъ?.. идетъ!.. Не пущай его... Не смѣй!“

— „Возьмутъ его, Ванюха.“

— „Да, ты не плачь... выручу!.. Пойдемъ!..“

— „Пойдемъ... я, Ванюха, отъ тебя не отстану... милый ты человѣкъ... батюшка Петръ Сергѣевичъ!“

Бѣльскій очевидно далеко опередилъ мужиковъ. У кабака толпился народъ. Завидя Бѣльскаго, его стали привѣтствовать на разные тоны. Кто былъ потрезвѣе просто снялъ шапку, кто попьянѣе— пустился въ предостереженія вродѣ только-что слышанныхъ имъ.

— „Здравствуйте,“ ласково отвѣчалъ Бѣльскій: „что это сегодня здѣсь такое собраніе?“

— „А вы, Петръ Сергѣевичъ, не знаете?“ выскочилъ изъ толпы Ѳедоръ Сидоровичъ, „къ Владиміру Степановичу исправникъ пріѣхалъ съ понятыми... въ арестъ ихъ хотятъ...“

— „Пустословіе-то помните, Ѳедоръ Сидоровичъ?“

— „И не говорите, сударь“...

— „Такъ вотъ...“

Какой-то крестьянинъ помѣшалъ начатой рѣчи...

— „Что ты разговариваешь!“ налѣзъ онъ на Бѣльскаго. „Что ты ласковыя-то рѣчи держишь... Анаѳема!.. Ты бей мужика!.. Не то... знаешь... знаешь ты...“

Вскорѣ Бѣльскій овладѣлъ толпою. Трезвые стали унимать пьяныхъ. Разговоръ пошелъ довольно мирно. Вдругъ съ барскаго двора выѣхала телѣга, за ней два тарантаса. Въ телѣгѣ сидѣлъ Кирилинъ съ исправникомъ. Становой и всѣ ихъ помощники ѣхали сзади. Толпа снова заколебалась...

— „Прощай бат.“... завопилъ было кто-то.

Бѣльскій схватилъ его за рукавъ, и съ энергическимъ взоромъ, какъ бы призывающимъ къ самообладанію, обернулся къ толпѣ .. Она готова была разразиться крикомъ; вмѣсто того послышался какой-то сдержанный гулъ

Въ это время лошади пронеслись мимо кабака. Кирилинъ все видѣлъ, онъ свѣтло улыбнулся...

Долго еще толпа глядѣла ему вслѣдъ, потомъ стала расходиться.

— „Ѳедоръ Сидоровичъ“, обратился Бѣльскій къ конторщику, „наймите мнѣ пожалуйста лошадей гдѣ нибудь. Я сейчасъ долженъ въ Гарстово ѣхать“.

IV.

Часа четыре послѣ описанной сцены, подъ вечеръ Бѣльскій пріѣхалъ къ Рязанцевымъ...

— „Что такъ поздно! Здравствуйте, Петръ Сергѣевичъ!“ съ непритворнымъ радушіемъ встрѣтила его въ залѣ Елена Васильевна.

— „Я къ вамъ не съ веселыми вѣстями У васъ никого нѣтъ?“

— „Что такое? Мужъ въ кабинетѣ, пройдемте въ гостиную.“

Бѣльскій разсказалъ о случившемся. Елена Васильевна поблѣднѣла, но слушала спокойно, какъ-бы вся сосредоточилась въ представленіи разсказываемыхъ событій. Бѣльскій кончилъ. Рязанцева еще съ минуту оставалась въ томъ же состояніи глубокаго соображенія обстоятельствъ... Потомъ она медленно подошла къ колокольчику и позвонила. Вошелъ слуга.

— „Позовите сюда Николая Семеновича“, нѣсколько глухимъ, протяжнымъ, но совершенно ровнымъ голосомъ приказала хозяйка... и стала у окна, разсѣянно глядя въ покрытую вечернимъ сумракомъ даль.

— „Ты меня звала?“ спросилъ Рязанцевъ, входя черезъ нѣсколько времени... „Здравствуйте Петръ Серг...“ обратился онъ было затѣмъ къ гостю... Услыхавъ голосъ мужа, Елена Васильевна обернулась... Рязанцевъ не договорилъ своего привѣтствія: Елена Васильевна

стояла передъ нимъ въ небываломъ величіи. Она, казалось, выросла, мертвая блѣдность покрывала ея лицо, а наблюдательные глаза, а всѣ неподвижные мускулы выражали такую сосредоточенную мысль, что въ окружающихъ должно было подавиться всякое покушеніе думать о чемъ нибудь, кромѣ того, что занимало Елену Васильевну.

— „У доктора былъ обыскъ, ничего не нашли, но его арестовали", твердо и мѣрно проговорила она, налегая на каждое слово: „ты объ этомъ ничего не зналъ?"

— „Почему же мнѣ знать... я"... Ложь замерла на губахъ Рязанцева; онѣ старались улыбнуться, но изобразили только какую-то гримасу. Елена Васильевна впилась въ мужа пытливыми глазами. Его замѣшательство не могло ускользнуть отъ этого взора.

„Отчего онъ разражался угрозами передъ поѣздкой въ Я***? отчего онъ такъ саркастически смѣялся по возвращеніи оттуда?" промелькнуло въ ея головѣ.

— „Да вы уже не принимали ли участія въ этой исторіи?" вдругъ проговорила она, обращаясь изъ наблюдателя въ грознаго судью, непоколебимо требующаго отвѣта. Глаза ея заблистали, румянецъ заигралъ на щекахъ...

— „Да что съ тобою", началъ было уклончиво пищать Рязанцевъ.

Ясно, — онъ былъ виноватъ.

— „Молчите!" глухимъ, но повелительнымъ голосомъ прервала его жена; потомъ быстро подойдя къ дверямъ залы:

— „Кузьма!" позвала она.

Слуга показался на порогѣ.

— „Сейчасъ заложить карету. Я ѣду въ Я***"...

Николай Семеновичъ стоялъ было какъ вкопанный, но слова эти привели его въ себя.

— „Что такое?" попробовалъ онъ требовательно возвысить голосъ.

— „Подите вонъ!" презрительно осадила его Елена Васильевна.

У Рязанцева дрожь пробѣжала по спинѣ и, пожимая плечами, онъ выкрался изъ комнаты.

— „Вы, Петръ Сергѣевичъ, ѣдете со мной". Бѣльскій протя-

нулъ руку. Рязанцева судорожно пожала ее, и въ изнеможеніи упала на кресло...

— „Лошади готовы, сударыня“, доложилъ лакей черезъ четверть часа.

— „Позови сюда Сашу“.

Вошла горничная.

— „Собери, другъ мой, все что мнѣ нужно недѣли на двѣ и завтра пріѣзжай въ Я***“.

— „Слушаю-съ“.

— „Шляпку, салопъ“!

И то и другое немедленно было подано.

— „Поѣдемте, Петръ Сергѣевичъ“.

И Рязанцева съ Бѣльскимъ направились къ крыльцу. Въ залѣ ихъ встрѣтилъ Николай Семеновичъ.

— „Полно, Hélène, что это ты въ самомъ дѣлѣ“... заговорилъ онъ было примирительнымъ голосомъ, но тихо, опасаясь, чтобы люди его не слыхали.

— „Прощайте“, отвѣчала ему жена нѣсколько презрительно, но совершенно спокойно,—и прошла мимо.

Бѣльскій съ холодной вѣжливостью поклонился Рязанцеву.

Карета отъѣхала.

V.

На другой день рано утромъ Елена Васильевна была у губернатора. Поведеніе Рязанцева уяснилось ей окончательно. Оно вселяло отвращеніе. Оказалось, что онъ болѣе другихъ всѣхъ зналъ объ арестѣ, изобрѣлъ для обвиненія Кирилина небывалые факты, преувеличилъ, исказилъ многое...

Елена Васильевна старалась объяснить Николаю Ивановичу истинное положеніе дѣла.

Сдѣлавъ все возможное, она вернулась домой.

Задумчиво вошла она въ гостиную... Передъ ней стоялъ мужъ. Онъ пріѣхалъ съ Сашей въ Я***, надѣясь еще уладить дѣло съ женою.

— „Вы здѣсь?“ проговорила Елена Васильевна съ удивленнымъ видомъ... „будьте хоть сколько нибудь порядочны: оставьте меня въ покоѣ“.

И она прошла въ свою комнату.

Рязанцевъ попытался пойти за нею, но передъ нимъ заперли дверь. Часа черезъ два Саша подала ему письмо слѣдующаго содержанія:

„Поймите, что послѣ вашихъ подвиговъ намъ тяжело будетъ видѣться. Я съ дѣтьми поѣду за-границу, какъ скоро дѣло бѣднаго доктора сколько нибудь уладится. Чтобы дѣти не забыли васъ, да и для приличій, которыми вы такъ дорожите, пріѣзжайте пожалуй изрѣдка туда, гдѣ мы будемъ. Надѣюсь вы съумѣете вести себя при этихъ свиданіяхъ.

„Для окончательныхъ переговоровъ пришлю вамъ своего брата“.

Елена Р.

VI.

Прошло года полтора. Елена Васильевна пріѣхала въ одинъ изъ германскихъ университетскихъ городовъ. Удобно, но не роскошно поселилась она и цѣлые дни отдавала дѣтямъ, чтенію и музыкѣ. Въ урокахъ кромѣ другихъ учителей помогалъ ей братъ Кирилина; она привезла его съ собою. Молодой человѣкъ, не смотря на собственныя занятія, съ удовольствіемъ отдавалъ нѣсколько часовъ и маленькимъ Рязанцевымъ; онъ привязался къ нимъ, какъ къ братьямъ и сестрамъ.

Однажды раздался звонокъ. Минуты черезъ двѣ горничная вошла къ Еленѣ Васильевнѣ и подала ей визитную карточку.

Paul de Berestoff

Attachè à l'ambassade Impèriale de Russie prés la cour royale de***

Надъ „Paul de Berestoff“ красовался гербъ. Рязанцева улыбнулась.

— „Просите.“

Вошелъ Павелъ Андреевичъ.

— „Здравствуйте, Елена Васильевна," заговорилъ онъ входя. При этомъ глаза его невольно окинули комнату. Отсутствіе роскоши удивило его и отчасти охладило восторженность, съ которою онъ началъ свою рѣчь... „Давно ли, какъ вы здѣсь?"

— „Мѣсяца два," спокойно отвѣчала Рязанцева, протягивая ему руку. „А вы что подѣлываете? Садитесь... Вы я вижу служите въ ***."

— „Да, я здѣсь проѣздомъ, былъ на водахъ. Въ Hôtel встрѣтилъ NN., спросилъ, кто здѣсь изъ русскихъ..."

— „Merci. Вы очень любезны. Ну, какъ же вамъ живется?"

— „Какъ видите. Je m'amuse assez bien."

— „Et vos anciennes passions?"

— „Passions!" смѣясь повторилъ Берестовъ,.. „Кто молодъ не бывалъ... А что теперь ma passion?"

— „Тоже на дняхъ за-мужъ выходитъ. Впрочемъ она о своихъ отношеніяхъ къ вамъ отзывается безъ насмѣшекъ, не такъ какъ вы .."

— „Elle a toujours été reveuse... За кого она выходитъ?"

— „За Бѣльскаго. Прекрасный молодой человѣкъ."

— „Ah! et un beau nom. Прямой Гедиминовичъ."

— „А вы занимаетесь геральдикой? То-то у васъ карточка изукрашена."

— „Да, нѣсколько. Selon moi, tout gentilhomme aurait du s'y entendre. У насъ въ Россіи всѣмъ какъ-то пренебрегаютъ. Посмотрите во Франціи, въ Англіи, какъ всякій родъ хранитъ свои преданія"...

— „Да, да... А вы знаете, что Наталья Михайловна умерла?"

— „Слышалъ. У кого же Ольга жила?"

— „У Дрейсигъ, Маріи Михайловны."

— „Ахъ, это ея тетка. Помню еще у этой барыни дочка была, такое провинціальное созданіе..."

— „Зиночка. Вы бы ее теперь не узнали, такая милая стала. Ее Ольга съ собою въ Петербургъ беретъ."

— „А Бѣльскій, петербургскій?... Да постойте, я зналъ гдѣ-то Бѣльскаго?...“

— „Онъ въ послѣднее время напечаталъ нѣсколько статей, которыя обратили на себя общее вниманіе...“

— „Нѣтъ, я давно ничего не читаю по русски... а имя знакомое... Боже! да это ужь не тотъ ли, надъ которымъ я слѣдствіе производилъ?“

— „Тотъ самый, Павелъ Андреевичъ, тотъ самый.“

— „Вотъ какъ. Un beau garcon, ma foi... А что его горячій защитникъ, докторъ...“

—„Кирилинъ?“

— „Да, Кирилинъ!... Онъ мнѣ такъ надоѣдалъ. Что онъ?“

— „На него бѣднаго наши помѣщики сплели какую-то исторію, онъ былъ подъ слѣдствіемъ, и...“

Передавать ли эту бесѣду до конца? „Вкусивъ сладкаго, кто захочетъ горькаго!“ говаривали наши предки...

Я думаю, они правы.

А. Слѣпцовъ.

За неразборчивостью рукописи автора въ первыя три главы повѣсти «Призраки и жизнь» вкралось нѣсколько ошибокъ, изъ которыхъ считаемъ необходимымъ исправить двѣ, такъ какъ ими нѣсколько искаженъ характеръ повѣсти: На стр. 71 три послѣднія строки отъ слова: «Ольга Дмитріевна сама заглядывалась» вовсе слѣдуетъ опустить; На стр. 83 вмѣсто «ночной прелести» слѣдуетъ читать «красоты».

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА.

(Статья первая.)

I.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Сѣверо-американскій союзъ обратилъ на себя вниманіе передовыхъ европейскихъ мыслителей и государственныхъ людей. Но вниманіе это было больше одиночное, и не входило еще въ европейское сознаніе.

Европейское общественное мнѣніе обратилось къ Америкѣ гораздо позже, когда стремленіе къ соціальнымъ улучшеніямъ заставило Европу искать для себя образцовыхъ учрежденій.

Особенно сильное изученіе учрежденій Америки началось послѣ революціи и неудачъ, испытанныхъ западомъ на пути политическихъ преобразованій.

Европа очень хорошо сознавала нравственный и матеріальный перевѣсъ Американскаго союза надъ собой. Личная свобода; необычайно быстрое экономическое развитіе; крѣпость внутренней политической связи, неподдерживаемой чисто-внѣшними декораціями, и видимое безвластіе слишкомъ рѣзко кидались въ глаза, чтобы не возбудить желанія изучить условія американскаго благоденствія.

Политическіе мыслители Европы приписывали всѣ чудеса Американскаго союза его конституціи. Но конституція—клочекъ бумаги и больше ничего. Можно составить теоретическую конституцію въ кабинетѣ, и она выйдетъ небольше какъ утопія Томаса Мура. Западная Европа, и особенно Франція, знаютъ очень хорошо, что значатъ бумажныя конституціи. Во Франціи проэкты политическихъ

учрежденій составлялись людьми очень знающими, умными и учеными; но Франція не приняла ихъ проэктовъ, и до сихъ поръ еще изнемогаетъ въ безсильномъ стремленіи дать своей внутренней политической жизни тѣ условія общественныя, которымъ она завидуетъ въ Сѣверо-американскомъ союзѣ.

Чтобы внутреннія государственныя учрежденія удовлетворяли потребностямъ народа, нужно чтобы онѣ имѣли органическое происхожденіе. Конституція есть только внѣшняя форма внутренней жизни; она только выраженіе народнаго міровозрѣнія и даже его предразсудковъ и заблужденій. Поэтому, по мѣрѣ умственнаго развитія какой либо страны, измѣняются и ея учрежденія, служащія не больше какъ только оболочкой, или рамкой дѣятельности даннаго народа въ данный моментъ.

Въ этомъ смыслѣ понятно, что конституція Сѣверо-американскаго союза не представляетъ той поучительности, какую въ ней старались видѣть. Конституція эта создана всей предъидущей исторіей народа, и потому важна не конституція, а создавшая ее исторія. Слѣдовательно, кто хочетъ узнать откуда явилась поразительная сила и величіе Америки, тотъ долженъ изучить не внѣшнюю форму ея жизни, а внутреннюю сущность политическаго и общественнаго развитія страны. Говоря проще, важны не учрежденія, а исторія, предшествовавшая учрежденіямъ.

Съ этой точки зрѣнія наибольшую важность представляетъ изученіе колонизаціи и тѣхъ условій, при которыхъ зарождались первые зачатки внутренней политической организаціи, сформировавшіеся наконецъ въ полную конституцію.

Есть и еще одна ошибка, которую дѣлаютъ люди, недостаточно знакомые съ исторіей развитія Америки. Европа величается своею старостью и считаетъ Американскій союзъ политическимъ юнцемъ. Ошибка такого мнѣнія въ томъ, что не обращаютъ вниманія на происхожденіе американскаго народа.

Америку создали европейскіе выходцы, имѣвшіе такую же продолжительную, предшествовавшую исторію, какъ и всѣ ихъ современники, оставшіеся въ Европѣ. Поселившись въ Америкѣ, они продолжали жить и развиваться на основаніи внесенныхъ ими съ собой началъ, и такимъ образомъ не изображали собой ровно ничего новаго, а продолжали ту же самую Европу, которую они оставили.

Отчего же продолженіе Европы вышло нисколько на нее не похожимъ? Только потому, что не всѣ элементы политической жизни

Европы вошли въ жизнь Американскаго союза, и только оттого, что изъ очищеннаго начала, послужившаго основой общественной связи въ Америкѣ и не могло развиться ничего другого, кромѣ того величія, которымъ поражаетъ Союзъ старую, завидующую ему Европу.

Это вступленіе я считалъ необходимымъ, чтобы показать читателю, почему я буду говорить по преимуществу объ исторіи колонизаціи, и о тѣхъ основныхъ элементахъ, изъ которыхъ сложился Союзъ. Нужно изучить исторію зародыша, и только тогда будетъ понятенъ вполнѣ развившійся организмъ.

II.

Открытіе Америки и разсказы о чудесахъ новаго свѣта обратили на нее вниманіе всѣхъ морскихъ державъ Европы. Побуждаемыя жадностью къ наживѣ, честолюбіемъ и стремленіемъ къ увеличенію могущества, государства эти накинулись на новый свѣтъ, какъ хищники на добычу.

Въ началѣ однако посчастливилось только Испаніи и Португаліи. Желая избѣгнуть соперничества и узаконить свои пріобрѣтенія, онѣ обратились къ папѣ Александру VI съ просьбой укрѣпить за ними ихъ американскія владѣнія.

Папа обнаружилъ весьма широкое великодушіе, тѣмъ болѣе, что оно ему ровно ничего не стоило, и знаменитой буллой 1495 года пожаловалъ Испаніи всѣ земли ею уже открытыя, и тѣ, которыя будутъ отрыты ею въ Америкѣ.

Поступая такимъ образомъ, папа основывался на своемъ правѣ главы католицизма и на присущемъ ему господствѣ надъ всѣми народами, погруженными въ мракъ идолопоклонства. По мнѣнію папы, невѣрные и язычники, населявшіе Америку, не были нисколько господами своей земли, и ихъ собственностью можно было располагать, не спрашивая на то ихъ согласія.

Великодушіе папы, распоряжавшагося такъ беззастѣнчиво чужою собственностью, исключительно въ пользу испанцевъ и португальцевъ, оскорбило остальныя католическія государства Европы. Англія, Франція, Голландія, не обращая вниманія на буллу Александра VI, кинулись тоже на завоеванія въ Америкѣ, и самовольство ихъ было причиною продолжительной вражды между ними и

Испаніей и Португаліей, считавшими себя единственно законными владѣльцами Новаго Свѣта.

Попытки англичанъ на поприщѣ открытій новыхъ земель начались при Генрихѣ VII. Считая свое право располагать Америкой нисколько не ниже права папы, онъ далъ венеціянцу Кабо, давно уже поселившемуся въ Бристолѣ, право, подобное тому какое Фердинандъ и Изабелла дали Колумбу.

Съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ попытокъ англичанъ завладѣть американскими землями, попытокъ, часто неудачныхъ и стоившихъ имъ большихъ издержекъ и потерь. Такъ въ одну изъ экспедицій, направленныхъ въ Индію черезъ Сѣверный полюсъ, англичане вмѣсто Америки открыли нашъ Архангельскъ. Хотя это открытіе не особенно рекомендуетъ познанія мореходовъ того времени; но тѣмъ не менѣе оно все-таки важно въ томъ отношеніи, что Ченслеръ былъ первый капитанъ, вступившій въ Бѣлое море и основавшій въ немъ коммерческія сношенія.

Только въ царствованіе Елисаветы начались болѣе серьезныя экспедиціи въ Америку и болѣе серьезныя попытки устройства съ ней экономическихъ сношеній.

Въ Европѣ съ понятіемъ объ Америкѣ соединялась мысль о неистощимыхъ горахъ золота. Камень, привезенный изъ сѣверной Америки обратилъ на себя вниманіе въ Лондонѣ, и по изслѣдованію знатоковъ оказалось, что въ немъ заключается золото. Это обстоятельство разожгло корыстолюбіе лондонскаго сити и явилось множество охотниковъ, обратившихся къ Елисаветѣ съ просьбою отдать имъ въ аренду новыя земли, въ такой степени изобилующія золотомъ. Немедленно была снаряжена экспедиція изъ нѣсколькихъ судовъ, не столько для открытія новаго пути въ тихій Океанъ, сколько для собранія сокровищъ и драгоцѣнныхъ минераловъ. Елисавета повелѣла снарядить свой собственный большой корабль, на которомъ тоже предполагалось везти несмѣтныя сокровища. Охотниковъ плыть за богатствами явилось гораздо больше, чѣмъ сколько было нужно для экспедиціи рабочихъ рукъ, такъ что пришлось отказать больше чѣмъ половинѣ явившихся. Плаваніе было очень опасно, но людей поддерживала жадность къ золоту и, забывъ объ открытіи новаго прохода, служившаго поводомъ экспедиціи, авантюристы, накинувшись на первую встрѣченную ими землю, заключавшую по общему мнѣнію огромное количество золота, принялись нагружать ею свои корабли. Начальникъ экспедиціи, адмиралъ,

собственными своими руками, какъ простой матросъ, рылъ землю и нагружалъ ею корабли.

И это была не одна подобная экспедиція, гдѣ люди, задавшись химерическою мыслью, отваживались на геройскія предпріятія, полныя всякихъ опасностей и грозящія смертью, чтобы привести земли богатой золотомъ.

Впрочемъ опасности плаванія и неудачи съ золотомъ скоро прохладили энтузіазмъ авантюристовъ и съ этой поры начинаются уже болѣе серьезныя отношенія англичанъ къ Новому Свѣту.

Первой серьезной попыткой было плаваніе Жильбера, облеченнаго Елизаветой весьма широкой властью и правами. Сэръ Гемфри Жильберъ, человѣкъ съ здравымъ смысломъ и съ большими познаніями, чѣмъ тѣ, кто ѣздилъ за золотой землей, составилъ проэктъ колонизаціи, одобренный королевой. Ему безъ труда былъ данъ патентъ довольно либеральныхъ размѣровъ, предоставлявшій большія выгоды и власть, и гражданскую и уголовную юрисдикцію въ предѣлахъ двухсотъ миль.

Жильберъ, облеченный такой громадной властью и полный блистательныхъ надеждъ, употребилъ на предпріятіе почти все свое состояніе, и съ собранными имъ добровольными эмигрантами отправился въ плаваніе. Но экспедиція потерпѣла неудачу. Одинъ изъ кораблей утонулъ, а другіе, испугавшись трудностей, воротились домой, но до дому не доплыли, погибнувъ, какъ полагаютъ, въ битвѣ съ испанцами. Самъ Жильберъ какими-то судьбами спасся, но уже слишкомъ обѣднѣвшій не рѣшался возобновить попытки. Здѣсь на помощь ему явился извѣстный Вальтеръ Ролей (Roleigh), любимецъ Елисаветы, человѣкъ замѣчательно блистательныхъ талантовъ, огромныхъ познаній и самой безграничной предпріимчивости. Такъ какъ срокъ патента, данная Жильберу, еще не кончился, то онъ вмѣстѣ съ Ролеемъ сформировалъ новый флотъ. Флотъ этотъ тронулся въ путь при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, потому что королева, въ знакъ своей милости, прислала его командиру золотой якорь. Въ экспедиціи находились исторіографъ и минералогъ.

Два дня послѣ выхода изъ Плимута самое большое судно, снаряженное Ролеемъ, дезертировало подъ предлогомъ болѣзни экипажа. Хотя это обстоятельство очень смутило Жильбера, но онъ не упалъ духомъ и продолжалъ плаваніе. Онъ слѣдовалъ на Новую Землю, и прибывъ въ Сентъ-Жанъ, забралъ находившихся тамъ испанцевъ, португальцевъ и другихъ жителей, чтобы они присут-

ствовали на церемоніи освященія права завладѣнія страной во имя англійской королевы. Въ ознаменованіе такого событія была воздвигнута колонна, съ вырѣзаннымъ на ней гербомъ Англіи.

Послѣ всѣхъ церемоній члены экспедиціи приступили къ своему главному дѣлу, при чемъ особенную дѣятельность проявилъ минералогъ. По его мнѣнію, горы заключали въ себѣ несомнѣнные признаки «минеральныхъ субстанцій» и минералогъ клялся своею головою, что въ горахъ заключается множество серебра. Такъ какъ такое открытіе, преданное гласности, могло повредить интересамъ экспедиціи, то минералогъ получилъ приказаніе хранить его въ глубокой тайнѣ. Затѣмъ приступили къ перенесенію на самый большой корабль драгоцѣнныхъ минераловъ и совершили эту операцію съ такою ловкостію, что ни португальцы, ни испанцы ничего не замѣтили.

Запасшись сокровищами, экспедиція отправилась въ дальнѣйшее плаваніе, для дальнѣйшихъ открытій. Но едва успѣла она подвинуться на югъ, какъ самый большой корабль потерпѣлъ, по неосторожности экипажа, крушеніе. Погибло болѣе ста человѣкъ, утонули драгоцѣнные минералы, утонулъ минералогъ и не удалось спасти ученаго Парменіуса, долженствовавшаго писать исторію экспедиціи.

Тогда Жильберъ рѣшился возвратиться какъ можно поспѣшнѣе въ Англію. Плаваніе было очень бурное и опасное, даже самые старики моряки не видывали моря болѣе ужаснаго. Въ первую же ночь, около двѣнадцати часовъ, изчезъ огонь на кораблѣ, Жильбера и затѣмъ никто не видѣлъ уже никогда ни корабля, ни экипажа. Только третье судно достигло благополучно Плимута.

Смерть Жильбера не убила предпріимчивости Ролея. Но теперь онъ задумалъ устроить колонизацію въ климатѣ болѣе мягкомъ, и считая себя какъ бы наслѣдникомъ правъ несчастнаго Жильбера, своего зятя, обратился съ просьбой къ Елисаветѣ. Ему былъ данъ патентъ, такой же либеральный, какъ и Жильберу. Ролей былъ признанъ владѣльцемъ—государемъ всѣхъ земель, которыя онъ откроетъ, съ властію почти неограниченною.

Новое предпріятіе возбудило новыя надежды, потому что дѣло шло о колонизаціи не сурового сѣвера, а очаровательнаго и плѣнительнаго юга. Всѣ ужасы Ледовитаго океана были забыты предъ улыбающейся перспективой, какую сулила вѣчная весна и неистощимое, постоянное плодородіе почвы. Два корабля, обильно снабженные всѣмъ, что нужно, тронулись въ путь, по направленію къ нынѣшней сѣверной Каролинѣ. Море было спокойно, небо чисто и воздухъ освѣжался только самымъ легкимъ вѣтеркомъ.

Новая, невиданная растительность поразила пловцовъ; повсюду виноградъ въ изобиліи, какого никто никогда не видывалъ, лѣса и деревья, какихъ не могло придумать никакое воображеніе, міріады самыхъ разнообразныхъ и красивыхъ птицъ, наполнявшихъ лѣса, приводили въ восторгъ переселенцевъ. Кротость краснокожихъ, населявшихъ эту очаровательную мѣстность, гармонировала съ природой. «Народъ этотъ добрый, любезный, искренній, былъ лишенъ всякой искуственности и вѣроломства; можно было подумать, что онъ сохранилъ нравы золотаго вѣка». Мѣстность, плѣнившая переселенцевъ, была названа ими въ честь королевы дѣвственницы— Виргиніей.

Вслѣдъ за этой экспедиціей послѣдовали еще три, и всѣ онѣ не имѣли успѣха, такъ что въ концѣ царствованія Елисаветы не осталось въ сѣверной Америкѣ никакихъ другихъ слѣдовъ переселенія, кромѣ кургановъ и могилъ надъ павшими отъ голода и въ войнѣ съ индійцами отважныхъ колонистовъ.

Въ царствованіе Якова I, померкшая звѣзда Ролея не позволила ему продолжать осуществленія своихъ неудавшихся до сихъ поръ проэктовъ. Въ Яковѣ I онъ встрѣтилъ позорнаго мстителя за смерть графа Эссекса. Лишенный всѣхъ своихъ званій и отличій, Ролей былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ, и хотя генеральный атторней не нашелъ за нимъ никакой вины, но онъ былъ обвиненъ малодушными и угодливыми присяжными, что было равносильно смертному приговору. Казнь замѣнили однако заключеніемъ. Двѣнадцать лѣтъ, проведенныя въ тюрьмѣ, Ролей посвятилъ дѣлу колонизаціи, и если не могъ служить ей лично, непосредственной дѣятельностью, то по крайней мѣрѣ служилъ перомъ. Онъ написалъ множество сочиненій военнаго, морскаго и географическаго содержанія; а его исторія, произведеніе наиболѣе замѣчательное, составляло любимое чтеніе Кромвеля.

Давъ наконецъ Ролею свободу, ему не возвратили однако всѣхъ милостей. Больной, разбитый параличемъ старикъ, въ награду за всѣ подвиги получилъ только право отправиться въ Гвіану, для отысканія золотой руды. Но Эльдорадо, къ которому были направлены всѣ мысли европейцевъ того времени, Ролею не далось. Потерявъ надежду добыть золото, онъ отправился назадъ въ Европу и слѣдуя обычаю времени, когда пиратство считалось войною и когда Дрекъ, морской разбойникъ, покрылъ свое имя славою, Ролей напалъ на испанскія колоніи св. Ѳомы, ихъ разрушилъ и разграбилъ.

Король Яковъ, разсердившись на это дѣло, компроментировавшее

его передъ Испаніей, задумалъ наказать виновнаго; но вмѣсто того, чтобы наказать его за пиратство, Яковъ прибѣгнулъ къ позорному средству, недостойному короля, и возобновилъ старое, давно забытое обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Семидесяти-лѣтняго, разбитаго параличемъ старика казнили, не умѣя понять того, что геній Ролея проложилъ дорогу англичанамъ въ Америку, и что только его предпріимчивости новый свѣтъ обязанъ возможностью прочной колонизаціи. Новый свѣтъ, столько разъ изобличавшій ошибки стараго, постарался и въ этомъ случаѣ показать Англіи ея несправедливость. Почти двѣсти лѣтъ спустя сѣверная Каролина торжественнымъ законодательнымъ актомъ признала заслуги этого необыкновеннаго человѣка, соединявшаго въ себѣ всѣ таланты, какіе только могутъ соединиться въ одномъ лицѣ.

Размѣръ статьи не позволяетъ мнѣ вдаваться во всѣ подробности попытокъ, которыя подготовили колонизацію Соединенныхъ Штатовъ. Но и изъ того, что я сказалъ, читатель можетъ составить уже себѣ понятіе о смѣлости и ловкости первыхъ авантюристовъ, пролагавшихъ путь въ Америку. Плаваніе черезъ Атлантическій океанъ было тогда еще новостью и требовалась большая отвага, чтобы преодолѣть опасности, увеличиваемыя невѣжествомъ. Тогда еще не знали прямого пути; не знали ни вѣтровъ, ни теченій океана. Суда, употреблявшіяся для плаванія, были очень малы. Такъ Фробишфъ плылъ на суднѣ всего въ двадцать тоннъ, а у Колумба два судна не имѣли палубъ. Плаваніе считалось до того опаснымъ, что люди, отправлявшіеся въ путь, совершали всѣ торжественныя религіозныя церемоніи, какъ бы приготовляясь къ смерти. И предчувствіе несчастія не было вовсе воображаемымъ. Многіе терпѣли кораблекрушеніе, другихъ занесло на необитаемые острова, третьи тонули. При слабыхъ знаніяхъ въ мореходствѣ, съ одной отвагой и рѣшимостью было еще недостаточно бороться противъ природы.

Указать на характеръ авантюристовъ я считаю потому необходимымъ, что этимъ можно объяснить частію историческое происхожденіе энергіи нынѣшнихъ американцевъ. У трусовъ не доставало силы разстаться съ Европой, значитъ шли люди отважные способные бороться со всякими опасностями.

Какъ видѣлъ уже читатель, первые искатели приключеній ѣхали въ Америку исключительно за золотомъ и драгоцѣнными минералами. Они не хотѣли отрываться отъ своей родины, а думали только о томъ, чтобы, разбогатѣвъ въ Новомъ Свѣтѣ, наслаждаться

остатки дней въ своей родной Англіи. Ролей, не отказываясь отъ мечты объ Эльдорадо, въ тоже время думалъ объ основаніи правильной колонизаціи. Наконецъ наступило время, когда Эльдорадо потеряло все свое обаяніе, золото уже не прельщало авантюристовъ и колонизація составляла уже единственную цѣль стремленій англичанъ.

При Яковѣ явилась мысль устроить въ Виргиніи прочную колонизацію, которая и положила начало нынѣшнему Сѣверо-американскому союзу.

Все пространство земли, извѣстное въ то время подъ названіемъ Виргиніи, было раздѣлено на двѣ почти равныя части и отдано въ пользованіе двухъ частныхъ компаній.

Компаніи были обязаны выплачивать королю пятую часть добычи золота и серебра и пятнадцатую мѣди. Король предоставилъ компаніямъ право чеканить монету, вѣроятно, въ томъ соображеніи, чтобы облегчить торговыя сношенія съ туземцами, которыхъ надѣялись обратить въ христіанство и познакомить со всѣми выгодами цивилизаціи. Высшее управленіе колоніями и направленіе всей колоніальной системы было вверено совѣту, находившемуся въ Англіи. Членовъ совѣта могъ назначать только самъ король, отъ произвола котораго они вполнѣ зависѣли. Король же сохранялъ за собою право контроля мѣстныхъ колоніальныхъ совѣтовъ. Наконецъ тотъ же самый король удержалъ за собою исключительное право законодательства, какъ высшаго въ сферѣ общихъ интересовъ, такъ и частнаго въ мелочныхъ подробностяхъ управленія. Яковъ надѣялся получать отъ Виргиніи большія выгоды, точно также думали и члены компаніи.

Такимъ образомъ, первая колоніальная хартія не предоставляла промышленной компаніи ничего, кромѣ пустой земли съ правомъ населять ее и защищать. За королемъ же осталась безусловная законодательная власть, право назначать всѣхъ чиновниковъ и перспектива громаднаго дохода. Что же касается до переселенцевъ, то имъ не было предоставлено ни малѣйшей свободы ни въ выборномъ правѣ, ни въ самоуправленіи. Они должны были подчиняться безусловно и распоряженіямъ промышленной компаніи, и повелѣніямъ мѣстнаго совѣта и высшему контролю въ Англіи и наконецъ произвольнымъ повелѣніямъ короля. Была, впрочемъ, и одна хорошая сторона въ этой неудачной конституціи, въ томъ, что произволъ короля могъ ограничивать произволъ компаній.

Въ этомъ учрежденіи, не оставлявшемъ ни малѣйшаго мѣста поли-

тической свободѣ, не было никакой свободы и въ другихъ отношеніяхъ. Въ отношеніи религіи велѣно было строго подчиняться всѣмъ условіямъ англиканской церкви, гражданскія и имущественныя права не отступали ни въ чемъ отъ установленныхъ въ Англіи. Смертная казнь назначалась не только за убійства и за болѣе важныя преступленія, но даже и за опасные безпорядки. Такимъ образомъ жизнь колонистовъ была почти совершенно въ рукахъ чиновниковъ.

Организовавъ систему административнаго и политическаго управленія, Яковъ разрѣшилъ приступить къ эмиграціи. Небольшой флотъ изъ трехъ кораблей отправился въ Виргинію, унося съ собой 105 эмигрантовъ.

Путешествіе началось при предзнаменованіяхъ не совсѣмъ отрадныхъ. Между 105 эмигрантами, этими будущими колонистами, имѣлось всего только 12 рабочихъ и очень мало ремесленниковъ. Все это отправлялось въ пустыню, гдѣ не было ничего, не унося съ собой никакихъ средствъ и силъ для личнаго труда. Еще хуже, ни у одного эмигранта не было семьи. Очевидно, что начальники предпріятія имѣли въ виду болѣе коммерческое предпріятіе, чѣмъ колоніальное.

Хотя страна, въ которую прибыли эмигранты, напоминала земной рай, тѣмъ не менѣе бѣдствія переселенцевъ были велики. Надо было рубить лѣсъ, строить дома, заготовлять средства существованія; а между тѣмъ на 48 джентльменовъ приходилось всего 4 плотника. Еще къ счастію для переселенцевъ, между ними находился одинъ человѣкъ геніальной предпріимчивости и энергіи, и громаднаго ума, создавшій себѣ безсмертную славу — авантюристъ Смитъ.

Съ самой ранней молодости онъ отличался свободнымъ предпріимчивымъ умомъ и наклонностію къ геройскимъ похожденіямъ. Не имѣя еще тринадцати лѣтъ, онъ уже сражался за свободу батавской республики. Затѣмъ онъ былъ во Франціи, въ Египтѣ, въ Италіи, сражался въ Венгріи противъ турокъ, обратилъ на себя вниманіе Стефана Баторія и въ одномъ сраженіи, въ Калабріи, былъ взятъ въ плѣнъ. Турки отправили его въ Константинополь на продажу. Молодой, красивый Смитъ возбудилъ къ себѣ участіе одной турчанки и та, желая дать ему свободу, велѣла отвезти его въ Крымъ. Но приказаніе турчанки исполнено не было и Смита заставили работать вмѣстѣ съ другими рабами. Въ этомъ трудномъ положеніи Смитъ увидѣлъ, что ему нужно ожидать всего только

отъ своихъ собственныхъ силъ. Возмущенный жестокимъ обращеніемъ своего смотрителя, онъ убилъ его, сѣлъ на лошадь и ускакалъ на границу Россіи. Здѣсь снова помогла ему женщина, и онъ пробрался черезъ Крымъ въ Трансильванію, чтобы отправиться на родину. Услыхавъ о междоусобіяхъ въ Африкѣ, Смитъ измѣнилъ свой планъ и поѣхалъ въ Мароко. Возвратившись наконецъ въ Англію, онъ увлекся общимъ энтузіазмомъ къ колонизаціи Америки и отдался всѣми своими силами новому дѣлу. Смитъ обладалъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобы стоять во главѣ подобныхъ предпріятій. Глубокое знаніе человѣческой природы, смѣлый умъ, твердый характеръ, способность внушать къ себѣ уваженіе дѣлали его настоящимъ вождемъ толпы; онъ былъ созданъ для управленія и руководительства массами и только подобный человѣкъ былъ въ состояніи организовать цѣлое, проникнутое одной общей идеей, изъ тѣхъ разнообразныхъ и даже противуположныхъ интересовъ, какіе изображали собою первые колонисты.

Блестящія надежды, съ которыми прибыли въ Виргинію эмигранты, скоро рушились. Очаровавшая ихъ природа была дѣйствительно хороша, но эта природа была природой пустыни. Слабые числомъ, а еще болѣе неспособностію къ труду, они были совершенно безсильны предъ дѣвственной природой, которую имъ нужно было одолѣвать. Сильная почва, покрытая сильной растительностію и дѣвственные лѣса увеличивали еще болѣе трудъ обработки земли. Жаръ былъ невыносимъ. Влажный климатъ порождалъ болѣзни. Жизненные припасы испортились частію во время путешествія, частію на мѣстѣ. Отчаяніе овладѣло колонистами; едва десять человѣкъ сохраняли еще бодрость духа; больные, стонавшіе день и ночь, наводили еще большее уныніе. Очень часто въ теченіи ночи умирало четыре или пять человѣкъ, утромъ уносили ихъ трупы и «зарывали въ землю какъ собакъ.» До наступленія осени погибла половина переселенцевъ.

Смитъ явился настоящимъ спасителемъ несчастныхъ. Онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе индѣйцевъ до того, что они явились осенью съ предложеніемъ съѣстныхъ припасовъ; онъ возстановилъ миръ и согласіе между колонистами, ободрилъ ихъ, и своимъ энергическимъ управленіемъ ввелъ порядокъ и трудолюбіе.

Лондонская компанія, мечтавшая только о золотѣ и богатствахъ, требовала сокровищъ отъ умиравшихъ съ голоду колонистовъ, и даже не умѣла дѣлать выбора людей для новаго поселенія. Въ числѣ колонистовъ, высылавшихся компаніей, не доставало именно

такихъ людей, отъ которыхъ зависѣлъ успѣхъ колонизаціи. Смитъ обратилъ на это обстоятельство вниманіе лондонскихъ распорядителей. «Если вы снарядите къ намъ новую экспедицію, писалъ онъ въ Лондонъ, я прошу васъ отправить человѣкъ тридцать плотниковъ, земледѣльцевъ, огородниковъ, рыболововъ, кузнецовъ, каменьщиковъ и людей способныхъ корчевать корни деревъ. Такіе тридцать человѣкъ дороже намъ тысячи людей, которыми мы уже располагаемъ.»

Назначенный губернаторомъ, Смитъ воспользовался своею властью, чтобы организовать свой трудъ. Онъ назначилъ шесть часовъ въ день для занятія земледѣліемъ и вообще культурными работами. У него даже джентльмены научились владѣть топоромъ и лопатой, и сдѣлались превосходными дровосѣками. «Кто не работаетъ, тотъ не долженъ ѣсть»: былъ экономическій аѳоризмъ Смита. При немъ колонія приняла приличный видъ и стала похожа на поселеніе европейцевъ.

Къ несчастію, Смитъ не долго оставался въ Америкѣ; раненный случайнымъ взрывомъ пороха, онъ долженъ былъ отправиться въ Европу, потому что помощь виргинскихъ докторовъ оказывалась безсильной.

Смитъ справедливо считается отцемъ Виргиніи и колонизаціи саксонской расы въ Соединенныхъ штатахъ. Какъ водится всегда на свѣтѣ, современники не оцѣнили заслугъ этого великаго человѣка. То, что казалось другимъ невозможнымъ, онъ творилъ съ быстротой и проницательностью. Дѣло слѣдовало у него немедленно за мыслію; онъ умѣлъ вести людей на опасность, спасая ихъ отъ бѣдствій и страданій. Ко всему этому Смитъ отличался еще чистосердечіемъ, искренностью и честностью. Онъ первый понялъ, лучше всѣхъ, что истинный интересъ Англіи заключается не въ виргинскомъ золотѣ и въ быстромъ обогащеніи, а въ организаціи правильнаго и энергичнаго промышленнаго труда. «Здѣсь не на что болѣе надѣяться, какъ на собственный трудъ», говорилъ онъ. И Смитъ твердо держался этого правила. За то всякій разъ когда онъ оставлялъ колонію или для новыхъ открытій или для поѣздки въ Англію, колонисты впадали немедленно въ праздность и забывали о будущемъ. Запасы пищи истощались быстро, съ индѣйцами затѣвались ссоры, начинались грабежи, а иногда дѣло доходило до того, что колонисты, какъ нищіе, просили Христа ради пищу у индѣйцевъ. И человѣкъ, оказавшій столько услугъ, не имѣлъ ни своего собственнаго поля, ни своего дома. Онъ умеръ неоцѣненный

тѣми, кто исключительно ему былъ обязанъ всѣмъ своимъ счастьемъ.

Особенное процвѣтаніе колоній начинается съ того момента, когда наплывъ новыхъ эмигрантовъ, находившихся въ болѣе независимыхъ отношеніяхъ къ лондонской компаніи, позволилъ надѣлить каждаго земельной собственностью, и когда развилось воздѣлываніе табаку. Колонизація юга Америки обязана по преимуществу культурѣ этого растенія и ей же обязана Америка основаніемъ своего благосостоянія.

Съ табакомъ познакомили Англію первые авантюристы экспедиціи Ролея, выучившись сами очень скоро курить у индѣйцевъ. Индѣйцы, не употреблявшіе ни вина, ни опіума, пользовались табакомъ какъ средствомъ для возбужденія нервной системы. Первые авантюристы вошли скоро во вкусъ куренія и также скоро познакомили съ табакомъ Англію, не смотря даже на книгу, написанную королемъ Яковомъ противъ этого проклятаго растенія. Запросъ на табакъ сдѣлался такъ великъ, и выгоды, предлагаемыя за него, такъ значительны, что колонисты принялись за воздѣлываніе его съ какой-то лихорадочною дѣятельностью. Улицы и площади колоній засѣвались табакомъ, и колонистамъ не разъ грозила голодная смерть оттого, что, обративъ все свое вниманіе на табакъ, они забывали сѣять хлѣбъ.

Табакъ былъ долгое время единственнымъ вывознымъ продуктомъ Виргиніи, и замѣнялъ въ колоніяхъ деньги. Такъ жалованье священникамъ и чиновникамъ выдавалось табакомъ. Табакомъ же выплачивалась большая часть податей и какъ цѣнность табака зависѣла отъ его урожая, то колоніальный совѣтъ устанавливалъ ежегодно его денежную единицу, которою опредѣлялась цѣна говядины, хлѣба и другихъ предметовъ продовольствія. Когда въ 1620 году компанія отправила первый транспортъ женщинъ «чистыхъ и непорочныхъ», то рука каждой изъ нихъ уступалась за 120 до 150 фунтовъ табаку. На слѣдующій годъ цѣна женъ удвоилась.

Въ одномъ изъ условій колонизаціи Виргиніи лежало начало рабства, кончившагося той страшной междоусобной войной, свидѣтелемъ которой было наше время. Очень часто случалось, что эмигрантъ, неимѣвшій средствъ для переселенія, дѣлалъ долги. Должники, закабалявшіеся такимъ образомъ, являлись настоящими крѣпостными своихъ хозяевъ. Изъ этого порядка вещей скоро возникли разныя злоупотребленія. Люди, на доставку которыхъ въ Виргинію издержки не превышали 8 и 10 фунтовъ, продавались иногда за 40, 50 и даже 60 фунтовъ. Доставка кабальныхъ сдѣлалась скоро

спекуляціей и аферисты, занимавшіеся такимъ постыднымъ дѣломъ, сманивали неопытныхъ юношей, прислугу и всякихъ людей безъ дѣла, переселяться въ страну, гдѣ золото, по ихъ словамъ, можно было загребать лопатами. Такимъ образомъ бѣлые рабочіе сдѣлались очень обыкновеннымъ предметомъ торговли. Ихъ продавали и перепродавали въ Англіи, перепродавали въ Америкѣ, совершенно какъ негровъ или какъ лошадей. Положеніе ихъ было даже хуже черныхъ невольниковъ, потому что, напримѣръ, въ 1672 году средняя цѣна бѣлому, обязанному служить пять лѣтъ, была 10 фунтовъ, а черному 20 или 25. Этотъ родъ торговли былъ тогда въ такомъ употребленіи въ Англіи, что осуждали на рабство въ Америку не только взятыхъ въ плѣнъ шотландцевъ, но даже своихъ, взятыхъ въ плѣнъ во время междоусобій. Все это подготовило введеніе въ Виргиніи рабства, такъ что, когда явился первый корабль съ черными африканцами, то общественное мнѣніе было уже совершенно на сторонѣ рабства. Заслуга этого рода принадлежитъ Джону Гаукинсу, первому, обратившему вниманіе англичанъ на выгоду торговли неграми. Онъ доставилъ большой транспортъ африканцевъ въ Испаньолу и богатое вознагражденіе, полученное имъ въ сахарѣ и жемчугѣ, обратило на себя вниманіе даже королевы Елисаветы. Гаукинсъ, какъ и всѣ торговцы неграми, былъ человѣкъ чугуннаго сердца; онъ съ похвальбой разсказываетъ о себѣ, что разорилъ и сжегъ городъ въ 8,000 жителей, чтобы завладѣть 250 неграми. Къ стыду Елисаветы, она покровительствовала этимъ постыднымъ дѣламъ и даже принимала участіе въ торговлѣ неграми, преслѣдуемой испанцами.

Что касается до Виргиніи, то ее познакомилъ съ африканскими невольниками голландецъ Томасъ Кейзеръ, привезшій въ 1620 году 20 рабовъ. Выгода, которая являлась отъ производства работъ неграми была слишкомъ плѣнительна для тѣхъ, кто не хотѣлъ или не могъ работать. Негры превосходно выносили дѣйствіе жаркаго климата и были гораздо способнѣе бѣлыхъ для работы подъ палящимъ солнцемъ.

Хотя первое время число бѣлыхъ рабовъ превышало число рабовъ черныхъ, такъ что, напримѣръ, въ 1671 году бѣлыхъ было 6,000, а черныхъ только 2,000; но съ теченіемъ времени черныхъ стали предпочитать бѣлымъ, потому что первые, вынося лучше климатъ, обходились гораздо дешевле въ одеждѣ и въ содержаніи. Кромѣ того бѣлые имѣли право жаловаться на дурное съ ними обращеніе; а черные дѣлать этого не смѣли. Наконецъ такъ на-

зываемыя «тюремныя пташки»; ссылавшіяся въ рабство, были опасны своею непокорностью властямъ и своимъ безпокойнымъ характеромъ. Дѣло иногда доходило даже до возмущеній. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ развитію рабства африканцевъ, число черныхъ увеличилось съ такой быстротой, что въ 1732 году Виргинія приняла мѣры для ограниченія ихъ ввоза. Было назначено брать сначала по пяти, а потомъ и по десяти процентовъ съ каждаго ввезеннаго негра. Впрочемъ это ограниченіе не помѣшало торговлѣ. Въ промежутокъ времени съ 1671 до 1790 года, т. е. въ теченіи 119 лѣтъ, число черныхъ увеличилось съ 2,000 до 203,000, т. е. въ пропорціи 1:149, тогда какъ бѣлое населеніе съ 38,000 дошло до 450,000 или увеличилось въ пропорціи 1:12.

При всѣхъ дурныхъ сторонахъ рабства, оно имѣло для Сѣверо-американскаго союза и свою выгодную сторону. Возможность имѣть рабочія руки дала джентльменамъ средства превратиться въ богатыхъ плантаторовъ, и достигнуть даже привычекъ феодальныхъ владѣльцевъ. Виргинскіе плантаторы, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, усвоили всѣ достоинства и недостатки англійской аристократіи; они жили не только въ довольствѣ, но даже въ изобиліи и кто вздумалъ бы пользоваться своимъ досугомъ для развитія и обогащенія своего ума знаніями, тотъ располагалъ всѣми необходимыми для того средствами. Этотъ досугъ и возможность для развитія мысли создала цѣлую массу государственныхъ людей, оказавшихъ Сѣверо-американскому союзу громадныя услуги въ войнѣ за независимость и послѣ. Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ, Монрое и др. были виргинцы. Но время взяло свое и досугъ, нѣкогда, служившій для созданія Вашингтоновъ и Джефферсоновъ, превратился наконецъ въ праздную лѣнь, развратившую и плантаторовъ, и ихъ рабовъ.

Прошло тринадцать лѣтъ, прежде чѣмъ искатели золота и авантюристы превратились въ колонистовъ. Нужно было много хлопотъ и энергіи, чтобы достигнуть такого результата и преодолѣть всѣ трудности, представляемыя почвой, непривычной къ труду, новымъ дѣломъ и враждебностію индѣйцевъ. Впрочемъ къ чести индѣйцевъ нужно замѣтить, что поводъ къ враждебности подали совсѣмъ не они. Когда прибыли первые переселенцы, то Погатамъ, предводитель смежнаго племени, сказалъ своимъ: «не бойтесь; они вамъ не сдѣлаютъ ничего, они займутъ только клочекъ необработанной земли». Пророчество несбылось, и индѣйцевъ не только вы-

тѣснили повсюду, ихъ истребили и еще разными юридическими софизмами европейцы усиливались оправдать свое насиліе. Искренность была бы лучше; зачѣмъ унижать себя оправданіемъ и ложью?

Пока поселенцы пускали корни на новой землѣ, всѣ силы ихъ были направлены на устройство своего водвореннаго быта. Устроившись они стали смотрѣть дальше. Колоніи не были простыми починками; кромѣ промышленныхъ, у колонистовъ были еще политическія стремленія; люди хотѣли знать свое право и свои отношенія къ метрополіи. Англичанинъ, имѣвшій голосъ въ старой Европѣ, не хотѣлъ отказаться отъ него въ Америкѣ. Не для того, въ самомъ дѣлѣ, люди переплыли океанъ и подвергались всякимъ страданіямъ, чтобы изъ гражданъ превратиться въ рабовъ. Первая хартія, данная виргинцамъ, показалась имъ стѣснительной, власть губернатора слишкомъ большой и колонисты объявили, что политическая свобода, какой они пользовались на родинѣ, есть неотчуждаемая ихъ привилегія.

Чтобы успокоить колонистовъ, губернаторъ созвалъ собраніе изъ представителей колоній и предоставилъ имъ право законодательной власти. Это было въ 1619 году, тринадцать лѣтъ спустя послѣ основанія первой колоніи. Такимъ образомъ болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ, кучка колонистовъ требуетъ права представительства и его получаетъ. Колонисты въ этомъ случаѣ не выдумали ничего своего и ничего новаго; они перешли на новую для нихъ землю готовыми гражданами и продолжали въ Америкѣ ту самую политическую жизнь, какой жили на родинѣ. Право представительства, сложившееся такимъ образомъ на мѣстѣ, по требованію самихъ колонистовъ, было признано и утверждено за ними высшимъ совѣтомъ, засѣдавшимъ въ Лондонѣ.

Конституція, данная Виргиніи, была скопирована съ конституціи англійской, что конечно и не могло быть иначе. Въ вступленіи говорится, что новое уложеніе дается для развитія благосостоянія колонистовъ и для предупрежденія несправедливости и утѣсненія. Общественная власть формировалась изъ слѣдующихъ элементовъ: губернаторъ, назначаемый компаніею, и при немъ постоянный совѣтъ, назначаемый тою же властію, и общее собраніе, состоящее изъ членовъ совѣта и изъ депутатовъ, по два отъ каждой колоніи, собирающееся разъ въ годъ. Однимъ словомъ совершенно какъ въ Англіи: высшая власть — король, — губернаторъ; палата господъ — совѣтъ; и палата депутатовъ, образующая парламентъ.

Собранію была предоставлена законодательная власть, но губер-

наторъ сохранилъ право veto. Никакой законъ не могъ войти въ силу безъ утвержденія его лондонской компаніей; но въ свою очередь ни одно распоряженіе компаніи не было обязательно для колоній, безъ признанія его колоніальнымъ собраніемъ. Судебная власть должна была слѣдовать законамъ и формамъ англійскимъ.

Такимъ образомъ уже въ то отдаленное время колонисты пользовались учрежденіями, заключающими въ себѣ начало всякаго національнаго величія — самоуправленіемъ и гласнымъ, присяжнымъ судомъ.

Съ того момента, какъ виргинцы получили эту конституцію, конституцію, которую впрочемъ имъ дали не какъ милость, а на которую они заявили право, начинается твердое послѣдовательное развитіе внутренняго колоніальнаго быта на прочныхъ государственныхъ основахъ. Съ этого момента виргинцы могли страдать только отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внѣшняго дурнаго управленія, но внутренній ихъ бытъ организовался уже твердо. Впрочемъ виргинцамъ приходилось испытать еще много бѣдствій, прежде чѣмъ они окрѣпли вполнѣ, какъ болѣе или менѣе политическое самостоятельное цѣлое. Колоніи еще нуждались въ помощи компаніи и въ ея покровительствѣ. Вторженіе индѣйцевъ и нерѣдкія кровопролитныя войны обходились виргинцамъ слишкомъ дорого, чтобы выносить ихъ своими собственными силами.

По мѣрѣ развитія колоній усиливалось и значеніе лондонской компаніи. Число членовъ ея было велико, засѣданія шумны, надежды на выгоды блистательны. Этого было достаточно, чтобы возбудить зависть короля. Воспользовавшись ничтожнымъ предлогомъ, король назначилъ комиссію для изслѣдованія дѣйствій компаніи. Конечно нашлись люди, готовые исполнить волю короля и служить ему орудіями для достиженія несправедливой цѣли, и Виргинія была признана королевской провинціей.

Паденіе компаніи не возбудило особеннаго сожалѣнія виргинцевъ. Для нихъ было рѣшительно все равно, кого имѣть своимъ верховнымъ главой — короля или компанію, лишь бы пользоваться свободой. Поэтому депутаты заявили членамъ комиссіи, присланной королемъ, что, переходя охотно во власть короля они просятъ только объ одномъ: чтобы губернатору не ввѣрялась абсолютная власть, и чтобы не трогали ихъ собранія.

Паденіе компаніи пошло въ пользу Виргиніи, потому что промышленная компанія, какъ бы она ни была хороша, всегда хуже короля. Она не знаетъ ни жалости, ни стыда, для нея не существу-

есть общественнаго мнѣнія, и единственнымъ кумиромъ, которому она молится,—есть нажива.

По вступленіи на престолъ Карла I была утверждена имъ табачная монополія, данная виргинцамъ Яковомъ. Новый король понялъ, однако, какимъ источникомъ богатства можетъ служить для него эта монополія и хлопоталъ только о томъ, чтобы сдѣлаться единственнымъ факторомъ колоній. Что же касается до внутреннихъ политическихъ учрежденій Виргиніи, то онъ не обращалъ на нихъ ровно никакого вниманія.

Въ этомъ отношеніи Карлъ оказалъ большую услугу Виргиніи, потому что въ то время, когда онъ утѣснялъ своихъ ближайшихъ подданныхъ, онъ предоставилъ виргинцамъ полную свободу развиваться на свободныхъ началахъ.

Гъ 1648 году въ Виргиніи считалось уже 20,000 колонистовъ; число ихъ увеличилось еще многими эмигрантами изъ аристократической партіи, искавшей послѣ своего паденія убѣжища по ту сторону океана. Эти господа отправились въ Виргинію, предпочитая ее сѣвернымъ колоніямъ пуританъ. Такимъ образомъ аристократическій духъ и роялистскія идеи старой Англіи нашли себѣ пріютъ въ Америкѣ и даже, въ лицѣ нѣкоторыхъ губернаторовъ, сильную поддержку.

Съ вступленіемъ Кромвеля въ управленіе дѣлами Англіи, была послана въ Виргинію эскадра, чтобы заставить колонистовъ признать новое правительство. Но роялизмъ виргинцевъ не шелъ такъ далеко, чтобы противопоставить безполезную непокорность, тѣмъ болѣе, что протекторъ Англіи приказалъ оставить колонистовъ въ покоѣ, если они признаютъ его республику. Условія, предложенныя Кромвелемъ, заслуживаютъ дѣйствительно глубокаго уваженія и удивленія. Онъ предложилъ виргинцамъ сохраненіе всѣхъ правъ и вольностей англичанъ; общее собраніе по прежнему должно было управлять всѣми дѣлами колоній; колонисты пользовались правомъ совершенно свободной торговли наравнѣ съ англичанами; безъ согласія общаго собранія нельзя было назначать никакихъ платежей и налоговъ, строить укрѣпленныя мѣста и формировать войско.

Послѣ такихъ правъ виргинцы поступили не совсѣмъ разсудительно, выразивъ роялистскій восторгъ при вступленіи на престолъ Карла II. Король Англіи не обратилъ особеннаго вниманія на роялистскую радость виргинцевъ и вмѣсто вольностей, данныхъ и признанныхъ Кромвелемъ, онъ напротивъ покусился на свободу и привилегіи колонистовъ. Вмѣсто собранія, собиравшагося прежде еже-

годно, онъ назначилъ собраніе постоянное въ родѣ англійскаго парламента. Губернатору одному принадлежало право его распустить. Понятно, что виргинцы не могли остаться довольны подобнымъ вниманіемъ къ нимъ короля и начали обнаруживать духъ неповиновенія и непокорности, который въ свою очередь не могъ нравиться Карлу II. Тогда въ видахъ благоденствія своихъ подданныхъ и для водворенія между ними мира и порядка, Карлъ задумалъ лишить ихъ выборнаго права. Неограничиваясь отнятіемъ политическихъ правъ, Карлъ взялъ на себя заботу еще и о совѣсти. Англиканская церковь была признана единственной и господствующей; противъ диссидентовъ были введены суровыя наказанія и священникамъ англиканской церкви назначено громадное содержаніе.

Заботясь въ такой мѣрѣ о совѣсти людей, Карлъ не обращалъ особеннаго вниманія на ихъ умственныя способности. Губернаторъ Беркелей, человѣкъ съ понятіями деспотическими и отсталыми, формулировалъ весьма мѣтко просвѣтительныя тенденціи Карла слѣдующими словами: «священники должны больше молиться, и меньше проповѣдывать. Слава Богу, у насъ нѣтъ еще ни школъ, ни типографій, и я надѣюсь, что еще и чрезъ сто лѣтъ мы ихъ имѣть не будемъ; только знаніе ввело въ міръ неповиновеніе, ереси и секты; типографіи способствовали ихъ распространенію и опозорили лучшія правительства. Да сохранитъ насъ Богъ отъ этихъ двухъ бѣдствій.»

На этомъ еще не остановились несчастія виргинцевъ, которыхъ какъ будто нарочно, по какому-то злополучному року, преслѣдовали англійскіе короли.

Для усиленія морскаго и промышленнаго могущества Англіи, Кромвель придумалъ такъ называемый навигаціонный актъ. Имъ предполагалось монополизировать навигацію, чтобы ослабить Голландію и дать англичанамъ господство на моряхъ и рынкахъ міра. Было постановлено, что международную торговлю могутъ вести только одни англичане; иностранцы могли привозить въ Англію только произведенія своихъ странъ; торговля Англіи съ ея колоніями и со всѣмъ остальнымъ міромъ могла производиться только на корабляхъ, построенныхъ въ Англіи, принадлежащихъ англичанамъ и имѣющихъ англійскій экипажъ.

Англійскіе купцы не остановились однако на этомъ и просили, чтобы имъ предоставили полную монополію въ колоніяхъ. При Кромвелѣ имъ это не удалось, потому что Виргиніи были предоставлены такія же права какъ и Англіи; но во время реставраціи парламентъ,

желавшій развить и поощрить англійскую торговлю, не особенно задумывался надъ выборами средствъ.

Было постановлено, что вывозная и ввозная торговля Англіи съ Азіей, Африкой и Америкой должна производиться только на судахъ, построенныхъ въ Англіи или въ колоніяхъ; хозяинъ судна, капитанъ и три четверти экипажа должны быть англичанами; никто, кромѣ природнаго англичанина, не могъ быть торговцемъ или факторомъ въ колоніяхъ; наконецъ только однимъ англичанамъ предоставлялось право вывозить сахаръ, табакъ, хлопокъ, индиго и не иначе какъ въ Англію; и чтобы мѣра эта исполнялась безусловно, комиссіонеры или торговцы, отправлявшіеся съ товаромъ на американскихъ судахъ, должны были внести залогъ, какъ ручательство того, что постановленіе будетъ исполнено.

Какъ всѣ эти мѣры ни были тяжелы для колоній, но Англія, державшаяся тогда политики ужъ черезъ чуръ своекорыстной, ухитрилась придумать стѣсненія еще большія. Англія была признана единственнымъ рынкомъ не только колоній, но и цѣлаго міра. Колоніальные продукты могли быть продаваемы только въ Англіи и уже оттуда имѣли право расходиться по всѣмъ частямъ свѣта. Наконецъ англійскіе купцы придумали не только ограничить фабричное производство предметовъ, которые могли соперничать съ англійскими произведеніями на посторонніхъ рынкахъ, но и присвоили себѣ исключительное право снабжать американцевъ не обходимыми имъ предметами.

Такими остроумными мѣрами, очень благодѣтельными для англійскихъ купцовъ, американская промышленность была принесена въ жертву промышленности англійской. Въ 1671 году Берклей писалъ королю, что мѣры парламента, допускавшія американцамъ сношенія только съ Англіей, служатъ такимъ могущественнымъ препятствіемъ для развитія колоніальной торговли и навигаціи, что въ Виргиніи не можетъ установиться культура растеній наиболѣе свойственныхъ тамошнему климату, напримѣръ, хлопчатника, винограда, оливы. Американцы не могутъ добыть ни одного знающаго человѣка для шелководства, подающаго большія надежды; что если бы какой нибудь американецъ вздумалъ продать внѣ англійскихъ владѣній кусокъ дерева, или мѣшокъ хлѣбныхъ зеренъ, то такое дѣйствіе сочли бы за преступленіе. И если бы все это служило на пользу короля, то, какъ выражался Берклей, не было бы причины жаловаться, какъ бы ни были велики страданія; «но клянусь моею совѣстью, продолжаетъ онъ, что все это напротивъ, и вотъ въ чемъ

причина, что въ колоніяхъ не строятъ кораблей ни большихъ, ни малыхъ.»

Англійская торговая система привела къ тому, что колонисты снабжались англичанами всѣми рѣшительно мануфактурными произведеніями. Не смотря на то, что американцы имѣли у себя превосходнѣйшихъ овецъ, сукно доставлялось къ нимъ изъ Англіи. Они имѣли своихъ буйволовъ и отличный скотъ, а кожами снабжали ихъ англичане, въ то время, какъ сырыя кожи у американцевъ гнили безъ всякаго употребленія. Не смотря на превосходные лѣса, самыхъ разнообразныхъ породъ, англичане снабжали американцевъ столами, стульями, ящиками, табуретами, экипажными колесами и, что повидимому невѣроятно, даже березовыми метлами.

Колоніальная система, не говоря уже про ея политическую несправедливость, была для Америки страшнымъ зломъ въ экономическомъ отношеніи. Колонистовъ раззоряли, чтобы дать возможность наживаться нѣсколькимъ англійскимъ купцамъ. Въ продажѣ своихъ собственныхъ произведеній американцы терпѣли не меньшій же убытокъ; цѣна табаку упала, потому что было мало покупщиковъ; цѣны же ввозныхъ предметовъ поднялись, потому что торговля была парализована.

Такой порядокъ вещей могъ вести только къ раздору, потому что съ одной стороны создавалъ утѣснителей, съ другой утѣсненныхъ. Но виргинцы были не такой породы, чтобы отдали себя въ кабалу, безъ всякой борьбы. Слѣдовательно, невыгодный для нихъ законъ могъ быть поддерживаемъ силой. Сила же, или правильнѣе насиліе, вело лишь къ противодѣйствію, возбуждало постоянное раздраженіе утѣсненныхъ и посѣвало сѣмена глубокой вражды къ метрополіи, вражды, которая должна была привести къ кризису.

Но этимъ не кончились бѣдствія Виргиніи. Девять лѣтъ спустя послѣ реставраціи, король вздумалъ дать на нее концессію лорду Кольперу; а четыре года спустя, онъ отдалъ въ пользованіе двухъ своихъ любимцевъ *всѣ земли и воды, носящія названіе Виргиніи*, иначе сказать, всѣ колоніи, со всѣми ихъ воздѣланными землями. Правда, такая дѣйствительно чудовищная щедрость была ограничена всего тридцать однимъ годомъ. Но и этого было совершенно достаточно, чтобы привести виргинцевъ въ справедливое негодованіе.

Виргинцы отправили къ Карлу II прошеніе, въ которомъ писали съ должной почтительностью, что не желаютъ подчиняться тѣмъ, кому они отданы его величествомъ въ управленіе; ибо и такъ пла-

тятъ королю больше того, что оставляютъ себѣ. Трудясь для выгоды короля и желая быть еще болѣе полезными королю и странѣ, они просятъ его почтительно неотдавать ихъ людямъ, которые такіе же подданные, какъ и они, и гарантировать ихъ на будущее время отъ всякаго риска подвергнуться рабству.

Съ этимъ прошеніемъ были отправлены выборные, весьма энергично отстаивавшіе права и вольности своихъ довѣрителей. Удалось ли бы выборнымъ добиться благопріятнаго результата—неизвѣстно; но пока они хлопотали, выведенная изъ терпѣнія Виргинія возмутилась.

Старикъ Беркелей немедленно написалъ королю о высылкѣ солдатъ и увѣрялъ Карла, что виргинцы хотятъ свергнуть съ себя иго метрополіи. Карлъ повѣрилъ всему, отправилъ войска, но когда они прибыли на мѣсто, усмирять уже было некого, потому что съ внезапной смертью предводителя возстанія все усмирилоось само собою.

Берклей могъ бы на этомъ и успокоиться; но во-первыхъ для примѣра, а во-вторыхъ для возстановленія авторитета власти онъ наполнилъ всѣ тюрьмы безпокойными людьми и повѣсилъ двадцать два человѣка. За такое усердіе Карлъ II назвалъ его старымъ дуракомъ и замѣтилъ весьма справедливо, что Берклей отнялъ за ничтожное дѣло, въ своей бѣдной странѣ, больше жизней, чѣмъ онъ, Карлъ II, мстя за смерть своего отца. И это было справедливо, потому что Карлъ казнилъ только шесть цареубійцъ.

Усердіе Берклея не принесло ему однако пользы. Король не только осудилъ его жестокость, объявивъ виргинцамъ, что Берклей поступилъ противъ его приказаній и оскорбилъ его королевское милосердіе, но вскорѣ отозвалъ его въ Англію. Впрочемъ еще до королевской прокламаціи виргинцы приняли свои мѣры: они вотировали губернатору адресъ, въ которомъ просили не проливать болѣе крови. «Если бы мы его не остановили, сказалъ одинъ членъ собранія, онъ повѣсилъ бы половину страны.»

Виргинское возмущеніе дало королю поводъ сжать еще болѣе права колоній. Что же касается до коммерческой и промышленной свободы, то система монополій усилилась до небывалаго размѣра. Губернаторъ Никольсонъ доносилъ парламенту, что со времени навигаціоннаго акта цѣна на табакъ упала до такой степени, что плантаторамъ не на что одѣваться. И тотъ же Никольсонъ жаловался, что у виргинцевъ республиканскіе принципы и что не мѣшало бы подчинить управленіе всѣхъ колоній особому вице-королю

и снабдить его сильнымъ войскомъ для поддержанія внутренняго спокойствія. Однимъ словомъ, Англія смотрѣла на Виргинію, какъ на подчиненную страну, существующую единственно для наживы англичанъ.

III.

Исторія колонизаціи Виргиніи показываетъ, что политика англійскаго парламента и англійскихъ королей, и не больше какъ эта политика, возбудила недовольство колонистовъ и поселила въ нихъ желаніе освободиться отъ опеки метрополіи. Если бы не было этихъ утѣсненій, то населеніе Виргиніи, состоявшее изъ всякаго сброда авантюристовъ, аристократовъ, бѣжавшихъ отъ долговъ и отъ преслѣдованій, никогда бы не задумала заявить неудовольствіе противъ королевской власти, а тѣмъ болѣе питать республиканскія идеи и стремиться къ независимости.

Не ту роль играютъ колонисты сѣвера, о которыхъ я буду говорить въ настоящей главѣ.

Какъ читатель помнитъ, король Яковъ отдалъ американскія владѣнія двумъ компаніямъ: южной, засѣдавшей въ Лондонѣ, и исторіи которой была посвящена предъидущая глава, и сѣверной, образовавшейся изъ купцовъ Бристоля и Плимута.

Разсказы капитана Смита,—того самого, который явился благодѣтелемъ виргинцевъ,—несмотря даже на ихъ преувеличеніе, не привлекали охотниковъ поселиться на болѣе холодномъ сѣверѣ. Не помогли также и привилегіи Карла I.

Чтобы могли найтись люди, которыхъ бы не испугалъ холодный климатъ, мало плодородная земля, покрытая непроницаемыми лѣсами, и сосѣдство дикарей, требовался двигатель болѣе сильный, чѣмъ денежная выгода. Этимъ двигателемъ явились религіозныя идеи.

Еще до реформы Лютера было уже въ Англіи религіозное движеніе, имѣвшее по сущности идей непосредственную связь съ религіознымъ раціонализмомъ Германіи.

Въ то время, какъ вся Европа предпринимала у себя религіозныя преобразованія, и заявила стремленіе освободиться отъ опеки папы, Генрихъ VIII англійскій, увлеченный общимъ потокомъ, явился тоже реформаторомъ. Но его реформа заключалась только въ

томъ, чтобы вмѣсто папы римскаго превратить въ папу самого себя. Придумавъ новую церковь, онъ не отдѣлился отъ католиковъ и не присталъ къ протестантамъ. Протестанты ненавидѣли его какъ католика, а католики отталкивали, какъ ересіарха, не смотря на то, что онъ сохранилъ въ своей церкви сущность и формы католицизма. Онъ сохранилъ всю церковную іерархію, многіе старинные обычаи, къ которымъ привыкъ народъ, офиціальную одежду духовенства и многое другое. Яковъ I замѣтилъ довольно остроумно, что служба англиканской церкви больше ничего какъ таже католическая обѣдня, но пропѣтая хуже.

Парламентъ, не смотря на такое отсутствіе дѣйствительнаго смысла въ Генриховой реформѣ, предписалъ подъ страхомъ жестокихъ наказаній, строгое исполненіе новыхъ церемоній. Далѣе было узаконено, чтобы вся Англія подчинилась новымъ церковнымъ правиламъ. Этого было совершенно достаточно, чтобы возбудить религіозныя волненія въ людяхъ, имѣвшихъ на религію взглядъ болѣе глубокій и знакомыхъ уже съ идеями болѣе возвышенными. Пуритане, желавшіе кое-чего другого, не остались довольны тѣмъ, что римское иго замѣнили игомъ домашнимъ. Они увѣряли, что все навязываемое имъ есть человѣческая выдумка и что только библія есть единственный, непреложный и неоспоримый законъ.

Не смотря на простоту такого ученія, незаключавшую въ себѣ повидимому ничего опаснаго ни церкви, ни религіи, ни монархизму, англійскіе короли усмотрѣли въ немъ великую опасность, грозившую ихъ благоденствію. Признавая только библію, пуритане очевидно отвергали короля и духовную власть. А отвергая то и другое, они, слѣдовательно, стремились къ полной свободѣ мнѣнія, не хотѣли власти, единственнымъ судьею человѣческихъ поступковъ признавали не короля и его духовную іерархію, а только библію. Этого было совершенно достаточно, чтобы вызвать противъ пуританъ гоненія, и нужно сказать правду, что Англія въ этомъ отношеніи обнаружила замѣчательную энергію. Такъ въ 1593 году было предложено изгнать всѣхъ пуританъ, подобно тому какъ это сдѣлала Испанія съ маврами. Такая мѣра казалась наиболѣе дѣйствительной для очистки Англіи отъ опасныхъ людей, потому что ни пытки, ни тюрьма, ни казни не смирили вольнодумцевъ. Преслѣдованіе, создававшее мученичество, не уменьшало, а увеличивало число пуританъ. При Елисаветѣ была принята даже вполнѣ инквизиціонная мѣра. Велѣно было спрашивать подъ присягой религіозныя мнѣнія, и всѣ признанные такимъ образомъ пурита-

не, если въ теченіи трехъ мѣсяцевъ они не откажутся отъ своихъ убѣжденій, должны были оставить королевство. Кто возвратится—подвергнется смертной казни.

Вошествіе на престолъ Якова I, котораго Сюлли очень мѣтко назвалъ самымъ ученымъ дуракомъ Европы, нисколько не улучшило положенія пуританъ. Онъ говорилъ, что вовсе не хочетъ пуританской свободы, что онъ желаетъ доктрину и дисциплину, религію существенную и обрядную. Онъ видѣлъ очень вѣрно за пуританской религіозной свободой свободу политическую, и потому когда пуритане просили у него позволенія собираться, и разсуждать свободно въ своихъ собраніяхъ, то Яковъ I очень хорошо понялъ, къ какого рода разсужденіямъ можетъ привести такое право: «вы хотите шотландскаго пресвитеріанства, которое такъ же хорошо сходится съ монархіей, какъ небо съ нечистой силой. У васъ соберутся Джекъ, Томъ, Вилъ, Дикъ и станутъ разбирать по своему усмотрѣнію меня, мой совѣтъ и всѣ наши мѣры. Вилъ встанетъ и скажетъ: это должно быть такъ; а Дикъ ему отвѣтитъ: нѣтъ, будетъ такъ. Вотъ что заставляетъ меня повторить вамъ еще разъ, что только король одинъ можетъ все разбирать и все рѣшать.» Потомъ, обратившись къ епископамъ, онъ сказалъ, что считаетъ іерархію самой прочной поддержкой трона. Про пуританъ же прибавилъ: «Я ихъ заставлю подчиниться или вытону вонъ изъ Англіи, или же сдѣлаю имъ что нибудь еще хуже—я ихъ просто велю повѣсить, вотъ и все!»

Было очевидно, что отъ Якова пуританамъ ждать было нечего, а особенно такимъ отчаяннымъ людямъ, какъ индепенденты.

Индепенденты тѣже пуритане, ушедшіе нѣсколько дальше въ своей религіозной философіи. Первые пуритане смотрѣли на англиканскую церковь, какъ на храмъ Божій, требовавшій очищенія. Индепенденты или сепаратисты отвергали всякую связь съ церковью Генриха VIII; они утверждали, что англиканская церковь совершенно испорчена и вовсе не христіанская, ея законы и таинства не имѣютъ никакого значенія, и что, слѣдовательно, съ нею невозможно имѣть ничего общаго.

Ссылаясь на одну библію, индепенденты говорили, что не должно быть ни епископовъ, ни іерархіи; что христіанское общество, соединяющееся для прославленія Бога, составляетъ уже само собой независимую церковь, непогрѣшимую, имѣющую полную юрисдикцію для управленія своими дѣлами, и ненуждающуюся ни въ свѣтской, ни въ духовной власти. По ученію индепендентовъ право пропо-

вѣдыванія не составляло исключительнаго преимущества духовныхъ лицъ. Всякій способный и благочестивый человѣкъ могъ быть священникомъ по выбору членовъ; они же могли лишить его обязанности и поставить въ ряды простыхъ христіанъ.

Въ этой пуританской доктринѣ заключались всѣ сѣмена республиканизма; достаточно было дать ученію свѣтскій, политическій характеръ, чтобы создать чистую демократію. Поэтому понятно, что индепенденты навлекали на себя особенное нерасположеніе англійскихъ королей и что ихъ преслѣдовали болѣе чѣмъ кого либо. Положеніе ихъ въ Англіи сдѣлалось наконецъ до того невыносимо, что наиболѣе пылкіе, предводимые своимъ пасторомъ Джономъ Робинзономъ, «человѣкомъ, равнаго которому невозможно было найти», удалились въ Голландію, гдѣ, какъ они выражались, «всѣ пользовались полной религіозной свободою».

Въ Голландіи они прожили нѣсколько лѣтъ въ покоѣ, но въ нуждѣ; каждый день число членовъ убывало, и маленькая церковь ихъ не пополнялась ни выходцами изъ Англіи, ни голландскими прозелитами. Рѣшившись остаться англичанами и желая распространить свою доктрину, которую они считали единственно истинною, изгнанники задумали переселиться на какую нибудь англійскую землю, гдѣ, найдя защиту противъ преслѣдованій епископовъ, они не лишались бы своихъ гражданскихъ правъ. Однимъ словомъ, они хотѣли найти такое убѣжище, гдѣ бы могли свободно поучать и проповѣдывать свои религіозныя убѣжденія. Америка представлялась имъ мѣстомъ наиболѣе соотвѣтствующимъ ихъ желаніямъ. Людей привыкшихъ къ ссылкѣ, испытавшихъ всякія страданія, поддерживаемыхъ вѣрою и неожидавшихъ ничего отъ изгнавшей ихъ родины, не могли пугать опасности эмиграціи.

Когда индепенденты обратились къ Якову съ просьбой о дозволеніи имъ переселиться въ Америку и о свободномъ отправленіи тамъ своей религіи, то Яковъ одобрилъ ихъ проэктъ и съ своимъ обыкновеннымъ педантизмомъ замѣтилъ, что рыболовство—занятіе честное, которому посвящали свои досуги апостолы. Что же касается до религіозной терпимости, то положительныхъ гарантій Яковъ не обѣщалъ имъ никакихъ. Вслѣдствіе этого пуритане обратились съ просьбой къ южной виргинской компаніи уступить имъ часть земли въ предѣлахъ ея владѣній. Компанія, желавшая поощрить эмиграцію, и владѣвшая еще слишкомъ громадными пустырями, легко согласилась на ихъ просьбу.

Въ ноябрѣ 1620 года эмигранты, въ числѣ ста человѣкъ, пу-

стились въ путь. Ихъ благословилъ на дорогу Робинзонъ, оставшійся самъ въ Голландіи. Въ своихъ напутственныхъ словахъ Робинзонъ высказалъ свободу мнѣнія, еще неизвѣстную въ то время относительно прогрессивности религіи.

Хотя пилигримы плыли къ берегамъ Гудсоновой рѣки, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ Нью-Іоркъ, но капитанъ корабля направилъ его далеко болѣе на западъ, и послѣ четырехъ мѣсяцевъ самаго труднаго плаванія, судно пристало не къ виргинской землѣ, куда предполагалось, а къ мѣстности, уступленной сѣверной компаніей. Суровое время года, усталость и морская болѣзнь принудили пуританъ высадиться. Избранное для колоніи мѣсто они назвали Новымъ Плимутомъ, въ воспоминаніе своей родины въ Англіи.

Высадившись, пуритане заключили между собою актъ, замѣчательный какъ образецъ той гражданской зрѣлости, которая руководила переселенцами. «Мы, нижеподписавшіеся, говорилось въ немъ, между прочимъ, предпринявшіе во славу Божію и для распространенія христіанской религіи плаваніе для основанія первой колоніи на сѣверѣ Виргиніи, признаемъ торжественно и взаимно, что настоящимъ актомъ соединяемся въ политическое гражданское цѣлое, чтобы сохранить между нами порядокъ и достигнуть цѣли, какую мы себѣ предположили. Въ силу настоящаго акта мы установимъ такіе законы, постановленія и учрежденія, и изберемъ такихъ исполнителей, которые будутъ наиболѣе соотвѣтствовать нашимъ желаніямъ въ видахъ достиженія общаго благоденствія нашей колоніи.»

Переселенцы, прибывшіе на новую для нихъ землю, находились въ положеніи весьма печальномъ. Время года было самое убійственное. То была глубокая зима, которая въ Америкѣ гораздо суровѣе, чѣмъ подъ той же широтой въ Европѣ. Они не видѣли ничего кромѣ непривлекательной пустыни, дикихъ животныхъ и дикихъ людей, до того ими невидѣнныхъ, не зная степени опасности, грозившей имъ съ ихъ стороны. Сзади ихъ былъ безпредѣльный океанъ, впереди безграничная пустыня; оставалась надежда только на небо и на собственныя силы.

Первымъ дѣломъ, конечно, было заняться постройками жилищъ, что оказалось вовсе не легко для людей на половину больныхъ; другой помѣхой были морозъ и дурное время года. Даже весна не принесла эмигрантамъ облегченія; смертность почти не уменьшалась; а остававшіеся въ живыхъ дряхлѣли съ необычайной быстротой. Объ удобствахъ жизни нечего было и говорить. Живые

были едва въ состояніи хоронить мертвыхъ, а здоровые были не въ состояніи ухаживать за больными. Было время, когда всего семь человѣкъ могли заботиться о больныхъ. Прекратившіяся болѣзни не облегчили положенія переселенцевъ, за болѣзнями наступилъ недостатокъ въ пищѣ. Новый транспортъ эмигрантовъ, прибывшихъ осенью слѣдующаго года, безъ провизіи, принудилъ колонистовъ жить въ теченіи шести мѣсяцевъ на половинной порціи. Нѣкоторые изъ нихъ ослабѣли отъ голода до того, что едва могли стоять на ногахъ. Бѣдность и лишенія тянулись долго. Даже на третій годъ случалось, что провизія истощалась въ такой мѣрѣ, что вечеромъ не знали, будетъ ли что ѣсть утромъ. Лучшимъ блюдомъ, которымъ угощали гостей, были морскіе раки и рыба, хлѣба же совсѣмъ не было и питьемъ служила только вода. Рогатый скотъ явился только на четвертый годъ.

Въ началѣ была установлена общая собственность, но колонисты нашли этотъ порядокъ не совсѣмъ удобнымъ, такъ что въ 1623 году было рѣшено давать каждому семейству отдѣльный клочекъ земли, съ правомъ пользованія, но безъ права наслѣдства. Этотъ новый порядокъ возбудилъ общую дѣятельность до того, что даже женщины и дѣти ходили на полевыя работы.

По мѣрѣ того какъ развивалось земледѣліе и увеличивались запасы хлѣба, стали расширяться и торговыя сношенія колонистовъ, потому что индѣйцы, предпочитая охоту, оставили совершенно земледѣліе, расчитывая вымѣнивать хлѣбъ у колонистовъ. Вскорѣ торговыя сношенія колонистовъ съ индѣйцами приняли довольно широкіе размѣры. Индѣйцы доставляли шкуры пушныхъ звѣрей и получали въ замѣнъ ихъ европейскія мануфактурныя произведенія.

Къ чести пуританъ нужно замѣтить, что никто изъ англійскихъ переселенцевъ, кромѣ квакеровъ, не уважалъ въ такой степени человѣческихъ правъ индѣйцевъ, какъ они; и потому понятно, что сосѣдство индѣйцевъ приносило имъ только пользу. Тамъ, гдѣ основали пуритане свою первую колонію, нѣсколько лѣтъ раньше эпидемія истребила все мѣстное населеніе. Колонисты нашли много слѣдовъ былой жизни, но ни одного живаго человѣка. Экспедиція, посланная внутрь страны, не видѣла ничего кромѣ пустыни. Встрѣченная было толпа индѣйцевъ скрылась безъ слѣда. Но разъ въ колонію пуританъ явился индѣецъ и сказалъ имъ по-англійски: «будьте здоровы, англичане!» Именемъ своего племени онъ пригласилъ иностранцевъ взять въ свое владѣніе землю, на которой не

осталось ни одного живого человѣка, имѣвшаго право предъявить на нее право собственности. Послѣ этого пришелъ къ колонистамъ самъ предводитель племени. Онъ былъ принятъ съ почетомъ, какой дозволяли слабыя средства переселенцевъ. Между индѣйцами и колонистами былъ заключенъ дружественный договоръ и обѣ стороны обѣщали не только воздерживаться отъ обоюдныхъ обидъ; но и подавать другъ другу помощь въ случаѣ нападеній другихъ племенъ. Договоръ этотъ соблюдался свято съ обѣихъ сторонъ въ теченіе полувѣка. Дружественный договоръ скрѣпился еще болѣе трактатомъ коммерческимъ—индѣйцы обязывались доставлять шкуры пушныхъ звѣрей.

Впрочемъ съ другой стороны индѣйцамъ не было расчета держать себя непріязненно. Такъ, однажды, предводитель могущественнаго туземнаго племени въ знакъ своей непріязни вздумалъ прислать колонистамъ пукъ стрѣлъ, завернутыхъ въ шкуру гремучей змѣи. Въ отвѣтъ ему послали въ той же кожѣ порохъ и свинецъ и глава могущественнаго племени почувствовалъ тотчасъ же желаніе заключить союзъ съ людьми, владѣвшими такимъ страшнымъ оружіемъ защиты.

Что касается до внутренняго управленія колоніи, то оно было основано нѣсколько на иныхъ началахъ, чѣмъ въ Виргиніи. Договоръ былъ заключенъ между сорока главами семействъ, людьми равными по вѣрѣ, по средствамъ, по страданіямъ, вынесеннымъ въ жизни и по своимъ стремленіямъ. Между ними не было ни благородныхъ лордовъ, собственниковъ земли, ни колонистовъ, снимавшихъ у нихъ за извѣстную плату землю. Однимъ словомъ, это были люди равные во всѣхъ отношеніяхъ, вышедшіе изъ одной среды и провозгласившіе у себя вмѣстѣ съ свободой политической свободу религіозную. Изъ этихъ двухъ основныхъ принциповъ развилась конституція всего Сѣверо-американскаго союза и въ этомъ секретъ его быстраго, гигантскаго политическаго и экономическаго роста.

Пока нью-плимутская колонія была еще мала, въ ней не было да и не зачѣмъ было быть представительству. Общія дѣла рѣшались всѣми наличными главами семействъ на общей сходкѣ. Составъ управленія былъ слѣдующій: губернаторъ, избираемый общей подачей голосовъ, при немъ совѣтъ изъ пяти членовъ и затѣмъ общее собраніе изъ представителей семействъ. Только впослѣдствіи, когда число колоній увеличилось и когда оказалось неудобнымъ собираться всему, раскинутому на большомъ пространствѣ, населенію, была принята система представительства посредствомъ выборныхъ.

Пуритане, образовавшіе колонію не только на землѣ имъ не принадлежавшей, но даже и не на той, на которой имъ было дозволено поселиться, понимали очень хорошо юридическую и политическую непрочность своего положенія. Къ нимъ могла придраться всегда плимутская компанія и наложить свою руку англійскій король. Слѣдовательно, было необходимо обезпечить себя противъ опасности съ этой стороны. Вотъ почему колонисты хотѣли, чтобы ихъ поселеніе было признано и утверждено компаніею и правительствомъ. Въ 1629 году они получили отъ совѣта Плимутской компаніи концессію на колонизацію и право пользоваться всѣми привилегіями компаніи. Иначе сказать колонистамъ предоставлялось право свободнаго управленія.

Но одной концессіи Плимутской компаніи было еще недостаточно: колонистамъ могла грозить опасность со стороны англійскаго правительства, слѣдовательно было нужно, чтобы концессія эта получила королевское утвержденіе. Пока шли объ этомъ переговоры, случилось виргинское возмущеніе и Яковъ II отложилъ утвержденіе колоніальной хартіи. Это было въ 1684 г., а въ 1690 г. Нью-плимутскія колоніи были присоединены къ Массачуссетсу.

Нью-плимутская колонія не представляетъ, повидимому, ровно ничего такого, чтобы могло привлекать къ ней особенное вниманіе историка и мыслящаго человѣка. Учреждаютъ ее сто бѣглецовъ, преслѣдуемыхъ правительствомъ, нѣтъ у этихъ бѣглецовъ ни матеріальныхъ средствъ для основанія широкаго промышленнаго или торговаго предпріятія, ни политическаго могущества, ни военныхъ дарованій и духа авантюризма, способнаго вести людей на блестящія, громкія дѣла. Только вѣра и глубокое убѣжденіе въ свою правоту и въ истинность своего религіознаго міровоззрѣнія подкрѣпляютъ людей въ ихъ напастяхъ и служатъ имъ путеводной звѣздой, сулящей лучшее будущее и дающей увѣренность въ успѣхѣ ихъ праваго дѣла.

А между тѣмъ именно на эту кучку людей и обращаютъ все свое вниманіе историкъ и мыслитель; именно въ ней они ищутъ и находятъ разгадку современнаго величія и могущества сѣверо-американскаго союза. Не матеріальная сила пуританъ играетъ роль, ибо ея вовсе не было; игралъ роль тотъ духъ, которымъ были одушевлены переселенцы; духъ этотъ, распространяясь въ смежныя колоніи, одушевилъ и охватилъ наконецъ весь Союзъ. Пуритане внесли съ собой на новую землю очищенное начало гражданской прогрессивности, оставивъ старыя заблужденія старой

Англіи и потому когда пришлось потомъ старымъ началамъ вступить въ борьбу съ новыми, старыя не устояли. «Великія дѣла, сказалъ одинъ изъ первыхъ губернаторовъ пуританскихъ колоній, вытекаютъ изъ слабыхъ начинаній; и какъ маленькій факелъ можетъ зажечь тысячи другихъ, такъ и свѣтъ, исходящій отсюда, можетъ служить многому числу людей, и, можетъ быть, всей нашей націи». И свѣтъ пуританскихъ принциповъ озарилъ дѣйствительно всю Америку; простые строгіе нравы, неуклонная энергія и гражданская равноправность послужили основой американской демократіи и ея демократической свободы. Въ этомъ весь секретъ и въ этомъ все величіе пуританизма, водворившагося на американской почвѣ. Впрочемъ главную роль въ соціальномъ воспитаніи американскаго Союза играли не нью-плимутскія колоніи, а Массачуссетсъ.

Массачуссетсъ былъ главнымъ ядромъ и сплой пуританизма; во всѣхъ вопросахъ коренной, существенной важности являлся рѣшителемъ Бостонъ, главный городъ этого штата. Въ немъ же началось первое движеніе въ борьбѣ за независимость. Причина первенствующей роли Массачуссетса, и по преимуществу Бостона, заключалась въ нравственномъ превосходствѣ его населенія. Это былъ народъ наиболѣе развитой, энергичный, нравственный и благочестивый. И до сихъ поръ осталось за Бостономъ его нравственное вліяніе.

Колонизація Массачуссетса началась вслѣдъ за колонизаціею Нью-Плимута. Первые переселившіеся пуритане хотя и не скрывали отъ своихъ оставшихся на родинѣ собратій трудностей и опасностей, встрѣтившихъ ихъ въ Новомъ Свѣтѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ плѣняли своею религіозной независимостію, незнаніемъ никакихъ преслѣдованій и возможностію жить, не боясь за свои убѣжденія. По ихъ словамъ Америка была для нихъ новымъ привѣтливымъ отечествомъ, гдѣ слово Божіе, которое они носили въ себѣ, могло не только горѣть свободнымъ пламенемъ, но и просвѣщать своимъ свѣтомъ другихъ.

Если даже необращать вниманія на преслѣдованія, которымъ подвергались пуритане на своей родинѣ, то и этой одной причины было достаточно, чтобы Америка явилась для нихъ обѣтованной землей. И вотъ инденденденты обратились съ просьбой къ Плимутской компаніи о концессіи на ея американскія владѣнія. Данная концессія обнимала пространство нынѣшняго Массачуссетса, Кенектикута, Нью-Гампшира, Родъ-Эйланда и Мэна.

Къ сожалѣнію, средства инденденденговъ были слишкомъ недоста-

точны, чтобы они могли предпринять съ успѣхомъ колонизацію такого отдаленнаго края. Нужно было прибѣгнуть къ помощи капиталистовъ и они нашлись между богатыми купцами, раздѣлявшими тайно или явно убѣжденія пуританъ.

Но одной частной концессіи для переселенцевъ было мало; имъ было нужно не одно право на пустыри и дикіе лѣса—имъ нужно было самоуправленіе. И вотъ они обратились съ просьбой къ Карлу I, который противъ всякаго ожиданія согласился съ замѣчательной легкостію на ихъ просьбу.

Хартія Карла была составлена весьма либерально, потому что онъ смотрѣлъ на колонистовъ, какъ на чисто-коммерческую компанію или общество. Вслѣдствіе этого правительство отстранило себя отъ прямого вмѣшательства въ дѣла колонистовъ. Эта правительственная опрометчивость Карла I, способствовала наиболѣе процвѣтанію колоній, ибо колонисты пользовались полной независимостію въ своемъ внутреннемъ управленіи и полной политической свободой. Правда, религіозная свобода дана имъ не была и они должны были подчиняться правиламъ англиканской церкви; но дѣло въ томъ, что некому было наблюдать за исполненіемъ этого пункта хартіи, ибо исполнительные органы пуританъ и ихъ священники были тѣ же пуритане.

Такимъ образомъ невниманіе, или лучше сказать непредусмотрительность Карла I въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, были причиной того, что начала, вредныя всей англійской правительственной системѣ, нашли себѣ свободный пріютъ и могли развиваться безбоязненно.

Для пуританъ этого было совершенно достаточно.

Получивъ королевскую хартію, индепенденты въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ отправились въ свое новое отечество. Америка еще не видѣла подобныхъ переселенцевъ. То были не искатели золота, не авантюристы, искавшіе приключеній, а почтенные отцы семействъ съ своими женами и дѣтьми отправлявшіеся въ невѣдомыя, опасныя пустыни, чтобы на свободѣ исповѣдывать Бога по своему.

Прибывъ на мѣсто, переселенцы тотчасъ же организовали церковь, составили договоръ, подобный договору нью-плимутскихъ переселенцевъ, и постановили, что никто не можетъ быть принятъ въ ихъ общину, если онъ не подчиняется строго всѣмъ условіямъ ихъ ученія.

Внѣшнее богослуженіе было у нихъ еще проще кальвинистскаго. Все ограничивалось одною проповѣдью.

Такой рѣзкій разрывъ съ англиканской церковью испугалъ нѣкоторыхъ менѣе рѣшительныхъ и они хотѣли исповѣдывать Бога по обычаю своей родины. Болѣе послѣдовательные индепенденты рѣшительно возстали противъ этого и объявили, что они не допустятъ у себя никакой іерархіи и церковнаго управленія. Они смотрѣли на партизановъ англиканской церкви, какъ на шпіоновъ противнаго лагеря. Противники отвѣчали имъ: «теперь вы сепаратисты, а скоро сдѣлаетесь анабаптистами. Партія послѣдовательныхъ въ свою очередь возражала, что они отдѣляются не отъ англійской церкви, но отъ ея испорченности. «Чтобы бѣжать отъ литургіи и англійскихъ церемоній, мы оставили свою родину, мы перенесли много страданій. Здѣсь, на свободной землѣ, мы не можемъ и не хотимъ терпѣть идолопоклонства.»

Другими словами все это значило, что индепенденты изъ гонимыхъ хотѣли превратиться въ гонителей, и это дѣйствительно такъ случилось. Колонисты не только не хотѣли терпѣть у себя людей другого религіознаго міровоззрѣнія, но они постановили, что участіе въ управленіи могутъ принимать только члены ихъ церкви. Иначе сказать, кто не хотѣлъ быть индепендентомъ, лишался своихъ гражданскихъ правъ и извергался изъ общества.

Но пусть читатель не судитъ индепендентовъ строго, они поступали такъ, какъ всегда поступало человѣчество въ подобныхъ случаяхъ. И XIX столѣтіе не сдѣлало исключенія изъ этого правила. Впрочемъ у индепендентовъ было основаніе. По ихъ убѣжденію, ими управлялъ Богъ посредствомъ избранныхъ, и только ихъ ученіе было единственно истиннымъ; слѣдовательно, если являлись люди новаго ученія, они не могли быть такъ близки Богу, и дѣйствія ихъ не могли клониться въ такой мѣрѣ къ общему благоденствію, какъ дѣйствія избранныхъ. Наконецъ къ чести колонистовъ нужно прибавить, что, несмотря на свою религіозную суровость и даже фанатизмъ, весьма понятный у людей, вышедшихъ гоненіе, они горѣли самой горячей любовью къ свободѣ. Ихъ конституція, такъ же какъ и конституція колонистовъ нью-плимутскихъ, была основана на началахъ полной личной свободы.

Такимъ образомъ политическая свобода явилась въ Америкѣ вмѣстѣ съ эмиграціей. Стремленіе къ ней было выработано уже ранѣе на родинѣ, а на новую землю индепенденты явились готовыми зрѣлыми людьми, съ воззрѣніемъ вполнѣ выработаннымъ на свои политическія отношенія. Если изъ того, что я говорилъ о религіозной нетерпимости индепендентовъ можно заключить о недо-

статочномъ ихъ религіозномъ развитіи, то съ другой стороны ихъ идеи политическія опередили даже наше время. Для нихъ гражданское равенство и личная свобода служили единственнымъ краеугольнымъ камнемъ ихъ политическихъ учрежденій. Уже въ 1639 году былъ признанъ всѣми принципъ краткосрочности въ исполненіи общественныхъ обязанностей. По ихъ мнѣнію, возложить на выбраннаго безсмѣнную должность, значило дать ему возможность употребить свою власть противъ блага народнаго, ввѣреннаго ему самимъ народомъ. Было принято, что не одинъ выбранный чиновникъ не можетъ быть въ своей должности болѣе года. Они не сдѣлали исключенія даже для обожаемаго ими Уайнтропа, ихъ перваго губернатора, котораго они считали отцомъ своей колонизаціи.

Что касается до гражданскаго равенства, то вотъ фактъ, указывающій, какъ дорожили имъ индепенденты. Когда лорды Сей и Брукъ, оба друзья пуританъ, хотѣли переселиться въ Америку со всѣмъ своимъ состояніемъ, они просили учрежденія въ колоніи высшей палаты и привилегіи наслѣдственнаго засѣданія. Индепенденты желали охотно имѣть у себя подобныхъ согражданъ, но рѣшительно отказали имъ въ наслѣдственности общественной власти. Одинъ изъ индепендентовъ выразился при этомъ такъ: «Если Богъ благословитъ какую либо вѣтвь благородной семьи, давъ ей качества и умъ, способные для управленія, то будетъ грѣхъ съ нашей стороны противъ чести магистратуры, если мы обойдемъ подобнаго человѣка въ нашихъ выборахъ. Но если Богу угодно не дать дѣтямъ благороднаго дома качествъ, необходимыхъ для управленія, то мы подвергнемъ государство опасности, призвавъ людей къ власти, которую Богъ не хочетъ имъ ввѣрить.» На этомъ основаніи индепенденты отказались рѣшительно признать у себя наслѣдственность привилегій.

Но не нужно думать, что люди эти, такъ горячо преданные равенству и свободѣ, не понимали условій правительственнаго порядка. Ни у кого не было большей любви къ порядку и уваженія къ законамъ, какъ у нихъ. Уайнтропъ, котораго обвиняли въ превышеніи власти потому, что онъ отказалъ выпустить на свободу подъ денежный залогъ нарушителей общественнаго спокойствія, сказалъ при этомъ слѣдующее, и весь народъ съ восторгомъ ему апплодировалъ: «Вопросы, которые въ послѣднее время волновали нашу страну, соприкасаются непосредственно съ властью магистратуры и съ свободой народа. Чиновники конечно орудіе Божіе, но я прошу васъ видѣть въ нихъ людей, способ-

ныхъ на тѣ же страсти какъ и вы. Мы клянемся управлять вами по законамъ божескимъ и законамъ вашимъ, по мѣрѣ нашихъ силъ и способностей; если мы дѣлаемъ невольную ошибку по недостатку способностей, вы должны переносить ее вмѣстѣ съ нами. Не ошибайтесь также и на счетъ вашей свободы. Есть свобода, при которой намъ нравится дѣлать все, не обращая вниманія на законъ и справедливость; свобода эта несовмѣстна съ властью. Свобода гражданская, свобода нравственная, свобода политическая заключается для каждаго гражданина въ пользованіи своею собственностью, подъ покровительствомъ законовъ своей земли. Эту свободу вы должны защищать даже съ опасностью вашей жизни; но она превосходно согласуется съ повиновеніемъ, которымъ вы обязаны общественному чиновнику, и съ уваженіемъ, которое возлагаетъ на васъ его положеніе. Обязанность власти покровительствовать этой свободѣ, имѣющей цѣлью благо, справедливость, честь. То, что нарушаетъ такую свободу, есть уже не власть, а злоупотребленіе.»

Этотъ же вопросъ объ отношеніи общественной власти къ самому обществу понимался совершенно также передовыми людьми одновременныхъ съ Массачуссетсомъ колоній, Родъ-Эйланда, Провиданса и другихъ колоній Новой Англіи.

Провидансъ, въ исторіи развитія американской мысли, играетъ роль не менѣе важную, чѣмъ Массачуссетсъ. Колонія эта создалась людьми, гонимыми за свои религіозныя убѣжденія, уже не англичанами, а самими американскими индепендентами.

Въ Салемѣ, первой колоніи Массачуссетса явился молодой проповѣдникъ Роджеръ Улльямсъ, провозгласившій религіозную свободу подъ названіемъ: «Святости совѣсти.» По его словамъ власти принадлежитъ право мѣшать преступленію, но не контролировать мнѣніе; наказывать ошибку, но не отнимать свободы души. Перенося это ученіе въ практику, Роджеръ Улльямсъ отказался быть членомъ общины, допускающей нетерпимость, ибо «ученіе преслѣдованія за мнѣніе прямо противорѣчитъ ученію Христа. Заставить человѣка силой присоединиться къ людямъ другого вѣрованія было, по его словамъ, нарушеніемъ свободы и прирожденнаго права; привлекать къ церковной общинѣ человѣка, вѣрующаго иначе или нежелающаго къ ней присоединиться, значитъ предписывать лицемѣріе. Никто не можетъ слѣдовать извѣстному культу противъ своей воли.» Мнѣнія эти, слишкомъ опередившія то время, вооружили противъ Улльямса весь Салемъ. Ему возражали,

что обязанность властей предупреждать умственную и нравственную порчу народа, что останавливать и наказывать заблужденіе и ересь есть его неотъемлемое право; но молодой проповѣдникъ стоялъ на своемъ, доказывая, что выборные больше ничего, какъ агенты народа, исполнители его власти; что имъ нельзя ввѣрить власть духовную, ибо совѣсть принадлежитъ не государству, а лицу; что гражданская власть не можетъ вмѣшиваться въ дѣла церкви, ибо предѣлъ ея дѣятельности касается только внѣшняго поведенія человѣка.

Такъ какъ ученіе Роджера Улльямса совершенно противорѣчило основнымъ принципамъ религіознаго и политическаго порядка, принятаго массачуссетскими поселенцами, то его и всѣхъ его послѣдователей изгнали съ позоромъ изъ колоніи. Изгнанный и угрожаемый преслѣдованіями, Роджеръ бѣжалъ къ индѣйцамъ и былъ принятъ ими какъ свой родной. Для нихъ Роджеръ не былъ человѣкомъ обыкновеннымъ. Съ самаго прибытія своего въ Америку онъ явился ихъ защитникомъ и другомъ; онъ даже писалъ, что концессія англійскаго короля не можетъ нарушать права собственности первыхъ обитателей Америки.

Индѣйцы, къ которымъ бѣжалъ Роджеръ, уступили ему землю для водворенія онъ, и, полный вѣры въ Божіе покровительство, основалъ въ 1636 году городъ Провидансъ, назначенный быть убѣжищемъ для всѣхъ преслѣдуемыхъ за религіозныя убѣжденія. А какъ такихъ лицъ нашлось въ Массачусетсѣ не мало, то и городъ населился очень скоро.

Нетерпимость, создавшая эту новую колонію, создала вскорѣ еще и другую. Хотя Роджеръ Улльямсъ, глубоко уважаемый теперешними американцами, казался великимъ вольнодумцемъ своимъ собратьямъ по колоніи, достойнымъ позорнаго изгнанія; но особа, бывшая причиною основанія еще новой колоніи, оказалась убѣжденій еще болѣе преступныхъ. Особой этой была Анна Гетчинсонъ. Она явилась, крайнимъ послѣдовательнымъ проповѣдникомъ ученія Кальвина, и утверждала, что святость жизни не служитъ нисколько свидѣтельствомъ благословенія и покровительства божія; что дѣла сами по себѣ не доказываютъ ничего; что Богъ назначаетъ самъ своихъ избранныхъ, которымъ, посредствомъ откровенія, указываетъ свою божественную волю. Это ученіе, по своей сущности, и особенно въ то время, могло вести къ самому крайнему отрицанію, и потому понятно, что колоніи, испугавшіяся за свое политическое существованіе, пришли въ сильное волненіе. Былъ соб-

ранъ общій синодъ и послѣ поста и молитвы члены пришлись за обсужденіе вопроса. Было постановлено изгнать Гетчинсонъ, а ея ученіе воспретить.

Анна Гетчинсонъ, съ большимъ числомъ своихъ послѣдователей, удалилась на югъ думая поселиться на Делаварѣ, но Роджеръ Улльямсъ удержалъ ее, и по его предложенію индѣйцы, его сосѣди, уступили бѣглецамъ одинъ очаровательный островъ, который они и назвали Родъ-Эйландъ.

Новые колонисты прежде всего заключили между собою договоръ, подобно Нью-плимутскимъ переселенцамъ. Что же касается до организаціи и администраціи, то они взяли за образецъ порядокъ, описанный въ ветхомъ завѣтѣ.

Прошло два года, прежде чѣмъ новая колонія окрѣпла, и потребовался болѣе широкій и обстоятельный порядокъ общественнаго управленія. Собравшіеся колонисты рѣшили, что правленіе у нихъ должно быть демократическое, что народное собраніе должно собираться регулярно, и постановлять большинствомъ голосовъ законы и учрежденія; что никто не долженъ быть преслѣдуемъ за вѣру, и что свобода совѣсти признается основнымъ принципомъ ихъ соціальныхъ отношеній.

Такъ какъ эта новая колонія, по сущности своего религіознаго и государственнаго міровоззрѣнія не отличалась ничѣмъ отъ колоніи Провидансъ, то они и соединились въ одинъ союзъ подъ общимъ названіемъ Родъ-Эйланда.

Союзъ такихъ двухъ вольнодумныхъ колоній испугалъ Массачуссетсъ, и онъ задумалъ даже принять мѣры противъ своихъ опасныхъ сосѣдей. Гетчинсонъ, испуганная взведеннымъ на нее обвиненіемъ въ колдовствѣ, что было равносильно приговору къ смерти, убѣжала въ новую Бельгію, гдѣ была убита индѣйцами, а Роджеръ Улльямсъ отправился въ Англію просить защиты.

Его приняли съ большимъ почетомъ и парламентъ далъ ему хартію, обезпечивающую за колоніей независимость и свободу управленія. Такимъ образомъ, Родъ-Эйландъ былъ спасенъ отъ опаснаго вмѣшательства своего сильнаго сосѣда. Хартія эта была признана впослѣдствіи Карломъ II, смотрѣвшимъ вообще покровительственно на колоніи, отдѣлявшіяся отъ враждебнаго ему Массачуссетса. Въ этой хартіи, дѣлающей честь религіозной терпимости родъ-эйландцевъ, первыхъ изъ американскихъ поселенцевъ, возведшихъ въ государственный принципъ свободу совѣсти, говорится между прочимъ, что въ колоніи есть люди, которые въ своемъ

мнѣнія не могутъ и не желаютъ подчиниться формамъ и церемоніямъ англійской церкви. Поэтому, а еще болѣе потому, что свобода, даваемая Родъ-Эйланду, не можетъ грозить никакой опасностью порядку, существующему въ Англіи, вслѣдствіе отдаленности колоніи, Карлъ II постановляетъ, что населеніе колоній не должно быть ни преслѣдуемо, ни наказываемо за разницу мнѣній въ вопросахъ религіозныхъ, и что напротивъ каждый пользуется полной свободой совѣсти и сужденія, лишь бы онъ не употреблялъ свою свободу для оскорбленія другихъ и нарушенія общаго спокойствія.

Хартія эта составляетъ дѣйствительно замѣчательный памятникъ XVII столѣтія; памятникъ замѣчательный даже и не потому, что онъ вышелъ изъ-подъ пера Карла II, а потому, что и американскіе индепенденты не были въ состояніи подняться до такой высоты терпимости. Одинъ изъ фанатиковъ Массачуссетса говорилъ или писалъ о Родъ-Эйландѣ, «что онъ скопище анабаптистовъ, арминіанцевъ, антисабатистовъ, соціанъ, квакеровъ, конвульсіонеровъ, однимъ словомъ, всѣхъ, кромѣ истинныхъ христіанъ; если человѣкъ потеряетъ вѣру, онъ можетъ быть увѣренъ, что его примутъ въ какой нибудь деревнѣ Родъ-Эйланда.» Нетерпимцы были неправы, и не умѣли они понять того, какое значеніе приметъ въ конституціи Сѣверо-американскаго союза вѣротерпимость, провозглашенная впервые на американской землѣ Родъ-Эйландомъ.

Вскорѣ послѣ того учредились изъ выходцевъ Массачуссетса, частію вслѣдствіе преслѣдованія, частію просто по несогласію мнѣній, колоніи Коннектикутъ и Нью-Гевенъ.

Исторія этихъ двухъ колоній также проста какъ и всѣхъ остальныхъ. Люди удалились на новыя мѣста, и тамъ учредили новое поселеніе. И эти колонисты, подобно колонистамъ Родъ-Эйланда стремились къ свободѣ совѣсти и единственнымъ указателемъ при организаціи своего внутренняго политическаго порядка приняли слово Божіе, а кодексомъ библію. Впрочемъ, въ отношеніи одушевлявшаго ихъ духа новые колонисты были больше похожи на основателей Массачуссетса. Въ Нью-Гевенѣ какъ и въ Массачуссетсѣ уголовное право было заимствовано буквально изъ книги Исходъ и Левитъ. Идолопоклонство, колдовство, богохульство, измѣна, убійство, ложное свидѣтельство, прелюбодѣяніе наказывались смертью, потому что такъ постановилъ Моисей; воровство же не считалось уголовнымъ преступленіемъ, не смотря на предписаніе англійскаго закона, потому что, какъ выражались колонисты, не умѣли понять священнаго писанія.

При такой зависимости внутренняго порядка отъ библіи было весьма естественно явиться вмѣшательству въ частную жизнь. У массачуссетсовъ административной властью наказывались даже грѣхи, и наказанія эти доходили до такой строгости, что за прелюбодѣйство полагалась смертная казнь. Любопытенъ слѣдующій фактъ: одна замужняя женщина имѣла связь съ молодымъ человѣкомъ; овдовѣвъ, она вышла за него замужъ. Прошло много лѣтъ новаго супружества, какъ вдругъ стали ходить толки о нѣкогда бывшей между ними недозволенной связи; супруговъ предали уголовному суду, заключили въ тюрьму, и не приговорили къ смерти только потому, что дѣло это было давно забытое. Простая короткость между неженатыми считалась тоже преступленіемъ, за которое могли наказывать чиновники. За такую вину полагалось или денежное взысканіе, или кнутъ или замужество. Одну женщину, виновную въ томъ, что она отдалась наконецъ своему любовнику, присудили къ наказанію кнутомъ и велѣли ей выйти за него замужъ; дѣвушка, обвиненная въ нѣкоторыхъ свободныхъ словахъ и въ поцѣлуѣ, была приговорена къ публичному выговору и къ денежному штрафу.

Пьянство было тоже грѣхомъ очень нетерпимымъ; если посторонній являлся въ какую нибудь гостиницу Бостона, то за нимъ тотчасъ же слѣдовалъ человѣкъ, спеціально обязанный наблюдать, чтобы пришедшій не вздумалъ предаться чрезмѣрно вину. Если, по мнѣнію этого оффиціальнаго лица, посторонній пилъ больше, чѣмъ въ состояніи былъ вынести, то чиновникъ имѣлъ право запретить, чтобы ему подавали.

Мелочность вмѣшательства доходила до того, что запрещались извѣстные фасоны платья, исключались серебряные и золотые пояса и пуховыя шляпы, какъ предметы роскоши; опредѣлялась длина рукавовъ и даже запрещались длинные волосы. Послѣднее въ видахъ предупрежденія роскоши.

Хотя всѣ подобныя черезъ чуръ суровыя постановленія могутъ казаться ненужнымъ вмѣшательствомъ закона въ частную жизнь, но на этотъ вопросъ, для правильнаго его пониманія, нужно смотрѣть нѣсколько глубже. Въ такой странѣ, какъ Франція, въ основѣ политической жизни которой лежитъ принципъ совершенно противуположный американскому, суровые нравы могутъ и не играть важной роли. Республика же сильна только своими нравами и своими суровыми обычаями, которые играютъ въ ней гораздо большую роль, чѣмъ законъ. Поэтому, если американцы старались водворить у себя равномѣрную простоту, одноформенность, чистоту и суро-

вость въ нравахъ, то только потому, что на этомъ условіи могъ утвердиться и окрѣпнуть ихъ союзъ. Духъ пуританской простоты и до сихъ поръ вѣетъ въ Массачуссетсѣ и въ особенности въ Бостонѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Нью-Гэмпширѣ и Мэнѣ, составляющихъ послѣднюю колонизацію Новой Англіи.

Эти обѣ колоніи сложились изъ элементовъ противуположныхъ. Съ одной стороны вслѣдствіе королевскихъ концессій явились богатые переселенцы изъ Англіи, а съ другой выходцы изъ Массачуссетса.

Вторая эмиграція, болѣе значительная, чѣмъ первая; сообщила свой характеръ всей провинціи.

Колоніи Новой Англіи, раскинутыя въ разбросъ, легко подвергались опасности какъ со стороны индѣйцевъ, такъ и со стороны голландцевъ, поселившихся на Гудсоновой рѣкѣ, и со стороны французской Канады. Поэтому колонисты Коннектикута задумали составить союзъ съ Массачуссетсомъ, чтобы общими силами противодѣйствовать общимъ врагамъ. Въ договорѣ было сказано, что провинціи составляютъ союзъ для противодѣйствія захватамъ земли голландцами и французами, для прекращенія вторженія дикихъ и для поддержанія во всей чистотѣ, на всемъ пространствѣ территоріи, свободы евангелія. Въ союзъ вступили Массачуссетсъ, Нью-Плимутъ Коннектикутъ и Нью-Гевенъ. Колоніи Нью-Гэмпширъ и Мэнъ не были приняты потому, что они слѣдовали не тѣмъ путемъ, которымъ идутъ пуритане какъ въ дѣлахъ церкви, такъ и въ администраціи, а заявленіе Родъ-Эйланда не было принято потому, что Плимутъ объявилъ эту маленькую провинцію подлежащей его юрисдикціи.

Договоръ, захватывая только общіе интересы, совершенно не касался вопросовъ чисто мѣстныхъ. Дѣла Союза были ввѣрены комиссіи изъ двухъ членовъ отъ каждой колоніи. Массачуссетсъ, самый большой по своимъ владѣніямъ, отправлялъ точно также двухъ комиссаровъ, какъ и едва основавшійся крошечный Нью-Гевенъ. Комиссары обязаны были собираться разъ въ годъ и порѣшать всѣ вопросы, касавшіеся общихъ интересовъ конфедераціи. Вопросы мира и войны и дѣла съ индѣйцами составляли предметъ ихъ спеціальныхъ занятій. Кромѣ того они были обязаны разрѣшать спорныя дѣла между колонистами разныхъ провинцій. Но дѣйствуя повидимому самостоятельно, комиссары были въ сущности властью совѣщательной и рѣшенія ихъ требовали утвержденія союза. Любопытно, что такая политическая зрѣлость заявилась колонистами какіе нибудь 50 лѣтъ спустя послѣ ихъ перваго поселенія, и что

и нынѣшнія основанія союзной конституціи остаются тѣми же, какими ихъ признали первые переселенцы въ 1686 году.

Конфедерація не испугала Стюартовъ, потому что они не подозрѣвали въ ней ровно ничего политическаго, а смотрѣли на нее исключительно, какъ на союзъ противъ внѣшнихъ враговъ; Кромвель же напротивъ оказывалъ пуританскому союзу особенное вниманіе. Онъ не только хотѣлъ дать колонистамъ новыя привилегіи, но ему даже приходила мысль поставить ихъ въ положеніе болѣе выгодное. Для этого онъ хотѣлъ разъ переселить ихъ всѣхъ въ Ирландію, выгнавъ оттуда предварительно всѣхъ кельтовъ; а послѣ завоеванія Ямайки, задумалъ переселить ихъ въ Ямайку. «Народъ божій, говорилъ онъ, долженъ согласно божьему слову идти не въ хвостѣ, а въ головѣ народовъ».

Во время реставраціи правительство взглянуло на пуританъ нѣсколько иначе. Притязанія ихъ на независимость были приняты довольно дурно и, правительство объявило, что согласно конституціи колонисты должны подчиняться всѣмъ законамъ и постановленіямъ парламента. Это рѣшеніе метрополіи привело въ волненіе колонистовъ и массачуссетское собраніе обнародовало въ 1661 году слѣдующую декларацію: «Свобода, данная колонистамъ Богомъ и хартіей, заключается въ правѣ избирать симимъ себѣ губернатора, намѣстника и представителей; назначать всѣхъ чиновниковъ высшихъ и низшихъ и опредѣлять размѣръ ихъ власти и положенія; посредствомъ магистратуры и ежегодно избираемыхъ депутатовъ учреждать власть законодательную, исполнительную и судебную, защищаться съ оружіемъ въ рукахъ противъ всѣхъ притѣсненій и отвергать, какъ нарушеніе своихъ правъ, всѣ постановленія парламента и повелѣнія короля, которыя будутъ клониться ко вреду страны, и противорѣчить колоніальнымъ законамъ»,

Въ 1667 году Карлъ II послалъ четырехъ комиссаровъ для опредѣленія, какимъ образомъ исполняются въ Новой Англіи ея хартіи. Комиссарамъ была предоставлена большая власть и право порѣшать, по своему усмотрѣнію, всѣ мѣстныя политическія сомнѣнія и несогласія. Такое распоряженіе короля испугало колонистовъ болѣе всѣхъ прежнихъ вмѣшательствъ Англіи въ свои дѣла, и они отправили Карлу II адресъ. Въ немъ они говорили, что первые переселенцы получили патентъ на право полнаго самоуправленія и согласно законамъ, которые они сами составятъ. Королевская хартія, за большой печатью, служила гарантіей данныхъ правъ. Подъ покровительствомъ этой хартіи, люди переплыли океанъ на свой

собственный счетъ съ женами и дѣтьми, купили у индѣйцевъ землю, обработали ее среди опасностей и трудностей всякаго рода, боролись въ теченіи многихъ лѣтъ съ бѣдностью и лишеніями, неизбѣжными при всякомъ новомъ водвореніи, и тридцать лѣтъ пользовались привилегіей самоуправленія. Быть управляемыми администраторами по собственному выбору и по собственнымъ законамъ составляло основную привилегію ихъ хартіи. Теперь же назначеніе комиссіи, съ правомъ рѣшать мѣстные вопросы по собственному усмотрѣнію, отдаетъ колонистовъ подъ произвольную власть постороннихъ лицъ и кончится ихъ полнымъ подчиненіемъ. «Знаетъ Богъ, что все наше желаніе и честолюбіе заключается въ желаніи жить спокойно въ этомъ уголкѣ міра. Мы явились въ пустыни не для того, чтобы искать богатствъ. Мы не выходимъ изъ своихъ скромныхъ предѣловъ, мы далеки оттого, чтобы не признавать свою зависимость и свое подданство предъ вашимъ величествомъ, согласно нашей хартіи. Мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, чтобы пріобрѣсти вашу милость, но наше несчастіе будетъ слишкомъ велико, если, въ свидѣтельство своей подчиненности, мы должны принести въ жертву наши вольности и привилегіи, которыя для насъ дороже жизни, ибо, чтобы добиться ихъ, мы рисковали добровольно нѣсколько разъ своею жизнью и преодолѣли тысячи опасностей».

Очень можетъ быть, что адресъ этотъ смягчилъ бы сердце Карла II, если бы денежная жадность англійскихъ купцовъ не была оскорблена несоблюденіемъ колоніями навигаціоннаго акта. Дѣйствіе хартій было пріостановлено. Напрасно Массачуссетсъ возставалъ противъ этого и дѣлалъ королю разныя выгодныя предложенія; напрасно онъ принималъ навигаціонный актъ, не какъ англійскій законъ, но какъ законъ колоніальный, вотированный самими колонистами: король, поджигаемый коммерческой партіей, требовалъ безусловнаго подчиненія. Колоніи отказались упорно отъ этой подчиненности и высказали при этомъ такого рода мнѣніе: «Свобода Новой Англіи есть наслѣдіе нашихъ отцевъ: неужели мы отъ нея откажемся? Намъ говорятъ, что, отказываясь, мы подвергаемъ себя великой опасности. Но лучше страдать, чѣмъ грѣшить. Лучше ввѣрить нашу совѣсть Богу нашихъ отцевъ, чѣмъ англійскому королю. Если мы страдаемъ, потому, что не подчиняемся волѣ людей противъ воли Бога, мы страдаемъ за доброе дѣло, и на страшномъ судѣ, и въ мнѣніи нашихъ потомковъ мы будемъ поставлены въ ряды мучениковъ».

Не смотря на энергическое противодѣйствіе колоній нужно было смириться передъ королевскимъ повелѣніемъ, и хартія, которой такъ гордились колонисты, пала въ 1680 году. Съ этихъ поръ исчезли всѣ гарантіи, обезпечивавшія соціальное развитіе американской колонизаціи. Безопасность исчезла во всемъ, въ религіи, въ торговлѣ и даже въ собственности. Возстаніе колоній не помогло, не помогъ и король Вильгельмъ, потому что вмѣсто деспотизма Стюартовъ имъ была предложена верховная власть парламента. Съ этого момента начинается борьба между Америкой и метрополіей, борьба, въ которой Новая Англія играла первенствующую роль, и которая, столѣтіе спустя, кончилась независимостью Сѣверо-американскаго союза.

Н. Шелгуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УМСТВЕННЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ РУССКАГО РАСКОЛА.

(Статья вторая.)

Приступая къ анализу составныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась секта людей божіихъ, мы намѣрены раскрыть эти элементы во всей ихъ подробности. Во-первыхъ, самыя свойства дѣйствія лже-пророковъ и лже-пророчицъ людей божіихъ, наиболѣе характеризующія ихъ пророческое самозванство, суть ничто иное, какъ только высшее проявленіе главныхъ аттрибутовъ чудско-славянскихъ волхвовъ, кудесниковъ и шамановъ. Не даромъ, православный народъ русскій, очень хорошо знавшій волхвовъ и кудесниковъ, главныхъ пророковъ людей божіихъ называлъ *волхвами*. Такъ родоначальниковъ людей божіихъ, Данилу Филипова и Селиванова, народъ положительно признавалъ *«великими волхвами»*. «Взяли меня, — говоритъ Селивановъ въ своемъ посланіи,—и великій допросъ чинили, и ротъ мнѣ драли, и въ ушахъ и подъ носомъ смотрѣли и говорили: глядите вездѣ! у него есть гдѣ нибудь отрава; глядите тутъ и тутъ! Дѣлали великія пытки и допросы и *великимъ волхвомъ* меня называли, и отданъ былъ строгій приказъ,—чтобъ близко ко мнѣ не ходили и кушанье близко не подносили, хлѣбъ подавали на шестѣ, а кушанье на длинной ложкѣ, сдѣланной аршина въ полтора, и говорили: кормите его, да бойтесь; подавайте, а сами прочь отворачивайтесь, чтобы ни на кого *не дунулъ* и не *взглянулъ!* Вѣдь *онъ великій волхвъ* и прелестникъ, чтобъ не прельстилъ и насъ къ себѣ не привратилъ: онъ хоть кого прельститъ; онъ и царя можетъ прельстить, а не только насъ; и *называли*

великимъ волхвомъ, такъ какъ и Господа прежде называли» [1]). И дѣйствительно, всѣ мнимо-чудотворныя и пророческія обаянія «великихъ волхвовъ»—пророковъ людей божіихъ отличались чертами чародѣйными, волшебными и шаманскими. Какъ въ языческой древности появленіе волхвовъ и вѣдуновъ ознаменовывалось потрясеніями во всей физической природѣ, такъ и появленіе новыхъ великихъ волхвовъ—лже-пророковъ людей божіихъ обставляется въ ихъ пѣсняхъ знаменьями и чудесами. Селивановъ говоритъ о себѣ: «а рожденія и появленія сына божія, по пророчеству, давно ожидали, о чемъ и было возвѣщено: какъ народится сынъ божій и приметъ крещеніе чистоты, *въ то время явится звѣзда съ хвостомъ*, и тогда послѣдуютъ за нимъ многія тысячи всякаго колѣна людей... И когда онъ облекся въ чистоту сына божія, то дѣйствительно *тогда же явилась на небѣ звѣзда съ хвостомъ*, міръ тому не мало дивился» [2]). И въ пѣсняхъ своихъ люди божіи поютъ про появленіе Селиванова:

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такія чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненныя.
Ужь на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой, божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый, храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ,
Золотыми подковами подкованъ.
Ужь и этотъ конь не простъ:
У добра коня жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизанная,
Въ очахъ его камень маргаритъ,
Изо-устъ его огонь-пламя горитъ.
Ужь на томъ ли на храбромъ, на конѣ

---

[1]) Посл. въ Чт. 81.
[2]) Пос аніе стр. 89.

Селивановъ нашъ покатываетъ,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ;
По инымъ землямъ французскимъ,
Французскимъ и иркутскимъ...
Набираетъ онъ полки премудрые,
Кавалерію духовную...
Спѣшитъ батюшка, катаетъ
Онъ со страшнымъ судомъ,
Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
Со златыми, со трубами,
Съ богатырскими конями.

Какъ волхвы и чародѣи знали разныя *приворотныя* средства, чтобы расположить и привлечь къ себѣ чье-либо сердце, довѣріе, любовь и проч.,—такъ и пророки и пророчицы людей божіихъ «подносятъ иногда приходящимъ къ нимъ людямъ какого-то волшебнаго настоя, въ видѣ краснаго вина, послѣ чего выпивший чувствуетъ, говорятъ, какое-то непонятное, особенное влеченіе къ ихъ сектѣ» [1]).

Далѣе, какъ волхвы и кудесники однимъ дуновеніемъ своимъ могли обморочить и возстановить человѣка, а заговорами своими избавлялись отъ меча и ружья, свергали желѣзныя оковы, отпирали замки и выходили изъ темницъ,—такъ и «великіе волхвы» — пророки людей божіихъ будтобы обладали всѣми этими чародѣйными силами. Тотъ же Селивановъ о себѣ говоритъ: «въ одно время были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла камень, такъ и окаменѣла у нея рука... А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья, когда я ходилъ на праздникъ изъ села въ Тулу: то каждый праздникъ, когда я приду, онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу божьему, не выстрѣлило ни одного разу... Въ одно время, первая и главная пророчица въ кораблѣ матушки моей, Акулины Ивановны, Анна Романовна, взявши меня въ особую горницу, сказала, что, я

[1]) Замѣтки о скопцахъ—свящ. А. Георгіевскаго, въ запискахъ И. Рус. Географическаго общества, по отдѣлу этнографіи т. I, стр. 536.

давно съ тобою хочу побесѣдовать: садись возлѣ меня! И посадя, схватила крестъ и хотѣла привести меня, и говорила: приложись ко кресту! А я взялъ отъ нея и сказалъ: Дай-ко, я приведу тебя снова самую!.. И тутъ *накатилъ на нее мой духъ*, и она, сдѣлавшись безъ чувствъ, упала на полъ... Взялъ я, *подунулъ на нее своимъ духомъ*, и она какъ отъ сна пробудилась, встала и, перекрестившись, сказала: «О, Господи! что такое случилось? О, куды твой Богъ великъ!.» Приведши меня въ Тулу, посадили на стулѣ, подпоясали поясомъ желѣзнымъ, фунтовъ пятнадцать, и приковали меня къ стѣнамъ за шею, за руки и за ноги; на часахъ стояли четыре драгуна... *Возжелалъ я сойти со креста, и только-что сіе подумалъ*, то все желѣзо съ шеи, съ рукъ и съ ногъ свалилось, а драгуны тогда всѣ заснули и я вышелъ вонъ и гулялъ по двору» и проч. Про чародѣйныя и волшебническія дѣйствія Даніилы Филипѣва и Ивана Тимоѳеева Суслова у людей божіихъ сохраняются подобныя же легенды и миѳы. Далѣе, мнимо-сверхъестественный даръ таинственнаго предвѣденія и предсказанія урожаевъ или неурожаевъ, удачи и неудачи разныхъ промысловъ и мнимо-сверхъестественная власть однимъ даровать изобиліе и урожай,—а другихъ—лишать, все это атрибуты, завѣщанные великимъ волхвамъ и волшебницамъ—пророкамъ и пророчицамъ людей божіихъ финско-славянскимъ кудесничествомъ. Мы видѣли, какъ въ древней Россіи, «въ ловы идуще или на куплю отходяще—чародѣяніемъ и кобми ходили сихъ искати». Видѣли также, какъ древніе чудско-славянскіе кудесники истолковывали причины неурожаевъ. Извѣстно также, что всѣ финскія племена—самоѣды, мордва, чуваши, черемисы, вотяки, остяки и проч. и доселѣ предъ началомъ всякихъ промысловъ прибѣгаютъ къ шаманству, и шаманы—самоѣдскіе тадибеи, черемискіе кофты, вотяцкіе тоны и вѣдины или вѣдуны и проч., вопрошая своихъ боговъ и духовъ, предсказываютъ по вдохновенію ихъ, объ изобиліи или недостаткѣ урожаевъ, меда, рыбы, звѣрей, скота и проч. Такъ точно и пророки и пророчицы людей божіихъ, подобно древне-русскимъ волхвамъ и финскимъ шаманамъ, присвоили себѣ сверхъестественную власть—распоряжаться жизненными произведеніями природы: «Пророчица Анна Романовна,—говоритъ Селивановъ,—узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ, и въ поляхъ хлѣбу урожай, почему и по имени она прославилась: и знавши это, многіе изъ міру

къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также о рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она кому велитъ сѣять хлѣбъ или ловить рыбы, то много въ тотъ годъ хлѣба уродится и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и не уродится хлѣбъ [1]). Самая таинственность и строгая замкнутость традиціоннаго, преемственнаго обученія тайнамъ пророчества вполнѣ соотвѣтствуетъ столь же сокровенной и въ тѣсномъ кругу замкнутой наслѣдственной передачѣ тайнъ кудесничества и шаманства. Извѣстно, что въ старину чудско-славянскіе волхвы и кудесники и бабы кудесницы подъ строгимъ секретомъ передавали своимъ родственникамъ или самымъ ближайшимъ людямъ свои завѣтныя тайны, свое знахарское искуство—колдовское и пророческое. «*Невѣжды* держали у себя лживыя молитвы, заговоры и заклинанія, волховники и чаровники «отъ отецъ и прадѣдъ» [2]). И доселѣ знахари обыкновенно передаютъ свое званіе только въ глубокой старости, или при смерти, близкимъ своимъ родственникамъ, *какъ наслѣдство*. Шаманы или кудесники финскихъ племенъ также строго соблюдаютъ таинственную наслѣдственную передачу своего шаманскаго искуства. «Преимущество свое предъ простымъ народомъ, говоритъ напр. Лепехинъ о самоѣдскихъ шаманахъ — тадибеяхъ,— и безпрерывное преемство своего художества опредѣляютъ и заключаютъ тадибеи единственно въ своемъ родѣ; потому всегда отъ восходящей линіи предковъ переходитъ къ нисходящимъ потомкамъ знаніе и отправленіе ихъ чина, въ которомъ непосредственное обученіе, по мнѣнію самоѣдовъ, отъ самихъ тадебціевъ невидимо пріемлютъ, съ помощію однакожь старыхъ тадибеевъ, которые молодымъ своимъ братьямъ споспѣшествуютъ своими совѣтами подобающимъ образомъ обходиться съ тадебціями» [3]). Точно также и у пророковъ и пророчицъ людей божіихъ всегда былъ самый тѣсный и таинственный кругъ наслѣдственной или традиціонной преемственности ихъ шаманско-пророческихъ секретовъ. У людей божіихъ обыкновенно наслѣдуютъ званіе пророческое дѣти, рожденныя отъ свальнаго

---

[1]) Списокъ отреч. книгъ въ моей книгѣ о раск. стр. 451.

[2]) Этногр. сбор. вып. V, бытъ крестьянъ, курской губ. стр. 87.

[3]) Путешеств. Лепехина изд. 1772 г. ч. VI стр. 221—222, также 203.

грѣха пророка и пророчицы и всего корабля мужчинъ и женщинъ. Такіе дѣти воспитываются обыкновенно и учатся тайнамъ шаманскаго пророчества: мужескій полъ у пророковъ, а женскій у пророчицъ, и впослѣдствіи заступаютъ ихъ мѣсто въ обществѣ людей божіихъ [1]). Въ 1828 году старшая пророчица людей божіихъ, Анна Свочкова, крестьянка саратовской губерніи, при допросѣ раскрыла тайну выбора пророковъ и пророчицъ у хлыстовъ. «Въ Турціи, говорила она, среди бѣжавшихъ туда гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ, хлысты имѣютъ главнаго пастоятеля своей секты, отъ него получаютъ всѣ нужныя книги. Тамъ были строго испытываемы и утверждаемы пророки и пророчицы хлыстовъ. Оттуда выдавалась имъ въ даръ книжка, похожая на молитвенникъ; книга эта была напечатана русскими красными словами, но разобрать и понять ее было невозможно. Только пророки и пророчицы могутъ ее читать очень скоро, отъ лѣвой руки къ правой. Главная пророчица обязана была двухъ или трехъ дѣвочекъ, по усмотрѣнію, предварительно познакомить съ сею грамотою, а пророкъ столько же мальчиковъ, но не иначе какъ секретно, дабы, въ случаѣ ихъ смерти, изъ оныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ могли быть избраны пророчица и пророкъ. Прочимъ же сей грамотѣ учиться не дозволяется» [2]). По мнѣнію симбирскихъ, алатырскихъ скопцовъ, для того чтобы сдѣлаться пророкомъ, даже скопецъ «*большой печати*», т. е. вполнѣ оскопившійся и приведшій въ скопчество 12 учениковъ, долженъ быть хоть разъ при смерти одного изъ скопческихъ пророковъ—*воспріять въ себя душу пророка.* [3]) Наконецъ, подобно всѣмъ кудесникамъ и шаманамъ, пророки и пророчицы людей божіихъ пользовались простотою необразованнаго и суевѣрнаго народа для наживы. Суслов обогатился на счетъ «золотой казны» суевѣрныхъ «гостей-корабельщиковъ», завелъ свой домъ въ Москвѣ и спокойно прожилъ въ немъ 30 лѣтъ подъ именемъ *темнаго богатыря* Ивана Тимофеевича Суслова. Въ 1735 г., когда сборище людей божіихъ было открыто въ Москвѣ правительствомъ, по доносу разбой-

---

[1]) Православный собесѣдникъ 1858 г. іюнь стр. 401.

[2]) Запис. свящ. саратов. тюрьми. замка Н. Вазерскимъ. Прав. Соб. 362—363.

[3]) О скопцахъ симбирской губ. въ Зап. Геогр. Общ. по отд. этнографіи т. 1 стр. 511

нпка Караулова, и въ Петербургѣ паряжена была слѣдственная комиссія для изслѣдованія ихъ ученія и дѣйствій,—пророки и пророчицы людей божіихъ прямо сознавались передъ комиссіей, что они простотою и безусловнымъ повиновеніемъ грубыхъ невѣждъ пользовались къ своему обогащенію. [1]) Въ разсказахъ Селиванова про лже-пророчицу Акулину Ивановну говорится, что она была «великая милліонщица». И самъ Селивановъ, кажется, тоже былъ не прочь наживать богатство. «Явное богатство,—говоритъ онъ,—не вредитъ умному человѣку». Людямъ божіимъ предсказывалъ онъ обогащеніе, если они будутъ соблюдать чистоту. Когда онъ былъ на соборѣ лже-пророчицы Анны Романовны, «она велѣла выдвинуть на средину собора какой-то сундукъ и, сѣвши на него крѣпко вмѣстѣ съ Селивановымъ, сказала ему: «ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товары». Самъ Селивановъ говоритъ о себѣ: «когда я пошелъ въ Иркутскъ, у меня было товару только за одною печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію,—тогда вынесъ товару за тремя печатьми» [2]).

Во-вторыхъ, богослуженіе людей божіихъ есть ничто иное, какъ смѣсь библейско-христіанской санкціи съ финско-славянскими языческими сборищами и моленіями и славянско-финскимъ шаманствомъ. Древне-языческія, чудско-славянскія, такъ называемыя церковными іерархами «идольскія сборища и мольбища», преобразовались въ сектѣ людей божіихъ и скопцовъ въ такъ называемые *божьи соборы и моленья*. Такъ переименовалъ ихъ Селивановъ: «именуйте, писалъ онъ, свои собранія *божьими соборами*: первый—есть соборъ отца вашего искупителя, другой—матушки нашей Акулины Ивановны, а третій соборъ—возлюбленнаго моего сыночка Александра Ивановича, четвертый же соборъ всѣхъ вѣрныхъ праведныхъ.» [3]) Всѣ существенные атрибуты старыхъ чудско-славянскихъ идольскихъ сборищъ, какъ-то: хороводы, пляски, скаканья, плесканья и т. п., пѣсни мірскія, даже самый свальный грѣхъ — «великое прельщеніе и паденье мужамъ и отрокамъ», женамъ замужнимъ беззаконное осквернепіе и дѣвамъ растлѣніе,—все это существенно вошло въ

---

[1]) П. С. З. т. IX, № 6613.
[2]) Посл. 68, 76, 80.
[3]) Посл. 90.

составъ радѣній и бесѣдъ людей божіихъ и только приняло въ нихъ новую, сектаторскую форму. Вообще, вслѣдствіе вѣковаго физіологическаго и умственно-бытоваго смѣшенія славянскаго племени съ разными финскими племенами,—и въ мимо-богослужебныхъ соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ выразилась смѣсь славянскихъ и финскихъ элементовъ. Въ первой половинѣ радѣній преобладаетъ элементъ славяно-русскій, а во второй—финско-шаманскій. Такъ называемое круговое, хороводное радѣнье, въ которомъ мужчины и женщины, присутствующіе на соборѣ божьемъ, становятся въ круги, подобно какъ въ обыкновенныхъ простонародныхъ русскихъ хороводахъ, очевидно, есть религіозная санкція древне-русскихъ языческихъ хороводовъ, которые въ XIV в. относились къ числу отреченныхъ суевѣрій и бѣсовскихъ радостей. Всѣ богослужебныя пѣсни людей божіихъ суть ничто иное, какъ передѣлка русскихъ простонародныхъ пѣсень въ духѣ мистическаго ученія людей божіихъ. Самый напѣвъ ихъ религіозныхъ пѣсней есть напѣвъ простонародныхъ русскихъ пѣсень — протяжно-заунывныхъ, хороводныхъ и плясовыхъ. Кромѣ того, въ составъ богослужебныхъ пѣсней людей божіихъ вошли и нѣкоторые древне-русскіе духовные стихи, какъ напр. стихи объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Іосифѣ прекрасномъ, стихъ о Голубиной книгѣ и др. [1]) Самъ Селивановъ въ одно время былъ калѣкой перехожимъ, по собственнымъ словамъ его, «въ нищенскомъ образѣ ходилъ по ярмаркамъ и пѣлъ стихи» [2]). Наконецъ моленье людей божіихъ передъ чаномъ, наполненнымъ свѣжей водой, и гадательное слушаніе изъ-подъ чана таинственныхъ, предвѣщательныхъ голосовъ и т. п., это моленье предъ водой есть ничто иное, какъ остатокъ древне-языческаго моленья и гаданья нашихъ предковъ у воды, или такъ называвшагося тогда моленья «рѣчнаго и кладязнаго». Съ другой стороны, въ составѣ богослужебныхъ радѣній людей божіихъ, особенно въ обрядѣ пророчества, весьма замѣтно отразилось не только славяно-русское кудесничество, но и финское шаманство. Секта людей божіихъ особенно распространилась въ предѣлахъ рѣчной системы Волги и Оки, тамъ, гдѣ преимущественно сосредоточено финское населеніе, гдѣ сплошь и

[1]) Прав. Собесѣд. 376. Посл. Селив. 78.
[2]) Посл. 74.

рядомъ въ цѣлыхъ деревняхъ и даже волостямъ живутъ крещеные и обрусѣлые чуваши, черемисы, мордва, вотяки и проч., и гдѣ русское населеніе большею частію, представляетъ сплошную смѣсь славянскаго элемента съ финскимъ. Эта секта также распространилась среди чухонцевъ с. петербургской губерніи — племени тоже финскаго. Возникши въ такой этнографической средѣ, среди крещеныхъ и некрещеныхъ, обрусѣлыхъ и полуобрусѣлыхъ финскихъ племенъ, секта людей божіихъ очень естественно многое отъ нихъ заимствовала. Та огромная масса русскаго православнаго народа, которая была ничто иное, какъ давно обрусѣлая чудь, меря, мордва, или состояла изъ обрусѣлыхъ чухонцевъ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ и пр., въ XVII и въ XVIII в. далеко не вся отстала отъ стараго финскаго шаманства. И вотъ вышедшіе изъ этой массы или появившіеся среди ея книжные и учительные люди, въ родѣ Даніилы Филиппова, Суслова и Селиванова, внесли въ основанную ими секту финскій шаманизмъ, придавъ ему наружно-христіанскій видъ пророчества. Въ сущности же, и подъ видомъ этого пророчества, во всей ясности проглядываютъ всѣ существенныя черты финскаго шаманства. Мы проведемъ здѣсь поподробнѣе параллель между финскимъ шаманствомъ и пророчествомъ людей божіихъ, для того, чтобы показать, какъ глубоко напечатлѣлся въ массѣ русскаго народа восточный, финскій и, притомъ, самый грубый, шаманскій умственный складъ, и какъ онъ, въ XVIII в., въ этотъ великій вѣкъ разума и философіи, отвлекалъ и доселѣ отвлекаетъ нашъ бѣдный, темный народъ отъ свѣта въ самый мрачный заколдованный кругъ восточно-финскаго изступленія и суевѣрія. Главнымъ образомъ финское шаманство глубоко отпечатлѣлось на пророчествѣ людей божіихъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно доселѣ особенно сохраняется у самоѣдскихъ племенъ. У мезенскихъ самоѣдовъ, какъ свидѣтельствуетъ миссіонеръ отецъ Веніаминъ, тадибей или шаманъ съ вечера возвѣщаетъ, что на другой день будетъ производиться самбадава— *битье кудесъ*, въ такомъ-то чумѣ. По утру изъ всѣхъ окрестныхъ чумовъ собирается народъ. Мужчины садятся по правую, а женщины по лѣвую сторону. За ними входитъ тадибей и начинаетъ шаманить. Когда тадибей ударитъ въ пензеръ,—самоѣды, подъ звуки его, сперва припѣваютъ тихимъ голосомъ, а потомъ громко кричатъ: гой! гой! гой! Этимъ однообразнымъ распѣвомъ и крикомъ они

выражаютъ внутреннее желаніе, чтобъ тадебціи услышали воззванія и молитвы тадибея. Къ концу самбадавы, тадибей является изступленнымъ, восторженнымъ и восклицаетъ: «Нясъ-то, пришли товарищи, тадебціи!» Впавъ въ изступленіе тадибей начинаетъ разговаривать съ духами и пророчествовать. Именно, онъ предсказываетъ или объ излеченіи отъ болѣзни того, по просьбѣ котораго бьетъ кудесы, или объ отогнаніи волковъ отъ стада оленей, или объ успѣхахъ промысла, на который сбираются самоѣды, или о напущеніи и отвращеніи какого-либо несчастія и т. п. [1]). Сибирскіе самоѣды, именно тазовскіе осамоѣдившіеся остяки, точно также, по назначенію тотеба или шамана, собираются въ одинъ чумъ, а зимой въ землянку, и при этомъ закрываютъ войлоками всѣ отверстія въ чуму и ледяныя окна въ зимнихъ земляпкахъ. Потомъ, усѣвшись въ кругъ, — мужчины на правой, а женщины на лѣвой сторонѣ, начинаютъ пѣть. Шаманъ тотебъ запѣваетъ и за нимъ всѣ самоѣды-остяки поютъ громко: эки-хонъ, эки-хонъ, эки-хонъ, и т. п Иногда во время пѣнья, а иногда по окончаніи, находитъ на тодэба и даже на остяковъ *лусъ*—духъ божій, и начинаетъ по-очередно каждому остяку предсказывать, кто про что спрашиваетъ: кому про удачу или неудачу промысла звѣринаго или рыбнаго, кому про болѣзнь, кому про благополучіе или несчастіе какое нибудь и т. п. Не тоже ли, въ сущности, бываетъ и въ пророчествахъ людей божіихъ и скопцовъ? Совершенно также люди божіи и скопцы собираются въ одинъ домъ, и также всегда по предварительному извѣщенію пророка и пророчицы, и въ мелельной комнатѣ закрываютъ всѣ окна. Мужчины также садятся по правую сторону, а женщины по лѣвую. Затѣмъ, когда пророкъ и пророчица и всѣ люди божіи или скопцы, подобно черемисскимъ молельщикамъ, одѣнутся въ бѣлыя рубашки и зажгутъ восковыя свѣчи, — начинается общее пѣнье. Сначала, подобно самоѣдамъ, поютъ тихимъ, протяжно-плачевнымъ голосомъ: «сошли намъ, Господи, духа святаго» и пр. Потомъ начинаютъ пѣть скорымъ голосомъ, напоминая самоѣдское *гой:* «гой духъ святый — духъ, гой духъ — святый духъ». Къ концу пѣнія пророкъ, подобно крику самоѣдскаго тадибея: «нясъ-то,» — вдругъ восклицаетъ: «вотъ катитъ!

[1]) Вѣстникъ Географическаго общества 1855 г. ч. XIV отд. I, 118—119. Лепех. IV, 220—221.

вотъ катитъ! духъ святой катитъ! накатилъ, накатилъ!» Это значитъ, что, подобно самоѣдскому лусу или тадебцію, на пророка сошелъ *духъ*. Тогда начинается пророчество, какъ у финской чуди шаманство. Какъ у всѣхъ финскихъ племенъ шаманы, во время пророчествъ, обыкновенно всячески кривляются, бьютъ себя въ грудь, и забалтываютъ и кричатъ до изступленія, бѣшенства и обморока, такъ и у людей божіихъ и скопцовъ пророкъ, во время своего пророческаго шаманства, всячески кривляется и мечется, бьетъ себя въ грудь кулакомъ и по лядвеямъ ладонью, болтаетъ и кричитъ до изступленія: отъ изступленія и болтовни онъ утомляется до того, что почти всегда у рта его появляется пѣна и нерѣдко онъ падаетъ въ обморокъ [1]). Подобно тому, какъ у самоѣдовъ тадебціи или лусы возвѣщаютъ предсказанія о погодѣ, о разливахъ водъ, объ уловѣ рыбы и звѣря, о болѣзняхъ и т. п., — и у скопцовъ, по ихъ выраженію, «духи поютъ черезъ пророковъ, или «духъ въ кругѣ возвѣщаетъ чрезъ пророчески уста» также о воздушныхъ перемѣнахъ, о дождѣ, о градѣ, объ урожаяхъ, о болѣзняхъ и т. п. [2]). Какъ для самоѣдовъ, остяковъ, черемисъ, послѣ вопроса о здоровьѣ или болѣзни и смерти, первыми насущными вопросами были вопросы о средствахъ жизни, объ урожаяхъ и неурожаяхъ хлѣба, объ изобиліи или неудачѣ промысловъ рыбныхъ, звѣриныхъ, пчеловодныхъ и другихъ, и они, съ этими животрепещущими вопросами, прибѣгали къ шаманству тадибеевъ, кортовъ и т. д.: такъ и русскій простой народъ, мучительно тревожась жизненнымъ вопросомъ объ урожаѣ или неурожаѣ хлѣба въ предстоящемъ году, о благополучіи или неудачѣ рыбнаго и всякаго другого промысла, тоже невольно шелъ къ пророку, какъ своему шаману, чтобъ тотъ попророчествовалъ или пошаманилъ ему на столь животрепещущіе вопросы жизни. Когда разнеслась молва, что пророчица Анна Романовна хорошо пророчила про урожаи и неурожаи и про другіе промыслы, то, по словамъ Селиванова, «многіе изъ міру къ ней приходили и спрашивали: сѣять ли нынѣшній годъ хлѣбъ? а также объ рыбѣ: ѣздить ли ловить или нѣтъ? И она, созывая свой соборъ, состоявшій изъ 80 человѣкъ, «ходила въ словѣ» и про-

---

[1]) Православный собесѣдникъ 375, 395.

[2]) О скопцахъ-св Георгіевс аго въ зап. Геогр. общества 531

рочествовала, въ какой годъ и у кого уродится много хлѣба, и рыбы изловятъ много, и въ какой годъ будетъ неурожай и неуловъ рыбы и проч. Знать такія жизненныя тайны для народа бѣднаго, въ хозяйствѣ своемъ всецѣло зависящаго отъ физическихъ силъ естественной экономіи,—знать такія насущныя, животрепещущія тайны—для него было такою мучительно-тревожною потребностью, что ему какъ будто необходимы были пророки или пророчицы, на подобіе самоѣдскихъ тадибеевъ, и т. п. Если ихъ не было, а были близко финскіе шаманы, то многіе православные мужики и бабы не прочь были сходить и къ этимъ шаманамъ и попросить ихъ пошаманить, какъ уродится нынѣшній годъ хлѣбецъ,—цѣлъ ли будетъ въ лѣто скотъ отъ звѣря, какой будетъ въ немъ приплодъ, не захвораетъ ли кто изъ ихъ семьи и т. п. На низу Енисея одинъ русскій крестьянинъ въ 1863 г. даже самъ шаманилъ вмѣстѣ съ юрацкимъ шаманомъ, и въ своемъ шаманскомъ изступленіи они порѣшили живою загрести въ землю 8-лѣтнюю дѣвушку. Но вотъ, на мѣсто финскихъ шамановъ, въ угоду насущнымъ потребностямъ темнаго народа, явились пророки и пророчицы людей божіихъ и скопцевъ,—и вотъ масса народа устремилась къ нимъ на соборы послушать ихъ лже-пророческаго шаманства о своемъ житьѣ-бытьѣ. И тѣмъ охотнѣе народъ собирался на моленья и пророчества людей божіихъ, особенно народъ обрусѣлый изъ вотяковъ, чувашъ, черемисъ, мордвы и т. п., въ моленьяхъ людей божіихъ онъ во многомъ видѣлъ возстановленіе и освященіе своихъ прежнихъ, отцовскихъ и прадѣдовскихъ моленій и обрядовъ. Напримѣръ, православному обрусѣлому вотяку или происхожденцу изъ вотяковъ сродно было самое названіе: *люди божіи*, потому что вотяки и сами въ язычествѣ называли себя *уд-мортами*—людьми божіими; близки, сродны были его сердцу и самыя молельные дома «людей божіихъ», потому что и вотяки-язычники имѣютъ для моленья такіе же «молельные дома» — *будшинъ-коалы*, моленныя избы, гдѣ топа или утиссъ-шаманъ молитъ имъ «послать имъ теплый дождикъ, урожай хлѣба, надѣлить ихъ дѣтками, скотомъ, медомъ, счастьемъ, добрыми людьми, кротостью и прогнать отъ скота ихъ хищныхъ звѣрей» [1]); наконецъ православному, обрусѣлому изъ вотяковъ, зна-

[1]) Георгіевскій I, 55—56.

кома и эта общественная коробка людей божіихъ, хранящаяся въ ихъ моленномъ домѣ, потому что и у вотяковъ въ срединѣ избной стѣны, гдѣ совершалось моленье, хранилась точно такая же общественная коробка съ деньгами и другими приношеніями и называлась *вордъ-шудъ* [1]). Точно также и православный, происшедшій отъ предковъ-черемисъ, и особенно недавно крещеный и обрусѣлый черемисинъ тѣмъ болѣе сроднялся и освоился съ сектой людей божіихъ, что на моленьяхъ ихъ духъ, воспѣваемый въ пѣснях людей божіихъ, живо, наглядно напоминалъ ему его прежняго, праотеческаго набольшаго бога Юма; въ воспѣваемой людьми божіими Божіей матери онъ видѣлъ живое воплощеніе своей языческой божіей матери Юмани-аба (божья матерь); а бѣлыя рубашки, какія надѣваютъ люди божіи предъ своими моленьями, и восковыя свѣчи, какія они зажигаютъ въ началѣ радѣнья,—въ употребленіи и у некрещеныхъ черемисъ на ихъ моленьяхъ, особенно въ праздникъ новаго хлѣба (наремъ у кындинъ), или наканунѣ новаго года [2]).

Наконецъ крещеные, православные чуваши и мордва могли привнести въ богослуженіе людей божіихъ и свою долю молельныхъ обычаевъ; потому что и у тѣхъ, и у другихъ есть опять сходство въ моленьяхъ. Напр. извѣстно, что люди божіи, собравшись по обычаю въ одинъ домъ человѣкъ до 50 или болѣе, приносятъ съ собою хлѣбъ, чай, сахаръ, медъ, сласти или съѣстные припасы, изъ которыхъ варятъ обѣдъ, если моленье бываетъ утромъ, или ужинъ. Потомъ зажегши восковыя свѣчи начинаютъ свое моленье. Наконецъ, послѣ заключительной молитвы о благополучномъ возвращеніи по домамъ, всѣ садятся за столъ по мѣстамъ и угощаются обѣдомъ или ужиномъ.

Точно также бываютъ и у чувашъ и мордвы. Лепехинъ говоритъ: «многіе изъ крещеныхъ чувашъ и мордвы и понынѣ не оставляютъ нѣкоторый родъ своихъ богомольныхъ обрядовъ. Они, собравшись въ пространный домъ, вносятъ въ избу нарочно сдѣланный для то-

---

[1]) Вѣстникъ Географ. общ. 1859 г. ч. XXVI, II, стр. 100: описъ. глаз. в. уѣзда.

[2]) Вѣстникъ Геогр. общ. 1856 г. кн. IV, отд. I, стр. 282—289: о религіи некрещ. черем. каз. губ. протоіерея Вишневскаго.

го новый столъ, ставятъ на него хлѣбъ, соль, говядину, пиво, медъ и, засвѣтивъ передъ образомъ свѣчки, совершаютъ свое моленье. Старшій изъ сборища или іомзе—шаманъ, отошедъ къ дверямъ, кланяется и читаетъ свои молитвы; потомъ, подошедши къ столу, указываетъ рукою на все, что на столѣ поставлено, порознь. Повторивъ сей обрядъ разъ съ шесть, затворяютъ двери, садятся за столъ и ѣдятъ оную пищу» [1]) Какъ у людей божіихъ въ пророческое званіе избираются лица обоего пола, и потому бываютъ пророки и пророчицы,—такъ и у мордвы и у чувашъ—іомзя или ихъ пророки-шаманы тоже бываютъ обоего пола.

Наконецъ въ мистико-пантеистическомъ міросозерцаніи людей божіихъ и скопцовъ весьма ясно отразился фетишизмъ финско-славянскаго язычества, прикрытый только церковно-византійскимъ спиритуализмомъ. Скопцы представляютъ всю природу одухотворенною: къ небу, солнцу, звѣздамъ, лунѣ, землѣ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, лѣсамъ, звѣрямъ, и даже къ змѣямъ и червямъ, они также обращаются съ покаянной молитвой, какъ и къ ангеламъ, архангеламъ, херувимамъ, серафимамъ и всей небесной силѣ. Каждый новообращенный въ скопчество долженъ произносить на скопческомъ соборѣ, по ученію скопца-пророка, такое молитвенное заклинаніе: «Прости меня, Господи, пресвятая Богородица, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, и вся небесная сила; *прости небо, земля, солнце, луна, звѣзды, озера, рѣки, горы и всѣ стихіи небесныя и земныя*» [2]). Или: «прости меня, батюшка родимый, на кругѣ катающійся, *прости солнце и луна, небо и звѣзды, и матушка сырая земля, и пески и рѣки, и звѣри и лѣса, и змѣи и черви*» [3]). Такое отношеніе къ природѣ есть живой остатокъ языческаго финско-славянскаго міросозерцанія. Всѣ финскія племена также относятся къ физическому міру. Общее всѣмъ альпійскимъ народамъ вѣрованіе,—говоритъ Кастренъ,—рисуетъ себѣ силы природы, какъ существа жизнью и душою одаренныя; почти каждый предметъ, каждое

---

[1]) Дневн. зап. Леп. изд. 1793 г. ч. I, стр. 165 см. Пр. Саб. 1858 г. іюль. стр. 375—396.

[2]) О скопцахъ симбир. губ. г. Крыжина. Зап. Имп. р. Геогр. общ. по отд. этногр. ч. I, стр. 507,

[3]) Записки о скопцахъ Калужск. губ. св. А. Георгіевскаго, стр. 529.

явленіе въ природѣ оживлены такимъ существомъ. Духи деревъ, камней, гладкаго озера и тихаго ручья внемлютъ его молитвамъ и принимаютъ отъ него жертвы. Коли удастся ему расположить къ себѣ змѣю, медвѣдя, волка, лебедя, то и въ нихъ онъ имѣетъ вѣрныхъ хранителей, ибо въ нихъ сокрыты сильные дýхи. И есть много людей, особенно въ сѣверной Сибири, которые молятся предметамъ природы, въ ихъ матеріальномъ видѣ, и поклоняются имъ такъ же, какъ солнцу, небу, огню, водѣ и другимъ силамъ природы. Шаманы финскіе основываютъ все свое ученіе на томъ вѣрованіи, что вся природа населена духами, которые имѣютъ и доброе и злое вліяніе на всѣ людскія предпріятія. [1]) Такое же воззрѣніе на природу господствовало и у славянъ-язычниковъ: перуны, хорсы, дажбоги, русалки, дивы и проч. наполняли и одушевляли небо, солнце, мѣсяцъ и звѣзды, землю, воду, лѣса, и т. п. Даже въ христіанскія времена, какъ видно напр. изъ «слова отъ видѣнія Павла» солнце, мѣсяцъ и звѣзды, море и рѣки, земля и вообще вся природа представляются живыми существами, наблюдающими за нравственностью людей и угрожающими имъ за беззаконный блудъ, давленіе дѣтей, разбой, татьбу и всякія неправды. [2]) И вотъ это-то финско-славянское воззрѣніе на природу отразилось въ міросозерцаніи скопцовъ. Они повсюду въ природѣ видятъ живаго Бога, Духа Божія. «Батюшка царь небесный,—говорилъ намъ одинъ туруханскій скопецъ,—не велѣлъ намъ даже козявки раздавить: онъ вездѣ живой Богъ.» Отсюда проистекаютъ всѣ эти мистико-пантеистическіе символизмы, которыми характеризуются всѣ пѣсни людей божіихъ, воспѣвающихъ напр. сизыхъ голубей — скопцовъ, солнце красное-Селиванова и т. п. Въ частности, воззрѣніе скопцовъ на солнце, какъ на могучую, животворную, а для грѣшниковъ—грозную мать небесную, и на землю, какъ на такую же могучую мать землю, есть также остатокъ древне-языческаго, финско-славянскаго міровоззрѣнія. Новообращенный въ скопчество долженъ давать слѣдующее заклятіе, которое у скопцовъ называется присягою: «про сіе дѣло святое никому не провѣдывать ни отцу, ни матери, ни роду, ни племени; а буде провѣдаю, *не*

---

[1]) Vorlesung über die Finnisch Mytholog. s. 197—198: Götterbilder und heilige Naturgegenstände.

[2]) Буслаев. II, 127—128.

подержи меня, матушка сырая земля, не дай матушка-красное солнышко свѣту бѣлаго» [1]) Такое скопческое заклятіе солнцемъ и землею, очевидно, заимствовано изъ языческаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Славяне, въ язычествѣ, поклонялись солнцу, сначала какъ существу женскаго пола, какъ богинѣ, а потомъ какъ богу— хорсу, дажбогу, боготворили также *и святую землю*, олицетворяя, называли ее *матерью сырой землею*. Землѣ, какъ божеству, каялись и исповѣдывались. Въ одномъ духовномъ раскольничьемъ стихѣ поется:

Ужь какъ *каялся молодецъ сырой земли:*
«Ты покай, покай, матушка сыра земля!
Есть на душѣ три тяжки грѣха,
Да три тяжкіе грѣха, три великіе...»
Какъ спроговоритъ матушка сыра земля;
Въ первомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
Хоть бросилъ отца съ родной матерью,
Вгоды глупой былъ, да неразумный сынъ.
И въ другомъ грѣхѣ тебя Богъ проститъ,
Хоть и жилъ со кумой со хрестовой,
Хоть прижили отрока младого,—
Вгоды холостъ былъ, да неженатый человѣкъ.
А въ третьемъ-то грѣхѣ не могу простить,
Какъ убилъ въ полѣ братенку хрестоваго,
Порубилъ цѣловальница хрестоваго.» [2])

Всѣ финскія племена также боготворили и большею частію доселѣ боготворятъ солнце и землю: финны поклонялись солнцу, подъ именемъ Päivä, что значитъ солнце и богъ солнца [3]). Въ частности «мордва и чуваши, говоритъ Лепехинъ, солнце и луну не только за божества почитаютъ, но и приносятъ жертву солнцу, въ началѣ весны, когда хлѣбъ сѣютъ, а лунѣ въ новомѣсячье; мордва молилась солнцу: вышнее солнце свѣтитъ на все царство, сіяти и намъ и на нашъ міръ.» Енисейскіе остяки не только боготворятъ солнце, но и подобно скопцамъ, представляютъ его существомъ женскаго пола, матерью людей, или дѣвицей, раздѣляющей попо-

---

[1]) Ibid стр. 529.
[2]) Сборникъ дух. стих. сост. Варенцовымъ стр. 161.
[3]) Fin. Mytholog. s. 53 и слѣд.

ламъ съ небеснымъ богомъ, Ессомъ, управленіе міромъ. Точно также финскія племена боготворили, и боготворятъ большею частію досель, землю.

Удержавъ такое языческое, финско-славянское вѣрованье въ *святую мать сырую землю*, скопцы, подобно древне-русскимъ стригольникамъ, исповѣдуются землѣ и вѣрятъ, что мать сыра земля можетъ передавать тайны. Селивановъ говоритъ: «отъ нѣкоторыхъ дѣтушекъ слезы доходили ко мнѣ *по подземелью* въ Иркутскъ и обжигали мои ноги; я ихъ спрашивалъ, и они сказывали, чьи онѣ» [1]). Только тайны скопчества нельзя было исповѣдывать сырой землѣ. Новопришедшій въ скопчество давалъ клятву: «Дай Богъ мнѣ огонь и пламя, и кнутъ и Сибирь претерпѣть, сіе дѣло не отложить, чтобы ни кому, ни роду, ни племени, *ни сырой землѣ* не сказать» [2]).

Вѣрованье въ исповѣдь землѣ было и у славянъ, напр. у сербовъ и болгаръ. Такъ, въ сербской сказкѣ о Троянѣ совѣтуется одному мальчику, узнавшему тайну про Трояна: «ступай за-городъ въ поле, вырой яму, утки въ нее голову и трижды исповѣдуй свою тайну землѣ и потомъ закопай яму» [3]).

Самая апотеоза пророковъ, идея самозванства ихъ христами, богами-саваоѳами, проистекала изъ восточно-азіятскаго, чувственно-образнаго умонастроенія темной массы народа и была совершенно въ духѣ восточнаго, финско-славянскаго міросозерцанія. Во-первыхъ, антропоморфическая апотеоза людей, особенно *вѣщихъ*, каковы волхвы и богатыри, весьма обыкновенна какъ въ славянской, такъ въ особенности въ финской и даже отчасти въ татарской миѳологіи. По языческому вѣрованію восточныхъ славянъ, вѣрившихъ въ оборотней всякого рода, всякій великій волхвъ могъ «*сѣсть въ боги*,» и невѣгласи, т. е. невѣжды съ полной вѣрой баснословили даже въ XVII вѣкѣ, будто старшій сынъ миѳическаго Словена *сѣлъ въ боги*, сталъ богомъ — громомъ, перуномъ. Еще сильнѣе была вѣра въ вочеловѣченіе боговъ у восточныхъ, финскихъ племенъ, которые, крестясь и русѣя, вносили съ собой эту вѣру и въ массу православнаго русскаго народа. Всѣ боги финской Калевалы, въ позднѣйшихъ народныхъ

---

[1]) Посл. 85

[2]) О скопцахъ А. Георгіевскаго, 529.

[3]) Бусл. 1, 386.

представленіяхъ, сходятъ на землю и принимаютъ образъ человѣческій. Не чужда идея вочеловѣченія боговъ и турко-татарскимъ племенамъ, по крайней мѣрѣ, сибирскимъ татарамъ. Такъ, по представленію послѣднихъ, ихъ божественный духъ айна (Aina) часто принимаетъ на себя образъ человѣка [1]). Словомъ вочеловѣченіе боговъ и обоготвореніе людей самая обыкновенная идея въ восточной миѳологіи [2]). И вотъ, когда восточныя финскія племена стали мало-по-малу принимать христіанскую вѣру и путемъ постепеннаго физіологическаго смѣшенія входить въ составъ славяно-русской народности,—они внесли эту антропоморфическую идею вочеловѣченія боговъ и обоготворенія людей и въ свое новое міросозерцаніе. Подъ вліяніемъ церковно-византійскаго книжнаго ученія, финско-славянская идея миѳической апотеозы выдававшихся надъ толпой вліяніемъ и подвигами людей, получила новое, высшее развитіе. Народный стихъ о Егоріѣ храбромъ, прикрытый канвой церковно-византійскаго сказанія о Георгіѣ побѣдоносцѣ, въ различныхъ варіантахъ, является постепеннымъ историко-литературнымъ развитіемъ и выраженіемъ той идеи, какая потомъ выразилась, въ своемъ окончательномъ проявленіи, въ духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ людей божіихъ и скопцовъ о «пророкѣ надъ пророками»—Селивановѣ. Въ одномъ варіантѣ, представляющемъ самую древнюю, языческую формацію народнаго міросозерцанія, стихъ о Егоріѣ храбромъ, подъ обликомъ христіанскаго святаго Георгія побѣдоносца, воспѣваетъ миѳическаго божественнаго богатыря, творца міра, устроителя финско-русской-земли, подобнаго финскому вѣщему Вейнемейнену. Какъ финскій Вейнемейненъ, по изображенію руны Калевалы, передѣлываетъ природу своими чарами, такъ и Егорій храбрый устроялъ финско-русскую землю силою своихъ вѣщихъ словъ:

Вы лѣсы, лѣсы дремучіе!
Зароститеся вы, лѣсы,
По всей землѣ свѣтло-русской....
Ой—вы—еси, рѣки быстрыя,

---

[1]) Кастренъ, 303.

[2]) Ibidem 307—300. Nichts ist auch—замѣчаетъ Кастренъ,—in den heidnischen Religionsformen gewöhnlicher, als das die Götter so ungestaltet und Menschen werden.... Noch mehr Roweise für das Menschwerden der Götter liefert uns der Orient.

Рѣки быстрыя, текучія!
Потеките вы, рѣки, по всей землѣ,
По всей землѣ свѣтло-русской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По темнымъ лѣсамъ, по дремучімъ...

Во второмъ варіантѣ, стихъ о Егоріѣ храбромъ изображаетъ этого христіанскаго героя въ образѣ просвѣтителя финско-русской земли и искупителя ея отъ татарскаго ига, и такимъ образомъ представляетъ уже готовою, созрѣвшею ту идею апотеозы, какая потомъ выразилась въ апотеозѣ Селиванова. Егорій храбрый говоритъ:

Ой—все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ка врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта-храбраго!
Пріѣхалъ Егорій свѣтъ-храбрый,
Пріѣхалъ къ горамъ высокімъ:
Полноте-ко, горы, врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго...
Охъ ты, птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей...
Охъ ты, мечъ, мечъ самосѣкъ,
Ссѣки буйну голову у татаровей.

Наконецъ, въ третьемъ варіантѣ, Егорій храбрый изображается уже въ стихѣ, какъ Селивановъ, искупителемъ женщинъ отъ ига татарскаго гарема и очистителемъ отатарившихся русскихъ женщинъ. И надобно замѣтить, что этотъ варіантъ стиха записанъ г. Максимовымъ въ орловской губерніи, близъ того села, гдѣ, по нѣкоторымъ сказаніямъ, была родина Селиванова. Въ этомъ стихѣ Егорій говоритъ:

Пойду я къ бусурманищу,
Да стану за вѣру христіанскую.
Тамъ стада пасли красныя дѣвицы,
Краснымъ дѣвицамъ Егорій проглаголуетъ:
Вы сойдитесь-ко на Кіянъ-море,
Вы обмойте шерсть бусурманскую,
На васъ станутъ тѣла христіанскія,

А вѣруйте самому Христу, Царю небесному,
Еще матери Богородицѣ.

И Селивановъ пошелъ, какъ увидимъ дальше, на востокъ и даже къ туркамъ и татарамъ—пошелъ проповѣдывать свою *чистоту*.

Далѣе при восточномъ, чувственно-образномъ умонастроеніи, вслѣдствіе тысячелѣтняго непосредственно-натуральнаго воспитанія однихъ внѣшнихъ чувствъ, безъ всякаго развитія высшей, теоретической мыслительности, — финско-русскій умъ никакъ не могъ возвыситься до отвлеченной, метафизической идеи божества, безъ непосредственно-натуральнаго, чувственнаго видѣнія его лицомъ къ лицу, или въ какомъ либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ. «Самоѣды и другіе алтайскіе, финскіе народы, говоритъ Кастренъ, считаютъ даже безполезнымъ возсылать молитвы къ небеснымъ и другимъ могущественнымъ богамъ потому, что они далеко, далеко живутъ отъ людей, невидимы, неосязаемы и неприступны. Поэтому они обыкновенно просятъ шамановъ—воплотить, изобразить имъ невидимаго, отвлеченнаго небеснаго Бога въ какомъ либо видимомъ, осязаемомъ, чувственномъ образѣ, сдѣланномъ изъ дерева или камня, большею частію въ антропоморфической формѣ, на подобіе фигуры человѣка. Шаманы, въ свою очередь, вопрошаютъ боговъ или духовъ небесныхъ, въ какой формѣ имъ угодно народное богопочитаніе, изъ какого дерева долженъ быть сдѣланъ антропоморфическій образъ ихъ, изъ какой кожи должна быть сшита на нихъ одежда и проч. Боги или духи вселяются въ шамана и возвѣщаютъ ему, въ какой формѣ или въ какомъ образѣ угодно имъ воплотиться и принимать народное моленіе [1]). Этого мало: по представленію финскихъ племенъ, когда люди не знаютъ никакой вѣры, Богъ самъ долженъ явиться имъ въ какомъ нибудь видимомъ и осязаемомъ образѣ, чтобы имъ наглядно, во-очію *увидѣть*, кому имъ молиться, и отъ собственнаго голоса божія *услышать*, какъ или какія совершать ему моленья, обряды и жертвы. По одной черемисской легендѣ, когда умно-

[1]) Kastren's Finnisch. Mytholog. III, s. 193—236: Sotterbilder und Heilige Natur gegenstände. Здѣсь Кастренъ подробно раскрываетъ это восточное, чувственно-образное умонастроеніе финскихъ племенъ. Смот. особ s. 193—196, 215, 227, 229 и другіе

жились люди на землѣ, раздѣлились на племена и не знали, кому и какъ имъ молиться, — то родоначальники племенъ собрались на одно мѣсто, и передъ ними явился въ видимомъ образѣ юма—*сѣдой богъ* или *набольшій* и лично роздалъ разныя вѣры, показавъ, какому племени какъ вѣровать и молиться юмѣ. Родоначальникъ черемисскаго племени опоздалъ явиться за вѣрой на мѣсто собранія своихъ собратій и мучился вопросомъ: кому же ему вѣровать? Встрѣтился ему родоначальникъ другого племени и возвѣстилъ, что юма уже показалъ и роздалъ вѣры. «Такъ какой же мнѣ держаться вѣры»? спросилъ съ изумленіемъ родоначальникъ черемисскій. Тогда явился ему въ чистомъ полѣ, въ видѣ селезня, слетѣвшаго съ березы, кереметь, меньшій братъ юмы. «Мнѣ кланяйся! Самъ юма велѣлъ тебѣ кланяться мнѣ»,—такъ сказалъ кереметь родоначальнику черемисъ. И съ тѣхъ поръ черемисы молятся кереметю, въ чистыхъ мѣстахъ, въ рощахъ, у деревъ, приносятъ въ жертву утокъ и гусей, и береза, у которой явился кереметь, имѣетъ священное употребленіе при жертвоприношеніяхъ [1]). Вотъ точно также возникла и въ финско-русской массѣ нашего народа вѣра въ высшихъ духовъ людей божіихъ. Когда расколъ возвѣстилъ, что истинная вѣра погибла на землѣ и, растерявшись въ сотнѣ толковъ, дошелъ до нѣтовщины, до отчаянія и недоумѣнія, какъ найти истинную вѣру, когда было, по выраженію одного духовнаго писателя,—«что мужикъ—то вѣра, что баба, — то толкъ», тогда въ темной, неразвитой, двоевѣрной финско-русской массѣ православнаго великорусскаго народа, по старому преданью, многимъ стала приходить въ голову мысль—молить чрезъ лучшихъ выборныхъ людей самого Бога, чтобы онъ, подобно тому, какъ юма явился родоначальникамъ разныхъ финскихъ племенъ для показанія вѣръ, также явился имъ видимымъ образомъ и показалъ во-очію, наглядно, кому и какъ вѣровать и молиться. И вотъ, дѣйствительно, «изъ тѣхъ людей нашлись люди умные», и стали объ этомъ молить Бога.

И вотъ пользуясь такимъ чувственно-образнымъ и легковѣрнымъ умонастроеніемъ темной, полуязыческой массы народной, какой нибудь корыстолюбивый расколоучитель—волхвъ и чародѣй объявлялъ себя мессіей, посланникомъ свыше. И полуязыческая финско-русская

[1]) Вѣстникъ Географ. общества 1848 г. ч. XVII, от. I, стр. 283.

масса православнаго и раскольничьяго населенія легкомысленно и простодушно вѣрила, что дѣйствительно Богъ внялъ моленью «умныхъ людей» и явилъ себя, вмѣсто креста или образа, въ живомъ, видимомъ и ощущаемомъ образѣ человѣка. И тѣмъ легче эта темная масса могла поддаться такому антропоморфизму, что для нея еще не кончился миѳологическій періодъ міросозерцанія. Въ славяно-русскомъ язычествѣ антропоморфизмъ только-что началъ развиваться, и выразился въ поклоненіи идоламъ, потомъ незамѣтно смѣшался съ полу-христіанскими вѣрованіями. По грубому, чувственно-образному умонастроенію, не только чувашину или мордвину, а и многимъ кореннымъ русскимъ православнымъ людямъ казалось лучше и удобнѣе облекать свои религіозныя понятія въ живыхъ лицахъ и образахъ, чѣмъ созерцать ихъ въ отвлеченномъ богомысліи и вѣрованіи. При вѣковомъ воспитаніи однихъ внѣшнихъ чувствъ, подъ вліяніемъ непосредственныхъ предметныхъ впечатлѣній природы, при крайней неразвитости отвлеченнаго и теоретическаго мышленія, это міровоззрѣніе имѣло глубокое вліяніе на нравственное воспитаніе сектъ. Достаточно было самаго нелѣпаго и изувѣрскаго ученія, обставленнаго чувственными представленіями, возбуждавшими дикое воображеніе массы, чтобы увлечь ее на путь сектаторской пропаганды. Вслѣдствіе этого вѣковаго воспитанія народа, и въ сектѣ людей божіихъ и скопцовъ этотъ восточный умственный складъ до того отпечатлѣлся, что и они все невидимое, небесное стали воплощать въ видимыя, земныя формы, или, какъ они выражаются, *показывать въ натурѣ*.

И надобно замѣтить, что вся внѣшняя, чувственно-образная обстановка и обаятельность скопческихъ радѣній невольно увлекала и экзальтировала массу. Радѣнья скопческія, хороводныя и круговыя, скорѣе похожи были на торжественныя народныя игрища, или на театральныя народныя представленія, чѣмъ на богослуженіе. Представьте, напр., соборное радѣнье, какое бывало до 50-хъ годовъ въ г. Алатырѣ, въ домѣ тамошнихъ знаменитыхъ пропагандистовъ и меценатовъ скопчества, мѣщанъ Милютинскихъ. За заставой города, среди огромнаго и густого сада, за высокимъ и глухимъ заборомъ, въ большемъ молельномъ домѣ собирались, напр., въ ночь на первый день пасхи или сошествія св Духа, болѣе 100 мужчинъ и женщинъ. Чинно, благоговѣйно собравшись въ соборную

моленную, тихо, молчаливо разсаживались люди божіи по диванамъ, по обѣимъ сторонамъ молельной комнаты. Всѣ они въ бѣлой одеждѣ: мужчины въ бѣлыхъ длинныхъ рубашкахъ садились съ одной стороны, а съ другой стороны садились женщины въ бѣлыхъ носкахъ, въ ситцевыхъ платьяхъ или сарафанахъ и бѣлыхъ рукавахъ, покрываясь большимъ бѣлымъ платкомъ. Наконецъ, когда всѣ усаживались и водворялась благоговѣйная тишина,—торжественно входилъ на соборъ самъ Милютинскій съ дочерью, а на другихъ скопческихъ соборахъ — пророкъ. Расположившись въ переднемъ углу, на высокомъ подмосткѣ, на креслѣ, — Милютинскій привѣтствовалъ наклоненіемъ головы все собраніе скопцовъ, которые вставъ съ своихъ мѣстъ и обращаясь лицомъ къ Милютинскому, низко кланялись ему. Спустя нѣсколько минутъ, по знаку Милютинскаго, все собраніе скопцовъ начинало пѣть: «Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣнымъ ковчегомъ скакаше играя: людіе же божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесилепъ.» Послѣ этого общій хоръ заунывно тянулъ начальную скопческую пѣсню:

Отъ бѣлой зари, съ утра ранняго,
Отъ востока, отъ Иркутскова,
Выкатало къ намъ наше солнышко,
Красно солнышко, сударь-батюшко,
Сударь-батюшко, Кондратій-свѣтъ!... и т. д.

Заунывный, но торжественный напѣвъ этой пѣсни приводилъ сборище въ восторженное состояніе; начинались пляски, и пѣсни хоровыя не умолкали, и т. д. [1]).

Возникши главнымъ образомъ на почвѣ народной финско-славянской, а не церковно-византійской, какъ поповщина и безпоповщина поморская, ѳедосѣевская и проч., община людей божіихъ приняла въ себя и нѣкоторыя другія этнологическія вліянія и оттѣнки, кромѣ великорусско-славянскаго и финскаго. Кромѣ финскихъ племенъ, славяно-русское племя смѣшивалось еще мало-по-малу съ турко-татарскими племенами. Татары не только наполняли казанское и астраханское поволжье, Крымъ, большую часть восточнаго при-

---

[1]) См подробности въ статьѣ г. Крыжина о симбирск. скопцахъ и въ Пр. Собесѣд. объ обществѣ людей божіихъ.

уралья и пр., но и входили въ составъ населенія многихъ великорусскихъ городовъ и уѣздовъ, особенно въ области рѣчной системы Оки, Волги, Дона и Камы [1]). Множество мурзъ и «рядовыхъ татаръ» находилось въ русской службѣ: татарами наполнены были полки солдатъ и стрѣльцовъ [2]). Татары были у русскихъ въ рабахъ [3]). Не мало находилось среди русскаго населенія и турокъ. Военно-плѣнные турки водворялись цѣлыми колоніями, какъ напр. въ 1788—1791 и 1809—1812 годахъ существовала колонія турецкихъ военно-плѣнныхъ между Дмитріевскомъ и Христофоровкою въ херсонской губерніи [4]). Съ другой стороны, русскіе селились между татарами, въ татарскихъ деревняхъ, какъ напр. въ свіяжскомъ уѣздѣ въ с. Багаево, Арасланово, Б. Меми и многихъ другихъ [5]). Вслѣдствіе такого сближенія русскаго народа съ туркотатарскимъ племенемъ, происходили между ними и взаимная физіологическая помѣсь и умственное общеніе. Въ Сибири русскіе служилые и жилецкіе люди, сжившись съ татарами, забывали правила православной вѣры, во всемъ сообщались съ татарами и съ некрещеными татарками жили, какъ съ законными женами [6]). Особенно въ южно-русскомъ казачествѣ много было примѣси татарской и турецкой крови. О донскихъ казакахъ еще Кошихинъ замѣтилъ: «люди они породой москвичи и новокрещеные татары» [7]). «Донскіе казаки доставали себѣ женъ, — говоритъ Георгій, — по татарскому обычаю, увозомъ отъ своихъ сосѣдей —

---

[1]) Наприм. въ 1678—1681 г. въ касимовскомъ уѣздѣ было «за новокрещеными и за мурзами и за татарами 350 дворовъ; въ шацкомъ уѣздѣ за новокрещеными 49 дворовъ, за мурзами и татарами 385 дворовъ; въ инсарскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 76 дворовъ; въ арзамасскомъ уѣздѣ за мурзами и князьями татарскими 229 дворовъ; въ керенскомъ уѣздѣ за мурзами и татарами 177 дворовъ; въ кадомскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 46, за мурзами и татарами 642 дв.; въ темниковскомъ уѣздѣ за мещеряками и новокрещеными 34 дв.; за мурзами и татарами 1061 дворъ; въ саранскомъ уѣздѣ за новокрещ. мурзами и татарами 42 дв. Доп. у А. И. VIII стр. 129—130.

[2]) Ibidem стр. 32.

[3]) Коллинсъ 11.

[4]) Вѣстн. Геогр. Общ. 1859 г. ч. 26, ст. V, стр. 59.

[5]) Казанской губ. 476.

[6]) Собр. Гос. Грам. III, № 60.

[7]) Кошихинъ, IX, 7.

татаръ, смѣшивались съ послѣдними и составили одно общество. Большая часть донскихъ казаковъ имѣютъ видъ смѣшанный съ русскимъ и татарскимъ, безъ сомнѣнія отъ матерей или праматерей татарокъ» [1]). Смѣшиваясь такимъ образомъ съ славяно-русскимъ племенемъ, турки и татары принимали православную христіанскую вѣру и русѣли [2]). Съ другой стороны, и многіе русскіе, смѣшиваясь съ турками и татарами, принимали магометанскую вѣру. Въ восточныхъ провинціяхъ московскаго государства, нѣкоторые русскіе, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями своихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру [3]). Многіе, по татарскому обычаю, увлекались многоженствомъ, имѣли по двѣ жены или вновь женились при жизни первыхъ женъ, держали наложницъ [4]). А казанскіе раскольники, живущіе среди татаръ и невольно подвергающіеся ихъ вліянію, заводили у себя даже татарскіе или турецкіе гаремы: «У зажиточныхъ раскольниковъ,—говоритъ г. Лаптевъ въ описаніи казанской губерніи,—на задахъ избъ, на дворахъ или огородахъ, ставятся особыя кельи для сбора женщинъ и молодыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ грамотныя читаютъ въ праздники духовныя книги. У очень зажиточныхъ раскольниковъ изъ такихъ келій *образуются просто гаремы*, гдѣ происходятъ часто оргіи, куда зазываютъ народъ для кутежа и совращенія въ расколъ. У поморцевъ въ Казани предводитель секты имѣлъ молельную въ зданіи бывшаго стекольнаго завода. Тутъ у него содержалось много молодыхъ дѣвицъ, подъ названіемъ келейницъ, и здѣсь же творились раскольничьи оргіи, напр. мужчины и женщины собирались въ одной общей темной банѣ и въ потьмахъ, не разбирая кровнаго родства, братъ сходился съ сестрой, отецъ съ дочерью... Заведеніе это закрыто, но, по всей вѣроятности, тайно существуютъ другія, имѣющія подобный характеръ» [5]). Множество раскольниковъ, особенно гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ бѣжали въ Турцію. «Многіе изъ раскольни-

---

[1]) Опис. народ. 1799, и IV, 200—201.

[2]) Доп. VIII, № 89; акты, относ. до обращен. въ христ. вѣру татаръ.

[3]) А. Э. 1, 438.

[4]) Р, Дост. 91, А. И. III, 43. А. А. Э. IV, ст. 62, 146, 492, 498. П. С. З. 1, стр. 254. Грам. и акты рязан. губ., стр. 131. Древн. Россійск. Вивліоѳ. ч. XV, стр. 384 - 336.

[5]) Матеріалы для стаст. и географ. каз. губ. стр. 471.

ковъ, — какъ гласитъ докладъ сената 1737 года, — великимъ числомъ людей ушедъ въ турецкую границу, живутъ тамъ, и понынѣ другимъ въ пристанище служатъ» [1]). И вотъ изъ этихъ-то турко-татарскихъ родовъ русскаго населенія, или изъ отуречившихся русскихъ раскольниковъ, выходили «*турчанины родомъ*» и, пользуясь, для своего обогащенія, простотой и невѣжествомъ необразованнаго народа, особенно той массы православнаго народа, которая представляла новокрещеную смѣсь турко-татарскаго и финскаго племени, они еще объявляли себя пророками, на подобіе Магомета, пророками-саваоѳами и христами. Если не о первомъ, то объ одномъ изъ самыхъ первыхъ пророковъ-христовъ людей божіихъ, св. Димитрій Ростовскій замѣчаетъ: «*сказуютъ того лжехриста родомъ быти турчанина*» [2]). И есть другое достовѣрное свидѣтельство, что русско-турецкіе раскольники изъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, проживающіе въ турецкихъ владѣніяхъ, имѣли большое вліяніе на секту людей божіихъ и хлыстовъ. Именно, въ показаніи одной лжебогородицы людей божіихъ, Анны Ѳедоровой Скочковой, крестьянки николаевскаго уѣзда, самарской губерніи, записанномъ въ 1828 г. священникомъ саратовскаго тюремнаго замка Вазерскимъ, сказано: «секта хлыстовъ происходитъ отъ гребенскихъ или запорожскихъ казаковъ, жившихъ въ Россіи, и послѣ бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля сей секты въ видѣ христа, отъ него получаютъ себѣ всѣ нужныя книги. Когда нужно имъ избрать богородицу и пророка-богомольщика, то они, утвердивъ избраніе своеручнымъ подписаніемъ, посылаютъ съ нимъ помощника къ настоятелю. Тамъ пророкъ живетъ годъ и болѣе для узнанія обрядовъ, дознанія въ поведеніи и твердости въ вѣрѣ. Послѣ настоятель, утвердивъ сей приговоръ, посылаетъ съ помощникомъ предписаніе, а богородицѣ-богомольницѣ сорочку и вербу... Потомъ, избравъ другую, которая навсегда должна быть дѣва непорочная, благообразной наружности и лучшаго ума, опять тѣмъ же порядкомъ посылаютъ предписанія, сорочку и вербу. Сія Анна Ѳедоровна отъ настоятеля турецкаго имѣла предписаніе, сорочку и вербу. Сверхъ сего ей была послана отъ него въ даръ книжка, похожая на

[1]) П. С. З. т. IX, № 6802, стр. 574.

[2]) Розыскъ ч. III, гл. XVIII въ ст. о христовщинѣ.

молитвенникъ, печатанная отъ правой руки къ лѣвой, красными буквами» [1]). Подъ вліяніемъ такихъ-то «*турчанинов*ъ *родомъ*» или турецкихъ раскольниковъ, гребенскихъ и запорожскихъ казаковъ, — секта людей божіихъ и хлыстовъ, въ южной и юговосточной украйнѣ Россіи, получила сначала довольно явственный турко-татарско-казачій оттѣнокъ. Въ составъ ея общества вошло не мало турецкихъ и татарскихъ родовъ казаковъ запорожскихъ и донскихъ; потому что эти казаки, изъ среды которыхъ вышли и турецкіе хлысты, были большею частію турецкаго и татарскаго происхожденія. «Черкасы, или запорожцы,—говоритъ Коллинсъ,—татарскаго племени» [2]). «Въ донской казачій родъ,—говоритъ г. Котельниковъ въ историч. запискѣ о куртоярской станицѣ, — вошли нѣкоторыя калмыцкія, *татарскія*, греческія и *турецкія* племена и чрезъ смѣшеніе измѣнились въ русскій родъ» [3]). На такой турко-татарской этнологической почвѣ казачества, легко было съ особеннымъ успѣхомъ привиться сектѣ турецкихъ раскольниковъ — бѣглыхъ единоплеменниковъ запорожскихъ, гребенскихъ и донскихъ казаковъ.

Вслѣдствіе такого развитія, на турко-татарской этнологической почвѣ казачества, — въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ сначала весьма замѣтно отразился оттѣнокъ запорожско-казачьихъ привычекъ и восточнаго гарема. Запорожскіе казаки, по свидѣтельству Коллинса, страстно преданы были плескамъ, колдовству, которымъ занимались у нихъ и женщины высшаго сословія, и управлялись избранными ими самими полковниками.

И вотъ все это перенесено было ими и въ секту людей божіихъ и хлыстовъ,—а званіе полковниковъ усвоено предводителямъ-пророкамъ людей божіихъ; какъ видно, напр., изъ словъ пѣсни людей божіихъ: «какъ и сталъ онъ *полковникъ* полковой, *красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать*. Казачьи роды и круги обратились въ религіозно-коммунистическіе гаремы—въ круги и радѣнья людей божіихъ. Вообще, возникши отъ «турчанинов*ъ* родомъ» и отъ турецкихъ раскольниковъ татарскаго, запорожскаго и гребенскаго рода, секта людей божіихъ до Селиванова вовсе не имѣла печати скоп-

---

[1]) Прав. соб. 1858 г. марта 362—363.
[2]) Коллинсъ 12.

чества, а напротивъ скорѣе была религіозной пропагандой восточной, гаремной общины. До Селиванова, она вполнѣ представляла религіозно-оргическій, восточный, гаремный коммунизмъ. Самъ первый лжепророкъ «турчанинъ родомъ», по словамъ Св. Димитрія Ростовскаго, «водилъ съ собою дѣвицу краснолицу, родомъ русскую,» и 12 учениковъ ходили по селамъ и деревнямъ и преимущественно увлекали въ его сборище бабъ [1]). Въ донесеніи петербургской слѣдственной комиссіи 1734 года, по поводу открытія гаремныхъ сборищъ людей божіихъ, сказано: «послѣ богослужебныхъ собраній, гдѣ происходили пляски, еретики рѣдко расходились по своимъ домамъ, обыкновенно же ночевали въ домахъ этихъ собраній, въ которыхъ устроено было множество кроватей для приходившихъ на моленье: здѣсь мужчины и женщины предавались гнусному разврату» [2]). По словамъ Селиванова, родоначальника скопцовъ, до него люди божіи страстно занимались *женскою лѣпостью*, т. е. увлекались женской красотой. «Ходилъ я,—говоритъ онъ,—по всѣмъ кораблямъ и поглядѣлъ, по всѣ женскою лѣпостью перевязаны, то и паровятъ только, чтобы съ сестрой въ одномъ мѣстѣ посидѣть» [3]) Какъ всѣ татарскія стихотворенія, мюрребы или четырехстишія, всѣ татарскія пѣсни имѣютъ темой женщинъ и любовь, такъ и многія пѣсни людей божіихъ дышутъ подобными мотивами.

И послѣ, когда Селивановъ возсталъ противъ гаремныхъ соборовъ людей божіихъ и, по словамъ скопческой пѣсни, самъ сталъ онъ «полковникъ полковой красныхъ дѣвушекъ полкомъ полковать»,—старый, турко татарско-казачій гаремный отпечатокъ все-таки сохранился на соборахъ и радѣньяхъ людей божіихъ и скопцовъ. Такъ называемый свальный грѣхъ, по общему сознанію самихъ людей божіихъ, совершался почти на всѣхъ радѣньяхъ; въ нѣкоторыхъ кораблях свальный грѣхъ бываетъ почти на каждомъ чрезвычайномъ собраніи» [4]). Всякій разъ, какъ людямъ божіимъ удается обратить въ свою секту напр. 15 или 16-лѣтнюю дѣвушку,—такъ бываетъ на радѣньи и свальный грѣхъ. Дѣвицу сажаютъ на возвышенное

---

[1]) Розыскъ ч. III гл. XVIII, стр. 599.
[2]) П. С. З. IX, № 6613.
[3]) Посл. 79.
[4]) Объ обществѣ людей божіихъ въ Правосл. Собесѣдн. стр 405.

мѣсто, для нея особенно устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: «поплясохомъ, покатохомъ на сіонскую гору». Пляска дѣлается живѣе и живѣе, и скоро переходитъ въ истое бѣшенство; вдругъ свѣчи гаснутъ, и начинается та сцена, которая называется свальнымъ грѣхомъ. Именно, послѣ бѣшеной пляски, люди божіи, погасивши свѣчи, валятся на полъ и любодѣйствуютъ, не разбирая ни возраста, ни родства [1]), или, по словамъ одной пѣсни скопцовъ, «отъ страстей на бокъ валятся». Пѣсни строгихъ селивановцевъ-скопцовъ исполнены жалобъ на то, что люди божіи и послѣ Селиванова сильно предавались «женской лѣпости». Напр. въ одной пѣснѣ поется:

У насъ батюшки не стало
И теплота у насъ отстала.
А духъ на кругѣ возвѣщаетъ
Чрезъ пророчески уста:
Избранные мои дѣти....
Приказъ мой не исполнили
И чистоту свою замарали,
Слабость, *лѣпость* возлюбили,
Вы во внѣшности всегда жили,
И плотямъ своимъ уважали, и проч.

И кромѣ гаремнаго разврата, въ сектѣ людей божіихъ и хлыстовъ, подъ вліяніемъ учителей ея, «турчаниновъ родомъ» и турецкихъ выходцевъ запорожскихъ казаковъ,—выразились и другіе турко-татарскіе оттѣнки. Основные догматы Корана: *вѣра въ пророковъ*, которыхъ у магометанъ считается болѣе 100,000, и *вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу* вполнѣ согласовались и съ вѣрой людей божіихъ и скопцовъ въ своихъ пророковъ и въ такъ называемую *общую и частную судьбу*. Какъ у магометанъ вѣра въ судьбу создала болѣе 100,000 пророковъ, — такъ и у людей божіихъ вѣра въ рокъ, желаніе знать общую и частную судьбу вызвали сотни пророковъ и пророчицъ. «Што рокъ—то пророкъ,»—такъ гласитъ одна бѣлорусская пословица. Далѣе, до Селиванова, люди божіи на своихъ соборахъ, по его словамъ, по татарски — «*не ходили*». Наконецъ, самая идея скопчества, эта дикая, варварская, анти-физіологическая

[1]) Объ обществѣ людей божіихъ. Прав. Собѣседн. стр. 405—406.

идея, вредная вездѣ, а тѣмъ болѣе въ холодномъ сѣверномъ климатѣ, — эта идея занесена въ Россію и заронена въ голову людей, подобныхъ Селиванову, съ востока, изъ Турціи. Природная родина скопчества тамъ, на востокѣ, гдѣ и родина полигаміи, многоженства. Скопчество и на востокѣ явилось, какъ фанатическая реакція, опозиція противъ восточнаго любострастія, многоженства и наложничества. Подъ вліяніемъ востока, и въ Греціи и Римѣ, во времена язычества, въ противоположность апотеозѣ фаллоса и поклоненію венерѣ, возникло восточно-евнушеское служеніе богинѣ цибеллѣ. Въ Греціи и Болгаріи, въ противоположность турецкому многоженству и гарему, скопчество особенно стало развиваться съ XIV в., какъ видно изъ житія Ѳеодосія терновскаго, писаннаго константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ. [1]) Изъ Турціи и Греціи идея религіознаго скопчества занесена въ Россію главнымъ образомъ отуречившимися или «турчанинами родомъ» — запорожскими и гребенскими казаками, жившими въ Турціи. И она привилась тѣмъ легче, что, по восточному умонастроенію финско-русскаго народа требовалось, какъ мы видѣли, чтобъ *все было показано въ натурѣ*, — чтобъ для нравственнаго самоусовершенствованія отсѣкать грѣхъ, такъ сказать, *въ натурѣ же*, наглядным и ощутительнымъ образомъ,» вмѣсто того, чтобы вдаваться въ отвлеченныя толкованія о самоотверженіи, самовоздержаніи и пр. И вотъ, когда одинъ изъ первыхъ лжепророковъ, и «турчанинъ родомъ» и многіе турецкіе расколоучители изъ запорожскихъ или гребенскихъ казаковъ водворили на соборахъ людей божіихъ восточно-турецкій гаремъ, — тогда, напротивъ, Кондратій Селивановъ, крестьянинъ орловской губерніи, пошелъ распространять въ людяхъ божіихъ восточно-турецкое евнушество, скопчество. И Селивановъ, поэтому, является преобразователемъ, обновителемъ секты людей божіихъ и хлыстовъ. Онъ возсталъ противъ «женской лѣпости» — противъ турко-татарскаго гаремнаго любострастія и основалъ новую скопческую секту. Скопчество, такимъ образомъ, является какъ бы реакціей или опозиціей противъ турко-татарскаго гаремнаго характера, какой приняли было соборы людей божіихъ до Селиванова. И Селива-

[1]) 1354—1364 г. Чт. М. общ. исторіи 1860 г. 1, матеріал. глав. 1—12.

новъ покушался распространить его не только въ русскомъ народѣ, но и по всему востоку и между татарами. Татарское многоженство онъ постоянно называлъ *зміемъ лютымъ*, подобно тому, какъ въ одной древне-русской богатырской былинѣ вся татарская орда изображалась подъ образомъ *змѣя Тугарина* [1]) Селивановъ далъ себѣ задачей, идучи въ Иркутскъ, «побѣдить на востокѣ змѣя лютова, поѣдающа всѣхъ на пути идущихъ на востокъ людей божіихъ и стать во главѣ разныхъ народовъ и племенъ.» [2]) И дѣйствительно, послѣдователи Селиванова успѣли распространить скопчество и между нѣкоторыми татарами. Поэтому, когда Селивановъ, на пути въ Сибирь, сталъ было раскаяваться въ томъ, что оскопилъ многихъ, и въ томъ числѣ татаръ, — одинъ сибирскій татаринъ или турокъ сильно озлобился на него за то, что онъ скопилъ и ихъ татаръ, и турокъ. «Ѣхавши я дорогою,—говоритъ Селивановъ,— и помыслилъ: напрасно я людей скоплялъ, оскопилъ бы я самъ себя, и спасалъ бы душу! Гдѣ ни взялся турка, схватилъ съ моей головы престолъ и внесъ въ канаву, и за нимъ гнаться и говорю: «Отдай, турка, да отдай же! а если не отдашь, то *разорю всю мѣпость* на землѣ, и мѣста ей нигдѣ не дамъ, и голову срублю. Тогда турка взялъ, самъ на голову мою надѣлъ и сказалъ: на вотъ, *только насъ не трогай*. [3]) Но всего болѣе Селивановъ старался искоренить турко-татарскій гаремъ и «женскую лѣпость на соборахъ и корабляхъ людей божіихъ.» Такое возстаніе Селиванова противъ *мѣпости женской* и противъ *старыхъ учителей и пророковъ* сначала сильно вооружило противъ него всѣхъ людей божіихъ. Въ темныхъ массахъ народа зашевелилось чувство недовѣрія къ нововводителю, и затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ гоненій, которыя въ концѣ концовъ придали Селиванову значеніе гонимаго учителя. Но о гоненіяхъ Селиванова мы поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

А. Щаповъ.

---

[1]) Бусл I, 11.
[2]) Посл 86.
[3]) Посл. 82.

ТКАЧЪ И ПАУКЪ.

(съ французскаго)

Въ холодномъ и темномъ подвалѣ
Могильною сыростью вѣетъ,
По лѣстницѣ гладкой и скользкой
И плесень и мохъ зеленѣютъ;
На сводахъ сквозь сѣрыя плиты
Вода, словно слезы, сочится,
То падаетъ каплей тяжелой,
То змѣйкой по стѣнамъ струится.
Въ окно съ обветшалою рамой
Лишь трепетный лучъ проникаетъ,
И тусклымъ мерцающимъ свѣтомъ
Убогій подвалъ озаряетъ.
У рамы паукъ пріютился.
Съ зари, когда солнце восходитъ,
Трудясь до ночи глубокой,
Онъ длинныя нити выводитъ,

И бѣгая взадъ и впередъ,
Онъ хитрую сѣтку плететъ.

Но вдругъ, словно чѣмъ-то испуганъ,
Работу паукъ прерываетъ,
И въ уголъ далекій подвала
Онъ взглядъ безпокойный бросаетъ.
А тамъ, на скамьѣ деревянной,
Товарищъ его молчаливый
Какъ онъ же, съ утра и до ночи глубокой
Работаетъ ткачъ терпѣливый.

Челнокъ то и дѣло проворно
По нитямъ натянутымъ ходитъ
И тонкую ткань дорогую
Изъ нитей сплетенныхъ выводитъ.
Сидитъ онъ худой, истомленный,
И ноги и руки въ движеньи,
Согнута спина надъ основой,
Нуждой безпощадной и грозной
Прикованъ къ работѣ суровой,
Какъ каторжный къ тачкѣ.
За днями
Дни идутъ унылой чредой,
Томительно-вяло, безцвѣтно,
И силъ нѣтъ бороться съ нуждой.
Въ подвалѣ, во всякое время,
Все тѣже и сырость и мракъ....
Ни осени ясной, ни лѣта
Давно ужь не знаетъ бѣднякъ.
Весною давно ужь не дышетъ
Онъ воздухомъ свѣжимъ въ поляхъ,
Не видитъ цвѣтовъ онъ душистыхъ
Въ угрюмыхъ и мрачныхъ стѣнахъ;
Цвѣты бы тамъ скоро погибли:
Неволя—вѣдь гибель всему.
Другимъ хоть по праздникамъ отдыхъ,
Нѣтъ отдыха въ праздникъ ему—
Работаетъ также какъ въ будни;
Нельзя ему время терять.
Онъ вечеромъ только выходитъ
На фабрику ткань свою сдать.
За трудъ непрерывный, тяжелый
Ничтожную плату беретъ,
Согнувшись подъ тяжестью пряжи
Уныло домой онъ бредетъ.
А дома все тѣ же заботы,
Все та же съ нуждою борьба...
За что бѣднякамъ только горе
Дала ты на долю судьба?
Но думой бѣдѣ не поможешь,
Скорѣй за работу опять!

Семьѣ нужны хлѣбъ и одежда
А какъ безъ труда ихъ достать?
О жалкій паукъ хлопотливый,
О ткачъ исхудалый, больной!
Одинъ у васъ трудъ безконечный,
Живете вы жизнью одной.
Вотъ сумерки сходятъ на землю,
Усталость ткача одолѣла,
Прервалъ онъ работу дневную—
Не въ мочь ужь, спина заболѣла,

И слабость въ рукѣ утомленной...
Тоскливо онъ взглядъ устремилъ
Туда, гдѣ паукъ хлопотливый
Тенеты воздушные свилъ.

Вотъ солнце скрывается въ тучахъ,
Багряною краской облитыхъ;
Въ подвалъ яркій лучъ проникаетъ,
Играя на стеклахъ разбитыхъ.
Привольно бродить въ такой вечеръ
Въ зеленыхъ лѣсахъ или въ полѣ,
Вдыхать въ себя воздухъ здоровый,
Любуясь природой на волѣ...
Вдругъ вѣтромъ повѣяло южнымъ.
Врывался свѣжей волною,
Доноситъ онъ звонъ колокольный...
Запахло весенней травою —
И смолкли вечерніе звуки...
Теперь-бы уйти изъ подвала
Туда, гдѣ просторъ и свобода...

Счастливы цвѣты полевые!...
Ткачу стало грустно и больно,
Отпала охота къ работѣ,
Постылъ ему трудъ подневольный!

А сѣрый паукъ неподвижно
Въ раскинутыхъ нитяхъ сидитъ,
Спокойно онъ ждетъ, притаясь,
И жертву свою сторожитъ.

Жужжа и играя на солнцѣ
Вдругъ муха запуталась въ сѣть,—
Вертится, трепещетъ и рвется,
Но нѣтъ уже силъ улетѣть.
Опасность близка! Вотъ проворно
Паукъ, и голодный, и злой,
Приблизился къ жертвѣ... ударилъ
За жизнь часъ борьбы роковой.
Отчаянно плѣнница бьется,
Вѣдь всякому жизнь дорога,
Но нѣтъ, не уйти ей отъ злобы
И силы гнетущей врага.
Онъ липкими нитями крылья
И станъ ея тонкій обвилъ,
Окуталъ ихъ саваномъ пыльнымъ,
Клещами ей тѣло сдавилъ—
И жизнь въ ней погасла. Прощальнымъ
Подвалъ озарился лучомъ
И мракъ наступилъ. Утонула
Въ немъ жертва съ своимъ палачомъ.

Задумался ткачъ и печально
Поникъ головой на станокъ;
Нахлынули горькія мысли—
Онъ думалъ: и въ мірѣ людскомъ
Все тѣже вражда и стремленье...
Но вдругъ въ головѣ утомленной
Мелькнуло отраднымъ лучомъ
Сознанье, что хлѣбъ его добытъ
Тяжелымъ, но честнымъ трудомъ.
Что жизнью своею не губитъ,
Не грабитъ онъ жизни чужой,
Не смоченъ чужою слезою
И кровью кусокъ трудовой!
И сердце та мысль облегчила,
Рукамъ его силъ придала,
Охотнѣй онъ сѣлъ за работу,
Работа спорѣе пошла.
Желѣзный рычагъ, поднимайся,

За дѣло, кормилецъ-станокъ!
Водимый рукою привычной,
Ходи ты быстрѣе, челнокъ.
Сплетайтеся тонтія нити
Въ прозрачную, легкую ткань,
Винты, приходите въ движенье,
Несите труду свою дань!
И долго отчетливо слышенъ
Въ глубокомъ безмолвьи ночномъ
Станка оживленнаго рокотъ,
Глухой и порывистый громъ.

В. ДОПИЕЛЬМАЙЕРЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

(*Окончаніе*).

XXIV.

ПОРАБОЩЕНІЕ ЛОМБАРДСКИХЪ РЕСПУБЛИКЪ.

Ломбардія была многолюдна и богата, несмотря на то, что крупныя и мелкія войны тревожили ее почти постоянно. Населеніе Ломбардіи увеличивалось быстро; земледѣліе и мануфактурная промышленность развивались самымъ роскошнымъ образомъ; всѣ продукты, сырые и обработанные, всегда находили себѣ выгодный сбытъ въ Венецію и въ Геную, которыя въ то время держали въ своихъ рукахъ всемірную торговлю. Гражданамъ ломбардскихъ городовъ становилось тѣсно въ тѣхъ стѣнахъ, въ которыхъ жили ихъ отцы; они часто принуждены были ломать и перестроивать стѣны, чтобы вносить въ градскую черту новые участки земли; городскія хроники въ XIII вѣкѣ наполнены извѣстіями о такихъ расширеніяхъ, которыя ясно указываютъ на процвѣтаніе городовъ и на быстрое возрастаніе народонаселенія. Тѣ же хроники говорятъ очень часто о сооруженіи роскошныхъ публичныхъ зданій и объ укрѣпленіи замковъ, принадлежавшихъ республикамъ.

Уже въ первой половинѣ XIII вѣка, въ Ломбардіи набралось такъ много капиталовъ, что они полились за-границу. Въ 1226 году жители города Асти начали заниматься банкирскими дѣлами во Франціи и въ другихъ европейскихъ земляхъ, далеко отставшихъ отъ Ломбардіи на пути промышленнаго и торговаго развитія. Тридцать лѣтъ спустя, съ этими банкирами или ростовщиками случилось несчастіе, которое даетъ намъ очень высокое по-

нятіе о ихъ богатствѣ. 1-го сентября 1256 года, французскій король приказалъ арестовать всѣхъ астійскихъ банкировъ, находившихся въ его владѣніяхъ, и конфисковалъ все ихъ имущество. Потери ихъ дошли въ этомъ случаѣ до восьми сотъ тысячъ тогдашнихъ ливровъ. Эта сумма, по мнѣнію Сисмонди, равняется двадцати семи съ половиною милліоновъ франковъ, что составляетъ, на наши деньги, около семи милліоновъ рублей. Притомъ надо взять въ расчетъ, во-первыхъ то, что не всѣ же астійскіе капиталисты собрались во Францію, а во-вторыхъ то, что Асти никогда не былъ первостепеннымъ городомъ, и не могъ равняться, ни по своему богатству, ни по своему политическому могуществу ни съ Миланомъ, ни съ Павіею, ни съ Кремоною, ни съ Брешіею, ни съ Падуею, ни съ Вероною, ни съ Болоньею. Если же этотъ незначительный городъ могъ потерять почти семь милліоновъ рублей, то можно себѣ вообразить, какими громадными суммами ворочали первоклассные города Ломбардіи.—Начиная съ XIII вѣка, слово *Ломбардъ* сдѣлалось во Франціи нарицательнымъ именемъ, и стало обозначать собою всякаго банкира и ростовщика. Читатели, конечно, знаютъ, что это слово зашло и въ нашъ языкъ, съ тою только разницею, что у насъ оно прилагается не къ банкиру, а къ банку.

При всемъ своемъ богатствѣ, ломбарды въ XIII вѣкѣ вели самую простую жизнь, не позволяя себѣ никакой роскоши, ни въ столѣ, ни въ одеждѣ, ни въ убранствѣ комнатъ. «Женщины, говоритъ Сисмонди, носили простыя полотняныя платья; кусокъ бѣлой холстины покрывалъ ихъ голову и обвязывался вокругъ шеи; золото и серебро не блистали на ихъ одеждѣ; столъ ихъ не украшался роскошными кушаньями; обѣдъ цѣлаго семейства состоялъ изъ одного блюда; одинъ факелъ изъ смолистаго дерева освѣщалъ внутренность домовъ; и вся пышность вѣка заключалась въ оружіи и въ лошадяхъ, въ башняхъ и въ крѣпостяхъ.»—(Т. II. p. 193) Земледѣльцы, фабриканты, торговцы тратили постоянно свои доходы на увеличеніе своихъ промышленныхъ операцій и оборотовъ. Они нанимали себѣ новыхъ работниковъ, и такимъ образомъ увеличивали каждый годъ число тѣхъ людей, которые находились отъ нихъ въ зависимости. Путемъ своихъ успѣшныхъ оборотовъ богатый хозяинъ, окружая себя сотнями своихъ подчиненныхъ, возвышался до политическаго могущества, становился въ своей республикѣ важнымъ и вліятельнымъ лицомъ, и дорожилъ своимъ вліяніемъ гораздо больше, чѣмъ грубыми чувственными наслажденіями, которыя онъ могъ бы купить себѣ на свои деньги.

По становясь политическою силою, золото вездѣ встрѣчало себѣ до сихъ поръ упрямаго и дерзкаго соперника въ булатѣ, который, какъ извѣстно, на слова золота: *все куплю!* отвѣчаетъ съ своей стороны: *все возьму!* Люди булата, то есть, феодальные дворяне, никакъ не могли ужиться и полюбовно размежеваться съ людьми золота, то есть, съ разбогатѣвшими ремесленниками, промышленниками и купцами. Въ глазахъ дворянина милліонеръ былъ все-таки холопомъ, вырвавшимся на волю какимъ-то незаконнымъ образомъ, и пробравшимся въ люди посредствомъ грязныхъ мошенническихъ продѣлокъ. Дворянинъ смотрѣлъ на милліонера съ тѣмъ комическимъ презрѣніемъ, съ которымъ храбрый разбойникъ относится къ благоразумному мазурику. Что же касается до народной массы, отъ которой зависѣло рѣшеніе распри между булатомъ и золотомъ,то она въ XIII вѣкѣ, глубоко вѣрила, что милліоны пріобрѣтаются трудомъ, и составляютъ награду за воздержаніе. Поэтому масса поддерживала милліонеровъ, какъ плоть отъ плоти своей, и кость отъ костей своихъ. На сторонѣ дворянъ стояли только ихъ вассалы, но эта сторона, слабая числомъ, была очень сильна своею военною выправкою и тѣсною солидарностью, существовавшею между всѣми членами каждаго отдѣльнаго дворянскаго рода.

При своей сравнительной малочисленности, дворяне такъ крѣпко держались другъ за друга, и умѣли дѣйствовать съ такимъ искуснымъ единодушіемъ, что имъ, во всѣхъ ломбардскихъ городахъ, удавалось по нѣскольку разъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всѣ общественныя должности, совершенно оттирая отъ нихъ богатыхъ и вліятельныхъ плебеевъ. Въ этихъ случаяхъ нахальство дворянъ скоро становилось невыносимымъ; отстраненные милліонеры разжигали всѣми силами народное неудовольствіе; вспыхивало возстаніе; начиналась уличная война; дворяне бѣжали изъ города; въ открытомъ полѣ перевѣсъ обыкновенно склонялся на ихъ сторону; послѣ нѣсколькихъ сраженій завязывались переговоры. Миръ заключался съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ должности были раздѣлены поровну между дворянами и плебеями. Проходило нѣсколько лѣтъ, и должности снова сосредоточивались въ дворянскихъ рукахъ, послѣ чего вся исторія начиналась сызнова. Такъ шли дѣла и въ Брешіи, и въ Кремонѣ, и въ Миланѣ, и въ Піаченцѣ, и въ другихъ ломбардскихъ республикахъ.

Наученные горькими опытами, плебеи начали наконецъ понимать, что въ борьбѣ съ дворянами ничего нельзя сдѣлать разрознен-

ными усиліями и безсвязными вспышками демократическихъ страстей. Они увидѣли, что для такой борьбы необходимы постоянная бдительность, хладнокровная послѣдовательность и спокойная настойчивость. Они сообразили, что плоды одержанныхъ побѣдъ останутся въ ихъ рукахъ только въ томъ случаѣ, если они, послѣ заключенія выгоднаго мира, будутъ постоянно держаться на готовѣ для новой борьбы, постоянно наблюдать за всѣми движеніями своихъ недавнихъ враговъ, подмѣчать и отражать своевременно каждую ихъ попытку, клонящуюся къ нарушенію заключеннаго договора. Чтобы контролировать такимъ образомъ дѣйствія дворянъ, и чтобы постоянно помогать другъ другу въ случаѣ какихъ нибудь притѣсненій, плебеи, богатые и бѣдные, стали заводить въ своемъ кругу ассоціаціи или братства, которыя должны были поддерживать и защищать всѣми силами каждаго изъ своихъ членовъ. Эти ассоціаціи сдѣлались для плебеевъ тѣмъ, чѣмъ были родовые союзы для дворянъ. Плебейскія ассоціаціи собирались въ опредѣленные сроки, обсуживали свои потребности, разсматривали жалобы своихъ членовъ, и принимали мѣры для удовлетворенія обиженныхъ. Такая ассоціація составилась въ Брешіи, въ самомъ началѣ XIII вѣка, и приняла имя Bruzella. «Это имя, говоритъ Сисмонди, Bruzella или Brighella сохранилось до нашего времени: это одна изъ масокъ итальянскаго театра, брешіанскій плебей, дерзкій, храбрый и пронырливый» (T. II. p. 76). Около этого же времени, плебейскія братства размножились въ Миланѣ. Замѣтивъ свою многочисленность, они вступили въ сношенія между собою, стали дѣйствовать общими силами, и наконецъ слились въ два огромныя общества, Mota и Credenza, которыя втянули въ себя почти всю массу миланскаго населенія. Общество Mota было составлено изъ купцовъ и зажиточныхъ гражданъ; въ обществѣ Credenza господствовали ремесленники, поденщики и бѣдняки. Оба плебейскія общества старались дѣйствовать въ согласіи между собою, но это не всегда имъ удавалось. Какъ и слѣдовало ожидать, Mota отличалась осторожностью и дальновидностью, а Credenza—страстностью и рѣшительностью.

Въ 1240 году, во время войны ломбардской лиги съ Фридрихомъ II, произошло въ Миланѣ сильное столкновеніе между дворянами и народомъ. Во-первыхъ, дворяне, по обыкновенію, захватили всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ и въ церкви. Во-вторыхъ, они уклонялись отъ платежа налоговъ, которые, по случаю войны, были очень значительны. Чтобы не платить ничего, дворяне уѣзжали въ свои замки, куда, конечно, сборщикамъ податей неудобно

было заглядывать. Въ-третьихъ, дворяне настоятельно требовали, чтобы ихъ судили за убійство по старымъ ломбардскимъ законамъ, въ силу которыхъ убійца могъ откупиться отъ всякаго наказанія небольшимъ денежнымъ штрафомъ, составлявшимъ, на наши деньги, меньше тридцати рублей серебромъ. Если бы дворянамъ удалось возстановить эти старые законы, то они могли бы покупать по дешевой цѣнѣ жизнь каждаго плебея, который имѣлъ бы несчастіе обратить на себя ихъ недоброжелательное вниманіе. Эти старые законы были выгодны только для однихъ дворянъ даже въ томъ случаѣ, если бы они были распространены на всѣхъ гражданъ миланской республики. Человѣкъ, убившій дворянина, ни въ какомъ случаѣ не могъ откупиться денежнымъ штрафомъ, хотя бы законъ предоставлялъ ему на это полное право. Каждый членъ того рода, къ которому принадлежалъ убитый, считалъ кровавую месть самою священною изъ своихъ нравственныхъ обязанностей, и не находилъ возможнымъ отказаться отъ этой обязанности за какія бы то ни было деньги. Противъ этого предразсудка законъ былъ такъ же безсиленъ, какъ онъ, въ наше время, безсиленъ противъ дуэли. Но этотъ предразсудокъ господствовалъ только въ дворянскомъ сословіи, для котораго частныя войны составляли любимое и привычное дѣло. Плебеи, занятые производительнымъ трудомъ, или мирными коммерческими оборотами, почти всегда предоставляли закону и суду право и обязанность мстить за своихъ родственниковъ. Поэтому, если бы мщеніе по закону ограничилось взысканіемъ тридцати рублей съ убійцы, то жизнь плебея очутилась бы въ рукахъ каждаго богатаго буяна, имѣющаго возможность напустить на него шайку своихъ лакеевъ, и потомъ выбросить изъ кармана штрафную сумму.

Mota и Credenza соединились противъ дворянъ, заставили ихъ отказаться отъ старыхъ ломбардскихъ законовъ, произвели новый дѣлежъ должностей, вытребовали отъ нихъ тѣ налоги, которыхъ они не хотѣли платить, и наконецъ провозгласили защитникомъ миланскаго народа синьора Пагано делла-Торре, того самаго, который спасъ остатки миланской арміи, разбитой при Корте-Нуова. Новое званіе защитника, созданное двумя частными обществами, которыя не имѣли въ республикѣ никакого официально признаннаго положенія, тотчасъ стало рядомъ съ самыми важными общественными должностями. Весь миланскій народъ призналъ дѣйствительно синьора Пагано своимъ вождемъ, защитникомъ, покровителемъ и благодѣтелемъ; въ достоинствахъ этого джентльмена никому не позволялось сомнѣваться; недовѣріе къ синьору Пагано считалось тяже-

лымъ оскорбленіемъ народной чести; искренность и глубина демократическаго воодушевленія измѣрялись силою той привязанности, которую демократъ обнаруживалъ къ особѣ возлюбленнаго трибуна. Бросившись такимъ образомъ на колѣни передъ своимъ выборнымъ начальникомъ, плебеи не могли подумать о томъ, чтобы ограничивать его власть, и принимать противъ него какія нибудь предосторожности. Къ чему онѣ, эти бездушныя и оскорбительныя предосторожности? Развѣ Пагано делла-Торре можетъ обмануть народное довѣріе? Развѣ онъ можетъ употребить во зло свое могущество? Чѣмъ неограниченнѣе будетъ его власть, тѣмъ успѣшнѣе онъ будетъ защищать интересы народа. Усиливая своего вождя, народъ увеличиваетъ свое собственное благосостояніе. Такъ разсуждали миланцы, или, по крайней мѣрѣ, по такой программѣ складывались ихъ поступки. Эти разсужденія и эта программа не должны приводить въ изумленіе читателя, сколько нибудь знакомаго съ политическими доктринами славянофиловъ. Что возможно въ XIX вѣкѣ, того нельзя вмѣнять въ преступленіе людямъ XIII столѣтія; этимъ людямъ приходилось выдерживать отчаянную борьбу, и слѣдовательно имъ было очень неудобно слѣдить постоянно, съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ, и за движеніями непріятеля, и за поступками собственнаго главнокомандующаго. Къ этому надо еще прибавить, что этотъ главнокомандующій былъ дѣйствительно человѣкъ честный и одаренный многими хорошими качествами. Можно ли, при такихъ условіяхъ, удивляться тому, что миланцы предоставили ему такую неопредѣленно-обширную власть, которой мудрено было ужиться съ республиканскими учрежденіями.

Пагано не позволилъ себѣ ни одного произвольнаго, несправедливаго или насильственнаго поступка, и вообще не сдѣлалъ съ своей стороны ничего для уничтоженія республиканскаго порядка. Но эта добросовѣстная увѣренность была опаснѣе самаго дикаго самовластія. Если бы защитникъ народа вздумалъ дѣйствовать, какъ суровый деспотъ, то въ настроеніи миланскаго плебейства произошелъ бы очень скоро такой переворотъ, который положилъ бы конецъ неограниченному господству выборнаго начальника. Но видя со стороны своего вождя постоянную благоразумную сдержанность, народъ привыкалъ къ повиновенію, и убѣждался понемногу въ томъ, что, вручивъ свою судьбу выборному начальнику, и сваливъ на его плечи всѣ политическія заботы, онъ, народъ, поступилъ очень умно и похвально. Утвердившись въ такомъ образѣ мыслей, народъ, конечно, становится уже неспособнымъ къ респуб-

ликанскому существованію. Онъ теряетъ любовь къ свободѣ, а когда эта любовь потеряна, тогда народъ мирится очень легко и съ такими злоупотребленіями власти, которыя въ былое время подняли бы противъ себя разрушительную бурю народнаго гнѣва. Добрые деспоты прокладываютъ такимъ образомъ дорогу злымъ деспотамъ, которые своими административными трудами истребляютъ окончательно всѣ проявленія народнаго самосознанія и самоуваженія.

Во времена синьора Пагано миланцы были еще неспособны переносить кротко и терпѣливо всякія оскорбленія и притѣсненія. Администраторамъ надо было пользоваться очень осторожно тою властью, которую предоставлялъ имъ народъ. Если даже народъ вручалъ какому нибудь лицу неограниченное могущество, то и тогда было очень опасно вѣрить этому народу на слово. Когда народу становилось тяжело, онъ поднимался во всемъ величіи своего гнѣва, и не обращалъ никакого вниманія на полномочіе, данное имъ же самимъ въ минуту радостнаго восторга или неосторожной довѣрчивости. Силу своего гнѣва миланскій народъ обнаружилъ въ 1250 году надъ однимъ изъ своихъ правителей, Бено Гоццадини. Миланскіе финансы были совершенно истощены продолжительною войною ломбардской лиги съ Фридрихомъ II. Государственный долгъ миланской республики былъ такъ великъ, что правительство рѣшило отсрочить на восемь лѣтъ всѣ платежи по своимъ долговымъ обязательствамъ. Такъ какъ кредиторами республики были миланскіе капиталисты, то правительство, прекращая свои платежи, предоставило и всѣмъ частнымъ должникамъ ту самую отсрочку, которую оно взяло для себя. То есть правительство объявило своимъ кредиторамъ, что, покуда оно имъ не заплатитъ, до тѣхъ поръ и они, кредиторы, могутъ не платить своимъ заимодавцамъ, которые въ свою очередь освобождаются отъ обязанности платить по своимъ векселямъ. Понятно, что такая мѣра произвела коммерческій кризисъ, изъ котораго миланскимъ гражданамъ желательно было выпутаться какъ можно скорѣе. Чтобы выпутаться, надо было наполнить деньгами государственную казну. Миланцы пригласили изъ Болоньи финансиста Бено Гоццадини, и уполномочили его придумывать и установлять въ Миланѣ всевозможные налоги, и прямые и косвенные, и съ капиталовъ, и съ доходовъ, и съ промысловъ, и съ предметовъ потребленія, и съ чего угодно. Бено Гоццадини, подобно всѣмъ первобытнымъ финансистамъ, болѣе смѣлымъ, чѣмъ опытнымъ, сразу навалилъ, по всей вѣроятности, огром-

ные налоги на предметы первой необходимости, — на хлѣбъ, на мясо, на соль, на овощи. Разумѣется, эти налоги привлекли въ казну значительныя суммы денегъ, потому что отъ платежа этихъ налоговъ не могъ уклониться ни одинъ нищій. Но, разумѣется также, эти налоги возбудили величайшее неудовольствіе въ самомъ бѣдномъ и самомъ многочисленномъ классѣ миланскаго населенія. Однако, цѣлые четыре года народъ платилъ и терпѣлъ. На пятый годъ партія богачей, для которой налоги были гораздо менѣе тягостны, чѣмъ пріостановка платежей по государственнымъ заемнымъ обязательствамъ, настояла на томъ, чтобы великій финансистъ Гоццадини получилъ должность миланскаго подесты. Богачи надѣялись, что, въ качествѣ подесты, Гоццадини будетъ внушать народу больше уваженія, и еще успѣшнѣе прежняго держать его на нищѣ св. Антонія во имя высшихъ интересовъ государственнаго казначейства и миланской торговли. Капиталисты ошиблись въ своихъ расчетахъ. Бѣднымъ людямъ надоѣлъ такой порядокъ вещей, при которомъ каждый изъ нихъ работалъ за четверыхъ, а ѣлъ за половину человѣка.

Вспыхнуло генеральное возстаніе, и Гоццадини погибъ подъ ударами мятежниковъ, не смотря на свое высокое званіе. Впрочемъ, народъ поступилъ здѣсь съ своею обыкновенною запальчивостью и недальновидностью. Выливши всю свою ярость на одну, почти невинную личность, работавшую по чужому заказу, народъ успокоился, и почислилъ свое дѣло благополучно оконченнымъ, а между тѣмъ капиталисты, оправившись отъ своего испуга, потихоньку возстановили, подъ разными уважительными предлогами, почти всю финансовую систему убитаго Гоццадини.

Съ синьоромъ Пагано не случилось ничего похожаго на ту катастрофу, которая постигла слишкомъ усерднаго изобрѣтателя налоговъ. Пагано делла-Торре удержалъ свою должность до конца жизни, умеръ естественною смертью, и оставилъ послѣ себя такую добрую память, которая пошла въ прокъ его младшимъ родственникамъ. Имя синьора делла-Торре было такъ дорого миланцамъ, что ихъ лѣтописцы, наперерывъ другъ передъ другомъ, стали придумывать для народнаго любимца такую генеалогію, которая своею древностью соотвѣтствовала бы блеску его прекрасныхъ качествъ. Многіе доводятъ списокъ предковъ синьора Пагано до временъ Амвросія Медіоланскаго; хроникеръ Каріо выводитъ фамилію делла-Торре отъ Франко, побочнаго сына Гектора, того самаго Гектора, который защищалъ Трою и былъ женатъ на Андромахѣ. Наконецъ

одинъ монахъ перещеголялъ всѣхъ остальныхъ генеалогистовъ, и прослѣдилъ линію знаменитыхъ предковъ Пагано вплоть до самого Адама, дальше котораго уже невозможно было идти писателю, желающему оставаться добрымъ католикомъ.

Послѣ смерти Пагано, народнымъ любимцемъ и признаннымъ предводителемъ демократической партіи сдѣлался его племянникъ, Мартино делла-Торре. Во время господства этого Мартино, во главѣ миланской республики появляется, въ продолженіе трехъ лѣтъ (1253—1256), маркизъ Ланчіа Монферратскій, съ титуломъ генералъ-капитана, и съ правомъ назначать каждый годъ мѣстнаго подесту. Чтобы понять, съ какой стати миланцы, всегда дорожившіе своею независимостью, и принадлежавшіе къ гвельфской партіи, добровольно подчинились на три года чужеземному магнату и ревностному гибеллину,—надо бросить взглядъ на тогдашнее положеніе военнаго дѣла.

Во время Фридриха Барбароссы, главную силу армій составляла пѣхота. Дворяне сражались обыкновенно верхомъ, но во-первыхъ, ихъ всегда было не очень много, сравнительно съ общею массою войска, а во-вторыхъ, они были вооружены такъ, что пѣхота могла сопротивляться ихъ натиску и даже побѣждать ихъ. Тогдашніе кавалеристы еще не были закованы въ желѣзо съ ногъ до головы, и не были вооружены тѣмъ длиннымъ и толстымъ копьемъ, которое впослѣдствіи наводило ужасъ на пѣхотинцевъ. Граждане италіянскихъ республикъ своими широкими и обоюдуострыми мечами рубили съ величайшимъ успѣхомъ и пѣхоту, и конницу Фридриха Барбароссы. Чтобы владѣть мечемъ, не надо было посвящать всю свою жизнь изученію военнаго дѣла. Каждый купецъ или ремесленникъ, если онъ былъ силенъ и неустрашимъ, оказывался отличнымъ воиномъ, способнымъ сражаться съ какими угодно закаленными ветеранами. Такіе купцы и ремесленники защищали Ломбардію въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ, одержали знаменитую побѣду при Леньяно, и вынудили у императора констанскій миръ.

Но уже въ арміяхъ Фридриха Барбароссы находился зародышъ будущаго желѣзнаго рыцарства, передъ которымъ пѣхота должна была оказаться безсильною. Такъ называемые *жандармы* были покрыты желѣзомъ; стрѣлы арбалетчиковъ не могли ихъ поранить; наступательнымъ оружіемъ жандарма было длинное копье, которымъ онъ могъ колоть пѣхотинцевъ, не подвергая себя ударамъ ихъ мечей; даже и лошадь жандарма была защищена отъ непріятельскихъ стрѣлъ желѣзною кольчугою, покрывавшею ея грудь и бока·

Жандармы дѣйствовали обыкновенно очень успѣшно вездѣ, гдѣ они появлялись; но ихъ было немного; нуженъ былъ особенный навыкъ для того, чтобы драться въ тяжеломъ желѣзномъ вооруженіи, нужна была также особенно сильная порода лошадей, для того, чтобы выдерживать на спинѣ тяжесть желѣзнаго всадника, и во весь духъ скакать съ этою тяжестью на полѣ сраженія. Кромѣ того, жандармы были годны только для атаки на совершенно ровной мѣстности; малѣйшій бугорокъ, или ложбина, или ручей разстроивали ихъ боевой порядокъ и дѣлали ихъ нападеніе невозможнымъ. При всемъ томъ, достоинства этой тяжелой кавалеріи были такъ поразительны, что всѣ военные люди того времени занялись ея усовершенствованіемъ. Каждому дворянину хотѣлось быть непобѣдимымъ и неуязвимымъ; каждый запасался для войны крѣпкою бронею, каждый старался купить, вымѣнять или воспитать себѣ сильную боевую лошадь, которая могла бы грудью пробивать ряды непріятельской арміи; кто имѣлъ малѣйшую возможность вооружиться по-жандармски, тотъ, разумѣется, не поступалъ добровольно ни въ легкую кавалерію, ни въ пѣхоту. Какая надобность была ему идти туда, гдѣ и лавровъ было меньше, и опасности больше?

Сосредоточивая на себѣ такимъ образомъ все вниманіе богатыхъ и знатныхъ спеціалистовъ военнаго дѣла, вооруженіе тяжелой кавалеріи постоянно улучшалось во всѣхъ своихъ частяхъ. Кираса дѣлалась толще; шлемъ—массивнѣе; щитъ—объемистѣе и надежнѣе; копье—длиннѣе и крѣпче. Наконецъ, благодаря этимъ неутомимымъ стараніямъ, вытекавшимъ изъ естественнаго чувства самосохраненія,—голова, грудь, руки и ноги рыцарей покрылись во всѣхъ своихъ частяхъ толстыми слоями желѣза, отъ котораго отскакивали стрѣлы, и по которому можно было сколько угодно стучать мечемъ, не подвергая ни малѣйшей опасности огромную улитку, забравшуюся въ эту металлическую раковину. Но надо было умѣть носить эту раковину, которая своею тяжестью подавляла непривычнаго къ ней человѣка; надо было въ этой раковинѣ выдерживать и лѣтній жаръ, и осеннюю сырость, и зимній холодъ; надо было, чтобы руки, закованныя въ желѣзные рукава и перчатки, махали полупудовымъ копьемъ, какъ наши руки машутъ гутаперчевыми хлыстиками или жиденькими стальными рапирами. Словомъ, подъ стать къ желѣзному вооруженію, необходимы были почти такіе же желѣзные люди и лошади. Спеціалисты военнаго дѣла, феодальные дворяне, только объ этомъ и заботились въ продолженіе цѣлыхъ

столѣтій. Въ мирное время, они постоянно развивали въ себѣ тѣлесную силу и ловкость, то охотою, то турнирами, то разными играми, то гимнастическими упражненіями. Они пріучали все свое тѣло къ тяжелому вооруженію такъ точно, какъ китайская женщина пріучаетъ свои ноги къ крошечнымъ башмачкамъ. Они съ колыбели воспитывали своихъ сыновей такъ, чтобы эти сыновья въ свое время сдѣлались молодцами, способными вскакивать на лошадь въ полномъ вооруженіи, прямо съ полу, не касаясь ногою до стремени. Тѣмъ ребятамъ, которые были слабы и болѣзненны отъ природы, не было мѣста въ рядахъ желѣзнаго рыцарства; такимъ людямъ незачѣмъ было и вступать въ бракъ; ихъ направляли съ дѣтства въ монастырь, гдѣ они могли составить себѣ блестящую карьеру, не смотря на свою тщедушность.

Еще внимательнѣе и заботливѣе, чѣмъ своихъ сыновей, рыцари воспитывали своихъ породистыхъ жеребятъ, изъ которыхъ можно было сформировать великолѣпнаго боеваго коня. Рыцарь берегъ и развивалъ силы своего боеваго коня самымъ тщательнымъ образомъ. Для похода у него была другая лошадь (по французски palefroi) менѣе строгаго закала; боевой конь (destrier) сохранялъ всѣ свои силы и всю свою горячность до той минуты, когда надо броситься на врага.

Въ XIII вѣкѣ, тяжелая рыцарская кавалерія была уже на столько готова, что пѣхота не могла выдерживать ея натиска. Когда несостоятельность пѣхоты сдѣлалась несомнѣнною, тогда въ сухопутномъ строю произошелъ переворотъ, подобный тому, который совершился на нашихъ глазахъ въ морской тактикѣ. Ничтожные отряды тяжелой кавалеріи стали разгонять и истреблять цѣлыя тысячи пѣшихъ воиновъ, такъ точно, какъ въ наше время одинъ мониторъ можетъ пустить ко дну цѣлыя эскадры деревянныхъ кораблей.

Пока дворяне съ систематическимъ упорствомъ превращали себя въ желѣзныхъ людей, пока они путемъ долговременныхъ и утомительныхъ упражненій срослись наглухо съ своими непроницаемыми бронями,—народныя массы не только не совершенствовались въ военномъ отношеніи, но даже теряли понемногу и тѣ военныя достоинства, которыми онѣ обладали, находясь въ полудикомъ состояніи.

Плебеи также развивались, но только не въ томъ направленіи, въ которомъ происходило развитіе дворянъ. Плебеи превращались въ опытныхъ банкировъ, въ смышленыхъ негоціантовъ, въ искус-

ныхъ ремесленниковъ, въ любознательныхъ грамотѣевъ, въ трудолюбивыхъ художниковъ. Этими превращеніями значительно увеличивалась масса народнаго капитала, умственнаго и вещественнаго. Но когда дѣло доходило до драки, когда надо было пускать въ ходъ грубую физическую силу,—тогда всѣ коммерческія, ремесленныя, научныя и художественныя усовершенствованія оказывались не только безполезными, но даже и вредными. Всѣ разнообразныя занятія, которыми плебеи заработывали себѣ насущный хлѣбъ или увеличивали свое матеріальное благосостояніе, всѣ эти занятія или обрекали плебеевъ на сидячую жизнь, награждая ихъ за прилежаніе геморроемъ, сутуловатостью, слабостью легкихъ и атрофіею важнѣйшихъ мускуловъ, или, по крайней мѣрѣ, развивали ихъ физическую силу самымъ одностороннимъ образомъ, такъ, что, напримѣръ, крѣпкія руки соединялись съ тощими и слабыми ногами, или на оборотъ. Много ли силъ можетъ развить въ себѣ купецъ за своимъ прилавкомъ, банкиръ въ своей конторѣ, сапожникъ, портной или ткачъ въ своей мастерской. Вообразите же себѣ теперь, что на цѣлую армію, составленную изъ кроткихъ и жидкихъ лавочниковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, слесарей, булочниковъ летятъ во весь опоръ двѣ, три сотни ражихъ дѣтинъ, закованныхъ въ желѣзо отъ кончика носка до кончика носа, съ саженными копьями въ рукахъ, и на громаднѣйшихъ лошадницахъ, которыя, какъ шальныя, лѣзутъ прямо на человѣка. Разумѣется, должна произойдти сцена, похожая на избіеніе младенцевъ. Если бы лавочники и ремесленники вздумали сами облачиться въ рыцарскіе доспѣхи, взять въ руки саженныя копья, и взгромоздиться на колоссальныхъ боевыхъ коней,—то произошла бы другая сцена, гораздо болѣе комическая, но одинаково непріятная для плебеевъ. Они изнемогли бы подъ тяжестью собственной аммуниціи, и погибли бы отъ лютости собственныхъ коней, съ которыми они не съумѣли бы справиться.

Чѣмъ дальше подвигается впередъ дѣло цивилизаціи, чѣмъ живѣе и разнообразнѣе становится промышленное и умственное движеніе,—тѣмъ необходимѣе и неизбѣжнѣе оказывается раздѣленіе труда, которое почти совсѣмъ не существуетъ въ первобытныхъ человѣческихъ обществахъ, и которое доводится до самыхъ уродливыхъ и вредныхъ крайностей въ громадныхъ мануфактурахъ современной Европы. Съ раздѣленіемъ труда постоянно шла до сихъ поръ рука объ руку односторонность физическаго развитія; чѣмъ строже проводился принципъ раздѣленія труда, тѣмъ уродливѣе

становились работники, и слѣдовательно, чѣмъ богаче дѣлались промышленные и торговые города, тѣмъ менѣе городскіе жители оказывались способными защищать собственными силами свое богатство отъ предпріимчивыхъ рыцарей, превратившихъ себя въ непобѣдимыхъ атлетовъ.

По мѣрѣ того, какъ развивается цивилизація,—постоянно увеличивается число тѣхъ промышленныхъ занятій, которыя требуютъ очень мало физической силы. Слесарю нужно меньше силы, чѣмъ кузнецу; ювелиру и часовщику еще меньше, чѣмъ слесарю; столяру меньше, чѣмъ плотнику; рѣзчику и токарю еще меньше, чѣмъ столяру. Но понятно, что въ полудикомъ обществѣ только кузнецъ да плотникъ и могутъ найти себѣ работу; слесарь, ювелиръ, часовщикъ, столяръ, рѣзчикъ и токарь порождаются уже дальнѣйшимъ развитіемъ промышленнаго движенія и общественной жизни. Въ полудикомъ обществѣ, гдѣ каждое отдѣльное хозяйство готовитъ себѣ собственными средствами и одежду, и обувь, и посуду, и мебель,—почти вся обработка сыраго матеріала составляетъ обязанность женщинъ. Ткачей, портныхъ и сапожниковъ нѣтъ. Мужчины занимаются почти исключительно добываніемъ сыраго матеріала.

Мужи пашутъ, жены рубы строятъ,

какъ говоритъ старая чешская пѣсня *о судѣ Любуши*. *Рубы* значитъ рубахи, одежды. Понятно, что такіе мужи, которые только пашутъ, да косятъ, да рубятъ лѣсъ, да тешутъ бревна, да куютъ желѣзо, гораздо болѣе годны для исключительно-рукопашнаго боя, чѣмъ слесаря, ювелиры, сапожники, часовщики, портные, переплетчики и другіе трудолюбивые домосѣды, воспитанные успѣвшимся промышленнымъ движеніемъ. Значитъ, можно сказать положительно, что развитіе промышленности обезоружило народныя массы.

Конечно цивилизація несетъ въ себѣ самой лекарство для тѣхъ временныхъ болѣзней, которыя она порождаетъ своимъ развитіемъ. То самое движеніе, подъ вліяніемъ котораго дюжіе и воинственные варвары переродились въ тощихъ и кроткихъ ремесленниковъ, выработало для Европы и порохъ, и книгопечатаніе, и всѣ чудеса новѣйшей промышленной техники, и всѣ тонкости новѣйшаго военнаго искуства, и вообще все то, что осуждаетъ всякую аристократію на неминуемое паденіе. Но покуда всѣ эти прекрасные плоды цивилизаціи наливались и созрѣвали, масса все-таки оставалась безъ оружія, и желѣзная рыцарская аристократія громко и настойчиво выражала свое презрѣніе ко всѣмъ своимъ торгующимъ и работающимъ современникамъ.

И надо признаться, что претензіи рыцарей имѣли свое достаточное основаніе. Они были непобѣдимы. Они держали въ своихъ рукахъ судьбу всей Европы. Возможно ли имъ было не презирать тѣхъ людей, которые не въ состояніи были имъ сопротивляться? Если бы плебеи вздумали сказать дворянамъ: мы такіе же люди, какъ и вы,—то дворяне могли отвѣчать имъ съ саркастическою улыбкою: докажите это на дѣлѣ!—Можно было чѣмъ угодно поручиться за то, что въ XIII вѣкѣ этотъ основной тезисъ демократической теоріи остался бы недоказаннымъ.

Въ половинѣ XIII вѣка, всѣ, и дворяне, и плебеи, были одинаково твердо убѣждены, во-первыхъ въ томъ, что никакая пѣхота не можетъ устоять противъ тяжелой кавалеріи, и во-вторыхъ въ томъ, что только одни дворяне способны пріучить себя къ непомѣрной тяжести полныхъ рыцарскихъ доспѣховъ.

Первое изъ этихъ убѣжденій поколебалось въ XIV вѣкѣ, подъ вліяніемъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ швейцарскою пѣхотою надъ австрійскимъ и бургундскимъ рыцарствомъ.

Второе рухнуло также въ XIV вѣкѣ, когда многіе плебеи, привлеченные громадными выгодами военнаго ремесла, стали съ малыхъ лѣтъ приготовлять себя къ кавалерійской службѣ, и выучились съ полнымъ успѣхомъ носить тяжелое вооруженіе.

Но эти два опроверженія были еще впереди. Прежде чѣмъ они состоялись, публика думала, что только дворяне могутъ побѣждать дворянъ въ открытомъ полѣ. Въ то время когда господствовало это убѣжденіе, выведенное изъ длиннаго ряда дѣйствительныхъ фактовъ, многіе ломбардскіе города находились, подобно Милану, въ хронической враждѣ съ своими дворянами. Внутри города дворяне всегда терпѣли пораженія; какъ только начиналась тревога, улицы перегораживались рогатками, перерѣзывались баррикадами, и становились непроходимыми для кавалеріи; въ тоже время, изъ оконъ и съ крышъ сыпались на рыцарей камни, и рыцарямъ приходилось убѣгать изъ города со всевозможною поспѣшностью. Загородная война, разумѣется, оказывалась губительною для плебейства. Рыцари опустошали окрестности, морили горожанъ голодомъ, и наносили имъ жестокія пораженія всякій разъ, какъ только горожане высовывали носъ за черту городской стѣны. Кромѣ того, республика, лишенная своей тяжелой кавалеріи, была безоружна въ отношеніи ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ. Чтобы защитить республику и отъ посторонніхъ враговъ, и отъ ея собственныхъ дворянъ,—оставалось только одно средство. Надо было нанять чужихъ дво-

рянъ. Этотъ наемъ былъ очень возможенъ, потому что, при неугомонной борьбѣ партій и сословій, вся Италія была переполнена благородными изгнанниками и эмигрантами, которымъ нечего было ѣсть, и которые превосходно знали всѣ тайны рыцарскаго искуства. Эти дворяне очень рады были получать за свою службу хорошія деньги отъ кого бы то ни было, но такъ какъ дворянинъ, даже голодный, никакъ не можетъ забыть и уронить свое дворянское достоинство,—то эти дворяне, отдавая себя въ наемъ, соглашались служить только подъ начальствомъ какого нибудь магната, которому имъ не стыдно было бы повиноваться. Тутъ являлось что-то похожее на наше мѣстничество, и республиканцы были принуждены нанимать какого нибудь маркиза или графа, который въ качествѣ подрядчика, обязывался поставить имъ за извѣстную цѣну опредѣленное количество вооруженныхъ рыцарей. Но если простые дворяне важничали и ломались надъ тѣми людьми, которые платили имъ жалованье, то, разумѣется, маркизъ или графъ ломался и важничалъ въ десятеро больше. Ему мало было однихъ денегъ; ему нужны были громкіе титулы, ему нуженъ былъ почетъ; ему нужна была политическая власть. Теперь читатели понимаютъ вѣроятно, почему маркизъ Ланчіа Монферратскій сдѣлался генералъ-капитаномъ Милана, и почему миланцы на три года предоставили ему право назначать городскаго подесту. Ланчіа подрядился содержать въ Миланѣ тысячу человѣкъ тяжелой кавалеріи, и контрактъ былъ заключенъ на три года.

Въ то время, когда миланцы пригласили къ себѣ маркиза Ланчіа, въ Миланѣ не было открытой войны между дворянами и плебеями. Но такъ какъ обѣ партіи постоянно дулись и злились другъ на друга, то, не довѣряя своимъ доморощеннымъ кавалеристамъ, плебеи, по совѣту своего вождя, Мартино-делла-Торре, приняли себѣ на всякій случай тысячу чужихъ рыцарей, въ видѣ увѣсистаго камушка, положеннаго за пазуху. Генералъ-капитанство маркиза Ланчіа нисколько не помѣшало синьору Мартино оставаться по прежнему коноводомъ плебейства и главною двигательною пружиною миланской политики, тѣмъ болѣе, что Ланчіа даже совсѣмъ не пріѣзжалъ въ Миланъ, а только числился начальникомъ наемнаго отряда, и каждый годъ присылалъ въ городъ подесту.

Около этого времени, титулъ подесты пересталъ составлять исключительную принадлежность верховнаго судьи и правителя республики. Съ одной стороны дворяне, съ другой, Mota и Credenza при-

своили это названіе своимъ предводителямъ. Въ этомъ случаѣ слово служило вѣрнымъ выраженіемъ существующаго факта. Въ городѣ было дѣйствительно два лагеря и два полководца, и между ними балансировало кое-какъ офиціальное правительство. Одинъ изъ этихъ полководцевъ назывался подестою дворянъ, другой—подестою народа, а третій, настоящій подеста,—подестою республики, но чтоже оставалось въ республикѣ за вычетомъ дворянства и народа?—Ничего, или почти ничего. «Настоящій подеста, говоритъ Сисмонди, былъ иностранцемъ; онъ оставался на мѣстѣ не болѣе года; и законы, предоставляя ему обширныя прерогативы, обозначали однакоже ихъ границы. Подеста дворянъ, напротивъ того, Паоло-Сорезина, и подеста народа, Мартино делла-Торре, были облечены неограниченною и постоянною властью, потому что предѣлы этой власти не были обозначены, и потому что ей не было положено опредѣленнаго срока.» (T. II. p. 379.) При такой отличновыработанной организаціи партій, подеста республики, чтобы держаться на мѣстѣ, долженъ былъ непремѣнно опираться на ту или другую сторону, или вѣрнѣе, превращать себя въ покорнѣйшаго слугу тѣхъ или другихъ сословныхъ страстей.

За подестою дворянъ, Паоло де-Сорезина, стоялъ настоящій коноводъ дворянской партіи, миланской архіепископъ, тотъ самый доминиканецъ, Левъ изъ Перего, который самъ призналъ себя достойнымъ занимать миланскую святительскую кафедру. Все дѣлалось въ дворянскомъ лагерѣ по совѣту и по внушенію умнаго и смѣлаго архіепископа, а Сорезина былъ только подставнымъ лицомъ, выдвинутымъ впередъ потому, что прелату неудобно и совѣстно было стоять открыто во главѣ вооруженной партіи, которая ежеминутно грозила вовлечь республику въ кровавыя междуусобія.

Война разразилась въ 1257 году, вскорѣ послѣ того, какъ окончился срокъ контракта, заключеннаго съ маркизомъ Ланчіа. Одинъ дворянинъ убилъ своего кредитора, пришедшаго къ нему за деньгами; народу не понравился такой способъ уплачивать долги; обѣ партіи взялись за оружіе, и дворянамъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ, пришлось удалиться за-городъ. Народъ, подъ предводительствомъ делла-Торре, вышелъ изъ города, съ своимъ каррочіо, чтобы доконать дворянъ, которые, однакоже, по обыкновенію, за-городомъ стали дѣйствовать очень успѣшно. Дворянамъ помогали комаски. При ихъ содѣйствіи, дворяне отняли у республики нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, и разбили плебеевъ въ нѣсколькихъ мелкихъ стычкахъ. Готовилось генеральное сраженіе, но тутъ явились

въ оба лагеря посланники гвельфской лиги, которая въ это самое время старалась извести Эччелино III и расчитывала на содѣйствіе Милана. Посланникамъ удалось помирить враговъ, и дворяне воротились въ городъ, обязываясь, по обыкновенію, вести себя добропорядочно. Въ началѣ слѣдующаго года обнаружились въ мирномъ договорѣ какія-то неясности и упущенія. Каждая изъ двухъ партій назначила отъ себя по тридцать по два уполномоченныхъ, и эти шестьдесятъ четыре довѣренныя особы составили новый трактатъ, въ которомъ всѣ права и взаимныя отношенія сословій были опредѣлены самымъ тщательнымъ образомъ, во всѣхъ своихъ мельчайшихъ частностяхъ и подробностяхъ. По этому трактату, право убивать кредиторовъ рѣшительно не было предоставлено благородному миланскому рыцарству. Трактатъ былъ подписанъ обѣими сторонами въ соборѣ св. Амвросія, 4 апрѣля 1258 года. Что дѣлало правительство республики въ то время, когда дворяне и плебеи ссорились, договаривались и мирились—этого рѣшительно невозможно опредѣлить. Правительство исчезало, ступшевывалось, завертывалось въ свое безсиліе и предавалось всеобщему забвенію. Народъ, какъ мы видѣли, шелъ въ бой подъ предводительствомъ синьора Мартино, и бралъ съ собою государственное знамя. А гдѣ былъ, и что дѣлалъ настоящій подеста — этого никто не знаетъ, и объ этомъ нисколько не заботятся составители миланскихъ лѣтописей. Потомъ партіи вручаютъ законодательную власть шестидесяти четыремъ довѣреннымъ лицамъ, эти уполномоченные регулируютъ по своему благоусмотрѣнію всѣ общественныя и междусословныя отношенія, и правительство опять хранитъ самое глубокое и самое скромное молчаніе.

Такъ называемый миръ св. Амвросія продержался всего три мѣсяца. Въ концѣ іюня, дворянъ опять погнали вонъ изъ города. Они отправились въ Комо, и нашли тамъ такую же яростную борьбу между народомъ и дворянствомъ. Разумѣется, миланскіе дворяне стали помогать дворянамъ, а плебейское войско, пришедшее изъ Милана, соединилось съ плебеями. На улицахъ города Комо произошло сраженіе, въ которомъ дворяне были разбиты; вслѣдъ затѣмъ, театръ военныхъ дѣйствій перешелъ въ окрестности Комо, и тутъ дворяне обоихъ городовъ одержали такую рѣшительную побѣду, что плебеи запросили мира, и согласились на всѣ неумѣренныя требованія своихъ противниковъ.

Но побѣда дворянъ и заключенный миръ, на которомъ дворяне собирались построить гордое зданіе олигархическаго правленія, не

могли имѣть никакого прочнаго значенія. Дворяне могли удерживать за собою перевѣсъ только въ открытомъ полѣ. Какъ только они, благодаря одержанной побѣдѣ, съ торжествомъ возвращались въ городъ, гдѣ ихъ тяжелая кавалерія не могла маневрировать, такъ плебеи немедленно подавляли ихъ своимъ численнымъ превосходствомъ. Такъ точно случилось и послѣ лѣтней компаніи 1258 года, тѣмъ болѣе, что дворяне, незадолго до мира св. Амвросія, потеряли своего даровитѣйшаго руководителя, архіепископа Льва, скончавшагося въ 1257 году. Плебеямъ хотѣлось отмстить за испытанное пораженіе. Увлекаясь своимъ сословнымъ ожесточеніемъ, они готовы были опрокинуть всѣ республиканскіе порядки, и ввести у себя тиранію, лишь бы только эта тиранія желѣзнымъ гнетомъ придавила къ землѣ гордыя головы безпокойнаго дворянства. Плебейская партія всѣми силами стремилась къ тому, чтобы превратить своего предводителя въ полновластнаго правителя республики. Въ 1259 году, она рѣшила, что защитникъ или подеста плебеевъ будетъ называться *начальникомъ*, *старшиною* (Anziano) *и синьоромъ народа*. Оставалось рѣшить, кому будетъ ввѣрена эта новая должность. Здѣсь оба главныя плебейскія общества, Mota и Credenza перессорились между собою. Креденца пылала неудержимымъ энтузіазмомъ къ семейству делла-Торре вообще, и къ синьору Мартино въ особенности. Мота обсуживала дѣло гораздо хладнокровнѣе, и находила, что быстро возрастающее могущество синьора Мартино становится опаснымъ для республиканскихъ учрежденій. Между обоими обществами произошла кровопролитная стычка, послѣ которой Мота, состоявшая изъ богатыхъ буржуа, рѣшительно отложилась отъ демократической партіи, и перешла почти цѣликомъ въ дворянскій лагерь, подъ начальство Гуліельмо де-Сорезина.

Креденца, которая, подобно всѣмъ чисто демократическимъ кружкахъ, неумѣла любить и ненавидѣть разсчетливо, настояла на своемъ, вознесла своего любимца выше облака ходячаго, и своими опрометчиво-восторженными дѣйствіями подтвердила ту старую истину, что демократія почти всегда сама послагаетъ на свое блестящее, но безолаберное существованіе.

Въ это время война крестоносцевъ противъ Эччелино еще продолжалась, и папскій легатъ, Филиппъ равеннскій, старался укрощать въ Ломбардіи всѣ междуусобныя распри, чтобы соединять всѣ силы городовъ и магнатовъ противъ тирана веронской мархіи. По совѣту легата, офиціальный подеста Милана попробовалъ напомнить враждующимъ партіямъ о своемъ существованіи, и приказалъ обо-

нимъ вождямъ удалиться изъ города. Можно подивиться тому, что оба вождя, делла-Торре и Сорезина исполнили приказаніе подесты. Надо полагать, что они не хотѣли ссориться съ легатомъ, который могъ навлечь на нихъ гнѣвъ своего владыки. Впрочемъ Мартино удалился не на долго. Черезъ нѣсколько дней онъ вернулся въ Миланъ; народъ прижалъ его съ восторгомъ къ своему пылающему сердцу, и еще разъ, торжественно провозгласилъ его своимъ Anziano и синьоромъ.

Мартино сталъ хозяйничать въ городѣ и въ области, какъ полновластный государь. Онъ подтвердилъ приговоръ изгнанія, направленный подестою противъ Сорезины, и выгналъ изъ Милана всѣхъ его приверженцевъ, то есть всю дворянскую партію. Легатъ не сталъ гнѣваться на Мартино за его самовольное возвращеніе, вѣроятно на томъ основаніи, что побѣдителей не судятъ. Кромѣ того, изгнанные дворяне не замедлили учинить такую капитальную глупость, послѣ которой легату невозможно было брать ихъ подъ свое покровительство. При жизни архіепископа Льва, эта глупость, конечно, не была бы сдѣлана.

Дворяне пригласили къ себѣ на помощь синьора Эччелино, отъ котораго въ это время уже отвертывались съ ужасомъ и съ негодованіемъ даже подобные ему узурпаторы и тираны. Дѣла Эччелино находились далеко не въ блестящемъ положеніи. У него уже была отнята Падуя, и противъ него была составлена такая сильная лига, съ которою ему невозможно было управиться, тѣмъ болѣе, что его господство въ Брешіи было еще совершенно не упрочено. Ухватившись за окровавленную и уже ослабѣвающую руку веронскаго тирана, миланскіе дворяне немедленно втянули его въ пропасть, и вслѣдъ за нимъ полетѣли сами туда же. Обманутый ихъ несбыточными надеждами, Эччелино, какъ мы видѣли выше, сунулся къ Милану, и попалъ въ западню. Послѣ пораженія и смерти веронскаго тирана, для его союзниковъ не могло быть спасенія. Ихъ ненавидѣла, ихъ презирала и отвергала вся Италія, которая въ это время, на всѣхъ своихъ большихъ дорогахъ, видѣла изнемогающія вереницы слѣпыхъ, безногихъ и безносыхъ фріольскихъ калѣкъ. Когда въ Миланѣ узнали о томъ, что дворяне хотѣли отдать республику въ руки веронскаго кровопійцы, тогда отъ дворянъ отшатнулась рѣшительно вся многочисленная группа осторожныхъ и предусмотрительныхъ республиканцевъ, которые соединились было съ ними для того, чтобы общими силами сопротивляться опасному возвышенію дома делла-Торре. Понятно, что вся выгода отъ

этой реакціи досталось синьору Мартино, котораго значеніе еще гораздо болѣе увеличилось тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, во главѣ миланскихъ дружинъ, сильно содѣйствовалъ окончательному пораженію Эччелино. Обожатели Мартино, корыстные и безкорыстные, лукавые и простодушные, прославили его спасителемъ Ломбардіи, и городъ Лоди, въ припадкѣ восторженной благодарности, положилъ къ его ногамъ званіе синьора лодійской республики. Такимъ образомъ Мартино получилъ возможность, въ случаѣ возмущенія, поддерживать свою власть въ Миланѣ силами лодійцевъ, а въ Лодѣ — силами миланцевъ. Впрочемъ возмущенія никакого не предвидѣлось, потому что Мартино, подобно своему дядѣ Пагано, пользовался своею властью умѣренно и разсудительно. Народъ не считалъ нужнымъ замѣтить, что онъ нажилъ себѣ государя, и потерялъ ту свободу, за которую его предки дрались при Леньяно и при Корте-Нуова. Были недовольны какіе нибудь завзятые республиканцы, но съ ними нетрудно было сладить, не поднимая шума и не возбуждая въ городѣ скандала.

Единственнымъ опаснымъ врагомъ Мартино была все-таки изгнанная дворянская партія, которая, не смотря на свои ошибки, могла поддерживать сношенія съ недовольными республиканцами, и заготовлять понемногу матеріалы для новыхъ переворотовъ. Чтобы раздавить этихъ враговъ, нужна была тяжелая кавалерія. Мартино рѣшился нанять маркиза Палавичино, и заключилъ съ нимъ контрактъ на пять лѣтъ. Маркизу было предоставлено званіе миланскаго генералъ-капитана и ежегодное жалованье въ тысячу фунтовъ серебра. Палавичино былъ такъ силенъ, что, при его содѣйствіи, было очень нетрудно уничтожить разстроенную партію миланскихъ дворянъ. Палавичино уже давно господствовалъ въ Кремонѣ; послѣ смерти Эччелино, Брешія и Новара признали его своимъ генералъ-капитаномъ; затѣмъ миланская республика отдала себя на пять лѣтъ въ его распоряженіе; далѣе, Піаченца, Тортона и Александрія вручили ему верховную власть; наконецъ, посредствомъ своихъ многочисленныхъ приверженцевъ, онъ управлялъ городами Павіею, Пармою, Реджіо и Моденою. Такой сильный союзникъ могъ сдѣлаться для Мартино гораздо опаснѣе тѣхъ враговъ, противъ которыхъ была приглашена его тяжелая кавалерія. Роли очень легко могли перемѣниться: наемникъ могъ превратиться въ хозяина, а хозяинъ въ слугу или изгнанника. Но Мартино надѣялся конечно на любовь народа и разсчитывалъ на свою собственную политиче-

скую ловкость. Эти разсчеты и надежды дѣйствительно не обманули его.

Въ 1261 году миланскія дружины и кавалерія маркиза Пелавичино загнали миланскихъ эмигрантовъ въ замокъ Табіаго и довели ихъ голодомъ и жаждою до безусловной сдачи. Плѣнниковъ оказалось около девяти сотъ человѣкъ. Ихъ заковали въ кандалы, нагрузили на телѣги, и привезли въ Миланъ. Народъ требовалъ ихъ смерти, но великодушный Мартино помиловалъ ихъ,—такъ, какъ обыкновенно милуютъ сильныя особы и счастливые побѣдители. Однихъ онъ поселилъ въ городскихъ тюрьмахъ; другихъ пристроилъ въ крошечныя кельи, находившіяся на вершинѣ башень и колоколень; третьихъ посадилъ, какъ дикихъ звѣрей, въ большія деревянныя клѣтки, на потѣху миланскимъ зѣвакамъ. Въ такомъ положеніи эти помилованные люди провели время до паденія дома делла-Торре, то есть, до 1277 года.

Послѣ смерти Льва изъ Перего, миланская архіепископская кафедра слишкомъ пять лѣтъ осталась незанятою. Въ миланскомъ капитулѣ, отъ котораго зависѣли выборы,—боролись между собою тѣже самыя партіи, которыя волновали республику. Плебеи предлагали въ архіепископы Раймунда делла-Торре, племянника Мартино. Дворянская партія выдвигала впередъ другого кандидата. Папа былъ очень недоволенъ тѣмъ, что Мартино связался съ маркизомъ Палавичино, который не только былъ ревностнымъ гибеллиномъ, но даже оказывалъ явное покровительство ереси патариновъ, и открыто сопротивлялся дѣйствіямъ священной инквизиціи. Чтобы наказать Мартино за союзъ съ нечестивыми, и чтобы, въ тоже время, напомнить миланскому капитулу о правахъ высшей духовной власти, папа забраковалъ обоихъ кандидатовъ, и назначилъ самъ на миланскую кафедру каноника Отона Висконти, принадлежавшаго къ одной изъ самыхъ благородныхъ фамилій миланской республики. Мартино принялъ это назначеніе за личную обиду, и нежелая болѣе церемониться съ папою, конфисковалъ почти всѣ имѣнія архіепископской кафедры. Тогда Отонъ Висконти, сильный покровительствомъ папы, собралъ вокругъ себя остатки разбитой дворянской партіи, и въ разныхъ углахъ Ломбардіи началась снова агитація противъ делла-Торре.

Въ 1263 году окончился срокъ контракту, заключенному городомъ Новарою съ маркизомъ Пелавичино. Новара отдалась синьору Мартино, и это обстоятельство, повидимому, нисколько не нарушило добраго согласія между обоими союзниками. Надѣясь упрочить свое

положеніе въ Миланѣ на неопредѣленно-долгое время, маркизъ очевидно не хотѣлъ ссориться изъ-за бездѣлицы съ старшиною и синьоромъ миланскаго народа.

Въ томъ же 1263 году Мартино умеръ. Во время его предсмертной болѣзни, миланскій народъ, по его просьбѣ, обѣщалъ ему передать его брату Филиппу титулъ и власть Anziano и синьора. Сдѣлавшись повелителемъ Милана, Филиппъ прожилъ только два года, но въ это время онъ успѣлъ подчинить своему господству города Комо, Верчелли и Бергамо. Всѣ эти завоеванія дѣлались безъ кровопролитія. «Во всѣхъ этихъ городахъ,—говоритъ Сисмонди, а также и въ тѣхъ, которые покорились его брату, народъ не думалъ отказываться отъ своей свободы; онъ хотѣлъ выбрать себѣ не повелителя, а только покровителя противъ дворянъ, начальника военныхъ людей, и верховнаго судью. Опытъ доказалъ ему слишкомъ поздно, что эти прерогативы, соединенныя въ однихъ рукахъ, производятъ монарха.»—(T. II. p. 387).

Въ 1264 году окончилось то пятилѣтіе, въ продолженіе котораго Пелавичино долженъ былъ оставаться генералъ-капитаномъ Милана. Филиппу удалось около этого времени собрать въ своихъ городахъ достаточное количество рыцарей. Поэтому онъ расплатился съ маркизомъ, и уволилъ его въ чистую отставку. Маркизъ, котораго честолюбивыя надежды и фантазіи заходили очень далеко, несказанно обидѣлся такимъ неожиданно скромнымъ исходомъ своего блистательнаго генералъ-капитанства. Съ досады, онъ посадилъ подъ арестъ и обобралъ тѣхъ миланскихъ купцовъ, которые попались ему подъ руку въ его владѣніяхъ. Его разочарованіе и его гнѣвъ не повели за собою никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Въ это время Карлъ Анжуйскій, братъ Людовика святаго, по приглашенію папы Урбана IV, приступилъ къ завоеванію Сицилійскаго королевства, въ которомъ, съ 1254 года, благополучно царствовалъ Манфредъ, побочный сынъ императора Фридриха II. Путь Карла лежалъ изъ Прованса вдоль по всей Италіи, съ сѣвера на югъ. Появленіе сильной французской арміи, совершенно преданной папскому престолу, оживило страсти партій, и нарушило равновѣсіе, установившееся въ Ломбардіи между гвельфами и гибелинами. Филиппъ делла-Торре вступилъ въ союзъ съ Карломъ Анжуйскимъ, и, въ знакъ своего особеннаго уваженія, позволилъ ему назначить въ Миланъ подесту изъ провансальцевъ. Города, въ которыхъ господствовали предводители гибелиновъ, маркизъ Пелавичино и Буозода-Доара, взбунтовались противъ нихъ одинъ за другимъ, такъ что

маркизъ, уже въ 1269 году, остался только при своихъ наслѣдственныхъ замкахъ, а Буозо, изгнанный изъ Кремоны со всѣми своими приверженцами, и кромѣ того поссорившійся съ маркизомъ, умеръ въ совершенной нищетѣ.

Гибелины удержали за собою преобладаніе только въ одной верюнской маркіи, гдѣ Мартино делла-Скала довольно успѣшно старался сдѣлаться владѣтельною особою и возстановить въ свою пользу разрушившуюся монархію Эччелино III.

Въ началѣ 1266 года побѣда при Граделлѣ и смерть Манфреда, убитаго въ этомъ рѣшительномъ сраженіи, открыли Карлу Анжуйскому дорогу къ сицилійскому престолу. Утвердившись въ своемъ благопріобрѣтенномъ королевствѣ, Карлъ задумалъ покорить сначала всю Италію, а потомъ Византійскую имперію. Въ 1268 году ему пришлось выдержать борьбу съ послѣднимъ представителемъ династіи Гогенштауфеновъ; 23 августа Карлъ разбилъ молодого Конрадина при Тальякоццо; спустя два мѣсяца послѣ этого сраженія, Конрадинъ, внукъ Фридриха II, взятый въ плѣнъ, сложилъ голову на плаху, въ Неаполѣ, на городской площади. Партія гибелиновъ осталась безъ общаго предводителя.

Въ 1269 году Карлъ, стараясь усилить вліяніе на дѣла сѣверной Италіи, послалъ своихъ уполномоченныхъ въ Кремону, и созвалъ туда на сеймъ представителей ломбардскихъ городовъ, принадлежавшихъ къ партіи гвельфовъ. На этомъ гвельфскомъ сеймѣ посланники Карла старались доказать, что для полнаго и прочнаго торжества надъ безбожными гибелинами слѣдуетъ придать управленію гвельфской лиги больше силы и единства, что для этого необходимо выбрать начальника всего союза, и что никто, кромѣ сицилійскаго короля Карла, наполнившаго всю Европу шумомъ и блескомъ своихъ подвиговъ, неспособенъ вести гвельфскую лигу впередъ по славному пути побѣдъ и безукоризненнаго благочестія. Изъ этихъ пышныхъ рѣчей вытекало то практическое заключеніе, что всѣ ломбардскіе города должны назначить короля Карла своимъ синьоромъ. Ломбардія въ это время уже до такой степени привыкла безъ малѣйшей надобности бросать свою свободу подъ ноги первому встрѣчному, что многіе изъ депутатовъ, присутствовавшихъ на кремонскомъ сеймѣ, убѣжденные краснорѣчіемъ посланниковъ, тотчасъ же закабалили своихъ согражданъ королю Карлу. Піаченца, Кремона, Парма, Модена, Феррара и Реджіо признали надъ собою такимъ образомъ чужеземный протекторатъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ превратиться въ

очень тяжелое иго. Представители Милана, Комо, Верчелли, Новары, Александріи, Тортоны, Турина, Павіи, Бергамо, Болоньи и уполномоченные маркиза Монферратскаго отвѣчали, что они хотятъ быть союзниками и друзьями, но не подданными короля Карла. Этимъ отвѣтомъ не кончилось дѣло. Посланники Карла продолжали свои интриги, и въ концѣ того же года миланцы, и вслѣдъ за ними граждане нѣкоторыхъ другихъ городовъ присягнули на вѣрность Карлу, какъ безсмѣнному начальнику гвельфскаго союза.

Въ Миланѣ господствовалъ, съ 1265 года, Наполеонъ делла-Торре, племянникъ Филиппа и Мартино. Семейство делла-Торре свыклось уже съ своимъ высокимъ положеніемъ, перестало считать себя въ зависимости отъ народной любви, и мало заботилось о томъ, чтобы пріобрѣтать себѣ популярность. Отношенія между народомъ и господствующимъ семействомъ охладѣли. Филиппъ и Наполеонъ были уже не любимыми вождями плебейской партіи, не кумирами толпы, не защитниками ея противъ дворянъ, а просто правителями государства, которымъ народъ повинуется равнодушно, на которыхъ онъ часто ропщетъ на тяжелые налоги, и которыхъ онъ можетъ прогнать при первомъ удобномъ случаѣ. Любовь къ семейству бывшихъ демагоговъ охладѣвала вмѣстѣ съ тою ненавистью, которую, въ былое время, внушала народу дворянская партія. Эта партія уже давно никому не вредила, никого не оскорбляла, никому не могла сдѣлаться опасною. Одни изъ ея коноводовъ и членовъ въ могилахъ; другіе умирали медленною смертью въ тюрьмахъ и клѣткахъ, устроенныхъ для нихъ синьоромъ Мартино; третьи бродили по ломбардскимъ городамъ, вмѣстѣ съ архіепископомъ Отономъ, подвергаясь тѣмъ лишеніямъ и опасностямъ, которыми усѣяна жизнь политическаго изгнанника. Народныя массы забывчивы и великодушны. Имъ невозможно долго ненавидѣть такихъ людей, которые терпятъ преслѣдованія. Въ своихъ побѣжденныхъ врагахъ миланцы видѣли только несчастныхъ страдальцевъ. То упорное ожесточеніе, съ которымъ синьоры делла-Торре старались уничтожить послѣдніе остатки разбитой дворянской партіи, не встрѣчало себѣ со стороны народа ни малѣйшаго сочувствія. А между тѣмъ тяжкая партизанская война противъ Отона Висконти и его приверженцевъ требовала денегъ, и эти деньги взыскивались съ народа, который вовсе не хотѣлъ войны. Народъ началъ понимать, что его интересы отдѣлились отъ частныхъ интересовъ фамиліи делла-Торре, и что главными его врагами, поглощающими его деньги и его силы, сдѣлались теперь тѣ самые люди, которые, по старой памяти, вы-

даютъ себя за его защитниковъ и выборныхъ начальниковъ. Но чувствуя и размышляя такимъ образомъ, народъ былъ уже неспособенъ освободиться собственными силами отъ такой власти, которая больше не соотвѣтствова его наклонностямъ и потребностямъ. Республиканская энергія замерла подъ вліяніемъ тридцатилѣтняго господства неограниченныхъ правителей. Власть господствующей фамиліи стала украшаться ореоломъ какой-то законности, и хотя эта власть не нравилась почти никому, однако въ Миланѣ не оказывалось такого смѣльчака, который рѣшился бы выдвинуться впередъ и пригласить народную массу къ откровенному и настойчивому заявленію своихъ желаній, симпатій и антипатій. Миланъ ожидалъ себѣ толчка со стороны. Ему хотѣлось, чтобы какой нибудь благодѣтель пришелъ освободить его. Разумѣется, можно было предвидѣть заранѣе, что этотъ великодушный освободитель усядется самъ на то мѣсто, съ котораго онъ прогонитъ синьоровъ делла-Торре.

Въ 1276 году Отонъ Висконти собрался съ силами, заключилъ союзъ съ маркизомъ Монферратскимъ, взялъ нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, принадлежавшихъ синьорамъ делла-Торре, и въ началѣ 1277 года двинулся къ Милану. Наполеонъ делла-Торре выступилъ къ нему на встрѣчу, и остановился на ночь съ своимъ войскомъ въ мѣстечкѣ Дезіо. Висконти напалъ на него ночью, врасплохъ, и такъ удачно, что захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона, вмѣстѣ съ пятью его родственниками. Эти шестеро плѣнниковъ попались въ руки комасковъ, которые были злы на Наполеона за то, что онъ держалъ въ клѣткѣ одного изъ ихъ соотечественниковъ. Знатныхъ плѣнниковъ препроводили въ Комо, и тамъ имъ отвели для жительства три желѣзныя клѣтки.

Двое синьоровъ делла-Торре оставались еще на свободѣ и командовали кавалерійскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ Кантуріо, и не принимавшемъ никакого участія въ неудачномъ дѣлѣ при Дезіо. Эти синьоры бросились въ Миланъ, и стали умолять народъ, чтобъ онъ вооружился и отправился выручать ихъ плѣнныхъ родственниковъ. Но народъ былъ весь на сторонѣ счастливаго побѣдителя, грабилъ дворцы семейства делла-Торре, перерѣзывалъ улицы баррикадами, и осыпалъ каменьями двоихъ синьоровъ, расчитывавшихъ на его вооруженное содѣйствіе. Остатки торріанской партіи бѣжали изъ Милана сначала въ Лоди, потомъ въ Кремону. Оба эти города заперли передъ ними ворота, и повелители Ломбардіи, пре-

вратившіеся за ночь въ нищихъ изгнанниковъ, только въ Пармѣ нашли себѣ безопасное убѣжище.

Миланскій народъ уже не умѣлъ пользоваться свободою и защищать ее противъ всякаго посторонняго посягательства. Вліятельные граждане, въ минуту паденія старой династіи, думали только о томъ, какъ бы раньше и искуснѣе другихъ преклониться передъ восходящею звѣздою новаго властелина. У всѣхъ миланскихъ политиковъ была на умѣ одна и та же задушевная мысль; немудрено, что эта мысль выразилась въ словѣ, и была тотчасъ же поддержана сотнями усердныхъ восклицаній, которыя уже предназначались для чуткаго слуха новаго владыки, хотя этотъ владыка еще не показывался передъ стѣнами Милана. Граждане рѣшили, разумѣется, отправить къ архіепископу Отону Висконти торжественную депутацію, которая, вмѣстѣ съ радостными поздравленіями народа, должна была поднести достопочтенному прелату титулъ пожизненнаго синьора и правителя миланской республики.

Такимъ образомъ возвысилась въ Миланѣ новая династія, которая, съ перваго дня своего господства, не имѣла уже ни малѣйшей надобности кокетничать съ народомъ и прикидываться усердною защитницею его интересовъ и его свободы. Республика сама того не замѣчая, превратилась въ монархію.

Д. Писаревъ.

TE DEUM.

...Могучій графъ Тилли орломъ
Къ стѣнамъ Магдебурга примчался.
Металъ онъ и пламя и громъ,
А городъ стоялъ, не сдавался...
Въ насъ бомбы кидали со стѣнъ,
Картечью въ насъ сыпали съ вала...
Мы злились... Безоблачный день
Кромешная тьма покрывала...
Вотъ страшный пожаръ зашумѣлъ,
И рухнули стѣны... Надъ адомъ
Графъ Тилли, какъ ангелъ, летѣлъ...
Мы съ нимъ — подъ убійственнымъ градомъ —
Вошли и рубили сплеча,
Ни женъ, ни дѣтей не жалѣли,
И блѣдные трупы влача,
«Te deum laudamus» мы пѣли...

ВОЛОГОДСКІЯ КРУЖЕВНИЦЫ.

I.

По свѣденіямъ, доставленнымъ полиціями въ вологодскій статистическій комитетъ, въ городахъ вологодской губерніи считалось въ 1862 г. ремесленниковъ—2,164; въ томъ числѣ: мастеровъ 1,146, рабочихъ 611 и учениковъ 107.

По роду занятій это были: хлѣбники, мясники, булочники, кондитеры, колбасники, пряничники, портные, сапожники, модистки, шляпники, башмачники, скорняки, печники, столяры, мѣдники, шорники, каретники, кузнецы, трубочисты, плотники и т. п.

Я прерываю этотъ списокъ, вообще очень длинный, чтобы не утомлять вниманія читателя. Но если бы читатель захотѣлъ провѣрить мои слова и обратилъ бы свое благосклонное вниманіе на 109 и 110 стр. Памятной книжки вологодской губерніи на 1864 годъ, то онъ удостовѣрился бы, что на этихъ двухъ страницахъ перечислены рѣшительно всѣ ремесла, кромѣ кружевнаго.

Или кружевное занятіе такъ ничтожно, что о немъ не стоитъ упоминать? Но въ губерніи всего на все 3 колбасника, 5 шляпниковъ, 6 каретниковъ, 2 позолотчика, однако они въ спискѣ помѣщены. Или кружевное дѣло вовсе не ремесло? Въ такомъ случаѣ что же оно такое?

Я нисколько не ошибусь, если скажу, что кружевничество дѣйствительно не ремесло; оно состояніе. Конечно, это не оправдываетъ

невниманія вологодскихъ статистиковъ къ своимъ кружевницамъ, невниманія тѣмъ болѣе неизвинительнаго, что кружевницы составляютъ въ Вологдѣ совсѣмъ особый слой населенія бѣдствующаго, голодающаго и унижаемаго, занимающаго подвальные этажи.

Только нужда, да и нужда неисходная, дѣлаетъ женщину кружевницей; а читатель знаетъ и безъ меня, что значитъ быть бѣднымъ и какъ русскій человѣкъ любитъ поломаться надъ тѣмъ, кого онъ благодѣтельствуетъ.

Къ русскому обществу, особенно такихъ мадвѣжьихъ угловъ, какъ нашъ сѣверо-востокъ, примѣняются лучше всего слова Вольтера; когда кто-то сказалъ ему—„бѣдность не порокъ“, Вольтеръ отвѣтилъ—„хуже“. И дѣйствительно бѣдность хуже порока, потому что каждый богатый дуракъ можетъ надъ нею ломаться.

Въ Вологдѣ кружевничество, если и не считается презрѣннымъ трудомъ, то и никто не глядитъ на него какъ на занятіе почетное. „Вы чѣмъ занимаетесь?“ спрашиваетъ бѣдно одѣтую дѣвушку хорошо одѣтая барыня. „Плету кружева,“ отвѣчаетъ бѣдно одѣтая дѣвушка. „А, плетете кружева.“ И на лицѣ хорошо одѣтой барыни является выраженіе сожалѣнія и губы ея складываются трубочкой.

А между тѣмъ у той же самой барыни губы остались бы въ нормальномъ положеніи, если бы бѣдно одѣтая дѣвушка отвѣтила ей, что она башмачница, модистка, или какая нибудь другая цеховая ремесленница.

Происходитъ это оттого, что въ томъ или другомъ случаѣ является разная ассоціація идей; являются иные представленія, можетъ быть даже и несознаваемые хорошо одѣтой барыней.

Со словомъ башмачница рисуются въ воображеніи барыни башмаки, ботинки; со словомъ модистка — платья и шляпки; можетъ быть смутно мелькаетъ мысль о несовсѣмъ строгомъ образѣ жизни дѣвушки и только.

Но съ словомъ кружевница, кружева отступаютъ на второй планъ, ихъ вытѣсняетъ представленіе о бѣдности — и больше ни о чемъ. Башмачницы, модистки могутъ быть если не богаты, то обезпечены; онѣ могутъ жить въ довольствѣ, наслаждаясь на досу-

гѣ любовью, но кружевница всегда бѣдна и любовью не занимается.

Кружевницы — это дочери бѣдныхъ, преимущественно отставныхъ чиновниковъ, нуждающихся дьячковъ, пономарей, голодающихъ мѣщанъ. Онѣ живутъ въ своихъ семействахъ — съ родителями, братьями, и заполняютъ своимъ трудомъ тѣ прорѣхи домашняго хозяйства, невыполненіе которыхъ создаетъ бѣдность, пограничную съ нищетой.

Бываютъ случаи, когда кружевничество служитъ единственнымъ средствомъ существованія; когда мать и дочь своей работой поддерживаютъ всю семью и больного отца, отставного чиновника, и малолѣтнихъ дѣтей; когда сестра содержитъ своихъ братьевъ, учащихся въ гимназіи или въ училищѣ; бываетъ и такъ, что дочери добываютъ кружевами не только на хлѣбъ и на квартиру, но и на водку своему вѣчно пьяному отцу. Такое кружевничество несчастіе; это гордое нищенство, непросящее милостыни.

Семейства, въ которыхъ занимаются плетеніемъ кружевъ, всегда самыя бѣдныя; особенно если кружевничество служитъ единственнымъ источникомъ существованія. Оно даетъ ровно столько, что можно жить не ходя по міру; но не столько, чтобы при безталанности можно было обходиться безъ припрашиванія. Это-то припрашиваніе и бросаетъ на кружевницъ невыгодную тѣнь. Припрашиваютъ не всѣ — можетъ быть наиболѣе бѣдныя и недостаточно гордыя, чтобы не пользоваться чужими милостями; но на всѣхъ кружевницъ падаетъ оттѣнокъ нищенства и со словомъ кружевница является понятіе о безпомощности, возбуждающей сожалѣніе и нуждающейся въ подаяніи.

Вотъ причина, что кружевницы непускаются дальше передней и между богатыми барынями есть даже такія, которыя наслаждаются ихъ униженіемъ и подобострастіемъ.

Я согласенъ съ тѣмъ, что припрашиваніе есть недостатокъ чувства собственнаго достоинства; но во-первыхъ, я непонимаю, почему слѣдуетъ оскорблять даже того, въ комъ мало этого чувства, а во-вторыхъ — и тѣмъ болѣе — за что оскорблять тѣхъ кто заявляетъ свое право на уваженіе. Я могъ бы привести и факты въ под-

твержденіе своихъ словъ, но не желаю, чтобы ихъ сочли за личности.

Факты эти не имѣютъ конечно міровой важности; но въ мірѣ вологодскихъ кружевницъ они важны, ибо уясняютъ отношенія заказчицъ къ работницамъ. Ты бѣдный человѣкъ и потому ты долженъ передо мной стоять, а я передъ тобой могу сидѣть; ты курить при мнѣ не смѣешь, а я курить при тебѣ могу.

Дѣйствительно между кружевницами, преимущественно изъ мѣщанокъ, есть такія, которыя тщеславятся передъ своими собратьями, когда какая нибудь барыня пригласитъ ее сѣсть, а тѣмъ болѣе предложитъ ей чашку чая. Честь безъ сомнѣнія очень большая. Есть между кружевницами и такія, которыя, продавъ кружева, припрашиваютъ въ придачу какое нибудь старье, или даже что нибудь съѣстное. Но въ тоже время не менѣе справедливо и то, что кромѣ попрошаекъ есть между кружевницами женщины очень умныя и даже начитанныя, владѣющія большимъ чувствомъ достоинства, чѣмъ тѣ, кто ихъ желаетъ держать въ своихъ передникъ.

Причина этого смѣшенія крайностей заключается въ томъ, что кружевничество есть явленіе аналогичное съ европейскимъ пролетаріатомъ. Четвертое сословіе Европы оттянуло къ себѣ соки изъ всѣхъ слоевъ общества; въ рядахъ пролетаріата вы найдете и разорившагося графа и одинокого поденщика. Тоже самое и въ кружевничествѣ. Плетеніе кружевъ есть якорь спасенія для бѣдной безномощной женщины, для всякой семьи, постигнутой внезапной бѣдностію. Отъ этого плететъ кружева и мѣщанка, и пономаревна, и дьячиха, и дочь чиновника, и вдова чиновника, и обѣдневшая помѣщица. Всякая нуждающаяся женщина, къ какому бы слою она ни принадлежала и какимъ бы ни владѣла образованіемъ, можетъ сдѣлаться кружевницей. Такимъ образомъ, кружевничество есть внѣшній признакъ извѣстнаго экономическаго состоянія, есть особый видъ бѣдности, особый видъ общественнаго положенія. Въ этомъ и причина, что люди съ сословными предразсудками и обезпеченные, при словѣ кружевница, проникаются внезапно чувствомъ самодовольства, и придаютъ своему лицу и всей фигурѣ видъ вы-

сокомѣрія. Это своего рода кокетство; красавица смотритъ всегда съ сожалѣніемъ на свою безобразную подругу и также смотритъ богатая барыня на бѣдную кружевницу.

II.

Когда явилось кружевное дѣло въ вологодской губерніи я этого не знаю; но что оно было вызвано барствомъ—это совершенно вѣрно.

Въ старину плетеніемъ кружевъ занимались въ купеческихъ домахъ, въ видѣ домашняго рукодѣлья и только на потребности семьи. Но когда вкусъ къ кружевамъ распространился въ средѣ избраннаго общества и сталъ усиливаться на нихъ запросъ, плетеніе кружевъ приняло промышленный характеръ. Бѣдные люди нашли, что дѣло это для нихъ выгодно и число кружевницъ, увеличиваясь каждый годъ, дошло до того, что въ настоящее время кружева плететъ почти вся Вологда, или точнѣе все населеніе вологодскихъ чердаковъ и подваловъ или первыхъ этажей. Только дворянство, да купечество не занимаются плетеніемъ кружевъ, и кружевницъ вы не найдете на *дворянской* улицѣ; а затѣмъ онѣ почти во всякомъ домѣ.

Есть семьи, въ которыхъ плетеніемъ кружевъ занимаются круглый годъ и кружевничество составляетъ ихъ спеціальность. Это преимущественно вдовы или семейства отставныхъ чиновниковъ, неимѣющія своихъ домовъ и земли. Другія семейства — духовнаго званія или мѣщанскіе, занимаются лѣтомъ обработкой своихъ огородовъ, а кружева плетутъ зимой. У послѣднихъ плетеніе кружевъ является подспорьемъ, и вырученныя деньги идутъ на туалеты прекрасному полу и частію на поддержку домашняго хозяйства.

Какъ въ другихъ мѣстахъ каждую дѣвочку учатъ шить по канвѣ, вышивать гладью или тамбуромъ, такъ въ Вологдѣ обязательнымъ рукодѣльемъ является плетеніе кружевъ. Дѣвочку пяти лѣтъ сажаютъ уже за коклюшки и начинаютъ приготовлять изъ нея бу-

дущую кружевницу. Даже люди вполнѣ обезпеченные учатъ своихъ дѣтей плести кружево; конечно это дѣлается не для того, чтобы дать имъ возможность добывать своимъ трудомъ кусокъ хлѣба, а больше въ видѣ празднаго занятія; но какъ съ другой стороны никто не можетъ знать, какая судьба постигнетъ будущую барышню, то и выходитъ что нѣтъ худа безъ добра.

Для женщинъ живущихъ своимъ трудомъ, плетеніе кружевъ является самымъ выгоднымъ занятіемъ. Можно жить правда и вязаніемъ чулковъ, шарфовъ, шитьемъ бѣлья; но эти рукодѣлья далеко не представляютъ тѣхъ выгодъ, какія представляетъ плетеніе кружевъ. Ни чулки, ни шарфы не имѣютъ такого сбыта. Свяжи пару чулокъ или шарфъ, да и ходи съ ними по городу, изъ дома въ домъ. Кружева не то. Недостаетъ въ семьѣ соли или хлѣба и тотчасъ же несутъ кусокъ кружевъ къ скупщицѣ, и та немедленно выплачиваетъ деньги. Были бы только готовыя кружева, а въ сбытѣ ихъ не встрѣчается никогда остановки, благодаря тому, что матушка Россія обширна и во всѣхъ концахъ ея живутъ барышни, которымъ необходимы кружевные рукавчики, воротнички пелеринки, вуали и т. д.

Это обстоятельство дѣлаетъ плетеніе кружевъ занятіемъ прочнымъ и даетъ ему перевѣсъ передъ всѣми остальными видами женскаго труда. Конечно нельзя сказать, чтобы для вологодскихъ кружевницъ несуществовало никакихъ опасностей. Съ вологодской работой конкурируютъ кружева орловскія, отличающіяся большимъ изяществомъ рисунка и исполненія. Но съ другой стороны вологодскія кружева славятся большею прочностію. Не смотря однако на это, если бы Орлу вздумалось повезти въ Петербургъ кружевъ въ подавляющемъ количествѣ, то вологодская прочность не помогла бы и вологодскія кружева пришлось бы продавать за безцѣнокъ. Къ счастію для вологодскихъ кружевницъ этого не бываетъ. Другимъ зловреднымъ обстоятельствомъ, впрочемъ исключительнаго свойства, является война. Такъ въ крымскую войну значительно упалъ спросъ на вологодскія кружева. Какія причины вызвали это уменьшеніе спроса я объяснить не берусь; но если значительныя и вообще богатыя барыни, отказавшись украшать себя кружевами, думали

этимъ сдѣлать сокращеніе въ русскихъ военныхъ расходахъ или досадить англичанамъ и французамъ, то онѣ далеко не достигли своей цѣли;—ихъ воздержаніе отразилось только на желудкахъ бѣдныхъ вологодскихъ кружевницъ и больше ни на комъ; слѣдовательно патріотическое побужденіе привело въ результату вовсе не патріотическому.

Изъ того, что я говорилъ о выгодахъ кружевнаго производства предъ остальными видами женскаго труда, пусть читатель не составляетъ преувеличеннаго понятія о выгодѣ плетенія кружевъ. Повторяю еще разъ, что кружева даютъ ровно столько, что кружевницы не ходятъ по міру. Изъ этого читатель составитъ уже и самъ заключеніе о томъ, какъ должно быть выгодно вязаніе чулковъ и шарфовъ. Но слѣдующія цифры покажутъ нагляднѣе размѣръ выгодности плетенія кружевъ.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, величина заработка зависитъ отъ прилежанія работницы и качества работы. Такъ, напримѣръ, есть узенькія кружева, въ палецъ шириною, которыя продаются по 15 до 20 к. за десять аршинъ, даже и дешевле; но есть кружева того же самаго рисунка и размѣра, которыхъ нельзя купить дешевле 1 руб. за тотъ же десятокъ. Первыя дешевы потому, что ихъ плетутъ дѣти, слѣдовательно грязно и неровно; вторыя же плететъ отличная мастерица съ математической точностію и съ безукоризненной чистотой. Первыя могутъ быть дешевы, какъ ученическая работа, какъ трудъ производителя, живущаго на чужомъ хлѣбѣ; вторыя должны быть дороже, потому что работница живетъ исключительно своимъ трудомъ.

Несмотря на эту разницу въ цѣнѣ, работа высшаго качества окупается вовсе не соотвѣтственно этой разницѣ. Одна и таже работница, работая кое-какъ, можетъ сплести въ день дурнаго сорта кружевъ 3 аршина и, слѣдовательно, заработать около 5 коп.; а при тщательной работѣ она наплететъ хорошихъ кружевъ только $1\frac{1}{4}$ аршина или заработаетъ $12\frac{1}{2}$ копѣекъ, слѣдовательно, качество работы возвышаетъ цѣну издѣлія въ *пять* разъ; а заработокъ возвышается только въ *два съ половиной раза*. Очевидно, что практика установила отношеніе невѣрное, или иначе, что

хорошо сдѣланное кружево продается дешевле, чѣмъ бы слѣдовало, благодаря только тому обстоятельству, что цѣна устанавливается минимумами потребностей и конкуренціею голодающихъ работницъ.

Заработывая только 12 ½ к. въ день существовать невозможно. Кружевницы знаютъ это очень хорошо и все-таки онѣ понизили цѣну. А понизили онѣ цѣну потому, что число кружевницъ не уменьшается, а увеличивается, т. е. увеличивается число нуждающихся людей въ большей пропорціи, чѣмъ запросъ на ихъ трудъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи пришлось искать спасенія снова въ качествѣ работы; т. е. всѣхъ тѣхъ, у кого нѣтъ никакого другого подспорья и приходится жить исключительно кружевной работой, нужда заставила приняться за плетеніе крупныхъ и изящныхъ вещей, какъ тальмы, вуали, наколки, чепцы, широкихъ кружевъ.

Для изготовленія такихъ вещей требуется извѣстная степень умственнаго развитія и довольно высокая степень искуства. А какъ то и другое дается въ удѣлъ не всѣмъ, то слѣдовательно и высшій заработокъ достается только нѣкоторымъ.

Какъ же великъ этотъ высшій заработокъ и какъ легко онъ достается?

Первой здѣшней кружевницѣ было заказано недавно сплести *пол-аршина* кружевъ въ вершокъ шириной; кружево было тонкое, въ родѣ брюссельскаго. Работая по *два* часа въ день, кружевница сплела ½ аршина только въ *двѣ* недѣли, и за эту работу получила 1 рубль. Читатель конечно можетъ сдѣлать кружевницѣ упрекъ въ лѣности. Еще бы не голодать, когда работаетъ всего два часа въ день! Справедливо. Но дѣло въ томъ, что мелкое кружево невозможно плести долго, глаза утомляются до слезъ; вѣдь барыня, заказавшая роскошное кружево, конечно не обезпечитъ кружевницу на всю жизнь, если она лишится на немъ зрѣнія. Изъ этого примѣра читатель можетъ усмотрѣть, что кружево для оторочки батистоваго платка, только одного платка, можетъ быть сплетено не менѣе какъ въ 3—4 мѣсяца; а для оторочки дюжины платковъ одна кружевница должна проработать отъ 3—4 лѣтъ.

Я не хочу сказать этимъ, что трудиться 3—4 года такъ ужа-

сно; люди обыкновенно трудятся весь свой вѣкъ и безъ труда жить невозможно; но я хочу сказать то, что предметъ такой пустой роскоши, какъ кружево на носовомъ платкѣ, достается сытымъ и счастливымъ барышнямъ слишкомъ дешево.

Изъ всего этого однако не слѣдуетъ, что работая брюссельское кружево только два часа въ день, кружевница остальное время сидитъ праздно. Кружевница праздной быть не можетъ, ибо каждая даромъ пропавшая минута отзывается лишеніемъ въ какой нибудь настоятельной необходимости. Вологодскія кружевницы расчитываютъ свое время лучше англичанъ, и если у насъ въ литературѣ высказывалась мысль о томъ, что русскій человѣкъ не понимаетъ цѣны времени, то упрекъ этотъ уже никакъ не можетъ падать на вологодскихъ кружевницъ. Вологодскія кружевницы достойны самаго глубокаго уваженія; это не тотъ сортъ женщинъ, съ высшими стремленіями, которыя возносятся постоянно своими мечтами къ чему-то очень отдаленному и хотя прекрасному, но тѣмъ не менѣе неясному и смутному, которыя, въ своей дѣтской невинности, просятъ научить ихъ что дѣлать и въ ожиданіи, что такіе наставники къ нимъ явятся, сидятъ съ сложенными руками и занимаются праздными разговорами; вологодскія кружевницы — женщины иного закала; это активныя, практическія существа, незанимающіяся никакими усладительными мечтами и вздорами, разслабляющими нервы; онѣ честныя труженицы, содержащія своихъ старыхъ, а подъ часъ и пьяныхъ отцовъ, воспитывающія своихъ братьевъ и сестеръ, онѣ дѣвушки скромныя и строгой нравственности, нежелающія жить на счетъ своихъ отцовъ и братьевъ. Онѣ уважаютъ трудъ и хотятъ жить своимъ трудомъ. Случай, который я здѣсь приведу, разумѣется, не можетъ служить общимъ правиломъ; но онъ все-таки фактъ, заслуживающій вниманія. Одной 13-ти лѣтней дѣвочкѣ, будущей кружевницѣ, крестный дядя подарилъ на лакомство 20 копѣекъ. Дѣвочка такъ этимъ обидѣлась, что проплакала цѣлый день. „Я сама могу выплести на 20 к. не хуже его денегъ, я сама наработаю себѣ и на лакомство, и на платье,“ повторяла она нѣсколько разъ. Люди, которые дѣтьми умѣютъ уже такъ обижаться, создадутъ поколѣніе не разслабленныхъ, праздныхъ голубицъ или

попрошаекъ; а поколѣніе гордое, нравственно-здоровое, энергичное и трудолюбивое.

Впрочемъ, если теперешнія кружевницы не всѣ такъ горды, за то всѣ безъ исключенія прилежны, какъ муравьи, и всѣ расчитываютъ всякую минуту. Кружевницы работаютъ обыкновенно отъ 8 часовъ утра до 12 часовъ ночи, или 16 часовъ въ день. Филантропы огорчаются, если на фабрикахъ заставляютъ работать болѣе 10 часовъ. Повсюду, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ принимаются мѣры, чтобы не обременять слишкомъ работой ни взрослыхъ, ни дѣтей, и мѣры филантроповъ имѣютъ полный успѣхъ, ибо приходится бороться съ открытымъ врагомъ—съ фабрикантами, которымъ можно приказать сократить число рабочихъ часовъ. Но врагъ кружевницъ, швей, врагъ, заставляющій ихъ просиживать по 16, а иногда даже по 20 часовъ въ день, врагъ скрытый; ему нельзя ничего приказать административнымъ порядкомъ, потому что этотъ врагъ бѣдность, противъ котораго безсильны филантропическія мѣры. Кружевница должна сидѣть такъ долго, ибо иначе ей грозитъ голодная смерть. Даже и при усидчивомъ трудѣ она едва добываетъ себѣ средства существованія; возможно ли же для нея сокращеніе рабочаго времени?

Работница средней руки можетъ заработать въ день копѣекъ 20. Заработокъ въ 25 или 30 к. считается уже большимъ, а въ 40 или 45 копѣекъ—случайная рѣдкость, о которой кружевницы говорятъ съ гордостью и съ весьма извинительнымъ чувствомъ тщеславія, желая выставить въ выгодномъ свѣтѣ свое занятіе. Впрочемъ послѣднему показанію довѣрять не слѣдуетъ; оно всегда подсказывается хвастливостію и дѣлается людямъ, незнакомымъ съ кружевнымъ дѣломъ. Если обратить вниманіе на то, что кружевницы желаютъ скрывать свою бѣдность, то ихъ невинная ложь оказывается не больше, какъ не удачной стратегической хитростію.

Но если кружевница *можетъ* заработать ту или другую плату, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что она заработываетъ ее въ дѣйствительности. 40 и 45-ти копѣечный заработокъ, какъ случайная рѣдкость, выходитъ изъ общаго правила; о немъ по этому и го-

ворить нечего, тѣмъ болѣе, что излишекъ заработка, случайно набѣжавшаго счастливаго дня, уходитъ на наполненіе недовыручки дня неудачнаго. Среднимъ максимумомъ заработка кружевницы считаютъ 30 к. въ день. Но и эти 30 к. только возможность, а не дѣйствительность. Кто живетъ кружевами, тѣ прислуги имѣть не въ состояніи; самимъ имъ нужно истопить печи и приготовить кушанье, сходить на рынокъ и подмести комнаты. Много ли, мало ли уходитъ на все это времени, вопросъ другой, а время все-таки уходитъ. Хорошо, если есть въ семьѣ подростки-дѣвочки, онѣ помогутъ; если же ихъ нѣтъ, то самое мелочное домашнее дѣло должна дѣлать сама кружевница. Наконецъ кружевницѣ нужно подумать и о своемъ гардеробѣ; портнихѣ платить ей не изъ-чего, чулочницѣ тоже. Слѣдовательно, на шитье новыхъ вещей, на починку и возстановленіе старыхъ, на вязанье чулковъ для себя и для домашнихъ нужно опять время. Понятно, что при такомъ обиліи работы приходится расчитывать каждую минуту, ѣсть урывками и истратить времени на пустые праздные разговоры. Вотъ почему вы увидите, что во время чая или когда придутъ вечеромъ непрошеные гости, кружевница вяжетъ чулокъ или занимается какой нибудь подобной, истребующей большаго вниманія работой.

Этотъ вѣчный, неустанный трудъ, постоянная мысль о томъ, что нужно сдѣлать то или другое, чтобы поддержать домъ въ порядкѣ, дѣлаетъ жизнь кружевницы если и не настоящей каторгой, то и далеко не уподобляетъ ее спокойному обезпеченному положенію прекрасныхъ особъ, для которыхъ работаютъ кружевницы.

Конечно, человѣкъ привыкаетъ ко всему; разсказываютъ про одного индѣйца, приговореннаго спать на доскѣ, утыканной гвоздями, что онъ, проспавъ на ней 18 лѣтъ, такъ привыкъ къ этому новому виду постели, что когда его простили, онъ уже самъ, до конца дней, спалъ на ней добровольно. Также можно привыкнуть и къ лишеніямъ, и къ вѣчнымъ заботамъ. Но вопросъ не въ привычкѣ; а въ томъ, выгодно ли обществу, если нѣкоторые изъ его членовъ должны привыкать къ низкому уровню потребностей, должны страдать вѣчно отъ нищеты и лишеній. Подумайте, каково тѣмъ бѣднымъ семействамъ чиновниковъ, которыхъ отставка отца спи-

баетъ сразу съ прежнихъ и безъ того уже скудныхъ удобствъ жизни. Изъ квартиры, хотя и тѣсной, приходится перебраться въ подвальный этажъ, уволить единственную работницу, самимъ таскать воду и дрова. А если къ этому постигнетъ кого нибудь изъ членовъ болѣзнь, если отставной старый отецъ попиваетъ! И эту бѣду должна нести на своихъ плечахъ опять кружевница. Счастіе, если человѣкъ способенъ привыкнуть къ нищетѣ, можетъ сдружиться съ нею. Положимъ, что обществу во всемъ его объемѣ невыгодно, если въ немъ есть люди, способные привыкать къ бѣдности; но за то имъ самимъ это легче, они менѣе несчастны; а если человѣкъ къ низкому уровню привыкнуть не въ состояніи? Онъ превращается въ вѣчнаго мученика и страдальца.

Чтобы читатель не обвинилъ меня въ сентиментальничаньи, я представлю ему факты, которые помогутъ ему лучше понять положеніе кружевницъ.

Среднимъ числомъ лучшая кружевница заработываетъ въ день 20 к. Первая кружевница въ городѣ, которую я знаю, заработываетъ съ своею матерью только 10 руб. въ мѣсяцъ или 120 рублей въ годъ. Горничная, получающая жалованья только 5 руб. въ мѣсяцъ, обезпечена лучше, ибо имѣетъ готовую квартиру и столъ. Но кружевница, по своему развитію, выше горничной, иначе она бы и не была кружевницей. Въ ней есть чувство достоинства, безъ котораго прислуга обыкновенно обходится довольно удобно. Изъ этихъ несчастныхъ 10 рублей нужно истратить въ мѣсяцъ на квартиру и дрова 3 рубля, на чай и сахаръ $1^1/_2$ рубля, затѣмъ остается $5^1/_2$ рублей на все остальное — на пищу и одежду. Хороша должна быть эта пища, когда фунтъ хлѣба стоитъ $2^1/_2$ к., а фунтъ говядины 5 к.! Что же остается на одежду?

Да и эти десять рублей въ мѣсяцъ достаются только потому, что кружевница изготовляетъ и продаетъ кружевные узоры. Продажа узоровъ самое выгодное въ кружевномъ дѣлѣ. Рисунокъ для обыкновеннаго аршиннаго кружева, въ вершокъ шириной, продается по 15 к., а рисунокъ воротничка или рукавчиковъ по 20 к. Процессъ изготовленія подобныхъ рисунковъ очень простъ: на бумажкѣ выводится узоръ карандашомъ, затѣмъ подъ эту бумажку подкла-

дывается нѣсколько листовъ бумаги такой же величины и всѣ они прокалываются сразу иглой по рисунку, выведенному карандашемъ по верхней бумажкѣ.

Если бы на рисунки существовалъ постоянный и большой запросъ, то изготовленіе ихъ было бы дѣломъ дѣйствительно выгоднымъ. Но новые рисунки являются не каждый день; въ годъ ихъ явится отъ 10 до 15 не больше. Далѣе съ составительницами рисунковъ конкурируютъ кружевницы и незанимающіяся этимъ дѣломъ. Такая кружевница, купившая новый узоръ, положимъ за 15—20 копѣекъ, чтобы воротить свой расходъ, скалываетъ съ узора нѣсколько копій и продаетъ ихъ другимъ кружевницамъ за 5 до 10 копѣекъ за каждую. Эти дешевыя копіи расходятся гораздо быстрѣе, потому что каждая кружевница, купившая копію, дѣлаетъ съ нея новую копію, которую продаетъ съ новой уступкой еще болѣе бѣднымъ кружевницамъ или же даритъ рисунокъ своей бѣдной подругѣ. Такимъ образомъ, рисунокъ дѣлается извѣстенъ всѣмъ и забирается въ каждую мастерскую. Вновь явившійся рисунокъ точно такимъ же образомъ распространяется въ безчисленномъ числѣ копій и т. д. Узоръ, забравшійся во всѣ мастерскія, уже теряетъ свою цѣну; ибо въ кружевѣ новизна рисунка цѣнится очень высоко. Талантливымъ и тутъ выгода. Вотъ примѣръ. Какая нибудь госпожа заказываетъ кружевницѣ рукавчики по новому рисунку. Кружевница за первую работу, по новому узору, беретъ съ госпожи 2 р. 20 к. за пару. Но какъ 2 р. 20 к. кажутся госпожѣ платой нѣсколько высокой, а кружевница меньше не беретъ, то для изготовленія второй, третьей и т. д. пары приглашается кружевница менѣе искусная, которая и берется плести по 2 р. за пару. Но этой кружевницѣ нуженъ узоръ. Узоръ этотъ она покупаетъ за 20 к. у первой кружевницы. Такимъ образомъ искусная кружевница, изготовляющая первую вещь по новому рисунку, беретъ за нее 2 р. 20 к.; а кружевница менѣе искусная за такую же вещь получитъ всего 1 р. 80 к. Конечно расходъ на узоръ она старается вознаградить частію продажей копій, а частію онъ покрывается послѣдующими рукавчиками, которыя она продаетъ по 2 р. за пару; но тѣмъ не менѣе первая

пара приноситъ искусной кружевницѣ все-таки 2 р. 20 к.; а менѣе искусной только 1 р. 80 к.

Въ кружевномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свои прогулы. Время уходитъ на пріемъ заказа, на относъ заготовленной вещи, на занятія по домашнему хозяйству. Прогулы эти такъ сказать штатные; но есть прогулы случайные. Лѣтомъ, въ теченіи іюля и августа, работы бываетъ обыкновенно менѣе, а иногда и совсѣмъ не является заказовъ и потому, кто не запасется работой заблаговременно, долженъ просидѣть эти мѣсяцы сложа руки и жить на сбереженіе, сдѣланное зимой. Но самый тягостный и убыточный прогулъ есть внезапная болѣзнь.

Заработокъ въ 120 рублей—считая въ томъ же числѣ и матеріалъ—добывается семьей, въ которой двѣ искусныя работницы; но чтоже достанетъ кружевница неискусная? Достанетъ она то, что дастъ Богъ. Занимаясь плетеніемъ аршинныхъ кружевъ, заработать многаго нельзя—копѣекъ 5 до 10 въ день; слѣдовательно отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 руб. въ мѣсяцъ. А какъ на эти деньги существовать рѣшительно невозможно. питаясь даже однимъ ржанымъ хлѣбомъ, то изъ этого слѣдуетъ тотъ выводъ, что отдѣльно живущей кружевницѣ существовать одпѣми кружевами невозможно. Вотъ почему это занятіе возможно только или въ семействахъ или въ видѣ подспорья къ другимъ источникамъ дохода, какъ, напримѣръ, въ семействахъ служащихъ чиновниковъ, дьячковъ, пономарей.

Плетеніе кружевъ, какъ подспорье, обнаруживаетъ однако вредное вліяніе на совокупность всего производства, ибо дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на цѣну кружевъ и, слѣдовательно, на размѣръ заработка. Для тѣхъ кружевницъ, какъ напр. дочери служащихъ чиновниковъ или пономаревны, которыя имѣютъ готовую квартиру и готовое содержаніе, продажа кружевъ, при нуждѣ въ деньгахъ, за безцѣнокъ, хотя можетъ быть и тяжела, но все-таки выносима; а для тѣхъ, кто живетъ кружевами спеціально, уступка ихъ за безцѣнокъ равносильна голодной смерти. Между тѣмъ постоянная нужда въ деньгахъ бѣдныхъ людей привела къ тому, что цѣна на кружева упала ниже минимума. Здѣсь прода-

ютъ десять аршинъ кружевъ въ палецъ шириной даже за 12 к. а искусная мастерица можетъ наплесть ихъ въ день не болѣе 3 аршинъ, слѣдовательно въ 16 часовъ работы добудетъ всего 3½ коп. серебромъ. Если бы съ кружевницами-спеціалистками не конкурировали обучающіяся дѣти и тѣ, кому плетеніе кружевъ служитъ только подспорьемъ, подобный упадокъ цѣны былъ бы невозможенъ. Вотъ почему я говорю, что цѣна на кружева установилась ниже ея нормальнаго уровня. Установленіе цѣнъ зависитъ не отъ тѣхъ, кто живетъ кружевами исключительно, а отъ тѣхъ, кто пользуется готовой квартирой и столомъ, а частію и тѣхъ, кто не отличается ни талантливостію, ни довольно высокимъ уровнемъ потребностей. А численный перевѣсъ на ихъ сторонѣ. Такимъ образомъ, на кружевной заработокъ обнаруживаютъ вліяніе не тѣ, кто стоитъ выше, а напротивъ оттягиваютъ его книзу тѣ, кто стоитъ ниже, и это оттягиваніе роняетъ уровень жизни всѣхъ кружевницъ и создаетъ для нихъ искуственную бѣдность. Понятно, что бѣдной кружевницѣ, заработывающей въ мѣсяцъ рубля полтора или три, невозможно жить, не припрашивая или не расчитывая на благотворительность.

Любопытно, что этотъ печальный размѣръ заработка не имѣлъ вреднаго вліянія на честность кружевницъ. Правда, были попытки обмана, но обмана такого невиннаго, что не знаешь, удивляться ли женской честности или женской неизобрѣтательности на плутню. Такъ нѣкоторыя изъ кружевницъ пробовали не доплетать до десятка одну четверть; обманъ сошелъ; потомъ пытались недоплетать половину, сошло и это; болѣе рѣшительныя пошли дальше и дѣло кончилось тѣмъ, что у очень отважныхъ въ десяткѣ считалось всего семь аршинъ. Такое грандіозное плутовство конечно не осталось незамѣченнымъ, покупщицы стали товаръ мѣрять и тѣмъ положили конецъ плутнѣ. Мнѣ разсказывала одна кружевница съ ужасомъ о слѣдующей плутнѣ, по ея мнѣнію до того колоссальной, что ей казалось совершенно непостижимымъ, какъ это земля носитъ подобныхъ злодѣекъ. У одной кружевницы кружева вышли грязными, а, можетъ быть, она ихъ и запачкала какъ нибудь нечаянно. А такъ какъ кружева цѣнятся совершенно чистыя, бѣлыя,

то, о ужасъ! обманщица прибѣгла къ слѣдующему позорному средству. Вооружитесь мужествомъ читатель. Она обсыпала кружева крахмаломъ, да, крахмаломъ, и когда принесла ихъ продавать, а тамъ ихъ начали мѣрять, то отъ нихъ пошла пыль и ужасный обманъ обнаружился. До сихъ поръ еще у кружевницъ становятся волоса дыбомъ, когда онѣ припоминаютъ этотъ позорный случай, бывшій когда-то очень давно. (Объ этомъ случаѣ кружевница разсказывала мнѣ дѣйствительно съ ужасомъ).

Другихъ случаевъ обмана неизвѣстно. И причина того очень проста. Во-первыхъ, кружевной товаръ самъ говоритъ за себя; а во-вторыхъ, большинство кружевницъ не простыя работницы, безъ всякаго образованія, а дочери чиновниковъ и лицъ духовнаго званія.

Но если въ кружевномъ дѣлѣ неизвѣстна грубая плутня, то очень обыкновенна безчестность другого рода—бѣдныя кружевницы не гнушаются запрашивать вдвое, особенно съ людей незнающихъ толку въ кружевахъ; или же прибѣгаютъ къ интригѣ, чтобы отбить одна отъ другой практику. Впрочемъ кружевницы высшаго разбора, увѣренныя въ своемъ искуствѣ, держатъ себя съ достоинствомъ, къ такимъ уловкамъ не прибѣгаютъ и вообще отличаются замѣчательною честностію слова. Бываетъ иногда, что кружевница на новой вещи, новаго рисунка, продешевится въ цѣнѣ и не смотря на то, она исполнитъ заказъ акуратно.

Есть еще одна невыгодная сторона кружевнаго дѣла, имѣющая весьма важное соціальное значеніе. Плетеніе кружевъ не только просто механическое занятіе, но и занятіе, дѣйствующее подавляющимъ образомъ на умственныя способности. При вязаньи работница можетъ заниматься разговорами, усиленнаго вниманія не требуется и умъ ея можетъ работать свободно. При плетеніи кружевъ это немыслимо; можно плести безъ особеннаго вниманія только старый, нѣсколько разъ выплетенный рисунокъ. А какъ старые рисунки не въ цѣнѣ и приходится плести постоянно все новое и новое, то изъ этого слѣдуетъ, что вниманіе кружевницы должно быть поглощено постоянно ея работой. Ну, а плетеніе кружевъ совсѣмъ не такая работа, вниманіе къ которой могло бы дѣйствовать благотворно на умственныя способности. Изъ этого слѣдуетъ то, что мозгъ, подав-

ляемый изо дня въ день одними и тѣми же впечатлѣніями, теряетъ способность возбуждаться впечатлѣніями высшаго порядка и утрачиваетъ свою силу. Однимъ словомъ, плетеніе кружевъ также убиваетъ умъ, какъ занятія при машинахъ, и человѣкъ становится постепенно все глупѣе и глупѣе. Этому ослабленію мозга помогаетъ еще и усталость; усталость можетъ быть мало замѣтная, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная. Конечно привычка къ сидѣнью съ 5 лѣтъ значительно уменьшаетъ вредное вліяніе кружевнаго ремесла. Но если обратимъ вниманіе на характеръ вологодскихъ построекъ, на отсутствіе въ подвальныхъ этажахъ форточекъ, на сырость, происходящую частію отъ низменнаго положенія подваловъ, а частію отъ застоевъ лужъ и грязи, въ г. Вологдѣ вообще изобильной, то и безъ статистическихъ данныхъ можно утверждать положительно, что шестнадцати-часовое сидѣнье въ духотѣ, спертомъ и сыромъ воздухѣ должно сильно сокращать жизнь кружевницъ. Кружевницы сами на свое дѣло не жалуются, спеціальныхъ болѣзней отъ него онѣ не замѣчали; знаютъ только, что какъ посидишь цѣлый день съ наклоненной внизъ головой, то сильно заболитъ шея; но я полагаю, что эта скромность не больше, какъ наивное невѣдѣніе.

До сихъ поръ мы говорили только о печальныхъ сторонахъ кружевнаго дѣла; но не можетъ быть, чтобы у него не было сторонъ и свѣтлыхъ. Хотя онѣ и не особенно свѣтлы, но онѣ есть, читатель.

Первая свѣтлая сторона заключается въ томъ, что кружевное занятіе пріучаетъ къ труду и къ умѣнью распоряжаться съ расчетомъ своимъ временемъ. Вторая въ томъ, что женщина, превращаясь въ экономическаго производителя, достигаетъ независимости и самостоятельности; наконецъ третья свѣтлая сторона въ томъ, что женщина уже съ самой первой молодости пріучается цѣнить деньги, добываемыя своимъ трудомъ, и тратитъ ихъ не на пряники и вздоры, а на вещи существенно-полезныя, напр. башмаки, платье и въ извѣстной степени содержитъ себя сама.

Читатель мнѣ замѣтитъ, что всѣ эти превосходныя качества не больше, какъ слѣдствіе бѣдности, заставляющей работать не только большихъ, но и дѣтей, потому что трудъ однихъ большихъ недо-

статоченъ для содержанія семьи. Но вѣдь я и не утверждаю, что они—слѣдствіе богатства. Читатель мнѣ замѣтитъ еще, что всѣ эти превосходныя качества вовсе не исключительная принадлежность однѣхъ кружевницъ, что у всѣхъ рабочихъ сословій—земледѣльцевъ, мѣщанъ, мастеровыхъ замѣчается тоже самое. Этого возраженія я не оставлю безъ отвѣта. Нѣтъ не тоже самое. У всѣхъ рабочихъ сословій основная экономически-производительная сила есть мужчина, женщина или экономическое подспорье, какъ, напримѣръ, у земледѣльцевъ или же хозяйка дома, какъ у большей части мѣщанъ. У кружевницъ же, напротивъ, мужчина является лицомъ подчиненнымъ и безпомощнымъ, какъ въ семействахъ отставныхъ чиновниковъ или въ семействахъ вдовъ съ малолѣтними дѣтьми—мальчиками, которыхъ нужно воспитать. Даже и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ дочери—кружевницы, пользуясь готовымъ содержаніемъ, работаютъ себѣ на одежду, ихъ экономическая независимость и самостоятельность гораздо выше. Ни крестьянку, ни женщину мѣщанскаго сословія вы не назовете представительницей женскаго труда, а кружевницу вы такъ назовете, потому что кружевничество есть можетъ быть единственный организованный видъ женскаго труда, дающій кружевницамъ характеръ корпораціи, превращающей ихъ какъ бы въ особое сословіе, создающій изъ нихъ свой отдѣльный міръ. Чиновница, купчиха, помѣщица, дьячиха, мѣщанка и т. д., занявшись кружевнымъ дѣломъ, перестаетъ быть чиновницей, купчихой, помѣщицей и т. д. Она выдѣляется изъ сословія, къ которому принадлежала, и превращается въ кружевницу, и названіе кружевница вызываетъ въ вашемъ умѣ представленіе о женской экономической самостоятельности, о женскомъ трудѣ. Жаль только одно, что это отрадное представленіе отравляется досадной мыслію о неисходной бѣдности кружевницъ.

III.

Богатая петербургская барыня, покупающая въ магазинѣ кружевную косынку за 15 руб., конечно, вовсе и не подозрѣваетъ,

что вологодская кружевница получила за нее не больше 6 руб. и работала ее 320 часовъ.

Петербургскимъ покупателямъ вологодскія кружева достаются не менѣе, какъ изъ пятыхъ рукъ. Съ кружевницами случилось тоже, что и со всѣми производителями, неимѣющими прямыхъ, непосредственныхъ сношеній съ потребителями. Обѣимъ сторонамъ нѣтъ выгоды, и больше 100% достается на долю кулаковъ.

Въ Вологдѣ есть двѣ главныя скупщицы и затѣмъ еще около десяти второстепенныхъ. У этихъ есть свои комиссіонерки, такъ называемыя кубенки (крестьянки, живущія на Кубенскомъ озерѣ), у тѣхъ опять свои комиссіонерки въ Петербургѣ, которыя и разносятъ кружева или по домамъ или продаютъ ихъ въ магазины.

Насколько скупщицы способствуютъ возвышенію цѣнъ на кружева, читатель увидитъ изъ слѣдующаго примѣра. Кружевница продастъ десятокъ (десять аршинъ) узкаго кружева за 15 коп., скупщица перепродаетъ его кубенкѣ за 20 к., кубенка своей комиссіонеркѣ за 25 к., та въ лавку или въ магазинъ за 30 к., а изъ магазина покупатель получаетъ ихъ уже за 40 к. или дороже, слѣдовательно посредникамъ достается 20 к., т. е. цѣна кружева противъ его первоначальной цѣны выростаетъ на 133%. Въ крупныхъ штукахъ, хорошей работы, цѣна возростаетъ и еще болѣе.

И вологодскія кружевницы понимаютъ очень хорошо, какъ убыточенъ для нихъ подобный порядокъ. Каждая изъ нихъ вамъ разскажетъ, что въ Вологдѣ есть купчиха, нажившаяся перепродажей кружевъ до того, что когда у нея сгорѣли два дома, то она выстроила вмѣсто нихъ три, гораздо лучшихъ.

Кружевницы смотрятъ съ завистью на скупщицъ, ихъ очень плѣняютъ барыши; каждой кружевницѣ хотѣлось бы сдѣлаться богатой. Богатство — вѣчная мечта всѣхъ бѣдняковъ. Жаль только одного, что кружевницы, какъ и всѣ бѣдняки, больше мечтаютъ, чѣмъ думаютъ серьезно объ улучшеніи своего положенія.

Чтобы положеніе кружевницъ улучшилось, имъ нужно получать большую задѣльную плату: копѣекъ 40 или 50 въ день; а это возможно только тогда, когда изчезнетъ конкуренція тѣхъ, кого

нужда заставляетъ понижать цѣну, и когда онѣ устроятъ два оптовыхъ склада — одинъ въ Вологдѣ, а другой въ Петербургѣ, и откажутся такимъ образомъ отъ услугъ кулаковъ.

При существующемъ же между кружевницами соперничествѣ и при ихъ безденежьи, подобныя мысли не больше какъ мечта. Самимъ кружевницамъ не выкрутиться безъ посторонней помощи. Нужно, чтобы явился какой нибудь благодѣтельный человѣкъ; нужно, чтобы онъ устроилъ митингъ кружевницъ, да еще и не одинъ; нужно, чтобы онъ растолковалъ имъ, отчего ихъ положеніе такъ печально; нужно, чтобы онъ же устроилъ и склады и организовалъ новый порядокъ сношеній; нужно наконецъ, и самое главное, чтобы у него былъ для этого капиталъ, ибо безъ денегъ тутъ ничего не подѣлаешь. Найдется такой человѣкъ въ Вологдѣ—положеніе кружевницъ улучшится; нѣтъ — и онѣ еще долго будутъ бѣдствовать, какъ бѣдствуютъ теперь.

Н. Шелгуновъ.

СЕМЕЙСТВО ЛѢСНИЧАГО

КНИГА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

— Благородная фрау, у господина фонъ-Зонненштейна, благородная фрейленъ въ залѣ, доложилъ слуга.

Эмма встрѣтила пришедшихъ съ улыбкою, которую она, однако, сейчасъ же согнала съ своего лица, считая ее неумѣстною при настоящихъ обстоятельствахъ, и провела батистовымъ платкомъ по своимъ глазамъ.

— Я приготовлю Альфреда къ вашему визиту, сказалъ банкиръ, и затѣмъ вышелъ изъ комнаты.

Эмма сейчасъ же поспѣшила къ Лео, схватила его за руки, съ жаромъ пожимала ихъ, не переставая глядѣть въ его глаза съ томной улыбкой и не произнося ни слова. Наконецъ она проговорила.

— Что вы обо мнѣ подумаете?

— Я думаю, что вы благодѣтельная самаритянка, какихъ, вѣроятно, не много на бѣломъ свѣтѣ.

Эмма отвѣтила своей благодарнѣйшей улыбкой.

— О, я знала, вскричала она съ жаромъ, — вы не похожи на другихъ! Вы стоите неизмѣримо выше предубѣжденій мелкихъ душъ!... Сестра, являющаяся ухаживать за своимъ больнымъ братомъ, гдѣ бы онъ ни находился, — что можетъ быть

этого естественнѣе? Развѣ сестры милосердія не ухаживаютъ за всякого рода больными въ лазаретахъ? Вѣдь для чистаго все чисто....

— Разумѣется, замѣтилъ Лео,—но когда же люди понимали чистое сердце?

— Да, вотъ это-то и жаль, и вотъ почему я никогда не была понята,—и не та ли же судьба постигла и моего бѣднаго брата? Вѣдь онъ послѣдовалъ только влеченію своего сердца! И могъ ли онъ поступить иначе, если онъ любитъ эту дѣвушку? О, какъ глубоко я уважаю эту безотвѣтную покорность всемогущему чувству! Развѣ свободная любовь не есть величайшее торжество человѣческой души?!..

— Какъ здоровье вашего брата? спросилъ Лео, желая дать другое направленіе изліяніямъ Эммы.

— Не знаю, отвѣчала Эмма съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, вамъ, я думаю, извѣстно, что онъ вообще не очень разговорчивъ, а теперь ему совсѣмъ запрещаютъ говорить. Цѣлое утро я провела въ бесѣдѣ съ Эвою. О, какъ я люблю эту удивительную дѣвушку, этотъ океанъ огня и страсти! Какъ я ей завидую! Она смѣетъ любить. Она—счастливица!

Эмма глубоко вздохнула и томными, грустными глазками посмотрѣла на Лео.

— Что же думаетъ баронъ объ этой исторіи?

Эмма отвернулась. Взявъ со стола букетъ цвѣтовъ, она принялась ощипывать лепестки розы и прошептала:

— Боюсь, что мы никогда не поймемъ другъ друга.

Лео ничего не отвѣчалъ. Онъ задумчиво глядѣлъ на молодую женщину. Сегодня она была очень миловидна въ простомъ, сѣренькомъ шелковомъ платьѣ, красиво обрисовавшемъ ея маленькую, полненькую фигуру, и съ вьющимися, каштановыми волосами, причесанными безъ всякихъ прикрасъ. Лео внутренно спрашивалъ себя, не глупо ли было съ его стороны отказываться отъ такой блестящей партіи и домогаться родственной связи съ своимъ злѣйшимъ врагомъ. Не былъ ли и онъ зараженъ тѣмъ туманнымъ идеализмомъ, который онъ такъ презиралъ въ своихъ критикахъ?! Какъ мужъ Эммы, обладаю-

ціи ея богатымъ приданымъ, онъ, Лео, могъ бы освободиться отъ гнета королевскихъ щедротъ, и почемъ знать, какъ далеко могло простираться его вліяніе на банкира, послѣ смерти котораго у него, во всякомъ случаѣ, совершенно развязывались руки. Но нельзя ли было и теперь подумать объ этомъ? Неужели такъ трудно отстранить отъ Эммы человѣка, котораго она не любитъ?

— Отчего вы молчите? спросила Эмма, все еще обрывавшая свою розу.

— Въ настоящую минуту я раздумывалъ, какъ счастливъ можетъ быть брачный союзъ, начинающійся страхомъ, что мы, супруги, никогда не поймемъ другъ друга.

— О, я часто сама уже объ этомъ раздумывала, съ горечью сказала Эмма.

— Въ особенности для такого сердца, какъ ваше, дышащее полной любовью и требующее полной любви, продолжалъ Лео, какъ будто не разслышавъ послѣднихъ словъ Эммы.—Какая грустная вещь наша непривѣтная человѣческая жизнь.

— О, другъ мой! другъ мой! вскричала Эмма. При этомъ она повернула къ нему ярко раскраснѣвшееся лицо и, какъ бы прося защиты, протянула къ Лео обѣ руки.

— Вы въ самомъ дѣлѣ вѣрите, что я вашъ другъ? спросилъ Лео, крѣпко сжимая ея маленькія ручки въ своихъ рукахъ.

— Прежде и такъ думала, сказала Эмма, опуская глазки.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги банкира.

— Продолжайте же такъ думать и дальше, проговорилъ Лео тихо и отрывисто, наклоняясь и поднося ея руку къ своимъ губамъ.

Банкиръ выглянулъ изъ-за двери.

— Могу ли просить васъ пожаловать?

Лео послѣдовалъ за нимъ. Когда они вошли въ спальню Эвы, гдѣ лежалъ больной, Лео увидѣлъ только край платья Эвы, которая быстро скрылась въ потайную дверь.

Альфредъ, лежавшій въ великолѣпной постели, привѣтливо мигнулъ Лео своими, еще болѣе, чѣмъ прежде, матовыми глазами.

— Оставь насъ однихъ, папа! проговорилъ Альфредъ слабымъ голосомъ.

— Развѣ мнѣ нельзя, голубчикъ, здѣсь оставаться? спросилъ банкиръ, приглаживая съ влажнаго лба темные волосы больного сына.

Альфредъ замоталъ головою; банкиръ, обратившись къ Лео, сдвинулъ плечами съ вопросительнымъ взглядомъ и сказалъ шепотомъ:

— Я буду ждать въ той комнатѣ; въ случаѣ надобности позовите меня.

Лео сѣлъ на постель возлѣ Альфреда и взялъ горячую руку больного въ свою руку.

— Вы позволите мнѣ осмотрѣть васъ? Я не буду долго васъ мучить.

Альфредъ кивнулъ головою.

— Ну, вотъ и достаточно, сказалъ Лео, приподнимаясь, — теперь я столько знаю, сколько мнѣ нужно. Поговоримте же немного съ наивозможнымъ спокойствіемъ. Это значитъ, что вы совсѣмъ не должны говорить, а я попробую читать на вашихъ губахъ отвѣты на мои вопросы. Въ случаѣ надобности вы можете сказать нѣсколько словъ, но прошу васъ — какъ можно меньше. И такъ во первыхъ, ваше положеніе не опасно въ строгомъ смыслѣ, но требуетъ величайшей осторожности. Вы не очень боитесь смерти, подобно всѣмъ людямъ, начавшимъ жить рано и окончательно пресытившимся жизнію. Но вы и не желали бы непремѣнно умереть, вы не желали бы этого уже ради вашего батюшки, которому ваша кончина принесла бы безутѣшное горе.

Альфредъ утвердительно мигнулъ глазами и Лео продолжалъ:

— Вы питаете ко мнѣ довѣріе—ко мнѣ, какъ къ врачу. Я желалъ бы, чтобъ вы довѣрились мнѣ также, какъ человѣку, и потому позвольте мнѣ сказать вамъ еще нѣсколько словъ. Вы знаете меня только или преимущественно по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были сообщены вамъ барономъ Тухгеймомъ и Эвою Туски. Генри фонъ-Тухгеймъ никогда не былъ моимъ

пріятелемъ, и я имѣю причины думать, что онъ давно уже удостоиваетъ меня своей ненависти. Тоже чувство питаетъ ко мнѣ и Эва, которая, какъ женщина, не можетъ простить мнѣ, что я нахожу ее не такою прелестною, какова она, безъ сомнѣнія, въ дѣйствительности. Не знаю и не хочу знать, что они вамъ обо мнѣ разсказывали. И такъ то, что я скажу и посовѣтую вамъ, скажу и буду совѣтовать безъ всякаго недружелюбнаго чувства, безъ всякаго злого умысла и единственно изъ желанія быть вамъ полезнымъ по мѣрѣ моихъ силъ. Послушайтесь же меня! Вы должны удалиться изъ этого дома, потому что здѣсь вы не можете выздоровѣть.

Альфредъ обнаружилъ движеніе безпокойства; Лео опустилъ руку на его голову и продолжалъ:

— Молчите, мой другъ, молчите! Я думаю, что вы любите Эву, но я думаю также, что вы скорѣе согласитесь жить въ нѣжныхъ объятіяхъ Эвы, чѣмъ умереть въ нихъ. А въ такомъ случаѣ вы не должны оставаться тамъ, гдѣ вы не можете найти спокойствія уже потому, что собственное ваше сознаніе говоритъ вамъ, что здѣсь не ваше мѣсто и что поэтому семейство ваше поставлено въ чрезвычайно неловкое положеніе. Вѣдь вы согласны въ этомъ со мною, неправда ли?

Больной замоталъ нетерпѣливо головою.

— Я не могу, я не могу, сказалъ онъ задыхающимся, беззвучнымъ голосомъ.—Я не могу ее оставить. Съ ней поступятъ самымъ постыднымъ образомъ, какъ только я не буду ее видѣть.

— Нѣтъ, этого не будетъ, увѣрялъ Лео, — вашъ батюшка этого никогда не рѣшится сдѣлать. Все, чѣмъ вы ее здѣсь окружили, останется при ней. За это я вамъ ручаюсь.

Больной покачалъ головою.

— Однако, подумайте, ради самого неба, мой другъ, чего же вы еще можете требовать? Что вы можете еще сдѣлать для женщины, которая вамъ не жена, которая никогда не можетъ быть вашей женою?

На блѣдныхъ щекахъ Альфреда начали обрисовываться зловѣщія красныя пятна.

— А если бы я хотѣлъ жениться на этой дѣвушкѣ? пробормоталъ онъ.

— Это дѣло другое, замѣтилъ Лео, не лишаясь твердости,— то есть это другое дѣло относительно будущаго. Въ настоящую же минуту вы тѣмъ болѣе должны отказаться отъ того положенія, которое также компрометируетъ и ваше семейство, какъ и любимую вами женщину.

Альфредъ призадумался немного и потомъ сказалъ:

— Вы, пожалуй, и правы, но я не могу жить безъ нея. По крайней мѣрѣ, отъ времени до времени я долженъ ее видѣть.

— Хотите ли вы удалиться отсюда съ этимъ условіемъ.

Больной кивнулъ головою.

— Ну, и прекрасно, сказалъ Лео, вставая,—я поговорю съ вашимъ батюшкой.

Онъ пошелъ въ смежную комнату и сообщилъ ожидавшему тамъ банкиру результаты своего объясненія съ Альфредомъ.

— Вы должны будете сдѣлать эту уступку, сказалъ онъ,— другого исхода я не вижу. Идите къ вашему сыну и увѣрьте его въ вашемъ согласіи. Пусть фрейленъ Эмма идетъ съ вами, а я переговорю съ самою дѣвушкою.

Банкиръ вздохнулъ.

— Это тяжело, очень тяжело, сказалъ онъ, — но что же дѣлать? Вѣдь онъ у меня единственный сынъ. Я возлагалъ на этого юношу всѣ мои надежды.

При этихъ словахъ глаза старика сдѣлались влажными. Онъ отвернулся, чтобы скрыть свое глубокое волненіе. Потомъ, позвавъ Эмму, онъ отправился въ комнату больного. Лео стоялъ нѣсколько минутъ съ поникшей головою. Въ смежной залѣ послышался шумъ. Лео постучался въ дверь. Вскорѣ не совсѣмъ твердый голосъ произнесъ: войдите! Когда вошелъ Лео, Эва стояла отъ него отвернувшись у стола, посреди комнаты. Плотное шелковое платье ниспадало волнистыми складками далеко на полъ съ ея гибкой таліи. Она повернулась медленно и устремила на лицо Лео свои большіе сѣрые глаза съ выраженіемъ ненависти и враждебнаго вызова.

— Вы, фрейленъ, вѣроятно меня не ожидали, сказалъ Лео.

— О, напротивъ, отозвалась она, — я уже привыкла васъ видѣть въ самые горькіе часы моей жизни. Что же теперь вы имѣете мнѣ сообщить?

Она усѣлась въ креслѣ и скрестила на груди руки, все еще съ прежнимъ взглядомъ ненависти и отчаянной рѣшимости.

Лео сѣлъ противъ нея.

— Я объяснюсь въ немногихъ словахъ, сказалъ онъ, — я являюсь къ вамъ по порученію фонъ-Зонненштейна.

— Отца или сына?

— Ихъ обоихъ, если вамъ угодно.

Эва разразилась своимъ отрывистымъ, холоднымъ смѣхомъ, который давно уже былъ знакомъ уху Лео.

— Если мнѣ угодно! вскричала она насмѣшливо, — какъ будто бѣдная дѣвушка въ моемъ положеніи можетъ имѣть собственную волю! Однако, продолжайте!

— И такъ, на меня возложено порученіе сообщить вамъ, что чрезъ часъ Альфредъ фонъ-Зонненштейнъ переселится отъ васъ къ своему отцу.

— Я тогда только этому повѣрю, когда услышу это отъ него самого.

— Вы услышите это отъ него въ присутствіи отца и сестры, которые не отойдутъ отъ него до той минуты, когда онъ будетъ поднятъ на носилки.

Эва поблѣднѣла.

— А если я, чтобы помѣшать вашему намѣренію, употреблю средства, которыми я располагаю и которыя, быть можетъ, вы цѣните очень низко?

— Этого вы не сдѣлаете. Въ противномъ случаѣ вы вынудите меня сообщить Альфреду о вашей поѣздкѣ въ нѣкоторый охотничій замокъ.

— Это вамъ нисколько не поможетъ. Вы забываете, что человѣкъ, страстно влюбленный, очень снисходительно смотритъ на прошедшее любимой женщины. Я была настолько благоразумна, что уже разсказала Альфреду о томъ грустномъ времени въ моей жизни.

— Въ такомъ случаѣ я изображу ему маленькую сценку, которая происходила въ номерной комнатѣ гостиницы на станціи желѣзной дороги,—сценку, показывающую васъ въ такомъ свѣтѣ, въ которомъ вашъ возлюбленный, можетъ быть, васъ еще никогда не видѣлъ. Онъ человѣкъ кроткаго характера. Любовь женщины, которая возитъ въ своемъ дорожномъ несессерѣ кинжалы и при случаѣ употребляетъ ихъ въ дѣло, можетъ заставить его призадуматься. Да не озирайтесь пожалуйста, вокругъ себя, такъ дико!.. Теперь обстоятельства вамъ не благопріятствуютъ, и притомъ я убѣжденъ, что вы подчинитесь необходимости и не заставите меня обратиться къ крайнимъ мѣрамъ.

Сѣрые глаза Эвы яростно засверкали.

— Хорошо, хорошо, пробормотала она,—ударитъ часъ разсчета между нами!

— Будемъ надѣяться, что вы не ошибетесь тогда въ разсчетѣ, какъ всегда ошибались относительно меня.

— О, конечно! Я постоянно забывала, что человѣкъ, подобный вамъ, самъ не отдается, но продаетъ себя. Я не могла заплатить той цѣны, за которую васъ можно пріобрѣсть, — и вотъ вся разница между мною и... другими дамами.

— Мнѣ очень лестно, что вы такъ высоко меня цѣните, однако возвратимтесь къ нашему дѣлу. Вамъ, быть можетъ, будетъ интересно узнать, что Альфредъ выразилъ желаніе видѣть васъ отъ времени до времени въ домѣ своего отца и что господинъ фонъ-Зонненштейнъ на это согласился.

Эва бросила лукавый взглядъ на Лео.

— Разумѣется, не иначе, какъ въ присутствіи его отца и сестры и даже подъ вашимъ надзоромъ, милостивый государь! Я прошу дать мнѣ время подумать, могу ли я принять предложеніе, которое, исходя отъ васъ, можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ хитрой ловушкой.

— Думайте, какъ хотите, сказалъ Лео, вставая съ мѣста,— но мое порученіе окончено. Отъ себя же я могу высказать вамъ только добрый совѣтъ. Вы имѣете намѣреніе выйти замужъ за Альфреда. Берегитесь обнаруживать это намѣреніе при комъ

бы то ни было, даже при Альфредѣ, въ особенности же при баронѣ. Узнавъ, что ваши честолюбивые виды простираются такъ далеко, Генри употребитъ всѣ свои усилія, чтобы васъ уничтожить, онъ и согласіе старика Зонненштейна принимать васъ въ своемъ домѣ встрѣтитъ очень нерадостно. Не совѣтую вамъ черезъ чуръ откровенничать съ Генри; лучше держитесь меня, такъ какъ я только по вашей волѣ, да и то не болѣе, какъ по внѣшнему виду, поставленъ во враждебныя къ вамъ отношенія. Еще одно: вы сильно взволнованы. Продолжительная прогулка въ душистомъ паркѣ будетъ для васъ очень полезна. Сейчасъ будутъ выносить Альфреда, и вамъ было бы очень тягостно смотрѣть на это. Когда вы возвратитесь, ваша дача опять будетъ принадлежать вамъ, и тогда вы на досугѣ хорошенько поразмыслите о вашемъ положеніи. Затѣмъ прощайте!

Лео зашелъ еще въ комнату больного, чтобы переговорить кое о чемъ нужномъ съ банкиромъ, и затѣмъ вышелъ изъ дома.

Эва, по уходѣ Лео, опять бросилась въ кресло и склонила голову на руку.

— Жить его милостію, пробормотала она, — этого еще недоставало!.. Нѣтъ, я лучше убью его и себя...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Медленно шелъ Лео по улицѣ. На углу онъ обернулся и взглянулъ на домъ, изъ котораго только-что вышелъ. Изъ калитки сада вышла женская фигура, которая, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ дорогѣ парка, быстро обернулась и изчезла въ противоположномъ направленіи. Не смотря на значительное разстояніе она, безъ сомнѣнія, узнала Лео.

— И такъ, прелестная вакханка сдѣлалась послушною. Тяжеленько ей, вѣроятно, это было! Однако этого мало, что она только повинуется.

Лео взглянулъ на часы. Было два часа, а въ три онъ былъ приглашенъ къ генералу; немного поторопившись, онъ могъ

зайти къ Сильвіи. Можетъ быть она—что уже не разъ случалось — узнала что нибудь, особенно для него важное, отъ тетушки или прямо отъ короля. Вѣдь она постоянно, съ неусыпной вѣрностью оберегала его благополучіе! Или, быть можетъ, сегодня она желала освѣдомиться, все ли произошло по желанію Лео при покупкѣ тухгеймской фабрики. Ну чтожь! Сильвія заслужила, чтобы для нея сдѣлать небольшой крюкъ, хотя Лео послѣ безсонной ночи и тревожнаго дня былъ очень разстроенъ и нуждался въ отдыхѣ.

Вблизи нигдѣ не было видно фіакра. Лео долженъ былъ еще далѣе пройти по парку, который въ это время былъ наполненъ пѣшеходами, всадниками и каретами. Нѣсколько рабочихъ въ блузахъ и съ ремесленными инструментами на плечахъ остановились у рѣшетки и глядѣли на домъ.

— Вонъ тамъ онъ живетъ, сказалъ одинъ изъ нихъ,—красивый домишко, правду сказать.

— Слушай, братъ, замѣтилъ другой,—вотъ ради чего люди надрываютъ горло и кричатъ о свободѣ и равенствѣ; а ты какъ думаешь?

Ремесленники разсматривали такъ внимательно, что не замѣтили Лео, проходившаго позади ихъ. Эти люди принадлежали къ основанной имъ рабочей ассоціаціи, которая, послѣ его ареста, печально окончила свое существованіе. Лео поспѣшно обогнулъ уголъ улицы и направился къ настоящему мѣсту гулянья, которое прежде онъ хотѣлъ обойти.

Принцесса — супруга принца Филиппа-Франца, которой экипажъ медленно слѣдовалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, шла въ сопровожденіи придворной дамы и кавалера. Прелестная принцесса ласково раскланивалась направо и налѣво. Лео замѣтилъ, что кавалеръ, котораго онъ, какъ ему теперь пришло на память, часто видѣлъ вмѣстѣ съ Генри, сказалъ шепотомъ принцессѣ нѣсколько словъ, указывая на Лео взглядомъ. Лео отошелъ въ сторону и приподнялъ шляпу. Принцесса, которой очаровательное лицо еще такъ недавно дышало веселой привѣтливостью, пристально посмотрѣла на него, сдвинувъ брови, и отвѣтила на его поклонъ самымъ легкимъ движеніемъ голо-

вы; придворная дама глядѣла въ другую сторону, кавалеръ улыбался.

Лео заскрежеталъ зубами; но онъ еще выше поднялъ голову и еще смѣлѣе глядѣлъ на встрѣчавшихся ему людей своими мрачными глазами. «Лучше удостоиться презрѣнія, чѣмъ невниманія, разсуждалъ онъ самъ съ собою, и притомъ это презрѣніе въ сущности только страхъ, а этотъ страхъ не болѣе, какъ вѣрный признакъ моего настоящаго успѣха и залогъ еще болѣе блестящаго будущаго. Я на все надѣюсь и ничего не боюсь».

При всемъ томъ онъ почувствовалъ внутреннее облегченіе, когда, наконецъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ стояли фіакры.

Однако, на пути къ замку, по великолѣпнымъ улицамъ, мрачныя мысли его не оставляли; высота, которой онъ долженъ былъ еще достичь, никогда не представлялась ему такою недосягаемою.

— Я долженъ отыскать на этой гладкой стѣнѣ мѣсто, гдѣ бы могъ стать твердой ногою. Король, по словамъ Урбана, пожаловалъ бы мнѣ дворянство скорѣе сегодня, чѣмъ завтра. А что если это правда? Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ желалъ бы отъ всей души оказать мнѣ эту услугу. Можетъ быть, онъ, дѣйствительно, только боится услышать отъ меня отказъ. Да, это была бы нить, которую можно было бы разматывать далѣе и далѣе нѣжными ручками Сильвіи. Или не лучше ли будетъ обратиться къ посредничеству тетушки? Сильвія слишкомъ робка, тетушка идетъ отважнѣе къ цѣли.

Лео засталъ тетушку Сару и Сильвію вмѣстѣ въ большой залѣ. Тетушка Сара лежала на удобномъ диванѣ; Сильвія, склонивъ голову на руку, сидѣла у окна. При входѣ Лео она встала и пошла къ нему на встрѣчу.

Ея лицо носило выраженіе тяжелой истомы, дѣвушка была блѣдна, и улыбка, которою она привѣтствовала Лео, казалась принужденною. Тетушка, напротивъ, была, повидимому, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Слава Богу, что ты къ намъ явился, Лео, вскричала она,— ты долженъ помочь мнѣ образумить эту капризную дѣвочку.

— Въ чемъ же дѣло, mesdames? спросилъ Лео, цѣлуя руку тетки.

Сильвія покачала головою, какъ бы выражая желаніе, чтобы тетушка не проговорилась.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала тетушка, — онъ долженъ знать это, мнѣ нуженъ его авторитетъ, чтобы тебя урезонить. Садись сюда, ко мнѣ, Лео! Дѣло вотъ какого рода: вчера вечеромъ король пробылъ здѣсь около получаса и находился въ восхитительнѣйшемъ расположеніи духа, такъ что Сильвія, которая— сказать мимоходомъ — еще такъ недавно обнаруживала самыя мизантропическія воззрѣнія, была увлечена веселостью его величества. Не знаю, какимъ образомъ разговоръ зашелъ о женскихъ нарядахъ, и Сильвія замѣтила, что блескъ прекрасныхъ брилльянтовъ всегда имѣлъ для нея волшебную прелесть. Почему же вы ихъ не носите? спросилъ король. Потому что у меня ихъ нѣтъ, ваше величество, отвѣчала Сильвія. Она перестала уже объ этомъ думать, да и у меня вышелъ уже изъ головы этотъ разговоръ, но сегодня утромъ была получена отъ короля вотъ эта безделка съ коротенькой записочкой, заключавшей такія слова: «въ воспоминаніе о вчерашней пріятной бесѣдѣ. Вашъ благодарный» и проч., и проч.

Тетушка Сара взяла съ мраморнаго столика, стоявшаго возлѣ дивана, маленькій футлярчикъ. Въ немъ лежалъ великолѣпный брилльянтовый крестъ съ золотой цѣпью. Тетушка Сара вынула этотъ крестъ и стала поворачивать его на солнцѣ.

— Какъ это прелестно горитъ! вскричала она, — и вообрази себѣ, Лео, эта надменная дѣвушка говоритъ, что она не можетъ принять этого подарка отъ короля! Какъ будто король такой же человѣкъ, какъ и всякій другой. Какъ будто то, что онъ дѣлаетъ и позволяетъ себѣ, можно мѣрить нашимъ обыденнымъ аршиномъ! Однако, дѣтки мои, уже половина третьяго. Послѣ обѣда я жду къ себѣ одну очень знатную даму, которая желаетъ говорить со мною объ очень важномъ дѣлѣ. Боже ты мой милосердный, людямъ ихъ дѣла всегда представляются важными. Но во всякомъ случаѣ я еще не привела въ порядокъ своего

туалета, а послѣ у меня не будетъ для этого времени. И такъ, au revoir, mes mignons, revoir!

Тетушка Сара взяла свой костыль съ ручкою изъ слоновой кости и, бросая назадъ поцѣлуй рукою, заковыляла изъ комнаты. Лео обернулся къ Сильвіи.

— Какъ идутъ твои дѣла? спросила Сильвія, и на ея губахъ появилась прежняя принужденная улыбка.

— Ничего, хорошо, даже очень хорошо, отвѣчалъ Лео, — если не считать нѣсколькихъ диссонансовъ въ общей гармоніи, къ которымъ я, однако, былъ приготовленъ заранѣе. Имъ хотѣлось, чтобы я накормилъ десять тысячъ человѣкъ нѣсколькими хлѣбами и рыбами—этого я не въ силахъ сдѣлать. Но обо всемъ этомъ потолкуемъ въ другой разъ. Теперь же, позволь мнѣ возвратиться къ этой блестящей игрушкѣ. По моему тетушка права.

— Перестанемъ объ этомъ говорить, сказала Сильвія, опять закрывая футляръ.

— Какъ тебѣ угодно, Сильвія, но я хотѣлъ только замѣтить, что король сочтетъ себя обиженнымъ. Надо уступить. Это такого рода уступка, на которую должно согласиться, имѣя дѣло съ королями. Меня также нѣсколько тяготитъ королевская щедрость, но я принимаю все съ видомъ удовольствія.

— Ты другое дѣло, сказала Сильвія, мучительно задѣтая заживое легкимъ тономъ, которымъ говорилъ Лео,—въ этомъ случаѣ нетрудно, по крайней мѣрѣ, понять, что онъ старается вознаградить тебя за твои заслуги, хотя и здѣсь мнѣ было бы желательно, чтобы онъ немного обождалъ такимъ открытымъ заявленіемъ своей неисчерпаемой монаршей благосклонности, пока твои заслуги не будутъ признаны также открыто всѣмъ обществомъ. Все это ничуть непримѣнимо ко мнѣ. Я не оказала ему никакихъ заслугъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, за которыя стоило бы награждать. Если онъ удостоиваетъ меня видимаго знака своей благосклонности,—то это также и не политическій актъ, не открытая демонстрація передъ обществомъ. Я ему не жена, не сестра, всего менѣе его любовница, — что же это ему вздумалось дарить меня этими блестящими игрушками?

Сильвія проговорила это взволнованнымъ голосомъ. Лео пожалъ плечами.

— Я не узнаю болѣе разсудительной Сильвіи, сказалъ онъ,— съ какихъ поръ, скажи пожалуйста, ты прониклась принципами этой мѣщанской логики?

— Съ какихъ поръ? отозвалась Сильвія. Она опустила голову на руку и, послѣ нѣкотораго молчанія, продолжала, какъ бы разсуждая сама съ собою, — съ какихъ поръ?! Право не знаю, но чувствую, что я уже не такова, какою была прежде.

— Ты домосѣдка, Сильвія, тебѣ нужно побольше движенія на свѣжемъ воздухѣ,—мы будемъ чаще выѣзжать и выходить вмѣстѣ гулять. Ты еще не видѣла моего домика. Мнѣ было бы интересно знать, какъ ты найдешь мою новую обстановку. Вечеромъ, можетъ быть, ты отправишься погулять съ тетушкою. Это тебя разсѣетъ.

Сильвія грустно улыбнулась.

— Да, да, мнѣ нужно только... только разсѣянье!

Сильвія съ достоинствомъ подняла вверхъ голову и взглянула на Лео своими большими серьезными глазами.

— Я хотѣла о многомъ распросить тебя сегодня, но я боюсь, что ты теперь не расположенъ и притомъ, вѣроятно, не имѣешь времени выслушать меня терпѣливо,—слѣдовательно и это придется отложить до другого раза.

— Никогда не надобно откладывать до завтра того, что можно сдѣлать сегодня. Я тебя слушаю!

— Въ такомъ случаѣ, сказала Сильвія, употребляя видимое усиліе, чтобы собраться съ духомъ, — я объяснюсь, какъ можно короче, — и она, мѣшаясь въ лицѣ и потупивъ глаза въ землю, разсказала Лео о своей встрѣчѣ съ Фердинандомъ и о всемъ, что было говорено между ними. Только о Жозефѣ она не упомянула, такъ какъ для этого у нея не достало рѣшимости.

Лео слушалъ, не прерывая говорившую, не обнаруживая знака нетерпѣнія. Когда она кончила, Лео вскочилъ съ мѣста, сдѣлалъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ впередъ, потомъ опять возвратился и, остановясь передъ дѣвушкой, сказалъ:

— Да развѣ ты не догадываешься, Сильвія, развѣ ты не поняла сразу, что все это—заговоръ, придуманный моими врагами для того, чтобы насъ разсорить? Ты должна была бы послѣ первыхъ же словъ указать этому господину на дверь, — однако... однако... тогда мы не узнали бы, что затѣяли эти безмозглые сплетники. И то правда!

И опять онъ принялся ходить по комнатѣ еще болѣе поспѣшными шагами.

Сильвія боязливымъ взглядомъ слѣдила за выраженіемъ его лица.

— Вѣдь все, что наговорилъ этотъ человѣкъ, все—ложь, не такъ ли Лео? проговорила она медленно.—Все наглая ложь? Ты никогда не имѣлъ въ своихъ рукахъ этого несчастнаго письма?..

— Кто тебѣ это говоритъ? вскричалъ Лео, быстро повернувшись къ ней,—разумѣется, это письмо было въ моихъ рукахъ, и слава Богу, что оно у меня было и что я сдѣлалъ изъ него надлежащее употребленіе! Не случись этого, я и до сихъ поръ, по всей вѣроятности, торчалъ бы тамъ же, гдѣ былъ мѣсяца два тому назадъ!

При этихъ словахъ Сильвія страшно поблѣднѣла.

— Такъ это правда, пробормотала она чуть слышно, закрывая лобъ и глаза руками.

— Удивляюсь, что это тебя такъ смущаетъ, сказалъ Лео, съ досадою покачивая головой,—шагъ этотъ былъ необходимъ, и, слѣдовательно, такъ должно было случиться. Ужь не церемониться ли мнѣ было съ этимъ олухомъ? Онъ не заслужилъ лучшей участи — этотъ жалкій прислужникъ жалкихъ интригантовъ!..

— О, ради Бога, вскричала Сильвія, внезапно протягивая руки къ Лео, — не говори такимъ образомъ! Я не могу слышать отъ тебя подобнаго тона! Ты повергъ этого человѣка въ несчастье, и твой долгъ помочь ему въ бѣдѣ. Быть можетъ, онъ слабый, страстный юноша, но негодяемъ онъ мнѣ не показался.

Лео съ горечью захохоталъ.

— Ужь ты, пожалуйста, не толкуй мнѣ ничего, я на-

сквозь знаю этого шарлатана. Это дуракъ, желавшій бы разыгривать изъ себя большаго барина и, еще охотнѣе, великаго человѣка, но для первой роли у него нѣтъ денегъ, а для второй—мозга. Но какъ я тебѣ уже сказалъ, этотъ господинъ—только орудіе, направляемое другими руками. И я знаю эти другія руки.

— Ты хочешь сказать — Эва, проговорила Сильвія глухимъ голосомъ.

— Генри и Эва! вскричалъ Лео и затѣмъ пробормоталъ сквозь зубы: я зналъ это уже съ часъ тому назадъ!

— Ты никогда не любилъ Эву? спросила Сильвія, немного помолчавъ.

— Никогда! громко произнесъ Лео.

— И она никогда не могла думать, что ты ее любилъ?

Лицо Лео побагровѣло.

— Странный вопросъ! вскричалъ онъ съ досадою топнувъ ногой,—какъ будто я виноватъ во всѣхъ фантазіяхъ, которыми тѣшится взбалмошная дѣвчонка. Но эта дѣвчонка вовсе не фантазерка, она играетъ и давно уже начала играть зрѣло обдуманную роль. Женщина, которая—если бы она даже прежде и искренно любила—благоразумно бросается въ объятія не перваго достойнѣйшаго мужчины, котораго полюбила, а въ объятія незнакомаго принца, потомъ, когда она ему наскучила, ловитъ въ свои сѣти опять таки совершенно благоразумно не перваго достойнѣйшаго, а богатѣйшаго и глупѣйшаго,—такая коварная одалиска не заслуживаетъ имени женщины. Публичная развратница не должна удивляться, если съ нею будутъ обращаться, какъ съ публичной развратницей.

— Не судите, да не судимы будете, тихо проговорила Сильвія. Она глубоко вздохнула и руки ея изнеможенно упали на колѣни.

— Теперь я вижу, что до сихъ поръ я еще поступалъ съ ней слишкомъ хорошо, продолжалъ Лео,—но чтобы ты также знала, какое существо — Эва, и чтобы ты на будущее время лучше остерегалась ея агентовъ, я разскажу тебѣ, по крайней мѣрѣ, о послѣднемъ фазисѣ въ жизни этой пронырливой прелестницы.

И онъ сообщилъ Сильвіи то, что недавно происходило у Эвы.

— Ты видишь, заключилъ онъ, что она во что бы то ни стало хочетъ сдѣлать карьеру и что было бы положительно нелѣпо чувствовать сентиментальное состраданіе къ этой коварной, безстыдной и безсовѣстной кокеткѣ.

— Это ужасно! ужасно! сказала Сильвія.

— Но подними гордо вверхъ голову, чистая дѣвушка! вскричалъ Лео, впадая внезапно въ совершенно другой тонъ,—кто сдѣлалъ насъ блюстителями нравственности этихъ людей? Они живутъ, какъ хотятъ, и мы не можемъ ихъ заставить жить иначе. Мы можемъ употреблять ихъ только для нашихъ цѣлей, сообразно съ тѣмъ, какъ цѣли этого требуютъ. Химія учитъ составлять изъ самыхъ нечистыхъ веществъ тончайшіе ароматы, и вообще для науки нѣтъ ничего нечистаго. Жизнь—наука, и кто смотритъ на жизнь иначе, тотъ не живетъ, а только прозябаетъ. А кто смотритъ на жизнь, какъ на науку, тотъ можетъ, конечно, заблуждаться, но это заблужденіе не приноситъ скорби, если же и приноситъ, то скорбь эта во всякомъ случаѣ гораздо сноснѣе безсмысленной муки, возникающей для насъ изъ такъ называемаго моральнаго міровоззрѣнія, которымъ пугаютъ только дѣтей—малыхъ и старыхъ.

Сильвія покачала головою.

— Но, договорилъ Лео со смѣхомъ,—какова бы ни была эта философія, ты должна, по крайней мѣрѣ, согласиться, что это не философія дюжинныхъ людей, которые не заслуживали бы названія людей, если бы, къ сожалѣнію, не составляли большинства человѣчества.

Сильвія пристально посмотрѣла на Лео своими большими глазами.

— И между тѣмъ, проговорила она медленно,—какъ бы это ни было пригодно для твоихъ цѣлей, но ты не заключилъ бы брачнаго союза съ женщиною, которую ты не любишь всѣмъ сердцемъ.

Лео засмѣялся.

— Долженъ ли я отвѣчать на такое вызывающее заявленіе?

— Нѣтъ, сказала Сильвія,—я хотѣла только тебѣ показать, какъ непрочна броня твоей философіи.

Лео хотѣлъ что-то возразить, но въ это мгновеніе появилась тетушка Сара, замѣнившая свѣтскимъ костюмомъ свой шлафрокъ изъ краснаго бархата и тюрбанъ, украшавшій по утрамъ ея голову.

— Вѣдь ты останешься у насъ обѣдать, сказала она, — мы весело покушаемъ вмѣстѣ:—въ моемъ погребѣ есть кое-какія вина, которыя должны понравиться даже такому избалованному гастроному, какъ ты.

Лео извинился. Онъ обѣщалъ обѣдать сегодня у генерала и сказалъ, что ему пора уже ретироваться.

Когда Лео произносилъ имя генерала, Сильвія наклонила свое лицо къ цвѣтамъ, стоявшимъ на столѣ. Потомъ она опять выпрямилась и, подавая на прощаніе руку Лео, проговорила съ улыбкою:

— Желаю тебѣ отъ души веселиться!

— Да, да, прибавила тетушка Сара, — осуши нѣсколько стакановъ шампанскаго, чтобы разсѣять облако, омрачающее твое благородное чело. Боже мой, Боже мой, что нынѣ за молодежь!..

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Еще въ тотъ же день, до обѣда, Альфреда перенесли въ домъ его отца. Банкиръ былъ очень счастливъ, что могъ имѣть дорогого сына подъ своимъ непосредственнымъ надзоромъ. Эмма охотно бы продолжала еще романтическій эпизодъ у возлюбленной своего брата, но теперь она чувствовала себя отчасти вознагражденною за это лишеніе тѣми интимными отношеніями, въ которые опять сталъ Лео къ ней и къ ея дому. Генри былъ внутренно возмущенъ—какъ онъ выражался—наглымъ вмѣшательствомъ Лео не въ свое дѣло, но счелъ за лучшее скрыть свою ярость подъ личиною дружескаго радушія. Самое странное положеніе пришлось на долю Эвы, которая, сверхъ всякаго ожиданія, еще болѣе приблизилась къ цѣ-

ли своихъ желаній. Позволеніе видѣть своего любовника она считала сначала только хитрой ловушкой, поставленной для нея Лео, но, по зрѣломъ обсужденіи, Эва убѣдилась, что это позволеніе было уступкою, сдѣланною ради раздражительности и опаснаго положенія Альфреда. Разумѣется, при своей разсудительности, Эва хорошо понимала, что ее прогонятъ, какъ только Альфредъ достаточно поправится, и потому она рѣшилась употребить это время съ наивозможною пользою для своихъ цѣлей. Трудность положенія не только не устрашила ее, напротивъ сообщила еще большую энергію ея рѣшительному и пронырливому характеру. Когда она являлась въ домѣ Зонненштейна, ея поведеніе какъ нельзя лучше согласовалось съ намѣреніемъ, которое она преслѣдовала. Въ гардеробной она обращала къ слугѣ, снимавшему съ нея верхнее платье, нѣсколько привѣтливыхъ словъ и щедро давала ему на водку; въ пріемныхъ комнатахъ появлялась съ необыкновенной скромностью, низко кланялась банкиру, нерѣдко съ ней встрѣчавшемуся, подавала Эммѣ руку съ такимъ застѣнчивымъ выраженіемъ въ лицѣ, какъ будто умоляла о прощеніи, и затѣмъ, подойдя къ постели больнаго, Эва говорила тихимъ шепотомъ: «какъ вы себя чувствуете, господинъ фонъ-Зонненштейнъ»? Считая не безъ основанія доброе сердце Эммы самымъ удобнымъ пунктомъ для атаки, Эва выказывала дочери банкира самое почтительное вниманіе. Никогда еще Эмма не находила такой терпѣливой слушательницы своихъ сердечныхъ изліяній, и притомъ въ глазахъ Эммы еще другое обстоятельство дѣлало Эву въ высшей степени интересной личностью. Теперь-то, наконецъ, Эмма могла узнать изъ наилучшаго источника кое-что и даже очень многое о житьѣ-бытьѣ мужчинъ, которое давно уже представлялось ей областью любопытныхъ, таинственныхъ загадокъ. «Вы познакомились съ жизнію, милая Эва, говорила она, вы могли окунуться въ глубину, которая остается вѣчно непроницаемою для насъ, несчастныхъ салонныхъ дамъ. Ахъ, какая вы счастливица! Вы осуществили на себѣ идеалъ свободной любви, недосягаемой для насъ, осуществили съ жизненнымъ трепетомъ, могла бы я выразиться, какъ поэтъ (schaudernd an sich selbst erfahren).

Разскажите же мнѣ, что вы пережили, или лучше не разсказывайте ничего, если думаете, что мое бѣдное сердце не въ состояніи постичь эту трудную науку. Я — заблудившееся дитя въ лѣсу, вы волшебница въ замкѣ фей. Со мною вы должны быть терпѣливы и сострадательны.

Хотя Эва и могла вполнѣ удовлетворить этому сладострастному любопытству, однако она остерегалась это дѣлать и тѣмъ разрушить прелесть таинственности, окружавшую, въ глазахъ Эммы, ея прошлое. Эва ограничивалась одними общими намеками, которые Эмма могла объяснять по собственному произволу, или, если Эву уже черезъ чуръ осаждали распросами, Эва говорила: «ахъ, душка, зачѣмъ вы хотите нарочно разрушить тотъ райскій сонъ, которымъ васъ до сихъ поръ убаюкиваетъ благодѣтельная судьба! И притомъ не думайте, что я могу сообщить вамъ слишкомъ много. Вы знаете о любви все, что можно знать. Все же прочее — тяжелый бредъ, изъ котораго, просыпаясь, напрасно стараешься придти въ полное сознаніе». При этомъ Эва закрывала глаза рукою и, какъ казалось, погружалась въ горестныя воспоминанія.

Съ другими не такъ легко было разыгривать комедію, какъ съ простодушной Эммою. Правда, банкиръ принималъ Эву съ самой утонченной вѣжливостью, но Генри онъ говорилъ: «эта госпожа думаетъ, что если она въ разговорѣ со мною смиренно потупляетъ глазки, такъ я и не разгляжу ее насквозь. Старая тактика страуса, дружокъ Генри! Но страусъ, сколько мнѣ извѣстно, не пользуется репутаціею умной птицы. Если бы ты предостерегъ моего молодца, любезный Генри, то съ нами можетъ быть, не приключилось бы такого горя.

— Не подверни эта, подвернулась бы другая, замѣтилъ молодой человѣкъ. Притомъ я никакъ не ожидалъ, чтобы дѣвушка эта произвела на него такое сильное впечатлѣніе. Но такъ какъ уже зашла рѣчь о предостереженіяхъ, то я желалъ бы...

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать, прервалъ банкиръ,— но тутъ ужь я ничего не могу сдѣлать. Жизнь моего сына дороже для меня всѣхъ другихъ соображеній; онъ питаетъ къ нему

довѣріе, и если докторъ — что уже было нѣсколько разъ и что теперь едва ли необходимо — приходитъ къ Альфреду даже ночью, то все-таки не могу же я сказать ему: «оставайтесь, любезнѣйшій, дома!»

— Какъ будто онъ ходитъ для Альфреда! сказалъ Генри, закусывая тонкія губы.

— Да какой вы, право, чудакъ! сказалъ банкиръ съ досадою, — самъ я хорошо знаю, чего онъ добивается. Онъ хочетъ заставить меня агитировать за него въ обществѣ, какъ я уже былъ вынужденъ агитировать въ ранній періодъ его карьеры, конечно изъ совершенно иныхъ побужденій. Послѣ можно будетъ съ нимъ развязаться. Не вѣчно же будетъ продолжаться болѣзнь Альфреда.

— А пока до того, этотъ господинъ укрѣпляетъ для себя одну позицію за другою. Мы ему въ этомъ содѣйствуемъ, а послѣ онъ подниметъ насъ, какъ дураковъ, на смѣхъ.

Банкиръ пожалъ плечами.

— Взгляни ты пожалуйста, на это посерьознѣе, продолжалъ Генри, — ты испортишь все дѣло, протежируя этому пройдохѣ, а вѣдь при настоящемъ твоемъ положеніи ты долженъ ладить со всѣми партіями. Я еще не отказался отъ надежды скоро видѣть принца во главѣ правленія. Когда это случится, онъ долженъ будетъ — къ чему онъ самъ уже приготовленъ — сдѣлать нѣкоторыя уступки либерализму. Съ своими настоящими намѣреніями онъ можетъ только тогда выступить открыто, когда уже укрѣпится на своемъ мѣстѣ. А до тѣхъ поръ онъ долженъ будетъ имѣть въ администраціи нѣсколько подобныхъ тебѣ помощниковъ. Еще недавно онъ говорилъ о тебѣ, какъ о чрезвычайно пригодной личности. Ну что же я долженъ буду ему сказать, когда онъ узнаетъ — а онъ узнаетъ это скоро — что ты опять завелъ дружбу съ Лео. Онъ видитъ въ Лео человѣка, котораго опасныя стремленія презирать безразсудно. Могу тебя увѣрить, что въ обществѣ, окружающемъ принца, поведеніе короля возбуждаетъ живѣйшее волненіе. Ежеминутно можно слышать заявленія въ родѣ того, что король поступаетъ болѣе, чѣмъ неблагоразумно. Принцъ рѣшительно выходитъ изъ

себя отъ бѣшенства; относительно Лео онъ высказываетъ ужаснѣйшія угрозы, и мнѣ самому надѣлалъ самыхъ обидныхъ непріятностей за то, что я не предостерегъ его во время отъ этого человѣка. Поэтому совѣтую тебѣ поберечь себя и не испортить своего, уже почти выиграннаго дѣла.

Эти и подобныя имъ внушенія Генри господинъ фонъ-Зонненштейнъ принималъ близко къ сердцу. Однако, онъ все-таки не могъ рѣшиться слѣдовать имъ безусловно. Положеніе Альфреда сильно безпоконло его. Еще никогда возможность лишиться Альфреда, своего единственнаго сына, который всегда былъ для него радостью сердца, его лучшей гордостью, не представлялась ему такъ ясно, какъ теперь. Днемъ онъ не могъ отойти отъ постели сына, и часто вставалъ ночью, чтобы охранять по цѣлымъ часамъ тревожный сонъ больного и при этомъ предаваться самымъ мучительнымъ размышленіямъ. Что если онъ его лишится?! Для чего же и для кого онъ работалъ, неусыпно хлопоталъ впродолженіи всей жизни? Гдѣ найдетъ теперь утѣшеніе, которымъ онъ, при болѣе, чѣмъ двусмысленныхъ аферахъ, усмирялъ свою встревоженную совѣсть, — то утѣшеніе, что онъ кривитъ душою не для себя, а для правнука того бѣднаго жидка, который, сидя съ своимъ нищенскимъ узелкомъ на камнѣ у караульной, сносилъ насмѣшки и брань уличныхъ мальчишекъ? Онъ самъ, отецъ, былъ послѣднимъ потомкомъ того жида и долженъ былъ исполнить его обѣтъ. Вмѣстѣ съ Альфредомъ начиналось новое поколѣніе; къ чистымъ рукамъ Альфреда не должна была прикоснуться грязь золота, накопленнаго для него и только для него его предками; его Альфредъ могъ наслаждаться тѣмъ, что въ потѣ лица собрали его отцы, — смѣло и свободно наслаждаться, какъ юный аристократъ наровнѣ съ другими аристократами,—онъ долженъ былъ сдѣлаться родоначальникомъ далекаго и блестящаго поколѣнія, которое могло бы гордо стать въ ряду знатнѣйшихъ фамилій въ королевствѣ.

Больной поворачивался или стоналъ во снѣ, и тогда банкиръ, очнувшись отъ своего тяжкаго раздумья, помогалъ человѣку, ухаживавшему за паціентомъ, поправить подушки и за-

тѣмъ тихонько пробирался на цыпочкахъ по плотнымъ коврамъ въ свою спальню, чтобы соснуть на нѣсколько часовъ тревожнымъ сномъ или довольно часто во всю ночь не смыкать глазъ и видѣть раннее лѣтнее утро, просвѣчивающее сквозь красныя шелковыя гардины.

Тяжело было это время для господина фонъ-Зонненштейна и неудивительно, что перпендикулярная морщина между его густыми бровями постоянно прорѣзывалась все глубже и глубже. Часто горе дѣлало его такимъ слабохарактернымъ, что онъ нѣсколько разъ уже собирался излить передъ Лео свое сердце.

Какъ въ прежнее время, также на него производила и теперь глубокое впечатлѣніе, спокойная, увѣренная осанка Лео. Если этотъ человѣкъ достигнетъ своей цѣли, — могъ ли онъ, банкиръ, простить себѣ, что упустилъ прекрасный случай навсегда привязать къ себѣ Лео, — случай, который воротить было бы уже поздно? И притомъ развѣ Лео не могъ вымѣстить на Альфредѣ ту измѣну, которую долженъ былъ перенесть отъ его отца? Развѣ не написано, что грѣхи отцовъ будутъ взысканы на дѣтяхъ до третьяго и четвертаго колѣна? И развѣ Лео не былъ властенъ въ жизни и смерти его сына? Не предостеречь ли Лео отъ происковъ его враговъ? Не попытаться ли доказать ему, что въ дѣлѣ съ тухгеймской фабрикой онъ жестоко ошибся, что на этихъ началахъ предпріятіе не можетъ идти и что онъ рискуетъ своей репутаціей государственнаго экономиста и, вмѣстѣ съ этой репутаціей, быть можетъ, также выгоднымъ мнѣніемъ короля?

Эти припадки моральнаго раздумья находились въ прямой зависимости отъ положенія Альфреда; они проявлялись съ большей энергіей ночью и ослабѣвали при свѣтѣ дня; усиливались, когда болѣзнь грозила усилиться, и были менѣе мучительны, когда Альфредъ увѣрялъ, что сегодня онъ чувствуетъ себя лучше. Наконецъ, когда по истеченіи двухъ недѣль, наступила рѣшительная перемѣна къ лучшему, банкиръ возблагодарилъ свою счастливую звѣзду, предохранившую его отъ величайшей глупости. Онъ могъ ночью спать спокойнѣе, а днемъ съ болѣе крѣпкими нервами и болѣе свѣтлыми глазами вести свои дѣла,

которыя требовали самаго осмотрительнаго вниманія въ это время, когда горячечное увлеченіе спекуляціями обуяло все общество, когда рисковыя акціонерныя предпріятія смѣняли одно другое и фирма Зонненштейнъ со всѣхъ сторонъ выпустила въ оборотъ громадные капиталы. Теперь-то банкиръ подумалъ серьезно о томъ, что нужно было прервать связь съ Лео, дѣйствительно, ставившую Зонненштейна въ самое неловкое положеніе передъ его политическими друзьями и передъ принцемъ. Необходимо было также поскорѣе покончить невозможную роль Эвы въ его домѣ,—роль, которую онъ предоставилъ ей невольно и за которую долженъ былъ выслушивать со всѣхъ сторонъ самые непріятные толки. Чѣмъ менѣе онъ скрывалъ отъ себя трудности, которыми грозилъ впослѣдствіи тотъ или другой шагъ, тѣмъ нетерпѣливѣе банкиръ поджидалъ того благодатнаго дня, въ который здоровье Альфреда позволитъ предпринять предполагаемую поѣзду на воды. Тогда можно было разойтись, не ссорясь, надавать обѣщаній, не разсчитывая ихъ исполнить, подышать свободнѣе впродолженіи двухъ мѣсяцевъ. Господинъ фонъ-Зонненштейнъ еще никогда съ такимъ удовольствіемъ не мечталъ о голубомъ небѣ, тѣнистой прохладѣ лѣсовъ и журчаньи ручейковъ, какъ въ это лѣто.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Между тѣмъ время Лео проходило стремительно, подобно пѣнистому, горному источнику, который, въ своей сердитой поспѣшности, несется въ долину между гладкими скалистыми стѣнами надъ островерхними утесами. Для этого человѣка, изо всѣхъ силъ преслѣдовавшаго свою цѣль, недѣли казались днями, дни—часами, и препятствіямъ, встрѣчавшимся ему на пути, онъ противоставлялъ ту силу, которой стойкая энергія поселяла невольное удивленіе въ самыхъ заклятыхъ его врагахъ. Никто бы не повѣрилъ, чтобы этотъ человѣкъ, который въ литературной борьбѣ никому не давалъ и ни у кого не просилъ пощады, который не робѣлъ ни передъ какою трудностью, предвѣ-

щалъ свой окончательный успѣхъ съ такою увѣренностью, такъ надменно величался уже одержанными побѣдами и такъ гордо поднималъ вверхъ свою голову, — никто бы не повѣрилъ, что въ сокровеннѣйшей глубинѣ своей души онъ терзался сомнѣніями, которыя, словно жадные вампиры, тѣснились къ его сердцу и высасывали кровь изъ этого сердца...

Разумѣется, онъ былъ теперь болѣе, чѣмъ прежде, убѣжденъ въ несостоятельности теорій его противниковъ, и не менѣе также въ томъ, что великая цѣль—благо бѣднаго, рабочаго большинства, для котораго онъ трудился — могла быть достигнута только путемъ громаднаго переворота, котораго объемъ и глубокое значеніе сокрыты для тѣхъ мелкихъ, обыденныхъ душъ. Пусть даже эта цѣль—если только она, дѣйствительно, можетъ быть достигнута — будетъ хорошая цѣль, которой надобно желать: не кроется ли въ этомъ главномъ, общемъ предположеніи какая нибудь роковая ошибка, которая лишитъ силы всѣ результаты и всю работу сдѣлаетъ пошлой ложью, тождественною въ такомъ случаѣ съ самимъ человѣчествомъ?

Господинъ фонъ-Зонненштейнъ не долженъ былъ особенно благодарить Лео за то, что онъ даже ночью всегда готовъ былъ по первому призыву являться къ постели больного Альфреда: Лео всегда спалъ очень мало, а теперь сонъ рѣшительно бѣжалъ отъ его глазъ. Фердинандъ, возвращаясь съ одной изъ своихъ оргій и съ волчьей ненавистью прокрадываясь возлѣ дома своего врага, почти всегда видѣлъ свѣтъ лампы, мерцавшей въ окнѣ его библіотеки. Въ это время Лео, зарывшись въ книгахъ, читалъ, соображалъ, писалъ, или съ заложенными, по обыкновенію, за спину руками прохаживался по изящной комнатѣ взадъ и впередъ, а потомъ выходилъ, быть можетъ, на балконъ, чтобы освѣжить свою горячую голову прохладнымъ ночнымъ воздухомъ. Но именно въ эти часы, когда ночная тишина побуждала его заглянуть въ свое сердце и когда нѣсколько унималась дикая жажда борьбы, распалившая его душу и голову въ то время, когда перо его быстро бѣгало по бумагѣ,— именно въ эти часы его посѣщали мучительныя сомнѣнія, прилетавшія къ нему на лучахъ блѣдной луны и въ шелестѣ вѣтра

между вѣтвями говорившія ему: если бы ты бѣднѣйшему поденьщику клалъ каждое воскресенье курицу въ горшокъ, если бы ты построилъ ему прочную хижину и оградилъ бы его жизнь и здоровье отъ дождя и вѣтра, отъ лѣтняго зноя и зимняго мороза,—можешь ли ты все-таки сдѣлать, чтобы эти люди не были жалкими, темными существами, живущими только для того, чтобы умереть, и умирающими, не узнавъ, что такое жизнь. Я хвалюсь и имѣю право хвалиться передъ другими тѣмъ, что живу чистымъ свѣтомъ разсудка, что я не омраченъ суевѣріемъ, предразсудками,—но что же такое моя собственная жизнь? Много ли она принесла мнѣ такихъ часовъ, которые стоили бы того, чтобы я желалъ ихъ возвращенія? А какъ много она подарила мнѣ такихъ часовъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ меня въ ужасъ!! Да кого же встрѣчала иная судьба изъ всѣхъ тѣхъ людей, въ душу которыхъ я могу заглянуть глубокимъ взглядомъ? Кто изъ нихъ, если бы захотѣлъ говорить по совѣсти, не долженъ былъ бы сказать съ индѣйцемъ: спать лучше, чѣмъ не спать, умереть лучше, чѣмъ спать, а всего лучше не родиться? Не глупцы, не трусы, а напротивъ, самыя свѣтлыя головы, самыя мужественныя сердца всѣхъ сознательнѣе и глубже постигли эту ужасную истину. Если бы мой отецъ, подобно другимъ людямъ, прошелъ всю школьную мудрость, то могъ бы сдѣлаться ученымъ профессоромъ, основателемъ новой философской школы, къ которому со всѣхъ концовъ стекались бы ученики, но все-таки на своей каѳедрѣ, среди многолюдной аудиторіи, онъ остался бы такимъ же несчастнымъ человѣкомъ, какимъ былъ между голыми четырьмя стѣнами своей комнатки, въ крестьянской хижинѣ деревушки Фельдгеймъ. Что такое всякій благородный человѣкъ, какъ не Донъ-Кихотъ, желающій искоренить неправды людского общества и за это подвергающійся заушеніямъ дураковъ, поруганію и насмѣшкамъ свѣтской толпы? Я смѣюсь надъ этими отъявленными глупцами—безмозглыми оптимистами, которые думаютъ, что сотворили богъ вѣсть какое чудо, если благополучно излечили одинъ симптомъ чудовищной болѣзни называемой жизнію, и ожидаютъ великія и богатыя

милости отъ того, что положили заплату на старый башмакъ. А самъ-то я что же дѣлаю?! Саулъ убилъ тысячу филистимлянъ, а Давидъ десять тысячъ—разница въ числѣ, а не въ сущности дѣла. Но кто же, кто исполнитъ великое дѣло?...

Лео самъ не зналъ, отчего въ эти ночные часы онъ такъ часто уносился мыслію въ далекое прошлое. Но онъ зналъ, чего хотѣлъ одинъ призракъ, для него также принадлежавшій къ прошлому времени, но часто появлявшійся предъ нимъ и смотрѣвшій въ его глаза неподвижнымъ, мрачнымъ взглядомъ. Этотъ призракъ спрашивалъ его, какъ ему пришлась по вкусу чечевичная похлёбка, за которую онъ, Лео, продалъ свое право на наслѣдство всѣхъ истинно свободныхъ человѣческихъ существъ, до него жившихъ. Помнишь ли ты, говорилъ призракъ, какъ мы пили съ тобою по горному скату, и я положилъ твои персты въ гнойныя язвы. Ты говоришь, что дѣйствуешь только для исполненія этой клятвы, только для того, въ чемъ мы дали тогда обѣтъ другъ другу, чтобы торжественнѣе и полнѣе водворить законъ правды. Хорошо, я этому вѣрю: укажи же мнѣ, что ты сдѣлалъ такого, что заставило бы меня забыть непригодность твоихъ средствъ. Какіе же плоды они принесли?...

Таковы были мрачныя размышленія, порожденныя ночью сильно возбужденнымъ мозгомъ. Но и свѣтлый день не приносилъ для Лео полнаго внутренняго спокойствія. Лео не могъ утаить отъ себя, что планы его развивались гораздо медленнѣе, чѣмъ онъ надѣялся и что его положенію еще не доставало надлежащей прочности. Изъ среды народа ученіе его не откликалось никакимъ эхомъ, словно голосъ его былъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ. А между тѣмъ изъ Тухгейма приходили извѣстія не очень утѣшительнаго содержанія. Между рабочими уже возникли буйныя несогласія, которыя, послѣ ихъ усмиренія, сейчасъ же опять начинались сызнова и грозили затруднить успѣшный ходъ предпріятія. Обстоятельства для сбыта товаровъ были очень неблагопріятны. Нужно было работать для склада, чтобы вообще работать, и теперь-то Лео увидѣлъ, что онъ заплатилъ слишкомъ дорого. Онъ проклиналъ свою поспѣшность. Онъ негодовалъ противъ банкира, который могъ лучше знать положеніе

дѣлъ и, однако, допустилъ его попасться въ сѣти. При всемъ томъ онъ умѣлъ благоразумно скрывать свое негодованіе подъ личиною задушевной пріязни. Дружескія отношенія къ вліятельному человѣку,—отношенія, которыя онъ нарушилъ такъ отважно еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, были для него теперь дѣломъ чрезвычайной важности даже послѣ того, какъ онъ долженъ былъ отказаться отъ мысли завладѣть для себя особою Эммы, такъ какъ мысль эта представлялась ему теперь невыполнимою. Генри, безъ всякаго сомнѣнія, былъ на сторожѣ и, осыпая Эмму всякаго рода ласками и любезностями, отнималъ у молоденькой дамы всякій предлогъ къ разрыву съ нимъ. Къ этому присоединилось другое обстоятельство, котораго Лео не зналъ. Эмма не забыла того, что говорилъ ей еще въ Тухгеймѣ Альфредъ относительно слишкомъ близкой сердечной пріязни между Лео и Сильвіею. Объ этомъ предметѣ Эмма освѣдомлялась даже у Генри и Эвы. И тотъ, и другая увѣряли Эмму, что это, дѣйствительно, правда и что только благодаря вліянію Сильвіи Лео пріобрѣлъ и удерживаетъ за собою свое блестящее положеніе при королѣ. Тѣмъ безсовѣстнѣе съ его стороны, прибавляли враги Лео, что онъ теперь совершенно пренебрегаетъ бѣдной дѣвушкою и ухаживаетъ за Жозефою, о которой никто не захочетъ сказать добраго слова. Эмма была слишкомъ довѣрчива для того, чтобы усумниться въ правдивости этихъ показаній, и такъ какъ Генри былъ съ нею необыкновенно обходителенъ, то она рѣшилась принимать буквально дружбу, предложенную ей Лео.

— Ахъ, добрый другъ мой, сказала она,—вы избрали благую часть! Что можетъ быть священнѣе союза, теперь насъ связывающаго? Вы, какъ дѣятель на поприщѣ политики, даже въ сердечныхъ дѣлахъ должны руководиться политическими видами. О, я вѣрю, что сердце ваше обливается кровью... Но безкорыстная дружба стоитъ выше мелочнаго духа партій.

Въ другой разъ, когда онъ явился передъ нею во всемъ блескѣ своей гордой красоты, она посмотрѣла на него такимъ взглядомъ, который краснорѣчиво говорилъ, какъ тяжело ей отказаться отъ своего идеала. Между тѣмъ время, назначенное

для отъѣзда, приближалось, но между ней и Лео еще ничто не было порѣшено окончательно. Удобный случай взаимно высказаться не представлялся, и Лео не хотѣлъ самому себѣ признаться, что ему было совѣстно подать къ тому поводъ.

Незавидны были его удачи и въ другихъ отношеніяхъ. Что на него безпощадно нападали либеральные органы печати и во главѣ ихъ газета, редактируемая Вальтеромъ,—это было совершенно понятно, но не снисходительнѣе поступали съ нимъ и органы феодальной партіи. Когда же въ послѣднее время реакціонерный листокъ, ознаменовавшій себя фанатической нетерпимостью въ дѣлахъ религіи, заговорилъ о немъ покровительствующимъ тономъ, Лео никакъ не могъ похвалиться этимъ новымъ союзникомъ и еще менѣе поводомъ, доставившимъ ему это покровительство. Одинъ король долженъ былъ служить для него порукою въ осуществленіи его желаній. Если зашатается и сломится эта послѣдняя опора,—тогда, конечно, все гордое зданіе его надеждъ разсыпется въ прахъ.

И въ этомъ отношеніи также въ сердце Лео прокрадывалась мучительная тревога, омрачавшая для него свѣтлый день. Все яснѣе читалъ онъ въ душѣ молодаго монарха и съ каждымъ днемъ все безпокойнѣе долженъ былъ себя спрашивать, будетъ ли въ силахъ этотъ богатый дарами, но совершенно недисциплинированный умъ послѣдовательно развить великую идею,—и притомъ, какъ долго еще этотъ потрясаемый, даже въ концѣ истощенный организмъ можетъ прослужить сноснымъ вмѣстилищемъ для такого непостояннаго духа?! Изъ своей собственной практики Лео припомнилъ себѣ многіе, въ гораздо меньшей мѣрѣ серьезные случаи, которые, однако, приводили къ трагическому концу.

Но чѣмъ неподатливѣе подчинялись обстоятельства и лица той формѣ, которую онъ хотѣлъ имъ сообщить, тѣмъ могущественнѣе стремился его духъ поработить себѣ упорное вещество, тѣмъ съ болѣе сокровенной глубины поднималась жизненная волна, напоявшая его новою силой. Истощится ли, можетъ ли истощиться этотъ источникъ — объ этомъ Лео не спрашивалъ. Онъ зналъ, что вступилъ въ борьбу, въ которой

между славною побѣдой и позорнымъ пораженіемъ не было средняго исхода, онъ рѣшился вести отчаянный бой на томъ полѣ, которое самъ себѣ избралъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Въ отношеніяхъ между королемъ и Лео было замѣчательно то обстоятельство, что король еще никогда не рѣшался зазвать своего друга въ свой дворецъ. Поэтому король нѣсколько разъ навѣщалъ его въ собственной его квартирѣ,—разумѣется, всегда тайкомъ, довольно часто въ поздніе вечерніе часы и разъ даже въ полночь. При случаѣ Лео долженъ былъ отправляться въ одинъ изъ его замковъ, но чаще всего онъ видѣлся съ нимъ въ домѣ генерала. Всѣмъ извѣстныя пріязненныя отношенія между молодымъ монархомъ и его старымъ учителемъ и воспитателемъ, а также уединенное положеніе дачи возлѣ дома Лео, дѣлали это мѣсто самымъ удобнымъ для этихъ таинственныхъ свиданій.

Сегодня вечеромъ король также далъ знать о своемъ визитѣ. Генералъ разъ навсегда сдѣлалъ распоряженіе предварительно извѣщать Лео объ этихъ визитахъ. Такъ было и теперь. Генералъ прогуливался съ своею дочкою въ саду. Лео не былъ дома, когда генералъ посылалъ къ нему слугу, а это сильно обезпокоило генерала. Онъ лично сходилъ на дачу Лео и строго-настрого приказалъ его слугѣ о предстоявшемъ визитѣ короля немедленно извѣстить своего господина, какъ только онъ возвратится домой.

Втеченіи дня шелъ обильный дождь. Усыпанныя щебнемъ аллеи и дорожки сада всосали въ себя воду, но съ вѣтвей все еще ниспадали дождевыя капли. По небу тянулись тяжелыя, мрачныя тучи, которыя каждую минуту могли разразиться новымъ ливнемъ.

— Не лучше ли намъ идти домой? замѣтила Жозефа.

Голова ея была повязана чернымъ кружевнымъ платкомъ; лицо дѣвушки было очень брюзгливо и потому нисколько не-

привлекательно. Надъ лѣвой бровью рѣзко обрисовывалась некрасивая складка. Въ пасмурномъ свѣтѣ вечера этой дамѣ можно было смѣло дать двадцать восемь лѣтъ, которые она себѣ считала.

Генералъ посмотрѣлъ на небо.

— Еще успѣемъ, сказалъ онъ,—но отсюда мы лучше увидимъ, когда онъ будетъ идти. Скверно будетъ, если они именно въ этотъ разъ не увидятся другъ съ другомъ.

— Отчего же именно въ этотъ разъ? спросила фрейленъ.

— Король собирается ѣхать, отозвался генералъ,—но это пока еще не рѣшено окончательно. Я не знаю, какое я получу приказаніе и какъ онъ намѣренъ поступить съ Лео. Король находится въ величайшемъ затрудненіи. Онъ и желалъ бы во время этого продолжительнаго вояжа имѣть возлѣ себя своихъ друзей, но ему также не хочется опять ссориться съ дворомъ. Взять съ собой Лео, не давъ ему какого нибудь опредѣленнаго назначенія въ свитѣ, дѣйствительно, не совсѣмъ ловко. Но какое же ему дать назначеніе? Это очень затруднительный вопросъ. Для подчиненной роли Лео слишкомъ великъ. Назначенія, которое было бы его достойно, ему дать нельзя, потому что онъ извѣстенъ королю еще очень недавно, да и вообще при этомъ представляются значительныя трудности. Право, не знаю, какъ рѣшить эту головоломную задачу.

— Это досадно, сказала Жозефа, плотнѣе закутываясь въ свою шаль.

— Мнѣ тоже, прибавилъ генералъ.

— Ну, это другое дѣло.

Генералъ немного помолчалъ, наконецъ, взявъ свою дочь подъ руку и гладя ее по рукѣ, онъ отвѣчалъ:

— Я знаю, что ты хочешь сказать, милое дитя мое. Разумѣется, это—нѣсколько другое дѣло, но и ты также должна имѣть терпѣніе.

Жозефа остановилась, отдернула свою руку назадъ и, неподвижно уставивъ на отца свои мрачныя глаза, сказала:

— Такъ твоя воля, дѣйствительно, заключается въ томъ, чтобы я вышла замужъ за этого... господина?

Генералъ робко оглянулся вокругъ.

— Я не говорю, что это моя воля, но думаю только, что не худо привязать къ себѣ всячески этого человѣка,—да, всякими способами!

— Ты утверждалъ тоже самое еще съ мѣсяцъ тому назадъ, а мы все стоимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, я не вижу, чтобы его положеніе сколько нибудь сдѣлалось прочнѣе. Вездѣ, гдѣ только можно, всѣ его избѣгаютъ. По его милости мы должны будемъ скоро разогнать всѣхъ нашихъ знакомыхъ.

— Будь увѣрена, всѣ они явятся къ намъ опять, когда...

— Когда! прервала Жозефа съ досадою,—а если никогда? Такъ мнѣ говорила графиня еще сегодня. Все это было бы прекрасно, сказала она, если бы этотъ молодой человѣкъ втеченіи года былъ сдѣланъ министромъ-президентомъ; а что вы заиосте, когда къ нему оскудѣетъ милость короля или когда король долженъ будетъ предоставить его на произволъ судьбы? Одинъ король не можетъ его поддерживать, точно также, какъ и старая баронесса Бартонъ.

— Все это—маленькое ехидство мадамъ Шлиффенбахъ, сказалъ съ улыбкой генералъ,—кто бы подумалъ, что у этой крошечной блондинки такой ехидный язычекъ?! Но графиня совершенно ошибается. Одна баронесса Бартонъ, конечно, не въ силахъ его поддержать, но въ томъ-то и дѣло, что баронесса Бартонъ не одна, и что она—видимая глава цѣлой невидимой коалиціи, считающей между нами очень многихъ членовъ. Вотъ видишь ли, милое дитя мое, то обстоятельство, что Лео согласился вести сообща дѣло съ этой коалиціей, хотя это для него не менѣе антипатично, какъ и для самого меня, служитъ новымъ подтвержденіемъ его необыкновеннаго благоразумія. Старуха Бартонъ сама по себѣ далеко не безсильный союзникъ. Всѣ боятся ея злого языка, а вѣдь она отзывается о Лео, какъ о своемъ собственномъ сынѣ. Въ сравненіи съ этимъ человѣкомъ, сказала она недавно, всѣ мы страшно глупы. Я не знала, какъ можно съ достоинствомъ защищать дѣло родовой аристократіи и религіи до тѣхъ поръ, пока не услышала

его разсужденій объ этихъ предметахъ. Этотъ одинъ человѣкъ стоитъ для нашего общества тысячи сочленовъ. Подумай хорошенько, Жозефа! Еще съ самаго ранняго дѣтства въ характерѣ короля замѣчалось это влеченіе къ необычайному, мистическому и это совершенно согласуется со всей его нравственной личностью и съ его убѣжденіями. Въ молодыхъ годахъ это обнаруживалось не такъ рѣзко; тогда онъ былъ занятъ другими мыслями. Но съ нѣкоторыхъ поръ, и именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ утратилъ тѣлесную бодрость и также не обладаетъ уже умственною свѣжестью, эта черта опять проявляется въ немъ довольно замѣтно. Я полагаю, что если бы его династія не поставляла своей гордости въ исповѣданіи протестантской религіи, то онъ перешелъ бы въ католицизмъ; мы должны будемъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться очень набожными людьми. Все это Лео хорошо отгадалъ своимъ вѣрнымъ чутьемъ и его связь съ Урбаномъ и всей коалиціей—геніальная тактика. Они избрали его вице-президентомъ, такъ какъ у Урбана нельзя уже было отнять главнаго президентства. Мы всѣ должны сдѣлаться членами, и я за насъ обоихъ взнесу по сту талеровъ. Они стараются одинъ другого превзойти щедростью.

— Вонъ ѣдетъ король! сказала Жозефа, поглядывая съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ на аллею парка, сегодня совершенно безлюдную. Въ довольно значительномъ отдаленіи виднѣлась быстро-приближавшаяся карета.

— Будь же любезна, Жозефа! сказалъ генералъ, когда она поспѣшными шагами направилась къ дому,—онъ къ тебѣ очень расположенъ, но онъ хочетъ также, чтобы ему выражали благодарность.

Въ залѣ были уже зажжены восковыя свѣчи и оставалось только затворить дверь. Жозефа наскоро разложила на столѣ кое-какія изящныя иллюстрированныя изданія и альбомы и сѣла возлѣ стола, показывая видъ, что она была здѣсь занята. Генералъ держался за ручку полуотворенной двери, и когда королевскій экипажъ подъѣхалъ къ дому, генералъ поспѣшилъ чрезъ переднюю залу на встрѣчу своему повелителю, тогда какъ Жозефа, предварительно сдѣлавъ передъ зеркаломъ репетицію улыбки, прислонилась къ двери.

Въ передней залѣ послышался звучный голосъ короля.

— Пренесносный холодъ, варварскій, скучный климатъ, богатый не славою, а только насморками! Ахъ, вотъ и наша любезнѣйшая хозяюшка! Какъ здоровье ваше, дорогая Жозефа! Извините, что я, увидѣвъ васъ, сейчасъ же вспомнилъ о китайской травкѣ. Не угостите ли чашечкой?

Король, только-что отобѣдавшій, былъ необыкновенно оживленъ. Онъ сѣлъ въ кресло и сейчасъ же опять вскочилъ съ мѣста и началъ ходить по обширной комнатѣ съ генераломъ, едва успѣвавшимъ за нимъ слѣдовать, тогда какъ Жозефа, взявъ подносъ изъ рукъ слуги, принесшаго чай, собственноручно предложила королю чашку.

— Благодарю, благодарю, добрая Жозефа! Grands dieux comme vous êtes belle aujourd'hui! Точно такими я воображаю себѣ гурій магометанскаго рая. Вы должны были бы всегда вѣнчать свою голову ширазскими розами.—Ахъ да, Тухгеймъ, что я хотѣлъ сказать: отчего я у васъ не вижу сегодня нашего доктора? Ужь не повздорили ли вы съ нимъ, Жозефа?

Жозефа улыбнулась. Генералъ поспѣшилъ выразить свое сожалѣніе, что Лео не было дома; но генералъ присоединилъ также надежду, что его юный другъ не лишится счастья и теперь привѣтствовать его величество!

— Собственно говоря, мнѣ очень пріятно, что я застаю васъ здѣсь однихъ, замѣтилъ король,—мнѣ вотъ именно относительно доктора нуженъ добрый совѣтъ, и я былъ бы очень радъ, если бы вы могли снабдить меня этимъ драгоцѣннымъ товаромъ. Можете ли вы дать мнѣ хорошій совѣтъ, милая Жозефа?

— Я не знаю, ваше величество, что другое могло бы сдѣлать меня счастливѣе.

— Ну, дѣлать счастливыми—это ваше ремесло; жаль только что вы, подобно другимъ людямъ, пренебрегаете вашей профессіей. Вы должны были бы серьезно подумать о томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать кого нибудь счастливымъ. Дѣло въ томъ, что...

Король усѣлся въ кресло передъ столомъ. Онъ началъ перелистывать одинъ изъ альбомовъ и при этомъ говорилъ:

— Мнѣ было бы очень пріятно взять съ собою доктора;

долго я не могу безъ него обойтись. Надежда прогуляться по бѣлу свѣту, какъ одинокая комета, съ скучнымъ хвостомъ изъ безмозглыхъ господъ, которыхъ я долженъ оффиціально тащить за собою,—эта надежда не имѣетъ для меня ничего утѣшительнаго. Со мною поѣдетъ Фалькенштейнъ, котораго я пожалуй еще потеряю, когда онъ какъ нибудь нечаянно попадетъ въ стадо барановъ, со мною будетъ... однако, друзья мои, увольте меня отъ каталога моихъ героевъ! Вы знаете этихъ мудрецовъ, а лестные эпитеты можете прибрать сами. Отъ васъ, любезнѣйшій Тухгеймъ, я долженъ отказаться. Вамъ пришлось бы разстаться съ фрейленъ Жозефою, а я не хочу этого ни за что на свѣтѣ. Нѣтъ, нѣтъ, ужь вы, пожалуйста, не перебивайте меня! Жозефа еще должна будетъ предпринять путешествіе—большое путешествіе, разумѣется съ вами, такъ какъ до сихъ поръ она еще не имѣетъ возлѣ себя никакого другого законнаго кавалера.—Ахъ взгляните, пожалуйста, любезная Жозефа, на эту роскошную гравюру! Это—храмъ въ Пестумѣ. Посмотрите на эти почтенныя развалины среди классической пустыни, которой холмистая мѣстность, поросшая негодной травой, представляется могилой падшаго величія. Вотъ лежитъ еще разбитое подножіе колонны, вотъ обломокъ капители—благородные останки божественнаго тѣла, которые время забыло похоронить или, быть можетъ, опять святотатственно раскопало изъ земли. Не правда ли, вы бы желали стоять на этомъ мѣстѣ? Разумѣется, не одиноко. Кто могъ бы, кто бы отважился одинъ бродить по этому кладбищу тысячелѣтій? Нѣтъ не одна, а опираясь на руку любимаго человѣка, супруга. Не правда ли вы бы этого желали?

Король пристально глядѣлъ въ альбомъ. Края его глазъ покраснѣли, какъ будто онъ боролся съ слезами. Казалось, онъ совершенно забылъ, гдѣ находился и о чемъ говорилъ. Наконецъ онъ сдѣлалъ движеніе, взялъ другой альбомъ и принялся его перелистывать, но не произнося ни слова. Генералъ и Жозефа, стоявшіе по правую и по лѣвую руку короля, мѣнялись многозначительными взглядами. Вдругъ король громко захохоталъ и, указывая пальцемъ на листокъ, вскричалъ:

— О, божественный Мурильо! Посмотрите, какъ эти юные любовники...

И онъ разразился новымъ хохотомъ, захлопнулъ альбомъ и откинулся назадъ въ креслѣ.

— Нѣтъ, далѣе ничего не хочу смотрѣть, сказалъ онъ,— вотъ это лучше всего: солнечный свѣтъ, благотворный солнечный свѣтъ, который хотя и расположаетъ на головѣ насѣкомыхъ, все же наполняетъ отрадою сердце бѣднаго юноши.— Ахъ, да, что же я хотѣлъ еще сказать? Какъ бы мнѣ уладить дѣло такимъ образомъ, чтобы я былъ окруженъ моими друзьями, какъ родной семьей, которая, не будучи прикомандирована ко мнѣ оффиціально, можетъ останавливаться тамъ, гдѣ я останавливаюсь? Въ дорогѣ менѣе завишешь отъ докучливаго церемоніала, а такъ какъ я, благодареніе Всевышнему, всюду беру съ собою мою королевскую прерогативу и такъ какъ на monte-cavallo также удобно даровать права рыцарства какъ и на дворцовой площади, то все это устраивается довольно легко, даже легче чѣмъ здѣсь. Въ путь-дорогу человѣкъ отправляется безбородымъ и возвращается назадъ съ полуаршинной бородою,—почему же и не съ новымъ дворянскимъ достоинствомъ, съ невѣстою или женою? Привѣтливое синее небо юга гораздо болѣе благопріятствуетъ скорымъ рѣшеніямъ, чѣмъ сѣрый туманъ сѣвера. Если бы въ тотъ день, когда старый Капулетти давалъ свой балъ, термометръ спустился на десять градусовъ ниже точки замерзанія, то Ромео отправился бы ad patres веронскимъ синдикомъ, а Джульетта была бы вдовствующей графиней парижской и скончала бъ дни свои восьмидесяти лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя штукъ двадцать правнуковъ. Разумѣется, надо имѣть немножко и собственной своей доброй воли, безъ чего не поможетъ никакой солнечный свѣтъ, даже свѣтъ королевской благосклонности. Моему сердцу очень прискорбно, что я не могу управлять головами и сердцами немногихъ людей, которыхъ могу назвать любезными мнѣ и вѣрными. Удивительно ли послѣ этого, что я не могу сдерживать въ благочиніи многихъ невѣрныхъ и долженъ только махнуть рукою, глядя, какъ они, словно оторвавшіеся отъ центра атомы, кружатся въ пустомъ пространствѣ своего

эгоизма? Нѣтъ, я болѣе не хочу чаю, любезная Жозефа, мнѣ пора ретироваться. Подумайте, пожалуйста, хорошенько о томъ, что я сказалъ. Я очень люблю тѣхъ людей, которые меня легко понимаютъ.

Король поднялся съ мѣста и, взявъ при разставаніи руку Жозефы, сказалъ:

— Какъ только увидитесь съ докторомъ, передайте ему мой сердечный привѣтъ и еще скажите... ну, да непремѣнно скажите ему, что на италіянской почвѣ золотые померанцы, съ трудомъ прозябающіе въ нашихъ оранжереяхъ, зрѣютъ подъ открытымъ небомъ. Прощайте, любезная Жозефа! Прощайте, мой старый другъ! Вы хотите меня проводить? Чтожь, пожалуй,—вѣдь это еще не послѣдніе проводы; тогда я бы васъ попросилъ не утруждать себя.

Спустя нѣсколько минутъ генералъ возвратился въ залу и первыми его словами были:

— Вѣдь, кажется ясно, Жозефа! Убѣдилась ли ты наконецъ?

Дѣвушка не отвѣчала, генералъ отворилъ дверь, выходившую въ садъ; въ залѣ было очень жарко, а разговоръ съ королемъ привелъ въ сильное волненіе кровь генерала. Жозефа подошла къ нему; онъ обнялъ рукою ея талію и привлекъ къ себѣ свою дочь.

— Дитя мое, милое дитя мое, сказалъ онъ,—воля короля всегда служила для меня закономъ во всѣхъ случаяхъ моей жизни. Можешь ли ты удивляться, если я желаю, чтобы и ты поступила точно такимъ же образомъ? Вѣдь послѣ моей смерти,—а почемъ знать, можетъ быть она не за горами—я оставляю тебѣ единственное наслѣдство—благосклонность короля. Я всегда старался пріискать для тебя какъ можно болѣе блестящую партію. Ты не исполнила моего желанія. Теперь тебѣ представляется случай вознаградить потерянное время и притомъ—извини, Жозефа, за это замѣчаніе, весьма нелюбезное, даже со стороны отца—въ нашемъ обществѣ люди живутъ скоро. Спустя нѣсколько лѣтъ даже твоя замѣчательная красота перестанетъ быть интересною.

Жозефа невольно вздохнула; генералъ продолжалъ тихимъ голосомъ:

— Еще при выходѣ отсюда онъ сказалъ мнѣ, что былъ сегодня у насъ именно для того, чтобы побудить тебя прійти къ окончательному рѣшенію. Онъ желаетъ, чтобы ты еще здѣсь дала этому человѣку право за нами слѣдовать, но чтобы близкія отношенія между вами получили огласку спустя нѣсколько недѣль послѣ выѣзда. До формальнаго и открытаго обрученія онъ хочетъ возвести Лео въ дворянство и украсить его титуломъ, какого пожелаетъ самъ Лео. Но это будетъ только началомъ, были его послѣднія слова,—я имѣю гораздо болѣе высокіе виды на этого человѣка. Можешь ли ты еще сомнѣваться, Жозефа?

И генералъ пригладилъ рукою блестящіе волосы своей хорошенькой дочки.

Жозефа высвободилась изъ отцовскихъ объятій и сказала задумчиво:

— Мы все толкуемъ обо мнѣ. Но онъ до сихъ поръ не подавалъ мнѣ случая вывѣдать его чувства ко мнѣ.

— Не подавалъ случая? сказалъ съ удивленіемъ генералъ,— но, дитя мое милое, самый отважный мужчина не предоставляетъ самъ случая, а только пользуется имъ, когда онъ ему данъ. Это ужь твое дѣло. Тссъ! Кажется, кто-то идетъ по саду.

Изъ-за кустовъ показалась мрачная фигура на свѣтъ, проникавшій въ садъ чрезъ окно и отворенную дверь. То былъ Лео. Генералъ привѣтствовалъ его громкимъ крикомъ, и когда Лео вошелъ въ залу, генералъ принялся раскланиваться предъ нимъ съ самымъ сердечнымъ энтузіазмомъ и дружескими шутками. Это значило, какъ выразился генералъ, приходитъ post festum: король просидѣлъ здѣсь болѣе часа и напрасно старался тоску по Лео утопить въ чашкѣ чая. — Но вдругъ генералъ вспомнилъ, что ему надобно написать нѣсколько важныхъ писемъ, и онъ удалился съ обѣщаніемъ опять явиться чрезъ полчаса.

— Вашъ батюшка сегодня въ веселомъ ударѣ, сказалъ Лео,— надо полагать, что король былъ очень милостивъ.

— Да, онъ, дѣйствительно, былъ очень милостивъ, отозвалась Жозефа.

Они начали прохаживаться по залѣ. Сквозь все еще отворенную дверь въ душную комнату проникалъ свѣжій вечерній воздухъ. Дождь опять началъ идти. Снаружи былъ слышенъ шелестъ вѣтра между вѣтвями и тихое паденіе дождевыхъ капель. Взглядъ Лео покоился на Жозефѣ. Въ этомъ освѣщеніи она была очень интересна, но нѣсколько блѣдна. Ея задумчивые глаза глядѣли въ землю. Лео показалось, что она дышала глубоко и порывисто. Въ цѣломъ свѣтѣ, раздумывалъ онъ, нельзя было бы найти другой женщины, къ которой такъ бы шла роль хозяйки въ знатномъ домѣ. Молчаніе продолжалось. Громче шумѣлъ на дворѣ дождь, свѣжѣе вѣяло изъ сада въ комнату.

— Могу ли я затворить дверь? спросилъ Лео,

— Я думала, что такъ будетъ лучше. Здѣсь очень душно.

Они остановились въ двери на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стояла Жозефа съ своимъ отцомъ. Жозефа дышала медленнѣе, но еще глубже, чѣмъ прежде.

— Вы что-то невеселы, сказалъ Лео,—ужь не больны ли вы.

— Неужели надо заболѣть, чтобы лишиться веселости?

— О, я былъ бы послѣднимъ человѣкомъ такъ думающимъ, сказалъ Лео,—я болѣю рѣдко, но еще рѣже бываю веселъ. Да и вообще, что значитъ быть веселымъ? По моему быть веселымъ значитъ: не думать, слѣдовательно находиться въ состояніи дѣтей и бѣлокъ. Я не симпатизирую весельчакамъ.

— Мы съ вами совершенно сходимся въ этомъ отношеніи, замѣтила Жозефа.

— Ваша улыбка въ настоящую минуту доказываетъ это лучше всего (это была очень меланхолическая улыбка). Жозефа отвернулась.

— Пожалуй, я не буду такъ улыбаться, сказала она.

Жозефа вышла изъ двери на далеко выступавшій балконъ. Усиливавшійся вѣтеръ шелестилъ ея платьемъ. Мелкій дождь брызгалъ на балконъ и смачивалъ ея волосы. Лео подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Войдемте, войдемте въ комнату, вы простудитесь.

Жозефа ничего не отвѣчала.

— Жозефа!

Онъ обвилъ своей рукою ея станъ; она склонила голову на

его плечо. Онъ еще плотнѣе привлекъ къ себѣ гибкую, стройную талію; онъ осыпалъ поцѣлуями ея лобъ, ея губы.

Шумъ послышавшійся позади нихъ, заставилъ Жозефу поспѣшно вырваться изъ его объятій. То былъ генералъ, стоявшій у нихъ за спиною съ притворнымъ выраженіемъ удивленія въ лицѣ, и когда Жозефа къ нему обернулась, онъ разставилъ руки и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Ваше превосходительство... сказалъ Лео.

Генералъ выпустилъ Жозефу изъ своихъ объятій и протянулъ къ Лео обѣ руки.

— Для васъ я не превосходительство, мой дорогой, юный другъ! Я ничего не желаю, кромѣ счастья моей милой дочери, и я надѣюсь что она будетъ счастлива съ вами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Генералъ и Жозефа уже уѣхали, а отъѣздъ семейства Зонненштейновъ былъ назначенъ на слѣдующій день—тотъ самый день, въ который и король долженъ былъ предпринять свою поѣздку на воды. Къ этой поѣздкѣ должна была присоединиться поѣздка къ гесперидамъ—какъ публика называла поѣздки его величества въ южные края. Въ обществѣ удивлялись, что король могъ предпринять такое дальнее путешествіе въ то самое время, когда политическій горизонтъ покрывался мрачными тучами, и къ тому еще въ тѣ края, изъ которыхъ надобно было ждать военнаго погрома. Злые насмѣшники утверждали, что король хотѣлъ только показать какъ мало онъ нуженъ государству, и въ государствѣ, и отзывались въ ироническихъ похвалахъ объ этой мысли. Напротивъ, приверженцы престола были сильно встревожены, и говорятъ даже, что въ самомъ королевскомъ семействѣ по поводу этого вояжа возникли самыя непріятныя несогласія; особенно между королемъ и принцемъ, его двоюроднымъ братомъ, произошла, будто бы, очень бурная сцена.

Но и въ домѣ Зонненштейновъ отъѣзду предшествовали довольно пасмурные деньки. Положеніе Альфреда въ послѣднее время

сдѣлалось гораздо хуже. Родственники его сомнѣвались, можетъ ли онъ выдержать непріятности пути, пока дѣло не было окончательно рѣшено Лео, который сказалъ, что если ужь пробовать поправить здоровье Альфреда водами, то не надобно было терять ни одной минуты. Потомъ въ банкирѣ родилось тяжелое раздумье, можно ли именно теперь, когда душа больного была такъ сильно потрясена и омрачена, отрывать его отъ Эвы, но Лео и здѣсь рѣшилъ вопросъ, настаивая на необходимости разлуки и напослѣдокъ заставивъ даже Альфреда терпѣливо выслушать свои доводы.

— Вы должны это сдѣлать для самого себя, для вашего отца и для сестры, сказалъ онъ,—вы должны оставить здѣсь эту дѣвушку. Какъ объясните вы присутствіе возлѣ себя Эвы на водахъ, въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ вамъ придется встрѣтиться съ очень многими вашими знакомыми? Это привело бы къ разного рода неловкимъ двусмысленнымъ, несноснымъ положеніямъ, при которыхъ вы тѣмъ болѣе должны были бы страдать, чѣмъ искреннѣе вы ее любите. Теперь воспользоваться своимъ недугомъ и, опираясь на то, что васъ надо беречь въ такомъ положеніи, вымогать у вашихъ родныхъ согласіе на бракъ вашъ съ Эвою — было бы неблагородно и во всѣхъ отношеніяхъ недостойно васъ. Вы должны принести хоть одну жертву вашему отцу, который такъ нѣжно васъ любитъ, который такъ много жертвъ принесъ для васъ, въ своей жизни. Вы должны поступить такимъ образомъ и для вашей сестры, которой доброе имя должно быть для васъ вдвойнѣ священно теперь, когда она готовится вступить въ бракъ.

— Вы совершенно правы, сказалъ больной,—и я отъ души желалъ бы, чтобъ вы всегда находились недалеко отъ меня,—тогда, быть можетъ, я не лежалъ бы здѣсь при послѣднемъ издыханіи, какъ загнанная клича. Зачѣмъ вы не сдѣлались моимъ зятемъ? Эмма была бы съ вами счастливѣе, чѣмъ съ Генри.

— Теперь этого ужь нельзя воротить, замѣтилъ Лео, — но во всякомъ случаѣ ваша дружба будетъ для меня драгоцѣннымъ подаркомъ, за который я благодарю васъ отъ всего сердца.

Больной улыбнулся.

— Что вамъ въ моей дружбѣ? въ дружбѣ такого незначительнаго человѣка, какъ я,—особенно теперь, когда вы—какъ я слышалъ — сдѣлались могущественнымъ человѣкомъ въ государствѣ, тогда какъ я скоро буду слабѣйшимъ?

Альфредъ изнеможенно опустилъ свою высохшую, прозрачную руку на одѣяло, покрывавшее его колѣни, и при этомъ грустно улыбнулся.

Лео, погрузясь въ свои размышленія, медлилъ отвѣтомъ, Альфредъ продолжалъ:

— Вы говорите, что я поправлюсь; я этому не вѣрю, да и не желаю этого. Если бы я не совершенно выздоровѣлъ, то жизнь моя, такъ какъ я не привыкъ ни къ какимъ умственнымъ развлеченіямъ, сдѣлалась бы для меня настоящей пыткою. Поэтому я лучше желалъ бы умереть. Да и большой потери отъ этого никому не будетъ, смѣю васъ увѣрить. Есть люди думающіе, что я чрезвычайно распутный и безстыдный негодяй. Это неправда. Я хорошо знаю, что если бы мой отецъ былъ не милльонеръ, а оборванный жидъ, какими были мои предки, то я остался бы жалкимъ, пучеглазымъ, презрѣннымъ жидкомъ. Часто я говорилъ это самъ себѣ, когда сидѣлъ съ пріятелями за шампанскимъ или когда веселился съ своими любовницами,— и эта-то мысль сдѣлала меня такимъ легкомысленнымъ развратникомъ. Они презираютъ тебя, говорилъ я самъ себѣ, — и я убѣжденъ, что это правда.

Онъ опустилъ голову на грудь; Лео старался разогнать эти грустныя мысли.

— Вы говорите это отъ добраго сердца, прервалъ Альфредъ,—но разувѣрить меня не можете. Согласенъ, что для отца будетъ очень тяжело меня лишиться, но только потому, что я его единственный сынъ. Кто, кромѣ него, станетъ сильно обо мнѣ сокрушаться, когда меня не станетъ? Никто на свѣтѣ, даже Эва. Она никогда, даже на одно мгновеніе меня не любила.

— А между тѣмъ вы хотѣли на ней жениться.

Альфредъ пожалъ плечами.

— Нашъ братъ мужчина часто женится только потому, что влюбленъ. Я также былъ въ этомъ грѣшенъ, я влюбленъ даже теперь, на сколько это возможно для меня, бѣднаго инвалида.

Впрочемъ на ея счетъ я нѣсколько спокоенъ, такъ какъ папа, въ случаѣ моей смерти, обѣщалъ выдать ей сумму около десяти тысячъ талеровъ. На первое время съ нея этого хватитъ, а о дальнѣйшихъ ея нуждахъ похлопочетъ, разумѣется, мой наслѣдникъ.

Альфредъ улыбнулся опять своей грустной улыбкою и сказалъ:

— Я усталъ, докторъ, и на завтра долженъ укрѣпить себя. Позвольте же мнѣ проститься съ вами, быть можетъ въ послѣдній разъ. Я знаю, что вы не будете думать обо мнѣ слишкомъ дурно, я же—придется ли мнѣ умереть завтра или года черезъ два,—никогда не забуду того, что вы для меня сдѣлали.

Онъ пожалъ Лео руку и повернулъ голову въ другую сторону, чтобы скрыть слезы, полившіеся изъ его глазъ. Лео пожалъ ему руку и ушелъ, но въ двери бросилъ еще одинъ взглядъ на больного съ предчувствіемъ, что онъ видѣлъ его въ послѣдній разъ. Хотя благодѣтельное небо Египта дѣлало чудеса съ такими больными, однако надежда спасти Альфреда была очень слаба. И такъ для Лео предстояла утрата друга, на котораго онъ могъ вѣрно разсчитывать и который былъ для него вдвойнѣ дорогъ теперь, когда Лео имѣлъ намѣреніе породниться съ семействомъ Зонненштейновъ. Съ банкиромъ онъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ только чрезъ Альфреда, а чувства Генри къ Лео остались тѣми же, какими были прежде, хотя теперь молодые люди при встрѣчѣ пожимали другъ другу руки и были между собою очень любезны. Что-то запоетъ Генри, узнавъ, что врагъ его помолвленъ на его кузинѣ? Эта мысль вызвала улыбку на лицо Лео, когда онъ медленно проходилъ по комнатамъ, которыя вели въ спальню Альфреда. Но въ этой улыбкѣ было что-то тревожное.

Въ залѣ у Эммы онъ засталъ Эву, которая при его входѣ быстро вскочила, и когда Лео сказалъ, что сегодня никто болѣе не можетъ быть допущенъ къ Альфреду, Эва собралась уйти, нѣжно и смиренно простилась съ Эммою, тогда какъ Лео повидимому, почти не замѣтила. Эмма проводила ее до двери и возвратилась очень растроганною.

— Бѣдненькая дѣвушка! сказала она,—какъ вы можете такъ

невозмутимо стоять здѣсь и такъ холодно глядѣть вашими большими глазами?! Неужели вы не чувствуете ни малѣйшаго состраданія къ человѣческой слабости?

— Въ такомъ образѣ? сказалъ Лео, указывая на дверь,— нѣтъ, а во всякомъ другомъ случаѣ—сколько вамъ угодно.

— Это неправда, отозвалась Эмма,—вы до мозга костей проникнуты холодомъ и эгоизмомъ. Вы сами для себя только ближній, и потому вы любите только одного себя.

— Да вы сейчасъ слышали это отъ Эвы; и не стыдно ли вамъ быть эхомъ этой побрякушки?

— И у васъ достаетъ духа дѣлать мнѣ обидные упреки сегодня, когда сердце мое такъ страдаетъ, когда мы разстанемся съ вами на долго, быть можетъ, навсегда?...

— Можетъ быть, навсегда! Почему же навсегда? спросилъ Лео.

— Почемъ знать? грустно сказала Эмма,—когда мы возвратимся я могу быть уже женою Генри—онъ уговариваетъ отца устроить наше бракосочетаніе гдѣ нибудь по пути—а когда я буду женою Генри, а вы... ахъ, Лео, если бы вы были моимъ другомъ, то вы питали бы ко мнѣ довѣріе, какъ я къ вамъ, вы бы сказали мнѣ все, какъ я вамъ все говорю.

— Что же мнѣ вамъ сказать?

— Правда ли, что Сильвія—возлюбленная короля, и что вы хотите жениться на Жозефѣ?

Эмма высказала свой вопросъ такъ внезапно и съ такою смѣлостью, что Лео въ первое мгновеніе не нашелся отвѣчать. И эти предположенія дошли къ Эммѣ чрезъ Генри и Эву. Мысль, что эти люди постоянно осмѣливаются вмѣшиваться въ его жизнь, сильно его раздражила и онъ отвѣчалъ съ горечью.

— Право, вамъ бы давно пора окружить себя другимъ обществомъ, а то между этими сплетниками вы сами скоро сдѣлаетесь сплетницей.

Произнося эти слова, Лео глядѣлъ въ землю, и когда опять поднялъ глаза кверху, Эмма встала со стула и сложила на груди руки, тогда какъ слезы струились по ея щекамъ. Онъ взялъ ея руки, Эмма повалилась на полъ и положила свою голову на его колѣни.

— Встаньте, пожалуйста, сказалъ Лео, пытаясь поднять плачущую дѣвушку,—вѣдь васъ въ этомъ положеніи легко можетъ увидѣть кто нибудь, чего добраго самъ Генри.

— Мнѣ все равно, тихо проговорила Эмма, цѣпляясь за него, когда онъ всталъ, и прижимая свою голову къ его груди,— тогда онъ, по крайней мѣрѣ, на мнѣ не женится.

Лео былъ въ очень затруднительномъ положеніи. Каждую минуту опущенныя портьеры могли быть раздвинуты, а Эмма была слишкомъ страстно увлечена, чтобы ее могло что нибудь образумить. Она гладила и цѣловала его руки, она смѣялась, и плакала и при этомъ говорила:

— Я знаю, что вы меня не любите, что вы хотите жениться на прелестной Жозефѣ; для васъ я слишкомъ глупа, а между прочимъ я бы съумѣла любить васъ!

Лео зналъ, что на этотъ разъ Эмма говорила правду, что, покрайней мѣрѣ, въ эту минуту она честно признавалась въ своемъ настоящемъ чувствѣ и что она во всякомъ случаѣ понимала любовь лучше, чѣмъ очаровательная дѣвушка, съ которою онъ обручился нѣсколько дней тому назадъ. Но что случилось, того уже нельзя было воротить: генералъ-отецъ зналъ это и король—что важнѣе—зналъ это и радостно поздравилъ его съ этимъ выборомъ, сказавъ ему, что выборъ этотъ дѣлаетъ честь не только его сердцу, но и его уму, что теперь онъ, Лео, сразу устраняетъ съ своего пути безчисленныя препятствія.

— Мы должны покориться нашей судьбѣ, сказалъ онъ уклончиво.

Наконецъ ему удалось кроткими усиліями высвободиться изъ объятій все еще плакавшей Эммы и усадить ее на стулъ. Онъ стоялъ передъ нею; гладилъ ея руки и волосы, говорилъ ей тихимъ задушевнымъ голосомъ, тогда какъ глаза его взглядывали постоянно на двери наблюдая, не шевелилась ли складка портьеръ.

Наконецъ, послышались приближавшіеся шаги, то былъ слуга, принесшій зажженную лампу и доложившій о дамахъ, которыя желали проститься съ благородною фрейленъ.

Эмма провела платкомъ по глазамъ и спросила Лео шепотомъ:

— Не слишкомъ ли замѣтно, что я плакала.

Слуга опять ушелъ; Эмма еще разъ бросилась въ объятія Лео и указала ему потайную дверь, которая чрезъ боковой коридоръ вела въ переднюю! Затворивъ за собою дверь, Лео услышалъ изъ залы веселыя голоса многихъ молоденькихъ дѣвушекъ и между ними также голосъ и смѣхъ Эммы.

— Ну, эта не умретъ съ горя, пробормоталъ Лео, выйдя на улицу и еще разъ взглянувши на красивый домъ банкира, — а все-таки жаль, что сцена эта разыгралась только теперь, а не съ недѣлю тому назадъ.

Лео направился къ дворцу. Въ эту именно ночь онъ собирался ѣхать, а потому долженъ былъ проститься съ Сильвіей и тетушкой. Со дня обрученія съ Жозефой, Лео не видѣлъ Сильвіи, хотя нѣсколько разъ имѣлъ случай навѣстить ее. Тонъ Сильвіи при послѣднемъ съ нимъ разговорѣ не понравился Лео. Что могло выйти хорошаго, если она продолжала мѣрять его поступки на аршинъ избитой доморощенной морали? Какъ долго могло продолжаться согласіе между ними?

Лео долженъ былъ бы поторопиться, такъ какъ ему нужно было еще многое уладить до отъѣзда: и однако онъ шелъ все медленнѣе, чѣмъ ближе подходилъ ко дворцу. Окна въ квартирѣ тетушки были освѣщены.

— Мнѣ очень жаль, что я подчинился такому значительному ея вліянію, пробормоталъ онъ, угрюмо взглянувъ на освѣщенныя окна.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Король входилъ въ гостиную тетки и Сильвіи въ то самое время, когда Лео выходилъ изъ дома банкира. Едва только усѣлъ онъ сѣсть, какъ спросилъ торопливымъ голосомъ о нѣкоторыхъ письмахъ, адресованныхъ имъ къ Сарѣ еще въ то время, когда онъ былъ наслѣднымъ принцемъ, — цѣлы ли эти письма, у Сары ли они еще? У него явилось желаніе сравнить свой тогдашній почеркъ съ теперешнимъ.

Сара вышла изъ комнаты и улыбка заиграла на ея тонкихъ губахъ; король живо повернулся къ Сильвіи, и сказалъ:

— Я отослалъ вашу тетушку, потому что желалъ быть съ вами наединѣ; я уѣзжаю завтра утромъ.

— Вы не отвѣчаете, продолжалъ онъ послѣ паузы раздраженнымъ топомъ, — вамъ, конечно, все равно здѣсь ли я или нѣтъ, живъ ли я или умеръ; я, разумѣется, не имѣю ни малѣйшаго права на ваше участіе.

Сильвія подняла глаза.—Я нахожу, что не заслужила такого упрека, ваше величество.

— Что и говорить, промолвилъ король. Только я одинъ заслуживаю упреки, и не только заслуживаю, — мнѣ ихъ даже дѣлаютъ; разумѣется, выражаются они не прямыми словами, а косвенными взглядами, красными, заплаканными вѣками, голосомъ, дрожащимъ отъ подавленныхъ слезъ. Все это знакомое дѣло, слишкомъ знакомое! Да впрочемъ, конечно, и жертва-то велика! Снять на минуту терновый вѣнецъ съ головы монарха, почти изнемогающаго подъ страшною тяжестью, которая возложена на его плечи, или поднести къ его запекшимся губамъ освѣжающее питье. Это разумѣется слишкомъ много, это ужь черезчуръ много! Времена «бѣднаго Генриха» давнымъ давно миновали! Стало быть это правда, что я не найду васъ здѣсь, когда вернусь, это правда, что вы хотите уѣхать?

Сильвія испугалась.

— О моемъ пребываніи здѣсь еще ничего не рѣшено, отвѣчала она въ сильнѣйшемъ замѣшательствѣ. Послѣ маленькой паузы она подняла голову и сказала кроткимъ, грустнымъ голосомъ, глядя на короля:—Я не скрою отъ вашего величества, разъ какъ вы меня объ этомъ спрашиваете. Я часто думала за послѣдніе дни не оставаться дольше у тетушки. Я не могу жить, не дѣйствуя, и мнѣ сдается, что обо мнѣ никто не станетъ жалѣть, если я уѣду отсюда.

— Съ какихъ же это поръ вы научились говорить неправду? спросилъ король, нетерпѣливо тряхнувши головой.—Вы вѣдь отлично знаете, что вы здѣсь не лишняя, знаете, что мы всѣ будемъ болѣзненно чувствовать ваше отсутствіе, и что всего тяжелѣе безъ васъ будетъ мнѣ, вашему королю. Но дѣло не въ

томъ. Хотите, я вамъ скажу, что васъ заставляетъ рваться отсюда? Вы не можете равнодушно смотрѣть на то, что вашъ двоюродный братъ, руководствуясь тою удивительною послѣдовательностью, которою онъ отличается въ области мысли и дѣйствія, и похвальнымъ желаніемъ утвердиться въ исключительномъ положеніи, созданномъ ему моею милостью, рѣшается сдѣлать такой шагъ, который ему пришлось бы сдѣлать рано или поздно. Развѣ это не такъ? Я хочу знать правду, правду!

— Я вовсе не имѣю намѣренія измѣнить своей привычкѣ и на этотъ разъ не высказать правду; но увѣряю васъ, я не имѣю счастья угадывать ваши слова; смыслъ ихъ остается непонятнымъ для меня.

— А между тѣмъ вы говорите это такими блѣдными губами? спросилъ король близко придвинувшись къ Сильвіи, чтобы при своей близорукости хорошенько разглядѣть выраженіе лица, и пристально глядя ей прямо въ глаза;—неужели вы и въ самомъ дѣлѣ не догадываетесь, что я говорю о союзѣ, въ который вашъ двоюродный братъ въ скоромъ времени вступитъ съ баронессою Жозефой фонъ-Тухгеймъ?

— Стало быть это правда!

У Сильвіи кровь застыла въ сердцѣ; лицо ея еще больше поблѣднѣло; не смотря на всѣ свои усилія, она была не въ состояніи выдержать взгляда короля.

Король думалъ, что ему открылось теперь то, чего онъ всегда боялся.

— Вы любите его! вскричалъ онъ, — неужели и теперь вы станете отпираться отъ того, что я сказалъ вамъ въ первыя минуты? Вы любите вашего двоюроднаго брата! Отвѣчайте же мнѣ, — я приказываю вамъ это, сударыня!

Онъ шепталъ ей на ухо; она чувствовала, что близка къ обмороку, но до этого ей ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало допускать себя; быть можетъ, отъ этой минуты зависѣла будущая участь Лео; она сдѣлала послѣднее, страшное усиліе и проговорила:

— Нѣтъ, ваше величество, я не люблю его!

— Ну, слава Богу, произнесъ король вздохнувши полною грудью. То состояніе оцѣпенѣнія и полу-обморока, въ которомъ

онъ видѣлъ передъ собою Сильвію, показалось ему спокойною увѣренностью человѣка, сознающаго, что сказалъ правду. — Это меня радуетъ, и не только за васъ, продолжалъ онъ — а всего больше за него. Ему было бы страшно мучительно думать, что онъ дѣлаетъ несчастною дѣвушку, которой обязанъ многимъ, и что онъ долженъ такъ поступить. Я говорю *долженъ*, потому что дѣйствительно ему необходимо жениться на Жозефѣ, чтобы пробиться сквозь фалангу, которая стоитъ у него на дорогѣ. Это мое самое задушевное желаніе, я даже могу сказать, что я самъ устроилъ этотъ союзъ.

— Лишь бы только ему этотъ союзъ принесъ благо и добро! промолвила Сильвія.

— Аминь, сказалъ король.—Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ, потомъ опять сѣлъ и продолжалъ. Самому благородному человѣку позволительно подумать о себѣ послѣ того, какъ всѣ его усилія, всѣ его самыя завѣтныя желанія способствовали и благословляли дѣло, клонящееся къ благу его ближнихъ. А если въ немъ слишкомъ много самозабвенія для того, чтобы поступить такимъ образомъ,—мнѣ кажется, что вы именно принадлежите къ разряду такихъ людей,—то эту заботу должны взять на себя его друзья. Но что же ваши друзья могутъ сдѣлать для васъ? Вѣдь вы все отклоняете отъ себя. Вы пренебрегли даже тѣмъ ничтожнымъ подаркомъ, который я намедни прислалъ вамъ въ шутку. А еслибъ вы знали, какъ ничтожна цѣнность какихъ нибудь двухъ ярко-сверкающихъ камней передъ тѣми сокровищами, которыя я желалъ бы положить къ вашимъ ногамъ, разсыпать передъ вами! Вы, вы стоите такъ неизмѣримо выше самыхъ пламенныхъ мечтаній моихъ, выше того, чего я могъ ожидать въ самыхъ смѣлыхъ грезахъ отъ развитія человѣческой природы; я хотѣлъ бы поклоняться вамъ... да я и поклоняюсь вамъ, какъ святой!

Сильвія встала. Пламенный взоръ, которымъ король пожиралъ ее, испугалъ ее гораздо больше, чѣмъ его слова; она уже успѣла привыкнуть къ тому, что онъ часто говорилъ лишнее.

— Я до сихъ поръ думала, сказала она, отвѣчая строгимъ взглядомъ на взглядъ короля, — что король и весь королевскій домъ исповѣдуютъ протестантскую религію, а въ ней,

насколько мнѣ извѣстно, почитаніе святыхъ не играетъ никакой роли.

— Это упущеніе! вскричалъ король тоже вставая и прохаживаясь быстрыми шагами взадъ и впередъ по комнатамъ,—это большое упущеніе и я никогда не дозволилъ бы его, еслибъ былъ въ числѣ основателей религіи, да и теперь я чувствую сильное желаніе поправить эту ошибку. Почему бы мнѣ этого не сдѣлать? Развѣ я не главное лицо нашей церкви? Развѣ народъ не является во всѣхъ отношеніяхъ довѣреннымъ мнѣ стадомъ? И не лучше ли было бы для всѣхъ, если бы всякій преклонялся передъ воплощеніемъ высшаго духа на землѣ, если бы всякій поступалъ въ этомъ отношеніи какъ я, король? О! другъ мой, не сердитесь на меня, если я испугалъ васъ горячими, страстными словами, которыя должны быть вамъ непонятны, такъ какъ вы знаете меня такое короткое время; вы не можете знать, до какой степени я нуждаюсь въ утѣшеніи, потому что вы и не подозрѣваете, до какой степени я несчастливъ.

Онъ опять бросился въ кресло, закрылъ лицо обѣими руками и вдругъ громко зарыдалъ. Сильвія не знала, что ей дѣлать, что ей сказать: во время всего этого страннаго разговора король былъ такъ порывистъ, слова его были такъ противорѣчивы, настроеніе его такъ часто мѣнялось, — а теперь вдругъ этотъ кризисъ!

Однако, какъ сердце ея не было переполнено собственнымъ страданьемъ до того, что она едва могла сдерживать себя, ей все-таки стало жаль этого человѣка. Если король до такой степени забываетъ свое королевское достоинство, онъ, вѣроятно, очень несчастенъ — по своей ли, по чужой ли винѣ — это все равно. Она подошла къ нему и сказала:

— Ваше величество, въ дѣтствѣ я думала, что короли и въ постель ложатся съ короной на головѣ: теперь же я вижу, что они снимаютъ ее и днемъ и склоняютъ голову передъ несчастіями,—этимъ удѣломъ, общимъ намъ всѣмъ. Но, ваше величество, отъ насъ вполнѣ зависитъ сносить это несчастье такъ или иначе и я думаю, что король долженъ сносить и несчастье свое по-королевски.

Король кивнулъ головой. — Научите меня этому, примолвилъ онъ, — вы однѣ можете научить меня!

Онъ схватилъ обѣ ея руки и прижалъ ихъ ко лбу и къ глазамъ. Потомъ онъ всталъ и сказалъ, впадая вдругъ въ другой тонъ:

— Вотъ такъ странно! Я пришелъ проститься съ вами какъ можно веселѣе, а вмѣсто того вдругъ сдѣлалъ вамъ просто на просто сцену. Но знаете—вѣдь вы сами въ этомъ виноваты! Вы были такъ грустны, что, глядя на васъ, и мнѣ стало грустно. Когда такія лица, какъ ваше, грустны, они нагоняютъ тоску и на другихъ, и ей поддаешься волей-неволей. Теперь все прошло—не правда ли? Дайте же мнѣ еще разъ руку—такъ! а теперь прощайте, дай вамъ Богъ всего, всего лучшаго! Я уѣзжаю мѣсяца на два; но я не хочу все время быть вполнѣ разлученнымъ съ вами; я буду къ вамъ писать, вы станете отвѣчать мнѣ. А еще вотъ что: вашъ двоюродный братъ еще разъ придетъ сегодня вечеромъ проститься съ вами. Не говорите ему, что видѣли меня въ такую грустную минуту. Мужчины не понимаютъ такихъ вещей; не говорите ему тоже ни слова о.... вы знаете что я хочу сказать. До поры, до времени это должно быть тайною для всѣхъ. Еще разъ—прощайте!

Говоря все это, онъ жалъ ея руки еще и еще; теперь онъ пошелъ къ двери, но остановился на половинѣ дороги и повернулся назадъ, будто желая вернуться опять или сказать еще что нибудь; но онъ только кивнулъ головою, сдѣлалъ прощальный знакъ рукой и потомъ вышелъ чрезвычайно быстро.

Сильвія посмотрѣла вслѣдъ королю, а когда онъ вышелъ изъ комнаты, она сѣла за столъ и оперлась головой на обѣ руки. —Это все меня просто съ ума сведетъ, пробормотала она.

Она не замѣтила, что тетка тихонько отворила дверь, просунула голову, посмотрѣла насидѣвшую дѣвушку пристальнымъ, злымъ взглядомъ, и, скорчивши полу-веселую, полугрустную гримасу, снова тихонько затворила дверь. Сильвія вышла изъ своей мрачной, глубокой задумчивости только тогда, когда въ передней раздался звонокъ. Это былъ онъ—больше не кому было придти. Она прижала одну руку къ сердцу, а другою

провела по лбу:—Побольше твердости, пробормотала она,—вѣдь такъ должно быть!

Лизетта доложила о Лео.

— Пусть войдетъ, отвѣчала Сильвія. Въ глазахъ ея еще можно было подмѣтить слѣды страстной борьбы, но лобъ и губы ея уже приняли спокойное выраженіе. Она сама удивилась, что къ ней, словно по какому-то чуду, вернулась увѣренность, которой она напрасно старалась добиться всѣми силами въ бесѣдѣ съ королемъ.

Лео вошелъ; она пошла къ нему на встрѣчу, подала ему руку и сказала:

— Какъ это хорошо, что ты еще разъ зашелъ!

Она взяла у него изъ рукъ шляпу и понесла ее на консолю, стоявшую подъ зеркаломъ; колѣна ея дрожали, а взглянувши въ зеркало, она увидѣла остолбенѣлый взглядъ блѣднаго лица, на губахъ котораго блуждала улыбка Медузы.

— Развѣ ты могла думать, что я не приду, спросилъ Лео.

Сильвія обернулась къ нему:—А почему же мнѣ и не думать этого? Служба службой — а дружба дружбой! Если ты добиваешься благосклонности короля, то ты долженъ исполнять его желаніе.

— Мы ѣдемъ не вмѣстѣ.

— Я это знаю. Король только-что былъ здѣсь.

— Ну что? Каковъ онъ былъ—какимъ онъ тебѣ показался?

— Да я именно объ этомъ и хотѣла поговорить съ тобой; но сядемъ же прежде.

— А гдѣ тетушка?

— Я сейчасъ позову ее; подожди только минутку — не больше.

Лео не расхохотался отъ этой фразы; да и Сильвія едва ли слышала, что сказала сама; каждый изъ нихъ былъ на столько занятъ собственными мыслями, что смущеніе собесѣдника оставалось незамѣченнымъ.

— Король былъ не таковъ, какимъ бы я желала его видѣть, начала Сильвія снова.—Напротивъ! Ты знаешь, что я была озабочена съ самаго начала всѣмъ его поведеніемъ, что я никогда не раздѣляла того довѣрія, съ которымъ ты на него смотришь.

По то, что я до сихъ поръ замѣчала въ этомъ отношеніи,— просто пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что я услыхала и увидала сегодня вечеромъ.

— Въ послѣднее время настроеніе его было крайне измѣнчиво, сказалъ Лео задумчиво.

— Мало этого. Сегодня вечеромъ я видѣла его окончательно неспособнымъ владѣть собою, окончательно потерявшимся. Онъ приказалъ мнѣ скрыть это отъ тебя; но я думаю, что обязана сообщать тебѣ все.

— Быть можетъ, ты относишься къ этому слишкомъ серьезно, сказалъ Лео и потомъ прибавилъ какъ-то нерѣшительно: — Говорятъ, будто король иногда употребляетъ слишкомъ много вина.

Сильвія покачала головой.

— Я въ этомъ дѣлѣ не судья, сказала она,—но мнѣ показалось, что волненіе его происходило не отъ лишней рюмки вина.

— Но что же произошло? спросилъ Лео съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. —О чемъ вы говорили? Вѣдь между вами, конечно, шла какая нибудь опредѣленная бесѣда.

Сильвія покраснѣла до ушей, а потомъ опять страшно поблѣднѣла: — Я не могу сообщить тебѣ содержаніе нашего разговора, да впрочемъ онъ вовсе не относится къ дѣлу. Я только могу сказать тебѣ, что король вовсе не такой человѣкъ, какого тебѣ нужно для исполненія твоихъ плановъ,—и это впечатлѣніе онъ на меня производитъ не въ первый разъ, но никогда оно не было такъ сильно, такъ непреложно. Онъ или склонится подъ тяжестью, или же стряхнетъ ее съ себя; ни въ какомъ случаѣ онъ не въ состояніи быть тою скалой, на которой ты долженъ воздвигать свою идею.

— Какъ ты спокойно говоришь все это, сказалъ Лео не безъ нѣкоторой горечи.

— Я говорю такъ спокойно потому, что я твердо убѣждена въ этомъ и желала бы убѣдить и тебя. Я знаю, что король— центральный пунктъ всего твоего плана; но ты долженъ имѣть въ виду, что этотъ пунктъ можетъ передвинуться, и такимъ образомъ разстроить самымъ печальнымъ образомъ весь твой планъ. Неужели ты никогда не думалъ объ этомъ?

Лицо Лео сдѣлалось очень мрачнымъ.

— Я не ожидалъ, что мнѣ придется еще толковать съ тобой сегодня вечеромъ о такихъ важныхъ вещахъ, сказалъ онъ уклончиво.

— Стало быть, возразила Сильвія съ болѣзненной улыбкой,— ты находишь, что мое желаніе дать тебѣ совѣтъ—дерзко и неумѣстно; но на дружбѣ лежитъ право и обязанность быть иногда докучной. Какъ бы я была рада, еслибъ оказалось, что я ошибаюсь. Ты это знаешь, и потому я рѣшаюсь говорить тебѣ. Но вооружись терпѣніемъ — я еще далеко не кончила. Газеты говорятъ, что продолжительное путешествіе, которое король хочетъ предпринять въ настоящее время, вовсе не соотвѣтствуетъ нашему политическому положенію; это высказывается на всѣ лады и путешествіе называютъ ошибкой. Въ одномъ листкѣ говорилось даже прямо, что планъ этого путешествія принадлежитъ тебѣ. Развѣ ты не пытался удержать короля?

— Боже мой, Сильвія! вскричалъ Лео съ нетерпѣніемъ,—ну къ чему ты бросаешь вопросы, о которыхъ нечего толковать и которые уже рѣшены! Король долженъ уѣхать, чтобы вернуться другимъ человѣкомъ,—свѣжимъ, болѣе энергичнымъ, болѣе способнымъ или даже вообще способнымъ устоять въ той борьбѣ, къ которой я его готовлю. Буря разразится, когда мы вернемся осенью и когда соберутся новыя палаты. Это путешествіе должно быть холодною водою, въ которую я окуну свою сталь, чтобы закалить ее, чтобы она не разлетѣлась у меня въ дребезги при первомъ ударѣ. Не ты ли сама замѣтила, до какой степени его организмъ потрясенъ!

— Прекрасно, возразила Сильвія,—твой примѣръ подходитъ къ дѣлу, но только ты всегда забываешь одного фактора. Что же будетъ, если дѣло дѣйствительно дойдетъ до войны? Тогда ни у короля, ни у кого не будетъ ни времени, ни охоты обращать вниманіе на твои преобразовательные планы Вѣдь ты и теперь жалуешься съ полнымъ основаніемъ на тупоуміе, на безсмысленность отдѣльныхъ личностей и толпы.

— Если хочешь, все это очень мудро, очень разсудительно, возразилъ Лео,—только я думалъ, что ты стоишь выше этой разсудительной мудрости. Въ наше время у народовъ есть другое дѣло, пора имъ перестать рубиться и драться изъ-за обла-

данія какимъ нибудь клочкомъ земли. Подобные вопросы относятся къ существеннымъ вопросамъ точно также, какъ день порождающій и тотчасъ же поглощающій ихъ относится къ вѣчности. Если дѣло дойдетъ до войны—это будетъ прекрасно, я даже хотѣлъ бы сказать, что это будетъ всего лучше. Политическія войны замѣнились въ наше время лихорадочными припадками, въ которыхъ страдающее человѣчество мечется изъ стороны въ сторону, будто такимъ образомъ можно избавиться отъ болѣзни. Такъ дѣло не можетъ продолжаться; увѣряю тебя, что послѣ войны у меня будетъ больше шансовъ осуществить мои планы, чѣмъ прежде. Вѣдь я спекулирую на общественныя бѣдствія, вѣдь я врачъ не для здоровыхъ, а для больныхъ! Что мнѣ всего больше мѣшаетъ въ моемъ стремленіи къ исцѣленію, какъ не глупость самого паціента, который не сознаетъ, до какой степени онъ болѣнъ. Пусть же война откроетъ имъ трусливые, близорукіе глаза! А теперь, Сильвія, прекратимъ разговоръ объ этихъ предметахъ. Мнѣ надо спѣшить.

— Я это вижу, возразила Сильвія съ горькой усмѣшкой,—да впрочемъ я ужъ и добралась до послѣдняго пункта, о которомъ мнѣ хотѣлось переговорить съ тобой. Въ Тухгеймѣ дѣла приняли не такой оборотъ, какого ты ожидалъ и желалъ. Что же будетъ, если ты уѣдешь на нѣсколько мѣсяцевъ, оставишь на нѣсколько мѣсяцевъ этихъ глупыхъ, сварливыхъ людей на произволъ судьбы? А между тѣмъ многое зависитъ отъ счастливаго исхода этого предпріятія! Это пробный камень твоей теоріи! Весь рискъ будетъ на твоей сторонѣ, а за насмѣшками ты потомъ не угоняешься!

Лео улыбнулся.

— Ты нынче право точно предостерегающій ангелъ въ балладѣ Бюргера,. сказалъ онъ,—и я ужъ начинаю думать не похожъ ли и я на дикаго Радграфа. Но я даю тебѣ слово, что не дойду до такого ослѣпленія, какъ тотъ благородный господинъ. Я буду зорко слѣдить за Тухгеймомъ. А кромѣ того обдумай еще вотъ что: король не самое главное. Король имѣетъ очень мало значенія безъ фабрики, фабрика безъ короля тоже почти ни на что не годна.

— А тѣ бѣдные люди, которые передали свою судьбу въ

твои руки? Вѣдь на тебѣ лежитъ нравственная отвѣтственность за ихъ благо, за ихъ бѣдствія.

Теперь Сильвія смотрѣла на Лео пристальнымъ взглядомъ. Онъ всталъ и, ступивши шага два къ консолѣ, на которой стояла его шляпа, сказалъ:—Я чувствую, что не расположенъ сегодня вечеромъ отвѣчать на твои замѣчанія. Я не могу отыгрываться отъ тебя, какъ отъ другихъ, полу-отвѣтами. Позволь мнѣ написать къ тебѣ обо всемъ этомъ. Теперь скажи мнѣ только одно: рѣшилась ли тетка ѣхать на морскія купанья, какъ я ей совѣтовалъ? Они ей не много помогутъ, но ты по крайней мѣрѣ, вырвешься отсюда,—а это главное дѣло.

— Тетка вѣроятно держится другого мнѣнія, возразила Сильвія;—она рѣшилась остаться здѣсь.

— Бѣдная дѣвушка, сказалъ Лео и взялся за шляпу.

Это было ужъ слишкомъ. Изъ груди Сильвіи вырвался глухой стонъ. Когда Лео обернулся, она припала головой къ столу. Она дрожала всѣмъ тѣломъ, какъ будто ее трясла сильная лихорадка.

Лео опять поставилъ шляпу на мѣсто и подошелъ къ ней тихими шагами.

— Сильвія!

Она подняла голову и посмотрѣла на него. Лицо ея было совершенно блѣдно, ротъ полу-открытъ, глаза съ отяжелѣвшими, едва поднявшимися вѣками смотрѣли какимъ-то страннымъ, стекляннымъ взглядомъ.

— Что съ тобой, Сильвія? Ты больна! вскричалъ Лео схватывая ея руку. Рука была холодна; Сильвія быстро вырвала ее у него. На ея губахъ, на ея лицѣ блуждала какая-то неопредѣленная улыбка; но голосъ ея звучалъ сурово и жестко, когда она отвѣчала тихо, будто ей было страшно трудно говорить:

— Я не больна; мнѣ кажется, что здѣсь очень жарко, къ тому же я такъ много говорила.

Она провела рукой по лбу и снова попыталась улыбнуться.

— Не смотри на меня пожалуйста такимъ испытующимъ взоромъ; право я вовсе не больна. Да не теряй такъ много времени, у тебя вѣрно сегодня вечеромъ еще много дѣла. Прощай. Счастливаго пути и счастливаго возвращенія.

Лео все еще стоялъ, какъ вкопанный. Онъ сравнивалъ мысленно ту дѣвушку, которую онъ сейчасъ только держалъ въ своихъ объятіяхъ, поцѣлуи которой онъ еще чувствовалъ на своихъ губахъ и дѣвушку, на которую онъ долженъ былъ смотрѣть, какъ на свою невѣсту, съ тою, что теперь сидѣла передъ нимъ. Она стояла во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше тѣхъ двухъ женщинъ, да и всякой женщины, которую онъ зналъ до сихъ поръ. И онъ могъ бы назвать ее своею, если бы не отказался самъ отъ этого счастья. Да отказался ли онъ отъ него? Можетъ ли быть что нибудь утрачено, пока въ насъ еще бьется жизнь, пока мы еще хотимъ и можемъ дѣйствовать! Въ душѣ его забушевала цѣлая буря! Онъ бросился къ ногамъ Сильвіи и вскричалъ, схватывая ея руки:—Сильвія, пусть прошлое останется прошлымъ! Будущее наше! Сильвія, я люблю тебя!

Сильвія содрогнулась, будто ее кольнули кинжаломъ. Она вскочила съ своего мѣста, вырвала свои руки изъ рукъ Лео и отскочила отъ него на цѣлый шагъ, между тѣмъ какъ и онъ самъ поднялся также быстро. Глаза ея сверкали мрачнымъ огнемъ, а лицо, будто окаменѣвшее, было строго и серьезно.

— Ты меня любишь! сказала она,—этого быть не можетъ, съ прошлымъ нельзя играть такъ преступно, будущее принадлежитъ не намъ. Я тебя не люблю!

Лео рванулся къ ней, она протянула руку, будто желая отстранить его.

— Я не люблю тебя!

И она тотчасъ же вышла изъ комнаты. Лео опомнился только на улицѣ. Онъ глубоко вздохнулъ, когда на него пахнуло свѣжимъ, вечернимъ воздухомъ.

— Оно и лучше такъ, пробормоталъ онъ,—я чуть-чуть не погубилъ себя; она возвратила меня мнѣ самому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Двѣнадцать молодыхъ дѣвушекъ, составлявшихъ пансіонъ миссъ Эшель Джонсъ, поужинали уже и выходили изъ залы

подъ предводительствомъ самой миссъ Джонсъ и классной дамы, чтобы отправиться въ большую пріемную залу, гдѣ онѣ должны были провести еще часъ или полтора прежде, чѣмъ идти спать. Въ столовой осталась одна только Амелія, къ которой скоро пришла служанка, чтобы помочь барышнѣ собирать со стола. Но онѣ сдвинули только до половины большой обѣденный столъ и, снявши зеленую шерстяную скатерть, накрыли его другою, чистою скатертью; потомъ онѣ поставили чистые приборы на семь человѣкъ и убрали столъ такъ, что можно было заключить изъ этого, что не смотря на поздній часъ будутъ еще справлять какое-то торжество. Времени терять было, конечно, нечего, и Амелія, повязавшая бѣлый, кухонный фартукъ сверхъ чернаго шелковаго платья, очень торопилась. Ея нѣжныя щеки были покрыты нѣжнымъ румянцемъ, потому что она суетилась, смотрѣла то за тѣмъ, то за другимъ и искусною рукою разставляла бутылки, стаканы и тарелки; молодая, краснощекая дѣвушка, только-что привезенная изъ Тухгейма, была очень неловка, но ей не доставалось отъ Амеліи ни выговора, ни сердитаго взгляда.

— Нѣтъ, Доретта, мы поставимъ это иначе, это надо сдѣлать вотъ какъ, Доретта, говорила она ей все тѣмъ же ласковымъ тономъ.

Доретту услали еще за чѣмъ-то, и Амелія продолжала распоряжаться одна. Она была весела, подчасъ даже тихонько напѣвала нѣжнымъ голосомъ какой-то мотивъ, и ея пѣсенка выходила похожею на щебетанье ласточки, но подчасъ ея милое лицо омрачалось и легкою тѣнью задумчивости и грусти; однако она звонко засмѣялась, когда дверь отворилась и, вмѣсто ожидаемой горничной, вошла миссъ Джонсъ съ цѣлой грудой тарелокъ въ рукахъ. Миссъ Джонсъ поставила тарелки на столъ и произнесла:—Помогай самъ себѣ! Я послала Доретту за содержателемъ погреба. Я положительно увѣрена, что онъ сочтетъ нашъ заказъ за неудачную шутку и посадитъ насъ безъ вина. Вы, стало быть, должны довольствоваться мною. Но на сколько же человѣкъ вы накрыли, дитя мое? Еще двухъ приборовъ не хватаетъ.

И миссъ Джонсъ принялась разрушать изящный порядокъ, который Амелія водворяла съ такимъ усердіемъ.

— Полноте! Что вы, что вы! вскричала Амелія поспѣшно,— насъ вѣдь семеро, миссъ Джонсъ, насъ семеро!

— Поэтическая душа! Милая дѣвушка! пробормотала миссъ Джонсъ, не оставляя однако своего дѣла.

— Право такъ, увѣряла Амелія. — Вы, да тетя Шарлотта, да я—вотъ вамъ трое; Вальтеръ, докторъ Паулусъ, адвокатъ, докторъ Гаукъ,—потому что другой редакторъ не можетъ придти—вотъ вамъ еще четверо—стало быть всего семь человѣкъ.

— Вы забыли мистера и мистриссъ Ребейнъ, сказала миссъ Джонсъ съ громкимъ, отрывистымъ смѣхомъ, всегда служившимъ признакомъ особенно сильнаго волненія этой превосходной женщины.

Амелія взглянула на нее съ удивленіемъ, потомъ бросилась къ ней, стала обнимать и цѣловать ее и воскликнула:—Милая, добрая! Спасибо вамъ, тысячу разъ спасибо!

Миссъ Джонсъ снова засмѣялась и сказала, освобождаясь отъ объятій Амеліи:

— Вы ошиблись адресомъ, дитя мое! совершенно ошиблись! Мнѣ бы это никогда не пришло въ голову.

— Кто же устроилъ это? тетя Шарлотта?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

Миссъ Джонсъ сѣла и продолжала съ живостью:

— Это приглашеніе не могло быть сдѣлано мною. Вы знаете, мадемуазель Амелія, что я родилась въ странѣ, гдѣ обращаютъ гораздо больше вниманія на сословныя различія, чѣмъ въ вашей философской націи. Я никогда не рѣшилась бы посадить за одинъ-столъ съ такими знатными дамами, какъ ваша тетушка и вы сами, сударыня, жену какого нибудь портнаго,—потому что, дорогая моя, какъ тамъ не толкуйте,—мистеръ Ребейнъ все-таки не болѣе, какъ портной.

Амелія заливалась звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ и низко присѣла, взявшись обѣими руками за края своего бѣлаго, кухоннаго фартука.

— Не смѣйтесь, моя дорогая, сказала миссъ Джонсъ, совершенно серьезно, грозя ей пальцемъ.—Король Карлъ все-таки

оставался королемъ Карломъ даже въ избушкѣ угольщика, а благородная леди все-таки будетъ благородною леди, даже въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Если она хочетъ снизойти до того, чтобы сѣсть за одинъ столъ съ людьми изъ низшаго класса народа—пусть снисходитъ, это ея право. Но сдѣлать это безъ ея согласія было бы чуть не оскорбленіемъ, и я никогда не позволила бы себѣ поступить такимъ образомъ,—никогда!

И миссъ Джонсъ порывисто расправила складки своего шелковаго платья съ широкими клѣтками.

— Какъ Вальтеръ обрадуется! вскричала Амелія,—какъ онъ будетъ счастливъ видѣть еще разъ вокругъ себя всѣхъ дорогихъ ему людей! Я пойду сейчасъ къ ней, поблагодарить ее! Впрочемъ нѣтъ! прежде я все здѣсь устрою, а потомъ ужь буду совсѣмъ свободна.

Она снова принялась за дѣло съ удвоеннымъ усердіемъ; противъ своего обыкновенія миссъ Джонсъ сидѣла въ бездѣйствіи и призадумалась. Глаза ея слѣдили за стройной, прелестной фигурой молодой дѣвушки, и ей въ это время представлялся ребенокъ, ввѣренный восемнадцать лѣтъ тому назадъ ея попеченіямъ, ея воспитанію, представлялось дитя ангельской красоты, валелѣянное и возросшее среди роскоши съ блестящей судьбой въ перспективѣ. Думала она и о томъ, какъ часто, гордясь своею прекрасной воспитанницей, она рисовала себѣ ея будущую судьбу, какъ она въ своемъ воображеніи видѣла ее обладательницей экипажей и толпы слугъ, парковъ, замковъ, какъ она мысленно украшала ее графской или герцогской короной, — а теперь вотъ она накрываетъ столъ для далеко не аристократичныхъ друзей своего милаго, который завтра же долженъ отправиться на два мѣсяца въ тюрьму, а сегодня пріѣдетъ изъ Тухгейма, гдѣ прощался съ старикомъ отцомъ и въ настоящую минуту, вѣроятно, еще сидитъ въ вагонѣ желѣзной дороги,—и ужь конечно въ вагонѣ третьяго класса!

— Что это вы такъ пріуныли, милая Джонсъ? сказала Амелія,— сегодня вечеромъ никто не долженъ грустить; вы вѣдь знаете, что мы всѣ дали другъ другу слово въ этомъ! Все готово, и какъ все хорошо не правда ли! Не позвонилъ ли кто-то? впрочемъ теперь всего еще только девять часовъ, а поѣздъ прихо-

дитъ только въ девять; намъ еще остается нѣсколько минутъ и мы успѣемъ принарядиться, принарядиться на славу, милая Джонсъ!

Дрожа отъ волненія, она порывисто обняла миссъ Джонсъ и поспѣшно вышла. Миссъ Джонсъ посмотрѣла ей въ слѣдъ, покачала своею большой головой и промолвила: бѣдное благородное дитя!

Шарлотта сидѣла съ только-что пріѣхавшимъ докторомъ Паулусомъ въ ярко освѣщенной, изящно убранной пріемной.

— Я страшно упрекаю себя въ томъ, что мы не уговорили Вальтера выждать рѣшенія третьей инстанціи, говорила Шарлотта, — все-таки это было бы отсрочкой, а тогда время было бы не такое горячее. Бѣдняжка вѣдь привыкъ съ самой молодости дышать вольнымъ воздухомъ лѣсовъ, и его просто измучаетъ долгое заключеніе въ душномъ, жаркомъ казематѣ. Я очень безпокоюсь о немъ, докторъ, вамъ вѣдь я могу высказать это.

Докторъ провелъ рукой по своимъ рѣдкимъ волосамъ и возразилъ:

— Не вижу никакой причины скрывать отъ васъ, что мнѣ становится тяжело на душѣ при мысли, что онъ будетъ такъ долго запертъ. Впрочемъ у Вальтера натура замѣчательно выносливая, и кромѣ того я приведу вамъ аргументъ, который имѣетъ въ вашихъ глазахъ особенный вѣсъ — перемѣнить дѣло было бы невозможно. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ отсрочка была бы очень короткая; а теперь мы имѣемъ хоть ту выгоду, что Вальтеръ будетъ уже опять на свободѣ къ слѣдующей четверти года, когда намъ нужно будетъ собрать всѣ свои силы. Вальтеръ слишкомъ хорошій солдатъ для того, чтобы быть на своемъ мѣстѣ въ трудную минуту. До поры до времени у насъ въ области политики наступитъ затишье, хотя я убѣжденъ въ томъ, что это будетъ только тишина передъ бурей. Король уѣзжаетъ завтра. Я думаю, что военная тревога скоро заставитъ его возвратиться назадъ.—Что Сильвія? Не знаете-ли вы чего нибудь объ ней. Всѣ извѣстія очень невѣрны и идутъ не изъ прямыхъ источниковъ; я слышалъ объ ней отъ товарища, близкаго знакомаго съ тайнымъ совѣтникомъ медикомъ Веберомъ. Старый пройдоха смотритъ все съ большей и большей злобой на возро-

стающее вліяніе Лео на короля и отводитъ душу, высказывая различные таинственные намеки, изъ которыхъ ясно и вѣрно только то, что Сильвія позволила навязать себѣ относительно короля роль, напоминающую нимфу Эгерію. Король, какъ кажется, посѣщаетъ Сару теперь еще чаще, чѣмъ прежде; говоритъ онъ о Сильвіи самымъ восторженнымъ образомъ Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, къ этимъ извѣстіямъ слѣдуетъ относиться самымъ осторожнымъ образомъ. Извѣстное дѣло, что король ненавидитъ тайнаго совѣтника, и вы знаете, что у него есть замашка злить какъ только можно людей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ,—злить даже, пожалуй, въ ущербъ себѣ. Впрочемъ — не забыть бы: и Лео уѣзжаетъ завтра. Это я узналъ случайно изъ достовѣрнаго источника. Говорятъ, что король назначитъ съ нимъ гдѣ нибудь свиданье.

Шарлотта подняла на доктора прекрасные, кроткіе глаза и сказала:

— Неужели намъ все еще нельзя попытаться дѣйствовать на Сильвію теперь, когда король, когда Лео—оба уѣзжаютъ, когда она стоитъ одна лицомъ къ лицу съ ужасною судьбою, которую сама готовитъ себѣ и когда чувства, насильственно подавляемыя ею, насильственно станутъ заявлять свои права? Быть можетъ, она не знаетъ и того, что Вальтеръ будетъ заключенъ на мѣсяцы и что теперь отецъ ея болѣе одинокъ, чѣмъ когда нибудь. Это можетъ сильно подѣйствовать на ея сердце, но вѣдь прежде надо же, чтобы она узнала объ этомъ, и потому мнѣ кажется, что мы не имѣемъ права молчать дольше. Неужели вы не согласны съ этимъ?

Докторъ Паулузъ пожалъ плечами.

— Я не могу дать никакого опредѣленнаго совѣта до тѣхъ поръ, сказалъ онъ, — пока я не узнаю хоть одного вѣрнаго признака ея теперешняго душевнаго положенія. Намъ не слѣдуетъ забывать ни въ какомъ случаѣ, что Сильвія также горда, какъ великодушна и самоотверженна. Не скоро она признается самой себѣ, что ошибалась, и я не знаю, сколько времени ей нужно будетъ на то, чтобы признаться въ этомъ другимъ. Гордость будетъ до послѣдней минуты прикрываться великодушіемъ, которое будетъ нашептывать: половинная жертва

не есть жертва. При всей возвышенности основныхъ чертъ ея характера, у Сильвіи есть въ натурѣ что-то несвободное, связанное, неразрѣшимое, что присуще всѣмъ людямъ, которые не въ состояніи рѣшиться быстро, съ одного раза преклоняться только передъ одною истиной и совершено отрѣшиться отъ своего *я*, — то есть отъ мысли: каково-де будутъ смотрѣть со стороны?

— Не знаю насколько все это приложимо къ Сильвіи, возразила Шарлотта, — вы вѣдь находите то же отсутствіе свободы и въ отцѣ Сильвіи, который не въ состояніи переспилить себя и рѣшиться прибѣгнуть къ своему вліянію на нее; онъ скрываетъ отъ людей свою глубокую скорбь почти съ болѣзненною робостію и всего охотнѣе скрылъ бы ее отъ себя, а между тѣмъ все это онъ дѣлаетъ вовсе не изъ гордости, а изъ чувства глубокаго смиренія, и вѣроятно въ немъ никогда не шевелится мысль: какъ все это покажется со стороны?

— Часто случается, что скромность и гордость поразительно похожи другъ на друга, такъ что и отличить ихъ трудно, сказалъ докторъ.—Къ тому же, чтобы отдѣлаться отъ самихъ себя, мы должны имѣть обширныя сношенія съ подобными себѣ. Человѣку одинокому то и дѣло слышится въ тиши голосъ, спрашивающій: гдѣ ты? и онъ говоритъ каждому ручью, въ которомъ отражается его образъ — вотъ я! Можетъ ли онъ при такихъ условіяхъ когда-нибудь отрѣшиться отъ себя, когда нибудь найти себѣ истинное мѣрило? Я думаю, что откровенная жалоба часто служитъ признакомъ гораздо большей скромности, чѣмъ умалчиванье о своемъ горѣ. Я хвалю Вальтера за то, что онъ научился говорить, когда сердце у него переполнено,— потому что прежде онъ этого не умѣлъ.

— Я уже давно перестала удивляться мой другъ, когда мнѣ приходится слышать отъ васъ похвалы Вальтеру, сказала Шарлота съ глубокой усмѣшкой.

— Знаю, возразилъ съ живостью докторъ Паулусъ.—Но скажите пожалуйста, какъ же мнѣ его не хвалить, когда каждый день мнѣ приходится видѣть— разумѣется не у васъ, а во многихъ другихъ мѣстахъ,— до какой степени его не умѣютъ цѣнить? А почему? потому что онъ не мечется за своими идеа-

лами, а идетъ къ нимъ шагъ за шагомъ и добирается до нихъ; потому что онъ не произноситъ патетическихъ рѣчей, подобно Лео, а исполняетъ свою обязанность безъ фразерства, потому что, убѣдившись въ несостоятельности какого-нибудь приводимаго имъ мнѣнія, онъ не доводитъ его съ упорствомъ до абсурда, а высказываетъ совершенно просто: я ошибся. Вотъ они глядятъ на него, и жмутъ плечами, и говорятъ: славный, добрый малый — только ужь какой дюжинный. И вѣдь говорятъ это люди, которымъ слѣдовало бы на колѣняхъ благодарить Бога, еслибъ у нихъ было хоть на половину столько силъ и послѣдовательности, столько воображенія и ума, не говоря уже объ его сердцѣ.

Докторъ всталъ и пошелъ было на встрѣчу къ Амеліи, только-что вошедшей въ комнату, но она, не остановившись ни на минуту, не взглянувши даже на собесѣдниковъ, поспѣшно прошла въ дверь, которая вела на крыльцо. Она оставила дверь отворенною. Шарлотта и докторъ Паулусъ съ улыбкой посмотрѣли другъ на друга и сказали въ одинъ голосъ: Вальтеръ! Черезъ минуту Вальтеръ и Амелія уже вошли — Вальтеръ, свѣжій и загорѣвшій отъ недѣльнаго пребыванія въ горахъ и лѣсахъ родины, Амелія съ разгорѣвшимися щеками и глазами, въ которыхъ свѣтилось счастье. Вальтеръ пожалъ руку доктору Паулусу, у котораго лицо прояснилось, когда онъ увидалъ своего любимца, и поспѣшилъ къ Шарлоттѣ, заключившей его въ свои объятія въ то время, когда онъ наклонялся къ ея рукѣ; но не успѣлъ онъ еще опять подойти къ Амеліи, которая стояла въ сторонѣ и, дрожа отъ радости, слѣдила глазами за каждымъ его движеніемъ, какъ дверь снова отворилась и въ комнату ворвалась миссъ Джонсъ, широко раскрывъ ему свои объятія.

— Дайте же и мнѣ прижать васъ къ сердцу, молодой человѣкъ! воскликнула она.

— Ну что, какъ вы нашли отца? спросила Шарлотта, подозвавши къ себѣ Вальтера, когда первое волненіе пріутихло.

Лицо Вальтера приняло глубоко грустное выраженіе.

— Онъ очень состарѣлся физически, отвѣчалъ онъ, — я испугался, когда увидалъ, что волоса его совершенно посѣдѣли за это короткое время, да кромѣ того я замѣтилъ, что прежняя

сила покинула его. Его походка, его движенія уже не такъ быстры, какъ прежде; меня особенно поразило, что онъ такъ плохо сталъ видѣть; разъ онъ мнѣ сказалъ: мнѣ кажется будто на всѣхъ окружающихъ предметахъ лежитъ какой-то туманъ. Замѣчательно однако, что при этомъ онъ гораздо свѣжѣе въ умственномъ отношеніи, чѣмъ былъ, когда мы его видѣли въ прошлый разъ. Прежде онъ бывало никогда не читалъ газетъ, теперь же внимательно слѣдитъ за ними, особенно конечно за нашей газетой; мы съ нимъ вели долгіе разговоры о политикѣ. Онъ больше чѣмъ когда-нибудь занятъ тухгеймскими дѣлами. На дняхъ его выбрали въ старшины общины и онъ не отказался отъ этой обязанности. Меня это чрезвычайно радуетъ, и за него, и за тухгеймцевъ.

— А какъ идутъ дѣла на фабрикѣ? спросилъ докторъ Паулусъ, услыхавшій послѣднія слова.

— Плохо, отвѣчалъ Вальтеръ, — отецъ разсказывалъ мнѣ самыя странныя вещи о поведеніи этого народа; я самъ говорилъ со многими изъ нихъ и лично удостовѣрился въ томъ, что слова отца были вполнѣ точны. Старикъ Крафтъ, котораго они выбрали въ надсмотрщики надъ работами, правда превосходный рабочій, но онъ не пользуется ни малѣйшимъ авторитетомъ и это, по правдѣ сказать, даже и не его вина. Они просто не хотятъ никого слушаться. Потомъ они напяли себѣ въ бухгалтеры купца изъ ближайшаго города; до сихъ поръ этотъ купецъ отличался болѣе страстью къ нелѣпымъ спекуляціямъ, чѣмъ успѣхомъ. Быть можетъ, онъ и честный человѣкъ, только лицо его не внушило мнѣ никакого довѣрія. Но такъ какъ никто изъ нихъ ничего не смыслитъ въ торговыхъ оборотахъ, то они и не довѣряютъ ему, тревожно слѣдятъ за нимъ на каждомъ шагу, — а въ концѣ концовъ онъ все-таки проведетъ ихъ если захочетъ, и ничѣмъ они ему въ этомъ не могутъ помѣшать. Такъ дѣла и идутъ. Старикъ Крафтъ признавался мнѣ, вздыхая, что если скоро положеніе дѣлъ не поправится, то нельзя будетъ предвидѣть, когда наступитъ развязка, а это значитъ, что она наступитъ слишкомъ скоро. Такимъ образомъ, отцу приходится много совѣтовать, уговаривать, направлять къ добру, примирять. Люди приходятъ къ нему, потому что издавна привыкли

вѣрить ему и онъ принимаетъ всѣ ихъ дѣла такъ близко къ сердцу, будто это его собственное.

— А какъ онъ говоритъ о Сильвіи? спросила Шарлотта.

— Онъ говоритъ о ней, какъ о путешественницѣ, которой предстоитъ сдѣлать утомительный переѣздъ прежде, чѣмъ она снова будетъ съ нами, но отъ которой мы можемъ ожидать навѣрное, что она возвратится къ намъ. Вы превосходно знаете отца и потому поймете, если я скажу, что онъ не совсѣмъ откровененъ относительно Сильвіи, какъ и относительно многихъ вещей, слишкомъ глубоко трогающихъ его сердце. Онъ не откровененъ ни съ собою, ни съ другими, и потому чрезвычайно трудно, даже невозможно сказать что нибудь опредѣленное о его душевномъ состояніи. Впрочемъ его посѣдѣвшіе волосы опровергаютъ то спокойствіе, которое онъ старается выставлять на показъ.

— А тетушка Мальхенъ?

— Добрая тетушка! сказалъ Вальтеръ съ грустной усмѣшкой,—я не могу представить себѣ ничего трогательнѣе той заботливости, съ которой она ухаживаетъ за отцомъ; а онъ вовсе не признателенъ ей за всѣ ея хлопоты. Она все такая же, какъ прежде, только стала еще смиреннѣе и привѣтливѣе. Потомъ въ ней произошла еще одна замѣчательная перемѣна: она перестала раскладывать пасьянсы. Мнѣ это бросилось въ глаза; я спросилъ ее, почему она отстала отъ своей прежней привычки? Ужъ мнѣ теперь некогда, отвѣчала она мнѣ. Когда я посмотрѣлъ на нее не безъ удивленія—потому что чего другого, а времени-то у нея довольно—она продолжала какъ-то тоскливо: Да и жизнь становится такъ серьезна; съ нею шутить не годится. Бѣдная тетушка! Пропала у нея и та крошечная доля безсознательнаго юмора, съ которымъ она бывало приводила въ порядокъ весь свѣтъ на своемъ карточномъ столѣ. — Боже мой, какъ вы добры! вскричалъ Вальтеръ, горячо цѣлуя руку Шарлотты, потому что въ эту минуту въ комнату входили его товарищъ по редакціи газеты и адвокатъ.— Вотъ ужъ этого я никакъ не могъ ожидать! Вѣдь это просто настоящій праздникъ!

Шарлота улыбалась; Вальтеръ пошелъ здороваться съ друзьями. Изящный молодой адвокатъ присоединился къ дамамъ, а докторъ

Гаукъ, высокій серьезный мужчина, съ важнымъ, почти мрачнымъ лицомъ, которое часто освѣщалось, словно молніей, насмѣшливой улыбкой, тотчасъ же вступилъ съ мужчинами въ политическую бесѣду.

— Пророку неизвѣстно, что дѣлается въ его отечествѣ, сказалъ онъ Вальтеру,— вотъ хоть васъ взять — вы пріѣхали изъ Тухгейма, а самое послѣднее тухгеймское извѣстіе я вамъ сообщу. Братъ вашей невѣсты сдѣлался ландратомъ тамошняго округа.

Докторъ Паулусъ и Вальтеръ съ удивленіемъ переглянулись между собою.

— Это уже напечатано въ вечернемъ номерѣ... газеты, продолжалъ докторъ Гаукъ; но кромѣ того я еще знаю изъ самаго достовѣрнаго источника, какимъ образомъ это дѣло произошло. Король, который, какъ вамъ извѣстно, уѣзжаетъ завтра, имѣлъ, въ два часа по полудни, свиданіе съ принцемъ и они посчитались между собою. Потомъ въ дѣло вмѣшалась королева; въ заключеніе король, разумѣется, расчувствовался, обнялъ принца, а потомъ они взаимно предложили другъ другу свои условія. Несмотря на самыя настоятельныя просьбы принца, король не согласился оттолкнуть отъ себя вашего двоюроднаго брата, хотя говорятъ, будто и королева просила его объ этомъ, стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Но за это онъ сдѣлалъ принцу разныя уступки, и между прочимъ согласился на назначеніе ландратомъ фонъ-Тухгейма.

— Это подкопъ противъ вашей кандидатуры въ нашемъ округѣ, сказалъ Вальтеръ Паулусу.

— Я боюсь, что это дѣлается еще съ другою цѣлью, возразилъ онъ.—Даже чисто-бюрократическій принцъ находитъ, что прыжокъ прямо изъ ассесоровъ въ министры былъ бы уже слишкомъ рѣзокъ; изъ ландратовъ все-таки легче перейти въ министры. Впрочемъ, господа, дѣло дѣйствительно чрезвычайно важное. Оно служитъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что, въ кругу принца, теперь навѣрное расчитываютъ на скорую перемѣну всего направленія и хода дѣлъ. Я убѣжденъ, что Веберъ отдалъ принцу самый удовлетворительный отчетъ о состояніи здоровья короля. Надѣются положительно, что къ осе-

ни онъ умретъ и что это путешествіе будетъ послѣднимъ передъ великимъ путешествіемъ.

— Кстати о путешествіи, сказалъ докторъ Гаукъ.—Знаете ли вы, товарищъ, что ваше путешествіе привело полицію въ умилительное волненіе? Думаютъ, что вы совсѣмъ удрали за тридесять земель. Съ часъ тому назадъ справлялись въ редакціи, въ четвертый разъ, если я не ошибаюсь, куда вы дѣвались? Они очень безпокоятся о васъ, то есть не о томъ *какъ* вы поживаете, а о томъ *гдѣ вы?* Я объявилъ, что второе мнѣ неизвѣстно, между тѣмъ, какъ первое составляетъ редакціонную тайну; вслѣдствіе этого отвѣта полиціантъ, кажется, возгорѣлъ сильнѣйшимъ желаніемъ перенести свой бдительный надзоръ съ васъ на меня. Я убѣжденъ, что, узнай они только о вашемъ пріѣздѣ, вамъ бы уже пришлось провести эту ночь подъ замкомъ и затворами.

— Тише! сказалъ Вальтеръ, указавши глазами на диванъ.— Поэтому-то я и исполнилъ желаніе дамъ и пріѣхалъ прямо съ желѣзной дороги сюда, хотя мнѣ было бы чрезвычайно пріятно пожелать добраго вечера моему доброму Ребейну. Какъ идетъ его ассоціація?

— Не дурно, отвѣчалъ докторъ Паулусъ,—хотя они придираются къ намъ во всю мочь. Но вѣдь Ребейнъ молодецъ, его не такъ-то легко запугать, и онъ не позволитъ кроить изъ своей матеріи что угодно, какъ онъ самъ выражается.

— Очень бы мнѣ хотѣлось съ нимъ потолковать, сказалъ Вальтеръ.

— Съ кѣмъ это? спросила Амелія, подошедшая къ группѣ.

Вальтеръ взялъ ее подъ руку.

— Съ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей, отвѣчалъ онъ, — которому я обязанъ очень, очень многимъ, и отсутствіе котораго я болѣзненно чувствую сегодня вечеромъ,—съ моимъ честнымъ Ребейномъ. Я твердо убѣжденъ, что сегодня этотъ вѣрный другъ не уляжется спать до тѣхъ поръ, пока я не вернусь домой. Почему же его здѣсь нѣтъ, когда всѣ мои друзья въ сборѣ?

— Но, Вальтеръ, вѣдь твой добрый Ребейнъ не годится въ

салонъ! сказала Амелія, покраснѣвшая при попыткѣ обмануть своего жениха.

— Это ты серьезно говоришь, милая? спросилъ Вальтеръ, останавливаясь.

— Совершенно серьезно, возразила Амелія, которая почувствовала еще болѣе сильное желаніе продолжать шутку, видя, что Вальтеръ такъ легко поддается обману.—Вѣдь еслибъ мы въ самомъ дѣлѣ захотѣли пригласить г. Ребейна, невозможно было бы оставить дома г-жу Ребейнъ, и ты конечно согласишься, милый Вальтеръ, что пригласить ее было бы ужь совсѣмъ неловко.

— Почему же это? спросилъ Вальтеръ.—Я понимаю не хуже всякаго другого, что г-жа Ребейнъ не можетъ быть пріятной собесѣдницей ни для тебя, ни для тети Шарлотты, ни для миссъ Джонсъ. Но вѣдь объ этомъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Добрая, скромная женщина никогда не забыла бы разстоянія, отдѣляющаго ее отъ образованныхъ дамъ, она приняла бы такое приглашеніе, при исключительныхъ обстоятельствахъ, за то, чѣмъ оно было бы на самомъ дѣлѣ,—за любезность, недающую ей никакихъ правъ и невозлагающую на васъ никакихъ обязанностей; да и кромѣ того, если не принимать въ соображеніе нѣкотораго навыка держать себя въ свѣтѣ и нѣсколькихъ заученыхъ фразъ, она, не смотря на свою ограниченность и необразованность, право не хуже и не ниже сотни другихъ барынь, которыхъ вы сотни разъ принимали у себя, въ своемъ кругу. Право, становится горько, какъ подумаешь, что люди никогда не перестанутъ судить людей по платью! И отъ этого даже не могутъ отрѣшиться такіе хорошіе, такіе нѣжно-чувствующіе и развитые люди, какъ вы! Но невольѣ при такихъ обстоятельствахъ всякому станетъ страшно за тотъ прогрессъ, о которомъ мы столько говоримъ и изъ-за котораго мы всѣ бьемся!

Все это Вальтеръ проговорилъ съ живостью и не безъ нѣкоторой горечи; Амелія уже давно пожалѣла о томъ, что такъ далеко повела свою шутку; она стояла передъ нимъ раскраснѣвшись отъ смущенія и робко потупивши глаза. Она только-что хотѣла заговорить, но еще собиралась съ духомъ, когда

дверь отворилась и изъ-за полной фигуры почтенной супруги портнаго выглянула обнаженная голова господина Іеремія Ребейна.

Амелія еще больше покраснѣла, увидавши ихъ и быстро шепнула Вальтеру:—Это тетя устроила!

Шарлотта встала на встрѣчу къ давно ожидаемымъ гостямъ; г-жа Ребейнъ, одѣтая въ черное шелковое платье, и съ пестрымъ чепцомъ на головѣ, сконфузилась и остановилась у двери, чуть несваливши съ ногъ своего супруга, расчитывавшаго на ея движеніе впередъ. Но г. Ребейнъ ничуть не потерялъ своего присутствія духа; онъ взялъ жену за руку, молодцовато прошелъ съ нею черезъ всю залу къ Шарлоттѣ и произнесъ, расшаркиваясь съ нѣсколько старомоднымъ достоинствомъ: — Честь имѣю, сударыня, представить вамъ мою жену; милая Лизочка, эта дама г-жа Ф. Тухгеймъ, о которой я уже такъ много разсказывалъ тебѣ.

Ребейнъ прикоснулся къ концамъ пальцевъ руки, протянутой ему Шарлоттой, расшаркался еще разъ и отступилъ назадъ. Шарлотта представила г-жу Ребейнъ миссъ Джонсъ и Амеліи. Миссъ Джонсъ протянула г-жѣ Ребейнъ одинъ палецъ, съ которымъ та не знала, что дѣлать, а Амелія сжала ей обѣ жирныя руки и сказала ей, что очень рада познакомиться съ хорошей пріятельницей своего Вальтера, и что она отъ души благодарна ей за привѣтъ и ласки, которые она столько лѣтъ оказывала Вальтеру.

Выраженіе крайняго смущенія, разливавшагося по добродушному, широкому лицу честной жены портнаго, совершенно изгладилось подъ вліяніемъ ласковыхъ словъ и взгляда кроткихъ глазъ Амеліи. Языкъ, совершенно отказавшійся на время отъ повиновенія, обрѣлъ способность двигаться и она стала увѣрять, что представляла себѣ Амелію далеко не такою хорошенькой, а Шарлотту считала гораздо старше; что же касается ласки и привѣта, которые она оказывала Вальтеру, то это все входило въ ея обязанности хозяйки.

— И потомъ, вотъ видите ли, что я вамъ скажу, продолжала она таинственнымъ шепотомъ,—я никакъ не могу простить себѣ, что многимъ способствовала ему относительно той гадкой книги,

изъ-за которой его теперь посадятъ въ тюрьму. Господи, прости мнѣ мое согрѣшеніе! Я ему варила чай по вечерамъ, когда онъ говорилъ, что станетъ еще работать ночью, я же заботилась о томъ, чтобы у него въ лампѣ было довольно масла; а утромъ, когда горничная подметала его комнату, я всегда клала что нибудь тяжелое на листы, которые онъ, бывало, испишетъ ночью—положу бывало или ножницы, или ножъ, или палку сургуча, или книгу, чтобы ихъ не сдуло вѣтромъ за окно. Все мнѣ думается, что еслибъ я, по глупости своей, не помогала бы ему на столько или принялась бы хорошенько уговаривать его—онъ пожалуй и бросилъ бы это дѣло.

Шарлотта и Амелія не могли удержаться отъ смѣха, а миссъ Джонсъ пробормотала нѣсколько англійскихъ словъ, которые, судя по ея лицу, вѣроятно не были лестны для г-жи Ребейнъ.

— Ахъ, не смѣйтесь, барыни! сказала г-жа Ребейнъ.—Вы не знаете, какого я страху натерпѣлась съ тѣхъ поръ, какъ Вальтеръ пустился на эти исторіи. Право не проходитъ и недѣли безъ того, чтобы меня не испугалъ на смерть какой нибудь полицейскій, который приходитъ спрашивать про Вальтера. Что они спрашиваютъ про моего мужа, къ этому я ужь привыкла, благодаря Бога, за эти благословленные двадцать пять лѣтъ. Но бѣдняжка Вальтеръ!

Г-жа Ребейнъ грустно покачала головой и продолжала понизивъ голосъ.

— Вы только подумайте—сегодня вечеромъ, когда Ребейнъ еще не возвращался домой, къ намъ заходилъ еще одинъ полицейскій, и все-то они ходятъ въ сумерки, все норовятъ, нельзя ли какъ побольше напугать человѣка! Вотъ этотъ полицейскій и говоритъ, что ему необходимо знать, когда Вальтеръ вернется домой? Творецъ мой небесный! и старичекъ еще такой, совсѣмъ задохся! Вотъ я и подумала, что можно...

Но Шарлотта и Амелія такъ и не узнали, что г-жа Ребейнъ считала возможнымъ, потому что, по приглашенію миссъ Джонсъ, мужчины подошли къ дамамъ и повели ихъ за столъ. Докторъ Паулусъ предложилъ руку Шарлоттѣ, Амелію повелъ Вальтеръ, докторъ Гаукъ, хваставшій своимъ умѣньемъ говорить по англійски, пошелъ съ миссъ Джонсъ, а молодой адвокатъ очень

смутился, увидавши, что для него осталась только г-жа Ребейнъ. Шествіе заключалъ г. Ребейнъ, который, видя, что дамы для него нѣтъ, и желая все-таки какъ нибудь пристроить свои руки, крѣпко потиралъ ихъ одна о другую и кивалъ въ тактъ своею обнаженною головкой.

Прошло уже часа два съ тѣхъ поръ, какъ общество усѣлось въ прекрасной, ярко-освѣщенной столовой. Былъ уже двѣнадцатый часъ и миссъ Джонсъ, сидѣвшая по лѣвую руку возлѣ доктора Паулуса, напомнила ему во второй разъ, что ему пора произнести маленькую рѣчь. Шарлотта кивнула доктору, Паулусъ всталъ, звякнулъ объ стаканъ; оживленный разговоръ, который велся всѣми собесѣдниками, смолкъ, и докторъ заговорилъ:

— Достойные друзья и почтенныя дамы! Нашъ дружескій ужинъ конченъ, часъ разлуки насталъ, и поэтому я прошу позволенія выразить въ немногихъ, ясныхъ словахъ мысль, которая, какъ мнѣ кажется, найдетъ въ настоящую минуту сочувствіе во всѣхъ насъ. Нашъ другъ, нашъ товарищъ по борьбѣ, нашъ милый Вальтеръ будетъ въ скоромъ времени лишенъ свободы на нѣсколько мѣсяцевъ за то, что онъ свободно и безбоязненно выразилъ свое мнѣніе.

При этихъ словахъ г-жа Ребейнъ начала тихонько всхлипывать, между тѣмъ, какъ миссъ Джонсъ энергично произнесла: Слушайте!

Паулусъ продолжалъ:

— Никому изъ насъ, конечно, не придетъ въ голову жалѣть о немъ по этому поводу, потому что мы не принадлежимъ къ тѣмъ дюжиннымъ людямъ, которые не въ состояніи понять, что страданіе за истину составляетъ честь и обязанность хорошаго человѣка. Мы, напротивъ того, убѣждены, что человѣкъ, преданный отъ души своимъ обязанностямъ, въ сущности обращаетъ мало вниманія на страданія, проистекающія для него изъ исполненія этихъ обязанностей; на него тяжело ложатся только несчастія, происходящія отъ глупости и злобы людей. Народъ, который, подобно нашему, только что начинаетъ выбиваться изъ средневѣковыхъ, устарѣвшихъ условій жизни, вырабатывать себѣ свободу и стремиться къ свѣту, можно сравнить съ огромной, маршрующей колонной: отдѣльные члены ея все больше

и больше терлютъ изъ виду сборные пункты и люди, стоящіе въ заднихъ рядахъ, скоро уже перестаютъ понимать, куда идутъ вожди и что они дѣлаютъ. Поэтому мы, льстящіе себя мыслью, что идемъ въ первыхъ рядахъ, мы должны дѣлать страшныя, неимовѣрныя усилія, должны подвергаться большимъ опасностямъ, чтобы преодолѣвать препятствія и затрудненія, встрѣчающіяся на нашемъ пути. Таковы уже свойства человѣческаго развитія и передѣлать ихъ невозможно. Поэтому мы не должны жалѣть ни крови, ни пота, которыхъ требуетъ наша піонерская работа, не должны жалѣть даже въ томъ случаѣ, если труды наши пропадутъ напрасно. Но они не пропадутъ. Тѣ, которые пойдутъ за нами вслѣдъ, увидятъ передъ собою болѣе широкую и ровную дорогу, проторенную для нихъ нашими усиліями, и врядъ ли они узнаютъ, на сколько наша жизнь была тяжела! И пусть они этого не знаютъ, иначе наша жизнь была бы безполезна! Для нашего народа также настанетъ заря свободы! Пусть этотъ день настанетъ скорѣе, пусть, по мѣрѣ силъ своихъ, нашъ другъ продолжаетъ съ должнымъ мужествомъ и упорною силой борьбу, которую онъ началъ, пусть доведетъ ее до желаннаго конца— вотъ чего намъ слѣдуетъ желать, милые друзья и почтенныя дамы; чокнемтесь же стаканами по доброму германскому обычаю!

Раздался звонъ стакановъ. Г-жа Ребейнъ громко зарыдала, миссъ Джонсъ обратилась къ своему сосѣду съ словами:—«Эта женщина окончательно разстроитъ мнѣ нервы своимъ вѣчнымъ хныканьемъ». Всѣ присутствующіе сѣли, а Вальтеръ остался на ногахъ.

— Благодарю моего уважаемаго друга, сказалъ онъ, привѣтливо кивая Паулусу головой,—за то, что онъ тотчасъ же отвлекъ наши взоры отъ личнаго элемента и направилъ ихъ на общій, на великую идею нашего призванія въ области исторіи цивилизаціи, которая освѣщаетъ нашу жизнь, какъ солнце, чтобы въ ней не оставалось ничего смутнаго, неяснаго, ничего эгоистичнаго, не поддающагося великой, святой цѣли. Я прекрасно знаю, что *они* смѣются надъ нами за это стремленіе, бранятъ насъ идеологами, непрактическими мечтателями, которые, забравшись въ свои воздушные замки, никогда не съумѣютъ ступить ни шагу по реальной почвѣ. Пусть ихъ! Только мы не

такъ непрактичны, какъ *они* думаютъ. Мы хорошо знаемъ, что роза упоительно благоухаетъ, что соловей сладко поетъ, мы знаемъ это даже гораздо лучше, чѣмъ кто нибудь изъ *нихъ* можетъ знать. Мы, и только одни мы, изъ числа всѣхъ гостей, выходящихъ изъ пирнаго чертога, простираемъ руки и восклицаемъ: О блаженная, блаженная ночь!

— Но не довольно того, что мы сами для себя ведемъ болѣе благородную и богатую жизнь, потому что человѣчная мысль, являющаяся любовью въ своемъ высшемъ проявленіи, просвѣтила наше сердце и нашъ умъ. Эта болѣе богатая, эта высшая жизнь есть только дополненіе, выпадающее намъ на долю потому, что мы стремимся къ царству Божію и его справедливости, и эти два условія такъ тѣсно связаны между собой, что одно безъ другого не можетъ ни существовать, ни быть сознаваемо. Стремленіе къ справедливости дѣлаетъ насъ самыми счастливыми, а главное самыми сильными людьми. Мы, идеологи, мечтатели, жители воздушныхъ замковъ, мы безъ самохвальства можемъ назвать себя солью земли. Не будь насъ— не только все прекрасное, но и самая жизнь поблекла бы на сухой, песчаной почвѣ эгоизма, и въ скоромъ времени земля превратилась бы въ жилище дикихъ звѣрей и человѣко-подобныхъ фигуръ; *они*, мудрые эгоисты, приходятъ, подобно злобнымъ нищимъ, къ намъ, мечтателямъ, и получаютъ изъ нашихъ рукъ хлѣбъ жизни И вотъ до какой степени велико наше могущество: не смотря на все свое глубокое презрѣніе къ намъ, *они*, эти рабы эгоизма, вынуждены носить нашу ливрею, украшать себя нашими цвѣтами, вынуждены платить свою дань общественной нравственности для того, чтобы такимъ образомъ пріобрѣсти хотя малѣйшую возможность безнаказанно продолжать свои пресловутые подвиги. И эта дань возростаетъ съ каждымъ годомъ и наконецъ дѣло дойдетъ до того, что мудрые бухгалтеры не будутъ въ состояніи свести концы съ концами, такъ что жизненный пульсъ будетъ на нашей сторонѣ! Да, друзья мои, земля наша, жизнь наша, потому что мы идемъ къ ней смѣло и безбоязненно; мы одни только можемъ истинно наслаждаться благоуханіемъ всякаго хорошаго дѣла, только наше ухо въ состояніи уловить всякій звукъ мело-

дичной пѣсни свободы, которая громче или тише раздается повсемѣстно, и всякій наступающій день, который застаетъ насъ полными старой, доброй вѣры и направляющимися къ побѣдѣ истины и свободы, мы можемъ привѣтствовать словами: О благословенный, блаженный день!

Вальтеръ еще не договорилъ, а Амелія между тѣмъ уже давно стояла выпрямившись, съ сложенными руками; глаза ея, раскрываясь все шире и шире, ярко блестѣли и были устремлены на жениха, она тихонько шевелила губами, будто повторяла за нимъ каждое слово, какъ молитву за священникомъ. Теперь, когда онъ обратился къ ней произнося послѣднія слова, она бросилась къ нему на грудь. Глаза всѣхъ присутствующихъ устремились съ искреннимъ сочувствіемъ на эту прекрасную молодую пару; одна только г-жа Ребейнъ рыдала, закрывши лицо носовымъ платкомъ, а миссъ Джонсъ снова бросила на нее суровый взглядъ и заявила своему сосѣду: — Эта добрая женщина сердитъ меня. Превосходно! Теперь этотъ маленькій человѣкъ собирается говорить что-то!

И дѣйствительно г. Іеремія Ребейнъ всталъ и нервно звякнулъ по стакану.

— Милостивые государи и государыни!

— Слушайте, слушайте! воскликнула миссъ Джонсъ, ожидавшая юмористическаго заключенія.

Докторъ Гаукъ саркастически улыбнулся. Онъ зналъ, что двадцати-пятилѣтнее упражненіе сдѣлало г. Ребейна замѣчательнымъ ораторомъ.

Іеремія Ребейнъ продолжалъ:

— Мы сейчасъ только слышали изъ устъ нашихъ друзей золотыя, мужественныя слова, расчитанныя на уши мужчинъ. Но мои высоко-чтимые друзья не будутъ сердиться на меня, если я поставлю имъ на видъ, что они прежде всего имѣли въ предметѣ себя, то есть мужской кругъ, и мало подумали о тѣхъ, на долю которыхъ испоконъ вѣка выпадало и еще выпадаетъ величайшее бремя человѣческаго существованія. Да, друзья мои, мы взяли себѣ лучшую долю. Бороться съ волнами на погибающемъ кораблѣ—одно дѣло; стоять на берегу и безпомощно ломать руки — совсѣмъ другое дѣло. Защищаться остроумно и

краснорѣчиво противъ обвиненія—одно дѣло; блуждать по улицѣ, выжидая приговора, который отправитъ въ тюрьму отца, брата, мужа, любимаго человѣка не вѣсть на сколько времени — совсѣмъ другое дѣло. Мы, мужчины, вездѣ бросаемся подъ пули въ свалку, въ опасность, гдѣ нашъ лихорадочно возбужденный пульсъ бьется въ тактъ съ боевымъ барабаномъ; пульсъ женщинъ возбужденъ не менѣе сильно, только отъ лихорадки неизвѣстности, заботы, тоски. Какъ же возможно сгладить это неравенство? Я часто ставилъ себѣ этотъ вопросъ, и продолжаю ставить его себѣ ежедневно; да и въ самомъ дѣлѣ, на что же мнѣ свобода, куда она годится, если она снимаетъ оковы съ моихъ рукъ и переноситъ ихъ на руки того существа, которое мнѣ дороже всего на свѣтѣ? Какъ же отвѣчать на этотъ вопросъ? Отвѣтъ сбивчивъ и смутенъ. Здѣсь ему приходится столкнуться съ жестокимъ общественнымъ закономъ, тамъ — съ закономъ природы, по видимому неумолимымъ. Ясно только одно, что участь женщинъ будетъ менѣе жалка по мѣрѣ того, какъ мы доставимъ имъ возможность дѣйствовать съ нами и для насъ. Какъ бы то ни было, мы постоянно должны благодарить ихъ отъ всей души, благодарить ихъ за то, что онѣ для насъ дѣлаютъ, что имъ приходится выстрадать изъ-за насъ! Милостивые государи! Наполнимте же свои стаканы за здоровье женщинъ!

Мужчины встали. Встала вмѣстѣ съ ними и миссъ Джонсъ. Она обошла большими шагами вокругъ стола къ Ребейну, взяла его нѣжную руку и такъ потрясла и пожала ее, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ боли.

— Я прошу вашей дружбы, сэръ, я буду гордиться вашей дружбой, сэръ, произнесла она.

Въ эту минуту дверь изъ сѣней съ шумомъ отворилась; въ комнату ворвалась краснощекая горничная и едва только она успѣла воскликнуть:

— Полиція! Господи, Боже мой! Полиція! — какъ въ дверяхъ, на порогѣ уже показалась длинная, тощая фигура полицейскаго сержанта. Затѣмъ виднѣлись еще двѣ черныя фигуры. Сержантъ, — старикъ съ длинной, сѣдой бородой, — затворилъ дверь и сказалъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ

присутствующихъ, которые всѣ поднялись съ мѣстъ: «Нѣтъ ли здѣсь между вами нѣкоего г. Вальтера Гутмана?

— Вотъ онъ, сказалъ Вальтеръ, выступая впередъ вмѣстѣ съ Амеліей, которая крѣпко держала его за руки.

Сержантъ бросилъ взглядъ участія на прекрасное, блѣдное лицо молодой дѣвушки и сказалъ, подавая бумагу, которую уже давно держалъ въ рукахъ: — Я имѣю предписаніе арестовать васъ и прошу васъ, г. Гутманъ, послѣдовать за мною.

— Я готовъ, сказалъ Вальтеръ.

— Кромѣ того мнѣ предписано записать имена всѣхъ присутствующихъ здѣсь, продолжалъ сержантъ, обращаясь ко всему обществу.

— Успокойтесь, добрый другъ, сказалъ докторъ Паулусъ, обращаясь къ миссъ Джонсъ, дрожавшей отъ негодованія.—Въ нашей странѣ нашъ домъ не есть неприступная крѣпость, а старикъ этотъ смотритъ порядочнымъ человѣкомъ и съ нашей стороны было бы не хорошо дѣлать еще болѣе тяжелымъ его тяжелое ремесло.

Онъ подошелъ къ сержанту и спросилъ его:—Съ какою же цѣлью вамъ дано такое предписаніе?

Сержантъ, знавшій доктора Паулуса, пожалъ плечами и сказалъ:—У меня есть инструкція. Потомъ онъ прибавилъ вполголоса: — Это все изъ-за свободной общины, господинъ докторъ. Имъ, вѣроятно, хочется открыть собраніе, потому что собранія запрещены. Впрочемъ я надѣюсь, что кромѣ г. Ребейна между вами нѣтъ никого изъ членовъ свободной ассоціаціи.

— Но, Боже мой, старый другъ! сказалъ Ребейнъ, подходя къ нему въ свою очередь,—почему же вы могли узнать, что я здѣсь, что г. Гутманъ здѣсь?

Старый сержантъ снова пожалъ плечами; будучи не въ состояніи сдвинуться съ своего мѣста, г-жа Ребейнъ осталась на своемъ стулѣ и не сводила съ сержанта остолбенѣвшихъ отъ ужаса глазъ и теперь залилась горячими слезами.

Пока Вальтеръ горячо прощался съ Шарлоттой, миссъ Джонсъ и другими, и крѣпко жалъ имъ руки, Амелія подошла къ сержанту съ стаканомъ краснаго вина. Она была очень блѣдна

и стаканъ нѣсколько звякалъ по тарелкѣ, но она старалась привѣтливо улыбнуться, подавая ему вино.

У старика навернулись слезы на глазахъ. Онъ взялъ стаканъ и сказалъ:

— Это я пью за ваше здоровье, фрейленъ. Не думайте обо мнѣ худо, пожалуйста, милая фрейленъ! Вѣдь у меня восемь человѣкъ дѣтей и больная жена,—тутъ поневолѣ согласишься дѣлать многое, чего бы не хотѣлось дѣлать!

— Имѣете вы что нибудь противъ того, чтобы я проводилъ моего друга до тюрьмы? спросилъ докторъ Паулусъ.

— О, нѣтъ, господинъ докторъ! Только я попрошу, чтобы больше никто не ходилъ.

— Ну, такъ простимтесь же съ дамами. Готовы ли вы, Вальтеръ?

— Совершенно готовъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Теперь блестящіе экипажи уже перестали разъѣзжать по парку въ обѣденное время, потому что обладатели ихъ отправились на воды или въ какія нибудь другія путешествія, а жаръ былъ такъ силенъ, что тѣ изъ аристократовъ, которые были принуждены остаться по той или другой причинѣ, заботливо запирались въ комнатахъ съ опущенными сторами. Солнце совершенно заливало своими лучами прямыя, безконечно-длинныя улицы; если направо или налѣво ложилась возлѣ домовъ узкая полоса тѣни, то это было только минутнымъ, тотчасъ же отнимаемымъ облегченіемъ, и бѣдному пѣшеходу, которому случалось проходить по обширнымъ площадямъ, окружавшимъ королевскій замокъ, не разъ приходилось вытирать потъ со лба прежде, чѣмъ ему удавалось перебраться черезъ пустыню, лишенную тѣни.

Въ самомъ замкѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ для палящихъ лучей солнца и выдерживавшемъ ихъ съ утра до вечера, было пусто и тихо. Огромное зданіе стояло словно горная масса, на голыхъ, скалистыхъ и сожженыхъ солнцемъ отвѣс-

ныхъ стѣнахъ, на которыхъ не можетъ расти ни цвѣтокъ, ни кустарникъ. По внутреннимъ дворамъ иногда пробирался надутый и недовольный лакей, которому нужно было пройти изъ одного флигеля въ другой, а у караульнаго дома тѣснились вооруженные солдаты, стоявшіе на часахъ и, сквозь отворенное окно, завистливо поглядывали въ караульную комнату, гдѣ двое, трое товарищей спали, откинувши головы на спинки креселъ и сидя верхомъ на скамьяхъ. Кромѣ этихъ людей не было видно ни одного живаго существа, не было слышно ни одного живого звука. Даже воробьи чирикали и поднимали гвалтъ только раннимъ утромъ, а остальную часть дня проводили, забившись въ отверстія въ стѣнѣ и спрятавшись за каменные гербы и архитектурныя украшенія; вороны совершенно перестали прилетать изъ своихъ тѣнистыхъ лѣсовъ въ сожженный солнцемъ городъ.

Замокъ былъ пустъ, почти что пустъ. Король уѣхалъ уже четыре недѣли назадъ, королева выѣхала нѣсколько дней спустя изъ города и отправилась съ двухлѣтнимъ принцемъ и всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ въ лѣтнюю резиденцію. Въ окнахъ не было видно ни одного каммергерскаго мундира, каменные коридоры не оглашались шелестомъ шлейфовъ придворныхъ дамъ, караульный офицеръ могъ совершенно спокойно предоставить сержанту смѣнять часовыхъ; во дворъ уже не въѣзжали кареты, предъ которыми часовые должны были дѣлать на-караулъ. Въ дворцовой кухнѣ двумъ, тремъ поварамъ, которые не уѣхали вслѣдъ за дворомъ или не были отпущены въ отпускъ, было много свободнаго времени, и не оставайся въ замкѣ старая госпожа Сара Гутманъ, требовавшая каждый день особаго обѣда и ужина, имъ вовсе не къ чему было бы примѣнять свое искуство. Но въ этомъ отношеніи госпожа Сара Гутманъ была неумолима. Она любила хорошо покушать и часто была слишкомъ невоздержна; она сердилась на Сильвію за то, что она мало ѣла и часто не прикасалась ни къ одному блюду. Вирочемъ на Сильвію она сердилась не за одно только это; можно даже сказать, что теперь она въ сущности сердилась на одну только Сильвію, такъ что часто ей бывало очень трудно, а подчасъ даже почти невозможно сохранять на своемъ настоящемъ лицѣ маску любви и расположенія.

— Еслибъ я это знала! бормотала часто тетушка Сара, сидя совершенно одна въ своей комнатѣ,—а это въ послѣднее время случалось вовсе нерѣдко, — еслибъ я все это могла предвидѣть!

И какъ же ей въ самомъ дѣлѣ было не досадовать! Вмѣсто компаньонки, вполнѣ зависящей отъ ея воли, компаньонки, которую она стало быть могла бы бранить и мучить по благоусмотрѣнію, у нея жила молодая дѣвушка, съ которой надо было взвѣшивать каждое слово, каждый взглядъ, взвѣшивать и обдумывать все, потому что это причудливое существо могло обидѣться однимъ словомъ, однимъ взглядомъ — пустякомъ. Тетушка Сара думала, что ей удастся — хотя и очень осторожно, хотя и очень незамѣтно,—принять снова старый тонъ свободной бесѣды, по части которой она была такая мастерица; но дѣвушка была слишкомъ наивна, слишкомъ глупа! Она не понимала никакихъ намековъ, была глуха ко всякимъ даже самымъ остроумнымъ двусмысленностямъ. А говорить постоянно о серьезныхъ вещахъ—вѣдь это наконецъ ужь слишкомъ скучно, даже просто невозможно. Оказалось, что въ этомъ отношеніи запасъ тетки Сары быстро истощился, а наконецъ и совершенно изсякъ, такъ что разговоръ прерывался самыми томительными паузами. Да и чтенье тоже! Тетушка Сара сама читала охотно и довольно много, но вѣдь она любила книги, которыя могутъ нравиться человѣку, знающему свѣтъ, изъ которыхъ онъ, въ случаѣ нужды, даже можетъ научиться чему нибудь. Тетушка Сара находила, что для этой цѣли особенно пригодны французскіе романы, преимущественно романы послѣдней половины прошлаго столѣтія. Сколько въ нихъ въ самомъ дѣлѣ остроумія, изящества, самаго тонкаго знанія общественныхъ отношеній, сколько въ нихъ пикантной прелести, щекотавшей самымъ пріятнымъ образомъ утомленные нервы. И вдругъ она имѣла неосторожность заявить себя въ первые дни страстной поклонницей нѣмецкихъ классиковъ, преимущественно Гете и выказать радость, что ей удастся пробѣжать съ человѣкомъ одинаковаго съ нею образа мыслей тѣ изъ произведеній великаго писателя, которыя ей рѣже приходилось читать—напримѣръ вторую часть Фауста или Wonderjahre! О, эти Wonderjahre! Тетушка Сара чуть не сошла съ ума отъ этихъ Wonderjahre, а

между тѣмъ трудно было найти голосъ болѣе мелодичный, чѣмъ голосъ чтицы. Тетушка Сара принимала предосторожность: она старалась какъ можно глубже прилечь въ кушеткѣ, чтобы Сильвія не могла видѣть ея лица, еслибы она подняла глаза отъ книги; она чувствовала, что была не въ состояніи тотчасъ же перемѣнить злобное выраженіе лица на необходимую и оффиціальную улыбку.

Но это было еще не все. Въ угоду этой упрямой дѣвушки тетушка Сара была принуждена почти совершенно отказаться отъ своего обыкновеннаго общества; она даже жила въ постоянномъ страхѣ, что̀ если ей придется принимать въ присутствіи Сильвіи такую-то даму или такого-то господина? Какъ Сильвія ни была вѣжлива, однако можно было видѣть очень ясно,—да Сильвія даже и не скрывала этого, когда ее распрашивали,—что эти дамы и мужчины ни мало не привлекали ее, что ей надоѣдали разговоры почти постоянно вертѣвшіеся вокругъ неизвѣстныхъ ей предметовъ, придворныхъ круговъ и лицъ, что она даже презирала ихъ. Къ счастью, теперь большая часть знакомыхъ тетушки Сары разъѣхались; пріѣзжали къ ней только очень немногіе, такъ что съ этой стороны она могла быть спокойна.

И все-таки еще многое серьезно заботило тетку Сару. Въ мрачные часы первнаго раздраженія, когда мигрень особенно мучила ее, она постоянно страшилась того, что или какая нибудь измѣна кастелляна Линперта или какая нибудь несчастная случайность обнаружатъ ея прежнюю связь съ генераломъ. Теперь, благодаря недавнему появленію Фердинанда, эта возможность значительно приблизилась и стала грозить бѣдой. Она содрогалась при мысли, что Фердинанду могло придти желаніе повторить свое посѣщеніе; а на что только не рѣшится этотъ молодой человѣкъ, который, по видимому, такъ ловокъ и такъ пренебрегаетъ всякими посторонними соображеніями! Мало помалу она допыталась, что побудило Фердинанда рѣшиться на это посѣщеніе, и это открытіе было опять таки чрезвычайно волнующаго свойства. Фердинандъ ненавидѣлъ Лео и имѣлъ на то уважительныя причины; тетушка Сара всего меньше сомнѣвалась въ томъ, что онъ проникнутъ желаніемъ отомстить Лео

и что у него хватитъ силы воли исполнить свое желаніе. Было очевидно, что онъ старался возстановить Сильвію противъ Лео, а это опять давало очень ясное понятіе о положеніи дѣлъ и о характерѣ отношеній. Не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ зорко будетъ слѣдить за Сильвіей, а стало быть и за нею,—и при этой мысли лицо тетки Сары искажалось и принимало такое выраженіе, которое едва ли можно было назвать человѣческимъ.

Не лучше ли было бы, если бы она убила этого ребенка тотчасъ послѣ рожденія, тогда бы онъ не былъ постояннымъ источникомъ ея мученій! И что помѣшало ей убить его? Одна только плаксивая сентиментальность генерала, который убѣдилъ ее, что будетъ чрезвычайно легко подставить ребенка вмѣсто только что умершаго сына г-жи Линнертъ, который былъ всего нѣсколькими днями старше. Конечно, это было легко! Всегда вѣдь бываетъ легко сдѣлать глупость, но очень трудно мучиться въ теченіи всей жизни отъ послѣдствій этой глупости!

Тетушка Сара не была скупа. Она была въ состояніи раздавать деньги полными горстями, когда это было необходимо,—а въ данномъ случаѣ необходимость была, повидимому, самая настоятельная. Она предоставила въ распоряженіе генерала относительно очень значительную сумму денегъ для того, чтобы дать Фердинанду возможность попытать счастія въ Америкѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ какъ можно дальше отъ нея; но странное дѣло: Фердинандъ и слушать не хотѣлъ этого предложенія. Онъ объявилъ, что чрезвычайно цѣнитъ заботливость и доброту генерала, но что предпочитаетъ столицу всякому другому мѣсту. Было ли это одно только простое упрямство или же за этимъ скрывалось что нибудь болѣе серьезное? Тетушка Сара очень боялась послѣдняго.

Что же было дѣлать? Тетушка Сара ломала голову и пускала въ ходъ всю свою сообразительность. Раза два она даже ставила себѣ вопросъ: не лучше ли будетъ признать Фердинанда? Конечно, при этомъ необходимо будетъ оставить немедленно дворъ, потому что такой скандалъ, какъ необходимость признать въ ея года проступокъ юности, непремѣнно закроетъ передъ нею двери замка. Но дѣло было вотъ въ чемъ: она слиш-

комъ привыкла къ этой жизни и хоть ей удалось скопить небольшое состояніе въ семьдесятъ или восемьдесятъ тысячъ талеровъ, однако все-таки она никогда не могла бы доставить себѣ и половины удобствъ и удовольствій, которыя выпадали ей на долю безъ малѣйшаго труда, благодаря милостивому расположенію короля. Стало быть оставалось только одно: продолжать ненавидѣть Фердинанда, какъ она ненавидѣла его до сихъ поръ; — и въ концѣ концовъ тетушка Сара избрала именно этотъ исходъ.

А между тѣмъ генералъ не возвратилъ ей той очень значительной суммы, которую она ему передала. Генералу почти постоянно нужны были деньги. Въ послѣднее время кастеллянъ Липпертъ приходилъ къ нему не разъ подъ извѣстнымъ предлогомъ и, въ силу стараго условія, они вмѣстѣ выплачивали эту дань—генералъ и она. Вдругъ, по желанію короля, генералу пришлось совершенно неожиданно и поспѣшно собраться въ путь, и ему опять понадобились деньги. Въ это же время Сара узнала объ обрученіи Лео и Жозефы. Вполнѣ убѣжденный, что онъ совершенно самостоятельно способствовалъ этому дѣлу, генералъ особенно напиралъ на то, что союзъ этотъ дѣло короля, что оно состоялось до нѣкоторой степени по его приказанію, и онъ чрезвычайно обрадовался, когда Сара изъявила свое позднее согласіе съ совершенно необычайною готовностью. Дѣйствительно, это дѣло было ей очень на руку. Король постоянно допытывался отъ нея, любитъ ли Сильвія своего двоюроднаго брата; она постоянно старалась успокоить его величество относительно этого вопроса,—теперь же затрудненіе вдругъ разрѣшалось. Такая добродѣтельная дѣвушка, какъ Сильвія, могла съ этой минуты считать Лео только своимъ другомъ, стало быть король могъ опять надѣяться. Надѣяться? На лицѣ Сары заиграла самая злобная изъ ея улыбокъ. Боже мой! Вѣдь это все не болѣе, какъ невинная игра! Неужели же я подвергну ребенка моего брата какой нибудь серьезной опасности?

— Не правда ли, ваше превосходительство, вѣдь мы можемъ поручиться другъ другу, что никому не придется плохо отъ нашихъ продѣлокъ?

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе Сары, генералъ тоже изобразилъ

улыбку на своемъ старомъ, морщинистомъ лицѣ и произнесъ задумчиво:—Я только желалъ бы, чтобы молодая дѣвушка не перепутала всѣ наши соображенія и не приняла слишкомъ близко къ сердцу потерю своего двоюроднаго брата. Вѣдь ясно, что она его любитъ — это несомнѣнно, и мнѣ кажется, что она принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые серьезно относятся ко всему,—это чрезвычайно неудобно.

И въ самомъ дѣлѣ она принимала все слишкомъ серьезно, что и оказалось неудобнымъ! Эта неудобная серьезность чуть не привела тетку Сару въ отчаяніе! Тетка Сара внимательно слѣдила за нею: съ самого отъѣзда короля и Лео Сильвія ни разу не смѣялась, даже ни разу не улыбнулась. Предчувствовала ли она, что Лео пропалъ для нея? Знала ли она это? Не сказалъ ли ей Лео самъ или король въ тотъ вечеръ, когда ее тетушку, такъ безцеремонно выслали изъ комнаты? Да впрочемъ дѣло должно было разъясниться въ скоромъ времени; генералъ писалъ ей съ водъ, что на дняхъ появится публичное объявленіе о свадьбѣ. Пусть эта гордая дѣвушка, которая была для нея тяжелой обузой и которую однако она все-таки должна была ласкать, погруститъ вволю, — потому что извѣстіе это, безъ всякаго сомнѣнія, нанесетъ ей страшный ударъ,—съ этимъ она отъ всей души соглашалась. Но, быть можетъ, увѣренность, что ею пренебрегли, нѣсколько сломитъ ея гордость? Когда благороднымъ натурамъ не посчастливится въ любви, онѣ становятся болѣе воспріимчивыми къ прелестямъ дружбы. А вѣдь у Сильвіи благородная натура; въ послѣднее время и король вдался въ великодушіе; стало быть обоимъ благороднымъ существамъ будетъ тѣмъ легче сойтись!

Такимъ-то образомъ Сара обдумывала все заранѣе, упуская изъ виду только одно:—возможность, что Сильвія снова оставитъ ее когда нибудь и вернется къ отцу.

А между тѣмъ самымъ сильнымъ чувствомъ Сильвіи было стремленіе вернуться къ отцу, желаніе обнять его колѣни и потомъ умереть, если возможно—это была единственная цѣль, для которой Сильвія еще жила. Она думала объ этомъ, просыпаясь послѣ короткаго, безпокойнаго сна, прерываемаго дикими сновидѣніями, думала объ этомъ открывая глаза и глядя на золотыя

полосы, которыми заботливое солнце пестрило ея комнату, пробиваясь сквозь скважины между гардинами; она думала объ этомъ до тѣхъ поръ, пока начинала чувствовать, что эта единственная, преобладающая мысль почти сводитъ ее съ ума. Путешественнику, окончательно выбившемуся изъ силъ и съ трудомъ подвигающемуся впередъ по пыльной, лишенной всякой тѣни, дорогѣ, постоянно чудится журчанье ручьевъ и плескъ озеръ; тоже самое было и съ Сильвіей: когда она смыкала глаза отъ солнечнаго зноя, проникавшаго въ ея комнату со всѣхъ сторонъ, она видѣла передъ собою прохладную тѣнь своего роднаго лѣса, ей постоянно слышался плескъ, говоръ и гнѣвный ропотъ роднаго потока, скатывавшагося къ бассейну по длинной скалистой лѣстницѣ и лившагося здѣсь серебряною струйкой по гладкому уступу, между тѣмъ какъ внизу онъ пѣнился и бурлилъ, злобно кипѣлъ и бился о скалу, чтобы потомъ опять чистою и свѣтлою струей пробиваться сквозь разсѣлину; и текъ онъ такъ неутомимо, такъ неудержимо, и его цѣломудренное вѣяніе было такъ свѣжо, прохладно, такъ укрѣпляло!

Странно! Давно забытыя картины прошлаго то и дѣло всплывали въ ея душѣ, то и дѣло ей рисовались сцены изъ ея ранняго дѣтства; вотъ она идетъ рано утромъ по лѣсу, отецъ ведетъ ее за руку, а она ловитъ пестрыя тѣни, прыгающія передъ нею на коврѣ зеленаго моха; вотъ отецъ только-что вернулся вечеромъ съ поѣздки по дѣламъ, а она стоитъ на крышѣ собачьей конуры и кричитъ: вотъ Сильвія я папа!—вотъ отецъ подходитъ къ ней, беретъ ее на руки и цѣлуетъ! И все-то видится ей серьезное, смуглое лицо отца, смотрящаго на нее во всѣхъ этихъ сценахъ своими добрыми, кроткими голубыми глазами, и во всѣхъ этихъ сценахъ ей рисуется его фигура; а надъ этимъ милымъ образомъ, надъ ребенкомъ, играющимъ у его ногъ, шумятъ и колышатся вѣтви деревьевъ тухгеймскаго лѣса, а издали тихо и привѣтливо глядятъ тухгеймскія горы, залитыя краснымъ лучами заката. О, еслибъ снова сдѣлаться ребенкомъ, его ребенкомъ!

Что бы онъ сказалъ, если бы она вдругъ вышла изъ лѣсу! Ни слова бы онъ не вымолвилъ, а прижалъ бы ее къ сердцу и долго, долго продержалъ бы ее въ объятіяхъ, пока первое, гне-

тущее страданіе не выплакалось бы въ слезахъ. Теперь она не могла плакать. Глаза ея были сухи и въ нихъ замерло одно неизмѣнное выраженіе, а между глазами она чувствовала такую боль, точно на это мѣсто приложили горячую печать; но это все происходило отъ того, что мысль постоянно, неизмѣнно вертѣлась вокругъ одного пункта.

Зачѣмъ я еще здѣсь? Этотъ вопросъ Сильвія задавала себѣ каждый день. Что же однако еще удерживало ее? Прежде она такъ опредѣленно могла отвѣчать на этотъ вопросъ, теперь она уже не знала этого такъ твердо. Ей казалось, что все это происходитъ во снѣ, что поэтому она не въ состояніи отличить одну причину отъ другой, не въ состояніи сказать, какая причина настоящая, какая ложная или неодинаково ли ложны онѣ обѣ; казалось ей, будто стоитъ только проснуться на минутку— тогда она тотчасъ же все поймете, все ей разъяснится, — а проснуться ей не удавалось, не смотря на всѣ ея усилія.

— Я не люблю тебя!

Ея собственный голосъ то и дѣло твердилъ эти слова! Но какъ же она сама можетъ говорить это, когда это неправда? Когда она все-таки любитъ его со всѣмъ жаромъ своей души, со всею пожирающею страстностью своей натуры! Какое же загадочное, призрачное существо говоритъ ея голосомъ?—говоритъ ея голосомъ такія вещи, до которыхъ ей нѣтъ ни малѣйшаго дѣла, потому что душа ея была чужда всему этому. Тетушка и старыя дамы, посѣщавшія ее, подчасъ такъ странно посматривали на нее, какъ будто недоумѣвали, не имѣютъ ли онѣ дѣло съ призракомъ, и что онъ призрачнымъ голосомъ произноситъ вещи, которыхъ совершенно не сознаетъ въ глубинѣ души.

Да ужь не разлюбила ли она его и въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь было бы слишкомъ странно, еслибъ голосъ съ такимъ упорствомъ произносилъ все одно и то же слово, незаключающее въ себѣ ни малѣйшей доли правды. Но, быть можетъ, голосъ только выражался неправильно и хотѣлъ сказать: Я *больше* не люблю тебя! Да, да, вотъ это правда! Она не могла любить, она никогда не любила человѣка, который рѣшится назвать своею женою Жозефу только потому, что этого требовала его

политическая комбинація, который, не сморгнувъ глазомъ, могъ публично стать на сторону воззрѣній, ненавистныхъ ему въ глубинѣ души, который искалъ ручательства за успѣхъ своего дѣла не въ святости этого самого дѣла, а брался за каждое средство, лишь бы только придти къ желанной цѣли, не задумываясь надъ тѣмъ, что эти неблаговидныя средства падали пятномъ и на самую цѣль,— да, такого человѣка она дѣйствительно не могла любить! Любила она того юношу съ гордымъ лицомъ и гордою рѣчью, того пророка, который явился передъ нею, когда они снова свидѣлись послѣ ихъ долгой разлуки. А еще больше, еще гораздо больше любила она того угрюмаго мальчика, который училъ ее латинскому языку въ маленькой комнаткѣ тухгеймской лѣсной сторожки и стоялъ рядомъ съ нею въ тухгеймской церкви, когда раздавались звуки органа и пылинки кружились въ косыхъ полосахъ солнечнаго свѣта, падавшаго сквозь узкія, высокія окна! Да, теперь она была вполнѣ увѣрена въ этомъ,—она любила его!

Но не сдержалъ ли мужчина того, что обѣщалъ мальчикъ? Развѣ мальчикъ выдавалъ себя когда за что нибудь иное, какъ за орудіе идеи, овладѣвшей имъ? Развѣ у него была когда нибудь воля, не подчинявшаяся этой идеѣ? Развѣ онъ желалъ когда чего нибудь кромѣ осуществленія этой идеи? И вотъ чего онъ добивался, вотъ къ чему онъ стремился? Стало быть вся его жизнь была однимъ огромнымъ заблужденіемъ, а ея жизнь — пустою мечтою, лишенною всякаго содержанія! Ужь не съ ума ли она сошла, не сходитъ ли она съ ума? Или ужь она давно помѣшалась?

Нѣтъ, она въ полномъ умѣ. Вѣдь она прекрасно понимаетъ, знаетъ, что не любитъ его больше, но что все-таки не можетъ вернуться къ отцу, пока не вернется тотъ, кого она прежде любила, пока не вернется король, пока она не скажетъ ему, что ей хочется, что ей нужно вернуться къ отцу. Король—человѣкъ съ сердцемъ, онъ пойметъ это. Онъ не станетъ сердиться на нее, не выместитъ ни на комъ ея отъѣзда. Она чувствовала, что нравственно обязана поступить такимъ образомъ. Чувствуя себя и безъ того уже слишкомъ виновною, она не могла уѣхать отсюда съ новою виною на совѣсти. Да и вре-

мени осталось вовсе не такъ много; голова ея еще выдержитъ, а сердце — чтожь объ немъ говорить? оно вѣдь замерло въ ея груди!

Впрочемъ не совсѣмъ замерло; оно какъ-то странно встрепенулось, когда однажды ей пришлось прочитать, что Вальтеръ уже нѣсколько недѣль въ тюрьмѣ; это было совершенно случайно, потому что у нея уже давно не хватало духу читать газеты, а тетка перехватила письмо, въ которомъ Шарлотта сообщала ей это извѣстіе; такая же участь постигла и многія другія письма, написанныя тѣмъ же почеркомъ. Реакціонная газета сообщала объ этомъ случаѣ только для того, чтобы прибавить къ нему нѣсколько враждебныхъ замѣчаній о газетѣ Вальтера, которая, вѣроятно, вслѣдствіе отсутствія своего отвѣтственнаго редактора, стѣснялась еще менѣе и разражалась беззастѣнчивыми выходками противъ всего святого.

Боже мой! Ея братъ въ тюрьмѣ! Ея единственный братъ, съ которымъ она играла въ годы своего дѣтства, мечтала въ годы дѣвичества, который такъ любилъ ее! И она этого не знала! Она ничего не знала о его газетѣ! Неужели близкіе ей люди окончательно забыли, оттолкнули ее? Но какое же право она имѣла жаловаться! Она!

Какъ только свечерѣло, Сильвія взяла шляпу и вуаль, вышла и купила букетъ розъ. Потомъ, распрашивая дорогу, дошла до городской тюрьмы, добралась до воротъ съ рѣшеткой, которыя отрѣзывали ея брата отъ свободы. Взволнованный голосъ, которымъ дама спросила изъ, подъ вуаля-можетъ ли сторожъ передать букетъ Вальтеру Гутману, подѣйствовалъ на него гораздо сильнѣе, чѣмъ золотая монета, попавшая въ его грубую руку сквозь рѣшетку. Онъ сказалъ, что можетъ доставить ей свиданіе съ заключеннымъ, что къ нему часто приходятъ дамы. Но дама не захотѣла этого. Она только спросила, можно ли ей придти опять и принести заключенному цвѣтовъ.

И съ этого дня, къ немалому удивленію и безпокойству тетки Сары, Сильвія каждый вечеръ выходила изъ дому, покупала цвѣты, относила ихъ къ рѣшеткѣ тюрьмы и потомъ возвращалась назадъ въ замокъ по жаркимъ, душнымъ улицамъ.

А въ замкѣ все вдругъ снова оживилось. У оконъ подняли

сторы и свѣжій воздухъ ворвался въ высокія, пустыя комнаты. Роскошную мебель стали выколачивать, съ канделябръ и подсвѣчниковъ стали снимать кисейныя чехлы. Получилось извѣстіе, что, такъ какъ перспектива войны становилась все болѣе и болѣе грозною, король черезъ нѣсколько дней вернется въ свою резиденцію, прервавши свое путешествіе къ Гесперидамъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

У ГРОБА.

(Съ итальянскаго, изъ Nicolini.)

—

Грустно, малютка? Не даромъ
Вѣщее сердце болитъ:
Это вѣдь труженикъ мысли,
Правды поборникъ лежитъ....

Молнія думы сверкала
Въ этихъ закрытыхъ глазахъ;
Праведный громъ раздавался
Въ сомкнутыхъ крѣпко устахъ....

Съ этимъ покойникомъ, рано
Жизни покинувшимъ пиръ,
Мы не одни сиротѣемъ:
Съ нимъ сиротѣетъ весь міръ....

Еслибъ подобной не стало
Въ мірѣ души ни одной,
Жить бы не стоило больше
Въ этой пустынѣ людской....

Что ты вздрогнула? Боишься?—
Думаешь—ожилъ мертвецъ?
Это ворвавшійся вѣтеръ
Савана тронулъ конецъ....

Нѣтъ, ты не бойся, малютка,
Въ жизни такихъ мертвецовъ:
Каждый ребенокъ сильнѣе
Трупа усопшихъ борцовъ....

Но между нами, живыми,
Сущими въ мірѣ людьми,
Часто встрѣчаются трупы,
Трупы живые, пойми!..

Имъ ненавистно движенье
Мысли и дѣла впередъ,—
Все, что въ сообществѣ съ ними
Заживо здѣсь не гніетъ....

Этихъ-то, заживо мертвыхъ,
Міру ненужныхъ людей,
Больше.... о больше, какъ можно,
Бойся ты въ жизни своей!

Омулевскій.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

Мечта, какъ вино, необходима всѣмъ народамъ, всѣмъ племенамъ; какъ недостатокъ хорошей пищи, возстановляющей силы работника, роковымъ образомъ заставляетъ его прибѣгать къ вину, къ суррогату ея, такъ и недостатокъ здоровой умственной дѣятельности съ одной стороны, или тяжелое психическое состояніе, слѣдствіе личныхъ или общественныхъ условій, съ другой, заставляютъ человѣка уходить изъ реальной жизни въ міръ фантастическихъ грёзъ, міръ тѣмъ болѣе пріятный, что каждый строитъ его по собственному идеалу такъ, какъ ему его хочется имѣть. Человѣку необходимъ отдыхъ отъ всякаго труда, отъ всякаго занятія,—даже отъ бездѣятельности,—нуженъ отдыхъ отъ горя и радости, веселья и грусти, страха и надежды, — ему нуженъ отдыхъ отъ всякаго состоянія, отъ всякаго ощущенія; какъ глазу нужна смѣна тьмы и свѣта, нужно разнообразіе цвѣтовъ, такъ и душѣ человѣка нужна смѣна психическихъ состояній, нужно разнообразіе ощущеній; только больному глазу нужна постоянная темнота, только больной глазъ видитъ два, три цвѣта и не видитъ остальныхъ; точно также только больной умъ довольствуется однимъ психическимъ состояніемъ и не ищетъ разнообразія, только больной умъ останавливается на одной сторонѣ фактовъ, воспринимаетъ впечатлѣніе только одного характера. Фурье поставилъ великій принципъ, указавъ на разнообразіе труда, какъ на единственный стимулъ въ дѣятельности; онъ далъ формулу тому безпокойному состоянію человѣка, которое заставляетъ его прибѣгать къ романтизму и къ мухомору, къ пьянству и къ мечтѣ, къ хашишу и къ экстазу. Разнообразіе—это вся тайна умственной и духовной жизни человѣка; отдыхъ—это

вся суть его душевной гигіены; смѣна ощущеній—это тотъ бѣлый дроздъ, котораго ищутъ добрые люди уже много тысячъ лѣтъ подъ именемъ счастія. И эти-то поиски счастія и создали весь арсеналъ орудій пытки, которыми мучитъ самъ себя человѣкъ, то токсикологическое собраніе, которымъ онъ отравляетъ себя съ такимъ искуствомъ,—отъ Weltschmerzen до абсента, отъ вздоховъ къ лунѣ до дурмана, отъ Ламартиновскихъ стиховъ до водки—распивочно и на вынось;—все то, къ чему прибѣгаетъ человѣкъ, чтобъ уйти въ міръ фантастическихъ радостей отъ реальнаго горя, фантастическихъ наслажденій отъ реальнаго голода, фантастическаго созерцанія и покоя отъ реальнаго мозоленія рукъ и неразгибанія спины, фантастическихъ подвиговъ отъ реальнаго лежанія на боку и кончанія неба.

Этотъ общій законъ потребности разнообразныхъ ощущеній, подтверждается вездѣ, и вездѣ, въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни былъ,—хотя-бъ въ самомъ счастливомъ, какъ говорятъ близорукіе люди,—онъ всегда ищетъ противоположностей, и если не находитъ ихъ въ реальномъ мірѣ, то принимается отыскивать ихъ въ фантастическомъ,—и здѣсь, конечно, всегда съ успѣхомъ. Нетвердые умы скоро поддаются обаянію этой призрачной жизни, призрачныхъ радостей и горестей, и уже не выходятъ изъ нея. Патологическая жизнь манитъ, притягиваетъ ихъ, Лорлея поетъ имъ свои пѣсни,—для нихъ она чешетъ свои золотые волосы,—и несчастный рыбакъ заслушивается этого одурляющаго пѣнія, и не правитъ уже своимъ челномъ,—да и гдѣ ему править тогда,—онъ весь превратился въ слухъ, онъ поглощенъ этимъ болѣзненнымъ наслажденіемъ, à la folle du logis, какъ говоритъ Паскаль, садится къ рулю, и ладья стремглавъ летитъ въ Сциллу, гдѣ погибли Жераръ де-Нерваль и Эдгардъ По, Паскаль и Боделаръ. Конечно, Лорлея для каждаго поетъ особую, спеціально для него назначенную пѣсню,— и рѣдко у кого, кто только услышалъ ея голосъ, вслушался и понялъ ея пѣсню,—рѣдко у кого хватаетъ силы воли, разсудка и характера подражать Улиссу. Одному она поетъ о «дѣвицѣ-душѣ»,—другому о «блаженствѣ небесныхъ духовъ, подъ кущею райскихъ садовъ»; для одного пѣсня ея дышетъ сладострастіемъ и жаждою чувственнаго наслажденія, для другого въ ней слышатся звуки страданія и слезы души, затерянной на землѣ, о небесномъ ея отечествѣ; иногда пѣсня ея полна того нездороваго романтизма, который вздыхаетъ, смотря на луну, и отворачивается отъ «женщины», чтобы искать «дѣву»,—другой разъ она рисуетъ простую картину

хорошей избы, сытой лошади, здороваго семейства, высокихъ скирдъ, какъ въ «Морозѣ, красномъ носѣ»,—и опіумъ или водка, романтизмъ или трескучій морозъ,—все одинаково можетъ убаюкать, все ведетъ одинаково къ физической или нравственной смерти.

Эта реакція нравственной стороны человѣка противъ однообразія реальной жизни кажется близорукимъ людямъ иногда совершенно безсмысленною; «съ жиру бѣсятся», говорятъ они, видя человѣка, уходящаго отъ реальнаго богатства и блестящей, завидной обстановки въ міръ фантастическихъ стремленій и призрачныхъ страданій Въ сущности они, конечно, правы,—это неразумно; также неразумно, какъ и прибѣгать въ бѣдности и несчастіи къ водкѣ, — но мало-ли что дѣлаютъ люди неразумно! Но эти добрые люди неправы, если они думаютъ, что это—одиночно стоящая аномалія; извѣстно, что люди рѣдко умѣютъ прямо взяться за простой, ближайшій, повидимому, способъ, и хотя въ этомъ случаѣ есть несомнѣнно болѣе разумные выходы, но нельзя же нѣсколькихъ дѣлать отвѣтственными за безуміе, общее огромному большинству, чтобъ не сказать всѣмъ. Патологія управляетъ еще міромъ, и ошибочно вноситъ привычки здоровыхъ людей въ госпиталь, ошибочно убѣждать больного, лежащаго въ лихорадочномъ ознобѣ, что въ комнатѣ тепло, и что онъ дѣлаетъ глупость, покрываясь теплымъ одѣяломъ или шубой. Патологія имѣетъ точно также свои законы, какъ и физіологія, которые должно изучать, и отрицать которые невозможно; они даютъ человѣку потребности, удовлетвореніе которыхъ, отравляя его à la longue, поддерживаетъ его минутно, и усиливаетъ затѣмъ самую потребность снова, — фактъ, слишкомъ извѣстный, къ сожалѣнію, медикамъ, педагогамъ и моралистамъ. Опіумъ, гашишъ, дурманъ, мухоморъ, средневѣковыя наркотическія мази, абсентъ, водка, романтизмъ, неясныя, неопредѣленныя стремленія въ голубую даль, фантастическія страданія и патологическія горести, слезы, отирать которыя долженъ не Фенелонъ, а Эскироль, — все это не капризы, не пустяки, не аномаліи, — пока это еще общій законъ, тяготѣющій надъ огромнымъ большинствомъ, вытекающій изъ самыхъ основныхъ свойствъ человѣческаго духа, и потому достойный не презрѣнія моралиста, а полнаго вниманія мыслителя.

Ни одинъ народъ, ни одна эпоха не избѣжали этого печальнаго удѣла человѣчества. Нирвана буддистовъ и смерть стоиковъ императорскаго Рима — вотъ самые крайніе результаты, вотъ до чего доходятъ на этомъ пути люди добросовѣстные и смѣлые, неиграющіе передъ собой комедіи и недрапирующіеся своими фантазіями,—

и отъ нихъ идетъ эта красная нить черезъ всю исторію, охватываетъ всю землю, скрываясь въ періоды дѣла и дѣятельности, въ эпохи, когда реальная жизнь была настолько сильна и полна, что могла удовлетворить даже патологическимъ потребностямъ людей, и снова показываясь, когда люди складывали руки. Начало нынѣшняго столѣтія было слишкомъ полно событій, вызывавшихъ и будившихъ всю энергію, всю страсть, чтобъ дать свободу этому направленію; но затѣмъ оно снова является въ байронизмѣ; потомъ, въ то время, какъ Италія давала братьевъ Бандіера и всю блестящую фалангу своихъ героевъ, Германія, въ которой со временемъ, по словамъ Гейне, будутъ находить такъ много окаменѣлыхъ ночныхъ колпаковъ, мы видимъ рядъ «лишнихъ людей», кончающихъ или какъ Бюргеръ, или какъ Освальдъ Штейнъ,—типы этого поколѣнія. Это время прошло, и мы только можемъ по разсказамъ представить себѣ эти блестящія и пустыя кометы, приводившія однихъ въ ужасъ, другихъ въ умиленіе, но которыя при вычисленіи хода міра и земли, принимаются астрономами, людьми знающими, за нуль; только кончикъ хвоста такой кометы, уже тусклый, задѣлъ наше время подъ видомъ комическаго старческаго бреда «Призраковъ» и патологическаго «Довольно».

Но все это было патологіей хорошаго тона и высшаго общества, патологіей обезпеченныхъ, пустыхъ, сухихъ и эгоистическихъ натуръ, неспособныхъ подняться даже въ своемъ фантастическомъ мірѣ, гдѣ онѣ царствовали уже полновластно и безгранично, выше самаго узенькаго, самаго мелкаго представленія, неумѣвшихъ ни придать широкій и грандіозный характеръ своимъ призракамъ, ни даже облечь ихъ въ болѣе благородную форму, и неимѣвшихъ даже добросовѣстности сдѣлать шагъ, чтобъ выйти изъ своего положенія;—это были актерскія натуры, съ увлеченіемъ игравшія комедію передъ другими и передъ самими собою,—герои фразы, дворяне языка, какъ нѣкогда были дворяне шпаги; какъ Фарлафи,—въ рѣчахъ никѣмъ не побѣжденные, но воины скромные на дѣлѣ. Эти «обломки прошедшаго», эти «кости, принадлежащія міру иного солнца и иныхъ деревьевъ», доживше въ небольшомъ числѣ экземпляровъ до настоящаго времени, до сихъ поръ поражаютъ еще насъ подвижностію языка и тою отвратительно-изысканною рѣчью, которую они называли краснорѣчіемъ въ дни своей славы, и которая теперь, въ нашъ ничего не уважающій вѣкъ, называется неприличной болтовнею. Конечно, нельзя судить по этимъ обрюзглымъ, толстымъ и слезливымъ старцамъ о поколѣніи «лишнихъ людей»

30-хъ—40-хъ годовъ, но по дошедшимъ до насъ индивидуумамъ мы можемъ сильно усомниться въ дѣйствительности міровой скорби, заливаемой шампанскимъ и забываемой въ женскомъ обществѣ разгульнаго свойства.

Оцѣнка прошедшаго часто очень трудна, и требуетъ большого чутья и тонкаго психологическаго анализа; знаменитая теорія великихъ людей, выражающихъ собою вѣкъ, служащихъ тономъ современнаго поколѣнія, ведетъ обыкновенно къ самымъ грубымъ промахамъ въ оцѣнкѣ самого поколѣнія и тѣхъ причинъ, которыя создали и воспитали его таковымъ. Современники естественно подражаютъ великимъ или хотя выдающимся людямъ своего времени, и надѣваютъ на себя маску, подъ которой кроется лицо часто совершенно другого характера. Такъ, подъ офиціальной маской міровой скорби, крылись, насколько мы можемъ судить по сохранившимся до нашего времени руинамъ и по литературѣ недавняго времени и мемуарамъ нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, пошлыя и пьяноватыя лица кутилъ и развратниковъ, и теперь еще облизывающихся при воспоминаніи о томъ, какъ грѣшили они 30—40 лѣтъ тому назадъ. Странное дѣло,—зачѣмъ, кажется, имъ было прикидываться? — Такова, видно, уже натура человѣка, что ему непремѣнно надо подражать всѣмъ выдающимся личностямъ, и онъ уже безъ всякой критики, безъ всякаго анализа тянется за великимъ современникомъ, хотя-бъ этотъ современникъ только и сталъ извѣстенъ благодаря своимъ патологическимъ особенностямъ. Какое имъ до этого дѣло!— Да и гдѣ имъ разобрать?—и вотъ они рядятся въ костюмъ, передъ которымъ мы останавливаемся съ изумленіемъ. Э, нѣтъ, отвѣчаютъ они сами, въ своихъ запискахъ, мы просто добрые малые, любимъ выпить и пройтись насчетъ клубнички, а маску эту надѣли только для того, чтобъ и насъ принимали за высшія натуры.

Конечно не этихъ людей имѣлъ я въ виду, говоря о томъ, что человѣкъ ищетъ въ фантастическомъ мірѣ, создаваемомъ его воображеніемъ, дополненія его реальной жизни, призрачнаго удовлетворенія своимъ реальнымъ потребностямъ. Прочтите «La sorciére» Мишле, и вы поймете, что роковая необходимость заставляла людей прибѣгать къ Solanеae; прочтите описанія дѣйствія хашиша, и вы поймете, что человѣкъ, разъ ушедшій въ этотъ міръ отъ реальной жизни, роковымъ образомъ обреченъ на хроническое самоубійство; прочтите записки Руссо, какъ его несчастная страсть отвращала отъ реальной любви, и роковымъ образомъ обрекала на патологическое наслажденіе, разрушавшее его физическій и нрав-

ственный организмъ; точно также и мечта, давая человѣку возможность располагать всѣми благами и наслажденіями міра, отвращаетъ человѣка отъ реальной жизни, кажущейся ему бѣдной и тусклой сравнительно съ свѣтлымъ міромъ фантазій. и роковымъ образомъ обрекаетъ его на умственный онанизмъ, столь же вредный, какъ и физическій.

Фантастическій міръ, создаваемый воображеніемъ, составляетъ послѣднее утѣшеніе, послѣдній отдыхъ, послѣднее убѣжище,—ultimum refugium,—человѣка отъ реальной жизни, отъ ея несчастій, лишеній, горестей,—а иногда и радостей. Каждый, кому только случалось пересматривать литературу галлюцинацій, не могъ не замѣтить, какъ законъ противоположности между реальною и фантастическою жизнью неизмѣнно вѣренъ,—и это, конечно, въ особенности бросается въ глаза тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чувственныхъ потребностяхъ,—и вѣроятно всякому случалось испытывать это, хотя бы въ очень слабой степени, и на себѣ. Если лечь спать голоднымъ, можно почти быть увѣреннымъ, что увидишь во снѣ хорошій обѣдъ; другія чувственныя потребности даютъ поводъ къ неменѣе яснымъ и характеристическимъ сновидѣніямъ. Эта легкая мечта, дальше которой рѣдко случается идти въ обыкновенной жизни, переходитъ въ исключительныхъ случаяхъ въ самыя живыя патологическія представленія. Утомленные и изнуренные жаждой караваны въ степяхъ видятъ воду, и этотъ миражъ, можно сказать, специфиченъ для чувства жажды; кто не читалъ о томъ, что перечувствовали несчастные моряки и путешественники на «Медузѣ»? Описаніе ихъ видѣній, какъ они, голодные, видѣли фруктовые сады, города, гдѣ на улицахъ продаютъ съѣстные припасы и т. п. сдѣлалось классическимъ примѣромъ галлюцинацій отъ продолжительнаго неудовлетворенія физической потребности; прочтите описаніе болѣзни одного аббата вслѣдствіе чрезмѣрнаго воздержанія, приведенное у Бюффона; прочтите у Моро-де-Туръ въ его книгѣ: «Болѣзненная психологія,» (Psychologie morbide) подобное же, но еще болѣе характеристичное описаніе бреда и галлюцинацій одной дѣвушки,—и вы поймете къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ неудовлетвореніе законныхъ требованій организма,—и вмѣстѣ съ тѣмъ вы увидите, что умственная жизнь человѣка—вовсе не такая запечатанная семью печатями книга; увидите, что мы имѣемъ уже нѣкоторые методы изслѣдованія, и что когда нибудь мы сорвемъ маску и съ этого таинственнаго процесса, отгадаемъ загадку и этого сфинкса.

Но если вы хотите видѣть реакцію воображенія противъ реаль-

ной жизни въ еще болѣе рѣзкой, въ грандіозно—уродливой, извращенной лишеніями формѣ прочтите описаніе процессовъ вѣдьмъ, прочтите въ особенности календарь вѣдьмъ и росписаніе ихъ недѣли! Состояніе народа было въ XIII—XIV вѣкахъ таково, что рожденіе ребенка въ семьѣ считалось несчастіемъ, и бѣдные прибѣгали тогда уже, пятью столѣтіями раньше совѣта Мальтуса, къ самымъ разнообразнымъ способамъ, чтобы предупредить чрезмѣрное размноженіе населенія. Мишле, съ свойственнымъ ему пристрастіемъ ко всему клубничному, очень образно описываетъ это время, этихъ людей, ихъ обычаи и ощущенія; я не пойду за нимъ по этому скользкому пути. Полагаю, понятно всякому, что тамъ, гдѣ народъ доведенъ до противоестественныхъ, чудовищныхъ крайностей, потребность была доведена неудовлетвореніемъ до nec plus ultra напряженности,—и психическій результатъ этого состоянія можно видѣть въ любомъ описаніи шабаша вѣдьмъ. Наркотизированные белладонной и другими раздражающими средствами, мужчины и женщины переносились въ міръ, полный—можно сказать пропитанный—чувственностью въ самыхъ невозможныхъ, въ самыхъ чудовищныхъ формахъ,—и о которомъ Вальпургіева ночь Гете, со всѣми разговорами и любезностями Мефистотеля и Фауста съ вѣдьмами, не можетъ дать даже самаго отдаленнаго, самаго слабаго понятія. Это были такія картины, передъ которыми останавливается воображеніе современнаго человѣка; мы даже самымъ отдаленнымъ, самымъ тусклымъ образомъ не можемъ *представить* себѣ того, что тогда *чувствовали* подъ вліяніемъ доведенной до крайняго предѣла потребности, и нѣкоторыя описанія не вызываютъ въ насъ уже ровно никакого представленія, какъ не вызываютъ никакого представленія цифры октильоновъ и децильоновъ,—до того эти ощущенія лежатъ внѣ сферы доступныхъ нашему воображенію представленій.

Шагъ дальше,—и мы переходимъ къ мечтѣ, возбуждаемой уже не непосредственно физическими потребностями, а лишеніями, нѣсколько другого характера, менѣе матеріальнаго, по крайней мѣрѣ прямо; прекраснымъ примѣромъ можетъ послужить здѣсь «Морозъ, красный носъ» Некрасова. Какъ фикція, вѣроятно очень близкая въ дѣйствительности,—можетъ быть нѣсколько односторонняя,—но это стихотвореніе и не есть этюдъ физіологической психологіи; принимаясь писать его, авторъ поставилъ себѣ задачею никакъ не образное представленіе психологическаго закона.—Но мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за преобразованіями и измѣненіями мечты; это былъ бы очень интересный этюдъ, но я не думаю, чтобы мы

имѣли достаточно матеріала для него. Сверхъ того, если канва мечты очень однообразна, то узоры, вышиваемые по ней воображеніемъ, безконечно разнообразны, и, какъ сновидѣнія, обусловливаются множествомъ обстоятельствъ,—индивидуальностью человѣка, особенностями его матеріальнаго, общественнаго и психологическаго состоянія, часто случайностями; въ сущности темы мечты людей, какъ и темы мысли человѣка, чрезвычайно малочисленны, и репертуаръ ихъ очень бѣденъ; мечта въ этомъ случаѣ даже бѣднѣе мысли, и огромное большинство людей довольствуется очень умѣреннымъ и однообразнымъ выборомъ, и только на долю людей выдающихся, называемыхъ иногда даже геніальными, достается счастіе создать новую тему, которая тотчасъ же и становится общимъ достояніемъ, какъ и всякое другое умственное пріобрѣтеніе. Конечно, каждый дѣлаетъ какое нибудь измѣненіе, сообразно своей личности, своимъ обстоятельствамъ, своему развитію, и т. д., но и эти измѣненія, большею частью незначительны, и во всякомъ случаѣ, не смотря на легкія варіяціи и фіоритуры, мотивъ, мелодія остаются тѣже, и потому, конечно, каждый, придумавшій новую тему, имѣетъ, наравнѣ со всякимъ другимъ изобрѣтателемъ, право на благодарность потомства. Въ древности мало думали объ этомъ предметѣ, иначе премія, предложенная Ксерксомъ за новое наслажденіе и, сколько извѣстно, никому не выданная, точно брезновская холерная, навѣрное была бы получена изобрѣтателемъ какой нибудь новой темы для мечты; впрочемъ и теперь люди мало цѣнятъ этого рода заслуги: Дженеру уже есть памятникъ, скоро поставятъ Леннеку можетъ быть, со временемъ поставятъ и Аугенбруггеру, даже Вильо заслужилъ себѣ монументъ,—а между тѣмъ никому не приходитъ въ голову поставить памятникъ изобрѣтателю любовно-платоническаго мечтанія провансальскихъ трубадуровъ, разросшагося въ новѣйшій романтизмъ. Надо надѣяться, что люди поймутъ наконецъ, что человѣкъ давшій міру новую идею, новое чувство, тоже заслуживаетъ статуи, такъ какъ онъ обогатилъ такимъ образомъ умственную жизнь человѣчества и, слѣдовательно, сдѣлалъ великое дѣло. Впрочемъ на несчастіе такихъ благодѣтелей человѣчества, можетъ случиться, что люди, поняв это, поймутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что мечтать, — не желать, — тоже что плевать въ воду, и смотрѣть на образующіеся при этомъ круги,—т. е. праздное и пустое занятіе, какъ говоритъ Кузьма Прутковъ въ своихъ, исполненыхъ глубокой философіи, афоризмахъ.

Люди уходятъ въ міръ мечты, въ фантастистическій міръ, самими

ими созданный, чтобъ отдохнуть въ немъ отъ реальнаго и потому создаютъ его противоположнымъ своей реальной обстановкѣ, своимъ реальнымъ условіямъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ этотъ фантастическій міръ свѣтелъ и ясенъ, потому что дѣйствительность мрачна, и потому что людей, которымъ нужно было бы отдыхать отъ реальной жизни въ мрачномъ и тяжеломъ фантастическомъ мірѣ, къ сожалѣнію крайне мало,—но было бы очень ошибочно думать, что здѣсь законъ противоположности не оправдывается. Человѣческому уму до такой степени необходимо разнообразіе впечатлѣній, смѣна противоположныхъ ощущеній, что если дѣйствительная жизнь не представляетъ ему ничего мрачнаго и тяжелаго, то онъ неизбѣжно долженъ будетъ создавать себѣ горькое несчастіе самъ. Одинъ создастъ себѣ стремленіе «dahin», въ неопредѣленную даль, и будетъ куда-то рваться, жаловаться, что міръ не понимаетъ его, и т. д.; другой будетъ вѣчно подозрѣвать окружающихъ въ нелюбви, въ притворствѣ; третій будетъ бояться за будущее, которому ничто не грозитъ; и всѣ анекдоты, въ которыхъ богатый и совершенно счастливый англичанинъ рѣшается застрѣлиться именно вслѣдствіе этого счастія, конечно утрированные въ формѣ, въ сущности основаны на дурно понятомъ, можетъ быть, но совершенно вѣрно подмѣченномъ фактѣ. Точно также и знаменитое изрѣченіе Соломона, что все есть суета суетъ и всяческая суета было вовсе не мизантропической причудой, а естественной, неизбѣжной мыслью, или, лучше сказать, формулой того психическаго состоянія, въ которое долженъ былъ впасть человѣкъ, имѣющій безграничную власть, огромную славу, колоссальныя богатства, триста женъ и семьсотъ наложницъ, слѣдовательно которому даже сладострастіе, это высшее наслажденіе, какое было только извѣстно древнему міру, должно было надоѣсть хуже горькой рѣдьки; нисколько неудивительно, что онъ впалъ въ хандру, въ спленъ. Есть люди, имѣющіе несчастную способность до того вживаться въ свой фантастическій, призрачный міръ, что онъ для нихъ становится дороже, ближе, чѣмъ реальная жизнь, что впечатлѣнія, получаемыя изъ него, имъ кажутся живѣе, и трогаютъ ихъ болѣе реальныхъ;—уходилъ же Руссо отъ madame de Warrens, чтобы имѣть удовольствіе писать ей;—и ничего нѣтъ страннаго, если ихъ характеръ вполнѣ принимаетъ наконецъ настроеніе не изъ реальной, а фантастической обстановки, какъ въ извѣстномъ романѣ корсаръ, проводившій половину сутокъ въ наркозѣ отъ опіума, переставъ раз-

личать, когда онъ живетъ дѣйствительною, и когда искуственною жизнью подъ вліяніемъ наркотическаго вещества.

Мечта—дѣло по преимуществу, почти исключительно, одиночества, уединенія; люди рѣдко мечтаютъ обществомъ, даже два-три человѣка вмѣстѣ только при особыхъ условіяхъ позволяютъ себѣ мечтать; человѣкъ чувствуетъ инстинктивно, что въ мечтѣ есть что-то распущенное, безпорядочное, почти недостойное разумнаго существа. Но помимо этого чувства есть еще два обстоятельства, непозволяющія людямъ предаваться этому упражненію иначе какъ въ одиночку (les personnes comme il faut s'amusent toutes seules)—это во-первыхъ то, что умъ роковымъ образомъ увлеченъ за предѣлы возможнаго, даже вѣроятнаго,—или можетъ быть было-бы вѣрнѣе сказать, что эти предѣлы расширяются передъ нимъ до безконечности; человѣкъ рѣдко мечтаетъ о возможномъ, о близкомъ,—почти всегда сюда примѣшивается фантастическій, невозможный элементъ, и по мѣрѣ того какъ умъ принимаетъ привычку распускаться въ этомъ направленіи, элементъ этотъ становится все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ дѣлается преобладающимъ; воображеніе строитъ тогда фантастическую обстановку, неимѣющую уже ничего общаго съ дѣйствительностью; оно закусываетъ удила и несетъ человѣка черезъ пни и канавы реальнаго міра въ свѣтлый міръ призраковъ, la folle du logis дѣлается дѣйствительно помѣшанною, и счастливъ тотъ, кому удастся остановиться во время на этомъ пути, — иначе онъ пройдетъ всѣ степени фантазерства, и перейдетъ въ экстазъ.

Къ экстазу люди относятся самымъ различнымъ образомъ; одни—но мнѣ не надо объяснять какъ относятся къ нему эти одни; другіе видятъ въ немъ самое высокое, самое блаженное, самое достойное неземной природы человѣческаго духа состояніе, — прочтите Сведенборга и Мистиковъ; буддисты имѣютъ даже особыя книги, руководства, какъ достигать этого состоянія, но всѣ смутно чувствуютъ, что здѣсь что-то нечисто, и потому никогда не предаются этому дѣлу вдвоемъ, а всегда каждый старается уединиться,—онъ инстинктивно чувствуетъ, что его роль въ этомъ случаѣ незавидна.

Сверхъ того этой потребности уединенія содѣйствуетъ еще и извѣстная способность людей видѣть въ глазу ближняго сучокъ, а въ своемъ не видѣть бревна. Собственныя нелѣпости, абсурды, не поражаютъ человѣка; онъ принимаетъ ихъ какъ что-то почти нормальное, и не останавливается передъ ними, но чужія шокируютъ его; здравый смыслъ уступаетъ въ немъ его собственнымъ

бреднямъ, но онъ все еще слишкомъ силенъ, чтобъ не отступать передъ бреднями другого. Каждый чувствуетъ это, а потому и предпочитаетъ предаваться этому занятію въ одиночку, въ уединеніи, хотя, можетъ быть, въ тоже время не только не стыдится и не скрываетъ своего пристрастія къ этому дѣлу, но часто еще гордится имъ.

Второе обстоятельство, недопускающее мечты съобща, — это то, что самая мечта, по сущности своей, имѣетъ всегда сухой, эгоистическій и себялюбивый характеръ, до такой степени, что одинъ мечтающій мѣшалъ бы только другому. Нашъ народный умъ очень мѣтко схватилъ эту особенность мечты, и выразилъ ее нѣсколько грубо, но чрезвычайно вѣрно въ анекдотѣ о двухъ мужикахъ, шедшихъ поздно вечеромъ съ работы домой. «Еслибы у меня былъ такой большой лугъ, какъ все небо»! сказалъ одинъ.—«Еслибы у меня было столько коровъ, сколько на небѣ звѣздъ! сказалъ другой.—А гдѣ-бъ ты сталъ пасти ихъ?—У тебя на лугу. — Какъ ты смѣешь! и пошла драка.

Дѣйствительно, все исключительно себялюбивое, эгоистическое не можетъ связать людей хотя-бъ временно, хотя-бъ для ихъ собственной личной выгоды или удовольствія; но мечта эгоистична par excellence,—въ ней все вертится на *я*, и только на *я*; если и входятъ въ нее другія личности, то исключительно какъ обстановка этого я, какъ его дополненіе. Понятно, что мечта не можетъ быть иначе какъ только личною, и чтобъ ни было ея предметомъ, богатство ли съ его наслажденіями, власть съ ея капризами, почести съ ихъ мелочностью, самопожертвованіе съ его ненужностью, высокія стремленія съ ихъ безплодіемъ, фантастическія горести и несчастія съ ихъ ложью и нелѣпостью,—вездѣ и всегда *я* не только есть центръ, вокругъ котораго все вертится, но оно наполняетъ ее такъ, что другому лицу, а тѣмъ болѣе другому *я*, нѣтъ болѣе мѣста. Поэтому мечтательность разъединяетъ людей, и никакъ не можетъ связать ихъ; она заставляетъ мечтателя искать уединенія, одиночества,—вообще такого положенія, гдѣ-бъ воображеніе имѣло полный просторъ, и не спотыкалось безпрестанно о дѣйствительность; — этимъ можно объяснить, почему люди мечтаютъ наиболѣе въ сумерки; слабый, неопредѣленный свѣтъ, стушевывая рѣзкіе контуры предметовъ, не поражаетъ глаза, не напоминаетъ о дѣйствительности; совершенный мракъ менѣе сумерекъ располагаетъ къ мечтательству, хотя и болѣе яркаго свѣта; полное отсутствіе раздраженія производитъ на насъ слишкомъ опре-

дѣленное, непріятное, необычное впечатлѣніе, и потому мѣшаетъ свободной работѣ воображенія. Вотъ почему дѣти,—и взрослые,—любятъ слушать разсказы, особенно фантастическіе, преимущественно въ сумерки, или вечеромъ, когда комната освѣщена только огнемъ камина; вотъ почему также преимущественно тьма есть время разсказовъ, сказокъ, veillées и т. д.; вотъ почему фантастическія легенды, гномы, русалки, эльфы, встрѣчаются больше на сѣверѣ, чѣмъ въ южныхъ странахъ. Въ этомъ отношеніи между сказками южныхъ и сѣверныхъ народовъ замѣтна довольно рѣзкая разница; въ фантастическихъ разсказахъ напр. Индіи дѣло идетъ или о давно-прошедшемъ, или о далекомъ будущемъ, и притомъ самыя дѣйствующія лица до того фантастичны, что дѣлаются этимъ самымъ совершенно чуждыми человѣку; напротивъ того, гномы, эльфы, русалки сѣвера чрезвычайно близки къ человѣку и по наружному своему виду, и по своимъ нравственнымъ свойствамъ, — и кромѣ того они живутъ теперь же, въ самый моментъ разсказа, живутъ рядомъ съ человѣкомъ, который рискуетъ такимъ образомъ каждую минуту встрѣтиться съ ними, такъ что въ сущности на сѣверѣ фантастическій элементъ сильнѣе въ жизни, хотя и не имѣетъ такихъ уродливо-колоссальныхъ размѣровъ, какъ на югѣ.

До сихъ поръ мы говорили только о причинѣ, заставляющей человѣка мечтать, о чувствѣ, вслѣдствіе котораго онъ прибѣгаетъ къ фантазерству,—но нѣтъ ли возможности анализировать, изъ какихъ элементовъ складывается мечта? Это было бы тѣмъ болѣе интереснымъ и полезнымъ этюдомъ, что въ мечтѣ мыслительная способность человѣка имѣетъ самое широкое поле, мысль здѣсь беретъ элементы, матеріалы откуда хочетъ, какіе хочетъ, не стѣсняясь ничѣмъ,—ни дѣйствительностью, ни возможностью, ни даже здравымъ смысломъ, создавая сама то, чего ей не дала бы реальность, и потому анализъ фантазерства долженъ дать мѣрило творческой силы человѣческаго ума. Но анализъ этотъ чрезвычайно труденъ, такъ какъ здѣсь важна не сущность, не представляющая сильнаго разнообразія, а формы, которыя видоизмѣняются до безконечности; понятно, что анализировать формы нѣтъ возможности; и здѣсь, слѣдовательно, надо употребить обыкновенный методъ подобныхъ изслѣдованій, т. е. взять самыя рѣзкія, уродливыя формы и анализировать ихъ; затѣмъ сдѣланный изъ нихъ выводъ примѣнить къ болѣе умѣреннымъ, легкимъ формамъ, и если онъ и здѣсь окажется вѣрнымъ, то его можно уже смѣло принимать за законъ, или, по крайней мѣрѣ, за очень общее правило. Но эти крайнія формы надо выби-

рать по возможности чистыми, безъ примѣси другихъ условій, которыя только затемняютъ дѣло, — и въ этомъ отношеніи изученіе дѣйствія различныхъ наркотическихъ веществъ, въ особенности хашиша, было бы особенно поучительно. Къ сожалѣнію, если физическое дѣйствіе ихъ извѣстно до нѣкоторой степени, то психическое почти вовсе неизвѣстно, и всѣ наши свѣденія ограничиваются разсказами людей, большею частью непривыкшихъ отдавать себѣ полнаго и правильнаго отчета въ своемъ психологическомъ состояніи, и Моро де-Гуръ составляетъ едва ли не единственное исключеніе. Книга де-Кенсея, правда, описываетъ это состояніе очень подробно, но есть причина подозрѣвать, что многое—нѣкоторое по крайней мѣрѣ,—въ ней прибавлено для красоты описанія. Но насколько мы можемъ судить о дѣйствіи наркотическихъ веществъ по описаніямъ состоянія, въ которое они погружаютъ принявшаго ихъ, то главнымъ различіемъ между реальнымъ и фантастическимъ міромъ,— абстрактируя, конечно, субъективное ощущеніе какъ простое слѣдствіе физическаго состоянія,—можно считать то обстоятельство, что въ послѣднемъ пропадаютъ, или по крайней мѣрѣ, значительно затемняются и измѣняются представленія о времени и пространствѣ;—всѣ-же остальныя явленія представляютъ только измѣненіе количественное, или только другую комбинацію реальныхъ элементовъ, т. е. элементовъ, которые наркотизированный почерпнулъ изъ дѣйствительности. Прочтите описанія галлюцинацій и слова людей, употреблявшихъ опіумъ,—или, что еще интереснѣе, прочтите акты средневѣковыхъ процессовъ надъ вѣдьмами, прочтите показанія послѣднихъ, которыя скорѣе могли бы скрывать свои видѣнія, но уже никакъ не хвалиться ими. На первый взглядъ эти видѣнія кажутся чѣмъ-то нечеловѣческимъ, неимѣющимъ ничего общаго съ обыкновенными представленіями человѣческаго ума, и съ предметами, встрѣчающимися въ дѣйствительности; но разберите внимательнѣе, и дѣло принимаетъ совершенно другой характеръ; вы удивитесь бѣдности фантазій, бѣдности темъ этихъ видѣній. Демоны являются на шабашахъ въ видѣ животныхъ,—и притомъ самыхъ обыкновенныхъ, козловъ, волковъ, и тогда только, если воображеніе бѣдной вѣдьмы разъиграется, она поставитъ ему на человѣческое туловище козлиную или лошадиную голову; ея, доведенное до изступленія, до уродливыхъ видѣній, воображеніе, разожженное наркотическимъ веществомъ и неудовлетворенной половой потребностью, не можетъ въ самыхъ смѣлыхъ своихъ отношеніяхъ пойти дальше, невстрѣчающихся правда въ дѣйствительности, ком-

бинацій, но эти комбинаціи составлены изъ самыхъ реальныхъ предметовъ, и даже очень смѣлыхъ комбинацій нѣтъ,—всѣ эти, невозможно, повидимому, составленные предметы въ сущности очень близки другъ къ другу, и напр. живыя формы не выходятъ изъ первыхъ трехъ классовъ позвоночныхъ животныхъ; здѣсь, очевидно, воображеніе черпаетъ только изъ ближайшаго міра, и несособно даже къ сопоставленію очень несхожихъ предметовъ, комбинированіе которыхъ уже ближе къ творчеству, а о новыхъ, созданныхъ ими, формахъ нѣтъ и помину. Самыя дѣйствія имѣютъ тотъ же характеръ; въ нихъ комбинированіе несходныхъ, несопоставляемыхъ вмѣстѣ предметовъ очень робко, очень несмѣло, и то, что удивляетъ насъ теперь какъ нѣчто демонически-невозможное, возмутительное, было только утрировкой, преувеличеніемъ того, что случалось тогда каждый день. Если мужчины, не имѣя возможности завестись семействомъ, обращались къ матери-природѣ, прибѣгали къ пастушеской жизни и повторяли Виргиліевы эклоги въ лицахъ,—направленіе, сохранившееся еще и теперь у неиспорченныхъ дѣтей природы,—и не только гдѣ нибудь на Мадагаскарѣ, но и въ просвѣщенной Франціи—прочтите Lallemand, des pestes séminales,—то не надо было большаго усилія воображенія, чтобъ обернуть отношеніе, и представить себѣ Вельзевула въ видѣ козла, — со всѣми послѣдствіями этого превращенія. А, можетъ быть, и этого слабаго усилія не было нужно, и, принимая въ соображеніе небрезгливость бѣдныхъ людей, и ихъ положеніе въ какомъ нибудь XII—XIII вѣкѣ, можно до нѣкоторой степени предположить, что шабашъ былъ, только en grand, публичнымъ повтореніемъ маленькихъ интимныхъ сценъ, совершаемыхъ въ уединеніи. Конечно, когда дѣло идетъ уже до того, что, если не ошибаюсь, по четвергамъ, въ знаменитомъ росписаніи недѣли вѣдьмы,—porcis serpentibus и т. д.,—то трудно отказывать тогдашнимъ женщинамъ въ живомъ воображеніи, но и здѣсь фантазія ихъ оказывается болѣе игривою, нежели творческою. А между тѣмъ эти видѣнія — едва ли не высшая, не самая сильная форма бреда, которую только представляетъ намъ исторія психіатріи: и дѣйствительно, — стоитъ только вспомнить что это были женщины, изнуренныя голодомъ и лишеніями, неудовлетворенныя въ своихъ половыхъ потребностяхъ, жившія цѣлые годы уединенно, далеко отъ человѣческаго жилья, съ нервною системою, страдавшею тяжелою болѣзнью,—мѣстныя анестезіи были у нихъ до того часты, что сдѣлались классическимъ признакомъ вѣдьмъ,—и притомъ еще возбужденныхъ дѣйствіемъ наркотическихъ ве

ществъ,—нельзя не согласиться что мы рѣдко можемъ встрѣтить такое совпаденіе наркотическихъ условій,—и тѣмъ не менѣе творческая сторона этого болѣзненнаго воображенія поражаетъ насъ своею бѣдностью. Не говоря уже о томъ, что исторія и описаніе шабашей не представляетъ намъ ни одного новаго чувства, ни одного новаго ощущенія, — мы не встрѣчаемъ даже новой внѣшней формы, и вся фантазія не выходитъ изъ сферы хлѣва и скотнаго двора. Даже самыя таинства шабаша были только слабымъ измѣненіемъ того, что совершалось и въ дѣйствительности, и различіе было больше количественное, чѣмъ качественное. Воображеніе бѣдныхъ больныхъ рисовало имъ тѣ же сцены, которыя онѣ видѣли, въ которымъ сами участвовали въ дѣйствительности, — но только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, т. е , что вмѣсто одной пары, ихъ были сотни.

Но здѣсь, скажутъ можетъ быть, фантастическій міръ такъ бѣденъ потому, что воображеніе этихъ людей было бѣдно, — и не могло быть иначе, когда вся жизнь ихъ поглощена матеріальными работами, такъ что въ ней не было ни времени, ни мѣста дѣятельности фантазіи. Конечно, это отчасти справедливо, и видѣнія людей болѣе образованныхъ и развитыхъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе привыкшихъ къ умственной дѣятельности, несравненно богаче красками и формами. Здѣсь я, конечно, не говорю о знаменитомъ опытѣ съ хашишемъ, произведенномъ цѣлымъ обществомъ въ присутствіи Бріерръ-де Буамона,—это была совершенно неудачная попытка; барыни, неспособныя въ самомъ смѣломъ усиліи воображенія подняться выше ложи итальянской оперы и своей гостиной, освѣщенной и убранной какъ къ балу,—барыни, у которыхъ потребность дѣятельности даже подъ дѣйствіемъ наркотическаго вещества выражается только танцованіемъ вальса, такія пошлыя деревянныя куклы что могутъ служить развѣ марьонетками,—могутъ, пожалуй, служить для опытовъ, но только никакъ не психологическихъ. Сверхъ того—и это важное обстоятельство,—на разсказы подобныхъ идіотовъ полагаться никакъ нельзя; онѣ не съумѣютъ передать того, что дѣйствительно было, — и навѣрно прибавятъ что нибудь, чего уже никакъ не было, не говоря уже о томъ, что есть цѣлый отдѣлъ физіологіи, о явленіяхъ въ области котораго онѣ навѣрно умолчатъ. Такимъ образомъ этотъ опытъ надо считать совершенно неудачнымъ, не давшимъ намъ ровно ничего, такъ какъ участвовавшіе мужчины не представили ничего замѣчательнаго, — развѣ кромѣ раздвоенія слуховыхъ впеча-

тлѣній, замѣченнаго у одного, — но это явленіе само по себѣ не имѣетъ большой важности въ психологическомъ отношеніи, да притомъ о немъ едва сдѣлано у Брієрръ-де-Буамона вскользь замѣчаніе, и притомъ самое явленіе продолжалось очень недолго.

Несравненно интереснѣе и поучительнѣе въ этомъ отношеніи книга де-Кенсея; здѣсь мы съ поразительной ясностью видимъ это характеристическое, по видимому, для опіума и хашиша измѣненіе представленія времени и пространства,—измѣненіе, о которомъ можетъ имѣть нѣкоторое понятіе тотъ, кому случалось быть въ горячечномъ бреду. Онъ мгновенно переносился изъ одной страны въ другую, изъ одной эпохи въ другую, — отъ обѣда въ Лондонѣ къ древнимъ римскимъ легіонамъ,—и потомъ лежалъ цѣлыя столѣтія въ нильскомъ илѣ, въ глубинѣ пирамидъ, его хоронили въ саркофагѣ, и онъ вѣка лежалъ въ немъ,—однимъ словомъ это полная картина если не уничтоженія, то совершеннаго извращенія двухъ основныхъ понятій, въ которыя, какъ въ рамки, укладываются всѣ представленія человѣческаго ума.

Повидимому, это-то извращеніе и составляетъ въ началѣ употребленія опіума всю прелесть, а впослѣдствіи весь ужасъ этого состоянія. И дѣйствительно, — подобное измѣненіе должно производить очень странное, очень оригинальное впечатлѣніе; понятія времени и пространства, въ извѣстной, правильной формѣ, къ которой мы привыкли, до того слились съ нашею мыслью, что мы никакъ не можемъ освободиться отъ нихъ. Въ состояніи же наркозы представленія эти хотя и не пропадаютъ совершенно, но дѣлаются очень сбивчивы, неопредѣленны и эластичны. Одно мгновеніе растягивается на цѣлые годы, даже столѣтія, или, обратно, часы сокращаются до секунды, и наконецъ уничтожаются совершенно,—это обстоятельство очень важно для физіологіи мысли вообще, замѣтимъ, между прочимъ;—въ концѣ концовъ извѣстная часть времени является человѣку, какъ послѣдовательный рядъ впечатлѣній и ощущеній. Нормальныхъ, истинныхъ чувственныхъ впечатлѣній мы не имѣемъ болѣе 6 — 10 въ секунду, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что субъективныхъ ощущеній и впечатлѣній, т. е. такихъ, которыя возникаютъ въ мозгу и не имѣютъ причины во внѣшнемъ мірѣ, можетъ быть гораздо больше; убѣдиться въ этомъ имѣлъ, вѣроятно, случай каждый на себѣ. Кому не случалось засыпать на мгновеніе напримѣръ въ обществѣ, на лекціи и т. д. и въ это время видѣть большіе очень обстоятельные и подробные сны? Въ этомъ отношеніи восточныя

легенды, разсказывающія о подобныхъ чудесахъ, совершенно справедливы, и вообще замѣчательно, какъ народный умъ вѣрно подмѣчаетъ психологическіе факты, облекая ихъ, конечно, въ образную, но все еще очень ясную форму.

Но странно,—въ наркозѣ никогда почти не случается той двойственности личнаго *я* во времени и въ пространствѣ, которое случается всегда, хотя и не совсѣмъ ясно, во снѣ. Вѣроятно каждому случалось видѣть во снѣ свою собственную смерть, погребеніе и т. д., но этого рода представленіе, сколько мнѣ извѣстно, чрезвычайно рѣдко и еще менѣе ясно въ наркозѣ; въ послѣдней измѣняется, повидимому, не столько самая суть этихъ двухъ основныхъ представленій, сколько относительный размѣръ ихъ, изчезаетъ, можно сказать, способность измѣрять ихъ; такъ напр. въ первой стадіи наркозы человѣку иногда кажется, что самое тѣло его, или какая нибудь часть, обыкновенно голова или нога, принимаютъ колоссальные размѣры: голова раздувается такъ, что паціентъ начинаетъ безпокоиться, помѣстится ли она въ комнатѣ, ноги вытягиваются и уходятъ въ даль, такъ что кажутся нормальной величины не потому, чтобы это дѣйствительно былъ ихъ размѣръ, а вслѣдствіе отдаленія, въ которомъ онѣ находятся—явленіе довольно частое въ горячечномъ бреду. Тоже самое замѣчается, какъ я уже говорилъ, и относительно времени; паціентъ теряетъ способность измѣрять его, сравнивать извѣстные промежутки времени, и это, насколько можно судить, происходитъ не только отъ ослабленія способности сравнивать и обсуждать, но и отъ ненормальнаго обилія мозговыхъ (центральныхъ) ощущеній вообще, отъ неправильнаго распредѣленія ихъ во времени.

Мысль, видѣніе, мечта—все это составляетъ одно цѣлое, состоящее изъ множества отдѣльныхъ представленій, связанныхъ между собою по какому нибудь закону, и такимъ образомъ представляетъ двѣ части—отдѣльныя представленія, какъ элементы, и ихъ взаимную связь. Въ первыхъ мы нигдѣ не видимъ разницы; представленія вездѣ одинаковы, вездѣ почерпнуты изъ внѣшняго міра,- и только оттуда; и никогда, ни одно человѣческое воображеніе не создало ничего; мы не можемъ напр. представить себѣ, т. е. создать себѣ, даже по самымъ живымъ описаніямъ, звука, вкуса, запаха; и какъ курьезный примѣръ можно привести то обстоятельство, что открытіе анилина дало намъ цвѣта, которыхъ прежде и во снѣ не видалъ ни одинъ артистъ, и къ которымъ теперь мы такъ привыкли, что они составляютъ для насъ такія же необходимыя

оттѣнки въ скалѣ цвѣтовъ, какъ и всѣ другіе цвѣта, тогда какъ еще такъ недавно никто и не подозрѣвалъ, что эти цвѣта существуютъ.

Всѣ объективныя впечатлѣнія, входящія элементами во всякое умственное настроеніе, уже потому самому одинаковы, что они объективны, и слѣдовательно почерпнуты изъ того же самаго міра; субъективныя, съ своей стороны, не могутъ быть самостоятельными, они только повтореніе, подраздѣленіе объективныхъ, и отличаются отъ послѣднихъ только своей этіологіей, но никакъ не характеромъ, а для воспринимающаго ихъ субъекта разницы нѣтъ ровно никакой, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ рѣшительно не признаетъ этого этіологическаго различія, и въ обоихъ случаяхъ ищетъ причину впечатлѣнія во внѣшнемъ мірѣ. Такимъ образомъ въ самыхъ представленіяхъ ихъ и не можетъ быть различія (я говорю, конечно, объ основныхъ и простыхъ, такъ какъ сложныя составляютъ выводъ или комбинацію простыхъ); слѣдовательно, различіе должно искать въ связи ихъ между собою, т. е. въ характерѣ этой связи, въ законѣ, по которому она составляется.

Что въ мірѣ, въ природѣ нѣтъ ничего случайнаго, и что слово «случайность» прикрываетъ только наше незнаніе причины—это старая истина, школьная аксіома, сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ, ходячею фразою, которую было бы странно доказывать; но такова сила привычки, что каждый, отрицая случайность въ теоріи, на практикѣ совершенно довольствуется объясненіемъ случайности всякихъ непонятныхъ ему явленій. Мы здѣсь выкинемъ и изъ практики эту случайность, изгнанную уже изъ теоріи, и можемъ смѣло поставить закономъ, что человѣческій умъ, и именно память и воображеніе, вызываютъ весь свой запасъ представленій по извѣстному закону, и если одно представленіе слѣдовало за другимъ въ воображеніи, то между этими представленіями не только есть тѣсная связь, но еще связь, какъ разъ соотвѣтствующая извѣстной сторонѣ ума этого человѣка, или, по крайней мѣрѣ его настроенію въ данный моментъ. Связь эта и составляетъ характеристику ума или настроенія, и своими формами обусловливаетъ различіе такъ называемыхъ складовъ ума, и разныхъ умственныхъ процессовъ между собою, напр. мысли и мечты. Конечно нѣтъ человѣка, нѣтъ, можетъ быть, состоянія, гдѣ представленія, составляющія мысль, были бы связаны между собою по одному закону; обыкновенно отдѣльныя представленія связываются самыми разнообразны-

ми способами, но есть одинъ законъ ихъ комбинацій, примиряющій всѣ эти частности, и характеризующій человѣка и умственный процессъ его мозга.

Законъ связи представленій можетъ исходить или изъ самыхъ представленій, или не отъ нихъ, а извнѣ, — и тогда онъ имѣетъ свое основаніе въ личности человѣка; послѣдній обыкновенно и называется случайностью, такъ какъ его подмѣтить и изслѣдовать всего труднѣе. Сюда входятъ элементами такія обстоятельства, которыя постороннему обыкновенно совершенно неизвѣстны, а иногда и самому субъекту; вслѣдствіе воспоминанія дѣтства случается, богъ знаетъ отчего, два представленія тѣсно связать между собою, такъ что когда логическій ходъ мысли приводитъ къ первому, эта связь заставляетъ перескочить на второе, и такимъ образомъ часто совершенно измѣнить направленіе и предметъ мысли. Но изслѣдовать эту связь, даже постановить общія ея правила нѣтъ возможности,—здѣсь индивидуальныя обстоятельства составляютъ все, о логикѣ не можетъ быть и рѣчи; воспоминанія дѣтства, рѣзкія событія,—всего чаще обстоятельство, очень испугавшее человѣка,—надолго связываютъ въ его умѣ представленія, неимѣющія часто ничего общаго между собою, кромѣ внѣшняго происшествія, связавшаго ихъ въ умѣ субъекта.

Но если представленія связываются между собою и не внѣшнимъ какимъ нибудь обстоятельствомъ, если связь эта исходитъ изъ самыхъ представленій, то и тогда характеръ связи можетъ быть еще очень различенъ, очень характеристиченъ для самой мысли и для мыслящаго лица. Она можетъ обусловливаться или формою представленій, или ихъ существеннымъ значеніемъ; въ первомъ случаѣ представленія связываются между собою самымъ разнообразнымъ способомъ, отъ созвучій, названій до цвѣта, формы предметовъ и сходства разныхъ отдѣльныхъ ихъ свойствъ; во второмъ связь дѣлается строго-логичною, и всѣ внѣшнія и случайныя обстоятельства не входятъ въ нее, не измѣняютъ ее. Но и здѣсь, конечно, связь можетъ измѣниться, смотря потому, что составляетъ общій предметъ мысли, обусловливающій подборъ представленій, или каково настроеніе мыслящаго; иногда человѣкъ подбираетъ представленія одного и того же характера, напр. мрачнаго или розоваго, и въ обоихъ случаяхъ общій ходъ мысли останется правильнымъ и логическимъ. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ огромное вліяніе на настроеніе и складъ ума, и придаютъ ему рѣзко различные характеры, между тѣмъ какъ связь идей и пред-

ставленій по ихъ сущности составляетъ логическій методъ, идущій правильно отъ положеній къ заключеніямъ,—методъ плодотворный, но часто скучноватый. Связь по важности предметовъ составляетъ тотъ блестящій складъ ума, смѣлыя сравненія котораго, неожиданныя метафоры, остроты, каламбуры, и т. д. представляютъ всѣ переходы отъ веселой болтовни до высокой поэзіи, составляютъ всю прелесть фельетоновъ Жюля Жанена напр., Пруткова и т. п. писателей. Превосходнымъ примѣромъ такого настроенія ума и такого слога можетъ служить классическая «Исторія богемскаго короля и его семи замковъ», гдѣ авторъ постоянно отклоняется отъ своего предмета, такъ что въ цѣлой книгѣ нѣтъ ни слова о богемскомъ королѣ и его замкахъ.

Но очень ошибочно было бы думать, чтобы въ самомъ логическомъ умѣ представленія не связывались между собою иначе, какъ только по своей сущности; конечно, нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ умѣ случайныя и внѣшнія комбинаціи, если можно такъ выразиться, составляются въ меньшемъ количествѣ, но составляются непремѣнно. Собственно говоря представленія являются въ умѣ по закону и внутренней, логической, и внѣшней, случайной связи, такъ что вслѣдъ за каждымъ изъ нихъ являются разомъ нѣсколько другихъ, связанныхъ съ предъидущими всѣми формами ассоціаціи идей; послушайте разговоръ ребенка,—это самая пестрая смѣсь представленій, несомнѣнно связанныхъ между собою, но часто эта связь такъ случайна, что мы никакъ не можемъ отгадать ее. Въ этомъ отношеніи между умомъ ребенка, и умомъ взрослаго, нѣтъ существенной разницы; въ обоихъ случаяхъ представленія являются разомъ, группами, вызванные самыми разнообразными законами ассоціаціи; но ребенокъ не выбираетъ между представленіями,—они всѣ одинаково хороши, одинаково кстати для него, и потому онъ безразлично высказываетъ какое нибудь изъ нихъ; взрослый же неизбѣжно долженъ выбирать, и его выборъ обусловливаетъ характеръ и складъ его ума. Привычка выбирать постоянно только извѣстнаго рода впечатлѣнія производитъ наконецъ то, что всѣ остальныя вовсе не доходятъ до сознанія, и стираются по мѣрѣ появленія; чѣмъ сильнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ рѣзче характеръ ума, тѣмъ выборъ строже, тѣмъ безслѣднѣе исчезаютъ, незамѣтно для самого субъекта, представленія другихъ родовъ, и чѣмъ неотступнѣе совершается этотъ выборъ по одному закону, тѣмъ сильнѣе умъ.

Напротивъ того, чѣмъ распущеннѣе, неопредѣленнѣе и безхарак-

тѣмъ мышленіе, чѣмъ умъ безпорядочнѣе, тѣмъ разнообразнѣе связь представленій и законы ихъ ассоціацій, тѣмъ неожиданнѣе повороты рѣчи, тѣмъ болѣе скачковъ дѣлаетъ умъ при мышленіи,—и,надо сказать, тѣмъ блестящѣе кажется иногда умъ. Дѣйствительно, мы всѣ привыкли большею частью къ одному правильному закону ассоціаціи идей, и насъ поражаетъ, когда идеи и представленія комбинируются иначе, неожиданнымъ и непривычнымъ для насъ образомъ; эта привычка обыкновенно такъ сильна, что изъ массы представленій, возникающихъ въ нашемъ умѣ, мы постоянно выбираемъ только тѣ, которыя связаны съ предъидущими по этому закону, а остальныя стираются совершенно, не только не обративъ на себя нашего вниманія, но даже почти не дойдя до сознанія, — однимъ словомъ, они остаются для насъ самихъ совершенно незамѣченными. Но есть умы, имѣющіе печальную—или завидную—привиллегію комбинировать представленія иначе, т. е. дѣлать выборъ изъ массы возникающихъ представленій, руководствуясь при этомъ не тѣмъ закономъ логической связи, какимъ руководствуется большинство; они берутъ простое первое возникающее представленіе, перескакиваютъ въ разговорѣ съ одного предмета къ другому, возвращаясь въ счастливомъ случаѣ къ главной темѣ, но часто забывая ее совершенно—эту особенность представляютъ несносные болтуны, составляющіе ужасъ и отчаяніе своихъ знакомыхъ, люди, способные говорить въ теченіи цѣлыхъ часовъ; типомъ этого рода людей могутъ служить уѣздныя московскія бабушки и тетушки, у которыхъ самый простой разсказъ растягивается въ длинное повѣствованіе, такъ какъ при выходѣ на сцену каждаго новаго лица перечисляется все его родство, и на комъ женаты его братья, и за кого вышли его сестры, и счастливы ли они въ супружествѣ, и не было ли съ ними какихъ нибудь скандальныхъ происшествій по поводу преступной связи, и пр. и пр. и пр. Такія кумушки встрѣчаются больше между женщинами, хотя и между мущинами онѣ не рѣдкость; такъ напр. превосходнымъ, можетъ быть лучшимъ, самымъ совершеннымъ образчикомъ этого типа людей, у которыхъ языкъ движется безостановочно, какъ оборвавшаяся стрѣлка часовъ, у которыхъ лопнула пружина, можно привести извѣстнаго князя Петра Долгорукова, автора мемуаровъ, достойныхъ самой болтливой и грязной московской просвирни.

Есть, конечно, умы, въ которыхъ представленія комбинируются по особымъ, оригинальнымъ, непохожимъ на обыкновенные, законамъ ассоціаціи идей; но эти геніальные или мелкіе, блестящіе или

скучные—во всякомъ же случаѣ оригинальные умы крайне рѣдки, и то множество людей, принимаемыхъ и считаемыхъ за оригиналовъ, вовсе не принадлежитъ къ этому роду. Несравненно чаще представляется намъ оригинальнымъ, иногда даже блестящимъ умомъ, именно такой умъ, гдѣ представленія не выбираются вовсе, но который принимаетъ первое возникающее и хватается за него. Оборотъ мысли,—а главное рѣчи,—можетъ приэтомъ выйти очень оригинальнымъ, даже покажется блестящимъ, но блескъ этотъ выражаетъ не силу, а слабость, — обстоятельство, особенно часто встрѣчающееся въ поэтахъ и острякахъ по ремеслу. Слушая ихъ, часто удивляешься богатству образовъ, смѣлости мысли, оригинальности и неожиданности переходовъ, но попробуйте заговорить съ ними о предметѣ, требующемъ сколько нибудь послѣдовательности и логичности мышленія,—вы удивитесь уже обратному,—именно скудности ихъ идей, мелочности взглядовъ и тупости пониманія. Между тѣмъ оба эти обстоятельства не только не противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, дополняютъ другъ друга, и во всякомъ случаѣ проистекаютъ изъ одного и того же источника, именно изъ слабости разсудочной способности.

Дѣйствительно, надо гораздо больше ума для правильнаго обсужденія очень нехитрыхъ даже вопросовъ, для логическаго вывода заключеній изъ данныхъ положеній или фактовъ,—однимъ словомъ надо больше ума для самой посредственной послѣдовательности, чѣмъ для всевозможныхъ остротъ, каламбуровъ, блестящихъ сравненій, образовъ и т. д.; какъ ни парадоксально кажется это на первый взглядъ, но оно подтверждается и дѣйствительностью, и теоретическимъ анализомъ; въ первомъ случаѣ какъ ни мелокъ и ограниченъ умъ, но онъ знаетъ, куда идетъ,—онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ мыслительномъ своемъ процессѣ, направляетъ его въ извѣстную сторону, и заставляетъ держаться прямого, хотя бы избитаго пути; во-второмъ умъ не управляетъ своими представленіями, а управляется ими; онъ отказался отъ выбора, или не въ силахъ подавить ненужныя, неидущія къ дѣлу представленія, его мыслительнымъ процессомъ управляетъ не разсудокъ, а случайность воспоминанія самой односторонней связи представленій, и идеи толпятся безпорядочно, связываясь между собою случайною, а не логичною связью. Конечно, самыя представленія бозконечно разнообразны и качественно чрезвычайно различны; ихъ яркость, красота, изящество, и т. д. составляетъ характеристику человѣка; одинъ можетъ быть блестящъ, то, что называется талантомъ; другой плохъ и вялъ;

но у нихъ одно общее,--это случайный, безпорядочный характеръ мышленія. Само собою разумѣется, что между крайнимъ предѣломъ этой категоріи умовъ и самымъ послѣдовательнымъ, строго-логическимъ умомъ есть незамѣтные переходы; представленія, хотя-бъ и безпорядочно и нелогично связанные между собою, могутъ однако носить на себѣ всѣ одинъ какой нибудь отпечатокъ, имѣть одинъ общій характеръ, что доказываетъ, что умъ въ извѣстной степени еще способенъ выбирать; здѣсь, очевидно, подавляются всѣ представленія другого характера, но изъ представленій извѣстнаго рода умъ уже не выбираетъ, а беретъ первое попавшееся.

Выборъ представленій обусловливается множествомъ обстоятельствъ; кромѣ этихъ двухъ главныхъ различій—логической или внутренней, и случайной или внѣшней связи, на этотъ выборъ имѣютъ вліяніе еще многія другія условія,—индивидуальность человѣка, складъ его ума, прирожденный или пріобрѣтенный, настроеніе, и т. д. Извѣстно, что человѣкъ, посвятившій себя, напр., изученію философіи, получаетъ другой складъ ума, чѣмъ человѣкъ, изучающій естественныя науки; сильныя убѣжденія, вошедшія, какъ говорится, въ плоть и въ кровь, наконецъ просто привычка, заставляютъ уже постоянно выбирать представленія одного опредѣленнаго характера, одного извѣстнаго направленія,—и въ этомъ отношеніи можно легко воспитать свой умъ; слово «слезы», напр., вызываетъ въ обыкновенныхъ смертныхъ идею огорченій, несчастія, въ физіологіи, можетъ быть, представленія слезной железки и слезнаго канала, а поэту оно напоминаетъ розы, только потому, что рифмуетъ съ этимъ послѣднимъ словомъ (*); можно также, напр., до того пріучить себя къ остротамъ и каламбурамъ, или къ стихоплетству, что прежде всего въ умѣ будутъ являться представленія, представляющія гамонимы, синонимы, рифмы и т. д. предъидущихъ, и эта привычка можетъ сдѣлаться такъ сильна, что отъ нея съ трудомъ только освобождается человѣкъ, что она дѣйствительно мѣшаетъ думать правильно. Конечно, подобное обстоятельство должно принимать за доказательство никакъ не силы, а напротивъ слабости ума, или, по крайней мѣрѣ, разсудка; такое настроеніе составляетъ не рѣдкость у умалишенныхъ и каждый медикъ, имѣвшій дѣло съ этими больными, могъ замѣтить, съ какою легкостью и быстротой находятъ его паціенты рифмы или сравненія, мета-

(*) «Читатель ждетъ уже рифмы розы,
Ну на, возьми ее скорѣй.

Пушкинъ.

форы, эпитеты и т. д. Замѣчательно, что подобное настроеніе является обыкновенно у больныхъ тогда, когда умственныя способности ихъ идутъ подъ-гору.

Подобное же отсутствіе правильнаго и резонированнаго выбора представленій мы видимъ во снѣ, въ наркозѣ, и, частью по крайней мѣрѣ, въ мечтѣ. Ошибаясь точно также относительно этого состоянія, какъ и относительно этихъ блестящихъ soi-disant умовъ, о которыхъ я говорилъ выше, многіе видятъ въ наркозѣ не ослабленіе, а напротивъ экзальтацію, усиленіе мозговой дѣятельности, именно потому, что въ этомъ состояніи воображеніе дѣлается, по видимому, живѣе и богаче, тогда какъ въ сущности оно дѣлается только свободнѣе; еще яснѣе видимъ мы это въ нѣкоторыхъ формахъ съумашествія. Здѣсь уничтожена способность ума дѣлать выборъ между представленіями, и потому представленія доходятъ до сознанія всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство, и потому-то мы и видимъ въ этихъ состояніяхъ такое богатство идей, образовъ, такую быструю ихъ смѣну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такую легкую, непрочную, едва замѣтную связь между ними,—и въ этомъ отношеніи нельзя отрицать несомнѣнной, очевидной аналогіи между «блестящими и оригинальными» умами, о которыхъ, я говорилъ выше, и состояніемъ наркозы, сна, и т. д. Перенося въ психологическую область знаменитую физіологическую теорію задерживающихъ центровъ,—теорію, имѣвшую, благодаря г-ну Сѣченову, такой успѣхъ въ Россіи, можно сказать, что всѣ представленія, возникающія въ воображеніи по самымъ разнообразнымъ причинамъ, стремятся достигнуть сознанія и выразиться, но разсудокъ играетъ въ психическомъ мірѣ человѣка роль задерживающаго центра; онъ умѣряетъ и даже подавляетъ отчасти это стремленіе къ выраженію, и, пропуская одни представленія, совершенно отвергаетъ другія. Въ наркозѣ, во снѣ, этотъ задерживающій центръ временно перестаетъ дѣйствовать; у нѣкоторыхъ людей онъ постоянно дѣйствуетъ очень слабо, такъ что здѣсь не является представленій больше обыкновеннаго, но уничтожается и отвергается разсудкомъ меньше; это происходитъ не отъ силы, а отъ слабости ума; точно также какъ то обстоятельство, что малѣйшее прикосновеніе къ отравленному стрихниномъ животному вызываетъ тетаническое сокращеніе мышцъ всего тѣла, доказываетъ не силу и здоровье, а напротивъ слабость и болѣзненное состояніе этого животнаго; въ обоихъ случаяхъ поражены задерживающіе центры, и впечатлѣнія и представленія, которыя

заглохли бы въ нормальномъ состояніи, здѣсь выражаются очень рѣзко.

Понятно, что всѣ эти состоянія могутъ представлять тысячи оттѣнковъ и степеней, составляющихъ незамѣтные переходы къ нормальному состоянію; способность сортировать представленія, если можно такъ выразиться, можетъ быть болѣе или менѣе сохранена, и уже сновидѣнія показываютъ намъ различныя степени ея парализіи; между тѣмъ какъ въ одномъ случаѣ умъ принимаетъ всѣ представленія, навѣваемыя ему сномъ, какъ-бы абсурдны и безсвязны они ни были, въ другомъ случаѣ умъ протестуетъ до извѣстной степени противъ нелогичности связи между возникающими представленіями; такъ напр. ассоціаціи представленій по созвучью словъ сравнительно довольно рѣдки во снѣ, — здѣсь умъ, очевидно, отвергаетъ эту связь какъ слишкомъ нелогичную, а въ тоже время нисколько не останавливается передъ самыми нелѣпыми, самыми несогласными съ дѣйствительностью комбинаціями идей. Въ наркозѣ и въ мечтѣ, стоящихъ въ психологическомъ отношеніи чрезвычайно близко другъ къ другу, способность выбора сохранилась на столько, что умъ принимаетъ большею частію только представленія одного опредѣленнаго характера,—большею частью такого, который льститъ вкусамъ субъекта, но вмѣстѣ съ тѣмъ выборъ этотъ совершенно не зависитъ отъ того, насколько представленія эти и ихъ комбинаціи согласны съ дѣйствительностью, насколько они возможны,—иначе это состояніе и не было бы мечтою, скажетъ Жозефъ Прюдомъ, и, какъ всегда, будетъ совершенно правъ.

Ошибочно полагаютъ нѣкоторые, что наркотическія вещества имѣютъ специфическое психологическое дѣйствіе, вызываютъ извѣстныя, опредѣленныя представленія; этого совершенно нѣтъ,— да и не могло-бы быть; по крайней мѣрѣ мы можемъ сказать, что открытіе вещества, которое давало бы мысли извѣстное, специфическое содержаніе, должно было бы ниспровергнуть всѣ наши знанія и теоріи психологіи; половыя представленія, вызываемыя на востокѣ хашишемъ, не были замѣчены у европейцевъ,—что очень понятно. На Востокѣ люди не знаютъ наслажденія выше половаго, и всѣ такъ называемыя нравственныя наслажденія для нихъ большею частію вовсе непонятны; естественно, что воображеніе ихъ, освобожденное отъ задерживающаго дѣйствія разсудка, который держитъ его на уздѣ, обращается именно къ тому, что для этихъ людей составляетъ высшее счастіе; опыты въ Европѣ производили

большею частью другое дѣйствіе—такъ напр. извѣстные опыты Бріерръ-де-Буамона. Барыня, принявшая хашишъ, толковала все объ итальянской оперѣ и о великолѣпномъ балѣ въ ея салонахъ и т. д. Конечно, можно всегда направить въ извѣстную сторону возбужденное воображеніе, и, конечно, всего легче направить его именно на половыя представленія,—давъ напр. паціенту кантаридъ или другимъ образомъ возбудивъ въ немъ половыя желанія, но это уже не имѣетъ отношенія къ дѣйствію самого наркотическаго вещества. Дѣйствіе его ограничивается только парализованіемъ разсудочной способности,—здраваго смысла, можно сказать,—но этимъ оно ограничивается; а какой путь выберетъ освобожденное воображеніе,—это уже зависитъ отъ степени развитія человѣка, отъ его вкусовъ, часто тщательно скрываемыхъ въ обыкновенномъ, нормальномъ состояніи, отъ его физическаго настроенія,—не пробудилась ли во время опыта какая-нибудь потребность организма, такъ какъ она въ этомъ случаѣ и даетъ матеріялъ, сущность представленій;—однимъ словомъ выборъ области фантастическаго міра, въ который переносится человѣкъ, зависитъ уже не отъ наркотическаго вещества, а отъ разныхъ условій—отъ индивидуальныхъ и даже національныхъ особенностей субъекта,—и до случайнаго положенія его частей тѣла. Это послѣднее обстоятельство играетъ, вѣроятно, не послѣднюю роль въ созданіи образовъ, занимающихъ воображеніе человѣка, находящагося въ наркозѣ; извѣстно, что между извѣстными чувствами и опредѣленными группами мышцъ есть тѣсная связь: нѣкоторыя душевныя движенія представляютъ ту особенность, что приводятъ въ сокращеніе, или, напротивъ, парализуютъ, или даже только ослабляютъ, извѣстную, опредѣленную группу мышцъ,—такъ напр. гнѣвъ заставляетъ сжимать кулаки и сокращать mm. corrugatores superciliarum; въ сильной степени этого чувства—еще и m m. levatnes angulorum oris, labiae superioris proprii, labii superioris alarumque nasi и т. д., презрѣніе заставляетъ сокращать послѣднія мышцы и еще mm. zygomaties, обыкновенно съ одной только стороны; гнѣвъ и презрѣніе вмѣстѣ производятъ сокращеніе mm. orbicularis palpebrarum, страхъ парализуетъ mm. pterygoidei, внутреннія и внѣшніе, жевательныя, останавливаетъ грудобрюшную преграду и грудныя мышцы въ инспираторномъ положеніи, и т. д. Но связь эта такъ сильна, что не только чувства производятъ извѣстныя, опредѣленныя мышечныя явленія, но и мышечныя явленія, въ свою очередь, пробуждаютъ въ человѣкѣ соотвѣтствующія чувства у лю-

дей впечатлительныхъ, даже въ очень сильной степени,—какъ напр. въ извѣстномъ примѣрѣ канадскаго офицера, котораго товарищи его провели во снѣ черезъ всю исторію дуэли, такъ что онъ проснулся только отъ выстрѣла, когда спустилъ курокъ вложеннаго ему въ руку заряженнаго пистолета.

Наркоза и психическое состояніе наркотизированнаго ничѣмъ не отличаются въ психологическомъ отношеніи отъ простой мечты и фантазерства, и въ обоихъ этихъ состояніяхъ ненормальнымъ является не сущность и содержаніе представленій, а только законъ ихъ ассоціаціи и независимость дѣятельности воображенія отъ разсудка, — сущность же представленій обусловливается разными постороннимъ обстоятельствами; если въ наркозѣ часто замѣчаются фантазіи половаго характера, то это зависитъ не отъ самой наркозы, а отъ субъекта, точно также какъ есть много людей, у которыхъ простое фантазерство принимаетъ болѣе или менѣе ясный характеръ чувственности. Законы психологическихъ и умственныхъ процессовъ вездѣ и всегда одинаковы, и самыя ненормальныя, по видимому, явленія точно также оказываются при внимательномъ анализѣ простымъ подтвержденіемъ ихъ, какъ и самые простые процессы психической дѣятельности человѣка, а основаніемъ всей умственной жизни, главнымъ закономъ ея останется всегда аристотелево положеніе: «nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu». Съ XVII столѣтія уже мы знаемъ, что прирожденныя идеи не существуютъ, но при анализѣ психологическихъ состояній до сего времени еще слишкомъ часто забываютъ, что умъ, воображеніе, не могутъ ничего создать, и что матеріалъ для умственной жизни и психическихъ процессовъ состоитъ только, и исключительно, изъ чувственныхъ впечатлѣній; умъ можетъ комбинировать ихъ самымъ различнымъ образомъ, но никогда не можетъ ни обойтись безъ нихъ въ своей, будто бы, творческой дѣятельности, ни замѣнить ихъ. Это положеніе есть краеугольный камень всего нашего психологическаго знанія,—законъ, недопускающій исключеній.

Кромѣ этихъ общихъ формъ комбинаціи представленій въ мечтательномъ фантазерствѣ и въ наркозѣ мы видимъ еще одну форму ассоціаціи идей, почти, можно сказать, специфическую для этихъ состояній, по крайней мѣрѣ, играющую здѣсь большую роль, тогда какъ въ обыкновенной психической жизни она далеко не занимаетъ такого важнаго мѣста,—это ассоціація по контрастамъ. Мы говорили выше о причинахъ, заставляющихъ человѣка уходить въ фантастическій міръ, создаваемый его воображеніемъ; эти причины

сами по себѣ уже предполагаютъ необходимость ассоціаціи идей главнымъ образомъ по закону контрастовъ, и мы дѣйствительно видимъ, что мечта и фантастическія картины наркозы составляютъ очень часто, большею даже частію, можно сказать, простую и голую противоположность дѣйствительности,—не больше, и притомъ противоположность очень робкую, очень узкую. Человѣкъ живетъ въ маленькой плохой квартирѣ, имѣетъ плохой и недостаточный обѣдъ,—его мечта, большею частью, не пойдетъ дальше хорошей квартиры и обильнаго и вкуснаго обѣда;—и въ этомъ отношеніи народный умъ тоже очень вѣрно подмѣтилъ сущность этого психологическаго процесса въ извѣстномъ анекдотѣ о мужикѣ, мечтавшемъ о томъ, чтобы украсть сто рублей и убѣжать. Конечно, чѣмъ сильнѣе,—а главное,—развитѣе умъ, тѣмъ эти противоположности шире и смѣлѣе, тѣмъ большее количество предметовъ они обнимаютъ, но сущность этого рода ассоціаціи представленій отъ этого нисколько не измѣняется, и психологическій процессъ Кампанеллы, Томаса Моруса и Кабе качественно совершенно идентиченъ съ мечтой украсть сто рублей; въ обоихъ случаяхъ умъ употребилъ тотъ же самый методъ ассоціаціи представленій по закону контраста, и только большая или меньшая ширина примѣненія этого метода поставила эти результаты на противоположные предѣлы человѣческой мечты и фантазерства. Можно сказать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ сущность мечты, сущность представленій, общее содержаніе мечты составляются по закону контрастовъ, отдѣльныя же части фантастической картины отдѣлываются потомъ частью по тому же закону, но главнымъ образомъ по обыкновеннымъ правиламъ ассоціаціи идей, такъ что какъ ни несхожи, повидимому, представленія и видѣнія наркотизированнаго съ спокойнымъ мышленіемъ нормальнаго человѣка, сущность процесса, законы, по которымъ онъ совершается, въ обоихъ случаяхъ одни и тѣже, но только въ первомъ случаѣ въ психической дѣятельности участвуетъ не вся нравственная часть человѣка,—здѣсь разсудокъ парализованъ, и не удерживаетъ уже воображенія, не руководитъ выборомъ представленій.

Всякое фантазерство, всякая мечта—дѣло по преимуществу эгоистическое, замѣтили мы выше, и въ этомъ отношеніи этого рода процессы можно, дѣйствительно, смѣло сравнить съ онанизмомъ; въ сущности здѣсь нѣтъ даже и сравненія; онанизмъ есть только частный случай мечты, или, обратно, мечта есть обобщеніе метода

онанизма, примѣненіе его не только къ узкимъ представленіямъ чувственности, а ко всему міру человѣка.

Идентичность процессовъ привела къ идентичности условій, при которыхъ они совершаются, и потому-то, какъ мы уже замѣтили, люди обыкновенно мечтаютъ въ одиночку; мечта, какъ и онанизмъ, сообща составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе, и даже въ поразительно-рѣзкомъ примѣрѣ пастуховъ, приведенномъ у Лаллемана, эти несчастные въ сущности предавались своей страсти не сообща, а каждый былъ погруженъ въ свои собственныя представленія.

Между тѣмъ, по тому же закону контрастовъ, если отдѣльный человѣкъ утѣшаетъ себя мечтою, когда ему плохо жить въ дѣйствительности, то и массы, которымъ жизнь тоже не наслажденіе, неминуемо должны точно также составлять себѣ фантастическую картину счастія и довольства. Такимъ образомъ причины, порождающія одиночную мечту, должны породить и коллективную, а сущность психологическаго процесса мечты, какъ мы уже видѣли, не допускаетъ коллективности; повидимому, эти два условія противорѣчатъ другъ другу, исключаютъ другъ друга, но дѣйствительность примирила ихъ, создавъ mezzo termino, показывающее, что анализъ нашъ былъ сдѣланъ правильно.

Коллективная мечта должна существовать, точно также какъ и одиночная,—и она дѣйствительно существуетъ вѣроятно у всѣхъ народовъ,—по крайней мѣрѣ она была найдена почти у всѣхъ; но коллективность противорѣчитъ сущности психическаго процесса мечты, и мы дѣйствительно видимъ, что коллективная мечта потеряла свою фантазерскую форму, и приняла форму воспоминанія, форму невинную и очень удобную, допускающую коллективность въ самыхъ смѣлыхъ порывахъ воображенія.

Почти у всѣхъ народовъ мы встрѣчаемъ легенду золотаго вѣка, легенду, переносящую въ далекое прошедшее эпоху довольства и счастія; на первый взглядъ эта легенда кажется странною нелогичностью уже потому, что человѣкъ обыкновенно придаетъ своимъ желаніямъ особенно охотно форму надежды, а никакъ не воспоминанія; но въ этомъ случаѣ этого не могло быть; надежда есть только болѣе опредѣленная, болѣе возможная форма мечты, форма, въ которую, конечно, входитъ больше реальныхъ элементовъ, но въ сущности она все еще мечта, и потому чѣмъ коллективнѣе надежды, тѣмъ онѣ неизбѣжно должны быть реальнѣе, и въ данномъ случаѣ реальность ихъ была бы помѣхою, не достигала бы цѣли

самой мечты. Поэтому народный умъ сдѣлалъ фокусъ, можно сказать, и перенесъ фантастическую картину не въ будущее, какъ обыкновенно дѣлаетъ отдѣльное лицо, а въ прошедшее, и такимъ образомъ примирилъ два противоположныя условія, удовлетворилъ двумъ, исключающимъ, повидимому, другъ друга требованіямъ.

Къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ о формѣ, придаваемой каждымъ народомъ своей легендѣ золотаго вѣка, а это было бы очень важно изслѣдовать, но только въ сравнительно-психологическомъ отношеніи;—изслѣдованіе это указало бы, можетъ быть, многое въ жизни народа въ ту эпоху, когда слагалась легенда золотаго вѣка, такъ какъ на основаніи закона контрастовъ можно съ большой вѣроятностью предположить, что дѣйствительность была рѣзкою и прямою противоположностью фантастической картины. Народное воображеніе отдѣлываетъ обыкновенно эту картину очень тщательно, очень подробно, такъ что изъ нея можно видѣть, каковъ былъ идеалъ народа въ данную эпоху, а по идеалу можно, по крайней мѣрѣ очень часто, съ вѣроятностью заключить о реальномъ положеніи этого народа; поэтому подробный сравнительный анализъ этого рода легенды у различныхъ народовъ имѣлъ бы огромный интересъ и въ психологическомъ, и въ историческомъ отношеніи; я рѣшительно не знаю, насколько имѣемъ мы матеріаловъ для этого анализа, насколько они, можетъ быть, уже и начатъ, но относительно его метода должно замѣтить, что легенды цивилизованныхъ народовъ, или, по крайней мѣрѣ имѣвшихъ уже свою исторію, слишкомъ запутаны, сложны, въ нихъ вошло слишкомъ много случайныхъ элементовъ, принадлежащихъ различнымъ эпохамъ народной жизни, чтобъ они могли дать правильный и удовлетворительный результатъ; въ этомъ отношеніи особенно важны были бы легенды островитянъ Тихаго океана, патагонцевъ, сѣверо-американскихъ, именно канадскихъ индѣйцевъ, и вообще племенъ, неимѣющихъ почти исторіи, или историческая жизнь которыхъ началась очень недавно, такъ что вошедшіе въ легенду въ новѣйшее время элементы легко могутъ быть выдѣлены, и самыя легенды могутъ еще быть возстановлены въ своей первоначальной формѣ.

Мнѣ случалось слышать одну народную легенду, поразившую меня своимъ глубоко художественнымъ характеромъ; я не знаю, мѣстная-ли эта только легенда, или она разсказывается и въ другихъ частяхъ Россіи, но въ ней замѣчателенъ именно тотъ пріемъ, который употребилъ Шиллеръ въ своемъ разсказѣ о Санескомъ юношѣ.

Легенда эта состоитъ въ слѣдующемъ: корабль, захваченный бурею въ открытомъ морѣ, долго не приставалъ къ берегу, такъ что на немъ оказался уже недостатокъ припасовъ. Послѣ продолжительнаго плаванія наконецъ экипажъ увидѣлъ островъ, очень гористый и покрытый богатой растительностью; съ корабля послали лодку запастись припасами и свѣжей водой, но матросы не рѣшились выйти на незнакомую землю, и послали одного взобраться на гору и посмотрѣть оттуда, нѣтъ ли какой опасности высадиться всѣмъ. Посланный матросъ полѣзъ на гору, но, достигнувъ вершины, вдругъ побѣжалъ внизъ во внутренность страны, и изчезъ; его ждали долго; наконецъ, видя что онъ не возвращается, послали другого, но и съ тѣмъ случилось тоже самое. Наконецъ послали третьяго, но для предосторожности его привязали на длинную веревку, конецъ которой держали оставшіеся въ лодкѣ; поднявшись на вершину, онъ тоже хотѣлъ побѣжать въ глубь страны, но державшіе веревку дернули его назадъ; онъ оглянулся,—и на лицѣ его выражалось самое полное счастіе, рванулся еще, и умеръ. Испуганные матросы не рѣшились выйти на берегъ, возвратились на корабль; и такъ осталось неизвѣстнымъ, что видѣли пропавшіе.

Л. Э. Калоннъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢМЕЦКІЕ ИДЕАЛИСТЫ И ФИЛИСТЕРЫ. (*).

(Статья вторая).

VI.

Противуположность экономическихъ интересовъ феодализма, бюргерства и крестьянства, неразрѣшаемая и несмягчаемая никакими житейскими компромиссами, должна была, роковымъ образомъ, привести ихъ къ взаимной борьбѣ, отъ исхода которой зависѣлъ весь дальнѣйшій ходъ и характеръ европейской цивилизаціи. Борьба эта, какъ мы сказали выше, должна была начаться съ трехъ сторонъ и продолжаться одновременно среди трехъ враждующихъ лагерей,—элементъ земельный, феодально-католической аристократіи, столкнулся съ совершенно-противуположнымъ ему элементомъ городской буржуазіи; элементъ задавленнаго, униженнаго и порабощеннаго крѣпостнаго труда—съ элементомъ капитала. Не смотря однако на то, что въ основѣ всѣхъ этихъ столкновеній лежалъ экономическій интересъ, историки отодвигаютъ его обыкновенно на задній планъ, считая какъ бы унизительнымъ для человѣчества такъ называемыя *великія* эпохи «возрожденія» и «реформаціи» объяснять простыми, и нисколько не возвышенными экономическими расчетами и соображеніями.

Вслѣдствіе такого образа мыслей, эти историки смотрятъ на реформацію, какъ на прогрессивное движеніе человѣческой мысли, какъ на порывъ ея освободиться отъ желѣзныхъ оковъ средне-

(*) См. № 10 «Дѣла».

вѣковой схоластики, тогда какъ въ сущности — это была таже самая схоластика только подъ другою формою, и съ другимъ содержаніемъ: отъ нея также мало можно было ждать обновленія общества, какъ и отъ католической догмы и рыцарскаго идеализма. Принципъ подчиненности мелкаго землевладѣнія—крупному; принципъ крѣпостнаго права—эти двѣ могучія опоры феодализма, возводились до-реформаціонною схоластикою въ неопровержимую догму, изъ которой развивалось ученіе объ авторитетѣ папы, о порабощеніи человѣческой мысли, и о духовной іерархіи. Возставать противъ этихъ ученій—значило возставать противъ средневѣковаго феодализма, потому что первыя были только идеальнымъ, символическимъ выраженіемъ вторыхъ.—Такова была тѣсная связь между феодализмомъ и католичествомъ. Напротивъ, принципы городской промышленности имѣли очень мало сходства съ принципами феодализма, потому католическая догматика не могла быть для бюргера особенно полезна: онъ долженъ былъ искать для себя другой санкціи и другого оправданія. Городская промышленность, отвергая крѣпостное право, внесла въ жизнь новый взглядъ на трудъ: на рабочаго она смотрѣла, какъ на живую машину;—чѣмъ независимѣе пользованіе этою машиною, чѣмъ съ меньшими стѣсненіями оно сопряжено, тѣмъ оно выгоднѣе. Крѣпостное право стѣсняло это пользованіе, оно обременяло лицо, пользующееся этою машиной, вѣчною обязанностью заботиться о ней, хранить ее при себѣ и употреблять ее даже тогда, когда она совсѣмъ негодна для такого употребленія. Потому городская промышленность прежде всего старается разбить оковы, прикрѣплявшія машину къ ея собственнику; она требуетъ, чтобы собственникъ пользовался ею только до тѣхъ поръ, пока находилъ это для себя выгоднымъ и чтобы это временное пользованіе не налагало на него никакихъ обязанностей въ будущемъ. Это требованіе она выдаетъ за требованіе «свободы труда и передвиженія, – свободы личности».—Лютеранство возводитъ эту свободу въ догму, и на этой догмѣ основываетъ свое ученіе относительно толкованія библіи и папскаго авторитета. Но бюргерство допускаетъ эту, такъ называемую свободу личности только подъ извѣстными условіями и ограниченіями, оно хочетъ, чтобы рабочая машина была свободна только настолько, насколько это выгодно для него. Но гдѣ же искать ему оправданія для подобныхъ притязаній, гдѣ искать ему основанія своихъ правъ? Разрушивъ крѣпостничество, проповѣдуя свободу личности, оно отняло этимъ у себя возможность апеллировать, подобно феодалу,

о *правѣ рожденія;* ему оставалось одно спасеніе—прибѣгнуть подъ защиту юридическихъ фикцій, а такъ какъ эти фикціи были уже разработаны римлянами до художественной тонкости, то городамъ ничего болѣе не оставалось, какъ обратиться къ изученію римскаго права. Они такъ и поступили.—Римскіе юристы, всѣми забытые, снова появились на сцену,—ихъ запыленныя и полу-сгнившія творенія, о существованіи которыхъ и не подозрѣвалъ средневѣковый феодалъ, съ торжествомъ были извлечены на свѣтъ божій. Эта реставрація римскаго права, римскихъ юридическихъ воззрѣній ясно показывала, что человѣчество снова вступало въ ту колею изъ которой выбило его нашествіе варваровъ. И дѣйствительно городская жизнь (особенно итальянскихъ городовъ) имѣла гораздо болѣе сходства съ жизнію цивилизованаго Рима временъ республики и императоровъ, чѣмъ съ жизнію какого нибудь феодальнаго замка. Правда, на всемъ лежала еще печать средневѣковаго крѣпостничества,—въ общественныхъ отношеніяхъ горожанъ не было той свободы, которая существовала въ Римѣ;—изолированное и слишкомъ замкнутое въ самомъ себѣ, бюргерство выработывало тотъ духъ узкаго филистерства, который былъ совершенно чуждъ римскому патриціату, но все-таки, не смотря на эти различія, вкусы и привычки горожанъ ближе подходили ко вкусамъ и привычкамъ римлянъ, чѣмъ феодаловъ. Сидячая трудолюбивая жизнь бюргера и мирный характеръ его занятій отбили охоту къ безцѣльному шатанію изъ угла въ уголъ, къ пышнымъ турнирамъ и кровавымъ битвамъ; наколецъ его дѣятельность была такого рода, что она болѣе упражняла его мозгъ, чѣмъ его чисто физическую силу. Потому его интеллектуальныя потребности должны были получить большее развитіе. А отсюда уже само-собою понятно, почему и самыя его развлеченія и наслажденія приняли болѣе мягкую, утонченную форму, чѣмъ какую онѣ имѣли у феодальнаго барона. Феодалъ для разнообразія своихъ досуговъ изобрѣлъ турниръ; бюргеръ—скромную домашнюю жизнь, обставленную семейными удовольствіями и развлеченіями. Это новое движеніе городской жизни вызвало потребность университетовъ. Такимъ образомъ, новые вкусы и привычки, развившіеся подъ вліяніемъ условій городской жизни, заставили бюргеровъ искать новыхъ источниковъ для пополненія своихъ досуговъ и они нашли ихъ въ изученіи классической древности; вмѣстѣ съ юристами они вытащили изъ-подъ архивной пыли и философовъ, и поэтовъ, и драматурговъ. Схоластика стала выбиваться изъ-подъ гнета абсолютнаго авторитета католической церкви,—гре-

ческіе и римскіе сатирики научили ѣдко издѣваться надъ ихъ врагами; Италія и отчасти Германія осыпали католическихъ патеровъ градомъ всевозможныхъ сатиръ и насмѣшекъ.— Надъ этими сатирами смѣялись рѣшительно всѣ, и прежде всего тѣ самые патеры, противъ которыхъ они были направлены. Боккачіо написалъ Декамерона, очень злую и очень веселую сатиру, ѣдко издѣвавшуюся надъ католическимъ духовенствомъ; ее всѣ читали и всѣ смѣялись,—смѣялся народъ, смѣялись во дворцѣ, смѣялись монахи въ монастыряхъ, смѣялся самъ папа. Пульчи осмѣивалъ въ своей рыцарской поэмѣ средневѣковыя мистеріи Макіавелли заставлялъ, въ своей Мандраголѣ, благочестиваго патера проповѣдывать самыя возмутительныя теоріи насчетъ супружеской вѣрности, и всѣ съ восторгомъ читали эти сатиры и всѣ находили ихъ столько же забавными, сколько и справедливыми. Комедія Макіавелли была нѣсколько разъ разыграна въ папскомъ театрѣ, въ присутствіи св. отца, и папа отбилъ себѣ руки, аплодируя ей. Этотъ удивительный успѣхъ сатиры, направленной противъ католическаго духовенства, хотя и показываетъ съ одной стороны, что сатира не была глубока, что она шла не дальше преслѣдованія такихъ злоупотребленій, которыя всѣмъ были извѣстны и никѣмъ, ни отъ кого не скрывались,—но съ другой стороны она свидѣтельствуетъ объ общемъ духѣ того времени. Все спѣшило заявить свой протестъ католицизму,—даже поэты и придворные шуты. Правда, ихъ протестъ былъ неосмысленъ,—онъ касался только частностей и внѣшнихъ сторонъ дѣла, оттого онъ возбуждалъ только добродушный смѣхъ; но за то со стороны школьной схоластики протестъ былъ радикальнѣе и папская курія уже не смѣялась надъ нимъ, а готовила ему проклятія и костры. Радикализмъ этого протеста состоялъ именно въ томъ, что онъ, не касаясь частныхъ злоупотребленій, нападалъ на тѣ основныя догмы католичества, которыми поддерживался весь средневѣковый феодальный порядокъ; —онъ отвергалъ безусловный авторитетъ папы— въ дѣлахъ вѣры; безусловный авторитетъ окатоличеннаго Аристотеля—въ дѣлѣ мысли; онъ отвергалъ католическій мистицизмъ и церемоніальную таинственность его обрядовъ. Этотъ мистицизмъ и эта таинственность были по душѣ феодаламъ, они набрасывали покровъ какой-то святости на ихъ права, они поддерживали въ народѣ спасительный страхъ и трепетъ передъ ихъ господами, они наконецъ развлекали самихъ господъ, и развивали въ нихъ тотъ мечтательный идеализмъ, который окрашивалъ и опоэтизировалъ ихъ скучную и однообразную жизнь. Для бюргеровъ же, привык-

шихъ во всемъ быть точными и акуратными, чуждыхъ всякой мечтательности, любящихъ ясность и простоту, и неимѣвшихъ слишкомъ много свободнаго времени, чтобы тратить его на безполезныя церемоніи, привыкшихъ къ нѣкоторому комфорту и удобствамъ городской жизни, католическій мистицизмъ, таинственность и аскетизмъ были уже совершенно непужными. И вотъ городская схоластика начинаетъ уже со второй половины XV в. вести болѣе или менѣе систематическую осаду противъ католической догматики. Иванъ Кохъ (ум. 1473 г.) изъ Нидерландовъ первый открыто объявляетъ, что только одна библія есть истинный источникъ вѣры и безусловный авторитетъ въ дѣлахъ религіи. Иванъ Вессель (ум. 1489 г.) даетъ этому положенію дальнѣйшее развитіе, а современникъ его Иванъ Везель, основываясь на ученіи своихъ предшественниковъ, уже прямо отвергаетъ авторитетъ папы, возстаетъ противъ католическихъ церемоній, индульгенцій, и въ особенности противъ постовъ.

Рядомъ съ этими антикатолическими идеями проводилась мысль о равенствѣ всѣхъ вѣрующихъ, и съ точки зрѣнія этого духовнаго равенства протестанты возставали противъ католической іерархіи. И этотъ протестъ былъ ничто иное какъ отрицаніе извѣстныхъ экономическихъ принциповъ феодализма, нашедшихъ свое символическое выраженіе въ іерархіи духовныхъ чиновъ. Городская промышленность поставила лицомъ къ лицу хозяина и рабочаго; ей чуждо было понятіе о вассалахъ, арьеръ—вассалахъ и т. п.—она знала только мастера и подмастерья, фабриканта и фабричнаго;—она отрицала феодальную іерархію, и потому-то протестанскіе проповѣдники дѣйствуя въ духѣ и интересахъ городскаго сословія, должны были отрицать и іерархію освященную католическою церковью.

Такимъ образомъ мы видимъ, что протестантизмъ былъ самымъ полнымъ и всесторонниимъ выраженіемъ интересовъ и потребностей городской промышленности,—новаго общественнаго элемента, достигшаго уже совершенно зрѣлой возмужалости къ концу XV столѣтія. Отвергая папскій авторитетъ и духовную іерархію, провозглашая свободу человѣческаго разума, указывая на библію, какъ на единственный истинный авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, возставая противъ католическаго мистицизма и церемоніальной обрядности, протестантизмъ дѣйствовалъ въ духѣ расчетливой и практической буржуазіи; онъ нападалъ на основные принципы феодализма, на крѣпостничество, на право земельной аристократіи, и т. п.—только нападалъ онъ на эти принципы не въ ихъ чистой, непосредственной формѣ, а въ ихъ символическомъ выраженіи, въ ихъ религіозной

формулѣ. Въ свою очередь, и противупоставлялъ онъ этимъ символамъ не извѣстныя экономическія начала, а тоже только символы этихъ началъ. И это весьма понятно: извѣстное экономическое начало всегда рѣзче и рельефнѣе опредѣляется въ своей теоретической формулѣ, чѣмъ въ своемъ практическомъ примѣненіи, потому и противоположности этихъ началъ всегда скорѣе раскрываются въ ихъ теоретическомъ выраженіи, въ ихъ символической санкціи, чѣмъ въ дѣйствительной жизни. Такимъ образомъ въ то время, когда въ жизни феодальный порядокъ вещей весьма спокойно уживался съ совершенно отличными отъ него началами ново-возникающаго промышленнаго режима,—въ это время религіозныя формулы, выражавшія собою эти два порядка, дошли до своихъ крайнихъ противуположностей,—до рѣшительной борьбы на жизнь и смерть; и нужно было, чтобы прошло болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, для того, чтобы эта борьба съ религіозной, теоретической почвы перешла на почву практическую, на почву экономическую.

Теперь, когда мы указали на ту экономическую подкладку, которая лежала въ основѣ такъ называемой реформаціи, для насъ будетъ совершенно понятно какъ то, что она главнымъ образомъ распространялась и утверждалась въ городахъ, такъ и ея отношенія къ свѣтской власти съ одной стороны, и къ крестьянскому движенію съ другой. Повидимому реформація съ первыхъ же шаговъ впала въ самопротиворѣчіе. Она провозглашала свободу человѣческаго разума, свободу человѣческой личности, она отрицала феодальный порядокъ вещей; и въ то же время Лютеръ проповѣдывалъ такую теорію: «твой разумъ очень хорошо понимаетъ, что 2 и 5 равно 7, но если начальство утверждаетъ, что 2 и 5 равно 8, ты долженъ этому вѣрить, вопреки свидѣтельству твоего разума и твоихъ чувствъ» (Шерръ, 260). Въ одной проповѣди къ войску, отправлявшемуся въ турецкій походъ (1582 г.), Лютеръ умолялъ тѣхъ, которымъ суждено попасть въ плѣнъ къ невѣрнымъ, быть «вѣрными и прилежными» рабами, и не дѣлать ни малѣйшихъ попытокъ къ освобожденію (Шерръ, 460). Въ другой своей проповѣди онъ, не обинуясь, назвалъ свободный человѣческій разумъ «блудницею дьявола.»—Всякаго, кто осмѣливался не соглашаться съ Лютеровымъ толкованіемъ библіи, онъ называлъ «сумазбродомъ, еретикомъ, бунтовщикомъ.» На Марбургскомъ диспутѣ (1520 г.), когда Цвингли побѣдоносно разбилъ и опровергъ аргументацію Лютера,—послѣдній, забывъ свою проповѣдь о свободѣ человѣческаго сужденія, грубо отвѣтилъ швейцарскому реформатору, что

все, что онъ говоритъ, есть ложь, потому, что въ немъ нѣтъ «истиннаго разума.» Однимъ словомъ, нетерпимость лютеранства доходила до самаго грубаго деспотизма, и Себастіанъ Франкъ въ 1534 году горько на нее жалуется и прибавляетъ, что при папствѣ было гораздо свободнѣе; что теперь, кто не лакействуетъ, того считаютъ бунтовщикомъ. Приводя всѣ эти факты, Шерръ съ грустью восклицаетъ: «вотъ во что, въ короткое время, выродилось это движеніе, отъ котораго благороднѣйшіе умы Германіи ждали возрожденія націи»! (стр. 261).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ то время «благороднѣйшіе умы Германіи» могли заблуждаться на счетъ истиннаго характера и значенія того движенія, въ которомъ они сами участвовали, что они могли принять позолоту за настоящее золото,—но раздѣлять это заблужденіе и теперь, по прошествіи трехъ съ половиною вѣковъ, ошибаться въ достоинствѣ металла, когда уже съ него сошла прежняя позолота—это не только не простительно «благороднѣйшимъ умамъ,» но даже и «самымъ неблагороднѣйшимъ». Лютеранство,—провозглашая свободу человѣческаго разума съ одной стороны, и подчиняя этотъ разумъ извѣстному толкованію библіи съ другой, проповѣдуя свободу личности и, въ тоже время, безпрекословное повиновеніе,—дѣйствовало совершенно въ духѣ и въ интересахъ городскаго сословія; — оттого-то, быть можетъ, оно и имѣло такой огромный успѣхъ въ Германіи сравнительно со всѣми другими протестантскими реформами. Ни одинъ изъ протестантскихъ реформаторовъ не пользовался здѣсь такою безпримѣрною популярностью, какъ Лютеръ, за то ни одинъ изъ нихъ и не былъ такъ непослѣдователенъ и двуличенъ, какъ этотъ грубый, невѣжественный монахъ, забывшій свое крестьянское происхожденіе, отрекшійся отъ крестьянства, для того чтобы броситься въ объятія князей и бюргеровъ. Бюргеры, въ то время, чувствовали еще необходимость поддержки со стороны мѣстной княжеской власти; они чувствовали необходимость укрѣпить и усилить ее на-столько, чтобы она могла съ успѣхомъ бороться противъ гордой и опасной для нихъ земельной аристократіи. Съ другой стороны бюргеры боялись, чтобы эта власть не обратилась противъ нихъ же самихъ, и вотъ для того, чтобы отвратить грозу,—хотя на время,—они старались утолить алчность князей на счетъ католическаго духовенства и бѣднаго народа. Они говорили имъ: берите и владѣйте имуществами епископовъ и аббатовъ, разоряйте и тѣсните «подлый, черный народъ», а если онъ осмѣлится поднять

голову—мы, честные бюргеры, поможемъ вамъ усмирить его; — но только оставьте насъ въ покоѣ, и не мѣшайтесь въ наши домашнія и комерческія дѣла».

Въ этомъ духѣ и проповѣдывалъ Лютеръ. И эта его проповѣдь, говоритъ Шерръ, достигла своей цѣли; она усилила власть мѣстныхъ князей и ослабила власть императора, который, какъ католикъ, не имѣлъ теперь права требовать покорности и послушанія отъ своихъ лютеранскихъ вассаловъ. Въ тоже время лютеранство еще болѣе поработило народъ: господинъ сдѣлался теперь для него не только высшимъ авторитетомъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, но даже и въ дѣлахъ вѣры.—«Какъ пріятно, продолжаетъ Шерръ, должны были звучать въ ушахъ народныхъ угнетателей такія, напримѣръ, слова Лютера: «Истинный христіанинъ есть существо совершенно пассивное; онъ только страдаетъ; истинный христіанинъ ничего не долженъ ни имѣть, ни знать въ этомъ мірѣ,—его сокровища по ту сторону гроба». Или: «Истинный христіанинъ, безъ всякаго прекословія и сопротивленія долженъ подчиняться всякимъ оскорбленіямъ и угнетѣніямъ. Дѣла міра сего не должны его касаться; пусть всякій, кто хочетъ, мучитъ, терзаетъ, оскорбляетъ, угнетаетъ его, — тѣмъ для него лучше: онъ будетъ тогда мученикомъ на землѣ». Тотъ, кто только подумаетъ о томъ, на сколько увеличивалось богатство и могущество князей и городовъ, благодаря разграбленію церковныхъ имуществъ, оправдываемому реформаціею, тотъ едва ли согласится допустить, вмѣстѣ съ лютеранскими писателями, будто дѣло церковной реформы было, главнымъ образомъ, дѣломъ чистаго и непосредственнаго убѣжденія»... (Шерръ стр. 261).

Такимъ образомъ, реформація выродилась въ узкое и сухое бюргерское филистерство. А это филистерство не могло понять широкаго, всеобъемлющаго гуманизма: общечеловѣческіе интересы были чужды его мѣщанскому міросозерцанію; заявлять объ нихъ — это значило, по его мнѣнію, посягать на общественную безопасность, на установившійся порядокъ вещей, на добрые нравы. И вотъ Лютеръ, какъ самый вѣрный представитель городскаго филистерства, вооружается противъ массы всею силою своего грубаго краснорѣчія. Онъ написалъ нѣчто въ родѣ воззванія «противъ разбойничьихъ и смертоубійственныхъ крестьянскихъ шаекъ». Въ этомъ воззваніи онъ приглашалъ начальство «давить ихъ, истреблять, бить, колоть явно и тайно, гдѣ кто можетъ,—какъ бѣшеныхъ собакъ». «Если власть, говоритъ онъ въ заключеніе, окажетъ имъ хоть какое нибудь послабленіе, то она возьметъ на свою душу великій грѣхъ, потому что

крестьяне не только сами преданы дьяволу, но они совращаютъ въ свои пороки и другихъ благочестивыхъ людей. О! властители, спасайте, спасайте отъ нихъ христіанъ, истребляйте ихъ, кто погибнетъ въ этой борьбѣ,—благо тому,—нѣтъ смерти болѣе святой». Такая кровожадность приводила въ ужасъ даже католическихъ феодаловъ; слыша звонъ къ лютеранской проповѣди, они говорили: «слышите, опять звонятъ къ убійству». Даже лица высокопоставленныя, въ родѣ, напр., мансфельдскаго канцлера Мюллера, даже то «начальство», къ которому обращалъ Лютеръ свои кровавыя воззванія,—выражало ему свое неодобреніе за его уже слишкомъ пересоленную услужливость. Но Лютеръ не унимался и не смягчался. Своимъ болѣе умѣреннымъ друзьямъ онъ отвѣчалъ такимъ образомъ: «тотъ самъ бунтовщикъ, кто осмѣливается жалѣть тѣхъ, кого Богъ не жалѣетъ, кого Богъ караетъ и губитъ. Когда погибнутъ всѣ бунтовщики, крестьяне научатся благодарить Бога, и князья наконецъ поймутъ, что народомъ нужно управлять изъ-подъ палки.» Въ письмѣ своемъ къ доктору Рюлю онъ говоритъ: «пусть люди бранятъ меня льстецомъ, это мнѣ очень пріятно слышать. Мнѣ понадобилось бы слишкомъ много кожи, если бы я захотѣлъ зажимать всякую глотку. Говорятъ, будто крестьянамъ слѣдуетъ оказывать правосудіе; но если между ними и есть невинные, то, конечно, Богъ спасетъ ихъ, какъ онъ спасъ Лота и Іеремію, если же онъ этого не сдѣлаетъ, значитъ они не невинны; не невинны уже хоть потому, что молчали и соглашались. Мудрецъ сказалъ: Cibus, onus et virga asino; крестьянина же надо набить овсяной соломой. Они совершенно безумны, и не понимаютъ словъ. Съ ними нужно говорить пищалями,—они это вполнѣ заслужили. Будемъ просить Бога, чтобы они намъ повиновались, но если это не поможетъ, то жалѣть ихъ нечего. Пусть стрѣляютъ по нимъ, иначе они надѣлаютъ намъ бѣдъ, въ тысячу разъ хуже.»

Мало этого; Лютеръ дошелъ до того, что сталъ доказывать будто всякая попытка уничтожить крѣпостное право противорѣчитъ священному писанію и исходитъ отъ дьявола или его клевретовъ. Крѣпостные были у Авраама и у всѣхъ патріарховъ, и самъ апостолъ Павелъ въ посланіи къ галламъ говоритъ, что для Христа все равно, что рабъ, что господинъ. Слѣдовательно, крестьяне возставшіе противъ крѣпостнаго права, крестьяне, осмѣливавшіеся жаловаться на угнетѣнія и притѣсненія, шли противъ священнаго писанія, дѣйствовали въ духѣ дьявола, попирали христіанское право Христіанское право (по мнѣнію Лютера) не въ томъ состоитъ, что-

бы бороться съ неправдою, а въ томъ, чтобы ей покоряться, чтобы отдавать безпрекословно свое тѣло и имущество всякому, кто посягаетъ на нихъ, чтобы вѣчно страдать, страдать и умирать на крестѣ.»

Такъ говорилъ Лютеръ, когда онъ обращался къ крестьянамъ; имъ онъ совѣтывалъ все терпѣть и все сносить. Совершенно инымъ духомъ дышала его проповѣдь, когда онъ обращался къ князьямъ, помѣщикамъ и бюргерамъ: ихъ онъ умолялъ ничего не терпѣть и ничего не сносить. «Бейте, рѣжьте, колите, истребляйте, явно и тайно, гдѣ, кто можетъ, этотъ подлый, черный народъ»—вотъ его заповѣдь, и эту заповѣдь онъ выдавалъ за истинное христіанское ученіе.

VII.

Опредѣливъ общій характеръ, такъ называемаго *реформаціонна́го* движенія, мы займемся теперь характеристикою другого, почти одновременно съ нимъ начавшагося крестьянскаго движенія.

Тягостное положеніе нѣмецкаго крестьянства, о которомъ мы уже говорили въ первой статьѣ, прогрессивно ухудшалось по мѣрѣ того, какъ раззорялись феодалы и возвышалось могущество городовъ. Съ каждымъ годомъ свѣтскіе и духовные владѣльцы становились все алчнѣе и алчнѣе; съ каждымъ годомъ, благодаря вліянію городской жизни, кругъ ихъ потребностей увеличивался, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались и расходы. Годъ отъ году все великолѣпнѣе и великолѣпнѣе обстраивались города; Перръ посвящаетъ нѣсколько страницъ (см. 165—169) описанію величественныхъ соборовъ, монастырей и дворцовъ, воздвигавшихся съ начала XIII столѣтія въ Кельнѣ, Страсбургѣ, въ Бреславлѣ, въ Вѣнѣ и др. городахъ. Разумѣется, приводить здѣсь этихъ описаній мы не станемъ,—читатель можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что все было устроено очень хорошо, изящно и великолѣпно. Но кто же оплачивалъ все это изящество и великолѣпіе, на чьей спинѣ всего сильнѣе отражались эстетическіе порывы разбаловавшагося филистерства? Крестьянство. Много истинныхъ эстетическихъ наслажденій извлекли изъ него веселые бюргеры и католическіе патеры. Но вѣдь всему бываетъ конецъ. Самою удобною минутою для такого конца крестьянамъ показался тотъ моментъ, когда феодалы ихъ вступили въ дра-

ку другъ съ другомъ. И въ самомъ дѣлѣ, что могло быть благопріятнѣе для нихъ этого момента? Феодалы дерутся, готовы проглотить другъ друга живьемъ,—мало этого: въ пылу драки, высказываютъ такія мысли, такіе принципы, которые, повидимому, не только должны были оправдать въ ихъ глазахъ возставшихъ крестьянъ, но даже побудить ихъ стать на ихъ сторону — поддержать крестьянское дѣло. Но крестьяне гибко ошиблись, воображая, будто то, что можетъ быть позволено феодаламъ, будетъ позволено и имъ; они ошиблись, принявъ за чистую монету метафизическія фразы и символическія выраженія. И результатомъ всѣхъ этихъ ошибокъ было то, что они, наслышавшись, что библія есть верховный авторитетъ во всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, принялись читать и изучать библію. Это возбудило въ нихъ разныя мысли и сомнѣнія относительно ихъ правъ и обязанностей, относительно ихъ горькой участи, и т. п. Имъ показалось, что на основаніи библіи, никакъ нельзя оправдать притязаніе угнетать ихъ имъ показалось, что въ библіи есть много мѣстъ, которыя прямо говорятъ въ пользу отмѣны того и этого налога, которыя не одобряютъ такихъ-то, и такихъ-то повинностей, и т. д. И вотъ весною 1525 года, въ верхней Швабіи, явился извѣстный крестьянскій манифестъ, формулировавшій въ двѣнадцати пунктахъ права и требованія крестьянъ. Манифестъ этотъ назывался: «двѣнадцать главныхъ, справедливыхъ и основательныхъ требованій всего крестьянства и арьеръ-вассаловъ духовныхъ свѣтскихъ феодаловъ, которые притѣсняютъ ихъ.» Въ манифестѣ этомъ прежде всего требовалось, чтобы каждой общинѣ предоставлено было право самой выбирать и смѣнять священника, чтобы имъ читалось евангеліе громко и ясно, безо всякихъ «людскихъ» дополненій. Далѣе, чтобы всѣ земельные налоги были замѣнены однимъ: большою хлѣбною десятиною; чтобы былъ уничтоженъ десятинный налогъ со скота; чтобы крѣпостное право было отмѣнено, чтобы были ограничены охотничьи привиллегіи, чтобы охота и рыболовство были освобождены отъ всякихъ пошлинъ, чтобы луга, лѣса и поля, насильственно отнятыя у крестьянскихъ общинъ, были снова имъ возвращены; чтобы были уничтожены или, по крайней мѣрѣ, справедливо ограничены оброки, барщины и другія натуральныя повинности; чтобы введена была реформа въ судопроизводствѣ; и чтобы была отмѣнена смертная казнь, отъ которой такъ часто страдаютъ сироты и вдовы. Въ заключеніе объявляютъ крестьяне: «если одно или нѣсколько изъ выставленныхъ здѣсь требованій противурѣчитъ слову

Божію, и если намъ это докажутъ на основаніи священнаго писанія, то мы отказываемся отъ нихъ; или если даже какое либо изъ этихъ требованій будетъ признано въ настоящее время истиннымъ, а впослѣдствіи окажется, что оно невѣрно,—то оно тотчасъ же теряетъ свою силу, и мы болѣе не будемъ придавать ему никакого значенія.»

«Отсюда можно видѣть, говоритъ Шерръ, что крестьяне искали себѣ вначалѣ помощи не въ грубой силѣ и что они не представляли никакихъ безумныхъ требованій. Но ихъ справедливыя желанія не были удовлетворены, и тогда они взялись за оружіе» (стр. 258).

Мы не станемъ здѣсь описывать крестьянскихъ войнъ,—мы ограничимся только указаніемъ на общій характеръ ихъ требованій и ихъ тенденцій, какъ мы это сдѣлали относительно лютеранства.

Изъ приведенныхъ и въ высшей степени умѣренныхъ требованій, редакція которыхъ совершенно неосновательно приписывается Мюнстеру, какъ доказалъ Циммерманъ,—читатель можетъ уже видѣть, что крестьяне стремились не только къ улучшенію собственнаго своего положенія, но и къ проведенію нѣкоторыхъ общегосударственныхъ реформъ: такъ они требовали судебной реформы и отмѣны смертной казни. Это дѣло показываетъ, что они понимали солидарность своихъ интересовъ съ интересами другихъ сословій вообще, они понимали, что ихъ положеніе можетъ измѣниться только вслѣдствіе общихъ, болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ, а не какихъ нибудь частныхъ мѣръ. При дальнѣйшемъ развитіи крестьянскаго движенія этотъ трезвый, въ полномъ смыслѣ слова строго-реальный взглядъ на дѣло, еще болѣе окрѣпъ и еще точнѣе опредѣлился. Чтобы не заходить слишкомъ далеко, мы ограничимся здѣсь только указаніемъ на наиболѣе выдающіяся и наиболѣе ясно формулированныя требованія главныхъ представителей крестьянства. Эти указанія, мы полагаемъ, раскроютъ передъ читателями истинное значеніе крестьянскаго движенія и покажутъ имъ на сколько крестьяне стояли выше, по своему соціальному міросозерцанію, всѣхъ остальныхъ сословій.

Представители крестьянства раздѣлялись на болѣе умѣренныхъ и менѣе умѣренныхъ или радикаловъ; во главѣ первыхъ стоялъ Вендель Гиплеръ, во главѣ вторыхъ Ѳома Мюнцеръ. Программа требованій умѣренныхъ была формулирована въ проэктѣ общегерманской конституціи, начертанной Гиплеромъ, Лохеромъ и Шикнеромъ въ Гейльбреннѣ, на Некарѣ. Въ Гейльбреннѣ съ мая мѣ-

сяца 25-го года образовался центральный крестьянскій комитетъ для обработки и обсужденія «общегосударственныхъ реформъ.» Крестьянскій конгрессъ, собранный въ Аморбахѣ, нѣсколько ранѣе этого, постановилъ, что Гейльбронпъ долженъ быть центральнымъ пунктомъ, гдѣ должно собраться «національное народное собраніе» для принятія новой конституціи; здѣсь должны были происходить предварительныя собранія «ученыхъ крестьянскихъ совѣтовъ»,— здѣсь была образована «общая канцелярія» и здѣсь же, какъ мы сказали, назначено было засѣдать комиссіи для начертанія проэкта будущей конституціи. Комиссія эта работала весьма дѣятельно и въ самомъ непродолжительномъ времени проэктъ былъ оконченъ. Мы приведемъ здѣсь цѣликомъ этотъ небольшой, но въ высшей степени любопытный документъ. «Читая его, говоритъ Шерръ, какъ бы переносишься съ 1525 года—въ 1848 г. Онъ въ высшей степени драгоцѣненъ для историка; заключая въ себѣ возвышенныя, общеполезныя и весьма практическія истины, онъ представляетъ прекрасный образчикъ той свѣтлой, дальновидной, справедливой и патріотической политики, которою руководствовались крестьяне» (стр. 259).

Проэктъ раздѣленъ на четырнадцать артикуловъ и называется «начертаніе мѣръ, которыми, на благо и пользу всѣхъ христіанскихъ земель, утвержденъ будетъ всеобщій порядокъ и введена будетъ повсемѣстно реформація.» Вотъ его артикулы, по порядку:

1) Всѣ священнослужители, какъ бы они не назывались, и къ какому бы классу они не принадлежали должны принять реформацію и получать только то, что имъ необходимо; имущества ихъ поступятъ въ общее пользованіе.

2) Всѣ свѣтскіе владѣтельныя особы должны принять реформацію, для того чтобы они не могли стѣснять христіанскую свободу бѣдныхъ людей. Князья и дворяне обязаны помогать бѣднымъ.

3) Всѣ города и общины будутъ, по божескому и естественному праву, сообразно съ христіанскою свободою, реформированы. Никакихъ дальнѣйшихъ старыхъ или новыхъ выдумокъ не будетъ. Всѣ земельныя повинности должны быть уничтожены.

4) Ни одинъ докторъ римскаго права не можетъ быть допущенъ ни въ судъ, ни въ княжескій совѣтъ. При каждомъ университетѣ должно быть не болѣе трехъ докторовъ общаго, имперскаго права для того, чтобы, въ случаѣ надобности, къ нимъ можно бы было обратиться за совѣтомъ.

5) Ни одинъ священникъ не можетъ занимать никакой свѣтской должности и засѣдать въ княжескомъ совѣтѣ.

6) Всѣ свѣтскія права, бывшія до сихъ поръ въ употребленіи, теряютъ свою силу и отмѣняются,—силу имѣетъ только божеское право, которое одинаково для всѣхъ—какъ для самыхъ бѣдныхъ и низкихъ, такъ и для самыхъ богатыхъ и высоко стоящихъ людей. Въ государствѣ установляется 64 фрейгерихтовъ, въ которыхъ засѣдаютъ представители отъ всѣхъ сословій, въ томъ числѣ и отъ крестьянскаго; 16 ландгерихтовъ; 4 гофгерихта и одна императорская судебная камера для всей Германіи; здѣсь также засѣдаютъ представители отъ всѣхъ сословій. Въ каждомъ судѣ число голосовъ народныхъ представителей должно четырьмя превышать число голосовъ представителей прочихъ сословій. Каждый судъ служитъ апелляціонною инстанціею для другого.

7) Всѣ таможенныя и заставныя пошлины уничтожаются, кромѣ пошлинъ, взимаемыхъ на мостахъ, дорогахъ и переправахъ.

8) Улицы свободны: никакихъ сборовъ съ проходящихъ не взимается.

9) Всѣ налоги отмѣняются, за исключеніемъ императорскаго.

10) Для всей Германіи установляется одна общая монета.

11) Общая мѣра и общіе вѣсы.

12) Ограниченіе процента въ большихъ банкирскихъ домахъ, которые прибрали всѣ деньги къ своимъ рукамъ и обкладываютъ, по произволу, бѣдныхъ и богатыхъ тяжкими контрибуціями.

13) Освобожденіе дворянства отъ всякихъ ленныхъ зависимостей къ духовенству.

14) Уничтоженіе всякихъ союзовъ князей, владѣтельныхъ особъ, феодаловъ и городовъ: законною защитою и охраною всѣхъ и всего долженъ быть одинъ только императоръ.»

Таковъ былъ планъ реформы, предлагаемой умѣреннѣйшими изъ представителей крестьянства. Онъ не требуетъ слишкомъ глубокихъ, радикальныхъ реформъ; онъ оставляетъ экономическій строй общества нетронутымъ; онъ не прикасается къ «вѣками освященнымъ» сословнымъ правамъ и привиллегіямъ, онъ только старается обезпечить нѣкоторыя изъ тѣхъ правъ, которыми пользуются высшіе классы общества и за нисшими;—но самое это раздѣленіе на высшихъ и нисшихъ, на богатыхъ и бѣдныхъ, онъ оставляетъ неприкосновеннымъ. За то, по отношенію къ политическимъ реформамъ проэктъ весьма радикаленъ,—онъ изгоняетъ изъ администраціи духовныхъ лицъ и римскихъ цивилистовъ и обезпечиваетъ за

народомъ представительство во всѣхъ судахъ и даже въ дѣлахъ управленія, какъ видно изъ предположенія созвать въ Гейльбронпѣ «національное народное собраніе.» Въ особенности что поражаетъ въ немъ—это полнѣйшее отсутствіе всякой сословной исключительности, великодушное признаніе правъ всѣхъ классовъ общества; онъ не игнорируетъ ничьихъ интересовъ, какъ бы они ни были враждебны крестьянству; онъ чуждъ всякой мести и злобы;— не уничтожая ничего существеннаго въ старомъ обществѣ, онъ старается обновить его посредствомъ примиренія враждующихъ элементовъ; чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ рекомендуетъ богачамъ братскую любовь къ бѣдняку, и проситъ ихъ дѣлиться съ ними своимъ «честнымъ доходомъ.» Наконецъ нельзя не обратить вниманія на рѣзко выдающіяся стремленія проэкта способствовать объединенію и тогда уже разъединенной, разобщенной Германіи. Съ этою цѣлью проэктъ вводитъ единство монеты, мѣръ и вѣсовъ, требуетъ уничтоженія всякихъ таможенныхъ и заставныхъ пошлинъ, уничтоженія сепаратныхъ союзовъ отдѣльныхъ князей и городовъ и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы тогда эти мѣры могли быть хотя отчасти осуществлены, то теперь господину Бисмарку не о чемъ бы было много хлопотать и не изъ-за чего бы было драться съ австрійцами,—мечты либеральныхъ идеалистовъ давно бы уже превратились въ настоящую дѣйствительность и давно бы уже перестали пугать мнительныхъ французовъ.

Однако, и въ то время наиболѣе дальновидные изъ крестьянскихъ вождей понимали, что подобные проэкты политическихъ реформъ неосуществимы, и что крестьяне только тогда достигнутъ желаннаго освобожденія, только тогда добьются признанія своихъ правъ, когда весь экономическій строй средневѣковаго общества будетъ подвергнутъ коренной передѣлкѣ. Самымъ послѣдовательнымъ и неумолимымъ пропагандистомъ этой мысли былъ Ѳома Мюнцеръ.

Ѳома Мюнцеръ пользуется у историковъ весьма дурною славою;— они обыкновенно рисуютъ его то какимъ-то фанатическимъ сумазбродомъ, полу-помѣшаннымъ извергомъ; то какимъ-то наглымъ шарлатаномъ, развратнымъ, безсовѣстнымъ болтуномъ. Такія ошибочныя характеристики вкрались въ учебники, главнымъ образомъ благодаря другу Лютера, Меланхтону, заклятому врагу Мюнцера, оставившему на горе историкамъ «Исторію Мюнцера.» Эта «исторія», какъ и можно догадываться, совершенно чужда историче-

скаго безпристрастія: въ ней Мюнцеръ рисуется совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ,—а такимъ, какимъ онъ представлялся воображенію Меланхтона. И конечно, если бы даже Меланхтонъ отличался меньшею кротостью и мягкостью характера, то и тогда онъ не могъ бы отнестись сочувственно къ такой энергической, смѣлой натурѣ, какимъ былъ Мюнцеръ. Его страшная популярность среди крестьянъ заставляла трепетать передъ нимъ его враговъ, а его увлекательное краснорѣчіе, его изворотливый умъ и несокрушимая энергія, возбуждали въ нихъ зависть и безсильную злобу. «Всякое изрѣченіе Мюнцера, — говоритъ Циммерманъ,—его приверженцы считали за нѣчто священное, непосредственно исходящее отъ Бога. И онъ еще укрѣпилъ ихъ въ этой мысли, когда отъ теоретической проповѣди перешелъ къ ея практическому осуществленію. Ни самая эта проповѣдь, ни тѣ способы, посредствомъ которыхъ онъ думалъ осуществить ее, неразъяснены достаточно. За то отрицательная, такъ сказать, полемическая сторона его ученія дошла до насъ въ довольно совершенномъ видѣ. По этой полемической части можно до нѣкоторой степени реставрировать и его положительныя доктрины. Во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ Мюнцеръ возставалъ противъ угнетѣнія духовныхъ и свѣтскихъ властителей, и свои строгіе теоритическіе принципы вполнѣ осуществлялъ въ своей жизни. Преслѣдуя богатство и роскошь, онъ самъ жилъ очень скромно, мало пилъ и ѣлъ, одѣвался бѣдно, избѣгалъ всякихъ излишествъ и только клевета могла набросить неблаговидную тѣнь на его будто бы не совсѣмъ цѣломудренныя отношенія къ женскому полу. Онъ любилъ одну только женщину,— свою жену; и какъ глубока и сильна была эта любовь, можно видѣть изъ того, что среди мученій жизни, въ виду позорной смерти,—онъ не переставалъ думать о ней и заботиться объ устроеніи ея будущаго. Мюнцеръ былъ еще очень молодъ, но не смотря на это, онъ совершенно справедливо считается однимъ изъ самыхъ серьзныхъ и основательныхъ вождей крестьянскаго движенія. Никто, быть можетъ, лучше его не понималъ настоящаго положенія; никто лучше его не умѣлъ пользоваться народными силами для торжества своихъ идей. Мюнцеръ, однако, не былъ только утопистомъ; онъ зналъ очень хорошо, какими средствами онъ владѣетъ; онъ зналъ, что эти средства недостаточны, и онъ старался ихъ увеличить, чтобы приступить тогда къ окончательному осуществленію своихъ плановъ. Насколько удалось бы ему или не удалось это осуществленіе, — рѣшить теперь трудно; онъ былъ

остановленъ на полъ-дорогѣ потому, что слишкомъ рано вышелъ на нее. Но рано вышелъ онъ на нее не по своей винѣ. Мюнцеръ не хотѣлъ спѣшить, но у него были нетерпѣливые друзья, смотрѣвшіе на дѣло не такъ серьезно и основательно, какъ онъ на него смотрѣлъ. Эти друзья, на горе Мюнцера, пользовались большею популярностью въ народѣ,—они искусно подстрекали его нетерпѣніе, они старались набросить двусмысленную тѣнь на осторожную политику Мюнцера. Съ особенною энергіею дѣйствовалъ въ этомъ духѣ бывшій другъ и орудіе Мюнцера—Пфейферъ. Пфейферъ увѣрялъ народъ, будто ему снилось, что онъ стоялъ среди огромнаго сіянія, окруженный мышами, что онъ поднялъ мечъ и разогналъ мышей. «Духъ свыше объяснилъ мнѣ, прибавлялъ онъ, что сонъ этотъ предзнаменуетъ нашу побѣду и что мы должны не откладывая и не медля приняться за дѣло». Народъ слушалъ его и вѣрилъ ему. Мюнцеръ съ ужасомъ увидѣлъ, что если онъ еще будетъ упорствовать въ своей благоразумной политикѣ,—то въ средѣ крестьянства можетъ образоваться разъединеніе. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать. Сначала крестьяне имѣли большой успѣхъ; почти нигдѣ не встрѣчая серьезнаго сопротивленія, Мюнцеръ и Пфейферъ овладѣли нѣсколькими городами и деревнями; разрушили нѣсколько монастырей и домовъ, и присоединили къ крестьянскому союзу нѣсколько новыхъ земель. Но успѣхи эти были непродолжительны. Гессенскій ландграфъ Филиппъ забилъ тревогу. Отовсюду стеклись къ нему рыцари добраго, стараго порядка. Мюнцеръ былъ у всѣхъ бельмомъ на глазу; побѣдить и уничтожить его—это значило отнять у крестьянъ ихъ самую надежную и самую прочную опору. Они знали, что Мюнцеръ не простой бунтовщикъ, они видѣли въ немъ сознательнаго и послѣдовательнаго врага всего существующаго порядка,—и потому сломить его было столько же лестно, сколько и заманчиво.

Крестьяне, окруженные со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, расположились лагеремъ въ Франкенгаузенѣ. Мюнцеръ употреблялъ нечеловѣческія усилія для того, чтобы, по возможности, увеличить свое малочисленное войско. Онъ разсылалъ пламенныя посланія къ окрестнымъ крестьянамъ. Въ этихъ посланіяхъ просвѣчиваетъ какая-то безумная ярость, какое-то роковое отчаяніе. Мюнцеръ хорошо понималъ, что онъ стоялъ на краю пропасти, и что никакая сила теперь не спасетъ его. Безвыходность такого положенія не уменьшила, однако, его желѣзную энергію и не охладила его фанатическую преданность своему дѣлу. На угрожающія пос-

ланія Мюнцера со всѣхъ сторонъ стали стекаться крестьяне, женщины и дѣти съ торжествомъ и ликованіемъ провожали ихъ—такъ глубоко вѣрили они своему вождю. Мюнцеръ ободрялъ ново-прибывшихъ и вселялъ въ нихъ твердую надежду на побѣду. Замѣтимъ при этомъ, что до этихъ поръ Мюнцеръ не только не участвовалъ, но даже не видѣлъ ни одного сраженія. Это былъ его первый дебютъ на военномъ поприщѣ, и конечно, ни одинъ полководецъ не начиналъ своей карьеры при менѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Мюнцеръ окопалъ себя баррикадами и ждалъ врага. Врагъ не заставилъ себя долго ждать. Въ исходѣ битвы нельзя было тоже ни минуты сомнѣваться. Почти всѣ крестьяне были перебиты или взяты въ плѣнъ. Только немногимъ удалось спастись. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Мюнцеръ. Вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей онъ благополучно добрался до Франкенгаузена. Ландграфскіе рейтары преслѣдовали ихъ. Мюнцеръ бросился въ первый попавшійся ему домъ, переодѣлся, обвязалъ себѣ голову и легъ въ постель. Въ этомъ самомъ домѣ намѣренъ былъ остановиться одинъ люнесбургскій дворянинъ Ото фонъ-Эббе; слуга его пришелъ осматривать будущее помѣщеніе своего барина и наткнулся на Мюнцера, лежавшаго въ постели. На вопросъ его: кто онъ,—Мюнцеръ, представляясь очень слабымъ, отвѣчалъ, что онъ болѣнъ, и давно уже лежитъ здѣсь въ лихорадкѣ. Рейтаръ, искавшій себѣ поживы, сталъ осматривать мюнцерово платье и въ карманѣ нашелъ письмо графа Альбрехта къ крестьянамъ. Это письмо выдало Мюнцера. Отто фонъ-Эббе повелъ его къ начальникамъ торжествующей партіи, которые стали допрашивать его: зачѣмъ онъ обольщалъ крестьянъ, зачѣмъ онъ проливалъ невинную кровь? и т. п. «Духъ Божій, отвѣчалъ имъ гордо Мюнцеръ, давалъ мнѣ смѣлость жертвовать людьми для спасенія человѣчества?» «Наказать притѣснителей, продолжалъ онъ, требовала справедливость, потому что они противники евангелія, противники христіанской свободы. Если же при этомъ пострадали крестьяне, то, конечно, не онъ того хотѣлъ, а они сами».

Нечего и говорить, какое дѣйствіе произвела подобная рѣчь. На Мюнстера наложили оковы и, приковавъ къ телѣгѣ, отправили, какъ военный трофей, къ князю Эрнесту мансфельдскому, славившемуся своею жестокостью. Въ Гельдрунгенѣ сильно изнеможеннаго, его посадили на нѣсколько дней въ башню, а потомъ подвергли мучительной пыткѣ, послѣ которой онъ, въ горячечномъ состояніи,

выпилъ двѣнадцать кружекъ воды. Герцогъ Георгъ и графъ Эрнестъ присутствовали при этой пыткѣ, надѣясь услышать признанія и имена его сообщниковъ. Мюнцеръ дѣйствительно назвалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, давно уже умершихъ.

Послѣ первой пытки его бросили въ подземелье, изъ котораго его выводили только для новыхъ пытокъ. Но ни заточеніе, ни пытки не сломили его мужественнаго духа, и не заставили его отказаться ни отъ одного изъ своихъ убѣжденій; и черезъ нѣсколько секундъ голова его скатилась на плаху. Съ тѣхъ поръ крестьянское движеніе хотя и продолжалось еще нѣсколько времени, но уже не представляетъ для насъ существеннаго интереса.. Мюнцеръ выражалъ собою самыя реальныя побужденія крестьянства; дальше его оно не пошло. Обезглавивъ Мюнцера, старый порядокъ нанесъ рѣшительный ударъ дѣлу освобожденія крестьянъ, феодалы и филистеры чувствовали это, и потому вѣсть о смерти его, они принимали повсюду съ радостями и ликованіями, въ особенности радовался Лютеръ.

Всего здѣсь сказаннаго, кажется, вполнѣ достаточно для опредѣленія общаго характера крестьянскаго движенія. Читатель, я полагаю, можетъ теперь видѣть, какая пропасть лежала между нимъ и движеніемъ реформаціоннымъ. Но что же вышло изъ всѣхъ этихъ движеній, какое вліяніе оказали они на общественную жизнь, въ какой мѣрѣ видоизмѣнили они соціальный строй средневѣковаго общества, какъ отразились они на его нравахъ, на его домашнемъ и семейномъ быту?—Это мы разсмотримъ въ слѣдующей статьѣ.

П. Т.

НОВЫЯ КНИГИ.

Четвертое сословіе или Пролетаріатъ. Изслѣдованія В. Г. Рилля. Перев. съ 5-го нѣмецкаго изд. Ландау. С.-Петербургъ, 1867 г.

Наши Идеалисты и Реалисты. А. Немировскаго. С.-Петербургъ, 1867.

О значеніи искуства въ цивилизаціи. Е. Эдельсона. С.-Петербургъ, 1867.

Историческіе этюды о женщинѣ. I. Женщина первобытная. Михаила Библіомана. С.-Петербургъ, 1867.

Едва ли въ какомъ изъ западно-европейскихъ государствъ можно найти столько живыхъ воспоминаній, живыхъ памятниковъ „добраго стараго времени," какъ въ современной намъ Германіи. По-видимому, она стоитъ во главѣ европейской цивилизаціи, но въ то же время несомнѣнно, что надъ нею еще носится духъ средневѣковаго варварства,—отсюда рядомъ съ разными новѣйшими изобрѣтеніями и усовершенствованіями, вы встрѣчаете тамъ самые курьезные анахронизмы вродѣ средневѣковыхъ цѣховъ, гильдій, корпорацій, и т. п. Потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и ея ученые и публицисты до сихъ поръ еще не могутъ окончательно отрѣшиться отъ средневѣковаго изувѣрства, до сихъ поръ не могутъ забыть средневѣковыхъ тенденцій. Такимъ образомъ въ нѣмецкой литературѣ рядомъ съ крайними положеніями современной науки мы видимъ самыя дикія заблужденія „добраго стараго времени".

Глубокій анализъ настоящаго и трезвый взглядъ на будущее здѣсь смѣшивается съ отжившими преданіями прошлаго. Подобно тому знаменитому ваятелю, который, силою своего генія, вдохнулъ въ кусокъ мрамора живую душу, они мечтаютъ силою своего слова оживить разлагающійся организмъ средневѣковой жизни и превратить его въ живую дѣйствительность. Они мечтаютъ реставрировать то доброе старое время, когда каждый членъ общества былъ прежде всего членомъ какой нибудь корпораціи; когда каждый былъ прикрѣпленъ къ одному какому нибудь мѣсту, съ котораго онъ не могъ и не долженъ былъ сдвинуться, когда дворянство отличалось гостепріимствомъ и семейными добродѣтелями; когда мастера смотрѣли на своихъ слугъ и подмастерьевъ какъ на своихъ домочадцевъ; когда кавалеры становились передъ дамами на колѣни и пѣли имъ серенады подъ окнами; когда великодушная рука помѣщика втайнѣ благодѣтельствовала и помогала бѣдному крестьянину, изнемогавшему подъ бременемъ барщины; когда *доброму селянину* не было нужды искать работы на сторонѣ; когда среди нисшихъ слоевъ общества процвѣтали всевозможныя добродѣтели, и т. д.

Вотъ это-то заманчивое старое время и хочетъ воскресить маленькая плеяда курьезныхъ публицистовъ, среди которыхъ Рилль является звѣздою первой величины. Рилль—это безспорно одинъ изъ проницательнѣйшихъ, талантливѣйшихъ и въ то же время самыхъ отсталыхъ публицистовъ современной Германіи. Онъ обладаетъ обширною историческою эрудиціею, онъ умѣетъ необыкновенно вѣрно схватывать данныя отношенія, но чуть дѣло касается его разсудочной способности, чуть только понадобится объяснить схваченное отношеніе, сдѣлать выводъ изъ историческихъ данныхъ, какъ вдругъ онъ теряетъ всю свою проницательность и превращается въ какого-то скудоумнаго старца, ворчащаго и брюжжащаго на все, что только дышетъ жизнію и молодостію. Съ непреклонною послѣдовательностію ненавидитъ Рилль все живое и молодое. И эта ненависть не безпричинная: Рилль понимаетъ и видитъ, какъ молодая жизнь подтачиваетъ и разрушаетъ тѣ полу-сгнившіе обломки средневѣковой общественности, которые онъ считаетъ священными памятниками прошлога благополучія человѣчества, вѣрнымъ голосомъ его буду-

щаго счастія. Онъ смутно чувствуетъ законность и неизбѣжность такого разрушенія и потому онъ всѣми силами старается доказать его невозможность и беззаконность. Слушая эти доказательства, невольно спрашиваешь себя: къ чему же онъ такъ волнуется и къ чему же онъ подымаетъ всю эту страшную бурю противъ ненавистнаго ему „духа времени?“ Вѣдь все это только „мечтанія“ и „фантастическія утопіи,“ вѣдь никто не могъ и не можетъ „совершенно уничтожить самыя корпораціи и вырвать вѣру въ ихъ необходимость“ (Рилль, четвертое сословіе стр. 14). Чего же слѣдовательно безпокоиться? Однако Рилль безпокоится и негодуетъ: не служитъ ли это доказательствомъ, что онъ самъ какъ бы недовѣряетъ своимъ словамъ, что онъ самъ сомнѣвается въ дѣйствительности тѣхъ средствъ, которыя предлагаетъ для уврачеванія общественныхъ язвъ? Насквозь пропитанный средневѣковыми преданіями, умъ его до того сроднился съ формами средневѣковаго быта, что онъ заключаетъ даже въ эти формы и молодую, протестующую жизнь. Все протестующее, все враждебное средневѣковому порядку вещей, онъ сваливаетъ въ одну группу и приклеиваетъ къ ней ярлыкъ съ надписью „четвертое сословіе.“ Повидимому надпись эта не имѣетъ особеннаго значенія, повидимому это только условное названіе и ничего болѣе. Но въ сущности, совсѣмъ не такъ. Окрестивъ протестантовъ именемъ *четвертаго сословія*, онъ хотѣлъ этимъ показать, что они, по самому положенію своему въ обществѣ, лишены всякихъ шансовъ не только на возможность осуществленія своихъ тенденцій, но даже на возможность продолжительнаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, по своимъ тенденціямъ это сословіе отрицаетъ всякую замкнутость, всякія сословія, т. е. отрицаетъ само себя? А при такомъ самоотрицаніи, при такомъ самопротиворѣчіи развѣ оно можетъ долго существовать, развѣ оно можетъ вообще существовать? Конечно нѣтъ. Оно должно или отказаться отъ своихъ „мечтательныхъ теорій“ или уничтожиться, т. е. распасться на свои составные элементы, и каждый изъ этихъ элементовъ присоединится къ той общественной группѣ, отъ которой онъ оторвался. Такую именно будущность и предсказываетъ ему Рилль.

Все это очень можетъ быть и все это совершенно справедливо,

но только при томъ предположеніи, что ярлыкъ, придѣланный Рилемъ къ анализируемой имъ группѣ лицъ, дѣйствительно вѣренъ и вполнѣ точенъ, если же нѣтъ, если съ понятіемъ объ этой группѣ совершенно не вяжется понятіе о сословіи, въ такомъ случаѣ въ ея существованіи нѣтъ ни малѣйшаго самопротиворѣчія и ей нисколько не грозитъ та роковая участь, которую подготовилъ для нея нѣмецкій публицистъ. Изъ кого же состоитъ та общественная группа, которую Рилль назвалъ четвертымъ сословіемъ?

На это самъ Рилль отвѣчаетъ такимъ образомъ: „оно образуется изъ отлагающихся и разлагающихся частей аристократіи, гражданства и крестьянства; оно собираетъ подъ своимъ флагомъ тѣхъ, которые оставили свои знамена, мародеровъ стараго общества, и образуетъ изъ нихъ новую, страшную своею силою, армію.“ (Рилль, стр. 1) Однимъ словомъ, къ этой группѣ принадлежатъ всѣ тѣ, которые поставлены условіями современной общественной жизни въ положеніе *пролетаріевъ*, т. е. людей, ничего неимѣющихъ для удовлетворенія своихъ потребностей, кромѣ головы и рукъ, людей, у которыхъ потребности всегда выше удовлетворенія, слѣдовательно людей вѣчно ищущихъ работы, рѣдко ее находящихъ, людей недовольныхъ и неудовлетворенныхъ, чувствующихъ и сознающихъ (въ большей или меньшей степени) свое шаткое, ненадежное, ничѣмъ необезпеченное положеніе въ современномъ обществѣ. Различныя обстоятельства оторвали ихъ отъ тѣхъ прочно-сложившихся и опредѣлившихся общественныхъ группъ, которыя выработала средневѣковая жизнь. Потому въ составъ этого пролетаріата входятъ самые разнообразные элементы отъ каждаго сословія. Эти разнообразные элементы именно въ силу своего разнообразія и не могутъ сплотиться въ одну цѣлостную группу, въ сословіе. Чтобы сплотиться въ сословіе, нужно имѣть общіе, и притомъ *исключительные* интересы,—такихъ интересовъ у современныхъ пролетаріевъ нѣтъ и не можетъ быть. Какіе общіе интересы могутъ связывать обнищавшаго дворянина и оставшагося за штатомъ чиновника, фабричнаго рабочаго и обанкрутившагося торгаша, литературнаго пролетарія и какого нибудь бродягу. У всѣхъ у нихъ есть сознаніе необезпеченности, шаткости своего положенія, всѣ они чувствуютъ недовольство сво-

имъ безвыходнымъ положеніемъ, но однако этого сознанія и недовольства еще слишкомъ мало, чтобы сплотить ихъ въ замкнутое сословіе. Потому всѣ эти пролетаріи тѣснѣе связаны съ тѣми сословіями, изъ которыхъ они вышли, нежели другъ съ другомъ. Чиновникъ пролетарій не чувствуетъ ни малѣйшей солидарности съ пролетаріемъ бродягою и считаетъ своею обязанностію относиться къ нему съ самымъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, точно также пролетарій умственной работы относится къ какому нибудь обнищавшему торгашу или мошеннику-аферисту.

Пролетаріи фабричные не питаютъ никакихъ дружелюбныхъ чувствъ къ пролетаріямъ земледѣльцамъ. Окрестить всѣ эти разнообразные и часто враждебно относящіеся другъ къ другу элементы однимъ общимъ именемъ *четвертаго сословія*—это значитъ употреблять слово *сословіе* въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ его никогда не употребляли. Слѣдовательно пролетаріатъ никогда не можетъ выродиться въ особое сословіе. Но съ другой стороны, съ тѣми сословіями, изъ которыхъ вышли пролетаріи, они связываются только чисто-внѣшнею формальною связью,—дѣйствительныхъ же общихъ интересовъ между ними нѣтъ; напротивъ, между ними существуетъ общій антагонизмъ, скрытая злоба и ненависть. Такимъ образомъ, принадлежа къ своему сословію по своему образу жизни, по своимъ привычкамъ и преданіямъ, они въ тоже время вносятъ въ это сословіе духъ разъединенности и антагонизма, боязнь за будущее, неувѣренность въ настоящемъ, недовольство существующимъ. При такихъ условіяхъ сословіе не можетъ представлять собою плотнаго замкнутаго цѣлого, оно постепенно должно разлагаться; корпоративныя узы, связывавшія прежде его членовъ, постепенно начинаютъ расторгаться, каждый думаетъ только о себѣ, каждый трепещетъ за свою судьбу, каждый видитъ другъ въ другѣ не сотоварища, а врага, посягающаго на его благосостояніе. Таково дѣйствіе современнаго пролетаріата по отношенію къ сословной разграниченности. Потому Рилль совершенно напрасно полагаетъ, будто современный пролетаріатъ приведетъ въ концѣ концовъ къ реставрированію отжившихъ средневѣковыхъ корпорацій. „Именно тѣмъ, говоритъ онъ (стр. 5), что четвертое сословіе составляетъ оппозицію

противъ другихъ сословій, оно заставляетъ послѣднихъ еще болѣе сосредоточиваться въ самихъ себѣ, въ своихъ особенностяхъ, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться всеобщимъ, оно само, четвертое сословіе, тѣмъ болѣе должно обособляться, чѣмъ вѣрнѣе оно остается своему принципу—уничтоженія всякаго сословнаго распредѣленія. Такимъ образомъ, вездѣ устроено такъ, чтобы деревья не проломили небо".— Хотя нельзя не сочуствовать такому благонамѣренному взгляду на природу, однако нельзя также не согласиться, что въ настоящемъ случаѣ онъ мало примѣнимъ къ дѣлу. Ожидать отъ такъ называемаго четвертаго сословія Рилля возсозданія средневѣковыхъ формъ общественности —это значитъ думать, что деревья будутъ расти вверхъ корнями и внизъ вѣтвями. Но намъ кажется, что и самъ Рилль не вѣритъ въ эти мечты, хотя изъ приведенныхъ выписокъ несомнѣнно слѣдуетъ, что онъ ихъ раздѣляетъ. Если бы Рилль вѣрилъ въ ихъ осуществимость, то онъ долженъ бы былъ отнестись къ своему „четвертому сословію", съ нѣкоторою нѣжностью и даже любовью, но онъ вездѣ относится къ нему съ ожесточеніемъ. Людей, принадлежащихъ къ нему, онъ называетъ не иначе, какъ людьми „испорченными", гнилыми членами общества, представляющими собою „громадный лазаретъ, наполненный больными въ гражданскомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ, — образцовую клинику, великолѣпно устроенную для поучительныхъ культурно-историческихъ наблюденій" (стр. 34). Приблизительно, онъ смотритъ на нихъ съ такой же именно точки зрѣнія, съ какой смотрятъ на нашихъ нигилистовъ и реалистовъ Гг. Стебницкіе, Соловьевы, Авенаріусы и легіонъ ихъ единомышленниковъ; особенно сильно достается отъ него журналистикѣ и литераторамъ. Читая его выходки противъ нихъ, такъ и кажется, что читаешь статьи сотрудниковъ Всемірнаго Труда и Литературной Библіотеки, въ нѣмецкомъ переводѣ. Въ литераторствѣ ищутъ себѣ убѣжище, по мнѣнію Рилля, „отвергнутые не только обществомъ, но и государствомъ, люди потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ житейскомъ морѣ и напрасно добивающіеся „барскаго существованія" (стр. 45). „Не мысли и убѣжденія руководятъ литераторами—ими руководитъ зависть, презрѣнное честолюбіе, желаніе „посибаритничать", пощеголять „блестящею

роскошью, золотыми цѣпочками, шампанскимъ“ (стр. 45), пріобрѣсти популярность, вѣсъ и значеніе въ обществѣ, и т. п. „Кто хотѣлъ жать не сѣя, говоритъ Рилль, тотъ дѣлался литераторомъ; кто самымъ краткимъ и легкимъ путемъ хотѣлъ пріобрѣсти политическій вѣсъ, дѣлался журналистомъ, подобно тому, какъ въ фалангу журнальныхъ критиковъ легко вступали люди, желавшіе играть роль въ артистическомъ мірѣ, но въ то же время чувствовавшіе свою неспособность быть художниками“.—Конечно все это можетъ быть справедливо въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ, но обвинять въ этомъ огуломъ всю журналистику, всѣхъ литераторовъ, которые осмѣливаются не соглашаться съ Риллемъ во взглядахъ на средневѣковыя формы общественнаго быта, несправедливо. Но это еще не все: гнѣвъ Рилля обрушивается не только на всѣхъ тѣхъ, которые, по его мнѣнію, принадлежатъ къ четвертому сословію, но также и на все средневѣковое общество, подготовившее, своими „соціальными проступками“, — какъ онъ выражается — возможность возникновенія этого сословія. Анализируя его составъ и образованіе, онъ убѣждается, что четвертое сословіе является результатомъ совокупной дѣятельности всѣхъ элементовъ средневѣковой общественности. Такимъ образомъ средневѣковое общество само приготовило язву,—въ своемъ логическомъ развитіи оно само дошло до саморазрушенія. Но оставимъ на время соображенія Рилля и обратимся къ его историческимъ наблюденіямъ, анализу образованія такъ называемаго имъ четвертаго сословія. Этотъ анализъ, надо сознаться, иногда поражаетъ своею мѣткостью, а иногда своею крайнею недальновидностью. Однако эта недальновидность, какъ мы увидимъ ниже, можетъ быть скорѣе отнесена на счетъ желанія Рилля утѣшить и убаюкать себя, нежели на счетъ его непроницательности.

Усиленіе королевской власти въ западной Европѣ, западно-европейское бюрократическое государство и западно-европейскій конституціонный либерализмъ, далѣе западно-европейское католическое духовенство—всѣ эти элементы средневѣковой общественности не сдѣлали, по мнѣнію Рилля, ничего „какъ только содѣйствовали образованію четвертаго сословія“, т. е. пролетаріата (стр. 11). „Короли, говоритъ онъ, разрушили самостоятельное могущество значительнаго

дворянства; они уничтожили средневѣковое многосложное государственно-гражданское раздѣленіе общества; они уничтожили также и сословныя привилегіи и, мало-по-малу, усыпили сословное представительство". „Ришелье, разрушая самостоятельность французской аристократіи, завербовалъ этимъ многочисленныхъ членовъ для четвертаго сословія. Когда нѣмецкіе монахи, чтобы противодѣйствовать наслѣдственной аристократіи, во множествѣ раздавали высокіе титулы безъ соотвѣтственныхъ къ тому матеріальныхъ средствъ, то они сами того не подозрѣвая, такимъ образомъ, сдѣлались разсадниками школъ, гдѣ выросло четвертое сословіе, которое впослѣдствіи рѣзче всѣхъ должно было выступить противъ того понятія о подданномъ, для утвержденія котораго предпринимались эти мѣры".

„Бюрократическое государство смотрѣло на общество только съ точки зрѣнія администраціи. Всѣ сословія раздѣлялись для него на двѣ значительныя группы: „служащихъ" и „гражданъ", т. е. состоящихъ на государственной службѣ и несостоящихъ въ ней. Гордость, заключающаяся въ этомъ различіи, въ незначительныхъ мѣстностяхъ и мѣстечкахъ ужаснымъ образомъ ослабила отрадное самосознаніе гражданина. Множество ослѣпленныхъ людей, которые были бы отличными столярами и сапожниками, предпочли имъ блестящую нищету человѣческаго пролетаріата. Ремесленникъ терялъ къ самому себѣ всякое уваженіе, когда видѣлъ, какъ неизмѣримо выше его считалъ себя всякій чиновникъ, который успѣлъ положить чернильное пятно на листъ гербовой бумаги".

„Чиновничество, какъ искуственное сословіе, разрушая и разлагая, вторглось въ другія. Здоровый, естественный корпоративный духъ превратился въ уродливый и противуестественный. Справедливая гордость своимъ великимъ призваніемъ и достоинство общественнаго положенія сдѣлались раздражительною дерзостью, въ отношеніи къ тѣмъ изъ своихъ гражданскихъ сословныхъ товарищей, которые, вмѣсто гербовыхъ пуговицъ на чиновничьемъ фракѣ, имѣли кожаный передникъ. Но бюрократическое государство и изъ политическаго принципа стремилось уравнять корпоративное раздѣленіе общества, потому что ему гораздо легче было управлять обществомъ однообразнымъ, чѣмъ равнообразнымъ, потому что централизація государствен-

наго управленія неминуемо влечетъ за собою и централизацію общества, и потому, наконецъ, что государство для него не болѣе какъ мертвый организмъ, между тѣмъ какъ историческое раздѣленіе общества стремится развивать органическую жизнь и безъ сомнѣнія составляетъ противурѣчіе съ мертво-табельнымъ управленіемъ бюрократіи".

„Такъ какъ бюрократическое управленіе мѣритъ благосостояніе народа не его внутреннимъ здоровьемъ и силою, а внѣшними обстоятельствами, то оно употребляло всѣ свои усилія, чтобы увеличить число душъ (?), не заботясь о томъ, возвыситъ ли новоприбывшая масса народное благосостояніе или только станетъ эксплоатировать его. Абсолютная свобода промысловъ, патентованное мастерство,— вотъ волшебныя средства, которыми бюрократія думала увеличить народное благосостояніе. И когда, послѣ этого, цѣлыя массы пролетаріевъ внезапно поставили нѣмецкую бюрократію въ ужасно неловкое положеніе, то она и понять не могла, откуда взялись эти люди, хотя она сама строила печи для искуснаго высиживанія сотнями тысячъ цыплятъ четвертаго сословія" (стр. 11, 12). Хотя во всемъ этомъ много преувеличенія, хотя нѣмецкой бюрократіи приписываются такія дѣйствія, въ которыхъ она была почти неповинна (какъ напр. дарованіе полной свободы промысламъ и проч.)—однако въ приведенныхъ словахъ Рилля много горькой правды. Да, бюрократія была могучимъ рычагомъ, создавшимъ массы чиновническаго пролетаріата,—отрывая производительныхъ работниковъ отъ производительной дѣятельности, и превращая ихъ въ какія-то ходячія машины,—весьма убыточныя для народа и весьма стѣснительныя для развитія народной промышленности.

Въ томъ же духѣ, какъ и бюрократическое государство, — въ духѣ нивеллированія сословій и уничтоженія средневѣковыхъ общественныхъ корпорацій, дѣйствовали, по мнѣнію Рилля, и конституціонные либералы, „видѣвшіе въ человѣкѣ не члена той или другой корпораціи, а только члена государства, которому они охотно приносили въ жертву все общество со всѣми его посторонними подраздѣленіями."

Въ этомъ же духѣ дѣйствовали и католицизмъ, и философы

XVIII вѣка, и современная демократія. Благодаря этимъ-то вреднымъ вліяніямъ и стали ослабѣвать и порываться узы средневѣковыхъ корпорацій, стали уничтожаться тѣ перегородки, которыя такъ долго раздѣляли средневѣковое общество. Рилль, въ качествѣ присяжнаго защитника средневѣковыхъ формъ быта, разумѣется, скорбитъ объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ. Но въ этой, весьма понятной, скорби ясно просвѣчивается его консервативный оптимизмъ, въ желчныхъ выходкахъ слышатся какія-то неопредѣленныя надежды, что все это можно еще поправить и повернуть на старый ладъ. Вглядитесь въ самомъ дѣлѣ на тѣ причины, которыя, по его мнѣнію, поколебали твердыя основы средневѣковой общественности. Въ этихъ причинахъ нѣтъ въ сущности ничего роковаго, неизбѣжнаго, ихъ легко можно устранить, они не составляютъ логическаго вывода изъ основныхъ началъ средневѣковой жизни, напротивъ, это только неправильное уклоненіе отъ того истиннаго пути, на которомъ стояло средневѣковое человѣчество,—это только „спеціальныя преступленія“ отдѣльныхъ сословій (стр. 2), по собственному выраженію Рилля. Такимъ образомъ чтобы польстить и обнадежить свой старческій оптимизмъ Рилль, не только рѣшается игнорировать ту коренную и основную причину, которая разрушила твердыни средневѣковаго общества и которая лежала въ экономическомъ строѣ этого самого общества,—онъ даже отважно отвергаетъ ее, утверждая, будто ее выдумали французскіе публицисты, единственно изъ злобы и ненависти къ „доброму старому времени.“ Нѣмецкіе писатели, говоритъ онъ, занимающіеся разработкою соціальнаго вопроса, особенно въ періодической печати, обыкновенно по примѣру французовъ (бѣдные нѣмецкіе писатели! Рилль не хочетъ даже допустить въ нихъ ни малѣйшей доли оригинальности) слишкомъ долго и исключительно останавливаются на промышленномъ пролетаріатѣ. „Но, продолжаетъ онъ, корень соціальнаго вопроса лежитъ совсѣмъ не въ отношеніи труда къ капиталу, а въ *отношеніи обычая къ гражданскому разложенію.* Соціальный вопросъ есть прежде всего вопросъ этическій, а потомъ уже экономическій. Рабочій сперва отказывается отъ своего обычая, и потомъ уже чувствуетъ себя бѣднымъ, а не на оборотъ“ — (стр. 66). И такъ,

вотъ гдѣ корень современнаго зла, „рабочій отказывается отъ своего обычая“, т. е. онъ вышелъ изъ той колеи, въ которую втиснула его средневѣковая жизнь, онъ забылъ преданія своихъ отцовъ и дѣдовъ, и оттого онъ почувствовалъ себя бѣднымъ,—и оттого онъ сдѣлался пролетаріемъ. Возвратите его къ „его старому обычаю“, возвратите его къ той обстановкѣ, среди которой жили его дѣды и прадѣды, и вы уничтожите пролетаріатъ, а сдѣлать это, по мнѣнію Рилля, совсѣмъ нетрудно: для этого ненужно трогать его экономическое положеніе, такъ какъ вопросъ идетъ „не объ отношеніи труда къ капиталу,“ а только объ этическихъ воззрѣніяхъ рабочаго, слѣдовательно стоитъ только немножко перевоспитать его, внушить ему нѣкоторыя изъ средневѣковыхъ понятій на общественныя отношенія, и дѣло въ шляпѣ. Таковы мечты консервативнаго оптимизма. Но едва ли самъ консерватизмъ вѣритъ имъ, потому что онъ фальшивитъ: только фальшью можно объяснить его странныя претензіи игнорировать въ экономическомъ вопросѣ экономическую сторону и сосредоточивать все свое вниманіе на сторонѣ этической. Допустимъ, что дѣйствительно рабочій оттого сдѣлался пролетаріемъ, что *отказался отъ своего прежняго обычая*, оторвался отъ той семейной патріархальности, которая, по понятіямъ Рилля, сохраняла въ чистотѣ его нравственность и строго дисциплинировала его потребности, но вотъ вопросъ: самъ ли онъ оторвался или его насильно оторвали? Если онъ самъ оторвался, то Рилль правъ, отдавая въ настоящемъ случаѣ предпочтеніе этической сторонѣ передъ экономической; если же нѣтъ—если его оторвали отъ стараго обычая и старой обстановки роковыя, неизбѣжныя силы, и если эти силы выросли на экономической почвѣ средневѣковой жизни, то очевидно оптимизмъ Рилля не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго основанія и не можетъ быть ничѣмъ оправданъ. Вопросъ этотъ самъ Рилль рѣшаетъ противъ себя, онъ самъ не можетъ не сознаться, что чрезвычайное развитіе промышленности, замѣнивъ ручное производство машиннымъ, вырвало рабочаго изъ его прежней обстановки и поставило его въ совершенно новыя условія жизни. „Машинообразное употребленіе фабричнаго пролетарія его хозяиномъ, говоритъ Рилль,—составляетъ крайнюю противуположность съ

жизнью и дѣятельностью въ семьѣ. Фабричный рабочій,—который не обладаетъ никакою промышленною способностью, а служитъ только простою механическою силою на ряду съ прочими механическими силами фабричной машины, который долженъ оставаться равнодушнымъ, если на его мѣсто завтра поставятъ ребенка, а послѣ завтра онъ будетъ замѣненъ какимъ нибудь винтомъ или вновь придѣланнымъ рычагомъ,—этотъ рабочій, съ которымъ фабрикантъ въ сущности ничего болѣе не можетъ сдѣлать, какъ только употреблять его на время и потомъ бросать какъ ненужную вещь,—безспорно крайне расположенъ къ переходу въ четвертое сословіе" (стр. 67), т. е. въ пролетаріатъ. Машины разрушили прежнюю связь хозяина съ мастеровыми и подмастерьями,—машины сдѣлали невозможнымъ существованіе цеховъ, и въ корнѣ измѣнили средневѣковой процессъ промышленнаго производства, — машины создали обширные промышленные центры, куда стекаются со всѣхъ сторонъ милльоны рабочихъ, для того чтобы весь день и часть ночи играть безсмысленную роль какого нибудь живого рычага или винта.—Машины разрушили семейную жизнь рабочаго, отнявъ у него жену и дѣтей и приковавъ ихъ къ своимъ гигантскимъ, вѣчновертящимся и оглушительно-шумящимъ колесамъ. Уничтожьте машины, изгладьте изъ памяти человѣчества воспоминанія о его промышленныхъ успѣхахъ и изобрѣтеніяхъ,—и тогда, и только тогда вамъ, быть можетъ, удастся реставрировать средневѣковые цехи и корпораціи, средневѣковую замкнутость и сословную разъединенность, средневѣковую патріархальность и средневѣковыя добродѣтели. Но вы, не смотря на весь вашъ оптимизмъ, сознаетесь, что не въ силахъ этого сдѣлать, потому что вы съ умысломъ скрываете настоящую причину развитія современнаго рабочаго пролетаріата. А если вы, по собственному сознанію, не можете удержать и направить въ другое русло быстро-несущійся потокъ промышленной жизни, то значитъ и лекарства, рекомендуемыя вами для излеченія общественныхъ болѣзней, никуда негодятся, и вы только попусту тѣшите себя занимаясь совершенно безполезнымъ анализомъ ихъ цѣлительныхъ свойствъ.

Тотъ же ошибочный взглядъ, который заставляетъ Рилля мас-

кировать настоящую причину развитія современнаго пролетаріата, ослѣпляетъ его и относительно другихъ фракцій своего „четвертаго сословія.“ Такъ, напримѣръ, возникновеніе нѣмецкаго умственнаго пролетаріата, т. е. пролетаріата умственной работы—этого многознаменательнаго явленія нашего вѣка, — онъ объясняетъ вліяніемъ Франціи съ одной стороны, съ другой „пренебреженіемъ къ промышленности и торговлѣ.“ „Нѣмецкій литературный міръ, при своемъ первоначальномъ появленіи,—говоритъ Рилль,—былъ результатомъ соціальной болѣзни. Непомѣрное уваженіе къ умственной работѣ и пренебреженіе къ промышленной, лихорадочно охватили умы въ началѣ XVIII ст., и прежняя полезная дѣятельность рабочаго и промышленнаго люда ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ учено-литературная слава образованныхъ людей стала приближаться къ своему апогею. Это обратная сторона духовнаго возрожденія гражданства. Эта болѣзненная односторонность поддерживалась сверху и снизу и мы сами еще подвергались ей въ молодости. Бюрократическое государство старалось по возможности игнорировать самостоятельныя силы промышленности и торговли, потому что, по его принципамъ, политическій и соціальный вѣсъ государства зависитъ отъ ученаго и чиновническаго міра. Впродолженіи всего домашняго періода реставраціоннаго времени героями дня то и дѣло были: чиновники (разумѣется не государственные люди), литераторы, виртуозы и театральныя пѣвицы. Подобно тому какъ во времена крестовыхъ походовъ все бралось за оружіе, а за неимѣніемъ его, по крайней мѣрѣ, за палку, даже дѣти составляли цѣлые полки, въ рядахъ сражающихся встрѣчались и женщины, такъ теперь все устремилось къ научному знанію.“

„Женщины стряпали книги, скрипки и литература были игрушками дѣтей, которыя—посмотришь—уже попали въ знаменитости ученаго и артистическаго міра. Донъ-кихотство литераторскаго честолюбія есть одна изъ замѣчательныхъ соціальныхъ характеристическихъ чертъ нашего времени. Ремесленникъ, который въ прежнее время съ извѣстною гордостью завѣщалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ свое честное ремесло, вздумалъ теперь улучшить ихъ участь, заставляя ихъ заниматься не полезнымъ ремесломъ, а науками.

Бѣдныя вдовы голодали и собирали даже милостыню единственно для того, чтобы доставить своимъ возлюбленнымъ чадамъ средства къ ихъ обученію. Онѣ проливали слезы радости, когда наступало давно желанное время выпуска ихъ дѣтей, имѣвшихъ тогда уже законное право пользоваться всѣми привилегіями чиновничьяго пролетаріата. Казалось, будто единственное достойное призваніе человѣка могло только вытекать изъ поверхностно-нахватанныхъ познаній о какой нибудь обѣщающей хлѣбъ наукѣ, и тотъ, кто не зубрилъ 8 лѣтъ Бредера и Бутмана для того, чтобы забыть ихъ на 9-мъ году, считался полу-зрѣлымъ недорослемъ" (стр. 41, 42).

Все, что говоритъ здѣсь Рилль о Германіи, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и ко всякой другой странѣ. Въ послѣднее столѣтіе число лицъ занятыхъ производствомъ, такъ называемыхъ, *невещественныхъ*, *духовныхъ* продуктовъ быстро возрастаетъ, и мы совершенно согласны съ Риллемъ, что этихъ продуктовъ производится гораздо болѣе, чѣмъ сколько нужно народу и сколько онъ въ состояніи оплатить." Мы согласны съ нимъ также и въ томъ, что „этотъ излишекъ духовныхъ продуктовъ, который не есть какое нибудь моментальное явленіе, но который все болѣе ростетъ съ каждымъ днемъ, свидѣтельствуетъ о болѣзненномъ состояніи народнаго труда и противуестественномъ распредѣленіи въ народѣ рабочихъ его силъ." (стр. 27). Но причину этого, „противуестественнаго распредѣленія рабочихъ силъ," нельзя видѣть тамъ, гдѣ хочетъ ее видѣть Рилль. Онъ приписываетъ ее съ одной стороны вліянію бюрократическаго государства, съ другой—вліянію какой-то странной болѣзни, охватившей умы современнаго человѣчества, болѣзни, заставляющей его слишкомъ высоко преувеличивать значеніе умственнаго труда и слишкомъ пренебрежительно относиться къ труду ремесленному, промышленному. Онъ полагаетъ, что будто не злая необходимость, а пустая прихоть, глупый капризъ, безсмысленная мода заставляютъ ремесленника, „который въ прежнее время съ извѣстною гордостью завѣщалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ свое честное ремесло,"—посылать своихъ дѣтей не въ мастерскую, а въ школы и гимназіи; что будто только глупая рутина удерживаетъ чиновника отъ обученія своихъ дѣтей ремесламъ, что будто только

женская недальновидность заставляетъ бѣдныхъ вдовъ „голодать и даже собирать милостыню, единственно для того, чтобы доставить своимъ возлюбленнымъ чадамъ средство къ ихъ обученію.“ —О, если бы все это было такъ, какъ бы легко тогда было излечивать соціальныя болѣзни и водворять гармонію въ общественныхъ отношеніяхъ. Но въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти ненормальныя явленія вызываются совсѣмъ не единичною глупостью и тупостью, не единичною несообразительностью“ — а общими причинами, глубоко лежащими въ самомъ корнѣ экономической жизни народа, — причинами, съ неумолимымъ деспотизмомъ подчиняющими себѣ индивидуальныя желанія и побужденія. — На рынкѣ механическаго и физическаго труда, благодаря конкуренціи машинъ, — предложеніе давно уже стоитъ выше спроса, — потому естественный инстинктъ самосохраненія заставляетъ людей бѣжать толпами съ этого рынка на другой рынокъ — на рынокъ такъ называемаго умственнаго, духовнаго труда. Этимъ послѣднимъ рынкомъ заправляютъ богатые люди, — помѣщики, рантьеры и т. п., у которыхъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ ихъ реальныхъ потребностей, остается еще очень много денегъ для забавъ и развлеченій, — эти-то деньги и текутъ на рынокъ духовнаго труда и, благодаря имъ, спросъ на немъ стоитъ довольно высоко. Однако, это еще не главная причина сравнительной высоты спроса на этомъ рынкѣ, — главная же причина состоитъ въ томъ, что каждый работникъ, привлекаемый къ умственному труду, является на рынокъ въ одно и тоже время и въ качествѣ *предлагателя*, и въ качествѣ *требователя*. Каждый производитель духовныхъ продуктовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и потребитель ихъ; первое немыслимо безъ послѣдняго, хотя нельзя сказать того же наоборотъ. Со всѣмъ не то на рынкѣ механическаго труда, — физическій работникъ является на рынокъ только съ предложеніемъ своего труда, и почти никогда не является съ требованіемъ продуктовъ этого труда. Ліонскіе и брюссельскіе пролетаріи выдѣлываютъ восхитительныя кружева и чудный бархатъ, но сами они въ своемъ домашнемъ обиходѣ весьма удобно обходятся безъ кружевъ и бархата. Но бѣдный литераторъ и ученый, услаждая досуги праздныхъ людей, не можетъ обойтись безъ продуктовъ духовнаго труда своихъ собратій по ремеслу. Та-

кимъ образомъ, почти каждое увеличеніе предложенія на рынкѣ духовнаго труда влечетъ за собою соотвѣтственное увеличеніе спроса,— потому положеніе этого рынка сравнительно выгоднѣе рынковъ механическаго труда; это обстоятельство отчасти и служитъ приманкою, привлекающею къ нему толпы рабочихъ, отрывающею безчисленное множество людей отъ производства вещественныхъ продуктовъ, и заставляющею ихъ посвящать свою жизнь ремеслу, въ большой части случаевъ, столько же эфемерному, сколько и въ высшейся степени убыточному для народа. Хотя заработная плата на рынкѣ духовнаго труда нѣсколько выше заработной платы, установившейся на рынкѣ механическаго труда,—хотя самый плохой литераторъ получаетъ больше, чѣмъ самый искусный и трудолюбивый фабричный, однако, умственный трудъ ставитъ умственнаго работника въ такія условія, которыя, по необходимости, заставляютъ его расширить свой бюджетъ и въ концѣ концовъ, почти уравниваютъ его положеніе съ положеніемъ физическаго труженика. Притомъ же, чрезмѣрный, хотя и неизбѣжный, приливъ рабочихъ силъ къ рынку духовнаго труда съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ уменьшать литературный гонорарій.

Вотъ та истинная экономическая причина, которая вызываетъ и обусловливаетъ существованіе умственнаго пролетаріата, „этой, какъ говоритъ Рилль,—гораздо болѣе ѣдкой сатиры на народное благосостояніе, чѣмъ безвыходное положеніе фабричныхъ рабочихъ и крестьянъ.“ (стр. 27) Вы видите, что и здѣсь Рилль поступилъ точно также, какъ онъ поступалъ по отношенію къ пролетаріату физической работы. Онъ скрылъ главную причину и выдвинулъ на первый планъ второстепенныя и несущественныя. Такова обычная тактика людей его партіи; они всегда хватаются за второстепенныя причины и избѣгаютъ указаній на коренныя, потому что ихъ цѣлительныя снадобья очень удобно примѣняются къ первымъ и совершенно безсильны относительно послѣднихъ. Такимъ же образомъ относится Рилль и къ другимъ составнымъ частямъ современнаго пролетаріата. Приведенныхъ примѣровъ полагаемъ вполнѣ достаточно для того, чтобы показать, что это отношеніе въ основѣ своей невѣрно, и что, вслѣдствіе этого фальшиваго отношенія, я

самый вопросъ о пролетаріатѣ выставляется Риллемъ въ совершенно ложномъ свѣтѣ.

Теперь мы посмотримъ, какъ понимаетъ Рилль самую, такъ сказать, сущность современнаго пролетаріата, т. е. что, по его мнѣнію, дѣлаетъ современнаго нищаго и голодающаго рабочаго — пролетаріемъ. Вѣдь нищіе, и голодающіе рабочіе существовали всегда и вездѣ, оптимисты (къ числу которыхъ принадлежитъ и Рилль) увѣряютъ даже, что теперь ихъ стало несравненно меньше, чѣмъ прежде, — однако никогда прежде бѣдные не возбуждали такихъ серьезныхъ оппозицій со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей, какъ въ нашъ вѣкъ. Прежде голодные нищіе, огромными массами бродившіе по селамъ и городамъ, ввѣрялись благоусмотрѣнію и попеченію мѣстныхъ полицейскихъ властей. И мѣстныя полицейскія власти расправлялись съ ними по-своему. Теперь же на это явленіе смотрятъ нѣсколько иначе, и даютъ ему въ ряду другихъ соціальныхъ вопросовъ право гражданства. Чѣмъ же современное нищенство отличается отъ прежняго? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Рилль: „Почти у каждаго захолустья разставлены были, въ прежнее время висѣлицы, служившія большею частью къ охраненію собственности отъ грабежа и поджога. Статистика совершаемыхъ преступленій свидѣтельствуетъ, какъ нельзя вѣрнѣе, о громадной цифрѣ народной бѣдности. И не смотря на то, въ сущности, прежній, достигшій гигантскихъ размѣровъ пролетаріатъ не былъ такъ страшенъ и опасенъ, какъ современное четвертое сословіе. Бѣдныя массы еще не дошли до сознанія собственнаго положенія. Нищіе смотрѣли на свою бѣдность, какъ на опредѣленіе промысла и покорялись ей. Они не разсуждали о различіи между богатымъ и бѣднымъ; они не роптали на свою судьбу и не задавали себѣ вопроса: почему все это такъ, а не иначе? На свой голодъ, на свои бѣдствія смотрѣли они какъ на необходимость, подобно тому какъ смотрятъ на дождь, грозу и дурную погоду. Въ древнихъ лифляндскихъ лѣтописяхъ разсказываютъ о страшномъ голодѣ, постигшемъ эту страну въ 1607 г., и достигшемъ такихъ размѣровъ, что терзаемые голодомъ зарѣзывали своихъ сосѣдей, и даже родственниковъ, и питались ихъ мясомъ. За страшный этотъ пиръ палачъ расчиталъ висѣлицею

и колесованіемъ и затѣмъ опять наступило спокойствіе и нигдѣ не сказано, чтобы тамъ, при этихъ крайнихъ бѣдствіяхъ, бѣдные вооружались противъ состоятельныхъ и богатыхъ."

Еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія крестьяне въ различныхъ мѣстахъ Германіи сами называли себя „бѣдными людьми" и носили это названіе, какъ совершенно почетный титулъ, который они считали для себя столь же необходимымъ, какъ болѣе счастливые,—титулы рыцарей и бароновъ. Зависть бѣдныхъ въ отношеніи къ богатымъ хотя можетъ быть и существовала, но она не была организована. Пролетаріатъ, не смотря на свое ужасное распространеніе, не чувствовалъ себя связаннымъ одною общею идеею. Это общее сознаніе пролетаріата, какъ четвертаго сословія, пробудилось, какъ мы уже сказали выше, въ оппозиціи противъ праздности и бездѣйствія, противъ высокомѣрія и надменности богатыхъ, противъ языческаго поклоненія мамону. Въ лѣсахъ сѣверной Америки странствуютъ, можетъ быть, тысячи самыхъ несчастныхъ пролетаріевъ, однако тамъ въ настоящее время такъ же не можетъ быть и рѣчи объ опасности пролетаріата, о пауперизмѣ, о четвертомъ сословіи, какъ во время оно въ Германіи. Только тамъ, гдѣ бѣдность, вслѣдствіе столкновенія съ высокомѣріемъ и надменностью богатыхъ и особеннаго своего распространенія, достигаетъ *корпоративнаго сознанія*, тамъ оно получаетъ соціальное значеніе. Только тогда, когда свѣтъ общаго образованія озарилъ и бѣдность, она узнала насколько она бѣдна. Четвертое сословіе заключаетъ въ себѣ достигнувую самосознанія бѣдность, и фактъ, что бѣдность сто лѣтъ тому назадъ имѣла гораздо обширнѣйшіе размѣры, чѣмъ въ настоящее время, не уменьшитъ уже озлобленія бѣдныхъ.—Поэтому нисколько не успокоительно, если оказывается вполнѣ вѣрно, что бѣдность въ прежнее время была гораздо большая нежели теперь. Бѣдность нынѣшняя и бѣдность прежняго времени—это числа совершенно разнородныя, и ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно сравнивать одно съ другимъ. Не обѣдненіе массы образуетъ злой духъ пауперизма, а ежедневно увеличивающееся сознаніе массы, что она бѣдна, — вотъ главная его причина. Мы потому находимъ въ прежнихъ сочиненіяхъ такъ мало матеріаловъ и замѣчаній, могущихъ служить источникомъ для

исторіи бѣдности, что бѣдность въ то время вовсе не считалась какою-то опасною, разрушающею силою въ политической и соціальной жизни, а на нее смотрѣли какъ на частный фактъ, это было понятно само собою, оно разъ и навсегда уже было такъ, устроено Богомъ, какъ зима и лѣто, какъ день и ночь. Иначе усердные лѣтописцы, которые очень старательно проникали въ малѣйшія подробности общественной жизни, и съ особенною любовью занимались спеціальностями, непремѣнно оставили бы намъ богатый матеріалъ" (стр. 82—85). Изъ этого нѣсколько длиннаго отрывка, можно составить точное понятіе о взглядахъ Рилля на сущность современнаго пролетаріата. Пролетаріатъ — это бѣдность дошедшая до самосознанія, и это-то самосознаніе и отличаетъ ее отъ той бѣдности, которую знала и преслѣдовала полиція въ средніе вѣка. Противъ этой мысли нельзя спорить,—но нельзя также согласиться, будто одно только сознаніе сообщаетъ современному пролетаріату тотъ опасный характеръ, который ему Рилль приписываетъ. Во-первыхъ это сознаніе далеко не обще, оно присуще только нѣкоторымъ фракціямъ пролетаріата, и совершенно чуждо другимъ; во-вторыхъ, и въ прежнее время бѣдняки не вполнѣ были лишены его,—стоитъ только вспомнить эпоху крестьянскихъ войнъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.—Ралль по своему обыкновенію и здѣсь указалъ на одну причину явленія и утаилъ другую, несравненно болѣе важную. Мы укажемъ здѣсь на нее въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде, какъ справедливо замѣчаетъ Ралль, на бѣдность смотрѣли, какъ на частный фактъ, какъ на явленіе болѣе или менѣе случайное, потому и мѣры, принимаемыя противъ нее, имѣли также частный, случайный характеръ, и этотъ взглядъ былъ тогда вполнѣ вѣренъ. Дѣйствительно, въ вѣка всеобщей закрѣпленности народа, въ вѣка феодализма, крѣпостнаго права и цеховъ—бѣдность, въ смыслѣ шаткости, необезпеченности человѣческаго существованія — представляла собою ненормальное изъ ряду всѣхъ выходящее явленіе. Каждый человѣкъ пользовался, или по крайней мѣрѣ, по общему правилу, долженъ было пользоваться простымъ вполнѣ опредѣленнымъ положеніемъ. Часто это положеніе было очень незавидно, но

онъ до того уже свыкся съ нимъ, что не мечталъ ни о чемъ лучшемъ, считая свою долю роковою и неизбѣжною необходимостью. Крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ; ремесленникъ, прикрѣпленный къ цеху, баронская дворня, прикрѣпленная къ двору феодала,— жили очень плохо, но всегда они имѣли хотя и скудное, но постоянное обезпеченіе; иногда, правда, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, они лишались этого обезпеченія,—но эти непредвидѣнныя обстоятельства не были общимъ правиломъ, а только случайнымъ исключеніемъ. Съ уничтоженіемъ корпоративныхъ и феодальныхъ путъ положеніе рабочаго люда измѣнилось: то твердое обезпеченіе, которое онъ находилъ прежде въ крѣпостномъ правѣ и въ цехахъ, погибло для него безвозвратно; теперь онъ ни на что не могъ разсчитывать, ни за что не могъ поручиться. Его существованіе стало игрою случайностей, зависящею отъ ежедневныхъ колебаній цѣнъ на рынкѣ труда. А такъ какъ эти колебанія въ свою очередь обусловливались безчисленнымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ,—то рабочій сегодня не въ состояніи сказать, что ожидаетъ его завтра, и такимъ образомъ постоянно чувствуетъ шаткость, ненадежность своего положенія,—каждое мгновенье онъ можетъ лишиться работы и остаться нищимъ. Слѣдовательно, *необезпеченность* изъ частнаго случайнаго явленія, какимъ оно было въ средніе вѣка, стало теперь на западѣ явленіемъ такъ сказать постояннымъ, нормальнымъ, вытекающимъ изъ самой сущности данныхъ экономическихъ принциповъ.— Вотъ здѣсь-то и заключается коренная разница между прежнимъ и современнымъ пролетаріатомъ. Пролетаріатъ, какъ явленіе частное и случайное, не могъ возбуждать противъ себя серьезныхъ опасеній; напротивъ, пролетаріатъ, какъ явленіе общее и постоянное, не можетъ не возбуждать тревожныхъ опасеній со стороны всѣхъ благомыслящихъ людей. Этимъ я и покончу съ разборомъ книжки Рилля. Какъ resume изъ всего сказаннаго, мы можемъ вывести такое заключеніе: Рилль фальшиво относится къ вопросу о современномъ пролетаріатѣ, онъ скрываетъ и маскируетъ истинныя причины его возникновенія, утверждая, будто „вопросъ о пролетаріатѣ не есть вопросъ экономическій, а болѣе вопросъ этическій“ (стр. 65).—Рилль

этимъ самымъ показываетъ, что онъ не понимаетъ ни сущности, ни значенія современнаго пролетаріата;—это явленіе остается для него неразгаданнымъ сфинксомъ, и потому, разсуждая о немъ, онъ только вноситъ путаницу въ понятія своихъ читателей,—а г. Ландау, переводя эти разсужденія на русскій языкъ, своимъ переводомъ еще болѣе увеличиваетъ эту путаницу. Приведенныхъ отрывковъ, я полагаю, достаточно для того, чтобы показать читателю, насколько удовлетворителенъ его переводъ,—замѣчу только, что такимъ же точно русско-нѣмецкимъ слогомъ переведена и вся книга. Притомъ переводъ снабженъ примѣчаніями переводчика, примѣчаніями весьма курьезными, поучительными и даже патріотическими. Для образчика приведемъ два примѣра. На страницѣ 63 Рилль, разсказывая о жизни вестфальскаго рабочаго семейства, говоритъ: „очень часто мальчики тотчасъ послѣ конфирмаціи отправляются на заводы“ и т. д; переводчикъ опасаясь, чтобы читатели не приняли слово *конфирмація* въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно у насъ употребляется относительно преступниковъ, и не составили бы себѣ невыгоднаго понятія о нравственности вестфальскихъ дѣтей,—спѣшитъ сдѣлать примѣчаніе: „у лютеранъ всѣ дѣти передъ первымъ своимъ причащеніемъ подвергаются испытанію въ религіозномъ знаніи, и это называется *конфирмаціей*“. Какая удивительная предупредительность, какъ не поблагодарить за нее услужливаго переводчика! Другое примѣчаніе не столько въ поучительномъ, сколько въ патріотическомъ духѣ, еще курьезнѣе. Въ одномъ мѣстѣ Рилль говоритъ: „Hausgesinde—это чисто-патріархальное отношеніе вѣрнаго слуги къ хозяйской семьѣ,—есть, какъ мы уже сказали, главное достояніе однѣхъ лишь германскихъ народностей“. Переводчикъ счелъ своимъ долгомъ обидѣться и не безъ ядовитости замѣчаетъ: „Должно полагать, что авторъ очень мало знакомъ съ русскою жизнію, если утверждаетъ, что подобное отношеніе прислуги и хозяевъ есть достояніе лишь однѣхъ германскихъ народностей“ (стр. 65). За такую патріотическую вставку вы, г. Ландау, имѣете полное право требовать, чтобы вамъ простили дурной переводъ Рилля.

Переходимъ теперь къ другой книгѣ, посвященной святому дѣлу примиренія нашихъ реалистовъ и идеалистовъ. Съ этою цѣлью

г. Немировскій написалъ и предалъ тиспенію свой трактатъ о реалистахъ и идеалистахъ. „Соединить эти противоположныя партіи, т. е. идеалистовъ и реалистовъ, говоритъ г. Немировскій въ предисловіи,—указать на хорошія и худыя стороны той и другой, въ ярой полемикѣ, въ пылу преслѣдованія ими самими незамѣченныя,—вотъ цѣль и желанія, руководящія нами въ этой книгѣ.“ Какая возвышенная цѣль, какія благородныя желанія! Въ воображеніи г. Немировскаго уже, вѣроятно, рисовалась трогательная картина того всеобщаго примиренія и братскаго лобызанья, которое должно было произойти послѣ чтенія его книги. Гг. Писаревъ, Зайцевъ, Соколовъ, Антоновичъ, Эдельсонъ, Катковъ, Щегловъ, Страховъ, Соловьевъ, Краевскій, Коршъ, и проч., и проч., забывъ все прошлое, протянутъ другъ другу братскія объятія и сольютъ уста въ нѣжный поцѣлуй. „Теперь мы поняли другъ друга, скажутъ они,—да, мы взаимно заблуждались, но г. Немировскій открылъ намъ глаза. Отселѣ да воцарится между нами дружба и любовь!!“ Нѣжно и трогательно! Немудрено, что подобныя картины могли подвигнуть юнаго публициста на его отважное предпріятіе. Но, увы, г. Немировскій ошибся немного насчетъ прекрасныхъ качествъ своей души и своего ума, и потому его отвага послужила ему не столько въ пользу, сколько во вредъ. Г. Немировскій полагаетъ, что онъ вполнѣ безпристрастенъ и что онъ прекрасно понялъ нашъ реализмъ, но мы должны разочаровать его: онъ заблуждается какъ относительно своего безпристрастія, такъ и относительно своего пониманія. Я не стану утомлять читателя длинными выписками въ подтвержденіе этой мысли,—но чтобы меня не обвинили въ голословности, укажу хоть на первую страничку его книжки. На этой страничкѣ онъ слѣдующимъ образомъ отзывается о свойствахъ и характерѣ пропаганды нашего (подразумѣвается *бывшаго*) реализма и идеализма. „Всѣмъ извѣстно, отважно утверждаетъ г. Немировскій, что полное осуществленіе стремленій нашего реализма грозило бы *паденіемъ европейской цивилизаціи* (какова штука-то!) *въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, возвращеніемъ въ первобытное состояніе человѣка* (!!); всѣмъ извѣстна, продолжаетъ онъ съ тою же увѣренностью, что это дѣйствительно

всѣмъ извѣстно, — та глубокая ненависть, которую питаетъ эта, правда, *честная и горячая* пропаганда (это комплиментъ, вставленный, вѣроятно, для смягченія послѣдующихъ словъ) какъ къ истинной, основательной мысли вообще, умѣющей понять и обнять всего человѣка, со всѣми его нуждами и потребностями, такъ и къ мысли противуположной ей (т. е. кому противуположной: реалистической ли пропагандѣ или „истинной, основательной мысли вообще", по смыслу фразы выходитъ, что послѣдней, такъ что реализмъ въ одно и тоже время ненавидитъ двѣ противуположности) у насъ пропагандѣ идеалистической, филистерской, какъ она называется нашимъ реализмомъ,—пропагандѣ успокоительной, болѣе глубокой въ пониманіи человѣка, его нуждъ и потребностей, но и болѣе холодной къ этому человѣку, къ его нуждамъ и потребностямъ, и въ свою очередь относящейся съ одинаковой насмѣшкой и обиднымъ презрѣніемъ, какъ къ *неглубокой* и *узкой* мысли, такъ и къ *глубокому* и *широкому* сердцу нашего реализма." Такимъ образомъ оказывается, что нашъ идеализмъ отличается *успокоительнымъ* и глубокимъ „пониманіемъ человѣка, его нуждъ и потребностей"; нашъ бывшій реализмъ—„неглубокою и узкою мыслію." Какъ бы въ вознагражденіе за эту узкость, мелкоту мысли, г. Немировскій великодушно надѣляетъ его „глубокимъ и широкимъ сердцемъ." Развѣ это не безпристрастіе! А вотъ образчикъ пониманія г. Немировскимъ того предмета, о которомъ онъ пишетъ. На порогѣ своихъ изслѣдованій онъ встрѣчается съ вопросомъ: что такое нашъ реализмъ и что такое нашъ идеализмъ? Не рѣшивъ этого вопроса, очевидно, нельзя разсуждать ни объ идеализмѣ, ни объ реализмѣ. Какъ же его рѣшаетъ г. Немировскій? А вотъ послушайте. Но прежде всего замѣтьте слѣдующее. Въ книжкѣ г. Немировскаго говорится не объ идеализмѣ и реализмѣ *вообще*, а о нашемъ идеализмѣ и реализмѣ, т. е. о тѣхъ явленіяхъ, къ которымъ у насъ (вѣрно или невѣрно — дѣло не въ томъ) приклеивались ярлыки съ надписью: „идеалисты и реалисты;" слѣдовательно, автору предстояло рѣшить, что *у насъ*, именно *у насъ*, а ни гдѣ нибудь въ Германіи или Англіи, называлось идеализмомъ и реализмомъ. Такъ ли онъ поступаетъ? „Направленіе современ-

ной мысли, говоритъ онъ,—почерпающей всю истину изъ фактовъ внѣшней и внутренней природы въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, фактовъ, очищенныхъ мышленіемъ, называется *реализмомъ*. Реализмъ, какъ мы видимъ, явился вслѣдствіе реакціи противъ того направленія, которое признавало фактъ лишь на столько истиннымъ, насколько онъ не противурѣчитъ умозрѣнію,—направленіе, которое называется идеализмомъ. Здѣсь, такимъ образомъ, мы можемъ уже видѣть различіе между идеализмомъ и реализмомъ. Какъ для идеализма, такъ и для реализма истина вытекаетъ изъ сущности явленія, но дѣло въ томъ, что считается явленіемъ. Тутъ точка, на которой расходятся эти два противоположныя направленія: для реализма явленіе есть *фактъ* внутренней и внѣшней природы, для идеализма явленіе—это *мысль*. Что умозрительно вѣрно—то истинно, говоритъ идеалистъ; что фактически вѣрно — то истинно, говоритъ реалистъ." (Стр. 6). Приведенная выписка лучше всего должна убѣдить читателей, что г. Немировскій не понимаетъ ни различія между идеализмомъ и реализмомъ вообще, ни значенія реализма и идеализма у насъ, въ Россіи. Трудно отыскать что нибудь болѣе нелѣпое, чѣмъ то, что онъ говоритъ въ выписанной нами цитатѣ. „Для реализма, говоритъ онъ, явленіе есть *фактъ* внутренней и внѣшней природы, для идеализма явленіе это—мысль." Но развѣ мысль не есть фактъ внутренней природы? Какое же различіе между идеализмомъ и реализмомъ? „Реализмъ, продолжаетъ далѣе нашъ философъ, есть такое направленіе современной мысли, которое черпаетъ истину изъ фактовъ внѣшней и внутренней природы, очищая ихъ *мышленіемъ*." Развѣ это опредѣленіе не можетъ быть точно съ такимъ же правомъ отнесено и къ идеализму? Развѣ идеализмъ поступаетъ иначе? Развѣ онъ не черпаетъ своихъ ухозрѣній изъ фактовъ внѣшней и внутренней природы, очищая ихъ своимъ мышленіемъ? Можетъ быть, г. Немировскій хочетъ сказать, что идеализмъ черпаетъ свои данныя *исключительно* изъ однихъ только фактовъ внутренней природы, а реализмъ изъ фактовъ внутренней и изъ фактовъ внѣшней природы? Но вѣдь это уже такая нелѣпость, которую не сказалъ бы и г. Зайцевъ, раздѣлявшій когда-то чувства на *внѣшнія и внутреннія*. Но всего этого еще мало.

Допустимъ, что г. Немировскій не понимаетъ различія между тѣмъ научнымъ направленіемъ, которое называется идеализмомъ и тѣмъ, которое называется реализмомъ. Это еще бѣда не велика; бѣда же въ томъ, что г. Немировскій полагаетъ, будто нашъ реализмъ и нашъ идеализмъ были *научными направленіями*, извѣстными научными *пріемами*. Это глубокое заблужденіе ясно показываетъ, что авторъ совершенно не понимаетъ тѣхъ явленій, о которыхъ взялся трактовать. Между нашимъ идеализмомъ никогда не было спору о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ черпать свои выводы изъ однихъ фактовъ внутренней природы или изъ фактовъ внутренней и внѣшней природы; напротивъ, въ этомъ отношеніи обѣ партіи были совершенно согласны между собою; и та, и другая одинаково допускали, какъ внутренній, такъ и внѣшній опытъ, не признавая впрочемъ, какъ это дѣлаетъ г. Немировскій, никакой существенной противуположности между этими двумя способами наблюденій. Однимъ словомъ, по отношенію къ *научнымъ* пріемамъ, оба направленія вполнѣ подходятъ подъ то опредѣленіе, которое даетъ г. Немировскій реализму, и если мы будемъ понимать реализмъ именно въ этомъ смыслѣ, то мы должны будемъ назвать реалистами и г. Соловьева, и г. Эдельсона, и даже г. Хана. Но дѣло въ томъ, что различіе между нашимъ идеализмомъ и реализмомъ заключается совсѣмъ не въ извѣстныхъ научныхъ пріемахъ, *а въ извѣстномъ отношеніи къ общественнымъ вопросамъ, къ явленіямъ общественной жизни;* и вотъ это-то отношеніе и обусловило, въ свою очередь, ихъ взгляды на различные вопросы изъ области науки и искуства, а совсѣмъ не то обстоятельство (какъ полагаетъ г. Немировскій), что одни черпали свои умозаключенія изъ фактовъ внутренней и внѣшней природы, а другіе только изъ фактовъ одной внутренней природы. Въ чемъ состояло это различіе общественныхъ точекъ зрѣнія нашихъ идеалистовъ, и реалистовъ, мы говорить здѣсь не будемъ,—мы хотимъ только сказать, что г. Немировскій, отважно принявшійся примирять два враждующіе лагеря, рѣшительно не понимаетъ за что они воюютъ, для чего они воюютъ и какой смыслъ имѣютъ слова, написанныя на ихъ знаменахъ. Вслѣдствіе такого кореннаго непониманія сущности дѣла, г. Немировскій совер-

менно невѣрно опредѣляетъ исходную точку зрѣнія такъ называемаго реализма. Онъ объясняетъ происхожденіе нашего реализма такимъ образомъ: „реализмъ, говоритъ онъ, въ смыслѣ научнаго направленія, состоитъ въ томъ, чтобы признавать *истиннымъ* только то, что *фактически вѣрно*; слѣдуя такому направленію, наука будетъ лишена всего мечтательнаго, предвзятаго, что она будетъ практичнѣе, чѣмъ когда либо, современнѣе, полезнѣе въ своихъ результатахъ". (стр. 7). „Отсюда наши реалисты вывели, продолжаетъ г. Немировскій, что наука должна руководиться принципомъ пользы, что въ ея область должно входить только то, что даетъ полезные результаты, ощутительную пользу." Мы не споримъ, что дѣйствительно это самое говорили реалисты, но выводили-то они совсѣмъ не оттуда это положеніе, откуда вы заставляете ихъ выводить его. По вашему выходитъ, что реализмъ нашъ возникъ изъ того обстоятельства, что нѣсколько неразвитыхъ юношей невѣрно поняли слова: *фактъ*, *наблюденіе* и *практичность*.—О, если бы это было такъ, то едва ли кто нибудь обратилъ бы на него серьезное вниманіе, если бы это было такъ, то едва ли бы онъ могъ сдѣлаться тѣмъ страшнымъ пугаломъ, которое, какъ вы сами же выражаетесь, „грозило паденіемъ европейской цивилизаціи въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, возвращеніемъ въ первобытное состояніе человѣка." Нѣтъ, въ томъ-то и штука вся состояла, что реализмъ исходилъ изъ совершенно другой точки зрѣнія, и что эту точку зрѣнія онъ послѣдовательно прилагалъ ко всѣмъ вопросамъ жизни и науки. Конечно, съ точки зрѣнія того реализма, о которомъ говоритъ г. Немировскій, никакъ нельзя дойти до положеній *нашего* реализма; конечно изъ того, что „истинно только то, что фактически вѣрно", нельзя вывести реалистическаго умозаключенія, будто только непосредственно-полезное для массы должно быть объектомъ современной науки; конечно, съ точки зрѣнія того реализма, который состоитъ „въ полномъ и ясномъ пониманіи всего человѣка и человѣчества, всей дѣятельности, цѣлей и стремленій человѣка и человѣчества" (стр. 17) нельзя дойти до отрицанія искуства, до низведенія исторіи на степень политической экономіи (такъ какъ наши реалисты говорили, будто исторіей руководятъ одни только

экономическіе принципы), до проповѣди суроваго аскетизма, ограничивающаго всѣ человѣческія наслажденія—хорошею сигарою, до издѣвательствъ надъ эстетикою, до отрицанія заслугъ великаго поэта Пушкина, великаго маркера Тюри, великаго Моцарта, Бетховена, Рафаэля и проч., и проч. Да если бы дѣйствительно нашъ реализмъ дошелъ до всего этого, отправляясь отъ той точки, на которую его хочетъ поставить г. Немировскій,—то онъ поступилъ бы крайне непослѣдовательно и опрометчиво. Тогда г. Немировскій имѣлъ бы полное право указывать на его промахи, и хлопотать о примиреніи его съ нашимъ идеализмомъ. Задача Немировскаго была бы не особенно затруднительна и, во всякомъ случаѣ, удоборазрѣшима. Но къ несчастію, онъ совершенно не понимаетъ нашего реализма, также мало понимаетъ онъ и нашъ идеализмъ. Въ доказательство мы приведемъ одинъ только примѣръ. На 2-й страницѣ своей книги онъ, какъ мы видѣли, называлъ пропаганду нашего идеализма „успокоительной, болѣе глубокой въ пониманіи человѣка, его нуждъ и потребностей", нежели пропаганда реализма; а на страницѣ 271, онъ аттестуетъ нашъ идеализмъ такимъ образомъ: „онъ есть, говоритъ г. Немировскій,—безжизненность, отсутствіе практичности, отсутствіе трезвости и истины, какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни. Реализмъ — это міровоззрѣніе казуальное, объясненіе явленій въ природѣ и человѣкѣ изъ причинъ; — идеализмъ — это объясненіе явленій въ природѣ и человѣкѣ изъ цѣлей. Идеализмъ—это направленіе мысли, исходящей отъ абсолюта (значитъ уже совсѣмъ не то, что прежде г. Немировскій называлъ идеализмомъ,—здѣсь уже и слова нѣтъ о фактахъ внутренней природы), взирающее на міръ и человѣка, какъ на осуществленіе этого абсолюта, какъ на нѣчто несуществующее для себя, для своихъ цѣлей, а для чего-то другого, для высшей абсолютной цѣли; это не признаніе законовъ, царящихъ въ природѣ міра и человѣка, а признаніе одной воли одного абсолюта, управляющаго самыми законами. Идеализмъ не знаетъ и знать не хочетъ человѣка....." ну, и т. д. (стр. 271). Вотъ вамъ и болѣе глубокое пониманіе человѣка, его нуждъ и потребностей! Чему же вѣрить-то? Кого мистифицируетъ г. Немировскій? Далѣе г. Немировскій начинаетъ дока-

зывать полную несостоятельность идеализма, какъ по отношенію къ наукѣ, такъ и по отношенію къ искуству. Доказательства эти совсѣмъ не новы, они заимствованы имъ у подобныхъ же ему реалистовъ. Такимъ образомъ весь секретъ *примиренія* состоитъ въ томъ, что г. Немировскій побиваетъ идеалистовъ аргументами реалистовъ (выбирая при этомъ самые слабые и наименѣе состоятельные), а реалистовъ—аргументами идеалистовъ. Вотъ такъ фокусникъ! Но для чьей же забавы производятся эти фокусы? Можетъ быть, г. Немировскій хочетъ этимъ показать, на сколько онъ выше нашего идеализма и всей нашей прошедшей и настоящей журналистики. Но, увы, по своимъ собственнымъ воззрѣніямъ, онъ весьма близко подходитъ къ той самой идеалистической или, какъ онъ же выражается, *филистерской* партіи, о которой опять таки онъ же самъ говоритъ, что она „не знаетъ и знать не хочетъ человѣка.“ Это видно изъ его отношеній къ искуству и эстетикѣ, защитѣ которыхъ, отъ хищническихъ покушеній реализма, онъ посвящаетъ большую часть своей книги; — на страницѣ 40-й онъ даже признается, что главная основная мысль его книги состояла въ томъ, „чтобы указать, что требованія истиннаго искуства не противорѣчатъ требованіямъ жизни.“ — Мысль прекрасная и возвышенная, но увы, не по силамъ г. Немировскаго. Для защиты своей мысли онъ не нашелъ лучшаго аргумента, какъ навизать человѣку какую-то эстетическую способность. Чтобы доказать, что эта способность дѣйствительно въ человѣкѣ существуетъ, г. Немировскій напрягаетъ всѣ силы своего ума и высыпаетъ передъ читателями весь запасъ своихъ историческихъ познаній, — онъ приводитъ цитаты изъ ученыхъ изслѣдованій Тайлера „о первобытной исторіи человѣчества,“ и прилагаетъ гравюры, изображающія аллегорическіе рисунки дикарей. Конечно все это, какъ сознается самъ г. Немировскій, (стр. 87) весьма мало подтверждаетъ его теорію „врожденной эстетической способности,“ но смѣемъ увѣрить скромнаго автора, что даже, если бы его теорія была и совершенно вѣрна, то и тогда взгляды реализма на современное искуство нисколько не поколебались бы. Реализмъ, отвергая искуство, исходилъ совсѣмъ не изъ той точки зрѣнія (какъ вы полагаете), что оно будто не вызывается никаки-

ми болѣе или менѣе сильными потребностями человѣческой природы. Говорить это—значило бы дойти до нелѣпости, потому что все, что существуетъ, существуетъ непремѣнно во имя какой нибудь человѣческой потребности. Реализмъ требовалъ только извѣстной *регулизаціи* человѣческихъ потребностей, и давалъ даже масштабъ для этой регулизаціи; въ ея-то интересахъ онъ и возставалъ противъ искуства, отрицалъ эстетику и эстетическія потребности. Слѣдовательно, чтобы опровергнуть его, нужно было доказать несостоятельность и безплодность подобныхъ регулизацій, нужно было доказать ихъ неосуществимость и т. д.—Тогда бы дѣйствительно вы, г. Немировскій, разрушили реалистическія заблужденія въ самомъ ихъ корнѣ,—а то теперь всѣ ваши разсужденія и вся ваша аргументація не болѣе какъ холостые выстрѣлы, которыми вы салютуете вашу собственную недогадливость и несообразительность.—Другой аргументъ, приводимый г. Немировскимъ, состоитъ въ томъ, что искуство можетъ быть *полезно* съ точки зрѣнія реалистической пропаганды. Аргументъ весьма старый и уже исчерпанный гг. Антоновичемъ и Эдельсономъ. Онъ также мало состоятеленъ, какъ и первый. Чуть только вы заговорили о пользѣ искуства, какъ орудіѣ реалистической пропаганды,—вы этимъ лишили уже себя права защищать искуство. Реализмъ скажетъ вамъ: „хорошо, я допускаю, что искуство можетъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ въ моихъ рукахъ,—я не отвергаю съ этой точки зрѣнія его полезности,—но такъ какъ въ моемъ распоряженіи находятся и другія болѣе дѣйствительныя орудія, то я не нуждаюсь въ немъ и потому не перестану отрицать его“. И вы своимъ аргументомъ поставили себя въ такое положеніе, что вамъ уже ничего нельзя возразить противъ доводовъ своихъ противниковъ. Кромѣ того вашъ аргументъ признаетъ искуство только *съ извѣстнымъ направленіемъ*, отрицая всякое другое искуство. Если же вы придадите ему болѣе широкое толкованіе, какъ это и дѣлаетъ г. Немировскій,—то вы должны будете сдать его въ архивъ исторіи и наслаждаться только тѣми произведеніями, которыя, воспроизводя современную дѣйствительность со всѣми ея нуждами и потребностями, горестями, и страданіями,—„поучаютъ васъ, дѣлаютъ васъ нравственнѣе по-

днимаютъ васъ до пониманія современной идеи, современнаго идеала. (стр. 274). До этого положенія и доходитъ г. Немировскій. Это уже компромиссъ, и притомъ компромиссъ совершенно безполезный и прямо противорѣчащій исходной, идеалистической точкѣ зрѣнія автора. Безполезенъ онъ потому, какъ мы уже сказали, что онъ нисколько не примиряетъ реализма съ искуствомъ. Противорѣчитъ исходной точкѣ зрѣнія г. Немировскаго потому, что эта исходная точка опирается на двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) человѣкъ одаренъ врожденною способностью наслаждаться прекраснымъ; 2) прекрасное есть единство идеи и образа, полное проявленіе идеи предмета въ его формѣ. (стр. 73 и др. 128, 129). Очевидно, что съ этой точки зрѣнія нельзя не отдавать предпочтенія древнему искуству передъ современнымъ, очевидно, что съ этой точки зрѣнія всякій понимающій искуство долженъ умиляться и плакать отъ восторга, созерцая Венеру милоскую или Мадонну сикстинскую или Аполлона бельведерскаго,—очевидно, съ этой точки зрѣнія, тотъ будетъ вандаломъ, кто отважится отрицать *художественность* въ твореніяхъ Фета и Майкова. Отсюда вытекаетъ, что компромиссъ г. Немировскаго не примиряетъ его съ реализмомъ,—дѣлаетъ его только *непослѣдовательнымъ идеалистомъ*. Одною этою непослѣдовательностью онъ и отличается отъ настоящихъ идеалистовъ. Неужели же онъ думаетъ, что непослѣдовательность когда нибудь можетъ послужить *примиренію*? Неужели онъ полагаетъ, что читатели будутъ настолько несообразительны, что не поймутъ его собственной несообразительности? Смѣемъ увѣрить его, что и въ этомъ онъ также глубоко ошибся, какъ и въ пониманіи нашего реализма.

Такъ какъ мы, по милости г. Немировскаго, уже заговорили объ аргументахъ, приводимыхъ эстетиками въ защиту искуства,—то, кстати, скажемъ здѣсь два слова еще объ одномъ. Этотъ аргументъ, также, какъ и два предъидущіе, принадлежитъ къ той категоріи доводовъ, которые, по мнѣнію эстетиковъ, вытекаютъ изъ исходной точки зрѣнія самихъ же реалистовъ. Реалисты всѣ толкуютъ что-то о какой-то пользѣ;—прекрасно—соглашаются эстетики,—мы тоже хотимъ пользы, и вотъ во имя этой-то пользы мы и защищаемъ искуство. Искуство *полезно* не только въ современной

дѣйствительности,—оно *полезно* было и въ историческомъ развитіи человѣчества, оно—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ въ исторіи цивилизаціи, безъ него прогрессъ едва ли былъ бы возможенъ, или, по крайней мѣрѣ, онъ не былъ бы такъ быстръ. Доказать основательность этого аргумента, показать великую задачу искуства въ развитіи человѣчества, великодушно принялъ на себя одинъ изъ нашихъ наиболѣе скучныхъ эстетиковъ г. Эдельсонъ, и съ этою цѣлью онъ написалъ и издалъ цѣлую книгу, подъ заглавіемъ: „О значеніи искуства въ цивилизаціи.“ Я сказалъ *великодушно* принялъ на себя, потому что дѣйствительно нужно имѣть много самоотверженнаго великодушія, чтобы браться за такой неблагодарный трудъ. Положимъ, что г. Эдельсону и дѣйствительно удалось бы доказать историческую, относительную полезность искуства, — что же бы изъ этого вышло? Неужели это могло бы заставить реалистовъ измѣнить свой взглядъ на искуство? Нисколько, всѣ очень хорошо знаютъ и безъ г. Эдельсона, что всякое историческое явленіе имѣло свою относительную пользу, но слѣдуетъ ли, что мы должны считать всякое явленіе хорошимъ, нормальнымъ, и относиться къ нему не только благосклонно, но даже и одобрительно. Возьмемъ, напримѣръ, проституцію; намъ извѣстно, что относительная ея польза — фактъ исторически доказанный; но значитъ ли изъ этого, что она явленіе хорошее? Я сказалъ уже, что если бы даже вы, г. Эдельсонъ, и рѣшили вопросъ о пользѣ искуства утвердительно, то все-таки вы бы ничего этимъ не доказали, и никого бы не опровергли, но вы даже и не рѣшаете его. И доказать это нетрудно. Брошюрка г. Эдельсона состоитъ всего на всего изъ 92 страницъ крупнаго шрифта. Изъ этихъ 92 страницъ 47 страницъ, т. е. болѣе половины, заняты весьма скучною и совершенно уже устарѣвшею полемикою со взглядами на искуство Прудона и разныхъ русскихъ публицистовъ. Кромѣ пережевыванія старыхъ фразъ съ прибавкою нѣсколькихъ весьма неглубокомысленныхъ, чтобы не сказать нелѣпыхъ разсужденій самого автора, здѣсь читатель ничего не найдетъ. Другая половина книги посвящена разрѣшенію вопроса *о значеніи искуства въ цивилизаціи.* Какъ бы мы лично не смотрѣли на этотъ вопросъ, во всякомъ

случаѣ, мы не можемъ не признать его вопросомъ весьма сложнымъ и запутаннымъ. Потому, по нашему мнѣнію, только тотъ можетъ отважиться разрѣшить его на $2^1/_2$ печатныхъ листахъ, кто или не понимаетъ его, или обладаетъ прекрасною историческою эрудиціею и необыкновеннымъ умѣньемъ кратко и сжато излагать и группировать историческія данныя. Разумѣется, мы охотно готовы допустить относительно г. Эдельсона, какъ записнаго эстетика, скорѣе послѣднее, нежели первое предположеніе. Однако мы жестоко ошиблись. И въ этой половинѣ книги, какъ и въ первой, мы нашли только водянистыя разсужденія и измышленія собственной фабрикаціи г. Эдельсона, и полное отсутствіе всякихъ положительныхъ данныхъ, всякихъ историческихъ свѣденій. Единственными учеными резервуарами, изъ которыхъ весьма неискусною рукою черпалъ г. Эдельсонъ свои аргументы, были изслѣдованія Леонтьева: О поклоненіи Зевса въ древней Греціи, и Гегеля: Vorlesungen über Aesthetik И изъ этихъ-то источниковъ онъ выбралъ именно то, что менѣе всего подтверждаетъ его мысль. Такъ, напримѣръ, изъ Гегеля онъ беретъ исторію прогресса живописи; все что можно вывести изъ этой исторіи, и что дѣйствительно выводитъ г. Эдельсонъ, это только то, что живопись въ своемъ прогрессивномъ развитіи послѣдовательно пережила нѣсколько періодовъ, начиная отъ византійской до нидерландской и нѣмецкой школъ, и что характеръ каждой изъ этихъ школъ обусловливался данными культурными условіями народной жизни. Что же изъ этого слѣдуетъ, и кто когда нибудь это отвергалъ и стоило ли для этого тревожить Гегеля? Другой, и притомъ послѣдній историческій фактъ, будто бы подтверждающій мысль г. Эдельсона, заимствованъ имъ у г. Леонтьева; фактъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: Греческій зодчій Фидій вылѣпилъ статую Зевса въ такой совершенной и изящной формѣ, что никто изъ видѣвшихъ это удивительное произведеніе не могъ составить себѣ о богѣ другого понятія. Такимъ образомъ, „искуство, умозаключаетъ г. Леонтьевъ, а за нимъ и г. Эдельсонъ, въ данномъ случаѣ послужило не только къ окончательному выясненію типа верховнаго бога Олимпа, а слѣдовательно и къ окончательному просвѣтленію религіознаго сознанія (насколько это было

возможно въ языческой религіи), но кромѣ того послужило и къ религіозному, а слѣдовательно и вообще къ культурному объединенію сначала Геллады, а потомъ и обитателей прочихъ земель." (стр. 53). Вся ошибка этого умозаключенія состоитъ въ томъ, что оно слѣдствіе принимаетъ за причину, а причину за слѣдствіе. Если бы во времена Фидія представленія о Зевсѣ различныхъ народовъ, населявшихъ Элладу, не были болѣе или менѣе тождественны, то какъ бы Фидіевъ Зевсъ не былъ прекрасенъ, Эллада никогда не признала бы его единственнымъ, истиннымъ воплощеніемъ своихъ понятій о верховномъ богѣ Олимпа. Но такъ какъ вслѣдствіе сходныхъ культурныхъ условій жизни греческихъ народностей, эти понятія были тоже до нѣкоторой степени сходны, то немудрено, что Зевсъ Фидія всѣмъ имъ приходился по вкусу. Кромѣ двухъ приведенныхъ здѣсь фактовъ г. Эдельсонъ не приводитъ никакихъ историческихъ данныхъ для оправданія исторической полезности искуства. Какова смѣлость и основательность! А еще господа эстетики смѣютъ упрекать своихъ противниковъ въ невѣжествѣ и верхоглядствѣ; мы, однако, не помнимъ, чтобы эти противники когда нибудь отваживались писать историческія изслѣдованія безъ историческихъ данныхъ; мы не помнимъ, чтобы они когда нибудь относились къ вопросамъ, которые они считаютъ на столько же существенными для себя, на сколько эстетики считаютъ существеннымъ вопросъ объ искуствѣ,—съ тою легкомысленною неосновательностью, съ какою относится г. Эдельсонъ къ предмету своихъ изслѣдованій.

Въ заключеніе упомянемъ еще о только-что вышедшей книгѣ „Историческіе этюды о женщинѣ" Михаила Библіомана. Пока о ней мы ничего не можемъ сказать опредѣленнаго: это только первый выпускъ изъ цѣлаго ряда выпусковъ, въ которыхъ авторъ думаетъ представить „толковый планъ, систематическую программу, такъ сказать конспектъ или эскизъ могущей появиться въ будущемъ исторіи женщины" (стр. 10). Задача, какъ видите, довольно скромная, и эта скромность со стороны русскаго библіомана весьма похвальна. Но намъ кажется, что даже и эта скромная задача едвали ему подъ-силу,—такъ мы судимъ по первому выпуску. Изслѣ-

дованіе Михаила Библіомана, если только можно назвать изслѣдованіями простыя выписки изъ болѣе или менѣе хорошихъ сочиненій,—отличаются крайне компилятивнымъ характеромъ, отрывочны, безсвязны и не даютъ того, что авторъ, въ началѣ книги, обѣщаетъ дать своимъ читателямъ. Признавая на первой же строкѣ, что „общественное и семейное положеніе женщины, въ какой бы то ни было странѣ тѣсно связано съ нравами, обычаями, преданіями и образомъ жизни этой страны", онъ однако нигдѣ не раскрываетъ этой связи,—онъ думаетъ, вѣроятно, что достаточно одного простаго заявленія, и очистивъ имъ свою совѣсть, онъ уже не считаетъ себя обязаннымъ провѣрять и доказывать историческими фактами эту общественную истину. Скажутъ, пожалуй, да зачѣмъ-же и доказывать общественную истину? А затѣмъ, что истина эта хотя всѣмъ извѣстна, но извѣстна въ слишкомъ общихъ чертахъ; никто, конечно, не сомнѣвается, что общественное и семейное положеніе женщины обусловливается извѣстными соціальными условіями,—но какимъ образомъ обусловливается, насколько обусловливается, и какія изъ этихъ условій вліяютъ на нее больше, какія меньше—это знаютъ очень немногіе. И вотъ для разъясненія этого вопроса помощь исторіи не совсѣмъ лишняя. Конечно, мы раздѣляемъ мысли автора, будто для „яснаго пониманія настоящаго положенія женщины" необходимо узнать ея прошедшее"; но мы недоумѣваемъ, какимъ образомъ можно получить „ясное пониманіе настоящаго положенія женщинъ„—узнавъ, напримѣръ, что у бечуановъ женщина исполняетъ всѣ тяжкія работы, а мужчина только бьетъ ее и нечего не дѣлаетъ, или, что у древнихъ германцевъ женщины иногда призывались въ собранія свободныхъ мужей и рѣшали вмѣстѣ съ ними различные политическіе и общественные вопросы, или, что у древнихъ римлянъ — женщина была отдалена отъ всякой общественной жизни, но въ семьѣ пользовалась довольно самостоятельнымъ положеніемъ; — всѣ эти и безчисленное множество другихъ историческихъ фактовъ нисколько не прояснятъ моихъ взглядовъ на современное положеніе женщины, если только я ничего о немъ не знаю изъ другихъ источниковъ. Впрочемъ, мы охотно прощаемъ г. Библіоману это весьма естественное увлеченіе предметомъ своихъ изслѣдованій. Жаль только то, что увлеченіе не заста-

вило его отнестись къ своему дѣлу съ нѣсколько большею серьезностью и основательностью; тогда онъ вѣроятно не ограничился бы однѣми выписками, а постарался бы какъ нибудь связать ихъ и сдѣлать изъ нихъ какіе-нибудь болѣе благотворные выводы, чѣмъ тѣ, которые онъ изложилъ въ своемъ „заключеніи".—Вѣдь то, о чемъ онъ съ такимъ пафосомъ объявляетъ въ этомъ „заключеніи",—также старо, какъ и та историческая теорія, которую онъ развиваетъ въ своемъ *введеніи*. По этой оригинальной теоріи каждому вѣку предстоитъ рѣшить какой нибудь извѣстный общественный вопросъ, который передается ему, по преемству, предъидущимъ вѣкомъ. Всѣ общественные вопросы рѣшаются по очереди, неизвѣстно кѣмъ и для чего установленной, и если какой нибудь вѣкъ вздумаетъ взяться за рѣшеніе неочереднаго вопроса—то онъ подвергается строгому дисциплинарному взысканію,—неочередной вопросъ отъ него отымается и очередь снова возстановляется. Такимъ образомъ исторія представляетъ собою какъ-бы обширную канцелярію, въ которой начальникъ завелъ такой порядокъ, что ни одна бумага, помѣченная „во входящихъ" № 2; не можетъ быть приведена въ исполненіе ранѣе бумаги, помѣченной № 1. „Потому,—говоритъ нашъ философъ-библіоманъ, совершенно напрасно думаютъ иные, что можно совершенно оторваться отъ прошедшаго, забыть преданія, насъ тѣсно съ ними связующія, отбросить вопросы очередные, слѣдующіе за вопросами уже разрѣшенными, и создать собственною своею фантазіею вопросы для разрѣшенія, форму для жизни, содержаніе для формы. Подобные утописты, въ бреду своихъ метафизическихъ размышленій и незамѣчаютъ, какъ они падаютъ въ ровъ" (стр. 15). Бѣдные они люди! чего кажется проще вашего канцелярскаго взгляда на исторію,—а вотъ подите же, до сихъ поръ не зарубятъ себѣ на носъ эти бѣдняжки, что въ исторіи прежде всего соблюдается очередь и постепенность, и что, напримѣръ, *женскій* вопросъ не раньше и не позже долженъ быть разрѣшенъ какъ въ XIX в. Почему это именно въ XIX вѣкѣ, а не XVIII, не XX или не XXI,—объ этомъ уже и не спрашивайте. Такая, видите, очередь, и установилъ эту очередь никто иной, какъ Михаилъ Библіоманъ.—Но, вѣдь, все-таки, скажете вы, долженъ же онъ былъ чѣмъ нибудь

при этомъ руководствоваться;—по его словамъ, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ слѣдующимъ соображеніемъ: „идеи, шевелившія умы мыслителей прошедшаго столѣтія, не коснулись женщины, именно *потому* (хорошо: *потому!*) женскій вопросъ и стоитъ на очереди въ нашъ вѣкъ.“ Но вы сами видите, что это соображеніе уже изъ рукъ вонъ плохо, и что слово *потому* — вставлено въ эту фразу ни къ селу, ни къ городу. Слѣдовательно собственнымъ словамъ Библіомана довѣряться нельзя; онъ, очевидно, кривитъ душою; если же бы онъ былъ откровененъ, онъ, вѣроятно, сознался бы, что женскій вопросъ потому стоитъ на очереди, что ему, Библіоману, пришла на умъ мысль написать и пустить въ продажу историческіе этюды о женщинѣ.—Иначе, чѣмъ-бы онъ могъ оправдать появленіе своей книжки? Историческая теорія, какъ видите, явилась весьма кстати, она, въ нѣкоторомъ родѣ, играетъ роль рекламы Кача; и за это мы не винимъ еще г. Библіомана; можетъ быть, его этюды и въ самомъ дѣлѣ стоютъ рекламы, — все будетъ зависѣть отъ того, насколько полезно и безполезно ихъ распространеніе въ массахъ читающей публики; если полезно, то почему-же и не написать рекламы? Но дѣйствительно-ли оно будетъ полезно—объ этомъ мы потолкуемъ при выходѣ послѣдующихъ выпусковъ.

П. Т.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Судьбы русскаго образованія, начиная съ Петра Великаго.—Узкореальныя цѣли образованія.—Общественный характеръ образованія при Екатеринѣ Второй.—Попытки создать «новую породу людей» путемъ образованія.—Реакція времени Павла Петровича.—Свободно-реальное образованіе начала девятнадцатаго вѣка.—Реакція крайняго мистицизма.—Характеръ учебныхъ заведеній.—Образованіе въ царствованіе Николая Павловича.—Свобода образованія въ царствованіе Императора Александра II.—Свобода университетовъ и распространеніе образованія между всѣми сословіями.—Открытіе женскихъ гимназій.—Реальное направленіе.—Классическое направленіе.—Возрожденіе теорій, уже признанныхъ однажды несостоятельными.—Противорѣчіе между направленіемъ образованія и потребностями жизни.—Можетъ ли считаться подобное направленіе прочнымъ.

Какъ бы кто глубоко ни всматривался въ историческую жизнь русскаго народа, все-таки трудно будетъ найдти въ ней такія черты, которыя имѣли бы какое нибудь вліяніе на тотъ или другой характеръ современныхъ намъ общественныхъ учрежденій. Напротивъ, вслѣдствіе того, что у насъ до послѣдняго времени не существовало и признаковъ общественной жизни, эти учрежденія мѣняютъ свою физіономію не вслѣдствіе требованій со стороны народа и общества, а какъ-то совершенно случайно, подъ вліяніемъ личныхъ взглядовъ того или другого лица, стоящаго во главѣ извѣстнаго учрежденія. Поэтому, разсматривая характеръ какого либо современнаго намъ явленія въ какой бы то ни было об-

щественно-государственной сферѣ, нечего и надѣяться на возможность найдти объясненіе этого явленія въ фактахъ прошлаго. Его только можно чисто-механически сопоставлять съ явленіями минувшихъ временъ, находить лучшимъ или худшимъ, болѣе или менѣе полезнымъ, но искать органической связи невозможно. Ея, повторяемъ, не существуетъ.

Но если это положеніе справедливо вообще, то оно тѣмъ болѣе справедливо въ примѣненіи къ исторіи нашего образованія. Народное просвѣщеніе есть самый чувствительный нервъ въ государственномъ организмѣ. На немъ прежде всѣхъ другихъ отражается всякое постороннее вліяніе, тѣмъ или другимъ его направленіемъ постоянно стараются объяснить появленіе тѣхъ или другихъ фактовъ народной жизни. Поэтому мы видимъ, что каждое крупное преобразованіе сопровождается перемѣной въ направленіи и въ системахъ народнаго обученія. Съ другой стороны, и первые признаки реакціи прежде всего отражались на немъ же. Однимъ словомъ, оно подчиняется всѣмъ направленіямъ политическаго вѣтра, господствующаго въ обществѣ. И если до сихъ поръ у насъ не успѣло еще установиться постоянное направленіе въ народномъ образованіи, если народъ нашъ до сихъ поръ неграмотенъ и неразвитъ, не смотря на то, что о его просвѣщеніи начали заботиться довольно серьезно еще за полтораста лѣтъ назадъ, если до сихъ поръ наши университеты, переполняясь студентами, нуждаются въ профессорахъ по самымъ необходимымъ каѳедрамъ, то это происходитъ единственно оттого, что у насъ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ *исторіи* народнаго образованія. Предъ нашими глазами только послѣдовательный рядъ «мѣропріятій», изъ которыхъ одно уничтожаетъ другое, то подвигая нѣсколько впередъ народное образованіе, то снова отталкивая его назадъ на цѣлые десятки лѣтъ.

Въ настоящую минуту на нашихъ глазахъ происходятъ также довольно серьезныя преобразованія по министерству народнаго просвѣщенія. Для лучшаго ознакомленія нашихъ читателей съ сущностью этихъ преобразованій, мы считаемъ чрезвычайно полезнымъ сдѣлать историческій очеркъ важнѣйшихъ мѣръ и направленій въ системѣ нашего народнаго образованія. Это будетъ тѣмъ болѣе полезно, что наше общество, нужно сказать правду, почти ничего не знаетъ о тѣхъ направленіяхъ, какія господствовали въ исторіи нашихъ учебныхъ заведеній, начиная съ народныхъ училищъ и доходя до университетовъ, и совершенно незнакомо съ вліяніемъ той или другой системы на общій строй народной жизни, что подтвердилось,

между прочимъ, печальной исторіей реальныхъ гимназій, задуманныхъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія г. Головинымъ. Высказывая нашъ взглядъ на сущность современныхъ намъ преобразованій, мы будемъ руководствоваться приглашеніемъ настоящаго министра, графа Толстаго, высказываться открыто за или противъ этихъ преобразованій. Считаемъ также нелишнимъ замѣтить, что излагая исторію нашихъ учебныхъ заведеній мы будемъ основываться на фактахъ, имѣющихъ исключительно офиціальный характеръ. Главнѣйшіе изъ находящихся у насъ источниковъ слѣдующіе: «Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній с.-петербургскаго учебнаго округа» А. Воронова; «Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія»; «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I», М. Сухомлинова (помѣщены въ журналѣ мин. народн. просв.), и мн. др. Перечисленіе этихъ важнѣйшихъ источниковъ избавитъ насъ отъ необходимости ссылаться на нихъ въ текстѣ.

Мы, разумѣется, не будемъ начинать съ до-петровской эпохи, когда у насъ все образованіе сосредоточивалось въ стѣнахъ духовныхъ академій. Скажемъ только, что, при вступленіи на престолъ Петра I, единственными разсадниками образованія были у насъ: духовная академія въ Кіевѣ и славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ. Въ этихъ заведеніяхъ учились не только духовныя, но и свѣтскія лица. Петръ I, начавъ свои преобразованія, прежде всего обратился къ школѣ, желая ее сдѣлать главной своей помощницей. Такимъ образомъ, начало нашего образованія имѣетъ чистоутилитарное, практическое направленіе. Открывая корпуса и заводя школы, Петръ нисколько не заботился о томъ, чтобы оградить народное и корпусное образованіе отъ какихъ нибудь вредныхъ либеральныхъ вліяній. Можно утвердительно сказать, что онъ не побрезгалъ бы никакими средствами, даже изъ числа тѣхъ, которыя впослѣдствіи считались весьма опасными, для того только, чтобы заставить народъ полюбить науку. Ему образованіе было необходимо-нужно для его же собственныхъ цѣлей, и вотъ онъ начинаетъ пускать въ ходъ жесткія принудительныя мѣры въ родѣ лишенія права жениться и опредѣляться къ должностямъ тѣмъ ученикамъ, которые не успѣвали въ наукахъ. Но рядомъ съ спеціальными училищами, корпусами, имѣвшими ближайшею цѣлью приготовлять моряковъ, архитекторовъ, артиллеристовъ и т. п. спеціалистовъ, мы находимъ у Петра I попытки вводить и общее образованіе. Такъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ онъ

учреждалъ цифирныя или ариѳметическія школы, въ которыхъ, кромѣ грамоты, учили ариѳметикѣ и первымъ началамъ геометріи. Посѣщеніе этихъ школъ было обязательно для дѣтей чиновниковъ, но дѣти прочихъ званій также допускались къ ученію въ этихъ школахъ. Они находились въ вѣдомствѣ адмиралтейской коллегіи, надзоръ за ними былъ порученъ губернаторамъ и воеводамъ. Впрочемъ эти школы мало посѣщались, потому что большинство тогдашняго общества предпочитало домашнее образованіе. По той же причинѣ не удались Петру и другія школы, такъ называемыя малыя народныя училища, заведеніе которыхъ во всѣхъ городахъ, съ цѣлью учить читать, писать и считать возложено было на обязанность магистратовъ. Такимъ образомъ ариѳметическія школы почти всѣ въ скоромъ времени закрылись, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, школа въ Новгородѣ, соединились съ духовными, прекративъ свое отдѣльное существованіе. Образованіе изъ общественнаго сдѣлалось снова домашнимъ, не идя впрочемъ далѣе чтенія церковной и гражданской печати.

При Елисаветѣ Петровнѣ мы встрѣчаемъ въ Петербургѣ уже частные пансіоны, заводимые по большей части пріѣзжавшими въ Россію иностранцами. При Екатеринѣ II, въ 1780 году, этихъ пансіоновъ считалось въ Петербургѣ 23. Въ нихъ изъ 70 учителей считалось только 20 русскихъ; остальные были иностранцы; да и изъ этихъ двадцати, половину составляли учителя танцевъ и рисованія. Впрочемъ, о русскомъ языкѣ здѣсь и не заботились; даже всѣ науки преподавались по-французски. Впослѣдствіи большая часть этихъ пансіоновъ были закрыты по совершенной ихъ безполезности, а учащимся въ нихъ было предложено перейти въ народныя училища, учрежденныя Екатериной II. Мы не станемъ разсказывать причинъ, по которымъ эти пансіоны признаны были безполезными. Желающихъ ознакомиться съ шарлатанствомъ и нравственнымъ убожествомъ тогдашнихъ нашихъ просвѣтителей-французовъ, мы отсылаемъ къ помѣщенному у насъ изслѣдованію г. Пятковскаго: «Иванъ Ивановичъ Бецкій.»

Екатерина II обратила болѣе серьезное вниманіе на народное образованіе. Она уже имѣла въ виду не только приготовленіе молодежи къ извѣстной спеціальности, но вообще образованіе полезнаго члена обществу и человѣка. Первоначальныя ея мѣры для распространенія народнаго образованія состояли въ слѣдующемъ: въ 1775 году она вмѣнила приказамъ общественнаго призрѣнія въ обязанность заботиться объ учрежденіи училищъ по всѣмъ горо-

дамъ и селеніямъ съ назначеніемъ самой умѣренной платы за ученіе, да и то съ людей достаточныхъ. Желая дать добрый примѣръ, сама императрица основала въ Петербургѣ народное училище на счетъ собственнаго кабинета, выразивъ, въ особомъ указѣ по этому поводу, надежду, что «въ прочихъ частяхъ города обитатели, по мѣрѣ состоянія своего, не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ и самихъ ихъ отъ сего ожидаемой.» Народныя училища начали открываться во многихъ мѣстахъ. Но для прочнаго ихъ существованія недоставало ни средствъ, ни учебныхъ руководствъ, ни способныхъ преподавателей. Сознавая, что безъ учителей ничего сдѣлать невозможно, императрица предположила открыть въ Петербургѣ главное народное училище. Цѣль его заключалась въ приготовленіи учителей для народныхъ школъ, а также и для того, чтобы служить образцомъ для всѣхъ прочихъ училищъ подобнаго рода. Положено было имѣть при главномъ училищѣ не менѣе 100 казенныхъ воспитанниковъ, которые обязаны были, въ числѣ прочихъ предметовъ, изучать методъ преподаванія и разныя учительскія обязанности. Методъ преподаванія въ этомъ училищѣ носилъ на себѣ реальный характеръ. При преподаваніи предметовъ, вмѣнено было въ обязанность учителямъ слѣдующее: учителя обязаны были давать основательное понятіе о естественныхъ произведеніяхъ земли, промыслахъ, образѣ правленія, чтобы ученики заучивали не одни только голыя названія водъ и земель, но узнавали взаимную связь государствъ по естественнымъ произведеніямъ, промысламъ, и т. п. При письменныхъ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ, учитель долженъ задавать преимущественно темы, употребительныя въ общежитіи. Преподавая физику, ему слѣдуетъ какъ можно чаще обращаться къ опытамъ. Преподавая естественную исторію, необходимо, чтобы учитель, кромѣ ученаго названія предметовъ, приводилъ и обыкновенное ихъ названіе у простолюдиновъ; показывалъ гдѣ какая вещь родится и почему именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Главное народное училище находилось, по тому времени, въ блестящемъ положеніи; придерживаясь чисто-реальнаго направленія въ преподаваніи, оно для чтенія воспитанникамъ выписывало даже газеты: Гамбургскія и геттингенскія на нѣмецкомъ языкѣ и вѣдомости Петергургскія и Московскіе. Кромѣ того, само училище издавало періодически, подъ редакціей одного изъ учителей, труды воспитанниковъ, по слѣдующей программѣ: 1) матеріи нравоучительныя. 2) Пьесы реторическія, 3) пьесы историческія, 4) Пьесы касающіяся собственно до наукъ. 5) Всякія мелкія творенія служащія къ невинному удоволь-

ствію. Вслѣдъ за устройствомъ народныхъ училищъ начались преобразованія и въ частныхъ пансіонахъ, которые были подчинены правительственному надзору. Такимъ образомъ были положены первыя начала правильной системѣ народнаго и общественнаго образованія созданіемъ общаго устава народныхъ училищъ въ 1786 году.

По этому уставу народныя училища были двухъ родовъ: главныя, состоящія изъ четырехъ классовъ, и малыя—изъ двухъ. Первыя учреждались въ губернскихъ городахъ, вторыя въ уѣздныхъ. Всѣ эти училища, также какъ и частные пансіоны, находились въ вѣденіи приказа общественнаго призрѣнія. Предсѣдатель приказа былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и попечитель училищъ губерніи, распоряжавшійся училищами съ согласія генералъ-губернатора. Для непосредственнаго управленія главнымъ училищемъ, а также и всѣми училищами въ губерніи, избирался директоръ, назначавшійся генералъ-губернаторомъ. Онъ долженъ быть «любитель наукъ, порядка и добродѣтели.» Высшая правительственная власть надъ училищами сосредоточивалась въ комиссіи народныхъ училищъ. Для того чтобы установить необходимое однообразіе въ преподаваніи, въ уставѣ были указаны общія обязанности учителей, относительно метода и порядка преподаванія, надзора за учениками, обращенія съ ними, отношенія къ начальству и обществу. Ученики также были снабжены особою инструкціей «правила для учащихся». Учителя начали считаться состоящими на государственной службѣ со всѣми ея правами и преимуществами; для учениковъ назначены публичныя испытанія; для контроля надъ училищами, комиссія посылала изъ среды себя ревизіонныхъ чиновниковъ. Но при всемъ этомъ не было нигдѣ и рѣчи о стѣсненіи народнаго образованія. Всѣ перечисленныя мѣры имѣли въ виду установить народное образованіе на такихъ началахъ, чтобы оно не могло быть предметомъ спекуляціи и не отталкивало отъ себя общество. Правительство продолжало искренно сознавать крайнюю нужду въ образованныхъ людяхъ.

Однакожь, малыя народныя училища стали въ скоромъ времени приближаться къ паденію, а многія изъ нихъ и совсѣмъ закрылись. Причины паденія заключались какъ въ недостаточности средствъ, такъ и въ предубѣжденіи жителей противъ ученія. Комиссія училищъ всѣми силами противилась закрытію школъ, но очень часто усилія ея оставались напрасными.

На ряду съ *учебными* заведеніями открывались и *воспита-*

тельныя. Въ 1786 году отъ главнаго народнаго училища въ Петербургѣ отдѣлилась Учительская Семинарія, для приготовленія учителей въ главныя народныя училища! Всѣ ея воспитанники были казенные. Курсъ ученія раздѣлялся на два отдѣла: математическихъ и историческихъ наукъ. Ученики слушали оба отдѣла, но должны были обращать особое вниманіе на предметы одного изъ нихъ. Воспитательными заведеніями были также пансіоны и вновь образованные, сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ, воспитательные дома для подкидышей. При Екатеринѣ мы впервые встрѣчаемся съ системою закрытаго воспитанія, основанною на чисто-государственныхъ соображеніяхъ. Императрица понимала сама, что учреждаемыя ею главныя и малыя народныя училища не могутъ въ скоромъ времени принести тѣхъ богатыхъ результатовъ, на которые она разсчитывала, потому что училищамъ приходилось дѣйствовать среди обстановки очень неблагопріятной. Поэтому, она разсчитывала посредствомъ закрытаго воспитанія, и по мысли Бецкаго, образовать *новую породу людей*, совершенно отличную отъ современнаго ей невѣжественнаго общества. Здѣсь не мѣсто разбирать, въ какой степени ошибочны были тѣ средства, на которыхъ остановилась Екатерина для образованія новой породы. Намъ довольно сказать, что закрытое воспитаніе во времена Екатерины имѣло уже характеръ правильной системы, не носившей въ себѣ ничего случайнаго, и установленной для достиженія вполнѣ опредѣленныхъ цѣлей, чего, къ сожалѣнію, невозможно сказать о нашихъ теперешнихъ закрытыхъ заведеніяхъ.

Система народнаго образованія, установленная на вышеозначенныхъ началахъ, отмѣнялась въ очень несущественныхъ чертахъ, продолжала существовать до 1802 года, то есть до вступленія на престолъ Александра I. Поэтому мы не станемъ слѣдить за ходомъ народнаго образованія за это время, а перейдемъ прямо къ 1802 году, когда учрежденіемъ министерствъ, въ томъ числѣ и министерства народнаго просвѣщенія, въ связи со многими другими мѣрами, было дано новое направленіе народному образованію. Однакожъ, хотя царствованіе Павла I, по отношенію къ народному образованію, не представляетъ строго-обдуманныхъ системъ и направленій, хотя просвѣщеніе во время этого государя было оставлено совершенно въ сторонѣ, но для лучшаго уясненія первой половины Александрова царствованія мы должны упомянуть, что до вступленія его на престолъ, народное образованіе находилось подъ сильнымъ гнетомъ. Профессоръ московскаго университета

Геймъ, произнося въ 1799 году рѣчь «о состояніи наукъ въ Россіи подъ покровительствомъ Павла I», говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ чрезъ учрежденіе строгой и бдящей цензуры книжной. Познаніе и такъ называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастья. Европейскія правительства, спокойно взиравшія на сей развратъ, возымѣли наконецъ правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи; возвратились въ Европу мрачныя времена лютѣйшаго варварства. Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ губительной язвы возникающаго всюду лжеученія.» Но эти мѣры мало касались методовъ и направленій преподаванія; онѣ заключались, во первыхъ, въ «строгой и бдящей цензурѣ,» а во вторыхъ, въ разныхъ ограниченіяхъ, заключавшихся въ подобнаго рода указахъ: «такъ какъ чрезъ вывозимые изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были *безъ изъятія*, въ государство наше, равномѣрно *и музыку*.» Частныя типографіи всѣ были закрыты, за-границу ѣздить строго запрещалось.

Восшествіе на престолъ Александра I сопровождалось указомъ, въ которомъ сказано было, между прочимъ, слѣдующее: «желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на ввозъ изъ-заграницы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно частныя запечатанныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства.» Александръ I, проникшись мыслью екатерининскаго наказа, считавшаго развитіе просвѣщенія самымъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлать людей лучшими, прежде всего обратилъ свое вниманіе на народное образованіе. Внѣшняя сторона его преобразованій по этому предмету заключалась въ слѣдующемъ: учреждено министерство народнаго просвѣщенія, непосредственному вѣденію котораго поручены: главное правленіе училищъ, академія наукъ, университеты и другія училища, типографіи, цензура, изданіе періодическихъ сочиненій, народныя библіотеки, музеи и всякія учрежденія для распространенія наукъ.

Управленіе училищами до Александра I было поручено приказамъ общественнаго призрѣнія; теперь введено раздѣленіи имперіи на округи, имѣющіе особыхъ попечителей, которые всѣ вмѣстѣ входили въ составъ главнаго правленія училищъ. Всѣ учебныя заведенія, находившіяся въ вѣдомствѣ министерства, были раздѣлены на гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Курсъ гимназій былъ пространнѣе курса прежнихъ главныхъ народныхъ училищъ, а потому, при преобразованіи послѣднихъ, 3-й и 4-й классы обращались въ 1-й и 2 й гимназическіе. Въ гимназіяхъ, сравнительно съ народными училищами, значительно усилено было преподаваніе чистой и прикладной математики, физики и естественныхъ наукъ; кромѣ того введены были вновь: статистика, философія, изящныя и политическія науки; изъ новѣйшихъ языковъ преподавались французскій и нѣмецкій; преподаваніе закона Божія и русской грамматики не вошло въ составъ гимназическаго курса; оба эти предмета должны были преподаваться въ уѣздныхъ училищахъ. Малыя народныя училища были преобразованы въ уѣздныя, которыя имѣли двоякую цѣль: приготовлять желающихъ къ поступленію въ гимназію и доставлять дѣтямъ необходимыя познанія сообразно ихъ состоянію и промышленности. Курсъ уѣздныхъ училищъ почти равнялся курсу бывшихъ главныхъ народныхъ училищъ; здѣсь также преподавались естественныя науки, физика, математическая географія и т. п. Наконецъ приходскія училища имѣли также двоякую цѣль: приготовлять желающихъ для поступленія въ уѣздныя училища и «доставленіе дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній приличныхъ свѣденій, чтобы сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить въ нихъ суевѣрія и предразсудки, столь вредныя ихъ благополучію, здоровью и состоянію.» Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, также и въ селеніяхъ, каждый церковный приходъ или два вмѣстѣ должны были имѣть по крайней мѣрѣ одно приходское училище. Въ числѣ другихъ предметовъ, учителямъ вмѣнялось въ обязанность читать съ объясненіемъ особо составленную книгу: «краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья.» Такимъ образомъ, приходскія, уѣздныя училища и гимназіи имѣли цѣлью давать молодымъ людямъ вполнѣ реальное образованіе, сообразно ихъ потребностямъ, а также подготовлять желающихъ для поступленія въ высшія заведенія, во главѣ

которыхъ стояли университеты. Полный приготовительный курсъ для поступленія въ университетъ, начиная съ приходскихъ училищъ, раздѣленъ былъ на семь лѣтъ. Замѣтимъ еще, что учебныя пособія въ училищахъ и гимназіяхъ должны были находиться на отвѣтственности начальниковъ заведеній и не исходили изъ какого нибудь одного, общаго источника. При гимназіяхъ положено было между прочимъ имѣть библіотеку, географическія пособія, лексиконы, физическій кабинетъ, кабинетъ естественныхъ наукъ, собранія моделей, чертежей и тѣлъ по чистой математикѣ, механикѣ и технологіи.

Уже изъ простаго перечня предметовъ, входившихъ въ составъ училищъ и гимназій, видно, что преподаваніе въ нихъ имѣло чисто-реальное направленіе. Но это еще болѣе подтверждается разными инструкціями, дававшимися учителямъ гимназій. Такъ напримѣръ, въ «правилахъ для пансіона при петербургской гимназіи» говорится между прочимъ: «дабы соединить теоретическія познанія воспитанниковъ съ практическими, учители будутъ во время вакаціи показывать воспитанникамъ мастерскія и фабрики, здѣсь находящіяся, объяснять имъ употребительнѣйшія гидравлическія машины, мельницы и проч.; также посѣщать съ ними кабинетъ естественной исторіи и дѣлать иногда ботаническія прогулки; учитель же математики будетъ наставлять ихъ въ нужнѣйшихъ частяхъ практической геометріи.» Методы преподаванія и успѣхи учениковъ ставились подъ непосредственный контроль самого общества. Въ «положеніи о пансіонѣ при харьковской гимназіи» говорится, что въ пансіонъ имѣютъ входъ всѣ желающіе, а особенно родители учениковъ; въ случаѣ, если они найдутъ какія нибудь упущенія, то даютъ знать о нихъ университету. Впрочемъ, и само министерство слѣдило за тѣмъ, чтобы преподаваніе въ гимназіяхъ какъ можно болѣе сообразовалось со степенью развитія воспитанниковъ. «Усмотрѣно, говорится въ одномъ изъ такихъ циркуляровъ, что во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, что учители стараются болѣе обременять, нежели изощрять память ихъ, и вмѣсто развиванія разсудка постепеннымъ ходомъ притупляютъ оный, заставляя выучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее собственными, хотя бы и не связными, но не книжными выраженіями.» Вслѣдствіе этого, министерство предлагаетъ директорамъ слѣдить за такими учителями, а неспособныхъ удалять. Наказанія воспитанниковъ допу-

скались самыя мягкія: задача уроковъ, сверхъ положенныхъ въ классахъ, лишеніе завтрака, обѣдъ за особеннымъ столомъ, сидѣніе въ пансіонѣ во время прогулки, и т. п. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ воспитанникъ исключался изъ заведенія, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя округа; тѣлесныя же наказанія строго запрещались. «Извѣстно мнѣ, пишетъ по этому поводу министръ народнаго просвѣщенія, что нѣкоторые директоры, учители, смотрители, гувернеры и содержатели пансіоновъ употребляютъ тѣлесныя наказанія, и даже съ ожесточеніемъ.... А какъ сіе противно доброму воспитанію, то я предлагаю вникнуть въ сіе обстоятельство и *подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должностей*, подтвердить означеннымъ лицамъ и содержателямъ пансіоновъ, *подъ опасеніемъ закрытія пансіоновъ*, дабы не дерзали нарушать Высочайшее постановленіе, и исправляли бы дѣтей мѣрами кротчайшими. Желательно было бы, чтобы жестокіе наставники, учители, начальники училищъ и содержатели пансіоновъ немедленно были узнаны и по усмотрѣнію или перемѣнены или предостережены, какъ для пользы ихъ собственной, такъ болѣе для юношества, имъ ввѣреннаго».

Разсматривая обстоятельства, среди которыхъ происходило открытіе университетовъ въ первую половину Александрова царствованія, мы еще болѣе убѣждаемся, что дѣйствіями главнаго правленія училищъ и вообще всего министерства народнаго просвѣщенія руководило вовсе не минутное увлеченіе либерализмомъ, а строго выработанное убѣжденіе, что для успѣховъ преподаванія необходима по возможности полная свобода. Мысль объ учрежденіи въ Россіи университетовъ появилась еще при Петрѣ I, который, подъ вліяніемъ Лейбница, хотѣлъ устроить университетъ прежде всего въ Москвѣ, потомъ въ Астрахани, Кіевѣ и наконецъ въ Петербургѣ. Впослѣдствіи было поручено Ломоносову составить проектъ университета для Петербурга. Въ регламентѣ университету между прочимъ говорилось: «духовенству къ ученіямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показующимъ, *не привязываться*, а особливо не ругать наукъ въ проповѣдяхъ.» Въ 1755 году открылся университетъ въ Москвѣ, находившійся въ зависимости непосредственно отъ правительствующаго сената. «События второй половины восемнадцатаго вѣка, говоритъ г. Сухомлиновъ, не прошли безслѣдно для русскаго общества; духъ времени отразился въ тѣхъ мѣрахъ для народнаго образованія, которыя составляютъ эпоху въ умственной жизни Россіи. Русскіе университеты, возникшіе или преобразованные въ началѣ девятнадцатаго вѣка, представляютъ въ

устройствѣ своемъ и господствующемъ духѣ черты того направленія, которое обнаружилось въ умственномъ и политическомъ мірѣ Европы. Особенности русскихъ университетовъ заключаются какъ въ ихъ устройствѣ, такъ и въ духѣ, оживлявшемъ университетскую корпорацію и ея ученую дѣятельность.» Не распространяясь подробно о направленіи науки въ то время на западѣ, укажемъ только тѣ характерныя черты, которыя повліяли на направленіе нашей университетской жизни при началѣ царствованія Александра I. Наука признавалась совершенно самостоятельной и была независима отъ духовенства. Такъ какъ университетъ есть не воспитательное заведеніе, а ученая корпорація для преподаванія наукъ, то было признано необходимымъ не подчинять студентовъ школьной дисциплинѣ закрытыхъ заведеній. «Разумная свобода, говоритъ геттингенскій профессоръ Мейнерсъ, принимавшій сильное участіе въ образованіи русскихъ университетовъ, дѣйствуетъ гораздо плодотворнѣе, нежели принудительныя мѣры и постороннее вмѣшательство. Чувство независимости, развивая прямоту и честность въ образѣ дѣйствій молодыхъ людей, ставитъ ихъ несравненно выше того жалкаго положенія, на которое осуждена молодежь въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ право на вниманіе и отличіе пріобрѣтается не нравственными достоинствами и научными трудами, а рабскою и льстивою покорностью передъ начальствомъ и благодѣтелями.» Кромѣ иностранныхъ источниковъ, министерство руководилось и трудами комиссіи училищъ, составившей еще въ 1787 году планъ университета. По этому плану свобода преподаванія считалась необходимымъ условіемъ университетской жизни. Въ планѣ говорится, что профессора «не подвергаются принужденію ни въ разсужденіи правилъ науки, ни въ разсужденіи книгъ учебныхъ: свобода мысли способствуетъ вообще знаніямъ, но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо.» Этотъ принципъ былъ положенъ цѣликомъ въ основу открываемыхъ университетовъ. Каждому профессору предоставлена была полнѣйшая свобода преподаванія. Всякое вмѣшательство въ преподаваніе постороннихъ лицъ строго запрещалось. «Когда поднятъ былъ вопросъ о правѣ деканова посѣщать лекціи, говоритъ г. Сухомлиновъ, то защищавшій это право потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ совѣтѣ (дѣло идетъ о харьковскомъ университетѣ); попечитель съ своей стороны представилъ, что находитъ такое посѣщеніе унизительнымъ для профессоровъ, а главное правленіе училищъ, замѣтивъ, что дѣло должно было покончить

въ самомъ университетѣ, отказалось отъ вмѣшательства во внутреннее устройство университета.» Доступъ въ университетъ былъ совершенно свободенъ; къ слушанію лекцій допускались какъ студенты, такъ и вольные слушатели безъ различія лѣтъ и сословія. Всякій могъ записываться въ студенты, какого бы званія и лѣтъ ни былъ. Эти положенія также основывались на результатахъ трудовъ комиссіи временъ Ломоносова; въ планѣ университета, выработанномъ этою комиссіею, говорится, между прочимъ, что «несвободные люди также должны имѣть право быть въ университетѣ; когда несвободные люди будутъ въ университетѣ учиться, какъ и прочіе студенты, то симъ науки и ученые люди нимало не будутъ унижаемы, такъ какъ цари и князи не унижаются тѣмъ, когда не свободные бываютъ съ ними въ храмахъ и слушаютъ вмѣстѣ слово Божіе. Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобъ сіе право предоставлялось только людямъ свободнымъ.»

Направленіе университетской жизни соотвѣтствуетъ обыкновенно состоянію всѣхъ остальныхъ учебныхъ заведеній. Это тѣмъ болѣе было справедливо въ то время, потому что всѣ учебныя заведенія округа находились подъ контролемъ университетовъ. Слѣдовательно, ознакомившись съ характеромъ университетской науки тогдашняго времени, можно составить себѣ довольно ясное представленіе и о всѣхъ дѣйствіяхъ министерства народнаго просвѣщенія въ началѣ девятнадцатаго вѣка. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ началѣ царствованія Александра I, дѣйствіями учебнаго вѣдомства руководитъ строго-опредѣленная система, основанная на полной свободѣ преподаванія и чисто-реальныхъ началахъ. Эти начала признавались въ такой степени важными, что даже одинъ изъ горячихъ приверженцевъ древняго міра и древней филологіи, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, Муравьевъ, признавалъ чрезвычайно важное значеніе въ образованіи математики, естествознанія и историческихъ наукъ.

Теперь интересно бы прослѣдить, какое вліяніе оказывало на учащуюся массу подобное направленіе? Не имѣя подъ руками достаточнаго числа фактовъ, чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, мы однакоже думаемъ, что результаты подобнаго направленія нисколько не свидѣтельствовали о его негодности. Напротивъ, есть не мало данныхъ, изъ которыхъ можно заключить, что тогдашнее направленіе имѣло самое благотворное вліяніе на молодежь. С. Т. Аксаковъ, бывшій студентомъ въ началѣ девятнадцатаго вѣка,

слѣдующимъ образомъ вспоминаетъ о своемъ студенчествѣ: «въ студентахъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ и, непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его въ продолженіе цѣлой жизни, и куда бы ни затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину—она выводитъ его на честную и прямую дорогу».

Однакожь, этому благотворному направленію въ скоромъ времени суждено было уничтожиться, уступивъ мѣсто другому, совершенно противоположному. Причины начавшейся реакціи вовсе не вытекали изъ недостатковъ или несовершенства свободно-реальнаго направленія; напротивъ, реакція брала для себя силу изъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ народнымъ образованіемъ. Съ одной стороны, политическія обстоятельства, въ связи съ народными бѣдствіями, пожарами, неурожаями, съ другой—господство такихъ личностей, каковы Магницкій и Руничъ, произвели то, что направленіе первой половины Александрова царствованія было почти совершенно замѣнено противуположнымъ. Заключеніе «священнаго союза» послужило основаніемъ для реформы народнаго образованія въ Россіи. Въ обществѣ развивалось мистическое направленіе, доходившее до крайнихъ предѣловъ. Характеръ начавшейся реакціи всего яснѣе выражается въ слѣдующихъ словахъ Магницкаго: «я трепещу передъ невѣріемъ философіи особенно потому, что въ исторіи семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій ясно и кровавыми литерами читаю, что сначала поколебалась и исчезла вѣра, потомъ взволновались мнѣнія и измѣнился образъ мыслей только перемѣною значенія и подмѣномъ словъ, и отъ сего непримѣтнаго и какъ бы литературнаго подкопа алтарь Христовъ и тысящелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны, кровавая шапка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху. Вотъ ходъ того, что называли тогда только *философія* и *литература* и что называется уже нынѣ *либерализмъ*.» Религія приняла совершенно ложное направленіе, обратившись въ крайній мистицизмъ. Начались толки о всеобщемъ братствѣ, о союзѣ народовъ, о царствѣ истины и любви. «Священный союзъ», основанный на этихъ началахъ, послужилъ основаніемъ для реформы народнаго образованія въ Россіи. Началась крутая реакція и ломка всего, что было установлено въ первую половину царствованія Александра. Усердіе реакціонеровъ заходило такъ далеко, что даже хотѣли наложить

руку на официальный органъ министерства народнаго просвѣщенія, какъ на книгу «опасную по нѣкоторымъ ея мѣстамъ». Запрещено было употребленіе въ училищахъ книги «Должности человѣка и гражданина», изданной еще при Екатеринѣ второй для чтенія въ народныхъ училищахъ, хотя съ того времени ея было отпечатано одиннадцать изданій. Раболѣпство и лицемѣріе, которыя еще такъ недавно порицались, проникли даже въ ученыя сословія. «Да будетъ началомъ моего слова, восклицаетъ ораторъ, Всеблагій Богъ; да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толикими доблестями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда либо можетъ; да пріиметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя (Магницкаго), который съ чрезвычайнымъ нѣкіимъ тщаніемъ трудится для возвышенія наукъ и, соображая всѣ свои дѣянія съ божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры, достойнѣйшіе подражанія.» Распространявшіяся по Россіи библейскія общества проникали даже въ среднія учебныя заведенія; такъ, ученики пензенской гимназіи устраивали христіанскія и литературныя бесѣды, на которыхъ читались псалмы и разсужденія объ истинахъ религіи и о жизни святыхъ мужей; даже «*дѣти* внѣшняго ришельевскаго лицея» учредили между собою библейское общество для снабженія сверстниковъ своихъ книгами божественными. Самое преподаваніе не избѣгло общаго вліянія. Напримѣръ, относительно преподаванія политической экономіи говорилось, слѣдующее: «непреложный законъ всякаго домостроительства постановленъ въ сей заповѣди, данной первому человѣку по паденіи его: въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой. Вслѣдствіе сего основными началами какъ частнаго, такъ и народнаго хозяйства должны быть слѣдующія главныя правила: трудись, снискивай познанія, приспособляй ихъ и исполняй предпріятія; что произведешь такимъ образомъ, тѣмъ и пользуйся. Но мы существуемъ не для одного сохраненія кратковременной жизни своей, не для одного тѣлеснаго благополучія своего и даже не для одного благоденствія земнаго отечества. Не некитесь, говоритъ искупившій насъ отъ клятвы, о томъ, что съѣсть, чѣмъ утолить жажду, во что одѣться, не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, просящему дай, хотящему у тебя занять не откажи, и т. п. Посему преподаватель политической экономіи поставитъ себѣ въ непремѣнную обязанность дѣлать своимъ слушателямъ напоминаніе, что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, содержитъ въ себѣ только условную цѣну, именно, въ качествѣ средства къ достиженію высшихъ благъ, дабы

тѣмъ предупредить сколько возможно то пагубное вліяніе любостяжанія, которое и безъ всякаго ученія весьма легко овладѣваетъ человѣческимъ сердцемъ и превращаетъ людей въ машины, а еще болѣе ту суетную расточительность, которая пожираетъ и самое мнимое богатство наше. Но такимъ образомъ предѣлы сей науки слишкомъ расширятся; въ отвращеніе сего, преподаватель не только оставитъ въ сторонѣ разсужденія, до политики въ собственномъ смыслѣ взятой касающіяся, такъ какъ онъ, стоя на средней ступени въ обществѣ, не можетъ видѣть существенныхъ нитей ихъ, но пройдетъ молчаніемъ и всѣ другіе предметы, дѣйствующіе лишь случайно на умноженіе или уменьшеніе богатства, какъ напримѣръ, распоряженія, относящіяся къ торговлѣ и ремесламъ, разныя привилегіи, водвореніе переселенцевъ, и т. п., а вмѣсто сего, при всякомъ удобномъ случаѣ будетъ устремлять мысли слушателей къ тому произведенію богатства, къ тому разведенію и потребленію его, которые превращаютъ оное изъ тѣлеснаго въ духовное, изъ тлѣннаго въ нетлѣнное. Сіи случаи встрѣтитъ онъ, говоря напримѣръ, о истинной и обманной цѣнѣ вещей, о выгодахъ и невыгодахъ раздѣленія работы, о сбереженіяхъ, нужныхъ для составленія капиталовъ, о такъ называемыхъ невещественныхъ произведеніяхъ, о плодотворныхъ и безплодныхъ издержкахъ, словомъ сказать, почти во всякой статьѣ найдетъ онъ соприкосновенность между богатствами міра сего и сокровищами вѣчности, между имуществомъ плоти и духа нашего, и не преминетъ указать, гдѣ теряется между первымъ и вторымъ равновѣсіе, въ ущербъ послѣднему. Такимъ образомъ соединитъ онъ низшую, условную экономію съ высшей, истинною, и составитъ изъ нея науку въ строгомъ смыслѣ нравственно-политическую.» Въ преподаваніи естественныхъ наукъ должны быть устраняемы всѣ суетные догадки о происхожденіи и переворотахъ земнаго шара, и все вниманіе обращается на ясный порядокъ и полноту метода. Физическія и химическія руководства должны распространять полезныя свѣденія безъ всякой примѣси надменныхъ умствованій, порождаемыхъ во вредъ истинамъ, неподлежащимъ опытамъ и раздробленію. Основаніемъ философіи, по инструкціи Магницкаго, должны служить посланія апостола Павла къ колоссянамъ и къ Тимофею. Начала политическихъ наукъ преподаватели должны извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля. Древность успѣховъ Россіи въ просвѣщеніи слѣдовало доказывать распоряженіями Владиміра Мономаха по духовной и учебной части. Въ курсѣ древнихъ

языковъ необходимо знакомить слушателей преимущественно съ произведеніями христіанскихъ писателей: Св. Василія, Аѳанасія, Іоанна Златоуста. Въ лекціяхъ словесности на первомъ планѣ должна быть библія, какъ величайшій образецъ литературнаго совершенства; затѣмъ разбираются произведенія Ломоносова, Державина, Богдановича и Хемницера съ указаніемъ превосходства ихъ надъ прочими въ подражаніи древнему вкусу. Учебный курсъ естественнаго права долженъ былъ разсматривать слѣдующаго рода предметы: подтвержденіе той истины, что источникъ власти есть Богъ, а не воля человѣческая; о несомнѣнности грѣхопаденія, сохранившагося въ памяти всѣхъ народовъ земнаго шара; семейство и государство, установленныя самимъ Богомъ чрезъ посредство власти отеческой, опредѣляютъ понятіе о правахъ и обязанностяхъ человѣка; о необходимости закона откровенія; различіе видовъ и формъ правленія ни мало не опровергаетъ происхожденія власти отъ Бога, а не отъ первоначальнаго дѣйствія воли человѣческой. Даже математика подавала поводъ сомнѣваться въ несогласности съ началами христіанскаго ученія, вслѣдствіе чего являлись горячіе защитники этой науки, доказывавшія ея чисто-христіанскій характеръ. «Въ математикѣ, говоритъ профессоръ Никольскій, содержатся превосходныя подобія священныхъ истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напримѣръ, какъ числа безъ единицы быть не можетъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единаго владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома въ математикѣ: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ первоначальномъ словѣ своего всемогущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть первый самый простѣйшій видъ, и ученіе объ ономъ служитъ основаніемъ другихъ геометрическихъ строеній и изслѣдованій. Онъ можетъ быть эмблемою: силы, дѣйствія, слѣдствія; времени, раздѣляющагося на прошедшее, настоящее и будущее; пространства, заключающаго въ себѣ длину, ширину, высоту или глубину; духовнаго, вещественнаго и союза ихъ. Святая церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всея твари. Двѣ линіи, крестообразно пересѣкающіяся подъ прямыми углами, могутъ быть прекраснѣйшимъ іероглифомъ любви и правосудія. Любовь есть основаніе творенію, а правосудіе управляетъ произведеніями оной, ни мало не преклоняясь ни на которую сторону. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и

любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнимъ, небесное съ земнымъ.» Независимо отъ передѣлки учебныхъ руководствъ, даже *прописи* подверглись передѣлкѣ. Для новаго изданія прописей извлечены статьи изъ книги о подражаніи Христу и чтенія четырехъ евангелистовъ; статей же нравственно-философскихъ «комитетъ не принялъ, желая и въ прописяхъ ознакомить учащихся съ единою на потребу истинною нравственностью христіанскою.» Были даже попытки уничтожить анатомическіе театры и преподавать анатомію безъ помощи труповъ, потому что «превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ.»

Вслѣдствіе такого смѣшенія религіозныхъ истинъ съ мистическими метафорами и научными предметами, идеаломъ для русскихъ университетовъ были поставлены университеты, существовавшіе во Франціи лѣтъ за шесть до революціи. Эти университеты были организованы слѣдующимъ образомъ: въ шесть часовъ утра, по первому удару колокола, входилъ въ спальню студентовъ ихъ инспекторъ, привѣтствуя ихъ словами: Слава Отцу и Сыну и Святому Духу; студенты отвѣчали: аминь. Затѣмъ ударялъ второй звонокъ; прилежнѣйшіе шли въ домашнюю церковь и тамъ въ молчаніи, на колѣняхъ передъ алтаремъ, молились. По третьему звонку всѣ студенты входили въ аудиторію, по два въ рядъ, и читали вслухъ: помилуй мя, Боже. Каждый профессоръ передъ началомъ лекціи становился на кафедрѣ на колѣни и призывалъ на себя и на слушателей своихъ небеснаго духа премудрости и разума. Экзаменъ на ученыя степени происходилъ въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ; экзаменаторы, подъ предсѣдательствомъ ректора, сидѣли за столомъ, который также былъ покрытъ чернымъ сукномъ и на которомъ, посреди двухъ большихъ зажженныхъ свѣчъ, стояло распятіе. Хотя наши университеты не вполнѣ соотвѣтствовали этому образцу, однакожь и въ нихъ было замѣтно много одинаковыхъ чертъ. Напримѣръ, въ казанскомъ университетѣ провинившіеся студенты запирались въ особую комнату съ желѣзными рѣшетками на двери и окнахъ, съ распятіемъ на одной стѣнѣ и картиною страшнаго суда на другой. Первыя золотыя медали присуждались ученикамъ, отличавшимся не успѣхами въ наукахъ, а набожностью и знаніемъ богословія. Вообще наши университеты, а особенно казанскій, приняли видъ чисто-монашескихъ учрежденій съ средневѣковыми католическими обычаями. Духовный элементъ рѣшительно во всемъ преобладалъ надъ

свѣтскимъ, что отражалось между прочимъ и на торжественныхъ актахъ. Вотъ, напримѣръ, программа акта въ казанскомъ университетѣ: послѣ обѣдни и молебна пропоютъ: днесь благодать Святаго Духа насъ собра; профессоръ прочтетъ рѣчь о пользѣ и злоупотребленіяхъ наукъ естественныхъ и необходимости основывать ихъ на христіанскомъ благочестіи; пропоютъ: Боже царя храни; студентъ прочтетъ о березовскихъ и николаевскихъ золотосодержащихъ пескахъ; пропоютъ: Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ; студентъ прочтетъ о необходимомъ соединеніи со внутреннимъ богопочитаніемъ наружнаго; пропоютъ: Слава въ вышнихъ Богу; ректоръ произнесетъ слово о достоинствѣ и важности просвѣщенія и воспитанія, основанныхъ на христіанской вѣрѣ; пропоютъ: Господи, силою твоею возвеселится царь.

Реакція не останавливалась ни передъ какими мѣрами: не смотря на то, что университеты постоянно нуждались въ профессорахъ, достаточно было малѣйшаго подозрѣнія, чтобы лишить профессора кафедры и даже предать суду. Такъ было, напримѣръ, съ профессоромъ казанскаго университета Солнцевымъ, который обвинялся попечителемъ въ преподаваніи естественнаго права на разрушительныхъ началахъ. Общее собраніе совѣта и правленія, разсмотрѣвъ лекціи Солнцева, нашло, что хотя профессоръ и подрѣплялъ свои разсужденія текстами св. писанія, на основаніи инструкціи, но исполнялъ это такъ неудачно, что заимствуемое имъ святое евангельское ученіе представляетъ крошку вина новаго, влитаго въ мѣхи ветхіе, или заплату новаго, приставленнаго къ ризѣ ветхой; по этому опредѣлено: удалить Солнцева навсегда отъ профессорскаго званія и впредь не опредѣлять ни въ какія должности ни въ одно изъ учебныхъ заведеній. Также было и съ четырьмя профессорами петербургскаго университета: Галичемъ, Раупахомъ, Германомъ и Арсеньевымъ. Дѣло началось изъ-за того, что попечитель округа, Рунічъ, заявилъ главному правленію, что въ университетѣ философскія и историческія науки преподаются въ духѣ, противномъ христіанству; вслѣдствіе этого лекціи названныхъ профессоровъ были немедленно пріостановлены, а сами они преданы суду. Министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, разсмотрѣвши дѣло и передавая его въ комитетъ министровъ, полагалъ: Германа и Раупаха выслать изъ Россіи; книги ихъ запретить въ употребленіи; Галича оставить при университетѣ, но въ другой должности; Арсеньеву запретить преподаваніе во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, предоставивъ избрать другой родъ службы. Дѣло это,

тянувшись до 1827 года, было прекращено по повелѣнію Николая Павловича.

Естественно, что реакція, которой характеръ мы изложили въ общихъ чертахъ, должна была повліять на многія черты въ народномъ образованіи, развивавшемся подъ дѣйствіемъ благотворныхъ реформъ первой половины царствованія Александра. Въ противоположность свободному преподаванію начала девятнадцатаго вѣка, установился строгій и бдительный надзоръ за лекціями профессоровъ. Что казалось для университетовъ обиднымъ въ либеральное время, то было признано необходимымъ теперь. По инструкціи Магницкаго, директоръ университета обязанъ былъ имѣть достовѣрнѣйшія свѣденія объ образѣ мыслей университетскихъ преподавателей, присутствовать на ихъ лекціяхъ, просматривать записки студентовъ и наблюдать, чтобы духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ философскихъ, историческихъ и литературы. За студентами также былъ установленъ строжайшій надзоръ, какъ за школьниками. Надзиратели, постоянно наблюдая за студентами и управляя каждымъ ихъ шагомъ, должны были водить ихъ изъ одной комнаты въ другую, устанавливать въ ряды, осматривать волосы, платья, кровати, и т. п. Дежурный адъюнктъ, принимая студентовъ отъ надзирателей, разставляетъ ихъ по аудиторіямъ, и затѣмъ начинается осмотръ студентовъ. По порядку идутъ въ аудиторіи: дежурный адъюнктъ, дежурный помощникъ инспектора, инспекторъ, директоръ и ректоръ, и въ продолженіи этого осмотра преподавателю почти не остается времени для чтенія, а студентамъ для слушанія лекцій. Установлена была система круговаго тайнаго надзора. Адъюнктамъ давалось приказаніе секретно разузнавать, что дѣлается въ университетѣ по вѣдомству инспектора, а одному изъ его помощниковъ велѣно было наблюдать за каждымъ шагомъ своего ближайшаго начальника и обо всемъ доносить высшему начальству. Студентамъ также было поручено наблюдать какъ другъ за другомъ, такъ и за своимъ начальствомъ. Профессорамъ безъ представленія предварительныхъ конспектовъ не дозволялось читать лекцій, другими словами, лекціи подвергались предварительной цензурѣ. Реальное направленіе въ образованіи, какъ видно уже и изъ вышеизложеннаго, совершенно было изгнано; мѣсто его заступило классическое, въ такой мѣрѣ, въ какой оно нисколько не соотвѣтствовало нашимъ потребностямъ. Изъ числа предметовъ, преподававшихся въ уѣздныхъ училищахъ, исключены: начальныя правила естественной

исторіи и начальныя правила технологіи; изъ гимназическаго курса исключены: курсъ статистики всеобщей и русской, начальный курсъ философіи и изящныхъ наукъ, начальныя основанія политической экономіи, технологіи и наукъ, относящихся до торговли; при открытіи петербургскаго университета, въ 1819 году, попечитель Уваровъ заявилъ, что университетъ долженъ стремиться къ введенію основательнаго *классическаго* образованія. Затѣмъ въ 1824 году, естественное право и политическіе науки были повсемѣстно исключены изъ курса гимназій, а вмѣсто того значительно увеличено число уроковъ для латинскаго и греческаго языковъ. Въ «Собраніи постановленій по министерству народнаго просвѣщенія» мы встрѣчаемъ правила для студентовъ, составленныя на латинскомъ языкѣ. Въ принятіи студентовъ на казенный счетъ уже берется во вниманіе общественное положеніе молодаго человѣка; «въ студенты на казенное содержаніе, говорится въ одномъ изъ циркуляровъ, не должны быть принимаемы изъ купеческаго, мѣщанскаго и другихъ состояній, въ окладѣ положенныхъ (то есть, несвободныхъ)». Въ другомъ циркулярѣ читаемъ слѣдующее: «такъ какъ въ гимназіяхъ обучаются большею частію дворянскія и другихъ лучшихъ состояній дѣти, но мое мнѣніе то, что не совсѣмъ прилично было бы принимать въ гимназію господскихъ людей, тѣмъ болѣе, что для нихъ, кажется, достаточно ученья, преподаваемаго въ уѣздныхъ училищахъ.»

Такимъ образомъ, свободно-реальному образованію, возникшему въ началѣ девятнадцатаго вѣка, не удалось твердо установиться на русской почвѣ; оно погибло въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями, порожденными чисто внѣшними обстоятельствами, не имѣвшими ничего общаго съ образованіемъ. Оно не продержалось даже на столько, чтобъ заинтересовать собою общество и найдти въ немъ для себя твердую опору. Русское общество, подъ вліяніемъ различныхъ и другъ другу противоположныхъ системъ образованія, совершенно растерялось, не зная, какую изъ нихъ выбрать и которой отдать преимущество. Дурные результаты такого положенія обнаружились уже въ наше время.

Въ царствованіе Николая трудно замѣтить опредѣленныя системы образованія. Время это, съ одной стороны, настолько близко къ намъ, что въ литературѣ не могло еще появиться безпристрастныхъ изслѣдованій его характера, съ другой, оно настолько далеко отъ насъ, что не можетъ быть и рѣчи о личномъ знакомствѣ съ событіями въ исторіи нашего образованія. Поэтому намъ приходится руководствоваться исключительно официальными данными, представляе-

мыми «Сборникомъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія». Хотя данныя эти слишкомъ отрывочны и сухи, но мы все-таки постараемся собрать наиболѣе характерныя черты, по которымъ можно бы было хотя приблизительно судить о направленіи въ это время министерства народнаго просвѣщенія.

Увольненіе въ 1826 году Магницкаго отъ службы имѣло значительное вліяніе на ослабленіе покровительствуемаго имъ направленія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; но тѣмъ не менѣе, новой системы не было установлено никакой. Правительство, очевидно, сознавало неестественность и даже вредъ прежняго направленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, колебалось въ избраніи новаго. Нерѣшительность его всего лучше выразилась въ дѣлѣ объ утвержденіи «Общества естественныхъ наукъ». Учредители общества просили дозволенія существовать обществу офиціально, для чего необходимо было Высочайшее утвержденіе. Министръ народнаго просвѣщенія представилъ по этому поводу записку въ комитетъ министровъ, но комитетъ «не усматривая особенной надобности въ утвержденіи отъ правительства существованія общества любителей естественныхъ наукъ, тѣмъ болѣе, что изысканія по части сихъ наукъ и вообще распространеніе оныхъ принадлежатъ непосредственно къ обязанности учрежденныхъ въ государствѣ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, положилъ: предоставить Министру народнаго просвѣщенія объявить членамъ сего общества, что они *могутъ* заниматься сими предметами *безъ утвержденія* представленнаго ими устава, и сообщать свои открытія въ существующія у насъ высшія учебныя заведенія». Это было въ 1826 году. Черезъ годъ члены общества, заручившись покровительствомъ герцога Александра Виртембергскаго, снова начали хлопотать объ утвержденіи общества. Прошеніе было подано герцогомъ лично Государю. Николай Павловичъ передалъ разсмотрѣніе представленнаго ему устава комитету министровъ. Комитетъ остался при прежнемъ своемъ заключеніи, что нѣтъ особенной надобности въ утвержденіи общества правительствомъ, вслѣдствіе чего и состоялась Высочайшая резолюція такого рода: «просто, дозволить». Это дѣло, повторяемъ, можетъ служить характеристикой тогдашняго нерѣшительнаго направленія въ сферѣ народнаго образованія. Вообще на внутреннее состояніе учебныхъ заведеній обращалось недостаточно вниманія вслѣдствіе чрезмѣрной заботливости о внѣшней сторонѣ. Въ «Собраніи постановленій» мы встрѣчаемъ множество циркуляровъ и Высочайшихъ повелѣній относительно формы учениковъ гимназій, студентовъ,

воспитанниковъ пансіоновъ, профессоровъ и вообще лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ установляются формы переписки, отчетности, свидѣтельствъ для гимназистовъ, формы медалей, формы представленій, циркуляры о томъ, что однимъ дозволялось, другимъ нѣтъ имѣть на мундирахъ погончики и т. п. Доходили до такихъ подробностей, что даже опредѣляли, каковъ долженъ быть слогъ кандидатскихъ диссертацій. Для подтвержденія высказанной выше мысли о томъ, что направленіе учебнаго вѣдомства было крайне нерѣшительное, приведемъ для примѣра судьбу греческаго языка въ гимназіяхъ. Въ 1825 году было заявлено въ одномъ изъ циркуляровъ, что министерство не придаетъ особеннаго значенія древнимъ языкамъ и что для своекошныхъ студентовъ, не посвящающихъ себя ученой службѣ, совсѣмъ не требуется основательнаго знанія древнихъ языковъ. Въ слѣдующемъ же году, когда зашла рѣчь объ открытіи курса греческаго языка въ высшемъ училищѣ въ С.-Петербургѣ, то попечитель округа, докладывая министру, что совѣтъ университета только «затрудняетъ начальство подобными представленіями (о введеніи греческаго языка), цѣль которыхъ *никакой дѣйствительной пользы не приноситъ* и служитъ къ умноженію только излишнихъ и совершенно ненужныхъ издержекъ,» получилъ отъ министра такой отвѣтъ: «преподаваніе греческаго языка въ высшемъ училищѣ и я нахожу нужнымъ». Еще черезъ годъ попечитель снова входитъ съ представленіемъ къ министру о безполезности греческаго языка въ высшемъ училищѣ; «гдѣ нѣтъ убѣжденія относительно предмета, коимъ человѣкъ занимается для извѣстной цѣли, говоритъ попечитель, тамъ нѣтъ и успѣха трудовъ». На этомъ основаніи онъ проситъ отмѣнить преподаваніе греческаго языка въ училищѣ. Министръ изъявилъ, наконецъ, свое согласіе и греческій языкъ былъ изгнанъ. Между тѣмъ по уставу 1828 года греческій языкъ былъ включенъ въ число предметовъ гимназическаго курса и преподаваніе его стало вводиться въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, какъ напримѣръ, полтавской, тверской, костромской и проч. Однакожь изъ 74 гимназій греческій языкъ преподавался только въ 45, причина чего, главнымъ образомъ, заключалась въ недостаткѣ учителей, такъ что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ преподаваніемъ этого языка занимались законоучители. Просматривая смѣту расходовъ министерства народнаго просвѣщенія на 1852 годъ, государь самъ возбудилъ вопросъ о томъ, необходимъ ли греческій языкъ во всѣхъ гимназіяхъ? Министръ отвѣтилъ, что дѣйствительно этотъ языкъ нуженъ далеко не вездѣ

по его мнѣнію, преподаваніе греческаго языка слѣдовало оставить въ гимназіяхъ только тѣхъ городовъ, гдѣ находятся университеты и въ главныхъ городахъ остзейскихъ губерній. Мнѣніе министра было высочайше утверждено, и греческій языкъ замѣненъ, по представленію того же министра, естественными науками.

Хотя въ царствованіе императора Николая и издано нѣсколько важныхъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, какъ напримѣръ: уставъ училищъ и семинарій въ 1828 году, общій уставъ русскихъ университетовъ въ 1835 г., положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, уставъ академіи наукъ и проч., но всѣ эти уставы не представляютъ ничего особеннаго. Главная цѣль ихъ заключалась не въ томъ, чтобъ установить какую нибудь педагогическую систему, а въ томъ, чтобы всѣ учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія были устроены по одному образцу. Даже былъ изданъ особый указъ «о воспитаніи россійскаго юношества въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ.» Въ этомъ указѣ строго запрещалось воспитывать дѣтей за-границей и постановлялось, что юноши отъ 10 до 18 лѣтняго возраста должны быть воспитываемы *въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ*. Въ противномъ случаѣ юноши лишались права вступать въ военную и во всякую другую государственную службу. Подобную же цѣль — сгруппировать учащихся въ казенныхъ заведеніяхъ, — имѣло и другое распоряженіе «о мѣрахъ противъ умноженія пансіоновъ и частныхъ учебныхъ заведеній.» По представленію министра народнаго просвѣщенія, въ 1833 году было высочайше повелѣно: 1) Впредь до усмотрѣнія особой надобности, пріостановиться вообще открытіемъ вновь частныхъ пансіоновъ обоего пола въ Петербургѣ и Москвѣ, какъ природными русскими, такъ и иностранцами учреждаемыхъ; 2) Что касается до другихъ городовъ, то разрѣшать впредь учрежденіе частныхъ пансіоновъ не иначе, какъ по уваженію крайней въ томъ надобности, и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не представляется другой возможности къ образованію юношества въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Но если въ казенныхъ заведеніяхъ методы преподаванія не были предметомъ особенной заботливости то внѣшній надзоръ какъ за преподаваніемъ, такъ и за учениками и студентами былъ весьма строгій. Въ восточной Сибири всѣ учебныя заведенія были безусловно подчинены тамошнему генералъ-губернатору. Харьковскій университетъ со всѣмъ учебнымъ округомъ также былъ подчиненъ мѣстному генералъ-губернатору. Дедимовскій лицей въ

Ярославлѣ находился въ управленіи гражданскаго губернатора. На дисциплину также обращалось строгое вниманіе. «Дисциплина, говорится въ одномъ изъ министерскихъ циркуляровъ, какъ между казенными, такъ и между своекоштными студентами, составляетъ главное ручательство въ благосостояніи университета.» Своекоштные студенты университетовъ, внѣ заведенія, подчинялись безусловно полиціи, такъ какъ надзоръ университетскаго начальства оказывался недостаточнымъ. При университетахъ учреждена была должность инспектора, которому поручалось наблюденіе за нравственностью студентовъ. Инспектору вмѣнялось въ обязанность знать каждаго студента порознь, «разумѣя подъ симъ знаніе не только имени и личности, но и способностей и характера каждаго изъ нихъ.» Подобное знаніе, по словамъ инструкціи, пріобрѣталось частнымъ обращеніемъ со студентами, полученіемъ отъ нихъ свѣденій о воспитаніи, родѣ жизни и занятіяхъ ихъ до вступленія въ университетъ; наконецъ, свѣденіями относительно своекоштныхъ о томъ, съ кѣмъ они живутъ и обращаются, какіе имѣютъ способы существованія и въ чемъ упражняются внѣ лекцій. Для этого инспекторъ или его помощникъ должны были неожиданно посѣщать квартиры студентовъ во всякое время дня и ночи. Какъ только нравственность студента покажется инспектору сколько нибудь подозрительною, то инспекторъ обязанъ взять его подъ особенное наблюденіе и надзирать не только за его поведеніемъ, но и связями и знакомствомъ. Инспекторъ обязанъ былъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы студенты не читали и не имѣли у себя запрещенныхъ книгъ, также за тѣмъ, чтобы студенты отличались скромностью, пристойностью и вѣжливостью. Инспекторъ обязанъ замѣчать студентамъ всякую странность и неприличіе въ пріемахъ, походкѣ и тѣлодвиженіяхъ. «Въ намѣреніи достиженія сей цѣли, говоритъ инструкція, танцовальный классъ, находящійся при университетѣ, поручается въ непосредственное завѣдываніе инспектора. Онъ *требуетъ*, чтобы не только всѣ казенные, но и тѣ изъ своекоштныхъ студентовъ, для коихъ онъ сочтетъ сіе нужнымъ, являлись въ танцовальный классъ. Оставляя на произволъ ихъ упражняться въ танцахъ, онъ наблюдаетъ, чтобы посѣщающимъ классъ сей по его распоряженію показываемо было, какимъ образомъ должно входить, кланяться и держать себя въ обществѣ благовоспитанныхъ людей.» Перечисливъ подробно всѣ обязанности инспектора, инструкція прибавляетъ: «излишне было бы исчислять всѣ роды и виды порока, которые инспекторъ долженъ преслѣдовать въ учащихся подъ его надзо-

ромъ. Одушевленный сознаніемъ великой обязанности своей и поддерживаемый довѣріемъ начальства, онъ будетъ ограждать ввѣренное ему юношество отъ всѣхъ тѣхъ нравственныхъ золъ, коихъ не желалъ бы видѣть въ собственныхъ своихъ дѣтяхъ». Главный педагогическій институтъ, состоявшій на однихъ правахъ съ университетами, былъ построенъ совершенно на школьническую ногу. Студенты отпускались гулять въ хорошую погоду подъ надзоромъ комнатнаго надзирателя на опредѣленное время; студентъ могъ быть отпущенъ безъ надзирателя только въ такомъ случаѣ, если онъ отличается особенно хорошею нравственностью. Свиданіе студентовъ въ институтѣ дозволялось только съ родителями; постороннія же лица допускались съ крайнею осмотрительностью. Для поощренія студентовъ къ прилежанію и благонравію употреблялись слѣдующія средства: предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; избраніе отличныхъ воспитанниковъ въ *старшіе* съ возложеніемъ на нихъ присмотра за прочими товарищами; похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора; выдача похвальныхъ листовъ послѣ годичнаго испытанія, за постоянное въ теченіи года прилежаніе и благонравіе. Надзиратели обязаны были наблюдать, чтобы студенты не оставались праздными въ тѣ часы, которые назначены для повторенія или приготовленія уроковъ; чтобы дни праздничные и время, назначенное для вакаціи, употреблялись студентами съ пользою; вообще надзиратель долженъ былъ вести подробный журналъ о поведеніи студентовъ.

Надзоръ за профессорскими лекціями также былъ организованъ весьма подробно. Каждый профессоръ передъ началомъ лекцій долженъ былъ представить декану своего факультета подробную программу, въ которой объяснялись объемъ, послѣдовательность и способъ преподаванія, съ точнымъ указаніемъ на сочиненія, предполагаемыя къ руководству вполнѣ или только отчасти. Чтеніе лекцій прежде утвержденія программы факультетомъ и одобренія ректоромъ, не допускалось. При разсмотрѣніи программъ, должно было, между прочимъ, обращаться вниманіе на то, чтобы преподаваніе было вообще проникнуто духомъ благоговѣнія къ святынѣ, преданности государю и любви къ отечеству. Деканъ имѣлъ право потребовать отъ профессора во всякое время рукописныя его лекціи, или взять отъ студентовъ составленныя ими записки для повѣрки преподаванія съ программою. Деканъ присутствовалъ на экзаменахъ студентовъ и изъ общаго соображенія ихъ отвѣтовъ выводилъ заключеніе о духѣ и направленіи преподаванія, для представленія

ректору. Съ своей стороны ректоръ долженъ былъ наблюдать не только за профессорами, но и за деканами. За всякое неоткрытое заблаговременно предосудительное чтеніе лекцій отвѣчали, какъ главные виновники, ректоръ и деканы факультета. Эта инструкція составлена уже въ послѣдніе годы царствованія императора Николая, именно въ 1851 году; до этого же времени предписывалось вообще воспитывать юношество въ духѣ православія, самодержавія и народности.

Наиболѣе замѣтная струя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія заключалась въ *сословности*. Такъ какъ въ гимназіи принимались молодые люди всѣхъ состояній, то правительство обратило особенное вниманіе на устройство при гимназіяхъ «благородныхъ пансіоновъ.» Уставъ 1828 года дѣлалъ почти обязательнымъ устройство при гимназіяхъ такихъ пансіоновъ. Вслѣдъ за изданіемъ этого устава появилось въ разное время множество министерскихъ циркуляровъ, разъяснявшихъ настоящую цѣль устройства благородныхъ пансіоновъ. «Открывая гимназіи для людей всякаго состоянія, говорится въ одномъ изъ такихъ циркуляровъ, мы принуждены были доселѣ соединять въ нихъ дѣтей дворянъ съ дѣтьми разночинцевъ и другихъ среднихъ и низшихъ состояній. Отъ сего разнообразія, проистекающаго впрочемъ отъ благодѣтельнаго попеченія высшаго правительства о всѣхъ подданныхъ ему классахъ, происходило то послѣдствіе, что весьма рѣдко гимназіи наши снискивали довѣренность дворянскаго сословія, по духу коренныхъ учрежденій столь рѣзко еще отличеннаго отъ прочихъ; такимъ образомъ, дворяне приготовляли своихъ дѣтей къ высшему образованію посредствомъ или домашняго воспитанія, или частныхъ пансіоновъ; но и тотъ и другой способы оказались недостаточными и неудобными; между тѣмъ гимназіи оставались частію праздными, а университеты наполнялись недозрѣлыми къ слушанію лекцій питомцами, которые не проходили однообразно чрезъ пріуготовительное воспитаніе... Въ семъ положеніи вещей, министерство народнаго просвѣщенія, надѣясь на содѣйствіе всѣхъ благомыслящихъ дворянъ, нашло полезнымъ открыть имъ возможность заводить подъ ихъ глазами и подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ пансіоны, въ коихъ за умѣренную, съ общаго ихъ согласія утвержденную плату, могли бы они дать сыновьямъ пріуготовительное образованіе, основанное на однихъ правилахъ и къ одной цѣли стремящееся». Правительство всѣми мѣрами поощряло учрежденіе благородныхъ пансіоновъ, что послужило поводомъ къ тому, что дворянства нѣкоторыхъ губерній входили къ министру съ просьбами, чтобы дворянамъ дозволено

было содержать пансіоны не своими собственными средствами, а сборами съ помѣщичьихъ крестьянъ, собираемыми вмѣстѣ съ земскими повинностями. Правительство, однакожъ, отклоняло подобныя мѣры, находя, что «сей способъ не соотвѣтствуетъ благонамѣренной цѣли дворянства и несообразенъ ни съ существующими о земскихъ повинностяхъ постановленіями, ни съ уставомъ учебныхъ заведеній, по коему учрежденіе при гимназіяхъ благородныхъ пансіоновъ должно быть производимо насчетъ добровольныхъ приношеній.» Пансіоны открывались одинъ за другимъ, и вскорѣ не осталось гимназіи, при которой не было бы благороднаго пансіона.

Кромѣ образованія пансіоновъ, были открываемы другія спеціально-дворянскія заведенія, какъ напримѣръ, московскій дворянскій институтъ. Правами онъ нисколько не отличался отъ гимназій, такъ что единственная цѣль его учрежденія заключалась въ образованіи спеціально-дворянскаго заведенія. Въ Пензѣ благородный пансіонъ при гимназіи также былъ преобразованъ въ дворянскій институтъ. Въ томъ же году (1844) былъ открытъ такой же институтъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Впрочемъ устройство дворянскихъ институтовъ не получило дальнѣйшаго развитія, потому, вѣроятно, что въ нихъ не предстояло особенной надобности, такъ какъ благородные пансіоны достаточно ограждали дворянскихъ дѣтей отъ столкновенія съ дѣтьми другихъ сословій. Дворянскіе институты оказывались тѣмъ болѣе излишними, что съ 1845 года начались разныя мѣропріятія, имѣвшія цѣлью затруднить доступъ въ гимназіи и университеты для лицъ низшихъ сословій.

До настоящаго времени, слѣдя за ходомъ народнаго образованія, мы видѣли, что правительство всѣми мѣрами старалось о томъ, чтобы привлечь къ образованію какъ можно большее число молодыхъ людей, къ какому бы состоянію они ни принадлежали. Министерства, правда, чисто впадали въ крайность, изыскивая лучшіе способы для огражденія учащихся отъ вредныхъ вліяній; но все-таки они старались постоянно о томъ, чтобы училось какъ можно больше народу. Въ 1845 году, какъ видно, число учащихся въ гимназіяхъ и университетахъ было уже на столько велико, что понадобились другія мѣры «Имѣя въ виду, говоритъ въ своемъ докладѣ министръ народнаго просвѣщенія, что въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ замѣчается очевидно умножающійся приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя роскошь для нихъ и выводя ихъ изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для

государства—я нахожу необходимымъ, по собственному убѣжденію и по предварительному соизволенію вашего императорскаго величества, не столько для увеличенія экономическихъ суммъ учебныхъ заведеній, сколько для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій—возвысить сборъ платы съ учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ». Приступая къ обсужденію этой мѣры, министръ однакоже выражаетъ опасеніе, что слишкомъ значительное сразу увеличеніе платы можетъ «затруднить министерству способы удержать за публичнымъ воспитаніемъ въ его заведеніяхъ перевѣсъ надъ воспитаніемъ домашнимъ и частнымъ». Государь утвердилъ предположенія министра, въ видѣ опыта, на три года. Черезъ три года, то есть въ 1848 году, министръ снова входитъ съ докладомъ. Заявляя о томъ, что возвышеніе платы послѣдовало повсемѣстно, онъ, соображая мѣстныя обстоятельства, находитъ, что возвышеніе платы за учениковъ гимназій въ Одессѣ и Таганрогѣ вмѣсто существующей 7 р.. до 20 р. будетъ слишкомъ значительно и что ее достаточно увеличить до 15 рублей, что и было высочайше утверждено. Для прочихъ же мѣстъ плата увеличена въ слѣдующихъ размѣрахъ: для столичныхъ университетовъ до 50 рублей; для казанскаго, харьковскаго и кіевскаго до 40 р., для столичныхъ гимназій до 30 р.; для остальныхъ, кромѣ кіевской, одесской и таганрогской до 5 рублей.

Относительно недопущенія дѣтей низшихъ сословій въ университеты, еще въ 1827 году былъ изданъ высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія. Въ этомъ рескриптѣ уже тогда высказана была мысль, что «предметы ученія и самые способы преподаванія должны быть по возможности соображаемы съ будущимъ вѣроятнымъ предначертаніемъ обучающихся, и чтобы каждый, вмѣстѣ съ здравыми, для всѣхъ общими понятіями о вѣрѣ, законахъ и нравственности, пріобрѣталъ познанія, наиболѣе для него нужныя; и не бывъ ниже своего состоянія, также не стремился черезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ, въ коемъ, по обыкновенному теченію дѣлъ, ему суждено оставаться». Эта мысль приложена къ университетамъ въ 1847 году. До этого времени при университетахъ существовали «приватные слушатели». Въ запискѣ министерства, представленной въ государственный совѣтъ, говорится, что такъ какъ въ приватные слушатели допускаются лица изъ податныхъ сословій, которымъ высшее образованіе совершенно ненужно, то необходимо ограничить возможность поступать въ число воль-

ныхъ слушателей «лишь тѣмъ, коимъ университетское образованіе или свѣденія въ нѣкоторыхъ предметахъ, въ университетахъ преподаваемыхъ, нужны по ихъ состоянію и роду занятій и кои, по гражданскимъ или служебнымъ ихъ отношеніямъ, не могутъ поступить прямо въ число студентовъ». «Эта мѣра, продолжаетъ записка, оказывается тѣмъ болѣе необходимою, что она согласуется съ видами правительства ограничить необдуманное стремленіе молодыхъ людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, изъемлющему ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства, не лишая между тѣмъ трудолюбивое юношество способовъ къ пріобрѣтенію нужныхъ спеціальныхъ познаній» Мнѣніе государственнаго совѣта, состоявшееся по поводу этой записки и высочайше утвержденное, состояло въ томъ, что разрядъ приватныхъ слушателей на будущее время совсѣмъ упразднялся. Служащіе и отставные чиновники, а также лица всѣхъ *свободныхъ* состояній допускаются къ слушанію отдѣльныхъ университетскихъ предметовъ съ разрѣшенія ректора, при чемъ чиновники, кромѣ того, должны представлять дозволеніе отъ своего начальства.

Кромѣ увеличенія платы и недозволенія поступать въ университеты и гимназіи лицамъ податнаго состоянія, въ 1849 году было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы «питать студентовъ въ университетахъ ограниченъ былъ числомъ 300 въ каждомъ, съ воспрещеніемъ пріема студентовъ, доколѣ наличное число не войдетъ въ сей узаконенный размѣръ». Потомъ постановлено, чтобы при будущихъ пріемахъ въ студенты выбирать изъ кандидатовъ самыхъ отличныхъ по нравственному образованію. Это распоряженіе касалось только вольныхъ слушателей, ибо послѣдовала резолюція: «объ казенныхъ и рѣчи нѣтъ; приказаніе касается до вольноприходящихъ и до слушателей. Въ медицинскій факультетъ принимать можно неограниченное число, но съ условіемъ *строгой нравственности*; затѣмъ, *съ этими*, не дозволять, чтобы общее число вольныхъ превосходило 300 человѣкъ». Извѣщая дерптскій университетъ объ этомъ распоряженіи, касавшемся всѣхъ русскихъ университетовъ, министръ народнаго просвѣщенія совѣтуетъ, «чтобы дѣти благороднаго сословія искали преимущественно, какъ потомки древняго рыцарства, службы военной передъ службой гражданской; на сей конецъ имъ открыта возможность поступать въ военно-учебныя заведенія, или же прямо въ ряды войскъ, для чего и университетское образованіе не есть необходимость». Въ 1850 году министръ входитъ съ новымъ докладомъ для разрѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: «такъ какъ вакансіи

для пріема въ число 300 своекоштныхъ студентовъ сдѣлаются рѣже и стѣснится возможность получать желающимъ высшее образованіе, то не слѣдуетъ-ли эти вакансіи предоставлять преимущественно тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ, по происхожденію ихъ, и по коренным государственнымъ законамъ, даровано право вступленія въ гражданскую службу, или же, надлежитъ по прежнему допускать къ тому всѣ свободныя и даже податныя состоянія.» Министръ находитъ, что преимущество должно быть отдаваемо первымъ, «тѣмъ болѣе, что лица низшаго сословія, выведенныя посредствомъ университетовъ изъ природнаго ихъ состоянія, не имѣя по большей части никакой недвижимой собственности, но слишкомъ много мечтая о своихъ способностяхъ и свѣденіяхъ, гораздо чаще дѣлаются людьми безпокойными и недовольными настоящимъ порядкомъ вещей, особливо если не находятъ пищи своему чрезъ мѣру возбужденному честолюбію, или на пути къ возвышенію встрѣчаютъ неожиданныя преграды.» Развивая далѣе свою мысль въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ, и находя что должно быть постановлено правиломъ, что при удовлетворительности приготовительныхъ свѣденій и при удостовѣреніи въ отличной нравственности кандидатовъ, отдавать преимущество тѣмъ изъ нихъ, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу,» министръ прибавляетъ: «осмѣлюсь присовокупить, что если эти предположенія будутъ удостоены Высочайшаго утвержденія, все еще молодымъ людямъ изъ состояній, не имѣющихъ права на вступленіе въ гражданскую службу, открытъ будетъ путь къ высшему образованію: имъ можно будетъ поступать въ студенты медицинскихъ факультетовъ, въ богословскій факультетъ дерптскаго университета и даже въ прочіе затѣмъ факультеты, если нормальное число 300 студентовъ не пополнится кандидатами изъ состояній, пользующихся особыми преимуществами.» Докладъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія.

Цѣль вышеизложенныхъ ограниченій заключалась, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доставить высшее образованіе только лицамъ привиллегированныхъ сословій; но при этомъ также имѣлось въ виду отвлечь изъ университетовъ значительное число молодыхъ людей для военной службы, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ было особенно нужно. Съ этою же цѣлью было повелѣно, въ 1854 году, въ столичныхъ университетахъ и высшихъ классахъ всѣхъ гимназій открыть для воспитанниковъ и студентовъ преподаваніе строеваго устава пѣхотной службы, ротнаго и

батальоннаго, чтобы такимъ образомъ они могли быть офицерами, практически приготовленными и уже знакомыми съ теоріею строеваго устава. Кромѣ того, въ столичныхъ университетахъ введено было преподаваніе артиллеріи и полевой фортификаціи преимущественно съ практической стороны.

Сословное направленіе народнаго образованія въ царствованіе императора Николая I нисколько не должно казаться для насъ удивительнымъ, потому что оно вполнѣ согласовалось съ существовавшими тогда коренными государственными законами. Подобное направленіе было бы странно въ настоящее время, послѣ освобожденія крестьянъ, земской и судебной реформы, когда всѣ сословія призваны къ государственной жизни, и когда образованіе должно явиться неизбѣжнымъ и необходимымъ союзникомъ совершающихся преобразованій; а въ то время, повторяемъ, въ образованіи низшихъ сословій правительство нисколько не было заинтересовано. Военное направленіе образованія также является естественнымъ слѣдствіемъ того, что для внутренней жизни государства дѣятели были почти не нужны; на первомъ планѣ тогда стояли политическіе интересы, подъ вліяніемъ которыхъ и происходило формированіе учебныхъ заведеній. Поэтому нисколько не удивительно также, что отъ учащихся и учащихъ требовали прежде всего строгой нравственности, и обращали менѣе вниманія на учебную сторону училищъ. Эта послѣдняя, естественно, оставалась на второмъ планѣ; отъ нея только требовали, чтобы она не носила въ себѣ противуправительственнаго характера, а затѣмъ ее оставляли въ покоѣ. Однакожь, памятникомъ царствованія Николая Павловича осталось огромное число гимназій и тѣ уставы, о которыхъ мы говорили выше. Огромное число этихъ гимназій все-таки значительно облегчило дальнѣйшія преобразованія въ послѣдующее время.

Въ первые годы царствованія императора Александра II начались значительныя перемѣны по министерству народнаго просвѣщенія, имѣвшія цѣлью уничтожить прежде всего плоды ошибочнаго, или соотвѣтствовавшаго только временнымъ обстоятельствамъ направленія, которое было утвердилось въ учебномъ вѣдомствѣ. Такъ, прежде всего уничтоженъ комплектъ своекоштныхъ студентовъ въ университетахъ и дозволено принимать неограниченное число учащихся. Студентамъ медицинскаго факультета дозволено переходить въ теченіи курса на другіе факультеты, что было безусловно запрещено при императорѣ Николаѣ. Въ слѣдующемъ году прекращено преподаваніе военныхъ наукъ и экзерцицій, вве-

денное въ столичныхъ университетахъ и гимназіяхъ. Вслѣдъ затѣмъ разрѣшено открывать неограниченное число частныхъ школъ и пансіоновъ. Въ гимназіи и университеты дозволено поступать всѣмъ желающимъ, безъ ограниченія однимъ высшимъ сословіемъ. Диссертаціи на ученыя степени дозволено писать и защищать на русскомъ языкѣ, тогда какъ прежде для этого былъ назначенъ исключительно латинскій. Высшимъ ученымъ и учебнымъ заведеніямъ снова предоставлено право выписывать изъ-за границы книги и періодическія изданія безъ цензурнаго разсмотрѣнія, и т. п. Если мы припомнимъ изложенную выше исторію нашего учебнаго вѣдомства, то увидимъ, что многія изъ преобразованій, начатыхъ при императорѣ Александрѣ II, были только возвращеніемъ ко временамъ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I; они были значительнымъ шагомъ впередъ только по отношенію къ ближайшему прошедшему времени.

Но независимо отъ этихъ частныхъ мѣръ, мы уже встрѣчаемъ отмѣну нѣкоторыхъ изъ тѣхъ педагогическихъ системъ, которыя долгое время господствовали у насъ и успѣли укорениться довольно прочно. Къ числу ихъ принадлежитъ, между прочимъ, система закрытаго воспитанія, съ которою тѣсно было связано существованіе гимназическихъ пансіоновъ, главнаго педагогическаго института, какъ закрытаго заведенія, и казенныхъ квартиръ для студентовъ. Система закрытаго воспитанія для взрослыхъ встрѣтила сильный отпоръ въ самомъ началѣ царствованія императора Александра II, но полнѣйшій упадокъ этой системы относится ко времени бывшаго министра народнаго просвѣщенія Головнина. Еще въ 1858 году было издано Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ казенно-коштные студенты перемѣщены были на вольныя квартиры съ производствомъ имъ опредѣленныхъ стипендій. Затѣмъ, въ томъ же году вышло распоряженіе объ упраздненіи главнаго педагогическаго института, и о замѣнѣ его педагогическими курсами при университетахъ. При составленіи устава этихъ курсовъ, былъ возбужденъ вопросъ, должны ли они быть закрытыми заведеніями или открытыми. Главное правленіе училищъ полагало, что «если закрытыя учебныя заведенія, какъ дознано опытомъ, для молодыхъ людей въ извѣстномъ возрастѣ, имѣютъ важныя неудобства, остающіяся не безъ неблагопріятнаго вліянія на нравственное и умственное образованіе, то тѣмъ важнѣе эти неудобства въ образованіи педагогическомъ: въ педагогѣ, который по преимуществу долженъ явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ, есть большой не-

достатокъ—незнаніе дѣйствительной жизни, а знанія жизни закрытое заведеніе ему дать не можетъ.» По этимъ соображеніямъ признано, что педагогическіе курсы должны быть заведеніями открытыми, и что на нихъ, кромѣ стипендіатовъ, должны быть допускаемы и вольные слушатели. Въ 1862 году попечитель Петербургскаго учебнаго округа вошелъ съ представленіемъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія о мѣрахъ въ уменьшенію пансіоновъ при гимназіяхъ. Въ своей запискѣ попечитель излагаетъ всѣ невыгоды закрытаго воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ настоящее время пансіонамъ трудно существовать на тѣ денежныя средства, которыми они располагаютъ. Причина этого заключалась, вѣроятно, въ томъ, что пансіоны, вслѣдствіе крестьянской реформы, сами собою потеряли тотъ сословный характеръ, который былъ имъ приданъ при самомъ началѣ ихъ учрежденія. Попечитель округа полагаетъ, что было бы всего лучше упразднить совершенно пансіоны при гимназіяхъ. Принимая однако во вниманіе, говоритъ попечитель, что принятіе этой радикальной мѣры въ настоящее время сопряжено съ затрудненіями, какъ *по неукоренившимся еще здравымъ понятіямъ о системѣ воспитанія*, такъ и потому, что нѣкоторые расходы по гимназіямъ, вслѣдствіе недостатка собственныхъ средствъ, покрываются изъ суммъ пансіоновъ, попечитель предлагаетъ нѣсколько среднихъ мѣръ, имѣющихъ однако цѣлью постепенное закрытіе существующихъ пансіоновъ. Представленіе его было утверждено съ незначительными измѣненіями, и въ слѣдующемъ же году дозволено закрыть пансіоны при лицеѣ князя Безбородко для ученивовъ нѣжинской гимназіи и въ Таганрогѣ, при тамошней гимназіи. Затѣмъ министерствомъ народнаго просвѣщенія (г. Головнинъ) потребованы были отъ начальствъ учебныхъ округовъ мнѣнія по вопросу о существованіи пансіоновъ. Мнѣнія попечителей раздѣлились: одни находили, что гимназическіе пансіоны не соотвѣтствуютъ болѣе своей цѣли и потому должны постепенно закрываться, другіе высказывали противное мнѣніе. Главное правленіе училищъ, обсудивъ разнообразныя мнѣнія о пользѣ закрытыхъ заведеній, пришло къ заключенію, что въ настоящее время невозможно сдѣлать постановленія о закрытіи пансіоновъ *въ видѣ общей мѣры*, такъ какъ многіе изъ жителей, имѣя свое мѣстопребываніе вдали отъ гимназій, лишились бы возможности отдавать своихъ дѣтей въ среднія учебныя заведенія, еслибъ были закрыты пансіоны, потому что не всякій рѣшится вѣрить своего сына присмотру совершенно незнакомаго лица. Вслѣдствіе этихъ

соображеній, министерство предложило попечителямъ принимать въ пансіоны дѣтей не только дворянъ, но и прочихъ сословій съ цѣлью увеличить средства пансіоновъ тамъ, гдѣ они являются необходимо нужными; если же рекомендуемая министерствомъ мѣра, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими, окажется недѣйствительною въ примѣненіи къ извѣстному пансіону, то такой пансіонъ закрывать. Такимъ образомъ мы видимъ, что пансіонамъ приданъ совершенно другой характеръ и что нѣкоторые изъ нихъ оставлены существовать вовсе не въ видахъ сословныхъ или педагогическихъ. Они только должны были доставлять значительныя удобства тѣмъ изъ родителей, которые живутъ въ городѣ, не имѣющемъ гимназіи, и принуждены воспитывать дѣтей за глазами.

Одновременно съ закрытіемъ нѣкоторыхъ гимназическихъ пансіоновъ были закрыты и дворянскіе институты, которые также были основаны на сословныхъ началахъ и по системѣ закрытаго воспитанія. Впрочемъ, эти институты уничтожились сами собою, по недостатку средствъ. Такимъ образомъ, если не считать оставшихся гимназическихъ пансіоновъ, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ особую цѣль, система закрытаго воспитанія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія была признана несвоевременною.

Съ 1862 года начались чрезвычайно обширныя и сложныя работы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Былъ возбужденъ вопросъ о лучшей организаціи всего народнаго образованія, начиная съ университетовъ и доходя до самыхъ элементарныхъ народныхъ школъ, въ которыхъ, по случаю крестьянской реформы, чувствовалась настоятельная надобность. Началось необыкновенное движеніе и въ обществѣ, и въ литературѣ, которой была предоставлена полная свобода обсуждать проэкты различныхъ уставовъ, разрабатываемыхъ въ министерствѣ. Казалось, настало время, когда педагогическіе вопросы, въ примѣненіи къ русской жизни, должны окончательно установиться и навсегда выйти изъ того колеблющагося состоянія, въ которомъ они до сихъ поръ находились.

Представляя на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта новый уставъ русскихъ университетовъ, министерство приложило къ нему обширную историческую записку о ходѣ высшаго образованія въ Россіи. Заявляя, что восшествіе на престолъ Императора Александра II ознаменовалось возвращеніемъ университетамъ многихъ утраченныхъ ими правъ, и что по одному этому университеты пришли въ гораздо лучшее состояніе, министерство все-таки находитъ его далеко неудовлетворительнымъ. Причины дурнаго поло-

женія русскихъ университетовъ министерство находитъ въ слѣдующемъ: въ недостаткѣ, прежде всего, хорошихъ профессоровъ, на что имѣло сильное вліяніе запрещеніе посылать молодыхъ людей для усовершенствованія за-границу; потомъ въ излишней разнообразности обязательныхъ для студентовъ предметовъ: далѣе, въ недостаточномъ приготовленіи поступающихъ въ университетъ къ слушанію профессорскихъ лекцій, что естественно находилось въ связи съ плохой организаціей гимназическаго образованія; наконецъ, въ равнодушіи ученыхъ сословій къ интересамъ университетовъ и въ скудости учебныхъ пособій при университетахъ. Новый уставъ представленъ былъ съ цѣлью устраненія этихъ важнѣйшихъ недостатковъ. Самый крупный изъ нихъ, это — несовершенство гимназическаго образованія, къ пересмотру котораго и было приступлено немедленно. Не входя въ подробности новаго университетскаго устава, мы замѣтимъ только, что главная его цѣль заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать университеты вполнѣ самостоятельными заведеніями. Уставъ не входилъ въ слишкомъ подробное изложеніе разныхъ частностей вопроса, предоставляя разрѣшать ихъ самому университету. Такимъ образомъ, удовлетворяя требованіямъ одного общаго устава, университеты могли значительно различаться одинъ отъ другого. Впрочемъ, не смотря на то, что окончательной редакціи устава предшествовало обсужденіе его не только русской и иностранной журналистикой, но даже заграничными профессорами, все-таки мы не видимъ въ уставѣ слишкомъ рѣзкаго отличія его отъ предыдущихъ и строго проведенной системы.

Гораздо большее вниманіе обращалъ на себя, по своимъ особенностямъ и новизнѣ, уставъ гимназій и прогимназій, изданный въ 1864 году. По этому уставу, гимназіи раздѣлялись на классическія и реальныя; полный курсъ состоитъ изъ семи классовъ, но по мѣрѣ возможности, низшіе четыре класса отдѣляются отъ высшихъ и составляютъ *прогимназію*. Въ курсъ классическихъ гимназій входятъ языки греческій и латинскій; въ курсъ реальныхъ — естественная исторія съ присоединеніемъ къ ней химіи, физики и космографіи. Открывать въ извѣстной мѣстности ту или другую гимназію предоставлено попечителямъ округовъ, по соображенію съ мѣстными нуждами и съ желаніемъ гражданъ. Но въ новый уставъ гимназій включена была одна статья, которая значительно помѣшала водворенію у насъ реальнаго образованія. Въ этой статьѣ сказано слѣдующее: «ученики, окончившіе курсъ ученья въ классическихъ гимназіяхъ, или имѣющіе свидѣтельства о знаніи полнаго курса сихъ

гимназій, *могутъ* поступать въ студенты университетовъ. Свидѣтельства же объ окончаніи полнаго курса реальныхъ гимназій, или о знаніи сего курса *принимаются въ соображеніе* при поступленіи въ высшія спеціальныя училища, на основаніи уставовъ сихъ училищъ». Общество сперва или не замѣтило этой статьи или обратило на нее мало вниманія, и потому жадно кинулось на реальныя гимназіи. Со всѣхъ сторонъ начали поступать заявленія о желаніи гражданъ давать дѣтямъ реальное образованіе. Классическія гимназіи учреждались почти только въ тѣхъ городахъ, гдѣ было больше одной гимназіи; тогда одна обращалась въ классическую, а остальныя въ реальныя. Но вскорѣ многіе увидѣли, что пребываніе ученика въ реальной гимназіи, по смыслу приведенной нами статьи, почти преграждаетъ ему доступъ въ университетъ, такъ какъ для поступленія въ университетъ требуется знаніе латинскаго и греческаго языковъ, которые въ реальныхъ гимназіяхъ не преподаются. Вслѣдствіе этого снова посыпались просьбы о дозволеніи преобразовать реальныя гимназіи въ классическія, что и было охотно исполняемо со стороны министерства. Это недоразумѣніе, выразившееся въ такой странной формѣ, ясно показало, однако же, въ какомъ образованіи нуждается наше общество. Причина того, почему оно стало отказываться отъ реальныхъ гимназій, заключалась единственно въ неодинаковости правъ, предоставленныхъ этимъ двумъ образовательнымъ системамъ. Вѣроятно современемъ эта неодинаковость была бы или вовсе уничтожена, или значительно смягчена тѣмъ, что знаніе языковъ требовалось бы при вступленіи на одинъ только историко-филологическій факультетъ, и тогда существующія въ Россіи гимназіи раздѣлились бы, по крайней мѣрѣ, на ровное число классическихъ и реальныхъ. Но этого, по разнымъ обстоятельствамъ, не могло случиться. Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, направилъ свою дѣятельность по иной дорогѣ.

Прежде чѣмъ перейдти къ разсмотрѣнію мѣръ нынѣшняго министерства, мы должны упомянуть еще объ одномъ крупномъ фактѣ того времени, именно, объ уставѣ о начальныхъ народныхъ училищахъ. До этого времени начальныхъ народныхъ школъ почти не существовало, если не считать училищъ вѣдомства министерства Государственныхъ Имуществъ. Правда, въ распоряженіи духовенства и разныхъ обществъ находилось довольно значительное число школъ, но большая часть ихъ существовала только на бумагѣ. Съ 1860 года быстро начали размножаться воскресныя школы какъ въ Петер-

бургѣ, такъ и во многихъ другихъ городахъ. Число учащихся въ этихъ школахъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ. Но въ 1862 году было издано Высочайшее повелѣніе «впредь до преобразованія воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ-существующія воскресныя школы и читальни». Это событіе побудило министерство поторопиться изданіемъ общаго устава народныхъ училищъ, который и вышелъ въ 1862 году. Этотъ уставъ важенъ потому, что представляетъ первый шагъ къ основательному учрежденію въ Россіи народныхъ училищъ и распространенію грамотности. При сочувствіи общества къ народному образованію, нѣкоторыя неудобства этого устава потеряли бы значительную часть своего вреда, тѣмъ болѣе, что онъ не старался передать дѣло народнаго образованія исключительно въ однѣ какія нибудь руки, а предоставлялъ его въ полное распоряженіе общества. Впрочемъ, мы намѣрены посвятить особую статью нашему народному образованіе, которое, также какъ и общественное, представляетъ много интереснаго.

Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, при вступленіи въ министерство, самымъ положительнымъ образомъ высказался въ пользу классическаго образованія. Путешествуя прошлымъ лѣтомъ по Россіи, онъ въ разныхъ мѣстахъ выражалъ свой взглядъ на огромныя преимущества классическаго образованія передъ реальнымъ. На торжественномъ обѣдѣ въ Керчи, графъ Толстой сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «мы здѣсь стопмъ на почвѣ древней классической образованности: на каждомъ шагу открываются блистательныя о ней воспоминанія; каждый взмахъ топора и заступа вызываетъ изъ земли памятники греческаго просвѣщенія то въ камняхъ, то въ изваяніяхъ. На такой-ли почвѣ не водвориться классическому образованію? Классицизмъ, мм. гг., не есть только изученіе древнихъ языковъ; классицизмъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и изученіе древнихъ доблестей. Вотъ чего я желалъ бы вашимъ дѣтямъ, вотъ чего я ожидаю отъ новаго, только что начинающаго жить поколѣнія... Но да явится этотъ классицизмъ не въ камняхъ только и изваяніяхъ, а въ развитіи ума, въ силѣ духа и воли и въ тѣхъ нравственныхъ качествахъ, которыми отличались просвѣщеннѣйшіе народы древности». Впрочемъ, разсматривая программы классическихъ гимназій, не трудно убѣдиться, что греческому языку предоставлено первенство въ гимназическомъ курсѣ совсѣмъ по другимъ причинамъ. Министерство придаетъ ему огромное значеніе въ той увѣренности, что греческій языкъ, соб-

ственно какъ *языкъ*, безъ всякой его связи съ греческой литературой, имѣетъ огромное вліяніе на развитіе ума учащихся. Кромѣ того, нѣкоторые попечители, отвѣчая на предложенные имъ вопросы со стороны министерства, признавали необходимость для насъ греческаго языка по слѣдующимъ причинамъ: «святая православная вѣра, говоритъ одинъ изъ нихъ, перешла къ намъ изъ Греціи и первые дѣятели и распространители православія, первые отцы церкви писали по гречески. Поэтому, основательное изученіе русскими греческаго языка можетъ служить къ основательному усвоенію догматовъ нашей религіи, къ основательному пониманію нашихъ богослужебныхъ пѣснопѣній, нерѣдко мало вразумительныхъ въ славянскомъ переводѣ, но въ подлинникѣ имѣющихъ глубокій смыслъ и сильно дѣйствующихъ на сердце». На этомъ основаніи попечитель признаетъ необходимость не только повсемѣстнаго введенія въ нашихъ гимназіяхъ греческаго языка, но и рѣшительнаго преобладанія его надъ языкомъ латинскимъ. Словомъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, но классическимъ языкамъ отведено первое, почетнѣйшее мѣсто въ системѣ общаго образованія, и поборники реальныхъ гимназій увидѣли, что имъ нельзя надѣяться на то, чтобы ученикамъ реальныхъ гимназій было предоставлено право поступать въ университетъ; вслѣдствіе этого, реальныя гимназіи, одна за другою, стали преобразовываться въ классическія, такъ что теперь едвали можно насчитать три-четыре реальныхъ гимназіи во всей Россіи.

Систематичное утвержденіе въ нашемъ отечествѣ классическаго образованія естественно потребовало основанія особаго института для приготовленія учителей древнихъ языковъ. Институтъ этотъ возникъ въ Петербургѣ подъ названіемъ «Филологическаго». Основывая его, министерство руководствовалось правилами бывшаго главнаго педагогическаго института, и между прочимъ остановилось на томъ, что вновь учрежденный «Филологическій институтъ» долженъ быть *закрытымъ* заведеніемъ. Вотъ какъ объясняетъ официальный органъ министерства преимущества закрытаго воспитанія: «закрытое заведеніе, говоритъ онъ, правда ограничиваетъ свободу дѣйствій воспитанниковъ, но на столько лишь, чтобы она не могла перейдти въ пагубный произволъ. Подчиняя ихъ законному порядку, нисколько однако же не стѣснительному, оно пріучаетъ ихъ къ правильному образу жизни и къ правильному распредѣленію времени для занятій и отдохновенія; этотъ порядокъ обращается впослѣдствіи въ привычку, и каждый изъ воспитанниковъ, вступая въ дѣй-

ствительную жизнь, узнаетъ всю пользу такой благодѣтельной привычки. Требуя отъ воспитанниковъ исполненія опредѣленныхъ правилъ, закрытое заведеніе побуждаетъ своихъ питомцевъ сообразовать съ ними свои дѣйствія и постоянно имѣть въ виду главную цѣль ихъ назначенія, и чрезъ то укрѣпляетъ въ нихъ сознаніе нравственнаго долга и поселяетъ уваженіе къ закону. Благотворное вліяніе воспитателей и училищнаго начальства несравненно сильнѣе дѣйствуетъ въ закрытомъ заведеніи, не уничтожаясь, или по крайней мѣрѣ не ослабляясь противодѣйствіемъ посторонней среды, не причастной интересамъ учебнаго заведенія». Такимъ образомъ мы видимъ, что основаніе института какъ закрытаго заведенія истекаетъ вовсе не изъ тѣхъ соображеній, на какихъ допущено предыдущимъ министерствомъ существованіе гимназическихъ пансіоновъ, а напротивъ опирается на преимущества закрытаго воспитанія передъ открытымъ.

Отдавъ предпочтеніе принципу закрытаго воспитанія въ лицѣ «Филологическаго Института», министерство обратило также особенное вниманіе на улучшеніе и поддержку падавшихъ гимназическихъ пансіоновъ. Съ этою цѣлью г. министръ народнаго просвѣщенія обратился съ особымъ циркуляромъ ко всѣмъ губернаторамъ, приглашая ихъ содѣйствовать поддержанію закрытаго воспитанія въ лицѣ гимназическихъ пансіоновъ. «Въ высшей степени было бы желательно, говоритъ официальный органъ, чтобы дворянство оказало всевозможное содѣйствіе къ осуществленію общеполезныхъ предположеній министерства по этому предмету».

Вмѣстѣ съ тѣмъ новое министерство обратилось къ установленію болѣе строгаго контроля надъ учебною частью не только въ гимназіяхъ, но и вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Было даже высказано предположеніе о томъ, чтобы домашнее воспитаніе подвергнуть правительственному надзору; но эта мѣра не осуществилась. Что же касается учебныхъ заведеній, то усиленіе надъ ними контроля выразилось въ слѣдующихъ формахъ: министерство усмотрѣло, что по уставу 1864 года, разсмотрѣніе и одобрѣніе гимназическихъ программъ предоставлено рѣшенію педагогическаго совѣта каждой гимназіи. Хотя для руководства педагогическимъ совѣтамъ была издана особая инструкція, но новое министерство нашло, что эта инструкція составлена въ слишкомъ общихъ чертахъ, такъ что «дѣло преподаванія осталось всецѣло въ зависимости отъ усмотрѣнія педагогическихъ совѣтовъ гимназій». Для избѣжанія этого г. министръ потребовалъ доставленія ему общей про-

граммы по каждому округу, съ тѣмъ, чтобы по полученіи такихъ программъ, приступить «къ пересмотру преподанной отъ министерства инструкціи, съ цѣлью *точнѣе* опредѣлить предѣлы, въ какихъ каждый предметъ гимназическаго курса долженъ быть проходимъ въ каждомъ классѣ гимназіи или прогимназіи». Затѣмъ министерство обратилось къ разсмотрѣнію учебныхъ руководствъ, и нашло, что выборъ ихъ не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію не только каждаго учителя въ отдѣльности, но даже всего педагогическаго совѣта гимназіи. По этому министерство избрало слѣдующій способъ: дозволить употребленіе въ учебныхъ заведеніяхъ только такихъ руководствъ и даже книгъ для чтенія, которыя предварительно разсмотрѣны и одобрены въ самомъ министерствѣ. Съ этою цѣлью при оффиціальномъ органѣ министерства постоянно печатается списокъ разсмотрѣнныхъ и одобренныхъ руководствъ. Впрочемъ, для болѣе строгаго контроля принято за правило, что появленіе однажды въ спискѣ извѣстной книги нисколько не исключаетъ возможности запретить употребленіе ея впослѣдствіи, если какимъ нибудь образомъ окажется, что содержаніе этой книги вредно. Къ числу средствъ для усиленія контроля надъ гимназіями отнесены постоянныя *ревизіи* преподаванія. Ревизіи существовали у насъ съ давняго времени, но никогда не придавалось имъ такой важности, какъ въ настоящее время. При томъ же, до послѣдняго времени ревизіи производились или попечителями, или окружными инспекторами, или профессорами университетовъ. Въ настоящее время всѣ эти виды ревизіи оказались недостаточными и министерство начало учреждать особыя *ревизіонныя комиссіи*. Для характеристики этихъ ревизіонныхъ комиссій приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ инструкціи попечителя казанскаго учебнаго округа, данной въ руководство комиссіи. «Ревизующіе должны подвергнуть *основательному* испытанію *каждаго* ученика, какъ изъ того, что пройдено въ томъ классѣ, въ которомъ находится ученикъ, такъ и изъ пройденнаго *въ предыдущихъ* классахъ; не допускать, чтобы преподаватели помогали ученикамъ своими вопросами, наведеніями и объясненіями, и ставить каждому ученику отмѣтку по взаимному соглашенію ревизующихъ... Ревизія должна положительно отвѣтить на слѣдующіе вопросы: съ должною ли строгостью производились переводные экзамены и всѣ ли ученики по достоинству занимаютъ мѣста въ извѣстномъ классѣ; достаточное ли вниманіе обращено учителями на главную цѣль гимназическаго ученія—развитіе способностей учениковъ; не жертвуютъ ли учителя ложно понятому развивательному

методу положительными знаніями, которыми обусловливается истинное развитіе учащихся». Такимъ образомъ, ревизіонная комиссія имѣетъ цѣлью бдительно надзирать надъ учителями чрезъ экзамены учениковъ, а для учениковъ установляются такимъ путемъ вторичные экзамены. Особенное вниманіе обращено министерствомъ на преподаваніе словесности и русскаго языка. По взгляду министерства, преподаваніе русской литературы не должно входить въ составъ гимназическаго курса. Преподается только *общая словесность*, куда русская литература входитъ только въ видѣ частныхъ примѣровъ, частныхъ указаній на произведенія того или другого русскаго писателя. Но кромѣ того, установленъ строгій надзоръ за преподаваніемъ и общей словесности. Въ одномъ изъ майскихъ циркуляровъ министерства за настоящій годъ мы встрѣтили слѣдующее распоряженіе г. министра: «въ одномъ изъ отчетовъ по управленію учебными округами за 1866 годъ, говоритъ циркуляръ, между прочимъ сказано, что для устраненія въ преподаваніи словесности и русскаго языка въ гимназіяхъ возможности задаваться несвойственными гимназическому курсу цѣлями и вдаваться въ изложеніе того, что по существу своему не относится прямо къ предмету, начальствомъ округа предложена къ руководству программа, въ которой съ точностью опредѣлены предѣлы, составъ и послѣдовательность занятій по этому предмету, а выборъ статей для чтенія, разбора въ классѣ и заучиванія, а также темъ для сочиненій поставленъ подъ ближайшее отвѣтственное наблюденіе директоровъ и инспекторовъ; въ основаніе же обученія собственно языку положено тщательное изученіе граматическихъ законовъ, разъясняемое и укрѣпляемое практическими упражненіями. Вполнѣ одобряя таковое распоряженіе, министерство народнаго просвѣщенія считаетъ нужнымъ увѣдомить объ ономъ гг. попечителей, на случай, еслибъ оказалось возможнымъ сдѣлать такое же распоряженіе и въ другихъ учебныхъ округахъ». Таковы общія, извѣстныя офиціально, мѣры министерства для усиленія контроля надъ учебною частью въ гимназіяхъ.

Подъ вліяніемъ взглядовъ нынѣшняго министерства, и университеты наши стали мало-по-малу вводить у себя разныя перемѣны, соотвѣтственныя общему духу современнаго педагогическаго направленія. Такъ, напримѣръ, при московскомъ университетѣ учреждена, въ видѣ опыта, *греко-латинская семинарія* съ цѣлью приготовленія студентовъ къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ по греческому и латинскому языкамъ. Тотъ же университетъ, ревнуя

объ усиленіи строгости переходныхъ экзаменовъ, постановилъ: «при легкости полученія медицинскихъ свидѣтельствъ о болѣзни и при невозможности со стороны университетскаго врача контроля надъ дѣйствительностью болѣзни, число заболѣвающихъ студентовъ всегда весьма возрастаетъ въ маѣ мѣсяцѣ (во время экзаменовъ), и эта возможность обойдти университетскія правила имѣетъ слѣдствіемъ то, что студенты мало занимаются въ теченіи цѣлаго года; при значительномъ числѣ студентовъ, подвергающихся испытанію послѣ вакаціоннаго времени, и при краткости срока, назначеннаго для этихъ испытаній, нѣтъ возможности съ должною точностью повѣрить знанія испытуемыхъ, чрезъ что экзаменамъ послѣ вакацій дается характеръ нѣкоторой легкости сравнительно съ экзаменами до вакацій. По этимъ соображеніямъ ректоръ находитъ, что было бы справедливѣе и полезнѣе производить испытанія *только въ маѣ мѣсяцѣ*». Совѣтъ опредѣлилъ: просить у попечителя округа разрѣшенія объ отмѣнѣ дополнительныхъ испытаній послѣ вакаціоннаго времени. Въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ напримѣръ, въ петербургскомъ, были уничтожены переходные экзамены изъ перваго курса во второй и изъ третьяго въ четвертый; теперь эти экзамены снова возстановлены въ прежнемъ видѣ.

Относительно собственно-народнаго образованія министерство графа Толстаго также приняло нѣсколько мѣръ, существенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя принимались прежнимъ министерствомъ. Для ознакомленія съ общимъ характеромъ этихъ мѣръ, мы напомнимъ, что нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и оберъ-прокуроръ св. Синода. Это обстоятельство дало поводъ офиціальному органу министерства высказать слѣдующее: «изъ всѣхъ вѣдомствъ, говоритъ онъ, ближе всего стоятъ къ дѣлу народнаго образованія вѣдомство православнаго духовенства и министерство народнаго просвѣщенія. Разногласіе и антагонизмъ между ними, начинавшія было развиваться, особенно въ юго-западныхъ губерніяхъ Россіи, могли имѣть самыя прискорбныя послѣдствія для начальнаго народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; но Государю Императору было угодно предотвратить на будущее время всякую возможность подобнаго разлада, и теперь есть полное основаніе надѣяться, что оба вѣдомства дружно соединятъ свои усилія на пользу великаго государственнаго и народнаго дѣла. Это великій залогъ для будущаго его преуспѣянія». Мѣры для уничтоженія антагонизма, о которомъ упоминаетъ офиціальный органъ министерства, состоятъ въ томъ, что дѣло народнаго образованія

поручается предпочтительно въ руки духовенства. Министерство не особенно сочувствуетъ начинаніямъ разныхъ обществъ по учрежденію училищъ для приготовленія народныхъ учителей. «Забота объ учителяхъ для начальныхъ народныхъ училищъ, по мнѣнію министерства, должна быть главнѣйшимъ образомъ предоставлена вѣдомству нашего православнаго духовенства; въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ ежегодно оканчиваютъ курсъ множество молодыхъ людей, которые во многихъ епархіяхъ за недостаткомъ священно и церковно-служительскихъ вакансій, остаются безъ всякаго опредѣленнаго дѣла и безъ всякаго обезпеченія. Неужели же всѣ эти молодые и хорошо подготовленныя силы должны даромъ пропадать для начальнаго народнаго образованія, и министерство народнаго просвѣщенія или земство должны растрачивать свои далеко не богатыя средства на какихъ-то еще другихъ учителей и даже учительницъ для народа? Дѣйствуя за одно, и министерство, и земство могутъ въ этомъ случаѣ смѣло обратиться къ православному духовенству и отъ него ждать наибольшей и наилучшей помощи». Кромѣ замѣщенія учительскихъ должностей окончившими курсъ семинаристами, министерство способствуетъ еще тому, чтобы приходскіе священники сосредоточивали по возможности народное образованіе въ своихъ рукахъ. Это послужило поводомъ къ продолжительнымъ обсужденіямъ въ нашей журналистикѣ вопроса о томъ, въ какой степени полезно для народнаго образованія почти исключительное предоставленіе его въ руки духовенства. Сколько намъ извѣстно, три газеты, «Москва», «Московскія Вѣдомости» и «Вѣсть» высказались безусловно въ пользу этой мѣры; остальныя изданія доказывали противное.

Офиціальный органъ министерства народнаго просвѣщенія, приступая къ изложенію мѣръ и предположеній по учебной части, говоритъ между прочимъ, что дѣло общественнаго образованія въ Россіи пошло бы несравненно успѣшнѣе, «еслибъ наше просвѣщеніе было ведено *послѣдовательно* однимъ и тѣмъ же, по возможности ровнымъ путемъ, безъ потрясеній, безъ уклоненій въ различныя и противоположныя стороны, въ духѣ полнаго уваженія къ насажденіямъ и созиданіямъ предшествовавшихъ поколѣній. Неуклонное движеніе впередъ по одному и тому же разумно избранному пути и охраненіе того, что уже однажды было создано и успѣло развиться—охраненіе посредствомъ своевременныхъ, постоянныхъ, но постепенныхъ улучшеній — вотъ правило, которымъ, казалось бы, должно наиболѣе руководствоваться министерство народнаго про-

свѣщенія. Къ сожалѣнію, это правило не всегда было его девизомъ». Таково убѣжденіе нынѣшняго министерства. Мы, слѣдовательно, имѣемъ право заключить, что оно считаетъ классическое образованіе наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ русскаго общества; что закрытое воспитаніе есть форма, наиболѣе пригодная для нашего юношества; что начальное народное образованіе можетъ правильно развиваться только подъ сѣнью русскаго духовенства, и т. п. Если дѣйствительно таковы наши общественныя потребности по части образованія, если средства нынѣшняго министерства на самомъ дѣлѣ соотвѣтствуютъ народнымъ нуждамъ, то мы искренно желали бы, чтобы они утвердились, наконецъ, основательно въ нашемъ отечествѣ. Если бы изъ всѣхъ разнообразныхъ образовательныхъ системъ, какія только примѣнялись къ намъ со временъ Петра Великаго, проводилась послѣдовательно хоть одна—будь это самая либеральная или самая консервативная, система начала или конца царствованія Александра I—мы бы находились теперь въ несравненно выгоднѣйшемъ положеніи, потому что въ самомъ обществѣ успѣлъ бы выработаться правильный взглядъ на достоинства или недостатки извѣстнаго педагогическаго направленія. Теперь же наше общество, находясь подъ вліяніемъ различныхъ системъ, будучи не въ состояніи вполнѣ ознакомится ни съ одною изъ нихъ, не можетъ сознательно выразить ни сочувствія, ни отпора тому или другому направленію, изъ которыхъ каждое принимается имъ съ одинаковымъ сочувствіемъ. То, чему вчера восторженно рукоплескали, сегодня порицается; то, что вчера открыто и повидимому сознательно порицалось, сегодня становится идеаломъ совершенства. Передъ нашими глазами есть нѣсколько фактовъ (въ дѣйствительности ихъ, разумѣется, несравненно больше), которые прежде едва ли бы встрѣтили сочувствіе общества: педагогическій совѣтъ одной гимназіи положилъ употреблять тѣлесное наказаніе; другая гимназія (Архангельская) «изъ желанія педагоговъ обезпечить свою репутацію во мнѣніи какихъ-нибудь пріѣзжихъ ревизоровъ» опредѣлила держать воспитанниковъ въ каждомъ классѣ не менѣе двухъ лѣтъ и превратить такимъ образомъ семи-лѣтній гимназическій курсъ въ четырнадцати-лѣтній, педагогическій совѣтъ херсонской гимназіи дозволилъ ученикамъ даже старшихъ классовъ, посѣщать театръ только съ родителями, или же не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія директора и инспектора, при чемъ всѣмъ имъ воспретить посѣщать *раекъ;* такое же

распоряженіе сдѣлать педагогическій совѣтъ и воронежской гимназіи; этотъ же совѣтъ рѣшилъ выгонять изъ заведенія ученика, если онъ пропуститъ три учебныхъ дня почему нибудь другому, кромѣ дѣйствительной болѣзни. директору харьковской гимназіи достаточно было замѣтить одному изъ содержателей пансіоновъ, что въ его библіотекѣ находятся книги, не совсѣмъ удобныя для чтенія, и содержатель пансіона немедленно изгоняетъ изъ библіотеки такія сочиненія, какъ «Воспитанница» и «Гроза» Островскаго; редакторы «Московскихъ Вѣдомостей» предполагаютъ открыть въ Москвѣ заведеніе въ размѣрахъ лицея, съ гимназическимъ и университетскимъ курсомъ ученія и съ спеціальною цѣлью провести систему воспитанія отъ начала и до конца, отъ дѣтскаго возраста до зрѣлаго—явленіе, котораго ужаснулось бы русское общество 1860 или 61 года. Но дѣло на этомъ не останавливается. Являются господа, которые открыто провозглашаютъ свое намѣреніе передѣлать науку на свой ладъ, для достиженія вовсе не научныхъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій педагогическаго собранія въ Петербургѣ, нѣкто г. Белярминовъ предложилъ на обсужденіе собранія рефератъ «о нравственномъ элементѣ въ преподаваніи исторіи, какъ предмета обще-образовательнаго курса.» Г. Белярминовъ поставилъ слѣдующіе тезисы: «Исторія въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ, помимо цѣлей, лежащихъ въ сущности предмета, должна имѣть преимущественное вліяніе на образованіе характера; съ этою цѣлью, при первоначальномъ курсѣ должны быть выбираемы только такія біографіи, которыя возвышаютъ умъ, согрѣваютъ сердце и сообщаютъ волѣ энергію; въ систематическій курсъ должны войдти эпохи возникновенія государства и процвѣтанія его; *періоды разложенія должны быть тщательно избѣгаемы;* въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ историческій матеріалъ долженъ быть предлагаемъ въ интересахъ національныхъ (?). Тотъ и другой курсы должны сопровождаться нравоученіемъ (!), основаннымъ на нравственности христіанской; въ первоначальномъ курсѣ нравоученія должны быть выражаемы въ формѣ одобренія или осужденія событій съ точки зрѣнія христіанской нравственности; въ систематическомъ курсѣ эти нравоученія должны образовать въ учащихся мысль, что исторія не есть игра случайностей, но нравственная работа человѣчества подъ руководствомъ промысла. Или короче, первый курсъ долженъ быть идеально-христіанскій, второй курсъ — идеально-христіански-нравственный.»—Трудно теперь сказать, до какихъ предѣловъ дойдетъ усердіе нашихъ педагоговъ; но крайней мѣрѣ характеръ сейчасъ

приведенныхъ нами тезисовъ чрезвычайно напоминаетъ взгляды педагоговъ временъ Магницкаго и Рунича.

Таковъ историческій ходъ нашего общественнаго образованія. Дѣлая то шагъ впередъ, то шагъ назадъ, оно пришло только къ одному несомнѣнно-полезному и очевидному результату: оно заинтересовало собою значительную часть общества, такъ что если при Петрѣ заботились о томъ, чтобы школы наполнялись учениками, то теперь заботиться объ этомъ совершенно излишне. Мы видѣли также, что общей системы въ нашемъ общественномъ образованіи не существовало. При незнакомствѣ нашего общества съ педагогическими системами, при отсутствіи въ немъ твердыхъ историческихъ основаній для усвоенія того или другого направленія, и настоящая система можетъ рано или поздно уступить мѣсто другой—лучшей или худшей, смотря по окружающимъ обстоятельствамъ.

Гдб.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

I) Эпопея труда—городъ Чикаго.—Начало Чикаго.—Громадное болото.—Плодородная степь.—Хлѣбная торговля Чикаго.—Хлѣбъ, превращенный въ свиней.—Торговля рогатымъ скотомъ.—Мосты.—Желѣзныя дороги.—Каналы.—Городъ, поднятый на воздухъ.—Мѣры противъ уничтоженія міазмовъ.—Водопроводы.—Фабричная дѣятельность Чикаго.—Часовая мануфактура.—Причина процвѣтанія Чикаго.—Воспитаніе юнаго поколѣнія.—Учебные заведенія, обсерваторія, музей.—Періодическая пресса въ Чикаго.—Книжная торговля.

II) Англійскій пролетаріатъ.—Ремесленные союзы.—Шеффильдскіе ткачи.—Бродидъ.—Ланкаширскіе кирпичники.—Негодованіе буржуазіи.—Борьба ея съ ремесленными союзами.—Борьба послѣднихъ съ рабочими, не принадлежащими къ союзамъ.—Кооперативныя общества.—Религіозныя секты въ Англіи.—Уменьшеніе народонаселенія въ Ирландіи.—Ужасы голода въ Орисѣ.—Піонеры китайской эмиграціи).

I.

Въ древности деспотическіе владыки востока, располагая громадной рабочей силой — тысячами рабовъ, удивляли міръ шириною своихъ затѣй, всего чаще проявлявшихся въ необычайно-быстромъ созиданіи новыхъ городовъ. Военныя соображенія, желаніе имѣть резиденцію въ лучшемъ климатѣ, необходимость расширенія помѣщенія для постоянно-прибывающаго числа женъ и одалисокъ, наконецъ просто личный капризъ,—эти и подобные имъ мотивы побуждали древнихъ царей часто мѣнять свои резиденціи. Къ из-

бранному для новаго города мѣсту обыкновенно сгонялись тысячи рабовъ; работа изъ-подъ палки шла хотя медленно, но медленность искупалась массой рабочей силы, и скоро въ пустынѣ, среди лѣсовъ и болотъ, воздвигались многочисленныя постройки, предназначенныя для помѣщенія владыки. Они были роскошны и великолѣпны и, что главное, роскошь ихъ особенно поражала глазъ, уставшій отъ вовсе непривлекательнаго зрѣлища грязныхъ, полуразвалившихся (несмотря на недавнее построеніе города) хижинъ, похожихъ скорѣе на логовища звѣрей, чѣмъ на людскія жилища. Кругомъ царскихъ чертоговъ строились дома царедворцевъ; за ними помѣщеніе для царскихъ тѣлохранителей, тогдашняго постояннаго войска, а тамъ разнаго рода болѣе или менѣе безобразныя лачуги —жилища прочихъ гражданъ, переселенныхъ въ новый городъ часто противъ ихъ желанія. Быстро возникалъ такой городъ, также быстро и изчезалъ. Отличительнымъ его характеромъ были безмолвіе и пустота, нерѣдко прерываемыя стономъ изнемогающихъ подъ тяжестью непосильной работы рабовъ, съ трудомъ волочащихъ тяжелыя цѣпи. Никакого разумнаго движенія, торговля жалкая, промышленность въ младенческомъ состояніи. Вездѣ и во всемъ лежалъ отпечатокъ принудительнаго, несвободнаго труда. Съ одной стороны праздное бездѣлье, съ другой тяжелый, безплодный трудъ и животная апатія.

Древній міръ не могъ додуматься до признанія производительности исключительно за однимъ свободнымъ трудомъ; онъ не могъ развиться до усвоенія великой идеи, что въ трудѣ, и въ одномъ только трудѣ слѣдуетъ искать дѣйствительнаго наслажденія жизнію. Новый міръ взялъ на себя разрѣшеніе этой задачи. Но много времени прошло, много усилій должно было сдѣлать человѣчество, много бѣдъ пережить, пока люди поняли простую истину, что человѣкомъ можетъ быть названъ только тотъ, кто не бременитъ даромъ землю, а трудится на пользу себѣ и другимъ. Старая Европа сдѣлала починъ, а за американскими Соединенными штатами должна быть утверждена слава увѣнчанія дѣла успѣхомъ.

Люди дѣлаютъ учрежденія; учрежденія дѣлаютъ людей;—эти

два афоризма какъ нельзя лучше примѣняются къ Соединеннымъ штатамъ сѣверной Америки. Подъ вліяніемъ своихъ учрежденій граждане сѣверо-американской республики, признавшіе за трудомъ величайшее начало прогресса, искавшіе исключительно въ немъ средства къ своему благосостоянію и преуспѣянію,—должны были явить и явили міру такіе результаты своей дѣятельности, предъ которыми съ изумленіемъ и чувствомъ восторга останавливается всякій мыслящій человѣкъ.

Ричардъ Кобденъ, провожая своего пріятеля Гольдвина Смита, отправлявшагося въ Америку, при прощаньи сказалъ ему: „Если вы будете въ Соединенныхъ штатахъ, не забудьте посмотрѣть два чуда Новаго Свѣта: Ніагару и Чикаго. Смитъ не забылъ совѣта своего друга: посидѣлъ на берегу Ніагарскаго водопада и побывалъ въ Чикаго. По зрѣломъ размышленіи, извѣстный профессоръ пришелъ къ заключенію, что какъ ни удивителенъ величественный водопадъ, но онъ совершенно стирается предъ величіемъ человѣческаго генія, такъ блистательно проявившаго себя въ созданіи Чикаго. Водопадъ старикъ, ему, по приблизительнымъ вычисленіямъ геологовъ, надо считать не менѣе 400 вѣковъ отъ роду. Чикаго—младенецъ едва достигшій 35 лѣтъ.

Что же такое Чикаго? Городъ въ штатѣ Иллинойсѣ, городъ большой, торговый, съ 230,000 жителей, столица сѣверо-западныхъ штатовъ. Нѣтъ въ немъ замѣчательныхъ дворцовъ, нѣтъ чудесъ архитектурнаго искуства, нѣтъ картинныхъ галлерей, нѣтъ ничего, поражающаго съ перваго взгляда, ничего такого, за чѣмъ бѣгутъ праздные туристы, что напыщенными фразами обыкновенно обозначается во всевозможныхъ гидахъ. И между тѣмъ Чикаго представляетъ такое чудо, предъ которымъ ничто Ніагарскій водопадъ!

Въ быстромъ возрастаніи и процвѣтаніи Чикаго выразился геній американской націи; этотъ городъ составляетъ великое завоеваніе человѣческаго разума.—Вотъ разгадка словъ Гольдвина Смита.

Въ 1830 году на мѣстѣ нынѣшняго города Чикаго, въ болотистой равнинѣ, стояло нѣсколько блокгаузовъ, соединенныхъ меж-

ду собой стѣною съ бойницами. Въ этомъ небольшомъ укрѣпленіи помѣщалось двѣ роты солдатъ американскаго союза, содержащія передовой военный постъ противъ набѣговъ индѣйцевъ. Вмѣстѣ съ гарнизономъ здѣсь находилось агентство для покупки у индѣйцевъ мѣховъ. У дома агентства скрещивалось множество дорогъ и тропинокъ, проторенныхъ индѣйцами-звѣроловами, приносившими сюда мѣха даже изъ-за Миссисипи. Разъ въ годъ, къ этому укрѣпленію приходила шкуна, привозившая необходимые припасы и забиравшая годовой запасъ мѣховъ. Разъ въ недѣлю лѣтомъ и два раза въ мѣсяцъ зимою въ этотъ забытый уголъ приходила почта.

Въ 1830 году здѣсь жило только 4 бѣлыхъ семейства, въ 1831 году ихъ было 12; по американскому обыкновенію эти 12 семействъ составили общину и уже считали себя настолько сильными и самостоятельными, что полагали возможнымъ защищаться сами, безъ посторонней помощи. Войска были выведены изъ укрѣпленія; ихъ помѣщенія заняты гражданами и закипѣла тутъ обычная честная, трудовая американская жизнь. Въ 1832 году налоги въ пользу новаго мѣстечка достигали уже до 200 рублей, изъ которыхъ 15 были употреблены на основаніе перваго общественнаго заведенія въ Чикаго,—конюшни для заблудившагося скота.

Осенью 1834 года, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь пролегаетъ лучшая улица Чикаго, была большая охота, на которой убитъ черный медвѣдь и 30 волковъ. Въ то время въ городѣ было 2,000 жителей. Въ 1845 году ихъ считалось уже 12,000, въ 1850—30,000, въ 1860—110,000, а въ 1867—230,000.

Почва, на которой построенъ Чикаго, представляла въ прежнее время сплошное громадное болото. Одинъ путешественникъ, посѣтившій Чикаго въ 1833 году, разсказываетъ, что послѣдніе 8 миль своего пути онъ шелъ въ водѣ, имѣвшей глубину отъ 1 до 3 футовъ. Это болотистое пространство обратилось теперь въ превосходный городъ, искусно дренированный, хорошо вымощенный; самый воздухъ измѣнился совершенно—изъ слишкомъ влажнаго, нездороваго онъ сдѣлался, благодаря человѣческой энергіи и уму, настолько здоровымъ и пріятнымъ, насколько, при современномъ состояніи знаній, можно было того достигнуть.

Чикаго лежитъ при устьѣ широкой рѣки того же имени, впадающей въ озеро Мичиганъ. Рѣка эта, или правильнѣе заливъ, такъ какъ подлѣ Чикаго она не имѣла теченія, представляетъ великолѣпную бухту. Она развѣтвляется на двѣ части и течетъ параллельно озеру, далеко теряясь въ степныхъ топяхъ.

Странныя бываютъ иногда предубѣжденія. Громадная степь кругомъ Чикаго, этотъ необыкновенный уголокъ земли, заключаетъ въ себѣ все, что только можетъ дать природа для удобства жизни. И сколькимъ вѣкамъ нужно было пройти, пока люди съумѣли оцѣнить по достоинству эту великолѣпную мѣстность, теперь богатый источникъ благоденствія. Селились люди на нездоровыхъ мѣстахъ, дышали испорченнымъ воздухомъ, жили въ пыльныхъ и душныхъ городахъ и мѣстечкахъ, — и не подозрѣвали, что подлѣ нихъ лежитъ богатая, дѣвственная почва, испоконъ вѣковъ ожидающая честныхъ работниковъ, которыхъ она съумѣетъ вознаградить за ихъ энергію и трудъ. Эта степь такъ велика, земля ея такъ плодородна, что, съ помощію труда и разумнаго примѣненія знаній, она можетъ прокормить населеніе, по крайней мѣрѣ, въ 100,000,000 душъ. Американскіе піонеры, подвигаясь все далѣе и далѣе на западъ, набрели наконецъ на благодатную землю и не прошло двадцати лѣтъ, какъ степь довольно густо заселилась, закипѣла жизнь, плугъ прошелъ землю и огромные запасы хлѣба полетѣли за-моря, въ старую Европу, чтобы питать собою тысячи работниковъ, тяжелымъ трудомъ добывающихъ свое дневное пропитаніе.

Такое чудо могло совершиться только въ Соединенныхъ штатахъ. Въ такой странѣ, гдѣ народъ выработалъ себѣ учрежденія, дающія широкій просторъ свободному проявленію энергіи, только въ такой странѣ возможно полное, плодотворное примѣненіе человѣческаго труда и знаній. Не въ одной Америкѣ находятся естественные источники богатства, но многіе ли народы съумѣли воспользоваться ими, чтобы разумно эксплуатировать ихъ въ свою пользу? Съ одними естественными источниками далеко не уѣдешь! Нуженъ трудъ, нужны знанія.

Чикаго росъ вмѣстѣ съ ростомъ своихъ окрестностей. Его бла-

госсостояніе обусловливалось благосостояніемъ сосѣдней мѣстности. Расширялась въ ней народная производительность, расширялся и Чикаго. Богатѣла окрестная страна, богатѣлъ и онъ. Теперь въ этомъ городѣ сосредоточена вся хлѣбная торговля запада сѣверной Америки. Первый вывозъ хлѣба изъ Чикаго былъ въ 1838 году и ограничивался 78 бушелями (около 13 четвертей). Отпускъ этого продукта возрасталъ въ поразительной, почти невѣроятной прогрессіи: въ 1840 году онъ дошелъ до 10,000 бушелей, въ 1842 г. представлялъ уже цифру 600,000; въ 1853—6,500,000; въ 1858 — 20,000,000; въ 1861 — 50.000,000; въ 1865 — 53,500,000 (около 9,000,000 русскихъ четвертей).

Вся эта громадная хлѣбная операція производится чрезвычайно просто, совсѣмъ не по-европейски. Везутъ ли хлѣбъ водой или сухимъ путемъ, его везутъ обыкновенно въ разсыпную, т. е. зерно не насыпается ни въ мѣшки, ни въ бочки, а прямо въ лодки, вагоны или телѣги. Поѣздъ или судно останавливается у большихъ подъемныхъ кранов, механизмъ которыхъ, приводимый въ движеніе паромъ, въ нѣсколько минутъ перебрасываетъ все зерно въ огромные амбары. При пріемѣ зерна находятся особые агенты, избранные въ эту должность всѣми участвующими въ хлѣбной операціи. Агентъ опредѣляетъ достоинство зерна и количество его, принадлежащее каждому владѣльцу. Затѣмъ все зерно сваливается въ магазины, съобща, по сортамъ. Владѣлецъ продукта больше не видитъ его; взамѣнъ ему выдается квитанція, опредѣляющая стоимость сданнаго въ общественные магазины продукта. Эти квитанціи ходятъ на биржѣ какъ деньги и съ ними производятся такія же точно операціи, какія производятся обыкновенно со всѣми бумажными знаками, имѣющими биржевую цѣнность.

Желая удешевить перевозку громоздкаго продукта, Чикаго завелъ 10 мельницъ, вымалывающихъ въ каждый рабочій день по 1,000 бочекъ муки. Но на этомъ не остановилась дѣятельность чикагоцевъ. Они очень удовлетворительно разрѣшили заданную себѣ задачу — довести до minimum'а цѣнность перевозки хлѣба. Сперва открыли средство укладывать въ одну бочку отъ 10—15 бушелей пшеницы, превращенной въ муку. Затѣмъ зерно стали

превращать въ животную форму, давая его въ кормъ свиньямъ, которыхъ въ видѣ ветчины отправляютъ въ Европу. „Свинья поѣдаетъ зерно, а свинью съѣдаетъ Европа, сказалъ недавно г. Регльсъ на публичномъ чтеніи въ Чикаго. — „И что такое свинья, какъ не 15—20 бушелей зерна на четырехъ ногахъ." Продолжая далѣе, Регльсъ въ заключеніе прибавилъ: „300 милліоновъ фунтовъ американской ветчины, отправленной въ Европу въ 1863 году, представляютъ собою путешествіе 1½ милліона свиней чрезъ Атлантическій океанъ."

Въ 1863 году, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ Чикаго 904,650 свиней обращено въ ветчину; это составляло третью часть свиней, заколотыхъ въ теченіе цѣлаго года во всѣхъ западныхъ штатахъ.

Другая значительная торговля—рогатымъ скотомъ,—производится въ Чикаго также своеобразно, и способы ея производства далеко непохожи на способы, принятые въ Старомъ свѣтѣ. Ежедневно въ Чикаго доставляется изъ степей и отправляется отсюда въ разныя мѣста около 1,000 штукъ рогатаго скота. Но вы можете прожить въ Чикаго цѣлые годы и не догадаться, что здѣсь совершаются тысячныя операціи этимъ живымъ продуктомъ; неслышно мычанія животныхъ, невидно ихъ самихъ.

Въ четырехъ миляхъ отъ города, къ югу, устроенъ такъ называемый скотный городокъ. Постройка его стоила 2,000,000 долларовъ. Пространство въ 150 акровъ (50 десятинъ) застлано досками. Оно раздѣляется на улицы; каждая изъ улицъ тонкими заборами раздѣлена на три паралельные пути: одинъ для проходящихъ и проѣзжающихъ людей; два другіе для движенія гуртовъ въ двухъ направленіяхъ. Къ скотному городку подходятъ вѣтви девяти желѣзныхъ дорогъ и устроенъ каналъ, соединяющій городокъ съ рѣкой Чикаго.

Въ этомъ городкѣ могутъ помѣститься одновременно 20,000 штукъ крупнаго скота, 75,000 свиней и 20,000 барановъ. Торгъ идетъ обыкновенно по четвергамъ.

Пришелъ поѣздъ желѣзной дороги со скотомъ; боковая сторона каждаго вагона снимается и, по пологимъ мосткамъ, животныя переходятъ въ обшитую досками ограду, по одной сторонѣ ко-

торой стоятъ длинныя корыта и надъ ними кранъ отъ водопровода, а по другой—ясли съ сѣномъ. Пока скотъ располагается такимъ образомъ на отдыхъ, хозяинъ его отправляется въ великолѣпный отель, устроенный исключительно для удобства торговцевъ скотомъ и имѣющій болѣе 200 нумеровъ. Подлѣ стоитъ биржа и банкъ, имѣющій ежедневнаго оборота отъ 100—500,000 долларовъ. И биржа и банкъ учреждены также исключительно для надобностей торговцевъ скотомъ. Тутъ же телеграфная станція, устроенная для той же цѣли,—пересылающая телеграммы во всѣ концы міра, объявляющія о цѣнѣ мяса.

Купленный скотъ тотчасъ же отправляется на станцію желѣзной дороги, но на пути его взвѣшиваютъ, по 30 штукъ въ минуту, проводя для этой цѣли чрезъ особый механическій вѣсовой помостъ. Торговля скотомъ производится исключительно на наличныя деньги.

Замѣчательно, что компанія, владѣющая скотнымъ городкомъ, ничего не беретъ за простой скота. Свой доходъ она выручаетъ отъ продажи сѣна и зернового корма. Сѣна въ день продается иногда до 6,000 пудовъ.

Какъ видитъ читатель, чикагосцы сдѣлали очень много для того, чтобы упростить до послѣдней возможности свои торговыя операціи; они устроили всѣ удобства для продавцевъ и покупателей. Они выказали свою изобрѣтательность, они не жалѣли ни трудовъ, ни денегъ для приведенія этого дѣла къ разумному концу. Но не одними только этими, безспорно важными фактами человѣческой изобрѣтательности и ума, ограничились усилія чикагосцевъ. Энергическіе піонеры пошли далѣе и совершили многое такое, надъ чѣмъ стоитъ призадуматься, и что составляетъ результатъ весьма почтенной дѣятельности, которою имѣетъ право гордиться человѣчество.

Чикаго построенъ на обоихъ берегахъ рѣки; для сообщеній между частями устроено чрезъ рѣку 17 мостовъ хорошей конструкціи, которые нерѣдко приходится разводить для пропуска судовъ, что сильно затрудняетъ сухопутное движеніе. Это неудобство скоро будетъ устранено. Чрезъ три года всѣ 17 мостовъ замѣнятся тунелями.

Въ настоящее время Чикаго центръ, откуда расходится много желѣзныхъ дорогъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ постройка желѣзныхъ дорогъ встрѣтила здѣсь даже противодѣйствіе. Первая желѣзная дорога не легко досталась чикагосцамъ. Устройству ея болѣе всего противились тѣ, для которыхъ она была особенно нужна, именно хлѣбные торговцы. Но первая оконченная желѣзная дорога, чикаго-галенасская, устроенная въ 1850 году, на протяженіи 42 миль, открыла всѣмъ глаза. Эта дорога была устроена на деньги, занятыя подъ личною отвѣтственностію директоровъ. Денегъ однакожъ было мало; ихъ далеко не достало бы для окончанія предпріятія, еслибъ не пришла на помощь изобрѣтательность американцевъ. Признавъ совершенно достаточнымъ и удовлетворительнымъ для степной дороги проложить одинъ путь и класть рельсы прямо на землю, окопавъ ее канавами для стока воды, много удешевили постройку. Въ 1853 году эта дорога дала 11% дивидента своимъ акціонерамъ. Фактъ сказалъ самъ за себя, и дѣло желѣзныхъ дорогъ было выиграно.

Первый пробный поѣздъ желѣзной дороги вышелъ изъ Чикаго 17 марта 1850 года, при громкихъ рукоплесканіяхъ массы жителей и ропотѣ и насмѣшкахъ хлѣбныхъ торговцевъ. Теперь къ Чикаго ведутъ 8,000 миль желѣзнаго пути, изъ которыхъ для 5,000 Чикаго служитъ центромъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Каждыя $^1/_4$ часа приходитъ или отходитъ поѣздъ, а всѣхъ поѣздовъ въ сутки около 200. Въ штатѣ Иллинойсѣ нѣтъ фермы, которая бы лежала дальше 50 миль отъ желѣзной дороги; но такихъ фермъ очень мало; среднее разстояніе жилыхъ пунктовъ отъ желѣзныхъ дорогъ не превышаетъ 7 миль (10 $^1/_2$ верстъ). Всѣ желѣзныя дороги устроены чрезвычайно удобно; къ нимъ примѣнены всѣ новѣйшія техническія усовершенствованія. Объ удобствѣ пассажировъ приложено также не мало заботъ, и на всѣхъ линіяхъ спальные вагоны устроены съ такимъ комфортомъ, что иные изъ нихъ стоятъ по 25,000 долларовъ каждый.

Водныя сообщенія тоже не забыты. Посредствомъ каналовъ западныя великія озера соединены въ одну водную систему, имѣющую центромъ Чикаго. По этой системѣ постоянно плаваютъ 77 паро-

ходовъ и 827 парусныхъ судовъ, вмѣстимостію въ 218,215 тонн; экипажъ всѣхъ судовъ состоитъ изъ 10,000 человѣкъ.

При всемъ своемъ богатствѣ, при всѣхъ своихъ удобствахъ для торговли, Чикаго все же былъ построенъ на болотѣ, все же жители его должны были дышать слишкомъ влажнымъ, испорченнымъ воздухомъ. Захотѣлось чикагосцамъ помочь горю и вздумали они помѣряться съ природой. „Нашъ городъ соберетъ въ себя милліонъ или болѣе американцевъ, говорили они, надо сдѣлать его удобнымъ для жизни.“ Никогда, можетъ быть, люди не брались за болѣе тяжелый и непривлекательный трудъ, и врядъ ли когда нибудь усилія ихъ вѣнчались такимъ блистательнымъ успѣхомъ и еще въ такое короткое время. Для осушенія города сначала была испытана система открытыхъ канавъ, но безуспѣшно,—городъ лежалъ ниже поверхности озера. Первая неудача не остановила смѣлыхъ работниковъ; одно не удалось, надо испытать другое, и пришли они къ заключенію, что остается одно средство,—поднять весь городъ на такую высоту, чтобы основанія домовъ возвысить надъ поверхностію озера. Два раза мѣнялась норма возвышенія; наконецъ остановилась на 12 футахъ, что было совершенно достаточно для хорошаго дренажа, и причемъ подвалы могли оставаться всегда сухими и служить помѣщеніемъ для разныхъ товаровъ, какъ въ Нью-Іоркѣ, построенномъ на песчаномъ грунтѣ.

Всѣ вновь строющіеся дома стали воздвигать на насыпяхъ, сообразно съ принятымъ уровнемъ, но нѣкоторые владѣльцы, не желая ломать прежніе свои дома и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая также отстать отъ другихъ въ дѣлѣ улучшенія города,—подняли цѣликомъ старыя зданія до надлежащаго уровня; остались впрочемъ и такіе дома, которыхъ не коснулось нововведеніе. Тротуары на улицахъ долгое время представляли собою весьма неудобный для пѣшеходовъ рядъ лѣстницъ, по которымъ приходилось то опускаться внизъ, то подниматься наверхъ. Умъ и энергія чикагосцевъ проявились въ этомъ дѣлѣ (поднятіи уровня города) въ полномъ блескѣ. Для нихъ, кажется, не существовало трудностей. Всѣ дружно помогали другъ другу и самыя громадныя дома уступили неутомимой изобрѣтательности и терпѣнію, и были успѣшно подняты на

воздухъ. Впрочемъ это дѣло еще не окончено и есть улицы, остающіяся въ прежнемъ положеніи. Эти улицы немощены, тогда какъ остальныя превосходно вымощены камнемъ и чугуномъ, и дренированы.

Дренированіе уничтожаетъ влажность воздуха, но оно не можетъ воспрепятствовать міазмамъ, происходящимъ отъ различныхъ нечистотъ, заражать атмосферу. Слѣдовало заняться этимъ вопросомъ и чикагосцы, принявшись за дѣло съ обыкновенной энергіей и знаніемъ дѣла, разрѣшили его также удачно, какъ и вопросъ о дренированіи. Всѣ городскія трубы отводятъ нечистоты въ рѣку Чикаго, которая не имѣетъ здѣсь никакого теченія. При быстро возрастающемъ населеніи вся гавань, не смотря на постоянныя землечерпательныя работы, обратилась бы скоро въ огромный резервуаръ міазмовъ, которые могли бы, въ свою очередь, сдѣлать Чикаго совершенно необитаемымъ. Чтобы устранить это неудобство, теперь производятся работы, стоимостію до 3 милліоновъ долларовъ. Каналъ, соединяющій озеро Мичиганъ съ рѣкою Иллинойсомъ, начинается въ одномъ изъ устьевъ р. Чикаго, вода которой накачивается въ шлюзы канала паромъ. Каналъ этотъ углубленъ такъ, что въ немъ образуется постоянное теченіе изъ р. Чикаго въ р. Иллинойсъ, который будетъ уносить нечистоты въ Миссисипи и приносить изъ озера токъ свѣжей и чистой воды. Всѣ важнѣйшія неудобства устранены этими работами, и замѣчательно при этомъ, что р. Чикаго сдѣлается настоящею рѣкою и должна будетъ перемѣнить свое теченіе, т. е. течь отъ устья къ истокамъ.

Образованный такимъ образомъ постоянный токъ воды изъ озера къ городу показался недостаточно свѣжимъ для чикагосцевъ и они провели туннель въ двѣ мили длиною, посредствомъ котораго чистѣйшая озерная вода будетъ прямо притекать къ городу и посредствомъ трубъ разноситься по домамъ. Не видѣвъ этихъ работъ, трудно сдѣлать имъ истинную оцѣнку, но лишь стало извѣстнымъ только о проэктѣ ихъ, то уже и въ то время весь цивилизованный міръ пришелъ въ справедливое изумленіе отъ смѣлости плана и обширности предпріятія. Теперь же цивилизованному міру приходится изумляться еще болѣе, узнавъ, что всѣ эти громадныя работы

были исполнены ровно въ 3 года и стоили всего одинъ милліонъ долларовъ. Главныя отличительныя ихъ достоинства: простота, оригинальность и смѣлость мысли.

И фабричная промышленность имѣетъ своихъ преставителей въ Чикаго. Въ началѣ этотъ городъ, какъ и весь вновь возникающій штатъ Иллинойсъ, долженъ былъ покупать фабричныя издѣлія у старыхъ восточныхъ штатовъ. Но окрѣпнувъ и развившись, Чикаго понялъ, что гораздо разумнѣе, имѣя богатый запасъ сырья, обдѣлывать его у себя дома, нежели отправлять въ другія страны въ сыромъ видѣ. Какъ люди умные, чикагосцы не бросились сразу на фабрикацію зеркалъ, бархата и другихъ предметовъ роскоши, а занялись сперва фабричной обработкой грубыхъ и тяжелыхъ земледѣльческихъ орудій. Когда это производство привилось, стали заводить шерстяныя и бумажныя мануфактуры.

Въ 5 миляхъ отъ города, гдѣ до мая прошлаго года почва не была тронута рукою человѣка, построена теперь деревня, состоящая изъ трехъ большихъ фабричныхъ строеній и 40 хорошенькихъ домиковъ для рабочихъ, обсаженныхъ двумя тысячами молодыхъ деревьевъ. Это чикагоская часовая мануфактуря. Ею управляетъ Чоунсей Джеримъ, изобрѣтатель большей части тѣхъ машинъ, отъ введенія которыхъ въ производство, американскіе часы и улучшились и подешевѣли. На этой мануфактурѣ въ годъ можетъ производиться до 100,000 часовъ.

Познакомившись со всѣми этими торговыми, промышленными, гигіеническими и другими усовершенствованіями и изобрѣтеніями, и сравнивая положеніе Чикаго съ положеніемъ другихъ мѣстъ и странъ, невольно задашь себѣ вопросъ: почему же чикагосцы такъ успѣшно и такъ хорошо оканчиваютъ свои предпріятія, и почему въ другихъ странахъ невозможно было достичь такихъ же результатовъ? Широко развитое самоуправленіе, необыкновенная любовь къ труду; вѣрное пониманіе общественной солидарности, т. е. стремленіе, принося пользу себѣ, въ тоже время дѣлать ее всему обществу; умѣнье пользоваться свободой; умѣренность въ правахъ и привычкахъ; широкое развитіе знаній;—вотъ тѣ двигатели, которые сдѣлали Чикаго чудомъ Новаго Свѣта. Чикагосцы умѣютъ взяться

за всякое дѣло; каждый изъ нихъ работаетъ за двоихъ; каждый считаетъ за стыдъ праздно проводить время; въ Чикаго даже сложилась поговорка, что чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ больше онъ долженъ работать на пользу себѣ и обществу. И дѣйствительно, въ Чикаго богатые люди всегда первые являются въ каждомъ полезномъ дѣлѣ. Принципъ равенства сильно развитъ въ этомъ молодомъ обществѣ; онъ проявляется вездѣ, даже въ самой одеждѣ; милліонеръ-торговецъ и фабричный рабочій одѣваются совершенно одинаково, бываютъ въ однихъ и тѣхъ же обществахъ и по наружности нѣтъ возможности отличить ихъ одного отъ другого. Къ этой характеристикѣ чикагоецевъ слѣдуетъ прибавить еще то, что по своимъ политическимъ убѣжденіямъ они почти всѣ принадлежатъ къ радикальной партіи, и лагерь аболиціонистовъ пополнялся и пополняется талантливыми дѣятелями изъ ихъ среды.

Мы видѣли, въ какомъ состояніи находятся въ Чикаго торговая и промышленная дѣятельность, что сдѣлано имъ для водворенія комфорта въ свою жизнь, посмотримъ теперь, въ какое положеніе поставлено въ Чикаго воспитаніе юныхъ гражданъ и какъ вообще проявляется въ немъ умственная дѣятельность.

Тамъ, гдѣ находятся въ избыткѣ предметы первой необходимости, тамъ люди имѣютъ подъ рукою всѣ средства для воспитанія счастливыхъ, разумныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ поколѣній. Въ этомъ изобиліи лежитъ залогъ вѣрнаго успѣха; всякій же недостатокъ замедляетъ прогрессъ. Богатство народовъ — это жизнь въ здоровомъ довольствѣ; бѣдность—это медленная и чахлая смерть. Въ Чикаго, какъ и вездѣ, слабая человѣческая природа подвергается искушенію и впадаетъ въ него, но чтобы опредѣлить лучше или хуже здѣсь, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, условія, въ которыя она поставлена, перечислимъ ихъ вкратцѣ одно за другимъ.

Климатъ въ Чикаго вообще хорошъ. Зимы коротки, постоянны, довольно суровы, но не вредны для здоровья. Лѣтніе жары умѣряются вѣтрами; но они вообще рѣдки. На берегу озеръ есть хорошія купальни, которыми можетъ пользоваться каждый житель. Съѣстные припасы въ Чикаго въ большомъ изобиліи и очень дешевы. Что касается до развитія нравственной стороны человѣка,

до выработки независимыхъ, свободолюбивыхъ натуръ, то въ этомъ отношеніи въ Чикаго имѣется очень много благопріятныхъ условій, и онъ самъ является великою школою для своихъ дѣтей. Описаніе какой нибудь Аппіевой дороги, которое мальчикъ прочтетъ въ римской исторіи, по мнѣнію многихъ способствующее умственному развитію ребенка, безъ сомнѣнія покажется ему несравненно менѣе понятнымъ, нежели ознакомленіе на самомъ фактѣ съ тѣми путями сообщенія, которые безустанно сооружаются въ его родномъ городѣ. Разумѣется, умственное развитіе ребенка пойдетъ гораздо дальше, если онъ, въ свободное время, засунувъ руки въ карманы, отправится осматривать работы, а не будетъ корпѣть надъ разными упражненіями въ мертвыхъ языкахъ, только притупляющими ребенка, если онъ, по своей впечатлительности, серьезно занимается ими. Въ Чикаго ребенокъ, въ семейномъ кругу, за чашкой чая, выучивается гораздо большему, чѣмъ воспитанники разныхъ извѣстныхъ классическихъ заведеній старой Европы. Здѣсь, у себя дома, къ его услугамъ обширные планы судоходныхъ каналовъ и новыхъ, далеко уходящихъ желѣзныхъ дорогъ, усовершенствованные образцы и пріемы работъ, и пр.; о всемъ этомъ въ его домѣ идутъ постоянные толки. Все, что онъ видитъ предъ собою, всѣ эти завоеванія человѣческаго генія,—все это развиваетъ въ немъ наблюдательность, анализъ, самостоятельность сужденій. Въ Чикаго, гдѣ такъ развиты гражданственность и общежительность, ребенку трудно вырости дуракомъ.

Взрослые чикагосцы весьма здраво относятся къ интересамъ подростающаго поколѣнія, которому суждено продолжать дѣло, начатое ихъ отцами. Общественныя городскія школы въ Чикаго—однѣ изъ самыхъ лучшихъ въ Соединенныхъ штатахъ. Зданія для нихъ обширны, красивы и удобны, съ хорошей вентиляціей. Въ воспитательномъ совѣтѣ засѣдаютъ граждане, избранные всеобщей подачей голосовъ. Равенство, разумѣется, и въ школахъ играетъ туже роль, какъ и въ жизни. Въ высшей школѣ, — учрежденіи, которымъ могъ бы гордиться любой городъ въ свѣтѣ,—цвѣтные мальчики и дѣвочки сидятъ рядомъ съ бѣлыми на однѣхъ скамейкахъ. Тоже во всѣхъ другихъ школахъ, также какъ и въ вечернихъ,

куда собираются учиться взрослые мужчины и женщины. Маленькимъ дѣтямъ въ школѣ не позволяется проводить болѣе получаса безъ тѣлесныхъ упражненій; въ старшихъ классахъ тоже самое дѣлается одинъ разъ въ часъ. На это время открываются окна; ученики встаютъ съ своихъ мѣстъ и повторяютъ впродолженіи 5 минутъ всѣ тѣ движенія, которыя дѣлаетъ учитель. Въ заведеніяхъ для дѣтей старшаго возраста существуютъ особые классы гимнастики. Латинскій языкъ въ чикагоскихъ школахъ необязателенъ.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Чикаго находятся: три медицинскія коллегіи, двѣ семинаріи, университетъ. Есть тамъ академія наукъ и астрономическая обсерваторія, самая лучшая въ Соединенныхъ штатахъ, обладающая телескопомъ, едва ли не совершеннѣйшимъ въ цѣломъ свѣтѣ. Скоро (если уже не открытъ въ настоящую минуту) Чикаго будетъ имѣть замѣчательный музей. Девять лѣтъ тому назадъ нѣсколько любителей естественныхъ наукъ образовали общество для собиранія коллекцій и пріобрѣтенія знаній. Годъ тому назадъ одному или двумъ изъ наиболѣе ревностныхъ членовъ пришла мысль, что настало время сдѣлать шагъ впередъ на этомъ пути. Нужно замѣтить, что чикагосцы имѣютъ большую склонность къ денежной подпискѣ на нѣкоторыя предпріятія; въ теченіе нѣсколькихъ дней 120 человѣкъ подписали по 500 долларовъ каждый на основаніе музея въ Чикаго. Куплено мѣсто, и весною нынѣшняго года начата постройка чрезвычайно удобнаго для этой цѣли зданія. Между прочими весьма любопытными коллекціями общество имѣетъ коллекцію стеныхъ бѣлокъ, *неумѣющихъ лазить*.

Періодическая пресса въ Чикаго процвѣтаетъ. Она отличается строгостью своихъ убѣжденій, хорошимъ выборомъ статей и большими издержками, которыя съ лихвою покрываются массой объявленій. Рѣчь генерала Бетлера,—произнесенная нѣсколько мѣсяцевъ назадъ предъ городскимъ собраніемъ Нью-Іорка, отчетъ о которой занялъ почти два столбца мелкой печати,—цѣликомъ была передана по телеграфу въ редакцію „Чикагосскаго Республиканца.“ „Чикагосская Трибуна“ имѣетъ превосходныхъ собственныхъ кор-

респондентовъ въ Нью-Іоркѣ, Лондонѣ, Парижѣ и Вашингтонѣ, кромѣ случайныхъ корреспондентовъ въ 29 другихъ городахъ.

Размѣрамъ книжной торговли въ Чикаго могли бы позавидовать многія столицы Стараго Свѣта. Чикаго и окрестности его раскупаютъ громадное количество книгъ и выборъ ихъ доказываетъ высокую степень развитія покупателей. Издательская дѣятельность въ Чикаго съ каждымъ годомъ возрастаетъ и теперь единственнымъ соперникомъ ему въ Соединенныхъ штатахъ остается Нью-Іоркъ, гдѣ издательская дѣятельность проявляется въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ.

Съ книжною торговлей тѣсно связана торговля газетами, занимающая не послѣднее мѣсто между достопримѣчательностями Чикаго. Она была родоначальницей книжной торговли и оказала большія услуги обществу. Въ каждомъ городкѣ, почти въ каждой порядочной деревнѣ были открыты газетныя лавочки для продажи газетъ и произведеній такъ называемой „дешевой литературы.“ Теперь еще трудно опредѣлить степень вліянія, которое эти лавочки оказали на умственное развитіе страны, но что оно было велико, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Желѣзныя дороги, расходящіяся изъ Чикаго по всѣмъ направленіямъ, много способствовали развитію газетной торговли, которая, мало-по-малу, разрослась въ большое и отлично организованное учрежденіе—„Западная компанія газетной торговли.“ Теперь эта компанія торгуетъ на 750,000 долларовъ въ годъ.

Если мы прибавимъ къ этому, что Чикаго ежегодно разсылаетъ книгъ въ другіе мѣста на 5,000,000 долларовъ, то принуждены будемъ сознаться, что одинъ или два сѣверо-западныхъ штата американскаго союза, потребляющіе всю эту массу умственнаго продукта, стоятъ въ этомъ отношеніи далеко выше очень многихъ другихъ странъ. Въ Европѣ, напримѣръ, иныя цѣлыя громадныя государства едва ли тратятъ пятую часть этой суммы на покупку книгъ и газетъ. Сколько покупается умственнаго продукта въ самомъ городѣ Чикаго мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ вѣрныхъ свѣденій.

Въ этомъ сжатомъ очеркѣ быстраго развитія столицы сѣверо-западныхъ штатовъ американскаго союза, мы выставили на видъ

только самые рельефные факты, оставляя множество второстепенныхъ, которые въ совокупности также имѣютъ громадное значеніе. Они дополняютъ собою ту массу поразительныхъ фактовъ плодотворности труда, соединеннаго съ знаніемъ и разумнымъ употребленіемъ человѣческихъ способностей и силъ природы, — которое побудило Гольдвина Смита сказать, что Чикаго, въ области чудесъ, занимаетъ высшее мѣсто, чѣмъ Ніагарскій водопадъ.

II.

Оставляя теперь описаніе торжества человѣческаго генія, такъ блистательно заявившаго себя въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатахъ, обратимся къ фактамъ изъ жизни другой отрасли англо-саксонскаго племени, разсказаннымъ нашимъ постояннымъ сотрудникомъ.

Давно ли англійскій парламентъ подписалъ сдѣлку буржуазіи съ рабочимъ классомъ — биль о реформѣ, это дѣтище покойнаго вига лорда Джона Росселя, исправленное и распространенное предводителемъ торійской партіи, достопочтеннымъ сэромъ Дизраели. Еще такъ недавно случилось это достопамятное событіе, а буржуазія уже недовольна своими уступками; она готова была бы взять назадъ вырванное согласіе, да уже поздно. Особенное негодованіе буржуазіи возбудили такъ называемые Trade-Union, т. е. ремесленные союзы, коаліціи рабочихъ съ хозяевами, такой родъ отношеній между спорными сторонами, который особенно удобенъ для самой буржуазіи. Эти союзы, съ самаго своего основанія, всегда пользовались нѣкоторымъ сочувствіемъ торговыхъ классовъ Англіи; въ нихъ они видѣли спасеніе отъ кооперативныхъ обществъ, распространеніе которыхъ, по мнѣнію буржуазіи, должно послужить къ ея гибели.

Въ сентябрѣ прошлаго года всѣ англійскіе журналы много говорили о случаѣ, бывшемъ въ Шеффильдѣ. Половина дома, занимаемая рабочимъ семействомъ, взлетѣла на воздухъ. По удивительной случайности при этомъ никто изъ людей не былъ даже раненъ.

Въ развалинахъ нашли фитиль и остатки миннаго ящика, что ясно указывало на преднамѣренность преступленія. Семейство, осужденное такимъ образомъ погибнуть, не имѣло враговъ; но глава семьи имѣлъ непріятность съ рабочимъ союзомъ его ремесла; онъ вышелъ изъ общества своихъ товарищей. „Это дѣло *ремесленнаго союза*“, твердили сосѣди. Судебная власть выказала замѣчательную энергію въ разслѣдованіи этого обстоятельства, но всѣ ея усилія отыскать виновныхъ были тщетны. Недѣли проходили за недѣлями; разслѣдованіе продолжалось, но ничего не было открыто.

Общественное любопытство было сильно возбуждено; въ обществѣ негодовали, что страшное преступленіе могло совершиться безнаказанно въ большомъ населенномъ городѣ; общій голосъ указывалъ на виновныхъ; но подозрѣніе до сихъ поръ не оправдалось. „Всѣмъ извѣстно, говорили мирные граждане,—что преступники засѣдаютъ въ совѣтѣ союза; вѣрно, они очень хитры, если могли противустоять всѣмъ полицейскимъ ухищреніямъ, всему искуству слѣдственнаго судьи.“ Проходили мѣсяцы, а тайна все еще оставалась тайной.

Наконецъ правительство рѣшилось принять болѣе энергическія мѣры: учреждена особая комиссія по этому дѣлу, которой предоставлена широкая власть; между прочимъ она имѣла право или помиловать преступника, т. е. избавить его совсѣмъ отъ наказанія, или обыкновеннымъ образомъ предать суду. Выборъ предоставлялся ея благоусмотрѣнію. Вначалѣ дѣйствія комиссіи были также безуспѣшны. Ее уже стали обвинять въ бездѣятельности, какъ вдругъ она овладѣла нитью, которая привела ее къ интереснымъ открытіямъ.

Открывъ виновныхъ въ взрывѣ дома, комиссія напала на многія другія возмутительныя дѣйствія и занялась ихъ разслѣдованіемъ. Прежде всего она рѣшилась привести въ ясность организацію и дѣятельность *союза точильщиковъ пилъ*, откуда вышло изслѣдуемое преступленіе, и о которомъ комиссія получила самыя невыгодныя заявленія. Одинъ хозяинъ, виновный, между прочимъ, въ томъ, что онъ не хотѣлъ отказать двумъ рабочимъ, непринадлежащимъ къ союзу, подвергся за то мести союза: его лошадь изувѣчили; изуродовали его самого, выстрѣливъ въ него три раза изъ ружья; праздя

рука осталась у него навѣки парализованною. Разъ онъ нашелъ у своихъ дверей горящій фитиль подлѣ миннаго ящика. Онъ не смѣлъ жаловаться изъ боязни быть убитымъ. У другого, точильщика серповъ, пытались взорвать домъ только за то, что онъ сдѣлалъ изъ своего сына фабриканта косъ, т. е. далъ ему другое ремесло или новаго конкурента союзу. У третьяго подожгли домъ потому, что онъ ввелъ новую машину для точенія косъ. Но вотъ самое важное изъ ихъ преступленій. Нѣкто, Линлей, точильщикъ ножницъ, сталъ точить косы, не испросивъ на то дозволенія ни у кого; онъ держалъ шесть учениковъ, тогда какъ статутъ союза разрѣшалъ имѣть только одного или двухъ. Ему дали предостереженіе. Онъ объявилъ, что отказывается повиноваться союзу. Въ видѣ новаго предостереженія его наградили нѣсколькими чувствительными ударами палки. Но и послѣ внушенія онъ оставался твердъ въ своей рѣшимости не повиноваться и былъ убитъ пулей однимъ изъ своихъ учениковъ, по фамиліи Круксомъ. Опрятный, воздержный, скромный, хладнокровный, съ правильными чертами лица, Крукъ отличался такой приличной и почтенной наружностію, что старыя барышни изъ буржуазіи избрали его своимъ кавалеромъ, назначивъ ему небольшой постоянный доходъ за то, что онъ провожалъ ихъ по вечерамъ домой, когда онѣ уходили изъ гостей. Крукъ былъ только орудіемъ Бродгида, казначея союза и его тайнаго диктатора. Снабженный полной властью, Бродгидъ располагалъ союзными суммами и могъ безконтрольно употреблять ихъ на пользу союза; этими деньгами онъ уплачивалъ за службу сбировъ, которые, по его приказанію, поджигали, били, убивали, воровали у упорныхъ рабочихъ ихъ инструменты, чтобы поставить ихъ въ невозможность работать, и тѣмъ заставить ихъ смириться и подчиниться союзу. Бродгидъ показалъ, что болѣе 200 случаевъ воровства инструментовъ были произведены по его приказанію въ послѣдніе шесть лѣтъ. Бродгидъ исполнялъ свои обязанности въ теченіи двадцати лѣтъ, и во все это время пользовался полнымъ довѣріемъ союза. Ужасную власть, которой онъ располагалъ, онъ никогда не употреблялъ въ своихъ частныхъ интересахъ; онъ довольствовался тѣмъ, что, деспотически располагая жизнію и смертію,

дѣло союза принималъ такъ близко къ сердцу, что не отдѣлялъ его отъ своего собственнаго; онъ управлялъ предпріятіемъ, опираясь на большинство, довольное его дѣятельностію, большинство, которое предпочитало не знать многаго, подозрѣвая однакожъ о его существованіи.

Бродгидъ кончилъ тѣмъ, что познакомилъ комиссію со всѣмъ, что она хотѣла знать. За это онъ, вмѣстѣ съ своими сообщниками Галламомъ и Круксомъ, былъ помилованъ и возвратился за свою конторку въ кабакъ, куда съ утра до ночи стали стекаться толпы любопытныхъ. Онъ имѣлъ даже хладнокровіе отправиться въ комиссію, спасшую его отъ висѣлицы, съ требованіемъ вознагражденія за время, въ которое онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ занятій для свидѣтельства въ судѣ.

Эти открытія перепугали буржуазію. „Манчестерскій Испытатель“, одинъ изъ ея органовъ, высказался такой рѣчью:

„Это дѣло возмутительное до крайности. Ничего подобнаго не представляется въ лѣтописяхъ христіанскихъ народовъ. Бандиты, грабящіе и убивающіе въ римской области, вѣжливые джентльмены въ сравненіи съ Бродгидомъ и его сообщниками. Все, что дѣлаютъ бандиты въ владѣніяхъ святѣйшаго отца, они совершаютъ среди бѣлаго дня. Они подвергаются риску въ своихъ предпріятіяхъ. Сегодня они пируютъ на награбленное, завтра ихъ отправляютъ на галеры. Они открыто объявляютъ себя врагами соціальнаго порядка. Какая разница съ тѣмъ, что происходитъ въ Шеффильдѣ! Здѣсь мы видимъ постоянный заговоръ противъ жизни и противъ собственности; заговоръ съ его начальниками, плательщиками, помощниками, тайными совѣтами, съ его каталогомъ жестокостей въ соединеніи съ воровствомъ, поджигательствомъ, даже убійствомъ. Цѣлые годы, на зло бдительности полиціи, этотъ заговоръ существовалъ, проявляя свои дѣйствія преступленіями. Во главѣ его стоитъ личность, остающаяся постоянно въ тѣни, но пользующаяся деспотической властію надъ своими покорными жертвами. Онъ вездѣ имѣетъ своихъ шпіоновъ. Малѣйшее отступленіе отъ его приказаній тотчасъ же становится ему извѣстнымъ. Онъ рѣшаетъ, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, не дѣлая даже разслѣдованія; никакое джюри не умѣ-

ряетъ строгости его Vehmgericht'овъ. Безграничный владыка, онъ только изрѣкаетъ свои приговоры. Нужно нарушителя его постановленій лишить занятія, которымъ тотъ кормится; нужно ограбить у работника инструменты; нужно обжечь его лицо порохомъ; нужно разбить ему голову; нужно взорвать его домъ на воздухъ; нужно его убить; — каковъ бы ни былъ приговоръ, его должно немедленно привести въ исполненіе и онъ приводится. Въ назначенный часъ презрѣнные эмиссары придутъ за своей платой и за полученіемъ новыхъ приказаній. Мы хотимъ вѣрить, что эта безчестная организація составляетъ исключительное явленіе въ цѣломъ мірѣ. Если гдѣ и существуетъ организація, которая можетъ соперничать съ нею, то развѣ только между тугами-душителями въ Индіи можно отыскать ее."

Этотъ ужасъ, охватившій буржуазію, натурально сообщился и цѣлому классу промышленниковъ, тотчасъ же усмотрѣвшихъ вокругъ себя ужасныя сѣти, въ которыя ихъ хотятъ заманить. Подозрительнымъ взоромъ хозяинъ сталъ осматривать своихъ рабочихъ. Ремесленные союзы, которые пользовались такимъ сочувствіемъ въ общественномъ сознаніи, потеряли его, и на всѣхъ ихъ безъ исключенія начали уже смотрѣть подозрительно. Тщетно протестовали они противъ дѣятельности Бродгида и его товарищей, точильщиковъ косъ; тщетно утверждали они, что шеффильдскія преступленія были чисто мѣстнымъ явленіемъ, дѣйствіями общества, единственнаго въ своемъ родѣ;—имъ вспоминали, что послѣ взрыва дома, послѣ этого возмутительнаго происшествія, возбудившаго общественное негодованіе, самое замѣтное и самое сильное негодованіе исходило изъ нѣдръ виновнаго общества; что самъ Бродгидъ назначилъ большое вознагражденіе тому, кто откроетъ правосудію виновника преступленія. Къ этому еще прибавляли, что, даже послѣ открытія ихъ преступленій, Бродгидъ и его соучастники, официально изгнанные изъ общества, въ дѣйствительности оставались главными его членами и вскорѣ потомъ опять были официально приняты въ общество: Бродгидъ большинствомъ 73 голосовъ противъ 71, а Круксъ 109 противъ 37.

Правда ли, что союзъ точильщиковъ косъ былъ дѣйствительно

обществомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ?—этотъ вопросъ тревожно задавала себѣ публика. Парламентъ, не менѣе публики интересуясь разрѣшеніемъ недоумѣнія, назначилъ вторую комиссію въ другіе города, гдѣ, по слухамъ, совершались дѣла подобныя шеффильдскимъ.

Гладстонъ опасался результата такого разслѣдованія; онъ страшился, что оно возбудитъ еще больше подозрѣній съ одной стороны и жалобъ съ другой, и дастъ новый поводъ для ненависти рабочихъ и мести хозяевъ. Въ заключеніе онъ полагалъ, что рѣшительно нѣтъ никакой надобности поднимать архивную пыль для того, чтобы напомнить только о старыхъ преступленіяхъ, не имѣя въ виду даже примѣненія кары за совершеніе ихъ.

Но не таково было общественное мнѣніе страны. Какъ друзья, такъ и враги рабочаго класса одинаково требовали, чтобы изслѣдованіе продолжалось. „Daily News“ весьма дѣльно замѣчала, что медику еще недостаточно ознакомиться съ поврежденіями, какія болѣзнь произвела въ организмѣ больного;—чтобъ излечить болѣзнь, онъ долженъ открыть причину ея. Изслѣдованіе необходимо для уничтоженія разныхъ преувеличенныхъ слуховъ; въ минуту тревоги готовы вѣрить всякому вздору. Только совершенно полное и точное изслѣдованіе можетъ быть поставлено противъ существующаго предубѣжденія, что всѣ рабочіе союзы походятъ на шеффильдскій; оно будетъ актомъ справедливости, очищающимъ отъ подозрѣнія тысячи честныхъ рабочихъ. Оно дастъ факты, а въ фактахъ вся сила.

Наконецъ „Times“ горячо поддерживалъ изслѣдованіе. Онъ не преминулъ только замѣтить, что какъ бы не пришлось дорого поплатиться за обѣщаніе полнаго помилованія за старыя преступленія. Неужели нельзя инымъ способомъ добиться правды? Развѣ нельзя найти обвиняющихъ документовъ. Чтобы доказать справедливость его нападеній на всю массу рабочаго класса, органъ лондонскаго сити не остановился ни предъ какими обвиненіями. Но вѣрно трудно было ихъ добыть, потому что буржуазная газета тверлила все одно и тоже, опираясь на старые, давно всѣмъ извѣстные и совершенно негодные доводы. Впрочемъ скоро, какъ увидимъ ниже, и на ея улицѣ сталъ праздникъ; пошли работать перья ея корреспондентовъ и редакторовъ.

Новая комиссія отправилась по своему назначенію. Мѣстомъ дѣйствія она избрала Ланкаширъ. Обвиненными явились мѣстные кирпичники. Хотя за ними не числилось ни одного убійства, однако же нельзя сказать, чтобы результатъ изслѣдованій былъ для нихъ выгоднѣе результата, полученнаго шеффильдскими точильщиками косъ отъ изслѣдованія надъ ними. Общественное мнѣніе возстало противъ кирпичниковъ едва ли еще не сильнѣе, чѣмъ противъ шеффильдскихъ точильщиковъ. Они имѣли столько враговъ, что противъ нихъ явились показывать и коммерсанты и ремесленники, и фабриканты и рабочіе. Члены кирпичнаго союза не только назначали сами себѣ произвольную заработную плату, на какую, по ихъ словамъ, они имѣли право, но еще требовали отъ предпринимателей, чтобы тѣ брали извѣстныхъ рабочихъ, по выбору союза; чтобы они употребляли тѣ способы обработки, которые имъ укажетъ союзъ; однимъ словомъ они оставляли хозяину одно право,—затрачивать деньги скорѣе въ пользу союза, нежели въ свою собственную. Законы союза, касающіеся товарищей, были еще болѣе тиранническіе. Этихъ послѣднихъ не убивали, какъ въ Шеффильдѣ, но за то имъ часто доставались побои и часто голодали они, лишенные работы по милости своихъ повелителей. Но цитируемъ нѣсколько фактовъ.

Одинъ фабрикантъ жаловался, что онъ долженъ былъ прекратить на два года работы потому, что имѣлъ неосторожность нанять рабочихъ не изъ этой мѣстности. Другой захотѣлъ принять въ свой кирпичный заводъ участникомъ брата своего, занимающагося другимъ ремесломъ. Желая ввести его въ общество кирпичниковъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ его предпріятія, онъ просилъ ихъ принять его брата въ союзъ и предложилъ внести входную плату. Кандидатъ не прошелъ еще ученическаго искуса; общественники признали предложеніе за обманъ и не только отказали въ пріемѣ новаго члена, но даже исключили стараго и наложили запрещеніе на заводъ обоихъ братьевъ-ассоціаторовъ. Дѣла завода пошли плохо и только чрезъ два года раскаянія опальный былъ прощенъ. Къ этимъ показаніямъ присоединились и другіе, говорящіе не въ пользу союза. Подъ страхомъ оставленія работы, рабочіе, члены союза, не позволяли заводчику употреблять новыя машины, даже

и въ томъ случаѣ, если онъ, желая довольствоваться только улучшеніемъ продукта и выигрышемъ времени, всю экономію отъ введенія новаго способа, переведенную на деньги, предоставлялъ въ пользу рабочихъ. Рабочимъ запрещено было заниматься поденной работой, а рядиться только на продолжительные сроки. Сосѣдніе союзы враждуютъ другъ съ другомъ, а въ отвѣтѣ хозяева; когда разыграются страсти рабочихъ конкурирующихъ фабрикъ, каждая сторона старается напакостить другой, какъ можно больше: матеріалъ уничтожается нещадно; достается самимъ машинамъ; потасовки слѣдуютъ одна за другой и часто кончаются битвой на ножахъ, поджогами, арестомъ домашняго скота и даже смертію людей. Но самая отвратительная месть,—это втыканіе въ глину булавокъ и иголокъ съ цѣлію, чтобы противникъ, мѣся глину, накололъ руку и былъ бы не въ состояніи продолжать работу.

Эти новыя свѣденія, добытыя путемъ изслѣдованія, повели къ новымъ, если можно, еще болѣе тяжелымъ обвиненіямъ рабочихъ союзовъ. „Рабочіе союзы, говорила публика, заключая въ себѣ 800,000 членовъ, начинаютъ понимать, что мелкое соперничество не ведетъ ни къ чему и стараются все болѣе и болѣе централизоваться. Что же будетъ, если эта централизація совершится? Что будетъ, если въ одинъ прекрасный день рабочіе, заложивъ руки въ карманы, откажутся работать? Тогда перестанетъ биться пульсъ націи. Остановятся паровозы, пароходы, не будетъ работы телеграфамъ! Нѣкоторые журналы заявили даже требованіе, чтобы парламентъ уничтожилъ право коалицій, и если бы послѣдній билль о реформѣ, расширяющій права избирательства въ рабочемъ классѣ, не былъ уже окончательно вотированъ, надо полагать, что онъ встрѣтилъ бы большія препятствія, и хозяева добились бы большихъ ограниченій правъ рабочихъ.

Къ тому же не надо забывать что спекулятивная горячка въ комерческомъ и промышленномъ мірѣ встрѣтила сильно охлаждающій элементъ въ рабочихъ стачкахъ, весьма серьезно повліявшихъ на размѣръ дохода отъ подобныхъ предпріятій. Уступки, которыя вынуждены были сдѣлать рабочимъ, увеличивая заработную плату, тѣмъ самымъ уменьшали чистый доходъ, остающійся въ пользу хо-

зяина. Это разумѣется усилило и безъ того уже горячіе протесты противъ рабочаго класса. Тутъ кстати еще подоспѣла экспедиція въ Абиссинію. 10 сентября адмиралтейство заявило, что она окончательно рѣшена англійскимъ правительствомъ. Времени оставалось немного, а работы гибель. Пользуясь этимъ, рабочіе, нагружавшіе суда углемъ, потребовали прибавки къ заработной платѣ 25%. Малѣйшая остановка вредила экспедиціи; общественное мнѣніе было возбуждено; слѣдовало такъ или иначе поскорѣе окончить предварительныя работы. Оставалось одно: согласиться на условія, предложенныя угольщиками. Ихъ успѣхъ ободрилъ моряковъ и тѣ заявили требованіе прибавки 60%. Уступили и имъ. За ними поднялись механики, а тамъ и всѣ другіе рабочіе. Стачка за стачкой: остановка работы; петиціи въ парламентъ; — было отчего потерять голову.

Передряга не окончилась до сихъ поръ; всѣ недовольны; и теперь рабочіе, въ особенности ремесленныхъ союзовъ, болѣе чѣмъ когда либо стоятъ внѣ своего права и готовы отдаться въ руки всякому мошеннику казначею или секретарю, который, подобно Бродгиду, съумѣетъ заставить ихъ вотировать по своему усмотрѣнію.

Натянутое положеніе не могло долго продолжаться, и реакція наступила, не только въ рядахъ буржуазіи, но даже въ рядахъ пролетаріата. Составились два или три союза *) противъ, какъ торжественно заявляли протестанты, тиранніи прежнихъ союзовъ. Они громко говорили о свободѣ труда, о правѣ каждаго гражданина работать, если онъ находитъ работу, прошелъ ли онъ ученическій искусъ или не прошелъ. Они утверждали, что деспотизмъ хозяина легче перенести, чѣмъ деспотизмъ десятковъ ихъ товарищей. Они заявляли, что предпочитаютъ быть эксплоатированными другими, нежели самимъ эксплоатировать этихъ другихъ. Они увѣряли, что хозяева вовсе не такъ дурны, какими старались ихъ представить. Но уніонисты не хотѣли брать на себя трудъ диспутировать съ своими противниками; они ихъ третировали отступниками, трусами

*) Самый главный между землекопами въ Стравели, въ графствѣ Дерби, другой извѣстный въ Лидсѣ.

и негодяями; они напоминали имъ, что это величайшій абсурдъ гордиться великодушіемъ своихъ враговъ и обезоруживать себя въ то время, когда враги остаются въ полномъ вооруженіи. Одно изъ противусоюзныхъ обществъ включило въ свой статутъ оговорку, что оно ни въ какомъ случаѣ не употребитъ для поддержанія стачки своихъ средствъ, которыя оно сохранитъ исключительно для взаимной помощи. Это рѣшеніе имѣло своимъ мотивомъ случай, надѣлавшій не мало шума въ Англіи: общество бочаровъ просило центральный совѣтъ ремесленныхъ союзовъ о помощи, которая бы дала имъ возможность пережить тяжелый періодъ рабочаго прогула. Въ этой просьбѣ имъ отказано не потому, чтобы совѣтъ не имѣлъ денегъ, или что нищета и честность просителей подвергалась сомнѣнію, но потому, что бочары лишены были работы не вслѣдствіе стачки, а по особымъ исключительнымъ обстоятельствамъ. „И такъ, сказали бочары, наше бѣдствіе васъ трогаетъ мало; вы заботитесь только о томъ, чтобы налагать наказаніе на хозяевъ; вы не друзья рабочихъ, вы только враги хозяевъ.“

Кооперативныя общества оставались хладнокровными зрителями и безпристрастными судьями въ этой борьбѣ. Они признавали за рабочими право составлять коалиціи въ исключительныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ прямо ихъ касающихся,— право, которымъ не разъ съ большею выгодою для себя пользовались хозяева. Столько разъ доказывалось, говорили они, что работа есть ничто иное какъ товаръ, цѣна котораго зависитъ отъ постоянныхъ колебаній спроса и предложенія;— и теперь нельзя уже находить вреднымъ, если этотъ товаръ постоянно повышаетъ свою цѣну на торговомъ рынкѣ. Экономисты, такъ краснорѣчиво доказывающіе свой принципъ „Laissez faire“, когда дѣло идетъ о хозяевахъ,—становятся коснязычными, если имъ приходится примѣнять этотъ принципъ къ рабочимъ. Оптимисты, которые думаютъ, что все хорошо въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, находятъ разумныя причины для удерживанія низкой нормы заработной платы, но они же готовы дѣлаться пессимистами, если дѣло идетъ о достоинствахъ болѣе возвышеннаго заработка.

Когда имѣютъ въ виду только свое собственное право, всегда является опасность превысить его; когда думаютъ только о себѣ,

легко дѣлаются вредными эгоистами и дурными людьми. Точильщики косъ въ Шеффильдѣ и кирпичники въ Ланкаширѣ своими дѣйствіями возбудили противъ себя общее негодованіе, и дали поводъ обвинить всѣхъ своихъ товарищей, членовъ ремесленныхъ союзовъ, въ томъ, что они поступаютъ несправедливо съ хозяевами, своими союзниками, и пользуясь случаемъ, вымогаютъ отъ нихъ разныя уступки. Безъ сомнѣнія не всѣ ремесленные союзы поступаютъ такимъ скернымъ образомъ. Рабочихъ обвиняютъ въ деспотизмѣ, въ непониманіи разумной свободы и даже въ отсутствіи здраваго смысла. По словамъ ихъ противниковъ, результатомъ такихъ дѣйствій рабочаго класса можетъ быть совершенный упадокъ англійской промышленности и еще цѣлая куча другихъ серьезныхъ бѣдствій.

Трудно, разумѣется, требовать хладнокровнаго обсужденія фактовъ въ то время, когда разыгрываются страсти. Между рабочими и хозяевами идетъ борьба; понятно, что и въ томъ и другомъ лагерѣ можно найти не мало предлоговъ къ упрекамъ. И оттуда и отсюда можно вырывать отдѣльные факты, обобщать ихъ и на этомъ строить цѣлую систему обвиненій. Противъ рабочихъ-уніонистовъ особенно горячо возстаютъ рабочіе, непринадлежащіе къ союзамъ. Нельзя не охуждать нѣкоторыхъ изъ ихъ крайностей, но ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ частный случай возводить въ общій принципъ.

Узкопля разумность коалицій между рабочими и ихъ хозяевами и охуждая результаты, къ которымъ они часто приводятъ, мы нисколько не противорѣчимъ своимъ принципамъ. Мы, разумѣется, не вѣримъ въ совѣты, составленные изъ мудрецовъ, въ родѣ промышленной палаты, хотя она и была учреждена по мысли престонскихъ союзовъ и утверждена шеффильдскими. Эти учрежденія чисто офиціозныя, и если бы они перестали быть такими, они потеряли бы весь смыслъ своего существованія. Ихъ учредили затѣмъ, чтобы они, въ случаѣ несогласій между рабочими и хозяевами, находили средства къ примиренію спорныхъ сторонъ. Они должны склонять враждующихъ на взаимныя уступки—и только; дальше имъ дѣлать нечего; они не имѣютъ ни права, ни силы уничтожить причины, возбуждающія несогласія между соперничающими сторонами. Невоз-

можно примирить интересы въ то время, когда они находятся въ постоянной борьбѣ; гораздо разумнѣе уничтожить самый антагонизмъ. Если кооперативныя общества возбуждаютъ мало-по-малу къ себѣ сочувствіе всѣхъ разсуждающихъ людей, то это потому, что идея ассоціаціи уничтожаетъ понятіе о кастовомъ устройствѣ, она соединяетъ въ одномъ и томъ же лицѣ повидимому самыя противоположные интересы,—интересы хозяина и рабочаго, кредитора и должника, продавца и покупателя, производителя и потребителя. Они дѣло чистой справедливости.

Трудно Англіи разрѣшить рабочій вопросъ, трудно помирить столько различныхъ повидимому непримиримыхъ интересовъ. Однакоже исторія Англіи указываетъ намъ, что англійскому народу въ теченіи полутора тысячъ лѣтъ его существованія представлялось не мало трудныхъ вопросовъ на разрѣшеніе. Борьба всегда была упорная, но постоянно приводила къ болѣе или менѣе безобидному ихъ разрѣшенію. Тоже, и не въ очень далекомъ будущемъ, предстоитъ и рабочему вопросу. Давно ли въ Великобританіи шла упорная религіозная борьба, а посмотрите, теперь двѣ трети англичанъ и шотландцевъ принадлежатъ къ различнымъ религіознымъ сектамъ, по своимъ принципамъ болѣе или менѣе удаляющимся отъ принциповъ господствующей церкви. Приводимъ здѣсь списокъ всѣхъ этихъ сектъ, офиціально опубликованный англійскимъ правительствомъ. Впрочемъ, по признанію самихъ составителей, онъ не совсѣмъ полонъ, однакоже очень близокъ къ дѣйствительному.

Въ списокъ вошли имена слѣдующихъ сектъ: Апостолическая церковь; Новѣйшіе арминіане; Баптисты; Вѣрующіе баптисты; Вѣрующіе въ Христа; Библейскіе христіане; Защитники библіи; Братья-кальвинисты; Кальвинистскіе баптисты; Римскіе католики; Апостолическіе католики; Христіане; Вѣрующіе христіане; Братья во Христѣ; Христіане Эліиты или Эліазиты; Христіане—дѣти Израиля; Христіане-титоталеры (члены общества трезвости); Воздержные христіане; Христіане-уніонисты; Шотландскіе христіане; Христіане христовой церкви; Коннексіонисты графства гунтингдонъ; Послѣдователи Христа; Греко-восточная церковь; Эклектики; Епископальная церковь; Евангелическая церковь; Спутники Христа;

Свободно-евангельскіе христіане; Свободные христіане; Епископальная свободная церковь; Вселенскіе баптисты; Нео-баптисты; Вселенская церковь; Нѣмецкіе лютеране; Нео-католики; Католико-романо-нѣмецкіе ружисты; Дѣти аллелуіа; Индепенденты; Независимые реформаторы; Независимые уніонисты; Люгамиты; Послѣдователи Ирвинга; Евреи; Мормоны или святые послѣдняго дня; Нео-методисты; Нео-Уэслеяне; Нео-гіероеалемиты или сведенборгіане; Новая церковь; Старые баптисты; Старые Уэслеяне; Дербисты или плимутскіе братья; Избранный народъ; Пресвитеріане; Первобытные методисты; Прогрессисты; Протестанты, признающіе только 18 первыхъ членовъ англиканскаго исповѣданія; Зависящіе отъ промысла Божія; Квакеры; Рэнтьеры; Реформаты; Реформированные пресвитеріане или ковэнантеры; Скакуны; Методисты города убѣжища; Уэслеянскіе методисты свободной реформированной церкви; Пробудители; Салемиты; Гласситы; Шотландскіе баптисты; Братья втораго пришествія; Протестанты сепаратисты; Баптисты седьмого дня; Конгрегаціонисты Свидѣтельства; Тринитэры; Соединенные баптисты; Унитэры; Соединенные методисты; Моравскіе братья или гернгутеры; Соединенные пресвитеріане; Методисты-кальвинисты гальскіе; Свободные пресвитеріане; Ассоціація уэслейскихъ методистовъ; Уэслейскіе реформаторы; Дѣти славы въ уэслейской реформѣ.

Дорого заплатила Англія за науку, пока выучилась мудрому принципу вѣротерпимости. Нынче уживаются въ ней вмѣстѣ самыя разнообразныя вѣроисповѣданія, и если порой и проявляется фанатизмъ, то преимущественно противъ католиковъ. Но здѣсь религіозная вражда идетъ объ руку съ національной. Англичане и ирландцы взаимно ненавидятъ другъ друга. Но всѣ бѣдствія падаютъ на долю Ирландіи.

Постоянное уменьшеніе народонаселенія въ этой несчастной странѣ—фактъ не новый и каждому извѣстный изъ періодическихъ народныхъ переписей, публикуемыхъ постоянно и акуратно. Но чего нѣтъ въ этихъ переписяхъ и что кажется почти неизвѣстно публикѣ,—это, постоянное увеличеніе на несчастномъ островѣ числа

хромыхъ, слѣпыхъ, идіотовъ и глухо-нѣмыхъ. Число это увеличивается прогрессивно, не смотря на уменьшеніе общаго числа народонаселенія.

Такъ въ 1846 году слабосильныхъ, хромыхъ, безумныхъ и идіотовъ считалось 25,322 человѣка; теперь же число ихъ дошло до 31,330. Но двадцать лѣтъ тому назадъ народонаселеніе Ирландіи доходило до 8,250,000 человѣкъ: теперь же цифра эта упала до 5,574,105. Отношеніе этихъ несчастныхъ къ общему населенію страны было: въ 1846 году 307 изъ 100,000; теперь же 562.

Оптимисты готовы пожалуй объяснять этотъ печальный фактъ тѣмъ, что нынѣ собираемыя статистическія свѣденія гораздо болѣе точны, чѣмъ тѣ, какими пользовались при переписи 1846 года. Но къ ихъ несчастію наука гораздо проще объясняетъ это дѣло. Она знакомитъ насъ съ двумя интересными фактами, касающимися зеленаго острова.

Во-первыхъ, постоянно увеличивающееся превышеніе женскаго населенія надъ мужскимъ, доходящее теперь до 184,756 индивидумовъ. Это и понятно. Эмиграція увлекаетъ за собой только здоровыхъ людей, оставляя дома хромыхъ, слѣпыхъ и пр., а также и много женщинъ.

Во-вторыхъ, ирландцы эмигрируютъ не только въ Соединенные штаты; они селятся также и въ Англіи, куда, не взирая на національныя предубѣжденія, ихъ загоняетъ голодъ. Въ Ирландіи голодъ—явленіе постоянное. А гдѣ постоянный голодъ, тамъ спутниками его всегда бываютъ безпорядки и несправедливости. Въ то время, какъ въ Англіи и Валлисѣ было осуждено 289,404 человѣка, въ Ирландіи число ихъ доходило до 601,634.

Къ этому надо прибавить, что изъ 10,000 англичанъ 6 имѣютъ своимъ обиталищемъ тюрьму, въ то время, какъ изъ того же числа людей лишается свободы 30 ирландцевъ.

Послѣдствіе нищеты, фенianизмъ самъ служитъ источникомъ ея. Подъ вліяніемъ ненависти ирландская производительность быстро уменьшается. Съ каждымъ годомъ все чаще и чаще пахатныя земли обращаются въ пастбища. Не такъ давно лордъ-лейтенантъ Ирландіи сообщалъ, что съ 1860 года болѣе 200,000 гектаровъ

земли отнято отъ земледѣлія, а въ теченіе шести первыхъ мѣсяцевъ этого года оставило Ирландію 48,000 человѣкъ.

Чѣмъ разыграется феніанизмъ: окончится ли онъ также, какъ и прежнія подобныя попытки ирландцевъ, или заставитъ англійское правительство произвести коренныя реформы — скажетъ будущее. Мы не хотимъ брать на себя роль прорицателей; но замѣтимъ только, что англійскому правительству какъ-то несчастливится въ Ирландіи. Какія бы реформы оно тамъ не предпринимало, всѣ они не прививаются и не улучшаютъ положенія бѣдствующаго народа. Одна только реформа тамъ будетъ благотворна—земельная, но о ней говорить здѣсь не мѣсто.

Не большимъ счастіемъ обладаетъ англійское правительство и въ выборѣ правителей для своихъ внѣ-европейскихъ владѣній. Еще такъ недавно весь цивилизованный міръ былъ возмущенъ поступками англійской администраціи въ Ямайкѣ. Теперь предстоитъ ему знакомится съ печальной лѣтописью страшныхъ человѣческихъ бѣдствій, предупредить которыя было во власти англійской администраціи, но она, по обыкновенію, ничего не сдѣлала.

Англійскіе журналы сообщаютъ нѣсколько подробностей объ ужасномъ голодѣ, опустошившемъ округъ Орисса въ Индіи. Англійскій народъ негодуетъ, читая ужасную повѣсть человѣческихъ бѣдствій; онъ чувствуетъ свою вину, его мучаютъ угрызенія совѣсти. Да и какъ не негодовать, какъ не краснѣть?—Такая громадная провинція, какъ Бенгалія, которая при хорошемъ управленіи и при разумномъ распоряженіи своею производительностію, могла бы прокормить цѣлый міръ, сама испытываетъ бѣдствія голода! Есть надъ чѣмъ задуматься! Великая отвѣтственность за это дѣйствіе ляжетъ на совѣсти британскихъ правителей этой несчастной страны!

Слѣдственная комиссія, назначенная англійскимъ правительствомъ, заключающая въ своемъ составѣ людей дѣльныхъ и добросовѣстныхъ, и, разумѣется, неимѣющая причины увеличивать цифры бѣдствій, опредѣляетъ число жертвъ голода въ 700,000 человѣкъ. Это составляетъ четвертую часть населенія округа Орисса. У горцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Ориссой, смертность представляетъ еще болѣе печальную пропорцію.

Однако же этотъ ужасный голодъ можно было предвидѣть заранѣе и были люди, которые предваряли о немъ правительство. Еще въ октябрѣ 1865 года орисскій префектъ просилъ калькутское правительство объ облегченіи налоговъ, ссылаясь на неурожай, обнаружившійся почти во всемъ округѣ. Финансовое вѣдомство нашло, что этотъ мотивъ былъ слишкомъ недостаточенъ.

По мѣрѣ того, какъ опорожнялись житницы, увеличивалось число имѣющихъ желаніе и необходимость покупать хлѣбъ. Цѣны возвышались непомѣрно, и чтобы помочь бѣдѣ, правительство выступило съ циркуляромъ, которымъ предписывалось мѣстнымъ властямъ установить таксы на продаваемые продукты. При этомъ прибавлялось, что населеніе не должно расчитывать на помощь со стороны правительства: что прокормленіе бѣдныхъ и голодныхъ вовсе не лежитъ на его обязанности; и что каждый долженъ заботиться о себѣ самъ. Чтобы еще болѣе усилить это замѣчательное дѣловое краснорѣчіе мы, съ своей стороны, прибавимъ, что пять шестыхъ удобной земли округа принадлежитъ самому англійскому правительству, а мѣстное населеніе изъ остальной шестой части должно прокормить себя и заплатить *всѣ* налоги.

Извѣстія приходили все тревожнѣе и тревожнѣе и хладнокровные къ бѣдствіямъ калькутскіе администраторы рѣшились... изъ страха взволновать страну, запретить производить какое либо разслѣдованіе. А чтобы успокоить умы, эти великіе политики приказываютъ мѣстнымъ чиновникамъ заняться немедленно сборомъ налоговъ.

Но мѣстные чиновники не раздѣляли правительственнаго оптимизма. Они рѣшились просить высшій административный совѣтъ въ Калькуттѣ, чтобы онъ разрѣшилъ выдать округу извѣстную сумму въ счетъ платы рабочимъ за будущія общественныя работы. Въ этомъ категорически отказано, какъ въ мѣрѣ совершенно противной принципамъ политической экономіи. Чиновники не унялись; они просили о присылкѣ въ ихъ распоряженіе извѣстнаго количества рису. Правительство отвѣчало: „мы не торговцы рисомъ; мы вовсе не хотимъ подрывать торговлю мѣстныхъ купцовъ; мы не желаемъ вмѣшиваться въ торговыя сдѣлки. Предложеніе регулируется спро-

сомъ, а спросъ регулируется предложеніемъ. Колебанія спроса и предложенія, подобно движенію маятника, уравниваютъ соціальный механизмъ". Какіе, подумаешь, свѣтила науки эти калькутскіе администраторы! Какъ ловко и хитро они примѣняютъ принципы мальтузіанской политической экономіи!

Мѣстные чиновники однако же не успокоились. У нихъ явилась охота полемизировать съ своими старшими. Они скромно замѣтили, что было бы недурно, еслибъ впредь до окончанія бѣдствія, въ ихъ округѣ, всѣ уплаты правительство производило не деньгами, а рисомъ. Изъ Калькутты отвѣчали: „Деньги есть мѣрило всѣхъ цѣнностей; ими удобнѣе всего производить всевозможные расчеты. Плата же натурою будетъ недобросовѣстнымъ нововведеніемъ: она произведетъ подрывъ торговлѣ; массы риса наводнятъ округъ, потеряется равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ. А это будетъ несправедливо. Слѣдовательно, мы будемъ продолжать уплату наличными деньгами!"

Что прикажете отвѣчать на такъ искусно мотивированную аргументацію? Лучше всего молчать. Но голодные просятъ помощи и совѣта, и обезкураженные чиновники вынуждены успокоивать ихъ увѣреніемъ, что имъ нечего ожидать отъ правительства.

Пока продолжалась интересная корреспонденція между Калькуттой и Ориссой, прошли мѣсяцы. Въ это время положеніе народа становилось все хуже. Голодъ и болѣзни уже свирѣпствовали; можно было опасаться возмущенія. Тогда ученые экономисты рѣшились снизойти съ своихъ пьедесталовъ и поступиться своими заученными экономическими принципами. Они сдѣлали распоряженіе, чтобы мѣстныя власти выдали на каждую волость пособія 1200 франковъ. Пришлось ли по 12 сантимовъ на человѣка или немного болѣе,—мы не знаемъ, но фактъ подобнаго распоряженія кажется нечего комментировать. Калькутское правительство полагало, что дѣлало свое дѣло, но на его несчастіе немного въ лучшемъ положеніи, чѣмъ народъ, были и войска, расположенныя въ Ориссѣ. Они также вынуждены были держаться строгаго поста. Офицеры послали телеграмму, гласящую такъ: „Намъ нуженъ рисъ; мы хотимъ рису!"

Это требованіе очень не понравилось калькутскому правительству, и оно намѣревалось признать его невыполнимымъ, но сторону своихъ офицеровъ принялъ самъ генералъ-губернаторъ Индіи. Правительственный совѣтъ покорился, но ухитрился послать рисъ на парусныхъ судахъ, не смотря на то, что въ гавани стояли праздными нѣсколько пароходовъ. Но это были пароходы, принадлежащія правительству, отправить ихъ значило нанести ущербъ частнымъ лицамъ, хозяевамъ судовъ, которые не отказались получить за перевозку риса весьма значительную плату. Какое горе, что этимъ ученымъ экономистамъ, администраторамъ правительственнаго калькутскаго совѣта пришлось дѣйствовать не въ Манчестерѣ, Дублинѣ, Гласго или Эдинбургѣ, гдѣ они съ большимъ удобствомъ могли бы изощрять свои таланты! А то судьба занесла ихъ бѣдныхъ такъ далеко, на берега Ганга!

Наконецъ голодъ дошелъ до крайнихъ своихъ предѣловъ.

„Никакое описаніе, сообщаетъ м-ръ Милль, миссіонеръ,—не можетъ дать настоящаго понятія о томъ, что мнѣ привелось увидѣть. Никогда не бывало примѣра, чтобы индусъ ѣлъ собакъ или кошекъ, или даже корову, которую онъ считаетъ божествомъ,—теперь я видѣлъ, какъ эти несчастные пожирали трупы своихъ дѣтей. Сотни людей погибали на поляхъ или въ лѣсахъ, гдѣ дѣлались добычей хищныхъ звѣрей, а другіе люди приходили на эти мѣста и подбирали остатки обѣда своихъ четвероногихъ враговъ. Невозможно разсказать,—какія мученія терпѣли несчастные; нѣтъ возможности вѣрно опредѣлить цифру этихъ ужасныхъ жертвъ.....“

Люди въ ужасѣ разбѣгались по лѣсамъ, въ городахъ и деревняхъ оставались одни больные; некому имъ было помочь; и неудивительно, что могло, напримѣръ, случиться, почти на глазахъ англійскаго медика, такое ужасное событіе: у одной женщины, еще владѣющей руками, собака разорвала животъ и стала лакомиться ея внутренностями.

Чтобы помочь ужасному бѣдствію, правительство рѣшилось произвести въ округѣ Орисса работы въ обширныхъ размѣрахъ. На дороги свезенъ камень и обѣдпѣвшему народу предложили бить его за значительную заработную плату. Но ослабѣвшія руки не

могли владѣть тяжелымъ молотомъ, и работа не подвигалась впередъ;—пришлось несчастнымъ разойдтись по домамъ. Слабость людей доходила до того, что, напримѣръ, въ Балазорѣ, гдѣ выставлены были палатки съ рисомъ, который, въ видѣ милостыни, могли получать нуждающіеся, почти не оказалось такихъ, которые имѣли бы силу придти за даровымъ хлѣбомъ. Люди ослабѣли до того, что не слышно уже было даже ропота. Совершенная апатія овладѣла всѣми.

Такой голодъ случился въ странѣ, имѣющей притязаніе считаться царствомъ риса!

А все-таки калькутскіе экономисты выдержали до конца свой характеръ. Они непоколебимо повторяли уроки, пройденные ими по Макъ-Кулоху. „Пусть гибнетъ цѣлый индусскій народъ, но мы не дозволимъ себѣ нарушить великій принципъ спроса и предложенія!“ съ гордостію повторяли они.

Мало Англіи эксплоатировать Индію. Она готова запустить свою загребистую лапу въ страну, сосѣднюю съ Индіею, въ страну, населенную четвертью или даже почти третью жителей всего земнаго шара. Населеніе небесной имперіи живетъ тѣсно, ѣстъ плохо, и очень близко то время,—можетъ быть гораздо ближе, чѣмъ можно это предполагать,—когда китайское правительство вынуждено будетъ открыть свободный путь для эмиграціи своихъ подданныхъ въ другія страны. Мы полагаемъ, что рано или поздно монгольскій элементъ окажетъ огромное вліяніе на новыя помѣси расъ; онъ войдетъ туда въ такихъ размѣрахъ, которые будутъ не совсѣмъ пріятны для патриціевъ аріанскаго происхожденія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ обратить вниманіе на смѣшеніе расъ, происходящее на нашихъ глазахъ на Антильскихъ островахъ и въ Америкѣ;—на помѣсь черныхъ и бѣлыхъ романскаго происхожденія въ южной Америкѣ, и на помѣсь черныхъ и бѣлыхъ англо-саксовъ въ Соединенныхъ штатахъ. Смѣшеніе между бѣлыми и желтыми представляетъ болѣе затрудненій—это правда: нескоро уляжется тысячелѣтняя ненависть, вооружившая сыновъ Ирана и Турана другъ противъ друга; однакоже эти, хотя и очень важныя затрудненія не исключаютъ возможности совершеннаго примиренія въ близкомъ будущемъ. Уже теперь индійскій

архипелагъ паводняется китайцами. Китайцы берутся за все: для нихъ нѣтъ ничего ни слишкомъ высокаго, ни слишкомъ низкаго; они и банкиры, и оптовые торговцы; не удалось достигнуть высокаго коммерческаго положенія, они не гнушаются мелкой торговлей, барышничествомъ; ихъ можно увидѣть въ числѣ тряпичниковъ, содержателей кабаковъ,—всякое дѣло имъ подходящее, если оно даетъ наживу. Они очень умѣренны, довольствуются малымъ. Если бы не ихъ страсть къ опіуму и игрѣ, они навѣрное захватили бы въ свои руки всю торговлю и промышленность.

Китайцы охотно переселяются въ Австралію, гдѣ не брезгаютъ даже жалкими пустырями. Въ Европѣ мы встрѣчаемъ немногіе ихъ обращики въ Лондонѣ, Парижѣ и на русскихъ ярмаркахъ. Но въ Соединенные штаты они начали уже переселяться значительными партіями. Ихъ колоніи устроиваются въ Калифорніи, немало ихъ и въ главномъ городѣ штата Санъ-Франциско. Въ исторіи міра англо-французская экспедиція въ Крымъ оставитъ, можетъ быть, менѣе слѣдовъ, нежели водвореніе нѣсколькихъ десятковъ китайцевъ въ Нью-Іоркѣ; они занялись тамъ продажей табаку, фабрикаціей сигаръ, приняли на себя должности трактирныхъ слугъ, поваровъ на судахъ. Плантаторы въ Луизіанѣ стали приглашать къ себѣ китайскихъ кули, чтобы ихъ работой сдѣлать конкуренцію своимъ прежнимъ рабамъ и ирландцамъ. Десять тысячъ китайцевъ употреблены на земляныя работы, при постройкѣ желѣзной дороги отъ Тихаго океана къ Атлантическому. Благодаря ихъ трудолюбію, а также искуству двухъ инженеровъ строителей, работы на этой желѣзной дорогѣ подвигаются впередъ съ невѣроятною скоростію. Какъ скоро будетъ открыта эта линія желѣзной дороги, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эмиграція китайцевъ въ Соединенные штаты и въ Европу усилится въ серьезныхъ размѣрахъ и привлечетъ на себя вниманіе экономистовъ. Эти десять тысять рабочихъ получаютъ такую заработную плату, отъ которой навѣрное отвернулся бы самый невзыскательный рабочій другихъ націй. Если принять во вниманіе высокія цѣны на продукты, существующія въ Соединенныхъ штатахъ, то плата по доллару въ недѣлю, или около 20 коп. въ рабочій день,—покажется положительно безсовѣстной, и навлечетъ

на хозяевъ предпріятія обвиненіе въ эксплуатаціи рабочихъ. Но эти удивительные люди—китайцы находятъ возможнымъ содержать себя 7—8 копѣйками въ день, и откладывать остатокъ отъ заработной платы въ свой запасной капиталъ. Они питаются собаками, кошками, крысами, мышами, гусеницей, жуками, науками и всякими другими насѣкомыми. Они мирятся съ подобной невкусной пищей, хотя, разумѣется, не откажутся и отъ другой болѣе вкусной и питательной.

Если бы эмиграція китайцевъ въ Европу была предпринята въ значительныхъ размѣрахъ, первымъ дѣйствіемъ ея было бы пониженіе заработной платы, что, разумѣется, опасно не только для рабочихъ, но и для всѣхъ другихъ классовъ общества. Но кажется пѣтъ причины, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, расчитывать на близкую возможность такого событія. Также можно съ меньшей увѣренностію сказать, что Джонъ-Булю не удастся полакомиться насчетъ китайцевъ!

Жакъ Лефренъ.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОКЪ ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1. Въ **Бѣлозерскъ**, Новгород. губ. **П. В. Пуш—скому.** Подписка ваша на 2-е получ. журнала ,,Дѣло" доставлена въ редакцію изъ Р. Кн. Торговли только 14 ноября. Книжки 7, 8, 9, 10 немедленно отправлены Вамъ.

2. Въ **С. Тюбукъ,** Пермск. губ., чрезъ Кужинскую станц. **Пв. Ал. Рус—ву.** По отзыву Газ. Экспедиціи на запросъ редакціи, 2 и 5 книжки высланы Вамъ своевременно.

3. Въ **Краснослободскъ.** Библ. 147 Пѣх. Самарскаго полка. Газ Экспедиція на сдѣланный ей запросъ по вашей жалобѣ отвѣчаетъ Редакціи, что 7 кн, ,,Дѣла" отправлена Вамъ 19 іюля; 9 кн,—18 сент. и 10 кн. 23 октября. Газ. Экспедиція сообщила почтовой конторѣ о немедленномъ удовлетвореніи вашего требованія.

4. Въ г. **Курганъ**. Тобольской губ. Купеческ. сыну **Кропанину.** Вслѣдствіе Вашей жалобы на неполуч. первыхъ №№ ,,Дѣла" была наведена справка *вторично* въ Газ. Экспедиціи. *Вторично* Газ. Экспедиція отвѣчаетъ, что №№ 1—7 были отправлены Вамъ 17 іюля; № 8—17 авг. и № 10 окт. 23. Просимъ увѣдомить, если и послѣ этого Почт. Конт. не удовлетворитъ вашей жалобы.

5. Въ **Ялуторовскъ.** г. **Пак—ву.** 7-я книжка, по отзыву Газ. Экспедиціи на запросъ редакціи, отправлена Вамъ 19 іюля.

6. Въ **Бѣлгородъ А. И. Слат—ну.** 6-я кн. выслана Вамъ 12 іюня, какъ увѣдомляетъ Редакцію Газ. Экспедиціи. Сообщено Бѣлгор. Почт. Конторѣ о немедленномъ удовлетвореніи Васъ.

7. Въ **Шостенскій** порох. зав. Глуховск. улзда **А. В. Кол—ко.** 7-я кн. отправлена Вамъ 7 октября, какъ увѣдомляетъ о томъ Редакцію Газ. Экспедиціи,

8. Въ **Сел. Медвѣжье,** Ставроп. губ. Г-ну. **Тере—ко.** №№ 1—8 посланы Вамъ, по отзыву Газ. Экспедиціи на запросъ ,Редакціи, 3 августа, № 9 посланъ 26 сентября, а № 10—23 октября.

9. Въ **Керчь.** Библ. 51-го Литовскаго пол. Подписка на 2-ое полугодіе изъ кн. маг. Кожанчикова получена только 26 октября; книжки отправлены Вамъ немедленно.

10. Въ г. **Севастополь.** Библ. 50-го пѣх. Бѣлостокскаго полка. По отзыву Газ. Экспедиціи № 4 отправленъ Вамъ въ Алешки 16 марта, а № 7—17 іюля.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

Призраки и жизнь. Повѣсть. (Окончаніе) . . *А. А. Слѣпцова.*

Очерки изъ исторіи сѣверо-американскаго союза. (Ст. первая) . . . . . *Н. В. Шелгунова.*

Умственныя направленія русскаго раскола. (Продолженіе) . . . . . *А. И. Щапова.*

Ткачъ и паукъ. (Стихотвореніе). . . . . *В. Доппельмайера.*

Очерки изъ исторіи европейскихъ народовъ.—Италіянцы. (Окончаніе). . . . *Д. И. Писарева.*

Te Deum. (Стихотв.) . . . . . *М. Стопановскаго.*

Вологодскія кружевницы. . . . . *Н. В. Шелгунова.*

Семейство лѣсничаго. Романъ Ф. Шпильгагена. (Окончаніе восьмой книги).

У гроба. (Стихотвореніе) . . . . . *Омулевскаго.*

Психологическіе этюды . . . . . *Л. Д. Калонна.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нѣмецкіе идеалисты и филистеры.) Deutsche cultur und Sittengeschichte, von Johannes Scherr. Leipzig. 1866.) (Ст. вторая). *П. Н. Ткачева.*

Новыя книги. . . . . *П. Н. Ткачева.*

ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВІЕ ИЛИ ПРОЛЕТАРІАТЪ. *Изслѣдованія В. Г. Рилля. Перев. съ 5-го нѣмецкаго, изд. Ландау. С.-Петербургъ, 1867 г.* — НАШИ ИДЕАЛИСТЫ И РЕАЛИСТЫ. *А. Немировскаго. С.-Петербургъ, 1867 г.* — О ЗНАЧЕНІИ ИСКУСТВА ВЪ ЦИВИЛИЗАЦІИ. *К. Эдельсона. С.-Петербургъ, 1867 г.* — ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ О ЖЕНЩИНѢ. *I. Женщина первобытная. Михаила Библіомана. С.-Петербургъ, 1867 г.*

Внутреннее обозрѣніе . . . . . *Гдб.*

Судьбы русскаго образованія, начиная съ Петра Великаго.— Узко-реальныя цѣли образованія.—Общественный характеръ образованія при Екатеринѣ Второй.—Попытки создать «новую породу людей» путемъ образованія.—Реакція времени Павла Петровича.—Свободно-реальное образованіе начала девятнадцатаго вѣка.—Реакція крайняго мистицизма.—Характеръ учебныхъ заведеній.—Образованіе въ царствованіе Николая Павловича.—Свобода образованія въ царствованіе Императора Александра II.—Свобода университетовъ и распространеніе образованія между всѣми сословіями.—Открытіе женскихъ гимназій.—Реальное направленіе.—Классическое направленіе.—Возрожденіе теорій, уже признанныхъ однажды несостоятельными. Противорѣчіе между направленіемъ образованія и потребностями жизни.—Можетъ ли считаться подобное направленіе прочнымъ?

Новости заграничной жизни . . . . . *Жака Лефреня.*

I) Эпопея труда—городъ Чикаго.—Начало Чикаго.—Громадное болото.—Плодородная степь.—Хлѣбная торговля Чикаго.—Хлѣбъ, превращенный въ свиней.—Торговля рогатымъ скотомъ.—Мосты.—Желѣзныя дороги.—Каналы.—Городъ, поднятый на воздухъ.—Мѣры противъ уничтоженія міазмовъ.—Водопроводы.—Фабричная дѣятельность Чикаго.—Часовая мануфактура.—Причина процвѣтанія Чикаго.—Воспитаніе юнаго поколѣнія.—Учебныя заведенія, обсерваторія, музей—Періодическая пресса въ Чикаго.—Книжная торговля.

II) Англійскій пролетаріатъ.—Ремесленные союзы.—Шеффильдскіе ткачи.—Бродилъ. Ланкаширскіе кирпичники.—Негодованіе буржуазіи.—Борьба ея съ ремесленными союзами.—Борьба послѣднихъ съ рабочими, непринадлежащими къ союзамъ.—Кооперативныя общества.—Религіозныя секты въ Англіи.—Уменьшеніе народонаселенія въ Ирландіи.—Ужасы голода въ Индіи.—Піонеры китайской эмиграціи.